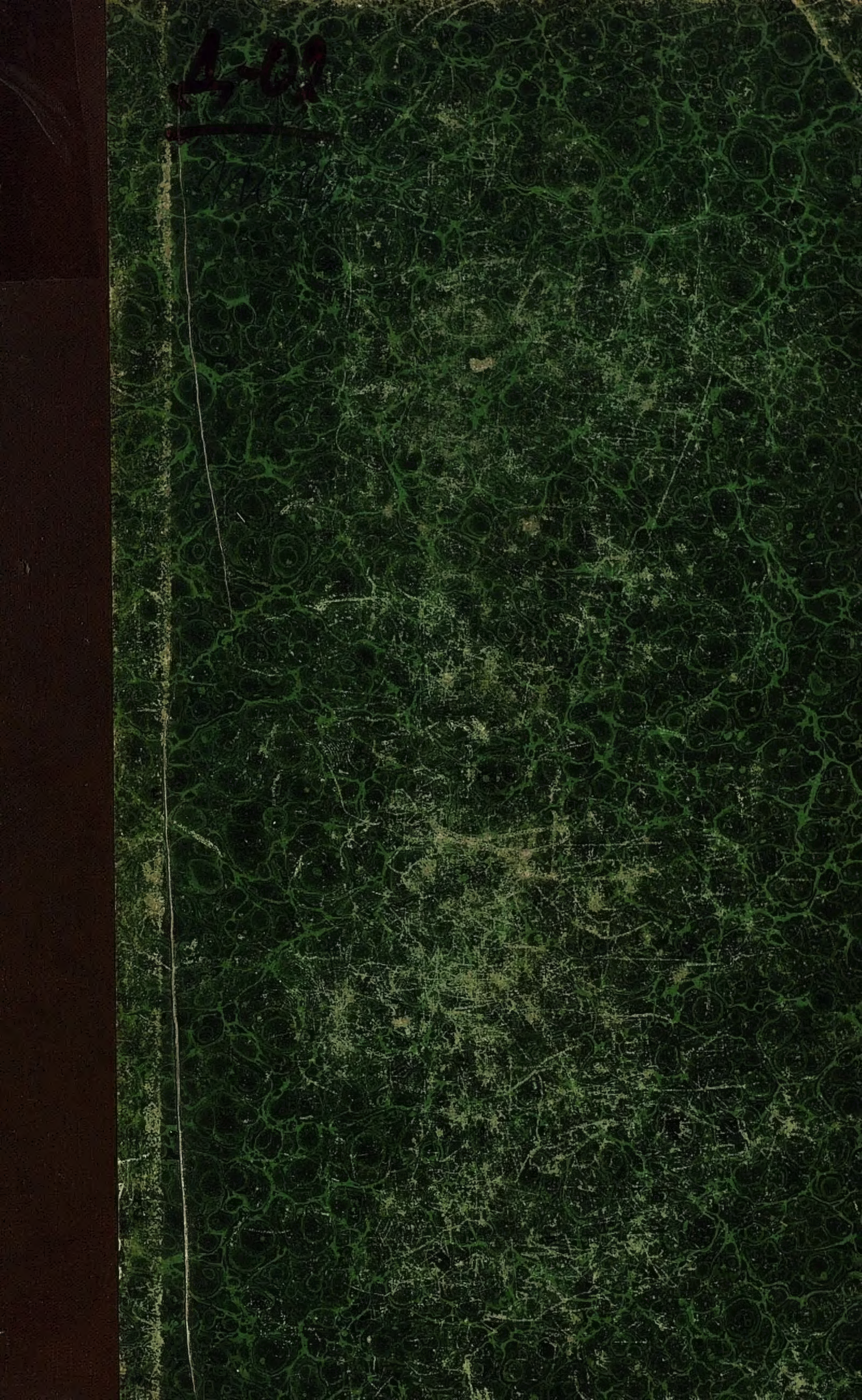

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

№ 6. ІЮНЬ 1903.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Сенатская Типографія
1903.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

№ 6. ІЮНЬ 1903.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Сенатская Типографія
1903.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Приложенія:

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

А. СОБРАНІЕ УЗАКОНЕНІЙ И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

1903 г.

Отд. I. № 40, IV, 22; № 41, IV, 25; № 42, IV, 26 [1]); № 43, IV, 29; № 44, V, 2; № 45, V, 6; № 46, V, 9; № 47, V, 13; № 48, V, 16.

I. Узаконенія, подлежащія внесенію въ Сводъ Законовъ.

Т. I, ч. 2. Учр. Мин.

Отд. I. № 44, ст. 523. Мн. Гос. Сов. (2 апр. 1903 г.). О преобразованіи учрежденій, вѣдающихъ дѣла земскаго хозяйства въ девяти западныхъ губерніяхъ (VIII). № 46, ст. 543. Мн. Гос. Сов. (24 март. 1903 г.). Объ учрежденіи при Министерствѣ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ гидрологическаго комитета.

Т. II. Общ. Учр. Губ.

Отд. I. № 43, ст. 512. Мн. Гос. Сов. (3 март. 1903 г.). Объ установленіи порядка исправленія должностей Севастопольскаго, Николаевскаго и Керчь-Еникальскаго градоначальниковъ во время ихъ

---

[1]) Помѣщенный въ этомъ нумерѣ Именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату о разрѣшеніи Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны отъ бремени Сыномъ, нареченнымъ Георгіемъ, напечатанъ въ майской книгѣ сего журнала.

отсутствія или болѣзни. № 47, ст. 548. Мн. Гос. Сов. (24 март. 1903 г.). О мѣстномъ и центральномъ управленіи имѣніями заграничныхъ монастырей въ Бессарабской губерніи и улучшеніи хозяйства въ этихъ имѣніяхъ (I).

Т. II. Пол. Зем. Учр.

Отд. I. № 44, ст. 523. Мн. Гос. Сов. (2 апр. 1903 г.). О преобразованіи учрежденій, вѣдающихъ дѣла земскаго хозяйства въ девяти западныхъ губерніяхъ (XIII).

Т. II. Гор. Пол.

Отд. I. № 43, ст. 517. Мн. Гос. Сов. (2 апр. 1903 г.). Объ установленіи въ курортѣ Усть-Нарова (Гунгербургъ и Шмецке) сбора съ пріѣзжающихъ на время лѣтняго сезона.

Т. III. Уст. Служб. Праз.

Отд. I. № 43, ст. 506. Мн. Гос. Сов. (23 дек. 1902 г.). Объ утвержденіи штата женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства (II).

Т. III. Уст. Пенс.

Отд. I. № 43, ст. 506. Мн. Гос. Сов. (23 дек. 1902 г.). Объ утвержденіи штата женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства (шт. прим. 1).

Т. IV. Уст. Воин. Пов.

Отд. I. № 44, ст. 523. Мн. Гос. Сов. (2 апр. 1903 г.). О преобразованіи учрежденій, вѣдающихъ дѣла земскаго хозяйства въ девяти западныхъ губерніяхъ (XII, ст. 11).

Т. IV. Уст. Зем. Пов.

Отд. I. № 43, ст. 508. Мн. Гос. Сов. (20 янв. 1903 г.). О размѣрахъ помѣщеній и квартирныхъ окладовъ для цейхгаузовъ полевыхъ инженерныхъ парковъ. № 44, ст. 523. Мн. Гос. Сов. (2 апр. 1903 г.). О преобразованіи учрежденій, выдающихъ дѣла земскаго хозяйства въ девяти западныхъ губерніяхъ. № 45, ст. 526. Мн. Гос. Гос. (18 февр. 1903 г.). Объ отпускѣ Лифляндскому дворянству изъ средствъ государственнаго казначейства заимообразнаго пособія на производство по закону 4 іюня 1901 г. оцѣночныхъ работъ въ Лифляндской губерніи. № 46, ст. 538. Мн. Гос. Сов. (10 февр. 1903 г.).

О квартирномъ довольствіи чиновъ областного и окружныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій области войска Донского.

Т. V. Уст. Прям. Налог.

Отд. I. № 44, ст. 523. Мн. Гос. Сов. (2 апр. 1903 г.). О преобразованіи учрежденій, вѣдающихъ дѣла земскаго хозяйства въ девяти западныхъ губерніяхъ (XII, ст. 5).

Т. V. Уст. Акц. Сбор.

Отд. I. № 48, ст. 557. Пол. Ком. Мин. (7 март. 1903 г.). О продленіи дѣйствія льготъ по вывозу спирта изъ Европейской Россіи въ порты Приморской области.

Т. IX. Особ. Прил. Зак. Сост.

Отд. I. № 44, ст. 523. Мн. Гос. Сов. (2 апр. 1903 г.). О преобразованіи учрежденій, вѣдающихъ дѣла земскаго хозяйства въ девяти западныхъ губерніяхъ (XII, ст. 4).

Т. XI, ч. 1. Уст. Уч. Завед.

Отд. I. № 44, ст. 523. Мн. Гос. Сов. (2 апр. 1903 г.). О преобразованіи учрежденій, вѣдающихъ дѣла земскаго хозяйства въ девяти западныхъ губерніяхъ (XII, ст. 7).

Т. XI, ч. 2. Уст. Торг.

Отд. I. № 41, ст. 501. Выс. пов. (23 февр. 1903 г.). Объ утвержденіи формы одежды для лицъ, служащихъ на морскихъ судахъ русскаго торговаго флота.

Т. XII, ч. 1. Пол. Взаимн. Страх.

Отд. I. № 44. ст. 523. Мн. Гос. Сов. (2 апр. 1903 г.). О преобразованіи учрежденій, вѣдающихъ дѣла земскаго хозяйства въ девяти западныхъ губерніяхъ (II, ст. 2; VI).

Т. XII, ч. 2. Уст. Сел. Хоз.

Отд. I. № 44. ст. 523. Мн. Гос. Сов. (2 апр. 1903 г.). О преобразованіи учрежденій, вѣдающихъ дѣла земскаго хозяйства въ девяти западныхъ губерніяхъ (XII, ст. 3, 12; XIV).

Т. XII, ч. 2. Пол. Трактир. Пром.

Отд. I. № 44, ст. 523. Мн. Гос. Сов. (2 апр. 1903 г.). О преобразованіи учрежденій, вѣдающихъ дѣла земскаго хозяйства въ девяти западныхъ губерніяхъ (XII, ст. 4).

Т. XIII. Уст. Общ. Призр.

Отд. I. № 44, ст. 523. Мн. Гос. Сов. (2 апр. 1903 г.). О преобразованіи учрежденій, вѣдающихъ дѣла земскаго хозяйства въ девяти западныхъ губерніяхъ (II, ст. 1—3; VII; XII, ст. 1; пол., ст. 94—104).

Т. XIII. Уст. Врач.

Отд. I. № 44, ст. 523. Мн. Гос. Сов. (2 апр. 1903 г.). О преобразованіи учрежденій, вѣдающихъ дѣла земскаго хозяйства въ девяти западныхъ губерніяхъ (II, ст. 2; VII, XII, ст. 2, 12; пол., ст. 94—104).

Т. XIV. Уст. Пасп.

Отд. I. № 41, ст. 495. Пол. Ком. Мин. (28 дек. 1902 г.). О разрѣшеніи иностраннымъ матросамъ, списывающимся съ ихъ судовъ въ русскихъ портахъ, возвращаться на родину, чрезъ предѣлы Россіи, безъ предъявленія установленныхъ паспортовъ.

Т. XIV. Уст. Сод. подъ Страж.

Отд. I. № 44, ст. 523. Мн. Гос. Сов. (2 апр. 1903 г.). О преобразованіи учрежденій, вѣдающихъ дѣла земскаго хозяйства въ девяти западныхъ губерніяхъ (XII, ст. 9, 10, 12).

Т. XVI. Учр. Суд. Уст.

Отд. I. № 43, ст. 515. Мн. Гос. Сов. (3 март. 1903 г.). О квартирномъ довольствіи помощниковъ мировыхъ судей въ Закавказьѣ.

Постановлено:

I. Помощникамъ мировыхъ судей въ Закавказьѣ производить квартирныя деньги, въ размѣрѣ отъ трехсотъ до пятисотъ рублей каждому, на основаніи особыхъ росписаній.

II. Предоставить Министру Юстиціи издавать росписанія окладовъ квартирнаго довольствія помощниковъ мировыхъ судей въ Закавказьѣ, съ тѣмъ, чтобы росписанія сіи, равно какъ измѣненія въ оныхъ, были предлагаемы Правительствующему Сенату, для распубликованія во всеобщее свѣдѣніе, установленнымъ порядкомъ.

Т. XVI, ч. 1. Прав. Суд. Част. Земск. Начальн.

Отд. I. № 43, ст. 514. Мн. Гос. Сов. (3 март. 1903 г.). О перечисленіи станціи Старый Осколъ, Елецъ-Валуйской желѣзной дороги, въ вѣдѣніе городского судьи г. Стараго Оскола, Курской губерніи.

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановлено: „Къ числу населеній, не входящихъ въ судебномъ отношеніи въ составъ земскихъ участковъ Курской губерніи, относятся въ Старооскольскомъ уѣздѣ: станція „Старый Осколъ", Елецъ-Валуйской желѣзной дороги, и слободы Стрѣлецкая, Пушкарская и Ламская".

II Узаконенія, не подлежащія внесенію въ Сводъ Законовъ.

По вѣдомству Министерства Военнаго.

Отд. I. № 40, ст. 429. Пол. Воен. Сов. (27 апр. 1901 г.). Объ увеличеніи кормовыхъ денегъ нижнимъ чинамъ, командируемымъ на астрономическія, геодезическія и топографическія работы въ предѣлахъ Европейской Россіи. № 40, ст. 430. Пол. Воен. Сов. (3 янв. 1902 г.). Объ объединеніи положеній о путевомъ довольствіи нештатныхъ командъ въ предѣлахъ Туркестанскаго военнаго округа. № 40, ст. 431. Пол. Воен. Сов. (9 янв. и 5 іюл. 1902 г.). Объ измѣненіяхъ въ штатахъ нѣкоторыхъ артиллерійскихъ частей и учрежденій. № 40, ст. 432. Пол. Воен. Сов. (25 янв. 1902 г.). Объ увеличеніи содержанія смотрителямъ конноплодовыхъ табуновъ Оренбургскаго казачьяго войска. № 40, ст. 433. Пол. Воен. Сов. (4 февр. 1902 г.). О расширеніи Кушкинскаго мѣстнаго лазарета, № 40, ст. 434. Пол. Воен. Сов. (15 февр. 1902 г.). О порядкѣ опредѣленія фельдшеровъ, окончившихъ курсъ въ Новочеркасской военно-фельдшерской школѣ, на должности земскихъ фельдшеровъ области войска Донскаго. № 40, ст. 435. Пол. Воен. Сов. (20 февр. 1902 г.). Объ установленіи содержанія отъ казны причту церкви гарнизона гор. Павловска. № 40, ст. 436. Пол. Воен. Сов. (21 февр. 1902 г.). Объ учрежденіи церковнаго причта при 3 мортирномъ артиллерійскомъ полку. № 40, ст. 437. Пол. Воен. Сов. (27 февр. 1902 г.). Объ учрежденіи должности старшаго ветеринарнаго врача въ офицерской кавалерійской школѣ. № 40, ст. 438. Пол. Воен. Сов. (28 февр. 1902 г.). Объ установленіи оклада столовыхъ денегъ завѣдующему коневодствомъ въ Донской области и его помощнику. № 40, ст. 439. Пол. Воен. Сов. (1 март. 1902 г.). О замѣнѣ барабанщиковъ горнистами въ стрѣлковыхъ бата-

ліонахъ, переименованныхъ въ 1900 году изъ линейныхъ. № 40, ст. 440. Пол. Воен. Сов. (28 март. 1902 г.). Объ учрежденіи при штабѣ Кіевскаго военнаго округа должности правителя канцеляріи штаба, № 40, ст. 441. Пол. Воен. Сов. (22 апр. 1902 г.). Объ установленіи Кубанскимъ пластунскимъ баталіонамъ отпуска палатокъ для нижнихъ чиновъ. № 40, ст. 442. Пол. Воен. Сов. (26 апр. 1902 г.). О размѣрѣ порціонныхъ денегъ офицерскимъ чинамъ, командируемымъ отъ войскъ въ артиллерійскіе склады для пріема или сдачи предметовъ артиллерійскаго довольствія. № 40, ст. 443. Пол. Воен. Сов. (26 апр. 1902 г.). О размѣрѣ приварочнаго оклада для нижнихъ чиновъ, прикомандировываемыхъ къ управленіямъ и частямъ войскъ. № 40, ст. 444. Пол. Воен. Сов. (26 апр. 1902 г.). О размѣрѣ приварочнаго оклада для нижнихъ чиновъ, прикомандировываемыхъ къ управленіямъ и частямъ войскъ. № 40, ст. 445. Пол. Воен. Сов. (26 апр. 1902 г.). Объ учрежденіи въ составѣ штаба 2 Сибирскаго армейскаго корпуса должности переводчика китайскаго языка. № 40, ст. 446. Пол. Воен. Сов. (1 мая 1902 г.). О присвоеніи должности дѣлопроизводителя Восточно-Сибирскаго летучаго мортирнаго артиллерійскаго парка столовыхъ денегъ. № 40, ст. 447. Пол. Воен. Сов. (3 мая 1902 г.). Объ упраздненіи четырехъ должностей врачей для командировокъ при Казанскомъ окружномъ военно-медицинскомъ управленіи VII медицинскаго разряда и добавленіи въ штатъ Туркестанскаго окружнаго военно-медицинскаго управленія четырехъ такихъ же должностей. № 40, ст. 448. Пол. Воен. Сов. (4 мая 1902 г.). О порядкѣ удовлетворенія содержаніемъ офицеровъ, прикомандировываемыхъ къ военно-учебнымъ заведеніямъ для замѣщенія штатныхъ должностей. № 40, ст. 449. Пол. Воен. Сов. (10 мая 1902 г.). Объ установленіи кредита на содержаніе въ чистотѣ и опрятности помѣщеній окружныхъ складовъ и оружейныхъ мастерскихъ войска Донского. № 40, ст. 450. Пол. Воен. Сов. (15 мая 1902 г.). О разрѣшеніи производства вознагражденія войскамъ за сдачу ими въ артиллерійскіе склады стрѣлянныхъ патронныхъ гильзъ сверхъ устновленной нормы. № 40, ст. 451. Пол. Воен. Сов. (17 мая 1902 г.). О предоставленіи начальникамъ бригадъ кавалерійскаго запаса права брать съ собой на инспекторскіе смотры старшихъ адъютантовъ. № 40, ст. 452 Пол. Воен. Сов. (17 мая 1902 г.). Объ упраздненіи Уильскаго мѣстнаго лазарета и объ открытіи пріемнаго покоя при Уильской мѣстной командѣ. № 40, ст. 453. Пол. Воен. Сов. (17 мая 1902 г.). О введеніи въ штатъ Хорошовскаго интендантскаго склада неприкосновенныхъ госпитальныхъ запасовъ должности одного маши-

ниста. № 40, ст. 454. Пол. Воен. Сов. (20 мая 1902 г.). Объ усиленіи штатовъ окружныхъ интендантскихъ управленій Приамурскаго и Туркестанскаго военныхъ округовъ. № 40 ст. 455. Пол. Воен. Сов. (22 мая 1902 г.). Объ измѣненіи отпуска прогонныхъ денегъ браковщикамъ, состоящимъ при штабъ-офицерѣ, осматривающемъ оружіе въ войскѣ Донскомъ. № 40, ст. 456. Пол. Воен. Сов. (3 іюн. 1902 г.). Объ упраздненіи званія подпрапорщика въ артиллеріи. № 40, ст. 457. Пол. Воен. Сов. (5 іюн. 1902 г.). Объ учрежденіи при Варшавскомъ Уяздовскомъ военномъ госпиталѣ зубоврачебныхъ курсовъ. № 40, ст. 458. Пол. Воен. Сов. (10 іюн. 1902 г.). Объ увеличеніи числа мѣстъ въ Барнаульскомъ мѣстномъ лазаретѣ и объ уменьшеніи числа мѣстъ въ Маріинскомъ мѣстномъ лазаретѣ. № 40, ст. 459. Пол. Воен. Сов. (10 іюн. 1902 г.). О путевомъ довольствіи офицерскихъ и классныхъ чиновъ въ Манчжуріи. № 40, ст. 460. Пол. Воен. Сов. (17 іюн. 1902 г.). Объ установленіи числа поѣздокъ начальникамъ бригадъ для осмотровъ запасныхъ кавалерійскихъ полковъ. № 40, ст. 461. Пол. Воен. Сов. (13 іюн. 1902 г.). О введеніи псаломщика въ штатъ церквей Тюсбюской, Торносской и Тавасгусской. № 40, ст. 462. Пол. Воен. Сов. (20 іюн. 1902 г.). Объ установленіи ежегоднаго отпуска для свѣтолечебнаго при Михайловской клинической больницѣ баронета Вилліе кабинета. № 40, ст. 463. Пол. Воен. Сов. (24 іюн. 1902 г.). Объ установленіи выдачи суточныхъ денегъ офицерскимъ чинамъ военно-учебныхъ заведеній, сопровождающимъ воспитанниковъ сихъ заведеній въ экскурсіи съ учебно-воспитательною цѣлью. № 40, ст. 464. Пол. Воен. Сов. (27 іюн. 1902 г.). Объ исчисленіи денежныхъ, по вещевому довольствію войскъ, окладовъ, исключительно въ десятичныхъ дробяхъ, и объ измѣненіи отпуска нѣкоторыхъ предметовъ вещеваго довольствія. № 40, ст. 465. Пол. Воен. Сов. (30 іюн. 1902 г.). О преобразованіи Елисаветградскаго кавалерійскаго юнкерскаго училища въ военное училище. № 40, ст. 466. Пол. Воен. Сов. (4 іюл. 1902 г.). О сохраненіи прежнихъ окладовъ содержанія за лицами, назначаемыми на должности, если оклады эти были больше. № 40, ст. 467. Пол. Воен. Сов. (4 іюл. 1902 г.). О сформированіи мортирной батареи во 2-ой Туркестанской артиллерійской бригадѣ. № 40, ст. 468. Пол. Воен. Сов. (4 іюл. 1902 г.). Объ источникѣ расхода по отправленію отставныхъ нижнихъ чиновъ изъ военноврачебныхъ заведеній въ больницы и богадѣльни гражданскаго вѣдомства. № 40, ст. 469. Пол. Воен. Сов. (5 іюл. 1902 г.). О пріемѣ въ кавалерійскія юнкерскія училища нижнихъ чиновъ пѣхотныхъ частей. № 40, ст. 470. Пол. Воен. Сов. (4 сент. 1902 г.). Объ

учрежденіи въ войсковомъ правленіи Уссурійскаго казачьяго войска должности бухгалтера и двухъ писарей. № 40, ст. 471. Пол. Воен. Сов. (24 сент. 1902 г.). Объ увеличеніи на два числа пансіонеровъ въ существующемъ въ Астраханскомъ войскѣ пансіонѣ для воспитанія дѣтей штабъ и оберъ-офицеровъ и объ ассигнованіи, ежегодно по 600 рублей, на расходы по устройству на войсковой территоріи Астраханскаго казачьяго войска учительскихъ съѣздовъ и на командированіе учителей войсковыхъ школъ на учительскіе курсы въ другія губерніи. № 40, ст. 472. Пол. Воен. Сов. (11 окт. 1902 г.). О сформированіи 3-хъ ротъ въ баталіонахъ 1-го и 2-го осадныхъ артиллерійскихъ полковъ. № 40, ст. 473. Пол. Воен. Сов. (16 окт. 1902 г.). Объ установленіи столовыхъ денегъ смотрителямъ окружныхъ складовъ войска Донскаго. № 40, ст. 474. Пол. Воен. Сов. (16 окт. 1902 г.). Объ учрежденіи въ Уссурійскомъ казачьемъ войскѣ должности техника рыболовства. № 40, ст. 475. Пол. Воен. Сов. (28 окт. 1902 г.). О распространеніи на мѣстныя команды войска Донскаго правилъ для состязанія на призы въ бою холоднымъ оружіемъ. № 40, ст. 476. Пол. Воен. Сов. (28 окт. 1902 г.). О сформированіи въ 4 стрѣлковой и въ Финляндскихъ стрѣлковыхъ бригадахъ въ военное время военно-врачебныхъ заведеній. № 40, ст. 477. Пол. Воен. Сов. (2 дек. 1902 г.). О перечисленіи управленія Александровскаго уѣзднаго воинскаго начальника изъ низшаго въ средній разрядъ и о переименованіи управленія Новогригорьевскаго уѣзднаго воинскаго начальника въ Благодарненское. № 40, ст. 478. Пол. Воен. Сов. (28 ноябр. 1902 г.). Объ увеличеніи суммы на канцелярскіе расходы военно-прокурорскаго надзора Варшавскаго военно-окружнаго суда. № 40, ст. 479. Выс. пов. (9 іюн. 1902 г.). Объ утвержденіи новаго образца казачьей пики съ приложеніемъ описанія и чертежа. № 40, ст. 480. Выс. пов. (30 янв. 1902 г.). О присвоеніи старшинства 4-й батареѣ 2-ой Туркестанской артиллерійской бригадѣ и 6-му и Восточно-Сибирскому мортирнымъ летучимъ артиллерійскимъ паркамъ. № 40, ст. 481. Выс. пов. (4 февр. 1902 г.). Объ учрежденіи штатнаго хора музыки при 4 Финляндскомъ стрѣлковомъ полку. № 40, ст. 482. Выс. пов. (13 мая 1902 г.). Объ установленіи роспускными пунктами 2 Донской казачьей отдѣльной сотни станицы: Качалинской и Нижне-Чирской. № 40, ст. 483. Выс. пов. (15 іюн. 1902 г.). О перечисленіи 1 Хоперскаго и 1 Черноморскаго казачьихъ полковъ. № 40, ст. 484. Выс. пов. (16 іюн. 1902 г.). О выдѣленіи 20-й конно-артиллерійской батареи изъ состава 14-го конно-артиллерійскаго дивизіона и присоединеніи ея къ 13-й кавалерійской дивизіи. № 40, ст. 486. Выс. пов.

(21 ноябр. 1902 г.). Объ утвержденіи новаго изданія уставовъ строевой службы пѣшей артиллеріи:—„Батарейное ученье“ и „Дивизіонное ученье“. № 40, ст. 487. Выс. пов. (28 ноябр. 1902 г.). Объ измѣненіи правилъ Военно-Судебнаго Устава относительно порядка назначенія на должности секретарей военно-окружныхъ судовъ и при военныхъ прокурорахъ. № 40, ст. 488. Пол. Воен. Сов. (31 янв. 1902 г.). О перевозкѣ, при мобилизаціи, по желѣзнымъ дорогамъ и водянымъ путямъ казаковъ льготныхъ и запасныхъ частей на сборные пункты. № 41, ст. 497. Пол. Воен. Сов. (1 іюн. 1902 г.). Объ измѣненіи порядка прохожденія службы офицерами генеральнаго штаба. № 41, ст. 498. Пол. Воен. Сов. (10 іюн. 1902 г.). Объ установленіи порядка пополненія убыли въ военное время людей и лошадей въ строевыхъ частяхъ Забайкальскаго казачьяго войска. № 41, ст. 499. Выс. пов. (17 іюн. 1902 г.). О принятіи учреждаемаго общества взаимопомощи Неплюевцевъ въ вѣдѣніе Военнаго Министерства и объ утвержденіи устава сего общества. № 41, ст. 500. Выс. пов. (3 іюл. 1902 г.). О принятіи учреждаемаго общества взаимопомощи пажей въ вѣдѣніе Военнаго Министерства и объ утвержденіи устава названнаго общества. № 43, ст. 503. Имен. ук. (10 февр. 1903 г.). Объ отчужденіи земель подъ устройство шоссе Бѣлостокъ—Кнышинъ. № 43, ст. 518. Пол. Ком. Мин. (28 ноябр. 1902 г.). Объ усиленной охранѣ въ г. Ташкентѣ, въ Ташкентскомъ, Чимкентскомъ и Ауліэатинскомъ уѣздахъ Сыръ-Дарьинской области и областяхъ Ферганской и Самаркандской.

По вѣдомству Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Отд. I. № 41, ст. 496. Пол. Ком. Мин. (31 янв. 1903 г.). О разсрочкѣ на пять лѣтъ состоящей за г. Тобольскомъ недоимки пособія казнѣ на содержаніе правительственныхъ учрежденій. № 43, ст. 507. Мн. Гос. Сов. (6 янв. 1903 г.). Объ усиленіи кредита на содержаніе полицейскихъ урядниковъ въ Имперіи. № 43, ст. 513. Мн. Гос. Сов. (3 март. 1903 г.). О кредитѣ на пріобрѣтеніе и содержаніе катеровъ и шлюпокъ для морскихъ врачебно-наблюдательныхъ станцій Кавказскаго края. № 43, ст. 519. Пол. Ком. Мин. (28 дек. 1902 г.). О включеніи въ составъ территоріи гор. Гадяча, Полтавской губерніи, смежныхъ съ нимъ земельныхъ участковъ. № 46, ст. 534. Имен. ук. и Мн. Гос. Сов. (3 март. 1903 г.). Объ отчужденіи земли изъ надѣла крестьянъ села Балыклей, Царицынскаго уѣзда, Саратовской губерніи. № 46, ст. 535. Имен. ук. (17 март. 1903 г.). Объ отчужденіи зе-

мельнаго участка для надобностей города Москвы. № 46, ст. 536. Имен. ук. (17 март. 1903 г.). Объ отчужденіи земельныхъ въ городѣ Варшавѣ участковъ для устройства центральной бойни и скотопригоннаго двора, проведенія водоотводнаго канала вдоль Горной улицы и расширенія Фольварочной улицы предмѣстья Праги. № 46, ст. 537. Имен. ук. (17 март. 1903 г.). Объ отчужденіи изъ маіоратнаго имѣнія „Люблинъ", Люблинской губерніи, двухъ земельныхъ участковъ для расширенія мѣстныхъ римско-католическаго и евангелическаго кладбищъ. № 46, ст. 540. Мн. Гос. Сов. (18 февр. 1903 г.). О расходахъ по содержанію Благовѣщенскаго городскаго полицейскаго управленія. № 47, ст. 549. Пол. Ком. Мин. (17 янв. 1903 г.). О разрѣшеніи г. Москвѣ произвести облигаціонные займы въ 3.000.000 р. и 3.375.000 р. нарицательныхъ.

По вѣдомству Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

Отд. I. № 43, ст. 520. Пол. Ком. Мин. (28 дек. 1902 г.). О предоставленіи казеннаго фольварка Поверкшне, Ковенской губерніи, въ пользованіе Россіенскаго общества сельскаго хозяйства и животноводства. № 48, ст. 556. Мн. Гос. Сов. (2 апр. 1903 г.). Объ окончательномъ поземельномъ устройствѣ населенія Ижевскаго завода Вятской губерніи.

По вѣдомству Министерства Морскаго.

Отд. I. № 43, ст. 516. Мн. Гос. Сов. (3 март. 1903 г.). Объ измѣненіи правилъ назначенія пенсіи вдовамъ нижнихъ чиновъ морского вѣдомства, погибшихъ въ мирное время при исполненіи служебныхъ обязанностей.

По вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Отд. I. № 43, ст. 509. Мн. Гос. Сов. (10 февр. 1903 г.). Объ утвержденіи росписанія должностей и расходовъ Императорскаго Россійскаго историческаго музея Имени Императора Александра III въ Москвѣ. № 45, ст. 528. Выс. пов. (22 март. 1903 г.). О присвоеніи археографической коммисіи наименованія „Императорской".

По вѣдомству Министерства Путей Сообщенія.

Отд. I. № 40, ст. 428. Мн. Гос. Сов. (24 март. 1903 г.). Объ инспекторскомъ надзорѣ за Приморской С.-Петербурго-Сестрорѣцкой и

Ириновской желѣзными дорогами и Бѣлоостровскимъ участкомъ Финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ. № 43, ст. 504. Имен. ук. (24 март. 1903 г.). Объ отчужденіи земель для развитія станціи „Витебскъ" Риго-Орловской желѣзной дороги и отвода главныхъ ея путей у сказанной станціи. № 47, ст. 546. Имен. ук. (17 март. 1903 г.) Объ отчужденіи земель для устройства сторожевыхъ будокъ на 67 и 141 верстахъ Барановичи-Бѣлостокскаго участка Полѣсскихъ желѣзныхъ дорогъ и для улучшенія водоснабженія ст. Поневѣжъ Либаво-Роменской желѣзной дороги. № 47, ст. 547. Имен. ук. (17 март. 1903 г.). Объ отчужденіи земель подъ расширеніе станціи „Кривой Торецъ" Курско-Харьково-Севастопольской желѣзной дороги.

По вѣдомству Министерства Финансовъ.

Отд. I. № 43, ст. 511. Мн. Гос. Сов. (18 февр. 1903 г.). Объ отпускѣ изъ казны средствъ на увѣковѣченіе памяти Севастопольской обороны. № 45, ст. 527. Выс. пов. (10 апр. 1903 г.). О третьемъ выпускѣ 4% закладныхъ листовъ государственнаго дворянскаго земельнаго банка. № 46, ст. 541. Мн. Гос. Сов. (3 март. 1903 г.). О назначеніи предѣльныхъ цѣнъ казенныхъ питей для казенной винной операціи. № 47, ст. 552. Выс. пов. (21 февр. 1903 г.). О выпускѣ государственныхъ свидѣтельствъ крестьянскаго поземельнаго банка на 50 милл. рублей. № 47, ст. 553. Выс. пов. (14 март. 1903 г.). О выпускѣ $3^1/_2$% закладныхъ листовъ государственнаго дворянскаго земельнаго банка на 50 милл. рублей.

По вѣдомству Главнаго Управленія Торговаго Мореплаванія и Портовъ.

Отд. I. № 40, ст. 501. Выс. пов. (23 февр. 1903 г.). Объ утвержденіи формы одежды для лицъ, служащихъ на морскихъ судахъ русскаго торговаго флота. № 46, ст. 542. Мн. Гос. Сов. (24 март. 1903 г.). О закрытіи съ 1 іюля 1903 года мореходныхъ классовъ въ гг. Онегѣ и Өеодосіи и м. Кушерѣкѣ. № 47, ст. 551. Выс. пов. (1 апр. 1903 г.). Объ утвержденіи описанія и правилъ ношенія образцовъ форменной одежды для гражданскихъ чиновъ вѣдомства Главнаго Управленія Торговаго Мореплаванія и Портовъ.

По вѣдомству Православнаго Исповѣданія.

Отд. I. № 43, ст. 506. Мн. Гос. Сов. (23 дек. 1902 г.). Объ утвержденіи штата женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства.

По корпусу жандармовъ.

Отд. I. № 40, ст. 485. Выс. пов. (20 іюн. 1902 г.). Объ упраздненіи Сибирскаго жандармскаго округа и добавленіи къ дополнительному штату шести помощниковъ начальниковъ управленій.

По дѣламъ частныхъ лицъ, обществъ и установленій.

Отд. I. № 47, ст. 550. Выс. пов. (21 март. 1903 г.). Объ измѣненіи состава опекунскаго управленія надъ имуществомъ Свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіора князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго.

III. Опредѣленіе Святѣйшаго Правительствующаго Синода.

Отд. I. № 47, ст. 554. ($^{11}/_{27}$ дек. 1902 г.). Объ учрежденіи при Свято-Троицкой церкви погоста Подъяблоннаго богадѣльни.

IV. Распоряженія, предложенныя и объявленныя Правительствующему Сенату.

Министромъ Юстиціи.

Отд. I. № 40, ст. 489. *(12 февр. 1903 г.)* [1]. Объ обмѣнѣ между Россіей и Швеціей деклараціи о взаимномъ признаваніи мѣрительныхъ свидѣтельствъ купеческихъ судовъ [2]. № 46, ст. 544. *(30 янв. 1903 г.).* Объ учрежденіи должностей нотаріусовъ въ городахъ Томскѣ, Барнаулѣ и въ поселкѣ Новониколаевскомъ, Томской губерніи.

Военнымъ Министромъ.

Отд. I. № 40, ст. 493. (30 мая 1902 г.). Объ установленіи на трехлѣтіе платы за своекоштныхъ интерновъ Пиротехнической и Технической артиллерійскихъ школъ. № 40, ст. 494. (28 сент. 1902 г.). Объ установленіи цѣнъ на верховыхъ лошадей въ мѣстностяхъ, гдѣ не введена военно-конская повинность.

---

[1]) Относится къ вѣдомству Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

[2]) Даты (числа, мѣсяцы и годы) распоряженій, напечатанныя *курсивомъ*, означаютъ время, когда подлежащія распоряженія были предложены или объявлены Правительствующему Сенату для распубликованія.

Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Отд. I. № 40, ст. 491. *(22 февр. 1903 г.).* О срокѣ введенія въ дѣйствіе новаго штата Владивостокскаго городскаго полицейскаго управленія. № 43, ст. 521. *(17 янв. 1903 г.).* Объ учрежденіи должностей урядниковъ въ Каменскомъ и Озерновскомъ поселкахъ Уральской области, въ Усманскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи, и въ слободкѣ Хомутовской, Рыбинскаго уѣзда, Ярославской губерніи. № 43, ст. 522. *(5 март. 1903 г.).* О срокѣ введенія въ дѣйствіе Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта объ усиленіи личнаго состава и денежныхъ средствъ установленій по воинской повинности въ Закавказьѣ. № 45, ст. 531. *(26 дек. 1902 г.).* О разрѣшеніи выѣздныхъ сессій Николаевскому уѣздному съѣзду, Самарской губерніи. № 45, ст. 532. *(9 янв. 1903 г.).* О перечисленіи сел. Олдондинскаго изъ Ундинской въ Александровскую волость, Нерчинско-Заводскаго уѣзда, и селеній Ононъ-Оловяннаго и Казаковскаго изъ Александровской въ Ундинскую волость, Читинскаго уѣзда. № 45, ст. 533. *(14 янв. 1903 г.).* О раздѣленіи Константиновской волости, Кокчетавскаго уѣзда, Акмолинской области, на двѣ: Константиновскую и Гавриловскую.

Министромъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

Отд. I. № 45, ст. 530. *(30 дек. 1902 г.).* О разрѣшеніи употребленія петрокластита при горныхъ работахъ.

Министромъ Путей Сообщенія.

Отд. I. № 40, ст. 492. ($\frac{27 \text{ март.}}{1 \text{ апр.}}$ 1903 г.). О дополненіи правилъ пріема багажа и грузовъ съ объявленною отправителемъ цѣнностью.

Министромъ Финансовъ.

Отд. I. № 40, ст. 490. (20 дек. 1902 г.). Объ утвержденіи правилъ для учебной мастерской бумажнаго дѣла при экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. № 44, ст. 525. *(9 янв. 1903 г.).* О переносѣ Хунчунской таможенной заставы въ с. Ханси. № 45, ст 529. *(22 апр. 1903 г.).* Объ измѣненіи штатовъ таможенъ: С.-Петербургской портовой, Рижской, Одесской, Батумской и Бакинской. № 46, ст. 545. (22 март. 1903 г.). О продажныхъ цѣнахъ казеннаго спирта, вина и водочныхъ издѣлій для казенной винной операціи въ 1903 г. въ мѣстностяхъ, гдѣ введена казенная продажа питей. № 47,

ст. 555. *(14 апр. 1903 г.).* Объ исключеніи акцій общества печатнаго дѣла въ С.-Петербургѣ подъ фирмою „Гуттенбергъ" изъ числа процентныхъ бумагъ, допущенныхъ къ пріему въ казенные залоги.

Главноуправляющимъ Торговымъ Мореплаваніемъ и Портами.

Отд. I. № 44, ст. 524. *(4 март. 1903 г.).* О введеніи въ дѣйствіе ст. 8 Высочайше утвержденнаго 6 мая 1902 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта объ измѣненіи дѣйствующихъ правилъ о судоводителяхъ на мореходныхъ судахъ торговаго флота.

Б. СБОРНИКЪ ПОСТАНОВЛЕНІЙ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКАГО.

1903 г.

№ 5, II, 17; № 7, III, 5; № 9, III, 9; № 15, III, 26; № 18, IV, 14; № 20, IV, 20; № 21, IV, 27 (н. ст.) [1]).

№ 5.—Ст. 7 и 8. *Опр. Фин. Сен.* (17 февр. 1903 г.). По поводу Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія отъ $^{16}/_{29}$ декабря 1902 года объ учрежденіи въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ 13 управленій окружныхъ воинскихъ начальниковъ и объ утвержденіи штата сихъ управленій.—Ст. 9. *Опр. Фин. Сен.* (17 февр. 1903 г.). По поводу Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія отъ $^{6}/_{19}$ августа 1902 года о преобразованіи Финляндскаго кадетскаго корпуса. — Ст. 10. *Выс. пост.* ($\frac{\text{26 дек. 1892 г.}}{\text{8 янв. 1903 г.}}$). Объ учрежденіи должностей ассистентовъ при лабораторіи гигіенической и прикладной физики Александровскаго университета.

№ 7.—Ст. 14. Ординарная и экстраординарная росписи доходовъ и расходовъ Великаго Княжества Финляндскаго на 1903 годъ (Выс. утв. $^{6}/_{19}$ февр. 1903 г.).

№ 9.—Ст. 16. *Выс. пост.* ($^{2}/_{15}$ янв. 1903 г.). Объ утвержденіи штата полиціи города Таммерфорса.

№ 15.—Ст. 24. *Опр. Фин. Сен.* (26 март. 1903 г.). О перечисленіи должностей губернскихъ ветеринаровъ изъ двѣнадцатаго въ десятый классъ по Высочайше утвержденной для Великаго Княжества Финляндскаго табели о рангахъ отъ 15 іюля 1897 г.

---

[1]) Обзоръ №№ 1, 2, 3, 4, 6, 8, 10, 11, 12, 13, 16, 17 и 19 напечатанъ въ майской книгѣ сего журнала; № 14 не полученъ.

№ 18.—Ст. 30. *Выс. пост.* ($\frac{27 \text{ март.}}{9 \text{ апр.}}$ 1903 г.). О раздѣленіи финляндскихъ учебныхъ заведеній на разряды по отношенію къ отбыванію воинской повинности. — Ст. 31. *Выс. пост.* ($\frac{27 \text{ март.}}{9 \text{ апр.}}$ 1903 г.), содержащее правила о льготахъ по образованію для молодыхъ людей, получившихъ воспитаніе въ заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

№ 20.—Ст. 37. *Выс. пост.* (13/26 март. 1903 г.). Объ утвержденіи штата полиціи города Гельсингфорса.—Ст. 38. *Выс. пост.* (13/26 март. 1903 г.). Объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей Высочайшаго постановленія о полиціи города Гельсингфорса, отъ 15 декабря 1897 года.—Ст. 39. *Выс. пост.* ($\frac{20 \text{ февр.}}{5 \text{ март.}}$ 1903 г.). Объ устройствѣ полиціи въ городѣ Николайстадѣ.—Ст. 40. *Выс. пост.* ($\frac{20 \text{ февр.}}{5 \text{ март.}}$ 1903 г.). Объ утвержденіи штата полиціи города Николайстада.—Ст. 41. *Опр. Фин. Сен.* (20 апр. 1903 г.). Касательно присвоенныхъ финляндскимъ губернаторамъ окладовъ содержанія.

№ 21.—Ст. 42. *Выс. пост.* ($\frac{27 \text{ март.}}{9 \text{ апр.}}$ 1903 г.). Объ утвержденіи штата канцеляріи Финляндскаго Генералъ-Губернатора.—Ст. 43. *Опр. Фин. Сен.* (27 апр. 1903 г.). О введеніи въ дѣйствіе новаго штата канцеляріи Финлянскаго Генералъ-Губернатора.—Ст. 44. *Выс. пост.* ($\frac{20 \text{ март.}}{2 \text{ апр.}}$ 1903 г.). О формѣ обмундированія чиновъ городской полиціи въ Финляндіи.—Ст. 45. *Опр. Фин. Сен.* (27 апр. 1903 г.). О предоставленіи чинамъ финляндской городской полиціи права донашивать форму обмундированія стараго образца.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ
ВЫСОЧАЙШИХЪ ПРИКАЗОВЪ
ПО ГРАЖДАНСКОМУ ВѢДОМСТВУ.

№ 35, мая 2 дня 1903 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Чиновникъ особыхъ порученій VI класса при Министрѣ Надворный Совѣтникъ **Чаплинъ**—Чиновникомъ особыхъ порученій V класса при Министрѣ; Товарищъ Прокурора С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ **Гриневичъ**—Товарищемъ Прокурора Ташкентской Судебной Палаты; Членъ Одесскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ баронъ **Штакельбергъ**—Членомъ Одесской Судебной Палаты, согласно прошенію; Товарищъ Прокурора Курскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Носуленко** и Городской Судья г. Михайлова, Надворный Совѣтникъ **Бобровъ**—Уѣздными Членами Окружныхъ Судовъ: первый—Орловскаго, по Орловскому уѣзду, а второй—Пермскаго, по Осинскому уѣзду; Товарищи Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Витебскаго, Надворный Совѣтникъ **Питюхъ**, Смоленскаго, Надворный Совѣтникъ **Ведровъ**, Оренбургскаго, Надворный Совѣтникъ **Колышкинъ** и Радомскаго, Надворный Совѣтникъ **Собичевскій** и Городской Судья 1-го участка г. Симферополя, Коллежскій Ассесоръ **Федоровъ**—Членами Окружныхъ Судовъ: Питюхъ—Витебскаго, Ведровъ—Сѣдлецкаго, Колышкинъ—Оренбургскаго, Собичевскій—Радомскаго и Федоровъ—Симферопольскаго; Причисленный къ Министерству, Коллежскій Ассесоръ **Сатинскій**—Товарищемъ Прокурора Каменецъ-Подольскаго Окружнаго Суда.

Переводится *на службу по вѣдомству Министерства Юстиціи* Причисленный къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, Коллежскій Ассесоръ **Крюковъ**—Товарищемъ Прокурора Ревельскаго Окружнаго Суда.

Перемѣщаются: Члены Окружныхъ Судовъ: Рижскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Добровольскій**, Петроковскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Кошелевъ-Домашкевичъ**, Плоцкаго, Надворный Совѣтникъ **Котовичъ** и Рязанскаго, Кол-

лежскій Ассесоръ **Розановъ**—Членами Окружныхъ Судовъ: Добровольскій и Розановъ—С.-Петербургскаго, а Кошелевъ-Домашкевичъ и Котовичъ—Варшавскаго, всѣ четыре согласно прошеніямъ; Товарищи Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Новочеркасскаго, Надворный Совѣтникъ **Григорашъ**, Архангельскаго, Надворный Совѣтникъ **Джигурда** и Новгородскаго, въ званіи Камеръ-Юнкера Высочайшаго Двора, Надворный Совѣтникъ **Мятлевъ**—Товарищами Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Григорашъ и Джигурда—Полтавскаго, а Мятлевъ—Московскаго, съ оставленіемъ изъ нихъ послѣдняго въ придворномъ званіи.

Увольняется *отъ должности, согласно прошенію,* Товарищъ Прокурора Нижегородскаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ **Добрынинъ**, по случаю назначенія его Секретаремъ при Прокурорѣ Московской Судебной Палаты.

Увольняются *отъ службы: согласно прошенію,* Членъ Иркутской Судебной Палаты, Статскій Совѣтникъ **Раевскій**, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ.

согласно прошеніямъ, по болѣзни: Предсѣдатель Съѣзда Мировыхъ Судей и Участковый Мировой Судья Чигиринскаго округа, Коллежскій Совѣтникъ **Родзянко**, съ мундиромъ, означеннымъ должностямъ присвоеннымъ; Мировой Судья г. Варшавы, Статскій Совѣтникъ **Вухъ**; Товарищъ Прокурора Варшавскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Жандръ**; Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 2-го участка Серпуховскаго уѣзда, округа Московскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Бобровъ**; Городской Судья г. Бѣлева, Коллежскій Совѣтникъ **Броневскій**.

Умершіе *исключаются изъ списковъ:* Предсѣдатель Департамента Тифлисской Судебной Палаты, Тайный Совѣтникъ **Фатѣевъ**; Члены Судебныхъ Палатъ: Харьковской, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Польнеръ** и Тифлисской, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Качауновъ**; Исправлявшій должность Старшаго Нотаріуса Курскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Ильинскій**; Мировые Судьи: 2-го участка Венденъ-Валкскаго округа, Статскій Совѣтникъ **Выѣзжій** и г. Блони, 1-го округа Варшавской губерніи, Статскій Совѣтникъ **Розановъ**; Почетный Мировой Судья Гомельскаго округа, отставной Генералъ-Маіоръ **Тютчевъ**.

№ 36, 6 мая 1903 года.

По Правительствующему Сенату.

Назначается Товарищъ Государственнаго Секретаря, Тайный Совѣтникъ, баронъ **Икскуль-фонъ-Гильденбандтъ**—къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ оставленіемъ его въ занимаемой имъ должности.

№ 37, мая 12 дня 1903 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Опредѣляется *на службу, изъ отставныхъ*, Кандидатъ юридическихъ наукъ **Теохаровъ**—Участковымъ Мировымъ Судьею Каневскаго округа.

Назначаются: Предсѣдатель Казанскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Кудревичъ**—Предсѣдателемъ Департамента Тифлисской Судебной Палаты; Членъ Казанской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Дьяченко**—Предсѣдателемъ Казанскаго Окружнаго Суда; Товарищи Предсѣдателей Окружныхъ Судовъ: Томскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Шенингъ** и Иркутскаго, Статскій Совѣтникъ **Вельсофскій**—Членами Судебныхъ Палатъ: первый—Омской, а второй—Иркутской, оба согласно прошеніямъ; Участковый Мировой Судья Владиміръ-Волынскаго округа, Титулярный Совѣтникъ **Петрушевскій**—Предсѣдателемъ Съѣзда Мировыхъ Судей того же округа, на текущее, съ 1 апрѣля 1902 г., трехлѣтіе; Участковый Мировой Судья Таращанскаго округа, Коллежскій Ассесоръ **Вовкушевскій**, Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 1-го участка Балтскаго уѣзда, округа Каменецъ-Подольскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ **Трилѣсскій** и Товарищъ Прокурора Минскаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ **Островскій**—Предсѣдателями Съѣздовъ Мировыхъ Судей, на текущее, съ 1 апрѣля 1902 г., трехлѣтіе, и Участковыми Мировыми Судьями округовъ: Вовкушевскій—Староконстантиновскаго, Трилѣсскій—Балтскаго и Островскій—Новоалександровскаго; Добавочный Мировой Судья по Эстляндской губерніи, Титулярный Совѣтникъ **Жемчужинъ**—Мировымъ Судьею 4-го участка Перново-Феллинскаго округа; Городской Судья г. Сѣнно, Коллежскій Ассесоръ **Кулжинскій**—Участковымъ Мировымъ Судьею Таращанскаго округа; Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ, Титулярный Совѣтникъ **Шпицбергъ**—Добавочнымъ Мировымъ Судьею по Эстляндской губерніи; Причисленный къ Министерству Юстиціи, Надворный Совѣтникъ **Сумароковъ**—Почетнымъ Мировымъ Судьею Лепельскаго уѣзда, на текущее съ 1 апрѣля 1902 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ его причисленнымъ къ названному Министерству; Предсѣдатели и Члены отъ Правительства Съѣздовъ Мировыхъ Посредниковъ: Ковельско-Владиміръ-Волынскаго, Статскій Совѣтникъ **Карвасовскій**, Литинско-Винницкаго, Надворный Совѣтникъ князь **Баратовъ** и Могилевско-Ямпольскаго, Надворный Совѣтникъ **Яновскій**—Почетными Мировыми Судьями округовъ: Карвасовскій—Ровенскаго, князь Баратовъ—Винницкаго и Яновскій—Могилевскаго, Подольской губерніи, всѣ три на текущее, съ 1 апрѣля 1902 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ ихъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Инспекторъ народныхъ училищъ Терской области, Статскій Совѣтникъ **Орелъ-Лысенко**—Почетнымъ Мировымъ Судьею Владикавказскаго округа, на текущее, съ 1 января 1903 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ его въ занимаемой имъ должности; Политическій Агентъ въ Бухарѣ, Статскій Совѣтникъ **Лютшъ**—Почетнымъ Мировымъ Судьею округа Самаркандскаго Окружнаго Суда, на текущее, съ 14 мая 1902 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ

его въ занимаемой имъ должности; Сверхштатный Чиновникъ особыхъ порученій при Военномъ Губернаторѣ Тургайской области, Зауряд-Хорунжій **Беркимбаевъ**—Почетнымъ Мировымъ Судьею Тургайской области, на текущее, съ 14 мая 1902 г., трехлѣтіе съ оставленіемъ его въ занимаемой имъ должности; Мировые Судьи: г. Прасныша, 2-го округа Плоцкой губерніи, Коллежскій Ассесоръ **Поповъ**, 5-го участка Ташкентскаго уѣзда, Коллежскій Ассесоръ **Аккерманъ** и 2-го участка Каинскаго уѣзда, Титулярный Совѣтникъ **Давидовичъ**, Причисленные къ Министерству Юстиціи: Надворный Совѣтникъ **Кутневичъ**, Коллежскіе Ассесоры **Ганшеевъ**, **Стржижовскій** и **Кокаевъ**, Титулярные Совѣтники **Бердниковъ**, **Музель**, **Ложкинъ**, **Науманъ**, **Истоминъ** и **Карасевъ** и окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ Университетѣ съ дипломомъ 1-й степени **Киселевъ**, Помощникъ Мироваго Судьи Батумскаго отдѣла, Коллежскій Ассесоръ **Шарко**, Секретарь при Прокурорѣ Варшавской Судебной Палаты, Коллежскій Секретарь **Зеландъ** и Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Московской Судебной Палатѣ, Титулярный Совѣтникъ **Соколовъ**—Товарищами Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Поповъ—Плоцкаго, согласно прошенію, Аккерманъ—Саратовскаго, Давидовичъ—Читинскаго, Кутневичъ—Луцкаго, Ганшеевъ—Ломжинскаго, Стржижовскій—Минскаго, Кокаевъ—Елисаветпольскаго, Бердниковъ—Сарапульскаго, Музель—Екатеринославскаго, Ложкинъ—Кашинскаго, Науманъ—Калишскаго, Истоминъ и Зеландъ—Петроковскаго, Карасевъ—Екатеринодарскаго, Киселевъ—Красноярскаго, Шарко—Кутаисскаго и Соколовъ—Архангельскаго; Причисленные къ Министерству Юстиціи: Коллежскій Ассесоръ **Жасминовъ** и Титулярный Совѣтникъ **Картавцевъ** и Старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству: при Московской Судебной Палатѣ, Титулярный Совѣтникъ **Давыдовъ** и при Окружныхъ Судахъ: Орловскомъ, Коллежскій Секретарь **Авраамовъ** и Тамбовскомъ, Коллежскій Секретарь **Хилковъ**—Городскими Судьями: Жасминовъ—г. Моршанска, Картавцевъ—г. Бѣлева, Давыдовъ—г. Одоева, Авраамовъ—г. Сѣнно и Хилковъ—1-го участка г. Козлова; Добавочный Мировой Судья округа Иркутскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Секретарь **Нечаевъ**, Причисленный къ Министерству Юстиціи, Коллежскій Секретарь **Вотинцевъ**, Секретарь Уманскаго Окружнаго Суда, Губернскій Секретарь **Стефановскій**, Исправляющій должность Помощника Секретаря Иркутской Судебной Палаты, Губернскій Секретарь **Косыгинъ** и Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Гродненскомъ Окружномъ Судѣ, Титулярный Совѣтникъ **Волковъ**—Мировыми Судьями: Нечаевъ—2-го участка Киренскаго уѣзда, Вотинцевъ—Олекминской округи, Стефановскій—6-го участка округа Читинскаго Окружнаго Суда, Косыгинъ—Вилюйской округи и Волковъ—7-го участка округа Владивостокскаго Окружнаго Суда; Мировой Судья Вилюйской округи, Коллежскій Ассесоръ **Шафиръ** и Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Иркутскомъ Окружномъ Судѣ, Коллежскій Секретарь **Френкель**—Добавочными Мировыми Судьями округа Иркутскаго Окружнаго Суда.

Перемѣщаются: Членъ Томскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ фонъ-**Дитмаръ**—Членомъ Новгородскаго Окружнаго Суда, согласно прошенію; Предсѣдатель Съѣзда Мировыхъ Судей и Участковый Мировой Судья Староконстантиновскаго округа, Коллежскій Секретарь **Толмачевъ**—въ Сквирскій округъ Предсѣдателемъ Съѣзда Мировыхъ Судей, на текущее,

2*

съ 1 апрѣля 1902 г., трехлѣтіе, и Участковымъ Мировымъ Судьею; Участковый Мировой Судья Волковыскаго округа, Надворный Совѣтникъ **Сущевъ** и Мировые Судьи округовъ: Юрьево-Верроскаго, 5-го участка, Коллежскій Ассесоръ **Дьяконовъ** и Перново-Феллинскаго, 4-го участка, Титулярный Совѣтникъ **Воробьевъ**—Мировыми Судьями округовъ: Сущевъ—Юрьево-Верроскаго, 5-го участка, Дьяконовъ—Ревельско-Гапсальскаго, 1-го участка, и Воробьевъ—Газенпотъ-Гробинскаго, 1-го участка; Товарищи Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Бакинскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Альбрехтъ**, Луцкаго, Коллежскій Ассесоръ **Пересвѣтовъ**, Тифлисскаго, Коллежскій Ассесоръ **Лаппо-Данилевскій** и Самаркандскаго, Титулярный Совѣтникъ **Телятниковъ**—Товарищами Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Альбрехтъ—Сумскаго, Пересвѣтовъ—Кіевскаго, Лаппо-Данилевскій—Нижегородскаго и Телятниковъ—Стародубскаго; Городской Судья г. Холма, Коллежскій Секретарь **Пашковскій**—Городскимъ Судьею г. Великихъ-Лукъ; Мировые Судьи округовъ Окружныхъ Судовъ: Читинскаго, 6-го участка, Коллежскій Совѣтникъ **Дмитріевъ**, Иркутскаго: 1-го участка Киренскаго уѣзда, Надворный Совѣтникъ **Клейнманъ** и 2-го участка Верхоленскаго уѣзда, Титулярный Совѣтникъ **Заборовскій**, Владивостокскаго, 7-го участка, Коллежскій Секретарь **Чебаненко** и Якутскаго, Олекминской округи, отставной Поручикъ **Поплавскій**—Мировыми Судьями округовъ Окружныхъ Судовъ: Дмитріевъ—Портъ-Артурскаго, Клейнманъ—Иркутскаго, 1-го участка Верхоленскаго уѣзда, Заборовскій—Иркутскаго, 4-го участка Нижнеудинскаго уѣзда, Чебаненко—Владивостокскаго, 2-го участка, и Поплавскій—Владивостокскаго, 1-го участка о. Сахалина.

Увольняются *отъ должности*: Участковый Мировой Судья Балтскаго округа, Статскій Совѣтникъ **Волковъ**, по случаю избранія его мировымъ Судьею Московскаго столичнаго округа; Участковый Мировой Судья Брацлавскаго округа, Надворный Совѣтникъ **Дубровинъ**, съ 22 апрѣля, по случаю назначенія его Секретаремъ Одесской Судебной Палаты; Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 3-го участка Сердобскаго уѣзда, округа Саратовскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Альбицкій**, Мировой Судья 2-го участка Кокандскаго уѣзда Титулярный Совѣтникъ графъ **Ламздорфъ** и Добавочный Мировой Судья округа Иркутскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Магнушевскій**, всѣ три согласно прошеніямъ, по случаю причисленія ихъ къ Министерству Юстиціи; Почетный Мировой Судья округа Тифлисскаго Окружнаго Суда, отставной Генералъ-Маіоръ князь Дмитрій **Макаевъ**, съ 29 ноября 1902 г., согласно прошенію.

Увольняются *отъ службы, согласно прошеніямъ:* Членъ Троицкаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Хохловъ** и Добавочный Мировой Судья Черкасскаго округа, Статскій Совѣтникъ **Остряковъ**, оба съ мундирами, означеннымъ должностямъ присвоенными.

Умершіе *исключаются изъ списковъ:* Членъ Омской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Турбинъ**; Мировой Судья 4-го участка Ревельско-Гапсальскаго округа, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Кедингъ**; Почетный Мировой Судья Новоалександровскаго округа, Коллежскій Совѣтникъ **Сутуловъ**; Мировой Судья 4-го участка Нижнеудинскаго уѣзда, Статскій Совѣтникъ **Гнѣдовскій**.

По межевому управленію.

Назначается Старшій Межевой Ревизоръ при Управленіи Межевою Частью, Межевой Инженеръ, Статскій Совѣтникъ **Семеновъ**—Харьковскимъ Губернскимъ Землемѣромъ, согласно прошенію.

Перемѣщается Харьковскій Губернскій Землемѣръ, Межевой Инженеръ Статскій Совѣтникъ **Кодратовскій** — Олонецкимъ Губернскимъ Землемѣромъ.

№ 39, мая 15 дня 1903 года.

По Правительствующему Сенату.

Назначается Чиновникъ особыхъ порученій V класса при Финляндскомъ Генералъ-Губернаторѣ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Папковъ**—Состоящимъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ, сверхъ комплекта, въ Судебномъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, съ 24 апрѣля, съ оставленіемъ его въ занимаемой имъ должности.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Членъ Стародубскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Смирновъ** и Предсѣдатель Съѣзда Мировыхъ Судей Митаво-Бauскаго округа, Статскій Совѣтникъ **Батюшковъ**—Членами Судебныхъ Палатъ: первый—Тифлисской, согласно прошенію, а второй—Харьковской; Причисленный къ Министерству, Статскій Совѣтникъ **Алексѣевъ**—Членомъ Кутаисскаго Окружнаго Суда.

№ 42, мая 24 дня 1903 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Товарищъ Предсѣдателя Уфимскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Бѣляевъ**—Членомъ Казанской Судебной Палаты, согласно прошенію; Мировой Судья г. Холма, 1-го округа Люблинской губерніи, Коллежскій Совѣтникъ **Грачевъ-Коссоговскій**, Городской Судья 2-го участка г. Козлова, Коллежскій Ассесоръ **Украинцевъ** и Причисленный къ Министерству, Коллежскій Ассесоръ **Крыловъ**—Членами Окружныхъ Судовъ: Грачевъ-Коссоговскій—Сѣдлецкаго, Украинцевъ—Тамбовскаго и Крыловъ—Нижегородскаго; Городской Судья 2-го участка г. Нѣжина, Коллежскій Совѣтникъ **Блиновъ**—Участковымъ Мировымъ Судьею Екатеринодарскаго округа Причисленный къ Министерству, Коллежскій Ассесоръ **Лядовъ**—Чиновни-

комъ особыхъ порученій VI класса при Министрѣ; Мировой Судья 9-го участка Ревельско-Гапсальскаго округа, Титулярный Совѣтникъ **Васильевъ**, Причисленный къ Министерству, Надворный Совѣтникъ **Бобрикъ** и Секретарь при Прокурорѣ Владимірскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Воскресенскій**—Товарищами Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: первый—Сѣдлецкаго, второй—Люблинскаго и послѣдній—Тобольскаго; Участковый Мировой Судья Бердичевскаго округа, Надворный Совѣтникъ **Лосевъ** и Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Елисаветградскомъ Окружномъ Судѣ, Коллежскій Секретарь **Кульвецъ**—Городскими Судьями Лосевъ—г. Углича, а Кульвецъ—г. Мелитополя; Участковый Мировой Судья Екатеринодарскаго округа, Коллежскій Ассесоръ **Сенюткинъ**—Мировымъ Судьею 1-го участка г. Томска, согласно прошенію.

Перемѣщаются: Предсѣдатель Тобольскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Сукачевъ**—Предсѣдателемъ Каменецъ-Подольскаго Окружнаго Суда; Членъ Виленской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Шильдеръ-Шульднеръ**—Членомъ С.-Петербургской Судебной Палаты, согласно прошенію; Товарищи Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Витебскаго, Коллежскій Ассесоръ **Быковъ**, Кашинскаго, Коллежскій Ассесоръ **Еропкинъ** и Люблинскаго, Коллежскій Ассесоръ **Жижинъ**—Товарищами Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: первый—С.-Петербургскаго, второй—Новгородскаго и послѣдній—Варшавскаго; Городской Судья 1-го участка г. Курска, Надворный Совѣтникъ **Котляровъ**—Городскимъ Судьею 1-го участка г. Воронежа.

Увольняются *отъ должности, согласно прошеніямъ*: Исправляющіе должность Судебнаго Слѣдователя округовъ Окружныхъ Судовъ: Костромскаго, 2-го участка Нерехтскаго уѣзда, Статскій Совѣтникъ **Аристовъ**, Минскаго, 1-го участка Рѣчицкаго уѣзда, Коллежскій Совѣтникъ **Ильченко** и Саратовскаго, 1-го участка Петровскаго уѣзда, Надворный Совѣтникъ **Лавровъ** и Городскіе Судьи: г. Чухломы, Титулярный Совѣтникъ **Свободовъ** и г. Углича, Титулярный Совѣтникъ **Волковъ**, изъ нихъ первые четыре по случаю причисленія ихъ къ Министерству, а послѣдній по случаю назначенія его Помощникомъ Мироваго Судьи Шаруро-Даралагезскаго отдѣла.

Увольняются *отъ службы согласно прошеніямъ*: Участковый Мировой Судья Винницкаго округа, Титулярный Совѣтникъ **Соловьевъ**, съ 1 Мая; Почетный Мировой Судья Митаво-Баускаго округа баронъ Георгій **Ганъ**.

Умершіе *исключаются изъ списковъ*: Товарищъ Предсѣдателя Тульскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Штюрмеръ**; Членъ Эриванскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Драгомирецкій**, Почетные Мировые Судьи: Митаво-Баускаго округа, въ должности Гофмейстера Высочайшаго Двора, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ графъ **Кейзерлингъ** и Невельскаго уѣзда, состоявшій за штатомъ Участковый Мировой Судья Невельскаго округа, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Вилинбаховъ**.

По Тюремному Управленію.

Назначаются: Товарищъ Прокурора Благовѣщенскаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ **Соколовъ**—Инспекторомъ по тюремной части при Приамурскомъ Генералъ-Губернаторѣ; Начальникъ Елисаветградской тюрьмы, Титулярный Совѣтникъ **Кривенко-Яновскій**—Начальникомъ Херсонскаго исправительнаго арестантскаго отдѣленія.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни,* Начальникъ Херсонскаго исправительнаго арестантскаго отдѣленія, Статскій Совѣтникъ **Тимченко**, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ.

ПРИКАЗЫ

ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

№ 11, отъ 7-го апрѣля 1903 года.

Причисляются *къ Министерству*: уволенный отъ должности, согласно прошенію, Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 14 марта сего года за № 21, бывшій участковый мировой судья Ольгопольскаго округа, коллежскій ассесоръ **Дембицкій**;

секретарь при прокурорѣ Ярославскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Кондратьевъ**, и. д. секретаря Нѣжинскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Рабчевскій**, помощникъ секретаря С.-Петербургской судебной палаты, титулярный совѣтникъ **Николинъ** и старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству: при Кіевской судебной палатѣ, титулярный совѣтникъ **Новицкій** и при окружныхъ судахъ: Московскомъ, коллежскій ассесоръ **Шокаревъ**, Гродненскомъ, коллежскій секретарь **Сухановъ** и Усть-Медвѣдицкомъ, коллежскій секретарь **Сутуловъ**—съ откомандированіемъ къ исправленію должностей: старшаго нотаріуса Гродненскаго окружнаго суда—Дембицкій, и судебнаго слѣдователя: Кондратьевъ—Михайловскаго уѣзда, округа Рязанскаго окружнаго суда, Рабчевскій—1 участка Борзенскаго уѣзда, округа Нѣжинскаго окружнаго суда, Николинъ—2 участка Новгородскаго уѣзда, Новицкій—вновь образованнаго 4 участка Кіевскаго уѣзда, Шокаревъ—3 участка Владикавказскаго уѣзда, Сухановъ—1 участка Слонимскаго уѣзда, округа Гродненскаго окружнаго суда, и Сутуловъ—2 участка Зміевскаго уѣзда, округа Харьковскаго окружнаго суда, изъ нихъ Дембицкій—съ 14 марта 1903 года.

Командируются: причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію должности судебнаго слѣдователя: 1 участка Борзенскаго уѣзда, округа Нѣжинскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Лысенко**—во 2 участокъ Кролевецкаго уѣзда, округа того же окружнаго суда; 3 участка Бѣлостокскаго уѣзда, округа Гродненскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Дембицкій**—въ 1 участокъ Гродненскаго уѣзда; 1 участка Слонимскаго уѣзда, округа Гродненскаго окружнаго суда, титу-

лярный совѣтникъ **Демьяновичъ**—въ 3 участокъ Бѣлостокскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда.

Причисленнаго къ Министерству Юстиціи, командированнаго для занятій въ главное тюремное управленіе, окончившаго курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ дипломомъ второй степени, **Мясоѣдова**—считать опредѣленнымъ въ службу съ 14 іюня 1902 года.

Увольняется *отъ службы, по болѣзни:* причисленный къ Министерству Юстиціи, губернскій секретарь **Вишневскій.**

По Правительствующему Сенату: назначается: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный для занятій въ канцелярію уголовнаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената **Сафоновъ**—исправляющимъ должность младшаго помощника оберъ-секретаря того же департамента Правительствующаго Сената, съ 7 марта 1903 года.

По Московскому архиву Министерства Юстиціи: увольняется *отъ службы, согласно прошенію:* старшій помощникъ редактора описей и изданій архива, коллежскій ассесоръ **Бѣлявскій**—съ 4 марта 1903 года.

По губернскимъ учрежденіямъ: назначаются: исправляющій должность помощника секретаря Варшавскаго окружнаго суда, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента **Новицкій** и старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству: при Бакинскомъ окружномъ судѣ: коллежскій ассесоръ **Зимовскій** и коллежскій секретарь **Полторацкій**—помощниками мировыхъ судей Шемахинскаго отдѣла, округа Бакинскаго окружнаго суда: Зимовскій—завѣдывающимъ Басхальскимъ слѣдственнымъ участкомъ, Полторацкій—завѣдывающимъ первымъ Кюрдамирскимъ слѣдственнымъ участкомъ и Новицкій—завѣдывающимъ Шемахинскимъ городскимъ слѣдственнымъ участкомъ.

Увольняется *отъ службы:* помощникъ мироваго судьи Тифлисскаго уѣзда, завѣдывающій Шулаверскимъ мировымъ участкомъ, коллежскій ассесоръ **Михайловъ,** по случаю назначенія младшимъ уполномоченнымъ при управленіи государственными имуществами Елисаветпольской губерніи, съ 23 ноября 1902 года.

Назначаются: участковый мировой судья Бѣлостоко-Сокольскаго округа, коллежскій ассесоръ **Сонгайлло,** мировые судьи: 2 участка Волковыскаго округа, коллежскій ассесоръ **Мануиловъ,** 1 участка Поневѣжскаго округа, статскій совѣтникъ **Гамбурцевъ** и 1 участка Дисненскаго округа, надворный совѣтникъ **Ува**—въ составъ уѣздныхъ по чиншевымъ дѣламъ присутствій: Сонгайлло—Сокольскаго, Мануиловъ—Волковыскаго, Гамбурцевъ—Поневѣжскаго и Ува—Дисненскаго.

гминными судьями: по Варшавской губерніи: Іосифъ **Сломчинскій**—V округа Варшавскаго уѣзда, Осипъ **Давидъ**—I округа Скерневицкаго уѣзда;

по Ломжинской губерніи: Антонъ **Анчиковскій**—III округа Кольненскаго уѣзда, Владиславъ **Высоцкій**—III округа Мазовецкаго уѣзда, Владиславъ **Скаржинскій**—II округа Щучинскаго уѣзда, Владиславъ **Коперчинскій**—IV округа того же уѣзда;

по Петроковской губерніи: Василій **Шишовъ**—III округа Ченстоховскаго уѣзда;

по Радомской губерніи: Эдуардъ **Плужанскій**—II округа Конскаго уѣзда, Маріанъ **Ягминъ**—III округа Козеницкаго уѣзда, Николай **Голяховскій**—I округа Опатовскаго уѣзда.

Утверждаются, *по выборамъ, гминными судьями:* по Варшавской губерніи: Эдуардъ **Пржездецкій**—VI округа Варшавскаго уѣзда, Александръ **Гурскій**—II округа Влоцлавскаго уѣзда, Владиславъ **Лясоцкій**—III округа Гостынскаго уѣзда, Бальтазаръ **Дашевскій**—I округа Гроецкаго уѣзда, Яковъ **Какетекъ**—III округа Ловичскаго уѣзда, Юліанъ **Брудзичъ**—III округа Нешавскаго уѣзда, Владиславъ **Гольчъ**—II округа Новоминскаго уѣзда, Антонъ **Вуйцицкій**—III округа того же уѣзда, Осипъ **Моравскій**—I округа Плонскаго уѣзда, Вацлавъ **Мечинскій**—II округа Пултускаго уѣзда, Фердинандъ **Василовскій**—I округа Радиминскаго уѣзда, Сигизмундъ **Гржибовскій**—I округа Сохачевскаго уѣзда;

по Ломжинской губерніи: Павелъ **Ржечковскій**—II округа Ломжинскаго уѣзда, Ксаверій **Черскій**—V округа того же уѣзда, Станиславъ **Будный**—III округа Остроленкскаго уѣзда, Михаилъ **Поплавскій**—III округа Островскаго уѣзда;

по Радомской губерніи: Щепанъ **Буковецкій**—V округа Радомскаго уѣзда, Осипъ **Рудзинскій**—VI округа того же уѣзда, Ѳома **Стахурскій**—V округа Илжецкаго уѣзда, Валеріанъ **Сташалекъ**—VII округа того же уѣзда, Игнатій **Голишевскій**—III округа Конскаго уѣзда, Станиславъ **Матулевичъ**—IV округа Козеницкаго уѣзда, Антонъ **Гавронскій**—II округа Опатовскаго уѣзда, Густавъ **Бонковскій**—I округа Опоченскаго уѣзда, Стефанъ **Бесѣкерскій**—II округа того же уѣзда и Эдмундъ **Піотровскій**—III округа Сандомирскаго уѣзда.

Переводится: гминный судья I округа Гроецкаго уѣзда Варшавской губерніи Александръ **Лада**—въ IV округъ Блонскаго уѣзда, той же губерніи.

Увольняется *отъ должности:* гминный судья I округа Млавскаго уѣзда **Кендзерскій**—по случаю назначенія его нотаріусомъ при ипотечной канцеляріи мироваго судьи г. Бендина, съ 6 марта 1903 года.

По главному тюремному управленію: переводится: помощникъ секретаря коммисара по финансовой части при главномъ начальникѣ Квантунской области, губернскій секретарь **Эрнстъ**—исправляющимъ должность помощника IV разряда начальника С.-Петербургскихъ мѣстъ заключенія, съ 1 февраля 1903 года;

Утверждается: временно исправляющій должность журналиста главнаго тюремнаго управленія, титулярный совѣтникъ **Бенкинъ**—въ исправляемой должности.

Увольняется *отъ службы: согласно прошенію:* канцелярскій чиновникъ главнаго тюремнаго управленія, надворный совѣтникъ **Никитинъ**—съ 1 марта 1903 года;

согласно прошенію, по болѣзни: смотрительница женскаго отдѣленія С.-Петербургской тюрьмы, вдова полковника **Ротъ**.

По Высочайше учрежденному Николаевскому Комитету для разбора и призрѣнія нищихъ въ С.-Петербургѣ увольняется отъ должности, согласно прошенію: младшій врачъ ле-

чебницы для приходящихъ при Высочайше учрежденномъ Николаевскомъ Комитетѣ для разбора и призрѣнія нищихъ, лекарь **Дагилайскій**—съ оставленіемъ на службѣ въ медицинскомъ департаментѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

№ 12, отъ 22-го апрѣля 1903 года.

Причисляются *къ Министерству*: помощникъ мирового судьи Сухумскаго отдѣла, округа Кутаисскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Хойскій**, старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству: при Московской судебной палатѣ: титулярные совѣтники: **Протченко** и **Шереметевскій** и при Рижскомъ окружномъ судѣ, титулярный совѣтникъ **Чаушанскій**—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебнаго слѣдователя: Хойскій—1 участка г. Екатеринодара, Протченко—1 участка Чердынскаго уѣзда, округа Пермскаго окружнаго суда, Чаушанскій—1 участка Венденскаго уѣзда, округа Рижскаго окружнаго суда, и **Шереметевскій**—вновь учрежденной должности судебнаго слѣдователя въ округѣ Пермскаго окружнаго суда.

Переводятся: старшій штатный чиновникъ особыхъ порученій при Орловскомъ губернаторѣ, штабсъ-ротмистръ запаса **Волочениновъ** и помощникъ столоначальника департамента общихъ дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, титулярный совѣтникъ **Краинскій**—въ вѣдомство Министерства Юстиціи, съ причисленіемъ къ сему Министерству и съ откомандированіемъ для занятій въ главное тюремное управленіе.

Командируются: причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію должности судебнаго слѣдователя: 7 участка г. Риги, коллежскій ассесоръ **Грошевой**—въ 8 участокъ г. Риги; 1 участка Венденскаго уѣзда, округа Рижскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Ольховскій**—въ 7 участокъ г. Риги; 2 участка Тихвинскаго уѣзда, округа Новгородскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Гурчинъ**—въ 3 участокъ Старорусскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда.

Отчисляется отъ Министерства: коллежскій секретарь баронъ **Врангель**—по случаю перевода на службу въ Министерство Императорскаго Двора, съ 1 января 1903 года.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію:* младшій дѣлопроизводитель перваго департамента Министерства Юстиціи, надворный совѣтникъ **Кочергинъ**, съ правомъ ношенія въ отставкѣ мундира, означенной должности присвоеннаго.

Умершіе *исключаются изъ списковъ:* причисленный къ Министерству, командированный къ исправленію должности судебнаго слѣдователя Наровчатскаго уѣзда, округа Пензенскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Левисъ**;

канцелярскій чиновникъ втораго департамента Министерства, губернскій секретарь **Антоновъ**.

По губернскимъ учрежденіямъ назначаются: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный для занятій въ канцелярію гражданскаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Се-

ната, коллежскій секретарь **Фабрикантъ**, старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству: при Одесской судебной палатѣ, коллежскій секретарь **Мышляевъ** и при окружныхъ судахъ: Московскомъ, губернскій секретарь **Сорочинскій** и Тифлисскомъ: титулярный совѣтникъ **Глусскій** и коллежскій секретарь **Фрискъ**—помощниками мировыхъ судей: Фабрикантъ—Бакинскаго уѣзднаго отдѣла, для мироваго разбирательства, Сорочинскій—Шушинскаго отдѣла, округа Елисаветпольскаго окружнаго суда, завѣдывающимъ Шушинскимъ слѣдственнымъ участкомъ, Мышляевъ—Джеваншırскаго отдѣла, округа Елисаветпольскаго окружнаго суда, завѣдывающимъ первымъ слѣдственнымъ участкомъ, Фрискъ—Ахалцихскаго отдѣла, округа Тифлисскаго окружнаго суда, и Глусскій—того же отдѣла, по мировому разбирательству.

Опредѣляются *въ службу:* отставной надворный совѣтникъ **Татариновъ** и окончившій курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ, съ дипломомъ второй степени, **Сурковъ**—съ назначеніемъ помощниками мировыхъ судей: первый—Елисаветпольскаго уѣзднаго отдѣла, завѣдывающимъ Дзегамскимъ мировымъ участкомъ, и второй—Тифлисскаго уѣзднаго отдѣла, завѣдывающимъ Лорійскимъ мировымъ участкомъ.

Перемѣщаются: помощники мировыхъ судей: Ахалцихскаго отдѣла, округа Тифлисскаго окружнаго суда, по мировому разбирательству, коллежскій ассесоръ **Кизирія**, того же отдѣла, титулярный совѣтникъ **Ширскій** и Тифлисскаго судебнаго отдѣла, завѣдывающій Лорійскимъ мировымъ участкомъ, титулярный совѣтникъ **Марцинкевичъ**—помощниками мировыхъ судей: Кизирія 3 отдѣла г. Тифлиса, Ширскій—Тифлисскаго уѣзднаго отдѣла, и Марцинкевичъ—того же отдѣла, завѣдывающимъ Шулаверскимъ мировымъ участкомъ.

Назначается: участковый мировой судья Каневскаго округа, коллежскій ассесоръ **Браиловскій**—въ составъ Канево-Васильковскаго уѣзднаго по чиншевымъ дѣламъ присутствія, съ 25 февраля 1903 года.

Умершіе *исключаются изъ списковъ*: гминные судьи Плоцкой губерніи: III округа Рыпинскаго уѣзда Павелъ **Суминскій**, III округа Серпецкаго уѣзда, коллежскій секретарь **Рудницкій** и III округа Плонскаго уѣзда, Антонъ **Ржемполускій**.

№ 13, отъ 7-го мая 1903 года.

Назначаются: помощникъ дѣлопроизводителя X класса перваго департамента Министерства Юстиціи, коллежскій секретарь **Парфеновъ**, причисленные къ сему департаменту: коллежскій секретарь **Корецкій**, титулярный совѣтникъ **Семеновъ** и титулярный совѣтникъ **Башкировъ** и младшій кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при С.-Петербургской судебной палатѣ, губернскій секретарь **Ватаци**—помощниками дѣлопроизводителей: Парфеновъ и Корецкій—IX класса, Семеновъ и Башкировъ—X класса перваго департамента, Ватаци—X класса второго департамента Министерства Юстиціи, по управленію эмеритальной кассы—всѣ пять съ 1 апрѣля 1903 года.

Опредѣляется *въ службу*: полковникъ въ отставкѣ **Шидловскій**—съ причисленіемъ къ Министерству Юстиціи и съ откомандированіемъ для занятій въ главное тюремное управленіе.

Причисляются къ Министерству: уволенные отъ должностей, согласно прошеніямъ, Высочайшими приказами по гражданскому вѣдомству: отъ 14 марта за № 21 исправлявшій должность судебнаго слѣдователя 2 участка Саратовскаго уѣзда, округа Саратовскаго окружнаго суда, статскій совѣтникъ **Шостаковскій**, отъ 22 марта за № 22, бывшій городской судья г. Нижняго-Ломова, окончившій курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ, съ дипломомъ второй степени, **Кузьминскій**, и отъ 1 апрѣля 1903 года за № 25, бывшіе городскіе судьи городовъ: Малоярославца, надворный совѣтникъ **Покровскій**, Моршанска, статскій совѣтникъ **Николинъ**, Новозыбкова, коллежскій секретарь **Дыновскій** и исправлявшіе должность судебнаго слѣдователя: 1 участка Нерехтскаго уѣзда, округа Костромскаго окружнаго суда, коллежскій совѣтникъ **Колычевъ**, Краснослободскаго уѣзда, округа Пензенскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Вишлинскій** и 2 участка Владиміръ-Волынскаго уѣзда, округа Луцкаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Остапюкъ**;

секретари окружныхъ судовъ: С.-Петербургскаго, коллежскій секретарь **Тройницкій**, Тамбовскаго, коллежскій секретарь **Жаворонковъ** и Симбирскаго, титулярный совѣтникъ **Дроздовъ**, секретари при прокурорахъ окружныхъ судовъ: Кашинскаго, коллежскій секретарь **Суховъ** и Луцкаго, окончившій курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ, съ дипломомъ второй степени, **Кротевичъ**, и старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству: при судебныхъ палатахъ: Варшавской, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ, съ званіемъ дѣйствительнаго студента, **Пепловскій** и Харьковской, титулярный совѣтникъ **Бабаковъ** и при окружныхъ судахъ: С.-Петербургскомъ, титулярный совѣтникъ **Гудвиловичъ**, Псковскомъ, коллежскій секретарь **Алексѣевъ**, Костромскомъ, коллежскій секретарь **Рязановскій**, Смоленскомъ, коллежскій ассесоръ **Крыловъ**, Череповецкомъ, коллежскій секретарь **Бржозовскій**, Саратовскомъ, окончившій курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ, **Ершовъ**, Орловскомъ, коллежскій секретарь **Цвѣтаевъ**, Екатеринославскомъ, титулярный совѣтникъ **Вейнбергъ**, Тобольскомъ, губернскій секретарь **Пищатовскій**, Ковенскомъ: титулярный совѣтникъ **Кучевскій** и коллежскій секретарь **Естифѣевъ**, Сувалкскомъ, титулярный совѣтникъ **Юхновскій** и Ломжинскомъ, коллежскій секретарь **Губскій** — съ откомандированіемъ къ исправленію должностей: старшаго нотаріуса окружныхъ судовъ: Покровскій—Калужскаго и Николинъ—Тамбовскаго, и судебнаго слѣдователя: Вишлинскій и Остапюкъ—по важнѣйшимъ дѣламъ округовъ окружныхъ судовъ: первый—Пензенскаго, второй—Луцкаго, Шостаковскій—2 участка округа Томскаго окружнаго суда, Кузьминскій—2 участка Нижне-Ломовскаго уѣзда, округа Пензенскаго окружнаго суда, Дыновскій—2 участка Стародубскаго уѣзда, Колычевъ—г. Костромы, Рязановскій—2 участка Варнавинскаго уѣзда, округа Костромскаго окружнаго суда, Кротевичъ—3 участка Владиміръ-Волынскаго уѣзда, округа Луцкаго окружнаго суда, Тройницкій—2 участка Валкскаго уѣзда, округа Рижскаго окружнаго суда, Жаворонковъ—1 участка Кирсановскаго уѣзда, округа Тамбовскаго окружнаго суда, Дроздовъ—2 участка

Сенгилеевскаго уѣзда, округа Симбирскаго окружнаго суда, Гудвиловичъ—3 участка Юрьевскаго уѣзда, округа Рижскаго окружнаго суда, Алексѣевъ—1 участка Боровичскаго уѣзда, округа Новогородскаго окружнаго суда, Суховъ—2 участка Весьегонскаго уѣзда, округа Кашинскаго окружнаго суда, Пепловскій—3 участка Красноуфимскаго уѣзда, округа Пермскаго окружнаго суда, Бабаковъ—1 участка Бахмутскаго уѣзда, округа Екатеринославскаго окружнаго суда, Крыловъ—Красненскаго уѣзда, округа Смоленскаго окружнаго суда, Бржозовскій—2 участка Кирилловскаго уѣзда, округа Череповецкаго окружнаго суда, Ершовъ—Аткарско-Камышинскаго участка, округа Саратовскаго окружнаго суда, Цвѣтаевъ—Малоархангельскаго уѣзда, округа Орловскаго окружнаго суда, Вейнбергъ—1 участка Славяносербскаго уѣзда, округа Екатеринославскаго окружнаго суда, Пищатовскій—Тарскаго уѣзда, округа Тобольскаго окружнаго суда, Кучевскій—4 участка Тельшевскаго уѣзда, округа Ковенскаго окружнаго суда, Естифѣевъ—4 участка Россіенскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда, Юхновскій—города Сувалокъ и Губскій—Пултускаго уѣзда, округа Ломжинскаго окружнаго суда, изъ нихъ: Шостаковскій—съ 14, Кузминскій—съ 22 марта, Колычевъ, Остапюкъ, Вишлинскій, Николинъ, Покровскій и Дыновскій—съ 1 апрѣля 1903 года.

Командируются: причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію должности судебнаго слѣдователя: города Сувалокъ, титулярный совѣтникъ **Пашкевичъ**, 3 участка г. Варшавы, коллежскій ассесоръ **Виноградскій**, Опатовскаго уѣзда, округа Радомскаго окружнаго суда, губернскій секретарь **Звиногродскій** и 4 участка Кишиневскаго уѣзда, коллежскій ассесоръ **Фрейнадъ**—къ исправленію должности судебнаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ округовъ окружныхъ судовъ: первый—Сувалкскаго, второй—Варшавскаго, третій—Плоцкаго и послѣдній—Кишиневскаго; 1 участка Боровичскаго уѣзда, округа Новогородскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Левашевъ**—къ исправленію должности судебнаго слѣдователя города Новгорода и по важнѣйшимъ дѣламъ округа Новгородскаго окружнаго суда; 2 участка Варнавинскаго уѣзда, округа Костромскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Брилингъ**—въ 1 участокъ Нерехтскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда; округа Луцкаго окружнаго суда: 1 участка Ковельскаго уѣзда, титулярный совѣтникъ Михаилъ **Теодоровичъ**—во 2 участокъ Владиміръ-Волынскаго уѣзда и 3 участка Владиміръ-Волынскаго уѣзда, титулярный совѣтникъ Владиміръ **Теодоровичъ**—въ 1 участокъ Ковельскаго уѣзда; округа Орловскаго окружнаго суда: 2 участка Карачевскаго уѣзда, титулярный совѣтникъ **Козловскій**—въ 1 участокъ г. Орла, и Малоархангельскаго уѣзда, титулярный совѣтникъ **Ольгинъ**—во 2 участокъ Карачевскаго уѣзда; 4 участка Россіенскаго уѣзда, округа Ковенскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Порѣцкій**—въ 3 участокъ Шавельскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда; 2 участка Аккерманскаго уѣзда, округа Кишиневскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Болотинъ**—въ 4 участокъ Кишиневскаго уѣзда; 1 участка Варшавскаго уѣзда, надворный совѣтникъ **Левковичъ**—въ 3 участокъ г. Варшавы; по важнѣйшимъ дѣламъ округа Люблинскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Никифоровъ**—въ 1 участокъ Варшавскаго уѣзда; округа Тамбовскаго окружнаго суда: Шацко-Спасскаго участка, кандидатъ правъ **Соколовъ**—въ 4 участокъ

Тамбовскаго уѣзда, 1 участка Козловскаго уѣзда, коллежскій секретарь **Тамаринъ**—въ Шацко-Спасскій участокъ, и 2 участка Елатомскаго уѣзда, титулярный совѣтникъ **Мартыновъ**—въ 1 участокъ Козловскаго уѣзда; Городокскаго уѣзда, округа Витебскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Снегиревъ**—въ 1 участокъ Двинскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда; 1 участка Кобринскаго уѣзда, округа Гродненскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Понятовскій**—въ Городокскій уѣздъ, округа Витебскаго окружнаго суда; 2 участка Мамадышскаго уѣзда, округа Казанскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Холявинъ**—во 2 участокъ Чистопольскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда; 3 участка Пермскаго уѣзда, надворный совѣтникъ **Любимовъ**—во вновь образованный 2 участокъ г. Перми; 2 участка Красноуфимскаго уѣзда, округа Пермскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Кролюницкій**—въ 3 участокъ Пермскаго уѣзда; Верхнеудинскаго участка, округа Читинскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Кубицкій**—въ 4 участокъ округа Иркутскаго окружнаго суда.

Отчисляется: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный для занятій въ канцелярію гражданскаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената **Бауеръ**—по случаю опредѣленія младшимъ кандидатомъ на должности по судебному вѣдомству при С.-Петербургской судебной палатѣ, съ 26 марта 1903 года.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни:* причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебнаго слѣдователя 1 участка Костромскаго уѣзда, статскій совѣтникъ **Румянцевъ**.

Умершій *исключается изъ списковъ:* причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебнаго слѣдователя Подольскаго уѣзда, округа Московскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Соколовъ**.

По Правительствующему Сенату: опредѣляется *въ службу:* отставной канцелярскій чиновникъ **фонъ-Эрценъ-Глеронъ** и отставной коллежскій секретарь **Ивановъ**—канцелярскими чиновниками въ канцеляріи: первый—судебнаго департамента, второй—перваго департамента Правительствующаго Сената, изъ нихъ—первый—съ 1 февраля, второй съ 31 марта 1903 года.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни:* канцелярскій чиновникъ департамента герольдіи Правительствующаго Сената, коллежскій секретарь **Ценно**—съ 6 марта 1903 года.

По Московскому архиву Министерства Юстиціи: назначается: старшій кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Стародубскомъ окружномъ судѣ, коллежскій секретарь **Щербакъ**—младшимъ помощникомъ архиваріуса Московскаго архива Министерства Юстиціи, съ 1 апрѣля 1903 года;

перемѣщается: младшій помощникъ архиваріуса Московскаго архива, коллежскій секретарь **Зенбицкій**—младшимъ помощникомъ редактора описей и изданій Московскаго архива Министерства Юстиціи, съ 1 апрѣля 1903 года.

По губернскимъ учрежденіямъ: назначаются: предсѣдатель съѣзда и мировой судья 1 участка Тельшевскаго округа, статскій

совѣтникъ **Орловскій** и почетный мировой судья Бердичевскаго округа, статскій совѣтникъ **Каменскій**—въ составъ уѣздныхъ по чиншевымъ дѣламъ присутствій: первый—Тельшевскаго, а послѣдній—Бердичевскаго; помощникъ секретаря Тифлисской судебной палаты, коллежскій секретарь **Пайчадзе**—помощникомъ мирового судьи Сигнахскаго отдѣла, округа Тифлисскаго окружнаго суда.

Перемѣщается: помощникъ мирового судьи Сигнахскаго отдѣла, округа Тифлисскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Горовой**—помощникомъ мироваго судьи 2 отдѣла г. Тифлиса.

По главному тюремному управленію: опредѣляется *въ службу:* отставной титулярный совѣтникъ **Флигенрингъ**—канцелярскимъ чиновникомъ главнаго тюремнаго управленія, съ 18 марта 1903 года.

Назначаются: канцелярскій чиновникъ главнаго тюремнаго управленія, коллежскій регистраторъ **Михайловъ**—исправляющимъ должность помощника IV разряда начальника С.-Петербургскихъ мѣстъ заключенія, и допущенная къ исправленію обязанностей смотрительницы женскаго отдѣленія С.-Петербургской тюрьмы, жена надворнаго совѣтника **Иванчина**—смотрительницею женскаго отдѣленія С.-Петербургской тюрьмы, изъ нихъ первый—съ 1 января 1903 года.

По Межевой части.

№ 3, апрѣля 22 дня 1903 года.

По Межевой Канцеляріи: Опредѣлены *на службу*: окончившіе курсъ: въ Горыгорецкихъ землемѣро-таксаторскихъ классахъ, съ званіемъ частнаго землемѣра и таксатора, Коллежскій Регистраторъ **Аниховскій** и въ Землемѣрныхъ Училищахъ: Псковскомъ: съ званіемъ частныхъ землемѣровъ и съ правомъ на чинъ XIV класса **Мартинъ** и **Букатинъ** и съ званіемъ частныхъ землемѣровъ **Дубининъ** и **Ивановъ** и Курскомъ, съ званіемъ частнаго землемѣра **Божовичъ**—Младшими Землемѣрными Помощниками, съ откомандированіемъ для занятій въ Губернскія Чертежныя: первый—Смоленскую, второй—Новгородскую, третій, четвертый и пятый—Псковскую, и шестой—Курскую; изъ нихъ: Дубининъ съ 3, Ивановъ съ 5 марта, Аниховскій съ 1, Божовичъ съ 15, Мартинъ и Букатинъ съ 18 апрѣля 1903 года.

Уволенъ *отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни:* Надзиратель Уфимскаго Землемѣрнаго Училища, Межевой Инженеръ, Коллежскій Совѣтникъ **Орловскій**, съ правомъ носить въ отставкѣ мундиръ, послѣдней должности его присвоенный, съ 6 марта 1903 года.

По губернской межевой части: Опредѣлены *на службу*: отставной Коллежскій Секретарь **Агамаловъ**, отставной Коллежскій Регистраторъ **Гогиладзе** и окончившій курсъ въ Пензенскомъ Землемѣрномъ Училищѣ, съ званіемъ частнаго землемѣра **Нероновъ**—Помощниками Землемѣровъ при Тифлисской Судебной Палатѣ: первые двое—Старшими, а послѣдній—Младшимъ; изъ нихъ: Нероновъ съ 12, Агамаловъ съ 17 Марта и Гогиладзе съ 1 Апрѣля 1903 года.

Назначены: Уѣздные Землемѣры губерній: Самарской, Надворный Совѣтникъ **Марковъ**, Новгородской, Надворный Совѣтникъ **Дубицкій**, Вятской, Надворный Совѣтникъ **Бойченко** и Псковской, Коллежскій Ассесоръ **Соколовъ**—Помощниками Губернскихъ Землемѣровъ: первый—Самарскаго, второй—Новгородскаго, третій—Вятскаго и четвертый—Псковскаго; Уѣздный Землемѣръ Приморской области, Надворный Совѣтникъ **Поротовъ**—Помощникомъ Приморскаго Областнаго Землемѣра; Младшій Землемѣръ Чертежной при Коммисіи для ограниченія земель Забайкальскаго казачьяго войска, Губернскій Секретарь **Бодѣевъ**—Старшимъ Землемѣромъ Чертежной при означенной Коммисіи; исполняющій обязанности Уѣзднаго Землемѣра Новгородской губерніи, Младшій Землемѣрный Помощникъ Межевой Канцеляріи, неимѣющій чина **Медзюнасъ**—Младшимъ Землемѣромъ Кубанской Областной Чертежной; Землемѣрные Помощники Межевой Канцеляріи: Старшій, Коллежскій Секретарь **Томашевъ** и Младшіе, командированные для занятій въ Псковскую Губернскую Чертержную: Титулярный Совѣтникъ **Коплановскій** и Губернскій Секретарь **Высоцкій**—для исполненія обязанностей Уѣздныхъ Землемѣровъ губерній: Томашевъ—Калужской, а послѣдніе—Псковской, всѣ трое съ оставленіемъ Землемѣрными Помощниками Межевой Канцеляріи; Младшій Помощникъ Землемѣра Терской Областной Чертежной, неимѣющій чина **Абаевъ**—Старшимъ Помощникомъ Землемѣра сей Чертежной; изъ нихъ: Бодѣевъ съ 6, Марковъ, Дубицкій, Бойченко, Соколовъ, Поротовъ съ 10, Коплановскій, Высоцкій съ 20 Марта, Томашевъ съ 15, Медзюнасъ и Абаевъ, съ 18 апрѣля 1903 года.

Переведенъ: Старшій Землемѣръ временной партіи по образованію переселенческихъ участковъ въ Уссурійскомъ краѣ, Титулярный Совѣтникъ **Казанцевъ**—въ вѣдомство Министерства Юстиціи, по межевой части, съ назначеніемъ Уѣзднымъ Землемѣромъ Приморской области, съ 21 Апрѣля 1903 года.

Перемѣщены: Помощники Губернскихъ Землемѣровъ: Харьковскаго, Межевой Инженеръ, Надворный Совѣтникъ **Шиловъ** и Курскаго, Надворный Совѣтникъ **Стыриковичъ**, Уѣздные Землемѣры губерній: Новгородской, Коллежскій Ассесоръ **Дмитріевъ** и Вологодской, Губернскій Секретарь **Муфель**—на таковыя же должности въ губерніи: первый—Курскую, второй и третій—Харьковскую и четвертый—Вятскую; исполняющіе обязанности Уѣздныхъ Землемѣровъ Новгородской губерніи, Старшіе Землемѣрные Помощники Межевой Канцеляріи, Межевые Инженеры, Коллежскіе Секретари: **Осинскій** и **Мухинъ**—для исполненія тѣхъ же обязанностей въ губерніи Осинскій—Херсонскую и Мухинъ—Казанскую, съ оставленіемъ Старшими Землемѣрными Помощниками Межевой Канцеляріи; командированный для занятій въ Курскую Губернскую Чертежную, Младшій Землемѣрный Помощникъ Межевой Канцеляріи, Коллежскій Регистраторъ **Скрицкій**—для тѣхъ же занятій въ Новгородскую Губернскую Чертежную; изъ нихъ: Осинскій, Мухинъ, Скрицкій съ 5, Шиловъ, Стыриковичъ съ 10, Дмитріевъ съ 17 и Муфель съ 20 марта 1903 года.

Уволены *отъ службы, согласно прошеніямъ:* Младшій Землемѣрный Помощникъ Тамбовской Губернской Чертежной, Губернскій Секретарь **Поповъ**, съ правомъ носить въ отставкѣ мундиръ, послѣдней должности его присвоенный, и исправляющій должность Дѣлопроизводителя Амурской Об-

ластной Чертежной, неимѣющій чина **Поповъ**; изъ нихъ: первый съ 27 Марта а послѣдній съ 18 Апрѣля 1903 года.

Умершіе *исключены изъ списковъ:* Старшій Помощникъ Землемѣра при Тифлисской Судебной Палатѣ, Коллежскій Ассесоръ **Ступниковъ** и состоящій при Подольской Губернской Чертежной, частный-землемѣръ таксаторъ, Коллежскій Ассесоръ **Ленартовичъ**.

№ 4, отъ 13 мая 1903 года.

По Межевой Канцеляріи: Опредѣлены *на службу:* окончившіе курсъ; въ Константиновскомъ Межевомъ Институтѣ, съ званіемъ Младшаго Землемѣрнаго Помощника и съ правомъ на чинъ XIV класса Леонидъ **Лоховъ** и въ Псковскомъ Землемѣрномъ Училищѣ, съ званіемъ частнаго землемѣра **Хиневичъ**—Младшими Землемѣрными Помощниками, съ откомандированіемъ для занятій въ Губернскія Чертежныя: первый—Псковскую, а послѣдній—Вологодскую; изъ нихъ: Лоховъ съ 5 и Хиневичъ съ 10 мая 1903 года.

Уволенъ *отъ службы, согласно прошенію:* командированный для занятій въ Таврическую Губернскую Чертежную, Старшій Землемѣрный Помощникъ, неимѣющій чина **Куртинайтисъ**, съ 10 мая 1903 года.

По губернской межевой части: назначены: Младшій Помощникъ Дѣлопроизводителя Межеваго Присутствія Тифлисской Судебной Палаты, Губернскій Секретарь **Альбовскій**—Старшимъ Помощникомъ Дѣлопроизводителя означеннаго Присутствія и командированный для занятій въ Вологодскую Губернскую Чертежную, Младшій Землемѣрный Помощникъ Межевой Канцеляріи, неимѣющій чина **Красильниковъ**—для исполненія обязанностей Уѣзднаго Землемѣра Вологодской губерніи, съ оставленіемъ Младшимъ Землемѣрнымъ Помощникомъ Межевой Канцеляріи; изъ нихъ: Красильниковъ съ 25 апрѣля, а Альбовскій съ 3 мая 1903 года.

Уволены *отъ службы согласно прошеніямъ:* Младшій Землемѣръ Кубанской Областной Чертежной, Коллежскій Ассесоръ **Калантаевскій** и Младшій Землемѣрный Помощникъ Смоленской Губернской Чертежной, Титулярный Совѣтникъ **Дембо**, оба съ правомъ носить въ отставкѣ мундиръ, послѣднимъ должностямъ ихъ присвоенный; изъ нихъ: Дембо съ 25 апрѣля а Калантаевскій съ 1 мая 1903 года.

Умершій *исключенъ изъ списковъ:* Старшій Помощникъ Дѣлопроизводителя Межеваго Присутствія Тифлисской Судебной Палаты, Надворный Совѣтникъ **Ювжикъ-Компанейцъ**.

ВСЕПОДДАННѢЙШІЙ ДОКЛАДЪ

МИНИСТРА ЮСТИЦІИ СТАТСЪ СЕКРЕТАРЯ Н. В. МУРАВЬЕВА

объ образованіи особой Коммисіи для разработки мѣропріятій, вызываемыхъ изданіемъ новаго уголовнаго уложенія.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано „Согласенъ и желаю успѣха“.

Въ Царскомъ Селѣ
13-го Мая 1903 г.

Въ Царственныхъ заботахъ о преуспѣяніи и всестороннемъ обновленіи обширнаго Сибирскаго края Вашему Императорскому Величеству благоугодно было въ 1899 году остановить Свое попечительное вниманіе на вопросѣ о ссылкѣ и каторгѣ, многократно возникавшемъ, но не получившемъ дотолѣ кореннаго разрѣшенія.

По разсмотрѣніи означеннаго вопроса въ особомъ совѣщаніи, подъ личнымъ Вашего Величества предсѣдательствомъ, Ваше Императорское Величество, въ 6 день мая 1899 года, Высочайше повелѣть соизволили: приступить къ безотлагательному разрѣшенію вопроса объ отмѣнѣ или ограниченіи ссылки, назначаемой какъ по суду, такъ и въ порядкѣ административномъ, по приговорамъ мѣщанскихъ и сельскихъ обществъ; для исполненія же таковой Монаршей Воли:

I. Образовать, подъ предсѣдательствомъ Министра Юстиціи, Коммисію изъ чиновъ Министерства Юстиціи и представителей подлежащихъ вѣдомствъ.

II. Возложить на сію Коммисію разработку предположеній:

1) о замѣнѣ ссылки, назначаемой по суду, другими соотвѣтственными наказаніями;

2) объ отмѣнѣ или ограниченіи административной ссылки по приговорамъ мѣщанскихъ и крестьянскихъ обществъ;

3) о переустройствѣ каторги и послѣдующаго за ней поселенія;

4) объ упорядоченіи участи ссыльныхъ, находящихся нынѣ въ Сибири;

5) о преобразованіи учрежденій, вѣдающихъ пересыльную часть и распредѣленіе ссыльныхъ;

6) объ учрежденіи принудительныхъ общественныхъ работъ и рабочихъ домовъ, какъ мѣръ предупредительныхъ и карательныхъ,—и

7) о денежныхъ средствахъ, необходимыхъ для осуществленія мѣропріятій, вызываемыхъ отмѣною или ограниченіемъ ссылки и преобразованіемъ карательныхъ учрежденій.

III. Предоставить Министру Юстиціи, по мѣрѣ составленія въ означенной Коммисіи отдѣльныхъ предположеній, непосредственно и безъ предварительнаго сношенія съ вѣдомствами, испрашивать Высочайшія указанія относительно дальнѣйшаго направленія сихъ предположеній, смотря по свойству ихъ, въ Государственный Совѣтъ, Комитетъ Министровъ или Комитетъ Сибирской желѣзной дороги.

По всеподданнѣйшему докладу моему, въ 12 день мая 1899 года, воспослѣдовало Высочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе объ устройствѣ упомянутой Коммисіи о мѣропріятіяхъ по отмѣнѣ ссылки, и вслѣдъ засимъ Коммисія эта приступила къ выполненію Высочайше возложенныхъ на нее задачъ.

Въ точномъ соотвѣтствіи съ предначертаніями Вашего Императорскаго Величества Коммисіею на первую очередь была поставлена разработка предположеній объ отмѣнѣ ссылки и о необходимыхъ для осуществленія означенной мѣры денежныхъ средствахъ (п.п. 1, 2 и 7 отд. II Высочайшаго повелѣнія 6 мая 1899 г.).

Составленный по сему предмету, на основаніи сужденій Коммисіи, законопроектъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ внесенъ мною на уваженіе Государственнаго Совѣта, мнѣніе коего въ 10 день іюня 1900 года удостоилось Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества утвержденія.

При дальнѣйшихъ работахъ Коммисія перешла къ обсужденію вопросовъ объ упорядоченіи участи ссыльныхъ, находящихся нынѣ въ Сибири, и о преобразованіи учрежденій, вѣдающихъ пересыльную часть и распредѣленіе ссыльныхъ (п.п. 4 и 5 отд. II Высочайшаго повелѣнія 6 мая 1899 г.).

По всестороннемъ соображеніи въ Коммисіи упомянутыхъ вопросовъ, въ Министерствѣ Юстиціи, по Главному Тюремному Управленію,

было составлено и затѣмъ въ октябрѣ минувшаго года внесено мною въ Государственный Совѣтъ и уже получило утвердительное разрѣшеніе представленіе объ упраздненіи должностей инспекторовъ Нижегородско-Тюменскаго и Тюменско-Ачинскаго ссыльныхъ трактовъ и дополненіи штата конвойной стражи. Затѣмъ въ Коммисіи были подвергнуты подробной разработкѣ предположенія: а) о облегченіи и упорядоченіи участи ссыльныхъ, находящихся нынѣ въ Сибири и въ отдаленныхъ губерніяхъ, и б) объ упраздненіи Тюменскаго приказа о ссыльныхъ и связанныхъ съ этою мѣрою измѣненіяхъ въ уставѣ о ссыльныхъ. Составленные въ Главномъ Тюремномъ Управленіи законопроекты по означеннымъ двумъ предметамъ уже разсмотрѣны и одобрены Коммисіею и въ самомъ непродолжительномъ времени имѣютъ быть внесены на уваженіе Государственнаго Совѣта.

Что же касается засимъ остальныхъ двухъ, подлежащихъ разработкѣ въ Коммисіи вопросовъ: 1) о переустройствѣ каторги и послѣдующаго за ней поселенія и 2) объ учрежденіи принудительныхъ общественныхъ работъ и рабочихъ домовъ (п.п. 3 и 6 приведеннаго Высочайшаго повелѣнія),—то вопросы эти не могли быть подвергнуты обсужденію Коммисіи по тѣсной связи ихъ съ новымъ уголовнымъ уложеніемъ—до утвержденія въ законодательномъ порядкѣ сего послѣдняго. Въ настоящее время означенные вопросы вошли въ число порученій, данныхъ Министрамъ Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ Высочайше утвержденнымъ 22 марта сего года постановленіемъ Государственнаго Совѣта, послѣдовавшимъ при разсмотрѣніи проекта упомянутаго уложенія. Постановленіемъ этимъ предоставлено между прочимъ: во 1-хъ, Министру Юстиціи—выработать мѣры къ приведенію тюремной части въ соотвѣтствіе съ новымъ уголовнымъ уложеніемъ, а именно — къ устройству каторжныхъ тюремъ и исправительныхъ домовъ съ такими приспособленіями, чтобы заключенные въ оныхъ могли быть разобщаемы въ ночное время, а въ исправительныхъ домахъ—и на свободное отъ работъ время и чтобы въ теченіе указанныхъ закономъ сроковъ первоначальнаго заключенія въ исправительныхъ домахъ и всего срока заключенія въ тюрьмахъ приговоренные могли содержаться въ одиночныхъ камерахъ, и своимъ по сему предмету предположеніямъ, въ связи съ финансовою стороною дѣла и вопросомъ о срокѣ ихъ осуществленія, дать дальнѣйшее, въ установленномъ порядкѣ, движеніе въ непродолжительномъ, по возможности, времени (п. 1 ст. I упомянутаго постановленія Государственнаго Совѣта) и, во 2-хъ, Министрамъ Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи—выработать и внести на законодательное разсмотрѣніе, по сношеніи съ подлежащими

вѣдомствами, правила о принудительномъ трудѣ въ работныхъ домахъ и при общественныхъ работахъ (п. 2 ст. III того же постановленія Государственнаго Совѣта).

Въ приведенномъ порученіи Государственнаго Совѣта вопросъ о переустройствѣ каторги является лишь частью общаго вопроса—о мѣрахъ къ приведенію вообще тюремной части въ соотвѣтствіе съ новымъ уголовнымъ уложеніемъ,—и въ такомъ видѣ уже выходитъ, по своему объему, за предуказанные Вашимъ Величествомъ предѣлы задачъ, возложенныхъ собственно на Коммисію о мѣропріятіяхъ по отмѣнѣ ссылки.

По существу изъясненнаго общаго вопроса надлежитъ имѣть въ виду, что новымъ уголовнымъ уложеніемъ совершенно видоизмѣнено, по сравненію съ дѣйствующими законами, карательное лишеніе свободы. Слѣдуя основнымъ началамъ карательной системы, утвержденнымъ еще закономъ 11 декабря 1879 года, означенное уложеніе имѣетъ въ виду замѣнить казарменное содержаніе арестантовъ, съ общеніемъ днемъ и ночью,—одиночнымъ заключеніемъ на все время содержанія—для тюремъ, общимъ заключеніемъ съ разобщеніемъ на свободное отъ работъ время и на ночь — для исправительныхъ домовъ и общимъ заключеніемъ съ разобщеніемъ, во всякомъ случаѣ, на ночь—для каторжныхъ тюремъ. Между тѣмъ изъ существующихъ въ настоящее время въ Сибири каторжныхъ тюремъ лишь немногія (каковы, напримѣръ, Тобольская тюрьма № 1 и Александровская, близъ Иркутска) вполнѣ соотвѣтствуютъ означеннымъ условіямъ,—остальныя же Сибирскія тюрьмы страдаютъ различными недостатками, относящимися или къ неудовлетворительности самыхъ тюремныхъ зданій, нерѣдко деревянныхъ и ветхихъ, или же къ порядку размѣщенія заключенныхъ, или же къ организаціи работъ. Еще въ худшемъ положеніи находятся каторжныя тюрьмы на о. Сахалинѣ, за исключеніемъ Онорской. Тюрьмы эти деревянныя и притомъ вслѣдствіе крайней ветхости не допускаютъ возможности ихъ ремонта. Чрезвычайное переполненіе тюремныхъ помѣщеній арестантами устраняетъ всякую возможность соблюденія въ нихъ основныхъ требованій гигіены, и тюрьма нерѣдко можетъ дать заключеннымъ только немногимъ болѣе половины нормальнаго кубическаго содержанія воздуха. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ пенитенціарномъ отношеніи означенныя тюрьмы являются совершенно неудовлетворительными, такъ какъ въ нихъ нѣтъ раздѣленія арестантовъ по какимъ либо категоріямъ, даже нѣтъ разобщенія испытуемыхъ отъ исправляющихся. Въ то же время при тюрьмахъ не имѣется ни одиночныхъ камеръ, ни карцеровъ и, при отсутствіи пра-

вильной организаціи внутреннихъ работъ, внѣшнія работы недостаточно тяжки и количественно невелики.

При такихъ условіяхъ современная каторга подлежитъ, конечно, коренному переустройству, сопряженному, во всякомъ случаѣ, съ значительными денежными изъ казны расходами, несмотря на то, что при дѣйствіи новаго уголовнаго уложенія, уменьшившаго число преступныхъ дѣяній, караемыхъ каторгою, и облегчившаго для суда, при назначеніи наказанія, переходъ отъ каторги къ низшему наказанію, исправительному дому,—число каторжныхъ должно въ будущемъ значительно понизиться.

Обращаясь затѣмъ къ другимъ видамъ карательнаго лишенія свободы по новому уголовному уложенію, пріемлю долгъ всеподданнѣйше доложить, что предпринятое во исполненіе закона объ отмѣнѣ ссылки общее переустройство исправительныхъ арестантскихъ отдѣленій, съ необходимыми притомъ приспособленіями, соотвѣтствующими всѣмъ требованіямъ, устанавливаемымъ новымъ уголовнымъ уложеніемъ для исправительныхъ домовъ, дѣятельно ведется Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ, согласно основаніямъ, изложеннымъ во всеподданнѣйшемъ моемъ докладѣ, удостоившемся въ 28 день ноября 1901 года Всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества одобренія.

Такимъ образомъ, можно выразить твердую увѣренность въ томъ, что потребное количество арестантскихъ мѣстъ, съ режимомъ исправительнаго дома, будетъ въ распоряженіи Правительства при введеніи въ дѣйствіе уголовнаго уложенія, безъ новыхъ на этотъ предметъ ассигнованій со стороны государственнаго казначейства.

Въ менѣе благопріятномъ положеніи и, во всякомъ случаѣ, болѣе труднымъ и сложнымъ представляется вопросъ о правильной организаціи тюремнаго заключенія, т. е. отбыванія наказанія лицами, приговариваемыми къ тюрьмѣ по новому уголовному уложенію. По этому уложенію приговоренные къ тюрьмѣ содержатся въ одиночномъ заключеніи и лишь при неимѣніи или недостаткѣ одиночныхъ камеръ,—совмѣстно съ другими заключенными, и въ семъ случаѣ четыре дня общаго заключенія считаются равными тремъ днямъ одиночнаго. Такимъ образомъ одиночное заключеніе признается уложеніемъ за коренное основаніе пенитенціарной системы,—по крайней мѣрѣ, въ примѣненіи къ наказанію тюрьмою,—а потому слѣдуетъ стремиться къ созданію такихъ условій, при которыхъ замѣна одиночнаго заключенія общимъ была бы лишь скоропреходящимъ исключеніемъ или даже не требовалась бы вовсе. Въ этомъ именно обстоятельствѣ и заключается

одна изъ главныхъ трудностей необходимаго приспособленія тюремной части къ введенію новаго уложенія, такъ какъ наши нынѣшнія тюрьмы недостаточны и неудовлетворительны какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніи. Со стороны качественной, въ нихъ нѣтъ повсемѣстнаго одиночнаго заключенія, нѣтъ еще вполнѣ правильной и систематической организаціи принудительныхъ работъ. Со стороны же количественной, для введенія въ дѣйствіе упомянутаго уложенія, нужно будетъ къ теперешнимъ одиночнымъ камерамъ, путемъ переустройства существующихъ и возведенія новыхъ тюремъ, прибавить еще около 28000 одиночныхъ келій. Вычисленіе стоимости всѣхъ этихъ сооруженій требуетъ, конечно, самой тщательной и подробной разработки, но уже и въ настоящее время, по приблизительному подсчету, можно съ увѣренностью предположить, что для завершенія тюремнаго преобразованія, по началамъ новаго уголовнаго уложенія, во всякомъ случаѣ, потребуется многомилліонный расходъ.

Въ такомъ видѣ, въ общихъ чертахъ, представляется проектируемое приведеніе тюремной части въ соотвѣтствіе съ новымъ уголовнымъ уложеніемъ, то есть выполненіе одного изъ порученій, возложенныхъ нынѣ законодательною властью на Министерство Юстиціи.

Но и помимо означеннаго порученія, Государственный Совѣтъ, постановленіемъ своимъ, удостоившимся Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества утвержденія въ 22 день марта сего года, предоставилъ Министру Юстиціи, а частью Министру Юстиціи совмѣстно съ Министрами Внутреннихъ Дѣлъ и Иностранныхъ Дѣлъ выработать и внести на уваженіе законодательной власти предположенія по ряду другихъ вопросовъ, равнымъ образомъ находящихся въ непосредственной связи съ утвержденіемъ новаго уголовнаго уложенія и разрѣшеніе коихъ имѣетъ весьма существенное значеніе для успѣшнаго приведенія сего уложенія въ дѣйствіе. Нѣкоторыя изъ преднамѣченныхъ мѣръ, а именно по вопросамъ: а) о своевременности примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія лицъ, приговоренныхъ къ лишенію свободы, б) о большемъ развитіи патроната и в) о порядкѣ содержанія въ тюремномъ заключеніи несовершеннолѣтнихъ, коимъ наказаніе это назначается вмѣсто смертной казни или каторги (ст. I п. 2 лит. г, д, ж Высочайше утвержденнаго 22 марта 1903 г. постановленія Государственнаго Совѣта), носятъ чисто тюремный характеръ. Другія же мѣры имѣютъ исключительно уголовное (карательно-судопроизводственное) значеніе; къ числу этихъ послѣднихъ должна быть отнесена разработка предположеній: 1) объ установленіи правила, въ силу коего приговоренный къ за-

ключенію въ тюрьмѣ или къ аресту, если судъ признаетъ его учинившимъ преступное дѣяніе вслѣдствіе привычки къ пьянству, могъ бы быть, по опредѣленію о томъ суда, помѣщенъ, по отбытіи тюремнаго заключенія, въ подлежащее врачебное заведеніе на необходимый для излеченія срокъ; 2) о мѣрахъ, которыя необходимо установить въ отношеніи лицъ, обращающихъ преступныя дѣянія въ промыселъ или привычку; 3) о возможности включенія въ систему карательныхъ мѣръ условнаго осужденія; 4) о дополненіи устава уголовнаго судопроизводства цѣлымъ рядомъ процессуальныхъ правилъ, вызываемыхъ новымъ уложеніемъ (ст. I п. 2 лит. а, б, в и п. 3 приведеннаго постановленія). Къ этой же категоріи примыкаютъ порученные для разработки совмѣстно Министрамъ Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи вопросы: 1) о возможности изъятія изъ подсудности волостныхъ судовъ дѣлъ о кражѣ и мошенничествѣ, совершаемыхъ лицами, на коихъ простирается власть сихъ судовъ, съ передачею преступныхъ этого рода дѣяній въ вѣдѣніе подлежащихъ судебныхъ установленій, а равно о пересмотрѣ, примѣнительно къ новому уложенію, правилъ уголовной подсудности для установленій, образованныхъ по закону 12 іюля 1889 года; 2) о разработкѣ правилъ о принудительномъ трудѣ въ работныхъ домахъ и при общественныхъ работахъ и 3) о пересмотрѣ, въ видахъ согласованія съ новымъ уголовнымъ уложеніемъ, перечня лицъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній (ст. III п. 1—3 упомянутаго постановленія). Затѣмъ, возложенное совмѣстно на Министровъ Юстиціи и Иностранныхъ Дѣлъ порученіе относительно всесторонней разработки вопроса о выдачѣ преступниковъ,—тѣсно связаннаго и съ карательною дѣятельностью государства, и съ областью международныхъ сношеній,—имѣетъ характеръ уголовно-дипломатическій.

Приступая въ виду сего къ обсужденію вопроса о способѣ наиболѣе успѣшнаго осуществленія всѣхъ предстоящихъ центральному управленію ввѣреннаго мнѣ Министерства по указаннымъ выше предметамъ сложныхъ и многообразныхъ работъ, я не могу не принять во вниманіе, что, какъ уже я имѣлъ счастіе докладывать Вашему Императорскому Величеству,—составленіе предположеній по двумъ изъ числа изъясненныхъ вопросовъ—о переустройствѣ каторги и объ учрежденіи принудительныхъ общественныхъ работъ и работныхъ домовъ—относится непосредственно къ предметамъ занятій Высочайше учрежденной Коммисіи о мѣропріятіяхъ по отмѣнѣ ссылки. Но дальнѣйшая разработка въ названной Коммисіи предположеній по означеннымъ предметамъ,—внѣ связи съ общимъ ходомъ работъ по приведенію тюремной части и уголовнаго законодательства

въ соотвѣтствіе съ новымъ уголовнымъ уложеніемъ, едва ли однако могла бы обезпечить необходимое единство въ осуществленіи всѣхъ сихъ преобразованій.

Поэтому и признавая, съ своей стороны, что порядокъ разработки всѣхъ мѣръ по изъясненному предмету, во всей ихъ совокупности, долженъ отвѣчать какъ первостепенной ихъ важности, такъ и потребности скорѣйшаго проведенія ихъ въ жизнь, я полагалъ бы необходимымъ Высочайше учрежденную Коммисію о мѣропріятіяхъ по отмѣнѣ ссылки преобразовать въ особую, подъ предсѣдательствомъ Министра Юстиціи, Коммисію для обсужденія мѣропріятій, вызываемыхъ изданіемъ новаго уголовнаго уложенія, учредивъ эту Коммисію въ составѣ: Товарища Министра Юстиціи, Управляющаго Межевою Частью на правахъ Товарища Министра Юстиціи, нѣсколькихъ Сенаторовъ, Высочайшею Волею къ тому назначенныхъ, Директоровъ обоихъ Департаментовъ Министерства Юстиціи, Начальника Главнаго Тюремнаго Управленія, Оберъ-Прокурора Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената и представителей Министерствъ: Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ, Военнаго, Морскаго и Иностранныхъ Дѣлъ (для участія въ разработкѣ предположеній о выдачѣ преступниковъ), а также Государственнаго Контроля и Государственной Канцеляріи, по назначенію подлежащихъ Министровъ, Государственнаго Контролера и Государственнаго Секретаря. Предметъ занятій означенной Коммисіи должно составить выполненіе всѣхъ исчисленныхъ выше законодательныхъ работъ,—въ томъ числѣ и порученій, возложенныхъ Государственнымъ Совѣтомъ на Министра Юстиціи непосредственно, а равно на Министра Юстиціи совмѣстно съ Министрами Внутреннихъ Дѣлъ и Иностранныхъ Дѣлъ, поскольку эти послѣднія порученія относятся къ кругу вѣдомства Министерства Юстиціи.

Съ учрежденіемъ Коммисіи Предсѣдателю ея надлежало бы предоставить право:

1) приглашать въ составъ ея, на правахъ членовъ, всѣхъ тѣхъ лицъ, участіе коихъ въ трудахъ Коммисіи будетъ признано полезнымъ по ихъ служебному положенію, научнымъ познаніямъ или практической опытности;

2) образовать при Коммисіи особые отдѣлы подъ предсѣдательствомъ Членовъ Коммисіи: а) Начальника Главнаго Тюремнаго Управленія—для предварительной разработки вопросовъ тюремнаго свойства, и б) Оберъ-Прокурора Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента—для предварительной разработки вопросовъ уголовныхъ, изъ лицъ, особо назначенныхъ Предсѣдателемъ, съ тѣмъ, чтобы составленныя озна-

ченными отдѣлами предположенія были затѣмъ подвергнуты окончательному обсужденію въ общемъ собраніи Коммисіи;

3) возлагать, въ случаѣ надобности, предсѣдательствованіе въ Коммисіи на Товарища Министра Юстиціи;

4) дѣлопроизводство Коммисіи возложить на Юрисконсультскую Часть Министерства Юстиціи и чиновъ Главнаго Тюремнаго Управленія, по назначенію Предсѣдателя;

5) по мѣрѣ составленія въ Коммисіи отдѣльныхъ предположеній: а) опубликовать ихъ во всеобщее свѣдѣніе, и б) давать имъ дальнѣйшее направленіе, въ установленномъ порядкѣ, непосредственно и безъ предварительнаго сношенія съ вѣдомствами, представители которыхъ принимали участіе при ихъ разсмотрѣніи въ Коммисіи, и

6) о ходѣ работъ означенной Коммисіи дважды въ годъ представлять на Высочайшее благовоззрѣніе всеподданнѣйшіе отчеты.

Повергая изложенное на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Вашего Императорскаго Величества, имѣю счастіе всеподданнѣйше испрашивать Высочайшее повелѣніе о преобразованіи, на изъясненныхъ выше основаніяхъ, Высочайше учрежденной 6 мая 1899 года Коммисіи о мѣропріятіяхъ по отмѣнѣ ссылки, въ Особую Коммисію для разработки мѣропріятій, вызываемыхъ изданіемъ новаго уголовнаго уложенія.

На случай, если бы приведенныя предположенія мои удостоились Высочайшаго одобренія, всеподданнѣйше ходатайствую о назначеніи членами упомянутой Коммисіи Сенаторовъ: Первоприсутствующаго Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Таганцева и Тайныхъ Совѣтниковъ Кони, Фойницкаго и Случевскаго.

СООБЩЕНІЕ ПО ДѢЛУ О СМЕРТИ РУМЫНСКОЙ ПОДДАННОЙ ТАТЬЯНЫ ЗОЛОТОВОЙ.

17 января текущаго года въ № 13 Правительственнаго Вѣстника опубликовано было Министерствомъ Юстиціи сообщеніе по дѣлу румынской подданной Татьяны Ивановой Золотовой, умершей 6 мая 1902 года въ Тихорѣцкомъ хуторскомъ арестномъ помѣщеніи, гдѣ она содержалась съ 1 того же мая по обвиненію въ кражѣ на станціи Владикавказской желѣзной дороги Тихорѣцкой изъ желѣзнодорожнаго поѣзда свертка со шпагою и зонтикомъ, принадлежавшими одному изъ пассажировъ, бывшему городскому судьѣ 3-го участка г. Симбирска Добровольскому.

Въ означенномъ сообщеніи, въ дополненіе къ оглашенному въ іюлѣ минувшаго года въ газетѣ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ и другихъ повременныхъ изданіяхъ разъясненію Министерства Юстиціи по вышеуказанному дѣлу, изложены были свѣдѣнія о ходѣ и положеніи производившихся въ округѣ Екатеринодарскаго окружнаго суда судебнымъ слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ того же суда Алексѣевымъ предварительныхъ слѣдствій по дѣламъ объ учиненной Татьяною Золотовою кражѣ, изслѣдованіи причины ея смерти и безпорядкахъ, произведенныхъ 9 мая 1902 года желѣзнодорожными рабочими въ хуторѣ Тихорѣцкомъ послѣ погребенія Золотовой, изъ коихъ два первыхъ дѣла прекращены опредѣленіями Екатеринодарскаго окружнаго суда, отъ 7 января 1903 года, въ порядкѣ, указанномъ ст. 277 уст. угол. суд.,—а также и о возбужденіи, по распоряженію Министра Юстиціи, новаго предварительнаго слѣдствія о насильственномъ лишеніи жизни Татьяны Золотовой. Это послѣднее слѣдствіе, производство котораго возложено было на судебнаго слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ при С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бурцова, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ прокурора Тифлисской судебной палаты дѣйствительнаго статскаго совѣтника Кова-

ленскаго, назначено въ цѣляхъ окончательнаго выясненія всѣхъ обстоятельствъ дѣла Татьяны Золотовой и провѣрки категорическихъ указаній на насильственную причину смерти Золотовой, заключавшихся въ отпечатанныхъ въ № 15 газеты „С.-Петербургскія Вѣдомости", отъ 16 января сего года, „письмѣ въ редакцію" князя Михаила Андроникова и статьѣ подъ заглавіемъ „Нельзя молчать", за подписью „Мечтатель" (псевдонимъ присяжнаго повѣреннаго Трозинера).

Данными возникшаго при описанныхъ условіяхъ предварительнаг слѣдствія, нынѣ законченнаго, при чемъ допрошено болѣе 200 свидѣтелей, съ несомнѣнностью подтверждены результаты прежнихъ разслѣдованій по дѣлу Татьяны Золотовой, произведенныхъ органами мѣстной судебной власти, а также собранныя и уже опубликованныя въ разъясненіи Министерства Юстиціи по сему дѣлу свѣдѣнія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ положительностью установлена ложность всѣхъ слуховъ относительно насильственной смерти Золотовой и преступныхъ по отношенію къ ней дѣйствій, приписанныхъ и. д. судебнаго слѣдователя 2-го участка Кавказскаго отдѣла Пусеппу и городскому судьѣ Добровольскому, и основанныхъ на этихъ слухахъ газетныхъ сообщеній. По этому поводу, па основаніи совокупности всѣхъ обстоятельствъ произведеннаго нынѣ предварительнаго слѣдствія, надлежитъ прійти къ нижеслѣдующимъ безспорнымъ фактическимъ выводамъ:

1) Умершая Татьяна Золотова, дочь проживающаго въ г. Екатеринодарѣ румынскаго подданнаго Ивана Золотова, по занятію сапожника, съ 16-лѣтняго возраста и до послѣднихъ дней своей жизни вела разгульный образъ жизни, открыто предаваясь пьянству и разврату, и, состоя съ октября 1898 года въ качествѣ проститутки подъ врачебно-полицейскимъ надзоромъ въ г. Екатеринодарѣ, проживала отдѣльно отъ родителей по установленному для публичныхъ женщинъ особому билету.

2) 30 апрѣля 1902 года, въ 11 час. 20 мин. вечера Золотова выѣхала съ желѣзнодорожнымъ поѣздомъ въ вагонѣ III класса изъ Екатеринодара въ станицу Новопокровскую вмѣстѣ съ двумя своими подругами, проститутками Софьею Ребріевою и Θеодосіею Клюевою (нынѣ Луневой), къ содержателю ярмарочной гостиницы Балычеву, нанявшему ихъ на время ярмарки для увеселенія гостей. Поѣздъ этотъ, шедшій на Царицынъ, прибылъ съ небольшимъ опозданіемъ 1 мая въ 3 ч. 25 м. утра на станцію Тихорѣцкую, гдѣ по росписанію онъ долженъ былъ простоять до 7 часовъ утра.

3) Въ поѣздѣ, въ которомъ выѣхала Золотова съ подругами изъ

Екатеринодара, ни судебный слѣдователь Пусеппъ, ни городской судья Добровольскій не слѣдовали, такъ какъ первый изъ нихъ 30 апрѣля 1902 года никуда изъ хутора Тихорѣцкаго не выѣзжалъ и съ момента прибытія Золотовой 1 мая на станцію Тихорѣцкую до отправленія ея въ мѣстное хуторское арестное помѣщеніе на означенной станціи не находился. Что же касается Добровольскаго, то онъ прибылъ на станцію Тихорѣцкую утромъ 1 мая 1902 года съ поѣздомъ, слѣдовавшимъ по другой линіи изъ Владикавказа, но прибывающимъ на станцію Тихорѣцкую почти одновременно съ тѣмъ, съ коимъ ѣхала Золотова изъ Екатеринодара, и лишь на станціи Тихорѣцкой пересѣлъ въ вагонъ II класса этого послѣдняго поѣзда, чтобы ѣхать чрезъ Царицынъ къ мѣсту своей службы въ Симбирскъ.

4) Послѣ перехода Добровольскаго въ вагонъ II класса царицынскаго поѣзда онъ обнаружилъ пропажу изъ этого вагона части своихъ вещей, а именно свертка съ зонтикомъ и шпагою, при чемъ исчезновеніе вещей произошло въ то время, когда Добровольскій ходилъ пить чай въ станціонный буфетъ. Занявшій мѣсто въ одномъ съ нимъ вагонѣ торговый казакъ Козинцевъ сообщилъ потерпѣвшему, что видѣлъ, какъ какая-то женщина входила въ этотъ вагонъ и трогала ихъ вещи. Тогда Добровольскій, обратившись къ указанной ему Козинцевымъ женщинѣ, которая оказалась Татьяною Золотовою, попросилъ ее возвратить его вещи, если она ихъ дѣйствительно взяла. Когда же Золотова, находившаяся въ состояніи опьянѣнія, въ грубой формѣ и съ площадною бранью, отвѣтила Добровольскому, что она никакихъ вещей не брала, послѣдній заявилъ о пропажѣ вещей дежурному жандармскому унтеръ-офицеру Безхмѣльницыну, который и приступилъ къ ихъ розыску, при чемъ нашелъ пропавшій свертокъ въ томъ вагонѣ, въ которомъ ѣхала Золотова съ Ребріевой и Клюевой. Свертокъ этотъ оказался близъ того мѣста, гдѣ сидѣла Золотова и ея подруги, но былъ поставленъ около вещей ѣхавшей въ томъ же вагонѣ Екатерины Гамсакурдія. Изъ содержанія свидѣтельскихъ показаній, данныхъ судебному слѣдователю Бурцову Клюевой и Ребріевой и ѣхавшимъ въ тотъ день одновременно съ ними изъ Екатеринодара мѣщаниномъ Павломъ Ильченко, усматривается, что Золотова во время остановки поѣзда на Тихорѣцкой станціи заходила въ вагонъ II класса и вернулась оттуда съ какимъ-то длиннымъ сверткомъ, который она передала Клюевой, а сама ушла изъ вагона на платформу. Клюева же поставила этотъ свертокъ около себя на скамейкѣ и лишь въ то время, когда въ вагонъ входилъ жандармъ Безхмѣльницынъ, искавшій вещи Добровольскаго, переставила означенный свертокъ къ

вещамъ Екатерины Гамсакурдія. Послѣ розыска вещей Добровольскаго названный Безхмѣльницынъ разспросилъ Золотову, которая, не признавая себя виновною въ кражѣ и заявивъ, что у нея нѣтъ ни вида на жительство, ни другаго документа, удостовѣряющаго ея личность, дала уклончивыя и сбивчивыя объясненія о своемъ званіи. Въ виду сего Золотова, по мнѣнію упомянутаго жандармскаго унтеръ-офицера, достаточно изобличавшаяся въ описанной выше желѣзнодорожной кражѣ, была имъ задержана и помѣщена въ дежурной комнатѣ на вокзалѣ, гдѣ, воспользовавшись временною отлучкою сторожа, пыталась удавиться платкомъ, завязаннымъ въ мертвую петлю на шеѣ.

По отходѣ поѣзда на Царицынъ, съ которымъ, между прочимъ, отбылъ со станціи Тихорѣцкой и Добровольскій, Золотова была доставлена въ хуторское арестное помѣщеніе, гдѣ и содержалась до самой своей смерти, подъ охраною полицейскихъ казаковъ, по постановленію сначала жандармской полиціи, а затѣмъ и и. д. судебнаго слѣдователя 2-го участка Кавказскаго отдѣла Пусеппа, который, по поступленіи къ нему 2 мая дознанія о кражѣ свертка съ зонтикомъ и шпагою у Добровольскаго и по допросѣ производившаго дознаніе жандармскаго унтеръ-офицера Безхмѣльницына, привлекъ и допросилъ Золотову въ качествѣ обвиняемой, избравъ по отношенію къ ней мѣрою пресѣченія способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда поручительство съ денежною отвѣтственностью поручителя въ 100 рублей, а до представленія онаго согласно требованія ст. 428 уст. угол. суд.,—содержаніе подъ стражею въ Екатеринодарской тюрьмѣ. Отправка Золотовой въ означенную тюрьму была однако временно пріостановлена, съ вѣдома и согласія и. д. судебнаго слѣдователя Пусеппа, исключительно въ виду настояельной просьбы самой Золотовой, надѣявшейся въ скоромъ времени найти поручителя и не желавшей подвергаться препровожденію по этапу въ г. Екатеринодаръ. Кромѣ того, названный слѣдователь передалъ помощнику станичнаго атамана Бганцеву чрезъ казака, сопровождавшаго Золотову при вызовѣ послѣдней въ его камеру, что Золотовой надлежало бы предоставить возможность принять мѣры къ пріисканію поручителя и не стѣснять ея въ посылкѣ писемъ и телеграммъ.

5) За все время пребыванія Золотовой въ Тихорѣцкомъ хуторскомъ арестномъ помѣщеніи она никакимъ насиліямъ съ чьей бы то ни было стороны не подвергалась, но, вслѣдствіе послабленій помощника станичнаго атамана Бганцева и караульныхъ казаковъ, пользовалась сравнительною свободою, при чемъ къ ней безпрепятственно допускались разные, желавшіе ее видѣть, посѣтители, съ которыми, а также

и съ наблюдавшими за нею казаками, она часто пила водку и предавалась разгулу. Вмѣстѣ съ симъ, вслѣдствіе тѣхъ же послабленій со стороны, главнымъ образомъ, Бганцева, Золотова получила возможность свободно отлучаться изъ арестнаго помѣщенія и разгуливать по хутору въ сопровожденіи кого-либо изъ казаковъ, чѣмъ она, между прочимъ, и воспользовалась для пріобрѣтенія въ мѣстной аптекѣ Рекціуса ядовитаго вещества—полторы унціи чистой карболовой кислоты съ небольшою примѣсью спирта.

6) И. д. судебнаго слѣдователя Пусеппъ имѣлъ личныя объясненія съ Золотовою только одинъ разъ во время ея допроса, происходившаго 3 мая въ его камерѣ въ присутствіи старшаго кандидата на судебныя должности, при чемъ допросъ начался въ 10 часовъ утра и продолжался не болѣе полутора часа. По окончаніи допроса и объявленіи ей постановленія о мѣрѣ пресѣченія, Золотова была уведена изъ камеры слѣдователя въ арестное помѣщеніе караульнымъ казакомъ;

и 7) смерть Золотовой послѣдовала несомнѣнно отъ самоотравленія карболовою кислотою. Къ такому вполнѣ категорическому заключенію пришли врачи Фишбергъ и Вольфсонъ, производившіе 9 мая 1902 года судебно-медицинское вскрытіе трупа Золотовой, и, хотя при химико-микроскопическомъ изслѣдованіи врачебнымъ отдѣленіемъ Кубанскаго областнаго правленія внутренностей, изъятыхъ изъ трупа Золотовой, не было обнаружено яда, названное отдѣленіе, основываясь на данныхъ вскрытія, присоединилось къ приведенному заключенію врачей. При производствѣ же настоящаго слѣдствія, въ качествѣ экспертовъ были приглашены пользующіеся авторитетною извѣстностью въ области судебно-медицинскихъ изслѣдованій заслуженный профессоръ, академикъ Ивановскій и ординарный профессоръ Императорской военно-медицинской академіи по каѳедрѣ судебной медицины Косоротовъ, которые и подвергли внутренности Золотовой анатомическому, химическому и микроскопическому изслѣдованіямъ, а профессоръ Ивановскій, сверхъ того, произвелъ химико-микроскопическое изслѣдованіе пятенъ на рубашкѣ и двухъ юбкахъ, снятыхъ съ покойной послѣ ея смерти. При упомянутомъ химическомъ изслѣдованіи массы, взятой изъ банки съ внутренностями Золотовой, въ массѣ этой обнаружено содержаніе фенола (карболовой кислоты), при чемъ эксперты высказали, что необнаруженіе этого яда при первоначальномъ изслѣдованіи внутренностей Золотобой, произведенномъ, по порученію врачебнаго отдѣленія Кубанскаго областнаго правленія отъ 1 іюля 1902 года за № 2656, управляющимъ Екатеринодарской вольной аптекой Симкова провизоромъ Иппа, произошло вслѣдствіе того, что

тогда были примѣнены недостаточно чувствительные для большихъ разведеній карболовой кислоты реактивы, а между тѣмъ, въ виду сдѣланнаго Татьянѣ Золотовой, тотчасъ послѣ ея самоотравленія, при подачѣ ей медицинской помощи, врачемъ Вольфсономъ промыванія желудка и продолжительности времени между ея смертью и изслѣдованіемъ, а равно и вслѣдствіе температуры лѣта, нельзя было и предполагать значительнаго содержанія карболовой кислоты въ ея внутренностяхъ, хотя принятое Золотовою количество этого яда вполнѣ достаточно для отравленія взрослаго человѣка. Основываясь на результатахъ указанныхъ выше изслѣдованій и всѣхъ вообще данныхъ, добытыхъ предварительнымъ слѣдствіемъ, эксперты академикъ Ивановскій и профессоръ Косоротовъ пришли къ единогласному заключенію, что смерть Татьяны Золотовой несомнѣнно послѣдовала отъ отравленія карболовой кислотой и что, въ виду отсутствія, съ одной стороны, слѣдовъ насилія на лицѣ, головѣ и другихъ частяхъ тѣла Золотовой, а съ другой—значительныхъ ожоговъ въ окружности рта, которые обыкновенно наблюдаются при насильственномъ вливаніи кислоты, надлежитъ прійти къ убѣжденію, что въ настоящемъ случаѣ было самоотравленіе, а не вливаніе яда постороннею рукою, при чемъ предположеніе о посмертномъ вливаніи въ ротъ карболовой кислоты должно быть безусловно исключено, такъ какъ актомъ вскрытія установлены проникновеніе въ значительномъ количествѣ яда въ желудокъ Золотовой и присутствіе на ея тѣлѣ въ мѣстахъ ожоговъ прижизненной реакціи тканей.

Независимо отъ сего, названные эксперты высказали, что на трупѣ Золотовой не было найдено никакихъ поврежденій, которыя указывали бы на какія-либо насильственныя надъ нею дѣйствія, каковы, напримѣръ, попытки задушенія, побои, изнасилованіе и т. п., и что, хотя нельзя исключить возможности, что Золотова въ послѣдніе дни жизни имѣла половыя сношенія съ мужчинами, но какихъ-либо поврежденій половыхъ органовъ отъ сего не произошло.

Данныя слѣдствія, въ связи съ изложеннымъ заключеніемъ экспертовъ, приводятъ къ предположенію, что самоубійство Татьяны Золотовой объясняется, съ одной стороны, не вполнѣ нормальнымъ ея состояніемъ, вслѣдствіе постояннаго опьянѣнія и разгула, которые уже и ранѣе вызывали попытки ея лишить себя жизни, а съ другой—опасеніемъ и нежеланіемъ ея подвергнуться предстоявшей пересылкѣ этапнымъ порядкомъ въ г. Екатеринодаръ, гдѣ она проживала, имѣя родныхъ и многочисленныхъ знакомыхъ.

Въ виду вышеуказанныхъ обстоятельствъ предварительное слѣд-

ствіе о насильственномъ лишеніи жизни Татьяны Золотовой было направлено судебнымъ слѣдователемъ Бурцовымъ, согласно ст. 277 уст. угол. суд., чрезъ мѣстный прокурорскій надзоръ, въ Екатеринодарскій окружный судъ, который опредѣленіемъ своимъ, отъ 6 іюня сего года, постановилъ, за отсутствіемъ признаковъ преступленія, означенное предварительное слѣдствіе дальнѣйшимъ производствомъ прекратить.

Сверхъ упомянутыхъ мѣръ, принятыхъ судебною властью, на предметъ выясненія всѣхъ обстоятельствъ дѣла Татьяны Золотовой, дѣло это было подвергнуто изслѣдованію и со стороны мѣстнаго областнаго начальства, по распоряженію коего вскорѣ послѣ смерти Золотовой произведены были три отдѣльныя административныя дознанія, направленныя къ разъясненію вопроса о правильности дѣйствій хуторскаго начальства и полицейскихъ казаковъ, въ вѣдѣніи которыхъ покойная Золотова содержалась подъ стражею въ хуторѣ Тихорѣцкомъ. Дознаніями этими обнаружено, что нѣкоторые изъ упомянутыхъ чиновъ хуторской полиціи допустили по отношенію къ состоявшей подъ ихъ надзоромъ Золотовой разныя послабленія и отступленія отъ установленнаго порядка содержанія арестантовъ. Посему противъ виновныхъ въ томъ должностныхъ лицъ было возбуждено журнальнымъ опредѣленіемъ Кубанскаго областнаго правленія отъ 21 января сего года предварительное слѣдствіе по обвиненію въ бездѣйствіи власти, предусмотрѣнномъ ст. 339 и 341 улож. наказ., при чемъ производство означеннаго слѣдствія Министромъ Юстиціи было равнымъ образомъ возложено на судебнаго слѣдователя Бурцова, и нынѣ слѣдствіе это, въ виду приведенія его къ окончанію, на основаніи ст. 1091 уст. угол. суд., подлежитъ направленію съ заключеніемъ прокурорскаго надзора въ Кубанское областное правленіе для разрѣшенія вопроса о преданіи суду чиновъ хуторской полиціи.

Что же касается дѣла о безпорядкахъ, произведенныхъ 9 мая 1902 года въ хуторѣ Тихорѣцкомъ мѣстными желѣзнодорожными рабочими, то дѣло это получило дальнѣйшее движеніе въ установленномъ порядкѣ и подлежитъ внесенію въ Екатеринодарскій окружный судъ съ обвинительнымъ актомъ о преданіи суду по ст. 13 и 1621 улож. наказ. и ст. 38 уст. наказ. лицъ, изобличенныхъ въ участіи въ сихъ безпорядкахъ, а именно въ буйствѣ на улицахъ хутора Тихорѣцкаго, нападеніи и разгромѣ мѣстнаго полицейскаго дома, а также въ подстрекательствѣ къ учиненію означенныхъ преступныхъ дѣяній.

Съ августа минувшаго года у судебнаго слѣдователя 4-го участка г. С.-Петербурга производится возбужденное по жалобѣ и. д. судебнаго слѣдователя Пусеппа предварительное слѣдствіе по обвиненію имъ редак-

тора газеты „С.-Петербургскія Вѣдомости“ князя Ухтомскаго и мѣщанина Николая Ефремова въ клеветѣ въ печати, выразившейся въ опубликованіи въ № 164 названной газеты, въ статьѣ, авторомъ коей, по заявленію князя Ухтомскаго, является Ефремовъ, завѣдомо ложныхъ и позорящихъ честь и достоинство Пусеппа свѣдѣній по дѣлу Золотовой. Слѣдствіе это, производящееся въ порядкѣ частнаго обвиненія, въ виду тѣсной связи его съ только-что завершеннымъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Бурцовымъ слѣдствіемъ о насильственномъ лишеніи жизни Золотовой, а также за несостоявшимся примиреніемъ сторонъ, не приведено еще къ окончанію.

При производствѣ судебнымъ слѣдователемъ Бурцовымъ упомянутаго выше, прекращеннаго нынѣ, предварительнаго слѣдствія о насильственномъ лишеніи жизни Татьяны Золотовой, независимо отъ вполнѣ точнаго и всесторонняго выясненія обстоятельствъ, касающихся, собственно, причины смерти Золотовой, установлены были и данныя, указывающія на источники распространившихся въ обществѣ ложныхъ слуховъ и основанныхъ на нихъ газетныхъ сообщеній по дѣлу Татьяны Золотовой.

Въ этомъ отношеніи слѣдствіемъ обнаружено, что первоначальною причиною появленія невѣрныхъ по этому дѣлу толковъ были, повидимому, разсказы самой Татьяны Золотовой, которая во время содержанія ея подъ стражею въ Тихорѣцкомъ хуторскомъ арестномъ помѣщеніи, отчасти подъ вліяніемъ опьянѣнія, отчасти же изъ естественнаго желанія выставить себя невинною жертвою ошибки или произвола должностныхъ лицъ, лишившихъ ее свободы, давала разнымъ лицамъ, разспрашивавшимъ ее о причинахъ ея задержанія, противорѣчивыя и явно несогласныя съ дѣйствительностью объясненія.

Но кромѣ разсказовъ самой Золотовой, которые, переходя изъ устъ въ уста, вскорѣ сдѣлались достояніемъ всего населенія хутора Тихорѣцкаго, а затѣмъ проникли въ общество и печать,—распространенію невѣрныхъ объ арестѣ и смерти Золотовой слуховъ способствовали также и нѣкоторыя другія лица. Въ числѣ ихъ обращаетъ на себя вниманіе корочанскій мѣщанинъ Иванъ Макаровъ Орѣховъ, видѣвшій, будто бы, Золотову въ Тихорѣцкомъ арестномъ помѣщеніи наканунѣ ея смерти, 5 мая, изнуренною произведенными надъ нею насиліями, присутствовавшій, по его увѣренію, 9 мая при вскрытіи ея трупа, на которомъ онъ также замѣтилъ явные слѣды насилій, и разсказывавшій многимъ лицамъ, со словъ, будто бы, самой Золотовой, о сдѣланныхъ ей гнусныхъ предложеніяхъ со стороны слѣдователя Пусеппа въ вагонѣ по дорогѣ изъ Екатеринодара на станцію Тихорѣцкую.

Находясь въ полномъ противорѣчіи съ безспорными данными слѣдствія, разсказы Орѣхова не могутъ заслуживать никакого довѣрія, такъ какъ, съ одной стороны, при провѣркѣ объясненій Орѣхова оказалось, что въ теченіе мая 1902 года онъ въ хуторѣ Тихорѣцкомъ вовсе не былъ и до 7 мая жилъ въ г. Ростовѣ на Дону, гдѣ служилъ укладчикомъ пряниковъ на фабрикѣ братьевъ Чириковыхъ, а потому ни посѣщать Золотову въ Тихорѣцкомъ арестномъ помѣщеніи, ни присутствовать при вскрытіи ея трупа не могъ, съ другой же— по отзыву нѣкоторыхъ свидѣтелей, Орѣховъ, прибывшій въ Тихорѣцкій хуторъ лишь осенью 1902 г. и занимавшійся продажею въ разносъ кваса, съ давнихъ поръ страдаетъ разстройствомъ умственныхъ способностей и разсказываетъ про себя и другихъ разныя небылицы.

Возникшіе и распространившіеся при описанныхъ выше условіяхъ ложные слухи послужили, какъ это выяснено слѣдствіемъ, единственнымъ источникомъ для сообщенныхъ нѣкоторыми органами печати сенсаціонныхъ извѣстій, а также разныхъ замѣтокъ и статей по поводу дѣла Татьяны Золотовой, въ которыхъ были оглашены недостаточно провѣренныя и несогласныя съ дѣйствительностью свѣдѣнія объ его обстоятельствахъ.

Означенные слухи и газетныя извѣстія, взволновавъ общественное мнѣніе, породили превратные толки, колеблющіе довѣріе къ правильности и законности дѣйствій правительственныхъ установленій и должностныхъ лицъ и къ достовѣрности оглашенныхъ Министерствомъ Юстиціи по дѣлу Татьяны Золотовой свѣдѣній.

Полагая, что окончательному разсѣянію неосновательныхъ сужденій по этому дѣлу могло бы наиболѣе способствовать опубликованіе всѣхъ актовъ нынѣ произведеннаго по оному судебнымъ слѣдователемъ Бурцовымъ предварительнаго слѣдствія, Министръ Юстиціи, при всеподданнѣйшемъ докладѣ Его Императорскому Величеству всѣхъ обстоятельствъ, обнаруженныхъ разслѣдованіями по дѣлу Золотовой, съ представленіемъ Государю Императору самаго дѣла, призналъ соотвѣтственнымъ повергнуть о семъ на Монаршее благовоззрѣніе.

На осуществленіе такого предположенія статсъ секретаря Муравьева послѣдовало во 2-й день іюля сего года Высочайшее соизволеніе.

Всѣ акты слѣдственнаго производства по дѣлу о насильственномъ лишеніи жизни Татьяны Золотовой будутъ напечатаны въ особомъ прибавленіи къ ближайшей книжкѣ „Журнала Министерства Юстиціи“.

ГЛАВНОЕ ОБЩЕЕ СОБРАНІЕ ЧЛЕНОВЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА СУДЕБНАГО ВѢДОМСТВА.

14 мая состоялось, подъ предсѣдательствомъ товарища министра юстиціи, сенатора, тайнаго совѣтника Манухина, восьмое главное общее собраніе членовъ благотворительнаго общества судебнаго вѣдомства. Изъ доложеннаго секретаремъ собранія В. В. Гриколевскимъ отчета о дѣятельности общества за 1902 годъ видно, что къ 1 января 1903 года состояло почетныхъ членовъ 18, пожизненныхъ 472 и дѣйствительныхъ 5027, что въ короткій сравнительно періодъ времени общество успѣло образовать неприкосновенный фондъ въ 149½ тысячъ и нѣсколько спеціальныхъ капиталовъ на сумму свыше 67 тысячъ рублей и, сверхъ того, роздать болѣе 242 тысячъ для оказанія единовременной помощи, а также назначить періодическихъ пособій на сумму около 11.600 рублей. Въ началѣ 1902 года неприкосновенный и спеціальные капиталы общества составили 152.487 р. 75 к., а къ 1 января 1903 года они превысили 216.500 р., при чемъ, въ частности, спеціальные капиталы увеличились на 58.588 р. Наиболѣе значительная часть этой послѣдней суммы—54 тысячи—поступила въ декабрѣ минувшаго года, когда въ завѣдываніе комитета былъ переданъ особый благотворительный фондъ имени статсъ секретаря Николая Валеріановича Муравьева, образованный, путемъ добровольныхъ жертвованій чиновъ судебнаго вѣдомства, въ память завершенія судебнаго преобразованія по уставамъ Императора Александра II на всемъ пространствѣ Имперіи. Проценты съ этого капитала предназначены, согласно волѣ жертвователей и послѣдовавшему 18 декабря 1902 года Высочайшему соизволенію, на выдачу пособій бѣднѣйшимъ чинамъ судебнаго вѣдомства, нуждающимся въ средствахъ на воспитаніе дѣтей, при чемъ избраніе сихъ чиновъ, по представленіямъ мѣстныхъ судебныхъ вла-

стей, предоставлено пожизненно статсъ секретарю Муравьеву, а засимъ перейдетъ къ комитету благотворительнаго общества судебнаго вѣдомства. Располагая достаточными средствами, общество имѣло возможность оказать въ 1902 году помощь въ довольно широкихъ размѣрахъ. Такъ, въ теченіе отчетнаго года комитетомъ и окружными правленіями было израсходовано на этотъ предметъ всего 38.755 р. 54 к. Собственно же комитетомъ было роздано въ истекшемъ году періодическихъ и единовременныхъ пособій на 9458 рублей. Вмѣсто выбывшихъ четырехъ членовъ комитета были избраны: *Н. Э. Шмеманъ*, *Н. Д. Чаплинъ*, *П. А. Игнатьевъ* и *Н. А. Добровольскій*, а кандидатами въ члены комитета: *М. В. Красовскій* и *А. Г. Гизетти*. Составъ ревизіонной коммисіи остался прежній.

СУДЕБНО-ФОТОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ ДОКУМЕНТОВЪ [1]).

Ф. О. Гредингера.

Мнѣ приходится начать свой докладъ съ оговорки: не будучи спеціалистомъ-фотографомъ или хотя-бы фотографомъ-любителемъ, я совершенно не компетентенъ въ техническихъ вопросахъ, касающихся примѣненія фотографіи къ изслѣдованію рукописей, а потому не въ состояніи сообщить какія бы то ни было данныя, полученныя мною путемъ эмпирическимъ. Если же я тѣмъ не менѣе рѣшаюсь представить этотъ докладъ, то единственнымъ основаніемъ для такого смѣлаго съ моей стороны предпріятія служитъ нѣкоторое знакомство съ результатами судебно-фотографическаго изслѣдованія документовъ, такъ какъ я, съ перваго же дня примѣненія у насъ фотографіи къ судебному дѣлу, принималъ въ осуществленіи этого способа обнаруженія истины самое дѣятельное участіе: 11 сентября 1889 года, въ бытность мою товарищемъ прокурора, была произведена первая въ Россіи судебно-фотографическая экспертиза, по моему предложенію; впослѣдствіи, когда издано было положеніе о С.-Петербургской судебно-фотографической лабораторіи,

[1]) Докладъ, прочитанный въ засѣданіи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества 22 марта 1903 года.

мнѣ была поручена организація этого учрежденія; мною были тогда выработаны тѣ правила, которыми лабораторія руководствуется и до настояшаго времени, а затѣмъ, въ теченіе восьми лѣтъ, я завѣдывалъ дѣлопроизводствомъ лабораторіи. Эти обстоятельства не дали мнѣ, конечно, возможности пріобрѣсти сколько-нибудь серьезныя, техническія знанія по части фотографіи вообще или по части изслѣдованія рукописей, но я имѣлъ возможность долгое время наблюдать, знакомиться съ достоинствами и недостатками судебно-фотографическаго дѣла, отчасти изучить литературу вопроса, и, въ концѣ концовъ, у меня накопилось довольно много небезынтереснаго матеріала, съ которымъ я и рѣшился познакомить Юридическое Общество.

Изслѣдованіе вопроса о подлинности или подложности документовъ имѣетъ свою довольно обширную исторію, тѣсно связанную съ исторіею того преступнаго дѣянія, которое именуется подлогомъ.

Подлогъ—явленіе очень древнее: онъ практиковался съ незапамятныхъ временъ и съ разными цѣлями въ Египтѣ, въ Ассиріи, въ Спартѣ и въ Аѳинахъ, и мало по малу перешелъ оттуда въ Римскую имперію и Византію, а затѣмъ въ средневѣковую Европу. Однако точныхъ свѣдѣній о совершеніи какихъ-либо подлоговъ въ отдаленныя эпохи человѣческой культуры у насъ не сохранилось, и только по намекамъ, встрѣчающимся у нѣкоторыхъ римскихъ поэтовъ и историковъ, можно судить, что въ царствованіе императоровъ Тиверія, Калигулы и Нерона подложными документами пользовались въ обширныхъ размѣрахъ, во время такъ называемыхъ проскрипцій, для того, чтобы навлечь гнѣвъ цезаря на тѣхъ лицъ, которыхъ желали погубить.

Слѣдующій періодъ употребленія подлога имѣлъ совершенно иной, преимущественно религіозный характеръ: постоянное возникновеніе новыхъ сектъ и ересей и сосредоточеніе письменности и учености въ монастыряхъ создали борьбу монаховъ за вѣру, а одновременно съ этимъ—обширное пользованіе подлогами, совершавшимися, такъ сказать, „ad majorem Dei gloriam“. Въ теченіе нѣсколькихъ сто-

лѣтій измышлялись всевозможныя достопримѣчательныя событія и чудеса, свидѣтельствовавшія о превосходствѣ того или другаго монаха или отшельника, а въ подтвержденіе сообщавшихся разсказовъ фабриковались цѣлыя тысячи будто бы относившихся къ первому и второму вѣку христіанской эры документовъ, авторы которыхъ съ большимъ совершенствомъ фальсифицировали всевозможные факты и предсказанія. Распространенностью подлога, между прочимъ, объясняется, что въ главѣ XXII Апокалипсиса встрѣчается предостереженіе въ словахъ, впослѣдствіи получившихъ такое важное значеніе (въ эпоху патріарха Никона), при возникновеніи у насъ раскола: въ 18—19 стихахъ откровенія апостола Іоанна сказано: „если кто приложитъ что-либо къ пророчествамъ книги сей, на того наложитъ Богъ язвы, а если отниметъ что, у того отниметъ Богъ участіе въ книгѣ жизни!“....

Въ V вѣкѣ мы впервые встрѣчаемся уже съ точно доказаннымъ примѣромъ корыстнаго подлога, о которомъ въ исторіи сохранились подробныя свѣдѣнія. Вскорѣ послѣ смерти франкскаго короля Хлодвига I-го, аббатъ Шалонскаго монастыря, по имени Беренгаръ или Беранже, предъявилъ королю Шильдерику I дарственную запись, въ силу которой Хлодвигъ жертвовалъ, послѣ своей смерти, въ пользу монастыря, находившіяся около Шалона королевскія земли. Документъ первоначально признанъ былъ правильнымъ, и королю оставалось только уступить монастырю свою собственность. Но въ это время произошла неожиданная ссора между аббатомъ Беренгаромъ и монахомъ, сфабриковавшимъ для него подложную дарственную запись. Этотъ монахъ обратился къ королю Шильдерику съ доносомъ на своего соучастника, и дѣло окончилось тѣмъ, что онъ подвергнутъ былъ наказанію, а Беренгаръ бѣжалъ въ Италію и умеръ въ изгнаніи.

Съ теченіемъ времени фальсификація документовъ приняла уже характеръ чисто политическій. По обычаю феодальнаго періода, при возникновеніи какой-либо войны, обѣ стороны старались обосновать свои взаимныя притязанія до-

кументально, а съ этою цѣлью услужливые монахи, большіе художники по части подлоговъ, сочиняли всевозможные, будто бы историческіе, документы, поддѣльные договоры и грамоты. Такъ, между прочимъ, во время борьбы германскихъ императоровъ изъ дома Гогенштауфенъ съ папами, обѣ стороны постоянно распространяли подложныя рукописи, съ цѣлью доказать свою правоту. Папа Иннокентій IV приказалъ однажды сочинить подложный договоръ, въ которомъ указано было, что императоръ Фридрихъ II обязался уступить ему Сицилійское королевство. Фридрихъ, съ своей стороны, въ долгу не остался и приказалъ своему канцлеру и другу Петру Винейскому отыскать ловкаго монаха и поручить ему составленіе протеста о всѣхъ неправдахъ и недостойныхъ поступкахъ папы, а кстати и подложнаго трактата, по которому Иннокентій IV обязывался уступить ему городъ Равенну.

Могущественнымъ подспорьемъ для практическаго изученія монахами поддѣлки документовъ служила тогдашняя дороговизна пергамента, въ силу которой они всячески изощрялись въ искусствѣ смывать и соскабливать текстъ со старинныхъ рукописей, съ цѣлью получить возможность воспользоваться вычищеннымъ, такимъ образомъ, пергаментомъ для своихъ писаній. Этимъ объясняется появленіе такъ называемыхъ „палимпсестовъ", то есть древнихъ рукописей, прежній текстъ которыхъ соскобленъ былъ и замѣненъ другимъ. Палимпсесты получили важное историческое значеніе съ тѣхъ поръ, какъ въ XIX столѣтіи историкамъ Нибуру и Цишендорфу удалось воспроизвести первоначальный текстъ нѣкоторыхъ изъ нихъ; распространялись же они повсемѣстно, но наиболѣе прочную репутацію мастеровъ по части ихъ изготовленія пріобрѣли торговавшіе пергаментомъ итальянскіе монахи монастырей Боббіо и Монте-Кассино и нѣмецкіе—въ городѣ Фульдѣ.

Съ возникновеніемъ въ Италіи кредитныхъ оборотовъ, ломбардовъ и банковъ, началось преимущественное совершеніе *письменныхъ* торговыхъ сдѣлокъ, которому способствовала распространившаяся тѣмъ временемъ грамотность. Съ

этихъ же поръ, т. е. съ конца XIV столѣтія, начинается и частое употребленіе корыстныхъ подлоговъ, съ цѣлью воспользоваться чужимъ имуществомъ. На ряду съ этимъ, стали, конечно, появляться и особые спеціалисты, занимавшіеся экспертизою и изслѣдованіемъ подлинности документовъ, при чемъ нужно замѣтить, что пріемы, которые они употребляли, почти вовсе не отличались отъ тѣхъ пріемовъ, которые и въ настоящее время еще практикуются нашими экспертами—каллиграфами и граверами.

Начиная съ XVI столѣтія, французскіе короли Францискъ II, Карлъ IX, Генрихъ III и IV и всѣ ихъ преемники, вплоть до Людовика XV, имѣли въ своемъ штатѣ особыхъ должностныхъ лицъ, именовавшихся „sécrétaires à la main“ или „sécrétaires ayant la plume“. Эти странные чиновники обязаны были изощряться въ поддѣлкѣ королевскаго почерка и писать отъ имени короля тѣ письма и бумаги, которыя онъ признавалъ почему-либо неудобнымъ лично составлять или даже подписывать.

Означенныя должностныя лица такъ удачно справлялись со своею задачею, что, по словамъ извѣстнаго ученаго Бертильона, даже *эксперты* XVII-го вѣка не въ состояніи были отличить, напримѣръ, почеркъ Людовика XIV отъ почерка его „sécrétaire à la main“.

Постепенно экспертиза рукописей пріобрѣла во Франціи такое важное значеніе, что уже въ 1570 году въ Парижѣ учреждена особо привилегированная корпорація «experts en écriture», которая въ 1595 году получила отъ короля Генриха IV патентъ и наименованіе «maîtres-jurés écrivains-vérificateurs en écriture contestée en justice». Наконецъ, въ 1727 году, Людовикъ XV создалъ изъ этой корпораціи особую академію, просуществовавшую до 1792 года, когда она упразднена была, при чемъ съ этихъ поръ функціи экспертовъ стали возлагаться на каллиграфовъ, граверовъ и литографовъ.

По примѣру Франціи, и въ другихъ государствахъ Европы экспертиза рукописей стала также возлагаться на спеціалистовъ по части каллиграфіи, но, къ сожалѣнію, такая спеціализація не принесла дѣлу особой пользы. Правда, уже

давно дѣлались попытки составленія руководствъ для распознаванія подлоговъ, но эти попытки точно такъ же не усовершенствовали практиковавшихся экспертами пріемовъ. Въ книгѣ Bonnier—«Traité des preuves en droit civil et criminel», между прочимъ, упоминается о томъ, что нѣкій Равено собралъ весь имѣвшійся у него матеріалъ по части изслѣдованія рукописей и въ 1669 году издалъ брошюру, озаглавленную «Les inscriptions de faux et la reconnaissance des écritures». Однако французская магистратура признала эту брошюру опасною и вредною, могущею научить искусству дѣлать подлоги, и, по королевскому ордоннансу отъ 10 февраля 1670 года, брошюра Равено была сожжена рукою палача, передъ парижскимъ Palais de justice. Между тѣмъ, въ то самое время специалисты по совершенію подлоговъ работали столь усердно и непрерывно, что, по словамъ многочисленныхъ французскихъ историковъ, даже знаменитый кардиналъ Мазарини и его сподвижникъ и сообщникъ Fouquet, при помощи подложныхъ книгъ и квитанцій королевской казны, присвоили: первый свыше 50-ти, а второй—30 милліоновъ ливровъ государственнаго достоянія.

Кстати я позволю себѣ сослаться еще на другой примѣръ позднѣйшаго времени, сильно напоминающій злоключенія упомянутаго мною Равено. Въ царствованіе короля Людовика-Филиппа (въ бытность Тьера министромъ-президентомъ), въ 1840 году, нѣкій учитель Левекъ издалъ книгу подъ заглавіемъ «Vérification des écritures». Книгу эту постигла участь, аналогичная съ той, которой подверглась брошюра Равено: прокурорскій надзоръ парижскаго округа призналъ ее вредною и опасною, вслѣдствіе чего она изъята была изъ обращенія и уничтожена мѣрами администраціи. Одинъ изъ немногихъ сохранившихся экземпляровъ книги Левека, находящійся нынѣ въ полицейской префектурѣ города Турина, былъ у меня въ рукахъ, но я никакъ не могъ уразумѣть, въ чемъ, собственно, состояла опасность этого сочиненія. Левекъ просто разбиралъ каждую букву алфавита по частямъ и указывалъ на тѣ пріемы, которые необходимы для того, чтобы изобразить ее въ томъ или въ другомъ видѣ, а по-

путно онъ указывалъ и на то, какимъ образомъ нужно расчленять отдѣльныя буквы рукописи, для того, чтобы наткнуться на наличность подлога. Книга Левека показалась мнѣ во многихъ отношеніяхъ дѣтски-наивною и могущею поразить развѣ только человѣка, никогда не видѣвшаго подложнаго документа, но научить кого-либо дѣлать подлоги этотъ авторъ едва-ли сумѣлъ бы и едва-ли онъ самъ въ состояніи былъ распознать болѣе или менѣе удачно исполненный подлогъ.

Такимъ образомъ, съ давнихъ поръ, въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ, разрѣшеніе вопроса о подлинности и подложности документовъ было предоставлено каллиграфамъ и граверамъ. Эти эксперты, спеціальныя знанія которыхъ по части распознаванія почерковъ основаны были на томъ, что они чаще другихъ имѣли случай видѣть рукописи разныхъ лицъ, неизмѣнно ограничивали свои заключенія заявленіемъ, что почеркъ, которымъ написанъ заподозрѣнный документъ, „похожъ“ или „не похожъ“ на почеркъ такого-то лица. Но, не говоря уже о томъ, что абсолютное несходство почерковъ можетъ встрѣтиться только при наличности самой грубой и примитивной поддѣлки, слѣдуетъ также замѣтить, что заключенія, подобныя тѣмъ, которыя мною указаны, въ сущности, не представляютъ бóльшей достовѣрности, нежели мнѣніе каждаго грамотнаго и сколько-нибудь наблюдательнаго человѣка, который въ состояніи замѣтить сходство или различіе въ петляхъ, завиткахъ, росчеркахъ и вообще во внѣшнемъ очертаніи отдѣльныхъ буквъ рукописи. Вотъ почему эксперты-каллиграфы, литографы и граверы могли оказать суду помощь только своимъ опытнымъ глазомъ и установить то внѣшнее впечатлѣніе, которое сличаемыя рукописи на нихъ производили. Самое же заключеніе ихъ о томъ, что такіе-то документы между собою сходны или несходны, настолько же односторонне-субъективно, какъ, напримѣръ, сужденіе о томъ, что такое-то блюдо вкусно или невкусно, а такое-то ощущеніе пріятно или непріятно. Тутъ, само собою разумѣется, нѣтъ ничего положительнаго, и не имѣется никакого критеріума для устраненія ошибокъ, вслѣдствіе чего каждый экспертъ разрѣшаетъ данный вопросъ по своему....

Съ теченіемъ времени неудовлетворительность такой шаткой и ничѣмъ не подкрѣпленной экспертизы стала обнаруживаться до очевидности, потому что лица, рѣшавшіяся прибѣгнуть къ составленію подложныхъ документовъ, начали совершенствоваться въ техникѣ своего преступнаго дѣла и обратились къ подлогамъ, совершаемымъ при помощи особыхъ приспособленій (какъ, напримѣръ, къ перерисовкѣ на бумагѣ, смоченной бензиномъ, или же къ еще болѣе искусственнымъ, автотипическимъ способамъ поддѣлки рукописей). Понятно, что въ документахъ, составленныхъ такимъ усовершенствованнымъ способомъ, всѣ петли, завитки и росчерки находятся на мѣстѣ, а положительное сходство подложной рукописи съ подлинною было вполнѣ достигнуто, въ виду чего эксперты, каллиграфы и граверы не могли, конечно, дать другаго заключенія, кромѣ того, что предъявленныя имъ бумаги—подлинныя. Между прочимъ, въ полицейскихъ учрежденіяхъ западной Европы общеизвѣстенъ тотъ фактъ, что въ Лондонѣ и Барцелонѣ существуютъ особые, весьма опытные спеціалисты, которые, съ огромнымъ успѣхомъ, занимаются вытравленіемъ писаннаго и замѣною вытравленныхъ знаковъ другими. Означенная спеціальность называется въ парижской полицейской префектурѣ техническимъ терминомъ „англійская стирка“ („lessive anglaise“) и такъ успѣшно примѣняется къ измѣненію нумеровъ похищенныхъ процентныхъ бумагъ, что, въ теченіе двухъ только лѣтъ (съ 1898 по 1900 г.), парижскій экспертъ Гоберъ установилъ совершенную этимъ способомъ передѣлку нумеровъ на всевозможныхъ цѣнностяхъ, представлявшихъ стоимость въ 1½ милліона франковъ. Конечно, при такихъ художественныхъ подлогахъ, заключенія каллиграфовъ и граверовъ ни къ чему привести не могутъ!

Обстоятельства эти, часто обращавшія на себя вниманіе криминалистовъ, банковыхъ дѣятелей и коммерсантовъ, имѣющихъ дѣло съ оплатою предъявляемыхъ имъ векселей, привело къ убѣжденію въ необходимости болѣе точнаго и достовѣрнаго изслѣдованія рукописей, при помощи котораго получилась бы возможность опредѣлить ихъ подлинность или подложность хотя бы съ нѣкоторою увѣренностью. Сред-

ствомъ для такого рода изслѣдованій послужило примѣненіе химіи, фотографіи и отчасти нѣкоторыхъ, впрочемъ еще недостаточно провѣренныхъ, наблюденій изъ области такъ называемой графологіи, т. е. изученія почерковъ, по ихъ естественнымъ качествамъ и специфическимъ особенностямъ.

Еще Чарльзъ Дарвинъ подмѣтилъ, что почеркъ руки человѣка передается по общимъ законамъ наслѣдственности, а въ исторіи упоминаются многочисленные примѣры такой наслѣдственности. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ И. Г. Щегловитова—„Судебная фотографія", помѣщенной во 2-й книгѣ журнала „Сѣверный Вѣстникъ" за 1892 годъ, указано, что англійскій министръ лордъ Пальмерстонъ, не видѣвшій до достиженія зрѣлаго возраста ни одной рукописи своего отца, былъ пораженъ полнѣйшимъ сходствомъ своего почерка съ отцовскимъ, когда ему пришлось впервые увидѣть бумагу, написанную отцомъ! Общеизвѣстно также явленіе, что почерки родныхъ братьевъ, воспитанниковъ одного и того же учебнаго заведенія и даже многихъ лицъ, принадлежащихъ къ одному и тому же народу (какъ, напримѣръ, почерки многихъ англичанъ), часто между собою сходны. На изученіи особенностей почерковъ отдѣльныхъ лицъ и основано возникшее, главнымъ образомъ, во Франціи ученіе о почеркахъ (или графологія), представителями котораго явились аббатъ Мишонъ, Дебароль, Варинаръ, Крепіё-Жамэнъ и другіе.

Еще въ 1812 году нѣкто Гокаръ издалъ брошюру, озаглавленную „L'art de juger du caractère des hommes sur leur écriture". Потомъ, на ту же тему, нѣкто Адольфъ Гейнце написалъ толстую нѣмецкую книгу, которую онъ озаглавилъ довольно хитрымъ и неудобоваримымъ названіемъ „Хирограмматоманція". Но главнымъ создателемъ этой странной науки былъ названный мною аббатъ Мишонъ, который въ 1873 году издалъ свое сочиненіе „Les mystères de l'écriture".

Школа графологовъ, которыхъ можно вѣрнѣе назвать психо-графологами, занялась не только изслѣдованіемъ и изученіемъ общихъ законовъ о почеркахъ и относящихся къ этому предмету, доступныхъ каждому, явленій, но, по примѣру алхимиковъ и астрологовъ, и графологи обратились къ

розыску тайнъ невѣдомаго міра и стали пропагандировать существованіе въ графологическихъ особенностяхъ почерка чудесныхъ явленій, прибѣгая для этого къ установленію въ немъ какихъ-то „фатальныхъ узловъ Сатурна“ и тому подобныхъ кабалистическихъ хитростей. Тѣмъ не менѣе графологи, подобно тѣмъ же алхимикамъ и астрологамъ, хотя и не открывшимъ камня мудрости или связи судьбы человѣка съ созвѣздіями, принесли свою долю осязательной пользы: среди множества причудливыхъ и фантастическихъ положеній, у нихъ встрѣчаются весьма мѣткія и важныя для изслѣдованія почерковъ указанія, добытыя чисто эмпирическимъ путемъ. Они говорятъ, напримѣръ, что ровнымъ пальцамъ соотвѣтствуетъ „растянутый“, то есть наклонный почеркъ, а квадратнымъ—почеркъ прямой и отчетливый. Эти положенія могутъ быть провѣрены каждымъ и, конечно, полезны для человѣка, изучающаго, если можно такъ выразиться, „анатомическія особенности“ пишущихъ.

Однако графологи не довольствуются этими наблюденіями: они съ удивительною авторитетностью высказываютъ самыя рискованныя теоріи, которыя французскій кассаціонный судъ охарактеризовалъ по дѣлу Дрейфуса наименованіемъ „une discipline conjecturale“... Извѣстный ученый Бертильонъ, написавшій по этому поводу обширную статью въ „Revue Scientifique“, отъ 16 декабря 1897 года, говоритъ, между прочимъ, что „научный багажъ экспертовъ-калиграфовъ и граверовъ состоитъ въ сознаніи, что они ровно ничего или почти ничего не знаютъ. Что же касается изслѣдованій графологовъ, то они сводятся къ новой отрасли оккультизма, которая можетъ считаться пріятною игрою или забавою, но не болѣе того. А если экспертъ-графологъ обладаетъ нѣкоторою долею находчивости, то онъ самъ вскорѣ убѣждается въ незыблемости своей мнимой науки...

Для того, чтобы не основываться на голословныхъ увѣреніяхъ Бертильона, я позволю себѣ сослаться на нѣсколько фразъ изъ заключенія экспертовъ-графологовъ по извѣстному дѣлу маіора Эстергази. Вотъ точный переводъ окончательнаго вывода по этому дѣлу графолога Варинара: „Письмо, будто бы написанное г. Эстергази, есть результатъ удиви-

тельно ловкой поддѣлки. Исправленія и помарки въ немъ часты, а поправки—очевидны, между тѣмъ обвиняемый Эстергази никогда не переправляетъ написаннаго; *его почеркъ цѣльный, какъ и его характеръ*"... Тотъ же графологъ подтвердилъ, по поводу экспертизы бордеро по дѣлу Дрейфуса, что „этотъ документъ не написанъ рукою Эстергази, потому что графологическія особенности почерка лица, его писавшаго, не соотвѣтствуютъ нравственнымъ и интеллектуальнымъ особенностямъ Эстергази. Хотя отдѣльныя черты, линіи и буквы бордеро соотвѣтствуютъ почерку Эстергази, но „темпераментъ" послѣдняго рѣзко отличается отъ темперамента лица, поддѣлывавшаго его почеркъ въ бордеро".

На ряду съ этимъ заключеніемъ, граверы: военнаго министерства Куаръ и археологическаго института („Institut des inscriptions") Тессонье высказали, что почеркъ Эстергази и почеркъ, которымъ написано бордеро, *настолько не похожи другъ на друга*, что мало-мальски опытный человѣкъ не можетъ въ этомъ отношеніи впасть въ ошибку. Къ такому заключенію увлекающійся южанинъ Тессонье еще добавилъ: „je donnerais ma tête à couper, que le bordereau n'est pas de m-r Esterhazy".

Теперь спрашивается, въ чемъ же дѣло? Если между бордеро и почеркомъ Эстергази никакого сходства не усматривается, то при чемъ же тутъ громкія слова графолога о „темпераментѣ" и о „нравственныхъ и интеллектуальныхъ способностяхъ" обвиняемаго!....

Не менѣе курьезными можно считать выводы графологовъ въ одномъ извѣстномъ процессѣ, разсмотрѣнномъ англійскимъ судомъ „Kings bench", т. е. судомъ „королевской скамьи". Дѣло касалось векселей нѣкоего богача Сайкса, которые онъ призналъ сфабрикованными его женою, въ нѣсколько лѣтъ проигравшею въ Монте-Карло около 3.000.000 рублей. На судѣ экспертъ-фотографъ англійскаго банка Гюрренъ и экспертъ-фотографъ французскаго банка Гоберъ признали векселя подложными, но экспертъ-графологъ упорно утверждалъ, что они составлены рукою самого Сайкса, потому что въ отдѣльныхъ буквахъ замѣчается та же „хитрость, скрытность

и расточительность", которыя усматриваются въ документахъ, несомнѣнно исходящихъ отъ г. Сайкса. Въ концѣ концовъ смѣлый графологъ посовѣтовалъ даже Сайксу сознаться, потому что „до сихъ поръ всѣ лица, почерки которыхъ онъ экспертировалъ, всегда признавали, что онъ правъ и даетъ свои заключенія безошибочно"…. А послѣ этого наиболѣе извѣстный изъ современныхъ психо-графологовъ Крепіё-Жамэнъ рѣшился создать цѣлую номенклатуру почерковъ и соотвѣтствующихъ имъ особенностей темперамента пишущихъ: такъ, напримѣръ, у него, между прочимъ, значится: „écriture hésitante—hésitation, timidité, indécision, gêne, mauvaise foi. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что у наполеоновскаго маршала Нея, извѣстнаго подъ наименованіемъ „le brave des braves", по словамъ Бертильона, былъ почеркъ, который можно именно назвать „écriture hésitante", а его-то уже едва-ли можно было уличать въ „indécision, gêne и timidité"!…. Но замѣчательнѣе всего, что, по поводу графологической экспертизы по дѣлу Дрейфуса, тотъ же Крепіё-Жамэнъ высказалъ въ „Revue Scientifique", отъ 12 февраля 1898 года, что почерки каллиграфовъ, малограмотныхъ людей и лицъ, совершающихъ подлоги, вовсе *не поддаются обычному изслѣдованію графологовъ!*…

Какъ наслѣдственность почерка, такъ и приведенныя выше, чисто практическія наблюденія графологовъ, несомнѣнно, доказываютъ, что между почеркомъ и анатомическимъ строемъ руки пишущаго существуетъ извѣстная связь; это вполнѣ подтверждается и наблюденіями невропатологовъ. Въ названной мною статьѣ И. Г. Щегловитова, между прочимъ, упоминается, что извѣстный профессоръ Шарко, много занимавшійся болѣзненными почерками, находилъ возможнымъ опредѣлить нервную болѣзнь по почерку даже тогда, когда не было еще другихъ ея признаковъ. Онъ говорилъ, что „въ случаѣ начала болѣзни, діагнозъ которой возбуждаетъ сомнѣніе, полезно изучать въ лупу особенности почерка".

Другой серьезный невропатологъ, д-ръ Эрленмейеръ, въ сочиненіи своемъ „Die Schrift, Grundzüge ihrer Physiologie und Pathologie" констатируетъ тотъ фактъ, что, при общемъ параличѣ умалишенныхъ, прежде всего появляется характерное

разстройство почерка, по которому и можно опредѣлить болѣзнь! Но особенно интересны въ этомъ отношеніи нѣкоторые опыты французскихъ врачей Richet и Héricourt'a. Послѣдній различаетъ въ почеркахъ движенія правостороннія (dextrogyres) и лѣвостороннія (sinistrogyres) и на этомъ основаніи онъ пытается систематизировать характерныя особенности, которыя входятъ въ составъ почерка. Рише и Герикуръ производили однажды опыты надъ лицами загипнотизированными и утверждаютъ, что одному лицу, находившемуся въ состояніи гипноза, послѣдовательно внушалось, что онъ купецъ, Гарпагонъ и крестьянинъ, и каждый разъ загипнотизированный писалъ, подъ диктовку врачей, совершенно различными почерками, соотвѣтствовавшими тому состоянію, въ которомъ онъ, по внушенію, находился.

Вообще, среди разныхъ спеціалистовъ весьма распространено стремленіе къ классификаціи почерковъ, хотя ихъ характерныя особенности и далеко не всегда удачно опредѣляются. Даже такой серьезный ученый, какъ профессоръ Пражскаго университета Hans Gross, въ сочиненіи своемъ „Handbuch für Untersuchungsrichter“ утверждаетъ, напримѣръ, что, врачи пишутъ почеркомъ рецептовъ („Receptirschrift“), ученые подражаютъ печатному шрифту, а чиновники имѣютъ почеркъ истрепанный (abgenutzte)! Такая классификація, конечно, никого ни въ чемъ не убѣждаетъ и представляется не болѣе обоснованною, чѣмъ графологическое „écriture hésitante, timidité, indécison“!..

Существуетъ, наконецъ, еще одна попытка создать ученіе о почеркахъ, такъ называемую „физіографологію“: она сдѣлана у насъ, человѣкомъ весьма наблюдательнымъ и находчивымъ, г. Буринскимъ, который посвятилъ этому ученію цѣлую главу своего недавно вышедшаго сочиненія—„Судебная экспертиза документовъ“. Его выводы чрезвычайно интересны и оригинальны; они принадлежатъ только ему, потому что, хотя онъ и основывается на наблюденіяхъ психіатровъ и невропатологовъ, но способы къ изученію характерныхъ особенностей почерка, на основаніи физическаго и анатомическаго строя руки и пальцевъ, составляютъ резуль-

татъ собственнаго опыта и собственныхъ наблюденій и умозаключеній г. Буринскаго.

Сказать что-либо опредѣленное о возможности и цѣлесообразности примѣненія метода г. Буринскаго къ дѣлу изслѣдованія почерковъ я пока не въ состояніи. Путь, который имъ указанъ, еще не провѣренъ другими лицами; но чрезъ годъ или два, когда наберется достаточный въ этомъ отношеніи матеріалъ, вѣроятно, возможно будетъ представить обстоятельный отчетъ, который долженъ имѣть большое значеніе, такъ какъ система г. Буринскаго представляетъ собою первую попытку точнаго установленія законовъ того ученія, которое онъ называетъ „почерковѣдѣніемъ"....

Всѣ указанныя данныя приводятъ къ убѣжденію въ томъ, что экспертъ, разрѣшающій вопросъ о подлинности или подложности рукописей, не можетъ ограничиваться заявленіемъ о сходствѣ или несходствѣ почерковъ, но вынужденъ заняться прежде всего тщательнымъ изученіемъ тѣхъ, присущихъ пишущему, особенностей, которыя эксперты-каллиграфы и граверы называютъ „характеромъ письма". Я не думаю, чтобы для этого нуженъ былъ способъ, рекомендуемый г. Буринскимъ и состоящій въ томъ, что экспертъ долженъ предварительно напрактиковаться въ совершеніи подлоговъ. Г. Буринскій совѣтуетъ эксперту сперва написать какой-нибудь текстъ измѣненнымъ почеркомъ, а затѣмъ уже написать его, подражая чужому почерку! Мнѣ думается, что такая неблаговидная практика едва-ли вызывается необходимостью. Вѣдь врачъ, призванный къ больному, страдающему оспою, не обязанъ предварительно перенести эту болѣзнь лично для того, чтобы поставить правильный діагнозъ. Юристъ, которому предстоитъ производить слѣдствіе по дѣлу о святотатствѣ, не обязанъ самъ совершить предварительно ограбленіе церкви, дабы судить о томъ, какимъ образомъ нужно правильно изслѣдовать это преступленіе. Мнѣ думается, что, для изученія почерка, достаточно пріемовъ, практикуемыхъ нынѣ другими спеціалистами, между прочимъ, экспертомъ французскаго банка г. Гоберомъ и нашимъ присяжнымъ фотографомъ г. Малевинскимъ. А эти пріемы весьма неза-

мысловаты. Каждая буква подлиннаго и заподозрѣннаго документа фотографируется отдѣльно, сперва въ натуральную величину, потомъ, по мѣрѣ надобности, въ увеличенномъ или уменьшенномъ размѣрѣ, послѣ чего экспертъ старается уловить характерныя особенности буквъ подлинной рукописи и, если ему это удалось, приступаетъ къ такому же изученію отдѣльныхъ буквъ заподозрѣннаго документа, дѣлая затѣмъ свои выводы, на основаніи такого изученія. Работа эта очень кропотливая и требующая вниманія, трудолюбія, навыка и наблюдательности. И до тѣхъ поръ, пока общіе законы объ анатомическомъ строѣ почерка еще не выработаны и никѣмъ не признаны, эксперту поневолѣ приходится, за неимѣніемъ лучшаго, обходиться этимъ, быть можетъ, и далеко несовершеннымъ методомъ изслѣдованія.

Роль эксперта по части почерковѣдѣнія на судѣ намъ, юристамъ, совершенно понятна и не вызываетъ въ насъ никакихъ сомнѣній: мы знаемъ, прежде всего, что судъ постановляетъ свои приговоры по внутреннему убѣжденію, на основаніи совокупности всѣхъ обнаруженныхъ данныхъ. При такихъ условіяхъ, ни одно судебное доказательство не можетъ имѣть предустановленнаго, абсолютнаго значенія, потому что оцѣнка данныхъ судебнаго слѣдствія всецѣло ввѣрена суду! По этой именно причинѣ, встрѣчающіяся въ книгѣ г. Буринскаго указанія на нынѣшнюю несообразность роли экспертовъ-каллиграфовъ, фотографовъ и графологовъ и на необходимость ея измѣненія представляются намъ неосновательными и не вызываемыми потребностями отправленія правосудія. Если г. Буринскій, для доказательства своей компетентности, можетъ заявить, что онъ присутствовалъ на судебномъ слѣдствіи сотню разъ, то каждый изъ насъ, долголѣтнихъ практиковъ, участвовалъ въ тысячахъ такихъ же слѣдствій, и, съ этой точки зрѣнія, мнѣ кажется, что всѣ мы достаточно компетентны для того, чтобы признать уголовно-процессуальныя разсужденія г. Буринскаго не выдерживающими критики, какъ и встрѣчающуюся на 27—30 страницахъ его книги курьезную отповѣдь, направленную имъ по адресу членовъ гражданскаго отдѣла Высочайше учрежден-

ной коммисіи для пересмотра законоположеній по судебной части. Г. Буринскій старается уличить составителей проекта новой редакціи устава гражданскаго судопроизводства: во-первыхъ, въ несообразномъ и ни на чемъ не основанномъ дѣленіи заподозрѣнныхъ въ подложности актовъ на домашніе и публичные; во-вторыхъ, въ невѣрной интерпретаціи установленнаго во французскомъ кодексѣ различія между „vérification des écritures“ и „faux incident civil“ и, въ-третьихъ, въ неосновательномъ удержаніи присяги для эксперта, приглашеннаго для изслѣдованія рукописей.

Что касается перваго изъ указанныхъ упрековъ, то отвѣтомъ на него служатъ разсужденія, приведенныя въ объяснительной запискѣ къ проекту. Относительно же указанія на ошибочную интерпретацію коммисіею постановленій французскаго code de procédure civile, слѣдуетъ замѣтить, что эти постановленія сами по себѣ настолько понятны, что притязанія г. Буринскаго на исключительно вѣрное ихъ толкованіе довольно странны и такъ же мало обоснованы, какъ, между прочимъ, та аргументація, въ силу которой онъ пришелъ къ убѣжденію въ томъ, что должность присяжнаго фотографа не соотвѣтствуетъ своему назначенію потому только, что она замѣщается по избранію прокурора судебной палаты.

Наконецъ, по вопросу объ удержаніи для экспертовъ по изслѣдованію рукописей присяги, вполнѣ ясно, что составители проекта не видѣли никакого основанія для предоставленія *этимъ* экспертамъ особо привилегированнаго положенія и руководствовались разсужденіями Государственнаго Совѣта (при разсмотрѣніи Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II), что „присяга экспертовъ составляетъ полезную для правосудія и общепринятую въ европейскихъ законодательствахъ гарантію, въ силу которой удостовѣренія экспертовъ въ сомнительныхъ случаяхъ должны находиться подъ религіозною санкціею“.

Къ этому я позволю себѣ еще добавить, что существованіе присяги для экспертовъ, несомнѣнно, избавляетъ судъ отъ необходимости выслушивать иногда завѣдомо пристрастныя и неправдивыя заключенія...

Насколько самъ г. Буринскій своеобразно понимаетъ задачу эксперта фото-графолога на судебномъ слѣдствіи, обрисовывается съ особенною рельефностью въ цѣломъ рядѣ тезисовъ, находящихся на 31—32 страницахъ его книги. По его мнѣнію, „обязательное безпристрастіе эксперта зловредно“. Поэтому онъ требуетъ допущенія „нанятыхъ“ сторонами (въ томъ числѣ, конечно, и подсудимыми) экспертовъ, которыхъ онъ даже именуетъ „спеціалистами-повѣренными“. Эти странные спеціалисты будутъ опровергать заключенія оффиціальныхъ экспертовъ, а кстати, въ тѣхъ случаяхъ, когда они сами усмотрятъ слѣды подлоговъ тамъ, гдѣ оффиціальные эксперты ихъ не замѣчаютъ, „спеціалисты-повѣренные“, по мнѣнію г. Буринскаго, въ правѣ объ этомъ умолчать... Дальше, кажется, идти некуда!

Законъ отводитъ защитѣ почетное мѣсто въ процессѣ, потому что защитникъ является такимъ же помощникомъ суда въ дѣлѣ обнаруженія истины, какъ и прокуроръ. Но защитника, по проекту г. Буринскаго, очевидно недостаточно! Требуется еще установленіе особой корпораціи „пристрастныхъ лже-экспертовъ“, для выгораживанія подсудимаго на судѣ. Остается сдѣлать еще одинъ шагъ и остановиться, пожалуй, на учрежденіи аналогичной корпораціи лжесвидѣтелей! Все это, быть можетъ, очень полезно для того или другаго подсудимаго, имѣющаго достаточно средствъ для того, чтобы явиться въ судъ въ сопровожденіи роты лже-экспертовъ и баталіона лжесвидѣтелей, но едва ли это будетъ согласно съ задачею и назначеніемъ суда, и мнѣ думается, что въ средѣ присяжной адвокатуры врядъ ли нашлось бы много лицъ, которыя пожелали бы принимать на себя уголовныя защиты по дѣламъ, обставленнымъ такимъ образомъ!

Для каждаго человѣка, правильно понимающаго цѣль и условія нормальнаго отправленія правосудія, до очевидности ясно, что эксперты, въ силу ст. 325 уст. угол. суд., обязаны „объяснять явленія и факты, подлежащіе разрѣшенію суда, только на основаніи данныхъ науки или техники“; поэтому заключенія ихъ должны быть безусловно достовѣрны и безпри-

пристрастны, сами же они не могутъ быть заинтересованы въ дѣлѣ. А такъ какъ производство изслѣдованія рукописей представляется чрезвычайно важнымъ слѣдственнымъ дѣйствіемъ, то, казалось бы, что оно и должно исполняться не какими-либо „нанятыми“ сторонами экспертами, а только лицами, обладающими прежде всего необходимыми качествами достовѣрности. Вотъ почему единственно возможнымъ способомъ производства указаннаго рода изслѣдованій представляется, по мнѣнію моему, сосредоточеніе ихъ *въ правительственныхъ лабораторіяхъ*, при чемъ провѣрка на судѣ данныхъ экспертами заключеній должна быть допущена не иначе, какъ чрезъ такихъ спеціалистовъ, на которыхъ она возложена будетъ *судебными установленіями*.

Мнѣ остается еще сказать кое-что о судебно-фотографической лабораторіи при прокурорѣ С.-Петербургской судебной палаты, которой въ книгѣ г. Буринскаго отведено очень много страницъ, написанныхъ страстно и съ единственною цѣлью доказать полную непригодность этого учрежденія. Въ критикѣ, въ сообщеніяхъ и указаніяхъ г. Буринскаго относительно лабораторіи содержится много остроумія, но очень мало фактовъ, соотвѣтствующихъ дѣйствительности. Г. Буринскій высказываетъ удивленіе, что въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ судебно-фотографическая лабораторія хранила полное молчаніе о своей дѣятельности, и дѣлаетъ отсюда не лестные для нея выводы, а на страницѣ 174-й своей книги онъ напечаталъ даже странное объявленіе, смыслъ котораго сводится къ тому, что онъ любезно предлагаетъ всѣмъ желающимъ безвозмездно опровергать заключенія присяжнаго фотографа.

Лабораторія относится ко всему этому такъ же спокойно и индифферентно, какъ она въ теченіе десяти лѣтъ относилась къ нападкамъ и упрекамъ, которыхъ она неоднократно удостоивалась изъ того же источника. Лично я уже два года не имѣю съ лабораторіею никакихъ служебныхъ отношеній и не имѣю также никакого основанія защищать это оффиціальное учрежденіе. Но я считаю умѣстнымъ и своевременнымъ, въ дополненіе къ статьѣ, написанной мною болѣе

года тому назадъ въ „Юридической Газетѣ“, представить Юридическому Обществу нѣкоторыя *правдивыя* свѣдѣнія о присяжномъ фотографѣ и его дѣятельности.

Когда въ 1893 году лабораторія учреждена была, то мы очутились въ весьма неловкомъ положеніи. У насъ было новое судебное учрежденіе, но присяжнаго фотографа не оказалось. Обращались мы въ то время и въ Лондонъ, и въ Парижъ, въ Берлинъ, Вѣну и Глазго, съ просьбами о томъ, чтобы насъ снабдили необходимыми указаніями относительно организаціи лабораторіи. Однако отовсюду получены были отвѣты, что подобнаго учрежденія нигдѣ не существуетъ. Только случайно, благодаря И. Г. Щегловитову, намъ удалось получить затѣмъ свѣдѣніе о томъ, что въ одномъ изъ губернскихъ городовъ проживаетъ человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, свѣдущій химикъ и фотографъ, удачно производившій нѣсколько судебно-фотографическихъ экспертизъ. Этому лицу, г. Малевинскому, было предложено занять должность присяжнаго фотогрофа, но онъ принялъ предложеніе только послѣ того, когда успѣлъ побывать въ Парижѣ и проработать тамъ нѣсколько времени въ banque de France, въ лабораторіи тамошняго фотографа-эксперта Гобера. Такимъ образомъ, г. Буринскій совершенно невѣрно утверждаетъ, что „первое лицо, подавшее прошеніе“, было назначено на должность присяжнаго фотографа. Наоборотъ, назначено было лицо, *никогда* прошенія не подававшее, тогда какъ пятеро экспертовъ, *подававшихъ* прошенія, назначены не были. Невѣрны и указанія г. Буринскаго относительно вознагражденія, получаемаго присяжнымъ фотографомъ. Не 1500 рублей, какъ утверждаетъ г. Буринскій, составляютъ заработокъ присяжнаго фотографа, а, съ вознагражденіемъ за экспертизы по гражданскимъ дѣламъ, онъ получаетъ не менѣе члена столичнаго окружнаго суда. Эти подробности я привожу только съ цѣлью охарактеризовать степень достовѣрности сообщаемыхъ въ книгѣ г. Буринскаго свѣдѣній.

Что касается техническихъ средствъ, которыми располагаетъ лабораторія, то они несравненно значительнѣе тѣхъ, которыя рекомендуются въ книгѣ г. Буринскаго. Въ лабо-

латоріи имѣется нѣсколько весьма цѣнныхъ объективовъ, проекціонный аппаратъ, стереоскопы, приспособленія для хромофотографіи, всевозможные матеріалы и инструменты для химическихъ, микроскопическихъ изслѣдованій и т. п . . . Существуетъ и восхваляемый г. Буринскимъ часовой механизмъ для вспышекъ магнія, но онъ употребляется весьма рѣдко, потому что лабораторія располагаетъ тремя вольтовыми дугами, дающими ей, въ случаѣ надобности, освѣщеніе, равное 3000 свѣчамъ.

При этихъ средствахъ, въ лабораторіи до сихъ поръ произведено было 814 изслѣдованій, въ числѣ которыхъ многія были удачны и остроумны.

Такъ, напримѣръ, по одному весьма важному дѣлу, по которому нѣсколько человѣкъ обвинялись въ тяжкомъ преступленіи, нужно было подвергнуть изслѣдованію планъ одного зданія, на которомъ имѣлись стертыя резиною надписи. Было изготовлено свыше 600 фотографическихъ снимковъ, при чемъ упомянутыя надписи удалось возстановить цѣликомъ. Послѣ этого потребовалось подробное изученіе почерка, которымъ эти надписи сдѣланы были, а затѣмъ присяжный фотографъ пришелъ къ положительному убѣжденію въ томъ, что означенныя надписи не имѣли никакого сходства съ почеркомъ заподозрѣнныхъ. По прошествіи же нѣсколькихъ мѣсяцевъ оказалось, что подозрительныя надписи были сдѣланы лицомъ, постоянно проживающимъ въ Москвѣ и не имѣющимъ ничего общаго съ даннымъ преступленіемъ.

Другой примѣръ удачнаго исполненія экспертизы касался фотографіи невидимаго. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ С.-Петербургѣ скончался извѣстный думскій дѣятель, оставившій все свое имущество женѣ, которую онъ, однако, обязалъ выдать какой-то дѣвицѣ 20000 рублей. Недовольная этимъ распоряженіемъ покойнаго, жена тщательно залила подлежащее мѣсто завѣщанія чернилами и тушью и въ такомъ видѣ представила этотъ документъ въ окружный судъ къ утвержденію. Въ судебномъ засѣданіи одинъ изъ свидѣтелей, читавшій завѣщаніе въ самый день смерти наслѣдодателя, удостовѣрилъ, что покойный отказалъ какой-то дѣвицѣ 20000 рублей, но

что онъ не помнитъ ни званія, ни фамиліи этой дѣвицы. Тогда завѣщаніе передано было, для изслѣдованія, въ судебно-фотографическую лабораторію, и тамъ удалось, путемъ фотографіи (если не ошибаюсь, по такъ называемому способу Феррана), возстановить цѣликомъ надпись о выдачѣ мѣщанкѣ гор. Луги, дѣвицѣ К. 20000 рублей.

Было много случаевъ удачнаго воспроизведенія вытравленныхъ и выскобленныхъ надписей, а также обнаруженія автотипическихъ подлоговъ. Между прочимъ, по извѣстному дѣлу бывшаго камергера Прокудина-Горскаго механическое составленіе подложныхъ надписей, посредствомъ заранѣе заготовленнаго „штампа", было установлено путемъ фотографированія на прозрачныхъ пленкахъ и оказалось столь достовѣрнымъ, что, когда находившійся въ Гибралтарѣ Прокудинъ-Горскій, спустя четыре мѣсяца, задержанъ былъ, то въ вещахъ его отобранъ и тотъ самый штампъ, который онъ, очевидно, употреблялъ для составленія подложныхъ векселей.

Нерѣдко въ судебно-фотографической лабораторіи подлоги устанавливались посредствомъ химическаго и фотографическаго изслѣдованія чернилъ и бумаги. Такъ, между прочимъ, нельзя не упомянуть объ одномъ чрезвычайно важномъ и интересномъ изслѣдованіи, произведенномъ г. Малевинскимъ надъ фальшивыми бумажками сторублеваго достоинства, изготовлявшимися подъ руководствомъ осужденнаго въ городѣ Марсели, извѣстнаго во всей Европѣ, а въ особенности въ С.-Петербургѣ, фотографа Варнерке.

По этому дѣлу возникло разномысліе между лабораторіею и Экспедиціею заготовленія государственныхъ бумагъ, по вопросу о свойствахъ и составныхъ частяхъ бумаги, на которой печатались сторублевые билеты прежняго образца, а также по чисто химическому вопросу о возможности отдѣлить верхній отъ нижняго листа сторублевой бумажки. Несмотря на то, что Экспедиція эту возможность оспаривала, г. Малевинскій дважды расчленилъ такія бумажки; когда же я, спустя годъ послѣ этого, ознакомился въ Лондонѣ съ результатами обыска, произведеннаго въ домѣ Варнерке, то оказалось, что и у него

отобрана была бумажка, расчлененная на двѣ части, съ которыхъ изготовлены были два отдѣльныхъ фотографическихъ клише. Что же касается мнѣнія присяжнаго фотографа о свойствѣ бумаги, употреблявшейся для сторублевыхъ кредитныхъ билетовъ, то оно нашло себѣ подтвержденіе въ изслѣдованіи московскаго профессора Тихомирова, одного изъ немногихъ въ Россіи спеціалистовъ по микроскопической химіи.

Изъ этихъ данныхъ можно заключить, что судебно-фотографическая лабораторія является учрежденіемъ полезнымъ и работающимъ серьезно. Она избѣгаетъ рекламы и никогда не рѣшается давать заключенія, основанныя на „discipline conjecturale," какъ выразился французскій кассаціонный судъ. Но часто эксперту приходится ограничиваться описаніемъ результатовъ своего изученія рукописей и высказывать, что такой-то документъ, повидимому, написанъ или не написанъ такимъ-то. Если же современемъ физіографологіи суждено сдѣлаться достояніемъ науки, а не остаться упражненіемъ болѣе или менѣе ловкихъ фокусниковъ, то и судебно-фотографическая лабораторія въ состояніи будетъ производить болѣе совершенныя изслѣдованія!

Рѣзкая критика заключеній присяжнаго фотографа, занимающая такъ много мѣста въ книгѣ г. Буринскаго, ни къ чему не приводитъ и ничего не доказываетъ. Возьмемъ, для примѣра, хотя бы указанія въ его книгѣ по поводу судебно-фотографической экспертизы, произведенной надъ „однимъ" духовнымъ завѣщаніемъ. Г. Буринскій утверждаетъ, что присяжный повѣренный князь Урусовъ, обозрѣвъ приложенные къ дѣлу фотографическіе снимки лабораторіи, сейчасъ же указалъ на цѣлый рядъ несообразностей экспертизы, а „что осталось бы отъ нея",—спрашиваетъ г. Буринскій,—„если бы князь Урусовъ разсматривалъ эти снимки въ теченіе нѣсколькихъ недѣль"?!

На этотъ вопросъ отвѣтить легко. *Осталось бы* то, что экспертиза о подложности завѣщанія *была безусловно достовѣрна*, такъ какъ подпись завѣщателя перерисована была съ отобраннаго къ слѣдствію документа, на которомъ имѣлись даже явные слѣды перерисовки, а два профессора Техноло-

тическаго института доказали, какъ дважды два четыре, что печати, имѣвшіяся на завѣщаніи, не были наложены, а сняты съ другихъ бумагъ и приклеены. Наконецъ, подложность завѣщанія подтверждена была и предсмертнымъ сознаніемъ его составителя. Этого, кажется, довольно; вѣдь экспертиза требуется не для полемики, а для обнаруженія истины, и, коль скоро выводы эксперта истинѣ соотвѣтствуютъ, то нужно признать, что экспертиза исполнила свою задачу правильно.

Не касаясь дальнѣйшихъ подробностей, относящихся до С.-Петербургской судебно-фотографической лабораторіи, я не могу не упомянуть еще о двухъ вопросахъ чисто юридическаго свойства, обусловливаемыхъ особенностями служебнаго положенія присяжнаго фотографа. Съ одной стороны, присяжный фотографъ лишенъ возможности являться въ засѣданія судебныхъ мѣстъ, находящихся внѣ Петербурга, такъ какъ постоянныя занятія въ лабораторіи не позволяютъ ему отлучаться. Затѣмъ онъ не въ состояніи также производить свои изслѣдованія въ присутствіи сторонъ, такъ какъ размѣры лабораторіи, состоящей изъ одной большой и одной небольшой комнаты, множество изслѣдованій, производимыхъ по секретнымъ дѣламъ, и совершенно правильное, по моему мнѣнію, нежеланіе присяжнаго фотографа имѣть какіе-бы то ни было дѣловые разговоры съ заинтересованными лицами, исключаютъ возможность допущенія такихъ лицъ въ лабораторію. Затрудненіе, которое въ этомъ отношеніи встрѣчается, состоитъ, конечно, въ томъ, что временно установленный способъ изслѣдованій не вполнѣ соотвѣтствуетъ требованіямъ уставовъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводства. Дѣлать въ настоящее время какія-либо измѣненія въ порядкѣ производства судебно-фотографическихъ изслѣдованій невозможно, однако такія измѣненія крайне желательны, и мнѣ кажется, что они могутъ быть осуществлены современемъ, когда судебно-фотографическія лабораторіи будутъ существовать въ разныхъ судебныхъ округахъ, а число присяжныхъ фотографовъ и помѣщенія лабораторій настолько увеличены будутъ, что нынѣшнее временное и во многихъ деталяхъ своихъ неудовлетвори-

тельное положеніе уступитъ мѣсто болѣе правильной и цѣлесообразной организаціи судебно-фотографическаго дѣла.

Во всякомъ случаѣ и то уже отрадно, что у насъ почти десять лѣтъ существуетъ такое правительственное учрежденіе для изслѣдованія рукописей, объ осуществленіи котораго заграницею (въ Гамбургѣ и Амстердамѣ) начали думать только въ послѣдніе годы.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ОСНОВЫ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СОВРЕМЕННАГО РУССКАГО ЗАВѢЩАНІЯ.

П. И. Бѣляева.

(Окончаніе) [1].

Идея общаго владѣнія преемниковъ по завѣщанію, съ раздѣломъ для ликвидаціи наслѣдственныхъ отношеній въ томъ видѣ, какой она имѣетъ въ современномъ русскомъ правѣ, — позднѣйшаго происхожденія. Первоначально она является въ тѣхъ случаяхъ (см. выше), когда завѣщатели, составляя завѣщаніе, совершали только обрядъ, а интестатные наслѣдники не были умалены въ своихъ правахъ, и интестатное право дѣйствовало, какъ бы и не было завѣщанія. Тутъ, конечно, во всей своей силѣ было общее владѣніе и раздѣлы наслѣдниковъ, завѣщаніе тутъ было обрядомъ и проектомъ раздѣла. Значеніе такихъ раздѣловъ имѣютъ княжескіе договоры, имѣющіе и государственное, и международное значеніе. Завѣщаніе отца не исключаетъ тѣхъ нормъ, которыя дѣйствовали бы и безъ завѣщанія. Остается общесемейное имущество, которое надобно раздѣлить. И вотъ князья цѣлуютъ крестъ „по душевной грамотѣ Отца нашего, како ны отецъ нашъ раздѣлъ далъ, того ти старшему брату подъ нами блюсти, а не обидѣти .... а не обидѣти тобе, не имати ничего отъ княгини и отъ дѣтий, чимъ ны кого благословилъ отецъ нашъ по раздѣлу .... на семъ на всемъ целовали есмы крестъ межи собе у отца гроба по любви

[1]) См. Жур. Мин. Юст., 1903 г., Май, стр. 73.

въ правду [1]), а въ Москвѣ жити .... по душевной грамотѣ отца нашего Великаго князя [2]). Положеніе неинтестатныхъ наслѣдниковъ, назначенныхъ въ завѣщаніи—другое; общаго владѣнія они не могли имѣть съ интестатными наслѣдниками, либо между собою [3]). Они получали завѣщанное непосредственно изъ рукъ душеприказчиковъ или сообща владѣющихъ наслѣдственной массой наслѣдниковъ. Они не проходили стадіи общаго владѣнія, и лишь впослѣдствіи, когда чужаки и наслѣдники ab intestato, назначенные преемниками по завѣщанію, приблизились юридически другъ къ другу, уничтожилась разница между завѣщательнымъ и интестатнымъ преемствами, возникла идея о вступленіи ихъ въ universum jus testatoris, стадія общаго владѣнія сдѣлалась необходимой для всѣхъ наслѣдниковъ по завѣщанію. Чрезвычайно интересно одно рѣшеніе Общаго Собранія Сената 1856 г., въ которомъ проявляется старая точка зрѣнія на наслѣдниковъ по завѣщанію. Михаилъ Логевницкій, оставляя своимъ дѣтямъ недвижимое имѣніе, приказалъ завѣщаніемъ выдѣлить изъ него 1/4 часть дворянамъ Эсьманъ. Когда Гродненская гражданская палата предписала указомъ Гродненскому земскому суду осуществить сей выдѣлъ путемъ раздѣла имущества между наслѣдниками, правопреемница Эсьманъ, Коленкевичева, возражала, что для осуществленія ея права на 1/4 завѣщаннаго имѣнія нуженъ выдѣлъ этой части, который и былъ первоначально по сему дѣлу предписанъ гражданской палатѣ Сенатомъ, что раздѣлъ, установленный закономъ для наслѣдниковъ, со всѣми его формальностями, тутъ неумѣстенъ, въ виду того, что *наслѣдниками къ завѣщанному имѣнію являются только сыновья Логевницкаго, а отнюдь не Эсьманъ или она, Коленкевичева.* Общее Собраніе Сената, повидимому, согласилось съ доводами Коленкевичевой, по мнѣнію которой наслѣдникъ по завѣщанію стоитъ внѣ всякаго общенія съ наслѣдникомъ по

---

1) Собр. Румянцева I № 23.

2) Собр. Румянцева I №№ 37, 133 и др.

3) См. вышеприведенное рѣшеніе 1874 г. № 583.

закону по отношенію къ наслѣдственной массѣ [1]). Изъ предшествующаго видно, съ какими затрудненіями проводилась идея о томъ, что завѣщаніе ведетъ къ наслѣдованію и къ общему владѣнію унаслѣдованнымъ.

Не безъ затрудненій, повидимому, возникла обязанность наслѣдниковъ по завѣщанію отвѣчать за долги завѣщателя. Правда, почва для такой отвѣтственности была подготовлена стариннымъ воззрѣніемъ древняго русскаго права на то, что долги человѣка тяготѣютъ надъ имуществомъ, остающимся послѣ его смерти [2]). Воззрѣніе это, встрѣчающееся и въ нѣмецкомъ правѣ (creditores propinquissimi sunt haeredes) [3]), стало причиной и тамъ, и у насъ того, что отвѣтственность наслѣдниковъ за долги наслѣдодателя не представляется неограниченной, какъ въ римскомъ правѣ, а размѣръ ея находится въ зависимости отъ пріобрѣтенія отъ наслѣдодателя активнаго имущества [4]). Это воззрѣніе находитъ себѣ откликъ и въ современномъ русскомъ правѣ какъ въ томъ правилѣ, что родители, получившіе имѣніе послѣ умершихъ дѣтей, подвергаются отвѣтственности за долги послѣднихъ въ размѣрѣ пріобрѣтеннаго имущества, хотя и не числятся ихъ наслѣдниками [5]), такъ и въ другихъ явленіяхъ современной судеб-

---

[1]) Сборн. рѣш. Прав. Сената, томъ II № 804.

[2]) Анализъ древне-русскаго завѣщанія, стр. 111, 112.

[3]) Stobbe, Handbuch des deutschen Privatrechts, V § 285 I—IV, § 299, III, 6, IV, 4, Endemann Einführung in das Studium des Burgerlichen Gesetzbuchs, III, § 86, § 67 по вопросу объ удовлетвореніи легатаровъ изъ обремененнаго долгами имущества.

[4]) Stobbe, Ibidem; ст. 1104, 1259, 1262 Св. зак. гражд., Неволинъ, Исторія россійскихъ гражд. зак. т. V § 532, III, I, § 537, II, Улож. гл. 10 ст. 132: кто послѣ его во дворѣ и въ животахъ его останется, ст. 207, 245, П. С. З. № 210, № 290, № 634 ст. 5, № 650, № 749, № 814 ст. 6. Факты, показывающіе отвѣтственность имущества умершаго за его долги, тщательно сгруппированы у Курдиновскаго, „Журналъ Министерства Юстиціи“, Сентябрь, 1902 г. и у Кассо—Преемство наслѣдника въ обязательствахъ наслѣдодателя, стр. 202—232.

[5]) Рѣш. 1873 г. № 758: но нисколько не слѣдуетъ, чтобы, при неотвѣтственности родителей за долги дѣтей своихъ въ качествѣ ихъ наслѣдниковъ, и самыя доставшіяся родителямъ имѣнія дѣтей освобождались отъ отвѣтственности за долги умершихъ собственниковъ этихъ имѣній; рѣш. 1873 г. № 436, по мнѣнію мироваго судьи, разрѣшавшаго это дѣло, основаніемъ для такой отвѣт-

ной практики [1]). Взглядъ на таковую отвѣтственность имущества за долги его хозяина выражается въ древне-русскихъ завѣщаніяхъ въ томъ, что завѣщатели, отказывая свое имущество и возлагая на преемниковъ уплату своихъ долговъ, подчеркиваютъ, что эта уплата имѣетъ быть произведена съ отказаннаго имъ имущества:—и Государь мой князь Велики съ тое съ моей вотчины долгъ мой велитъ пожалуетъ заплатить и душу помянетъ [2]), и тѣ села зъ деревнями (имя реки) дочерем моимъ а дочери мои *с тѣх сел* матери своей дадутъ за еѣ приданое триста рублев [3]), и та вотчина половина села Кондратова женѣ моей Арине... а жена моя Арина с тое половины села долгъ мой платитъ [4]) и матере моей съ тое воцины долгъ отца моего и мой платити [5]). Нерѣдко завѣщатель прямо отказываетъ свое имущество кредиторамъ за ихъ долгъ: „ино та моя отчина должникомъ (кредиторамъ) моимъ за ихъ деньги, которой долгъ въ сей моей духовной писанъ; волны они продати, кому хотятъ" [6]) „въ

ственности является право Чхейдзе, какъ кредитора, обратить взысканіе на имѣніе должницы Владиміровой, принадлежавшее сей послѣдней въ моментъ ея смерти, рѣш. 1875 г. № 821, ст. 1146 Св. зак. гражд.

[1]) Въ одномъ дѣлѣ обязанность наслѣдниковъ отвѣтствовать за долги наслѣдодателя выводится стороной изъ того, что, принявъ имущество умершаго лица, они должны удовлетворять и долги, *лежащіе на имуществѣ его*, рѣш. 1871 г. № 781, срв. рѣш. 1868 г. № 610: *лежавшія* на томъ имѣніи обязательства, П. С. З. № 18730 ук. 1 ноября 1798: наконецъ всѣмъ частямъ (имѣнія) принять ровный платежъ долгу .... мужа ея; Уставъ о банкротахъ 19 декабря 1800 г. ст. 157 1 ч., ст. 110 2 ч. Устава П. С. З. № 19692; А. Боровиковскій Законы гражданскіе, изд. 10-е къ ст. 1259 § 17 и 18, къ 1141 § 2; по дѣлу Леонтьевой мировой съѣздъ дѣлаетъ отвѣтственной жену за долги мужа на томъ основаніи, что она не доказала, что отъ мужа Николая Леонтьева никакого имущества не получила, не устанавливая при этомъ, на какомъ она правѣ могла быть преемницей сего имущества, рѣш. 1868 г. № 563.

[2]) Собр. Румянцева I № 132, № 41, № 151, № 96, срв. указъ 15 января 1562 г.

[3]) Акты Лихачева № V, стр. 15.

[4]) Ibidem, № XIV, стр. 53.

[5]) Арх. 65 хрон. 11844, Ѳедотовъ Чеховской—Акты относящіеся до гражданской расправы, т. I № 96, примѣры въ моемъ—Анализѣ древнерусскаго завѣщанія, стр. 111—113.

[6]) Сборникъ князя Хилкова № 57.

духовной напишетъ изъ недвижимаго чужеродцамъ за долговыя деньги“ [1]). Взглядъ на кредиторовъ, какъ на ближайшихъ наслѣдниковъ завѣщателя, уже очень рано долженъ былъ проникнуть въ завѣщательное право, для котораго было важно, „не то, какое имущество принадлежало завѣщателю во время составленія завѣщанія, а то, какое имущество осталось послѣ его смерти“ [2]). Еще въ началѣ XVIII в. за недоимки Льва Челищева были отписаны его деревни, а также и „бывшей женѣ его Львовой въ данныхъ (по духовной) послѣ его и въ приданыхъ ея деревняхъ учинено же запрещеніе до рѣшенія сего дѣла“ [3]). Затѣмъ постановлено: „изъ онаго запрещенія Льва Челищева жены, собственныя ея приданыя и данныя послѣ смерти Челищева по духовной, буде другаго запрещенія не имѣется, выключить и показанную недоимку на наслѣдникѣ взыскать по указамъ въ немедленномъ времени“ [4]). Такимъ же образомъ въ § 8 пол. о дух. завѣщ. 1831 г. было сказано, что завѣщаніе лица, состоящаго подъ опекою по долгамъ, можетъ быть дѣйствительнымъ только тогда, когда, за удовлетвореніемъ всѣхъ заимодавцевъ, останется свободное имущество [5]). Воззрѣніе это стало основаніемъ созданія путемъ кассаціоннаго толкованія того положенія, что личные кредиторы наслѣдодателя имѣютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ предпочтительное право на удовлетвореніе своихъ претензій изъ наслѣдственной массы передъ личными кредиторами его наслѣдника [6]). Въ силу этого

---

[1]) П. С. З. № 4722. Анализъ, стр. 114 № 2, указъ 1817 г. П. С. З. № 27163: князь Долгорукій, назначая Мырновой въ завѣщаніи московскій домъ, изъяснилъ, что онъ „предоставляетъ ей домъ сей за 5000 руб. долга“.

[2]) Рѣш. 1878 г. № 274.

[3]) П. С. З. № 8127 6 іюня 1740 г.

[4]) Ibidem.

[5]) П. С. З. № 4844, срв. § 219 проекта гражд. улож. 1814 г.: но есть ли долги не утверждены на имѣніи залогомъ, тогда переходятъ на весь составъ имѣнія и платятся по соразмѣрности частей, въ раздѣлъ поступившихъ.

[6]) См. чрезвычайно поучительное рѣшеніе 1886 г. № 63 со ссылкой на слова указа 18 іюня 1827 г.: дѣйствительнымъ имуществомъ умершаго должно признавать токмо то, что за уплатою долговъ останется, А. Боровиковскій, Законы гражданскіе § 15 къ ст. 1259 Св. зак. гражд.

воззрѣнія имущество умершаго должника является какъ бы обезпеченіемъ его долговъ, и кредиторы имѣютъ залоговое право на все его имущество, pignus tacite contractum, въ родѣ права фиска при взысканіи налоговъ или правъ жены на имущество мужа при истребованіи отъ послѣдняго приданаго въ римскомъ правѣ. Идея эта проглядываетъ въ указѣ, регулирующемъ право завѣщателя обязывать наслѣдниковъ выдачами изъ благопріобрѣтеннаго имущества [1]): если Демидовъ имѣетъ у себя собственно имъ благопріобрѣтенное имѣніе, которое можетъ *обезпечить* жертвуемую имъ сумму, и платежемъ сей суммы обязывая своихъ наслѣдниковъ, относить оный на благопріобрѣтенное имѣніе. Въ виду этого на оставшееся послѣ смерти собственника имущество въ обезпеченіе лежащихъ на немъ выдачъ было налагаемо запрещеніе: „повелѣваемъ... въ обезпеченіе онаго (обязательства, установленнаго грузинскимъ княземъ Георгіемъ,—сдѣлать выдачи изъ оставшагося послѣ него имѣнія) на имѣніе сіе (находящееся во владѣніи князя Голицына), такъ какъ оно въ духовномъ завѣщаніи означено, въ письмѣ купчихъ и закладныхъ крѣпостей наложить запрещеніе, дополняя къ тому, если изъ онаго какое-либо количество продано или инымъ путемъ отошло въ другія руки, недостающее число душъ изъ другихъ князя Голицына деревень“ [2]). Однако и такая точка зрѣнія не вполнѣ объясняетъ послѣдствія ст. 1259 Св. зак. гражд. для наслѣдниковъ по завѣщанію, ни того, что долги наслѣдодателя дѣлаются ихъ собственными долгами, а не долгами имущества, оставшагося послѣ него [3]), ни неограниченной отвѣтственности за его долги.

Тутъ придется сказать нѣсколько словъ о происхожденіи этой дополнительной отвѣтственности. Отвѣтственность наслѣдниковъ ultra vires haereditatis, въ значительной степени, какъ намъ кажется, была связана съ реальнымъ овладѣніемъ на-

---

[1]) П. С. З. № 4762 II П. С. З. указъ 1831 г.

[2]) П. С. З. № 20106, указъ 14 янв. 1802 г., срв. такое же запрещеніе, наложенное судомъ, на наслѣдственное имущество въ обезпеченіе подлежащихъ изъ него выплатъ, въ рѣш. Общ. Собр. 1846 г., сборн. рѣш. Прав. Сената, II, № 427.

[3]) А. Боровиковскій, § 17 къ ст. 1259 Св. зак. гражд.

слѣдственными предметами, право на которые являлось у наслѣдниковъ въ моментъ смерти ихъ правопредшественника. Но, чтобы овладѣть ими, наслѣднику приходилось встрѣчаться съ ярко выраженной волей государства, отъ котораго онъ получалъ эти предметы,—въ силу особенныхъ верховныхъ правъ послѣдняго на древне-русское землевладѣніе (особенно по отношенію къ помѣстьямъ) или съ волей завѣщателя. Вспомнимъ, что по древне-русскимъ воззрѣніямъ неуплаченные долги вмѣнялись въ вину должнику, тяготѣли надъ его душой. Надобно было „свести" эти долги съ души покойнаго [1]). Такимъ образомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда государство брало на себя вотчины умершихъ, оно же брало на себя и обязанность платить ихъ долги: а на которомъ князѣ останется долгъ великъ, а будетъ того вотчину велитъ государь взять на себя, и государь, разсудя по вотчинѣ и по долгу, за ту вотчину велитъ долгъ платить изъ своей казны [2]). Такимъ же образомъ отдавая вотчины и помѣстья наслѣдникамъ ихъ обладателей, государи приказывали имъ платить долги умершихъ владѣльцевъ: лѣта 7040 не стало въ животѣ Петра... Молечкина, читаемъ мы въ припискѣ къ духовной 1524 г., и князь Великій Василій Ивановичъ... велѣлъ былъ вотчину его взяти на себя, а долгъ Петровъ велѣлъ платити; и нынѣче князь Великій Иванъ Васильевичъ... тое Петровскую вотчину Молечкина велѣлъ отдать женѣ Петровой Оленѣ, и долгъ ей мужа своего Петрова велѣлъ платити [3]). Въ 1555 г. Ѳедко Гурьевъ просилъ: *и* намъ бы тѣмъ брата его Олешкинымъ помѣстьемъ.... пожаловати Ѳедкова сына Иванка... и онъ съ того помѣстья нашу службу служитъ и тетку свою кормитъ, и долгъ дяди своего платитъ. Послѣдовалъ указъ дьякамъ: а достоль того Олешина помѣстья... велѣли бъ естя отдѣлить Ѳедкову сыну Иванку, и наши службы съ того помѣстья велѣли бъ естя ему служити...

---

[1]) Анализъ древнерусскаго завѣщанія, стр. 113.

[2]) Указъ 1562 г. Хрестоматія по исторіи русскаго права, Владимірскаго-Буданова, вып. III, XVIII.

[3]) Акты юридическіе, № 418.

и дяди его Олешинъ долгъ ему платити [1]). Если же наслѣдникъ не желалъ выполнить предлагаемыя ему обязательства, вотчина шла на государя, который и выполнялъ ихъ: а которой братъ или племянникъ съ тое вотчины брата или дяди своего души устроити... и за сестрами приданаго давати не похотятъ, и тѣ вотчины устроити и долгъ платити и дѣвкамъ приданое государь велитъ давати, разсудя по вотчинѣ, изъ своей государевы казны [2]). Ниже мы увидимъ, что частныя лица, отказывая свои имущества наслѣдникамъ и родичамъ, возлагали на нихъ уплату долговъ, при чемъ возложеніе это происходило въ формѣ приказа, въ силу patria potestas, или въ формѣ сопровождающаго завѣщательныя распоряженія условія: завѣщатель иногда предвидѣлъ, что его родичи не „приступятся" къ отказанной имъ вотчинѣ и, на сей случай указывалъ, какъ съ ней надо поступить. Равнымъ образомъ и предложеніе государства платить долги могло исходить или въ формѣ повелѣнія, обращеннаго къ служилому человѣку, или въ формѣ условія. Такимъ образомъ отвѣтственность наслѣдниковъ за долги каждый разъ возникала при овладѣніи ими наслѣдственнаго имущества или вслѣдствіе повелѣнія, исходящаго отъ представителей государства или носителей отцовской власти, или же вслѣдствіе обязательства, каждый разъ принимаемаго ими на себя при полученіи наслѣдства. Какое было значеніе сего акта? Уже изстари было признаваемо, что право на открывшееся наслѣдство принадлежитъ наслѣдникамъ съ самой кончины владѣльца [3]). „Что же Ѳедоръ Путиловъ о справкѣ того недвижимаго при жизни своей не билъ челомъ",—говорится въ указѣ 17 марта 1770,— „того ему въ вину причесть не можно, затѣмъ, что... наслѣдство утверждается не *по челобитьямъ* или *полученіямъ дачъ* наслѣдниками, но *причиною смерти* [4]); извѣстно, что имѣетъ

[1]) Дополненіе къ Актамъ историческимъ, томъ I, XVII срв. XX, да съ того же помѣстья велѣли имъ кормити мачеху ихъ до еѣ живота, да сестры вскормивъ замужъ выдати и долгъ отца своего платити, XXVI и было бы имъ—женѣ съ дочерью—съ чего Нечаевъ долгъ платить, XXXIII.

[2]) Вышеприведенный указъ 15 января 1562 г.

[3]) Ст. 1254 Св. зак. гражд.

[4]) Полн. Собр. Зак. № 13428, по указу 4 сентября 1829 г. срокъ на явку

онъ, Яцынъ (признанный недостойнымъ владѣть имѣніемъ), дѣтей совершеннолѣтнихъ, которымъ имѣніе отца ихъ не *только* по смерти онаго, но и *теперь за отлученіемъ его отъ владѣнія* законно принадлежитъ, такъ какъ настоящій вотчинникъ по предмету владѣнія достояніемъ своимъ можетъ быть признанъ совершенно несуществующимъ [1]). Такимъ образомъ съ открытіемъ наслѣдства у насъ преемникъ получаетъ права на входящія въ составъ его имущества и также считается продолжающимъ его владѣніе [2]), какъ это было и въ древнегерманскомъ правѣ—гдѣ (по крайней мѣрѣ, въ случаѣ ближайшихъ наслѣдниковъ) не было нужды для пріобрѣтенія наслѣдства въ особомъ актѣ вступленія въ него [3]).

Открытіе наслѣдства и овладѣніе имъ представляли собою неразличимый моментъ, воспоминаніе о которомъ сохранилось въ извѣстномъ текстѣ Павла: in suis haereditatibus evidentius apparet, continuationem dominii eo rem perducere, ut nulla videatur haereditas fuisse, quasi olim hi domini essent, qui etiam vivo patre quodammodo domini existimantur... Itaque post mortem patris non hereditatem percipere videntur, sed magis liberam bonorum administrationem consequuntur [4]). Эта неразличимость двухъ моментовъ и переходъ ipso jure владѣнія имуществомъ умершаго на его наслѣдниковъ нашли себѣ выраженіе въ ч. 2 § 180 проекта гражданскаго уложенія 1814 г.: „*право владѣнія* на *открывшееся наслѣдство* принадлежитъ ближайшимъ наслѣдникамъ по закону; *оно начинается съ самаго открытія наслѣдства.* Вмѣстѣ съ сими имуществами переходятъ къ наслѣднику и долги, лежащіе на семъ имуществѣ". Однако долги эти не дѣлались долгами наслѣдника, а оставались лежащими на перешедшей къ нему наслѣдственной массѣ. Отсюда слѣдующія

домашнихъ духовныхъ завѣщаній, остающихся послѣ смерти завѣщателя неявленными, „имѣетъ быть исчисляемъ со дня смерти завѣщателя" II Полн. Собр. Зак. № 3134 п. 2.

[1]) Полн. Собр. Зак. № 20576, указъ 1802 г., кассаціонныя рѣшенія приведены у А. Боровиковскаго къ § 1 ст. 1254 Св. зак. гражд.

[2]) Указъ 1802 г.

[3]) Der Todte erbt den Lebendigen, le mort saisit le vif, Stobbe—Handbuch V § 281.

[4]) L. 11 D. 28, 2.

консеквенціи. Долги эти уплачивались не изъ имущества, принадлежащаго лично наслѣднику, а изъ имущества, перешедшаго къ нему отъ наслѣдодателя. Въ половинѣ XVI в. игуменья Евникѣя бьетъ царю челомъ, въ томъ, что ихъ монастырскій дьяконъ поручился за своего дядю Ѳедку Шумана въ уплатѣ долга Тимофею Волкову, и такъ какъ Шуманъ не хотѣлъ платить по кабалѣ, то долгъ этотъ былъ взысканъ на дьяконѣ. Въ настоящее время Шуманъ пропалъ безъ вѣсти, жена его умерла, „а животы деи ихъ и статки поймала... Шуманова теща да зять еѣ Ефимко... а ему (Ивану) деи тѣхъ его убытковъ *изъ того живота* не платятъ [1]). Такимъ образомъ долгъ уплачивался изъ того имущества, на коемъ лежалъ, т. е. изъ имущества наслѣдодателя, а не наслѣдника. Сами наслѣдники такимъ образомъ не отвѣчали ultra vires haereditatis. Такая ограниченная отвѣтственность наслѣдниковъ и независимость ихъ личнаго имущества по отношенію къ къ этой отвѣтственности,—выражена въ указѣ 13 мая 1766 г. [2]). и въ уложеніи о наказаніяхъ 1845 г. ст. 64: взысканіе вознагражденія за причиненный вредъ, убытокъ или обиду въ случаѣ смерти главныхъ виновныхъ распространяется и на ихъ наслѣдниковъ, но требуется *только изъ того имѣнія, которое имъ досталось отъ виновныхъ* [3]). Ограниченная отвѣтственность наслѣдника существуетъ и въ настоящее время по отношенію къ долговымъ обязательствамъ безсрочнымъ и выданнымъ срокомъ до востребованія, если они представлены ко взысканію по смерти заемщика (прим. къ ст. 1259 Св. зак. гражд.). Вотъ было какое юридическое положеніе наслѣдника, не принявшаго на себя обязательства при овладѣніи наслѣдственной массой или не бывшаго обязаннымъ къ тому своими праводателями. Долги имущества его касались постольку, поскольку онъ пользовался симъ имуществомъ и не падали на его личное состояніе. Лишь (являющееся впослѣдствіи) принятіе обязательства платить долги измѣняло

---

[1]) Дополненіе къ актамъ историческимъ I, № 51 XII.

[2]) Кассо. стр. 220—221.

[3]) Ibidem, стр. 230.

положеніе дѣла. Оно порождало двоякій юридическій эффектъ. Во-первыхъ, долги имущества дѣлались личными долгами наслѣдника и, слѣдовательно, падали и на его личное достояніе. Во-вторыхъ, онъ обязывался ultra vires haereditatis. Такое значеніе принятія на себя обязательства до очевидности ясно проглядываетъ въ банкротскомъ уставѣ 1800 г. Ст. 158 1 части означеннаго устава, регулируя отвѣтственность лицъ торговаго званія, говоритъ: когда наслѣдники вступятъ въ наслѣдство, долги платить письменно обяжутся и кредиторы имъ въ томъ повѣрятъ, тогда имѣніе распечатать, и уже наслѣдники обязаны наслѣдственнымъ и *всѣмъ собственнымъ* своимъ имѣніемъ и лицомъ *отвѣтствовать*, какъ самъ должникъ [1]). Принципіально банкротскій уставъ стоитъ на старой точкѣ зрѣнія: когда должникъ прежде продажи бывшаго за нимъ и подлежащаго на платежъ долговъ его имѣнія умретъ, тогда наслѣдники, пріемлющіе имѣніе въ свое владѣніе, обязаны представить все оное на платежъ долговъ его [2]).

Итакъ условіемъ *неограниченной* и *личной* отвѣтственности наслѣдника является принятіе послѣднимъ на себя спеціальнаго обязательства. Впослѣдствіи на помощь къ такой неограниченной и личной отвѣтственности пришли идеи римскаго права о продолженіи личности наслѣдодателя въ лицѣ его преемника, о вступленіи послѣдняго in universum jus testatoris. Безъ этого принятія за долги принципіально отвѣчало наслѣдство, а не наслѣдники. Такая точка зрѣнія на принятіе наслѣдства красною нитью проходитъ черезъ исторію нашего права: братъ завѣщательницы П. (первая четверть XIX в.) заявляетъ, что „онъ съ прочими наслѣдниками, получивъ послѣ имѣніе, принялъ на себя и долги, ею сдѣланные [3]). Въ 1803 г. Общее Собраніе Сената упрекало уѣздный судъ за то, что онъ продалъ съ аукціоннаго торга оставшееся послѣ Неплюева имѣніе, не вызвавъ наслѣдниковъ, „и поэтому осталось неизвѣстнымъ, что, можетъ быть, наслѣдники,

---

[1]) Срв. ст. 4 прил. къ ст. 1238 св. зак. гражд., Кассо, стр. 223—226.

[2]) Ст. 110 части 2.

[3]) П. С. З. № 27470.

оставя за собою имѣніе, тогда жъ бы *согласились заплатить за покойнаго кредиторамъ долги* [1]). Съ теченіемъ времени волю наслѣдниковъ на принятіе на себя долговъ умершаго стали выводить изъ того, что „они отзыва отъ платежа не учинили, ни доходовъ съ имѣнія умершаго не сохранили, а владѣли и пользовались въ личную себѣ прибыль; въ такомъ случаѣ обязаны отвѣтствовать къ удовлетворенію долговъ умершаго всѣмъ должниковымъ и своимъ имѣніемъ" [2]). „Наслѣдникъ считается вступившимъ въ наслѣдство и *принявшимъ* на себя всѣ обязанности онаго",—говорится въ проектѣ гражданскаго уложенія 1814 г. [3]),—„1) когда учинилъ онъ въ имѣніи какое-либо распоряженіе, 2) когда въ срокъ отъ него не отказался. Наслѣдникъ *считается* вступившимъ въ распоряженіе имѣніемъ не только по дѣйствительному владѣнію, но и по *предположенію* онаго, когда что-либо изъ наслѣдства онъ продастъ, подаритъ и т. д." [4]). Такимъ путемъ возникло законное *предположеніе*, выраженное въ ст. 1261 Св. зак. гражд.

Такимъ образомъ принятіе наслѣдства имѣетъ въ своемъ прошломъ нѣсколько иное значеніе, чѣмъ aditio haereditatis, съ которой онъ сопоставляется въ судебной практикѣ. Въ принятіе наслѣдства входило въ качествѣ существеннаго элемента принятіе на себя наслѣдникомъ личной и неограниченной обязаности платить долги, чего нельзя сказать объ aditio, которая была только осуществленіемъ правъ, даваемыхъ открытіемъ наслѣдства [5]). Безъ этого дополнительнаго соглашенія не наслѣдникъ, а наслѣдство отвѣчало за долги наслѣдодателя, послѣдніе лежали на наслѣдствѣ [6]). Этотъ элементъ особенно выраженнаго согласія стушевался въ современномъ принятіи наслѣдства. Нечего говорить, что возложеніе государствомъ или завѣ-

---

[1]) П. С. З. № 20697 п. 2.

[2]) Ст. 110 2 ч. банкротскаго устава 1800 г.

[3]) § 186 2 ч.

[4]) § 187 ibidem.

[5]) Delata haereditas intellegitur, quam quis possit adeundo consequi l. 151 D. 50, 16.

[6]) Повидимому, такой порядокъ вещей былъ и въ древнемъ римскомъ правѣ срв. Endemann, Einführung III § 85,1.

щателями на наслѣдниковъ личной и неограниченной отвѣтственности за долги ихъ правопреемниковъ объясняется стремленіемъ, о которомъ будетъ сказано ниже, поддержать кредитъ, нуждавшійся въ прошлыя времена въ особенныхъ гарантіяхъ.

Хотя уже очень рано встрѣчается правило: а ежели на умершихъ останутся долги, оные платить тѣмъ, коему послѣ ихъ недвижимое отдано будетъ (имѣются въ виду наслѣдники, которыхъ „кто учинитъ по челобитью своему или по духовной") [1]), тѣмъ не менѣе принципъ этотъ и въ кассаціонной практикѣ, и въ старомъ судѣ встрѣчаетъ большія затрудненія. Затрудненія эти проистекаютъ изъ представленія о томъ, что завѣщаніе есть сингулярная сдѣлка и что долги лежатъ только на наслѣдникахъ по закону [2]). Такія же сомнѣнія встрѣчаются въ послѣднемъ столѣтіи въ судебной практикѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ. Въ дѣлѣ Салтыковой сущность возраженій противъ состоявшагося по сему дѣлу рѣшенія судебной палаты заключается въ томъ, что „по мнѣнію просителя, на имущество, укрѣпленное за кѣмъ-либо по духовному завѣщанію, не можетъ быть обращаемо удовлетвореніе долговъ завѣщателя"; мнѣніе это онъ подкрѣпляетъ сравненіемъ перехода правъ на имущество по завѣщанію съ пріобрѣтеніемъ права собственности по купчимъ крѣпостямъ [3]). Въ дѣлѣ Соловьева Сенатъ призналъ, что „разсужденіе мироваго съѣзда о различіи между наслѣдниками по завѣщанію и наслѣдниками по закону, въ отношеніи къ обязанности отвѣтствовать за долги наслѣдодателя, не согласуются съ точнымъ смысломъ дѣйствующаго закона", и что обязанность эта одинаково относится къ тѣмъ и другимъ [4]). Въ дѣлѣ Никитиной и Москвичева Петръ Москвичевъ указываетъ, что „Анна Москвичева не обязывала его никакими выдачами изъ завѣщаннаго ею ему имѣнія" и что поэтому онъ неправильно присужденъ

---

[1]) Ук. 28 мая 1725 г. П. С. З. № 4722.

[2]) Ср. вышеприведенный указъ 6 іюня 1740 г. по дѣлу Челищева: и показанную недоимку на наслѣдникѣ взыскать по указамъ въ немедленномъ времени.

[3]) Рѣш. 1868 г. № 777.

[4]) Рѣш. 1871 г. № 392.

къ уплатѣ денежной суммы въ пользу Никитиной изъ полученнаго имъ отъ Анны Москвичевой наслѣдства. Затѣмъ Москвичевъ объяснялъ, что обязанность платить долги умершаго относится только до наслѣдниковъ по закону, а не по завѣщанію. Сенатъ опять по этому поводу разъяснилъ, что Москвичевъ былъ присужденъ къ уплатѣ въ пользу Никитиной не на основаніи духовнаго завѣщанія Москвичевой, а какъ воспользовавшійся оставшимся послѣ Анны Москвичевой имѣніемъ, согласно ст. 1259 Св. зак. гражд. [1]).

Возникновеніе неограниченной отвѣтственности за долги завѣщателя его преемниковъ объясняется прежде всего отождествленіемъ завѣщательнаго преемства съ наслѣдствомъ по закону, въ которомъ уже установилась такая неограниченная отвѣтственность (см. выше).

Но сюда присоединилось и второе обстоятельство, связавшее понятіе преемника по завѣщанію съ понятіемъ о неограниченной отвѣтственности за долги наслѣдодателя. Дѣло въ томъ, что древнерусскіе завѣщатели, отказывая свое имущество, всегда дѣлали распоряженіе объ уплатѣ ихъ долговъ ихъ преемниками по завѣщанію, назначая послѣднихъ въ то же время душеприказчиками или и безъ таковаго назначенія: а приказываю азъ старецъ I., послѣ живота своего взяти и отдати и по моей душѣ поправити зятю С... да дѣтемъ своимъ Евдокеѣ да Еуѳиміѣ [2]), а жена моя и дочери мои... мою душю поминають и долгъ платят [3]). Въ однихъ случаяхъ обязанность преемниковъ и душеприказчиковъ къ уплатѣ долговъ могла быть поставлена завѣщателемъ въ зависимость отъ овладѣнія или принятія ими наслѣдственной массы, другими словами, могла быть возложена на нихъ, какъ условіе (въ родѣ условій объ образѣ пользованія или управленія

---

[1]) Рѣш. 1868 г. № 610.

[2]) А. Ю. № 423 и 426: и по сей духовной отказываю отдать и взяти женѣ моей Ульянѣ и сыну моему Никитѣ, да брату моему Еустафью.

[3]) Акты Лихачева № 5 стр. 17, № 24 стр. 78: а за ту вотчину детем моим Василью да Івану заплатит Семенове жене Марине двесте рублев., потому что Семенъ сынъ тое вотчину строил придаными денгами ср. Анализъ древнерусскаго завѣщанія, стр. 108—110.

даримымъ имуществомъ или „установленія дарителемъ .... обязательства, которое одаренный долженъ исполнить въ будущемъ“ [1]): и будетъ племянникомъ моимъ до моее отчины ... и племянники мои ту мою отчину ... возмутъ, а долгъ мой ... весь заплатятъ ... а будетъ племянникомъ моимъ ... не до моее отчины ... и дому моего и пошлинъ не захотятъ платити, ино та моя отчина ... должникомъ (кредиторомъ) моимъ за ихъ деньги [2]). Но такое обязательство могло быть возложено на преемника по завѣщанію и не какъ условіе, а въ силу patria potestas, если такое отношеніе было между завѣщателемъ и тѣми, въ пользу коихъ онъ отказывалъ. Если отецъ или мужъ имѣли право продавать или укрѣплять въ несвободное состояніе женъ и дѣтей, отдавать дѣтей въ монашество [3]), распоряжаться приданымъ жены [4]), и имуществомъ дѣтей, отбирая отъ послѣднихъ переданное имъ имущество, отпуская на волю ихъ кабальныхъ холоповъ [5]), то право возложенія на нихъ отвѣтственности за долги могло прямо слѣдовать изъ такой широкой patria potestas и супружеской власти [6]). При такомъ положеніи вещей обязательства могли возникать не только, какъ въ римскомъ правѣ, черезъ деликтъ или договоръ, но и вслѣдствіе односторонняго распоряженія третьяго лица надъ личностью обязываемаго, надъ которымъ онъ имѣлъ patria potestas. Какъ бы то ни было, но въ огромномъ большинствѣ древнихъ русскихъ завѣщаній является оговорка объ отвѣтственности преемниковъ завѣщателя за его долги, во многихъ случаяхъ объясняемая тѣмъ, что само по себѣ завѣщаніе, какъ сдѣлка съ сингулярными послѣдствіями, не вело къ отвѣтственности за долги наслѣдодателя. Такіе постоянно повторяющіеся акты воли приводили къ

---

[1]) Ср. А. Боровиковскій—Законы гражданскіе къ 976 ст. Св. зак. гражд., ст. 975 Св. зак. гражд.

[2]) Сборникъ князя Хилкова № 57.

[3]) Неволинъ—Исторія россійскихъ законовъ, томъ III §§ 29, 154—156, Владимірскій-Будановъ—Обзоръ, стр. 440—444, 457—462.

[4]) Неволинъ, ibidem § 44.

[5]) Ibidem §§ 166, 167 ср. Анализъ древнерусскаго завѣщанія стр. 55—59.

[6]) Акты Ѳедотова-Чеховскаго I № 94 стр. 269: дати ми Семену Борисовичу шуба горлотна и аз. велѣлъ дати за ту шубу шесть рублевъ.

предположенію, что завѣщатель всегда имѣлъ въ виду отвѣтственность за его долги лицъ, коимъ онъ что-либо отказывалъ,—а завѣщательная воля всегда была и для римскихъ юристовъ (favor testamenti), и для нашей судебной практики святыней, которую старались распознать и по возможности осуществить,—и такимъ образомъ содѣйствовали возникновенію правила, выраженнаго въ ст. 1259 Св. зак. гр. Подобнымъ же образомъ подъ вліяніемъ постоянно встрѣчающагося условія въ старыхъ русскихъ купчихъ объ очисткѣ возникаетъ норма, въ силу которой „продавецъ, хотя бы онъ и не принялъ обязательство очистки, отвѣчаетъ передъ покупщикомъ за всѣ убытки, причиненные его, продавца, дѣйствіями, предшествовавшими продажѣ [1]). Такимъ же путемъ сдѣлалась сама собою разумѣемой и clausula codicillaris въ новомъ нѣмецкомъ правѣ [2]).

Въ судебной практикѣ вплоть до кассаціонной сохранялась память объ обязываніи завѣщателемъ его наслѣдниковъ, какъ объ источникѣ отвѣтственности его преемниковъ за его долги. Въ 1845 г. Общее Собраніе Сената, признавая князя Вяземскаго отвѣтственнымъ за долги наслѣдодателя, мотивировало свое заключеніе между прочимъ тѣмъ: „что сія *обязанность* возложена на него и самимъ духовнымъ завѣщаніемъ“ [3]). Въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка нѣкто Петръ Москвичевъ находитъ себя несправедливо присужденнымъ (онъ былъ присужденъ на основаніи ст. 1259 Св. зак. гр.) къ уплатѣ денежной суммы въ пользу Никитиной изъ полученнаго имъ отъ Анны Москвичевой наслѣдства, на томъ основаніи, что послѣдняя не обязывала его никакими выдачами изъ завѣщаннаго ею ему имѣнія [4]). Въ дѣлѣ Лошакова Правительствующій Сенатъ разъясняетъ, что обязанность исполненія договоровъ, заключенныхъ наслѣдодателемъ, переходитъ на наслѣдниковъ потому только, что самъ наслѣдодатель не исполнилъ договора и что они, наслѣдники, пред-

---

[1]) А. Боровиковскій. Законы гражданскіе § 2 къ ст. 1427 св. зак. гр.

[2]) Stobbe—Handbuch V § 302, II.

[3]) Сборникъ рѣшеній Правительствующаго Сената, II, № 407.

[4]) Рѣш. 1868 г. № 610.

ставляютъ собою его личность, а не потому, что наслѣдодатель исполненіе своего договора--возложилъ непосредственно на нихъ по своему усмотрѣнію [1]) Обязанность удовлетворенія наслѣдодателя, говоритъ Сенатъ по другому дѣлу, возлагается на наслѣдниковъ по завѣщанію не въ силу духовнаго завѣщанія, а въ силу закона [2]). Такимъ образомъ законъ, а не усмотрѣніе завѣщателей, производитъ и регулируетъ обязанность преемниковъ по завѣщанію отвѣтствовать за долги наслѣдодателя. Въ концѣ XVIII в. тайная совѣтница Кашкина распредѣлила на случай смерти имущество своего мужа, къ коему состояли наслѣдниками, она сама въ указной части, двѣ дочери и внуки отъ другихъ двухъ дочерей,—между двумя дочерьми и внуками отъ другихъ дочерей, при чемъ назначила указную часть дочери Татьянѣ и сдѣлала распоряженіе: всѣмъ четыремъ частямъ принять равный платежъ долгу покойнаго мужа ея въ Государственный заемный банкъ, въ 12000 р. состоящаго. Означенное усмотрѣніе Кашкиной не было однакоже санкціонировано, по несогласію его съ требованіями закона: „и въ платежѣ долгу должна она просительница (Кашкина), съ слѣдующей ей указной части, принять, по силѣ указа 1716 г. апрѣля 15, участіе; а поелику она уступаетъ ее дочери своей дѣвицѣ Татьянѣ, то съ сей же части, что на оную придетъ, обязана уже платить его сія послѣдняя“ [3]). На ту же старую точку зрѣнія стала судебная палата по дѣлу Ревштейнъ. Послѣдній обязалъ своихъ наслѣдниковъ Александра и Адольфа Рихтеръ или уплатить Регинѣ Ревштейнъ 500 ф. (занятые у ней завѣщателемъ) или заложить въ этой суммѣ принадлежащую ему дачу. Регина Ревштейна предъявила искъ о взысканіи съ одного изъ

---

[1]) Рѣш. 1869 г. № 1322 дѣло шло собственно не о духовномъ завѣщаніи, а о договорѣ найма, въ которомъ было нанимателемъ поставлено условіе, что послѣ смерти нанимателя за квартирохозяиномъ остается его движимость и наслѣдники его, нанимателя, не имѣютъ на оную никакого права, срав. рѣш. 1868 г. № 610).

[2]) Дѣло Ревштейна, рѣш. 1871 г. № 781.

[3]) П. С. З. № 18730 ук. 1 ноября 1798 г.

наслѣдниковъ половины долга наслѣдодателя Ревштейнъ. Судебная палата приговорила опекуновъ Рихтеръ къ выдачѣ истицѣ Ревштейнъ закладной отъ имени Александра Рихтеръ или къ уплатѣ 2500 руб. на томъ основаніи, что наслѣдодатель обязалъ ихъ духовнымъ завѣщаніемъ къ такой альтернативной отвѣтственности (уплатить или выдать закладную) и что опекуны по отношенію къ долгу Регины Ревштейнъ обязаны исполнить волю завѣщателя только въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ она буквально выражена въ завѣщаніи. Рѣшеніе было отмѣнено, причемъ Сенатъ разъяснилъ, что палата должна была руководствоваться не волею завѣщателя, а относящимися къ настоящему случаю правилами закона [1]).

Въ другомъ случаѣ нѣкто Елена Рюмина, отказывая своему сыну Ѳедору всѣ недвижимыя имѣнія и долговыя претензіи, обязала его заплатить сестрамъ его, въ томъ числѣ Вѣрѣ Рюминой, по 200 р., взятыхъ у нихъ на сохраненіе съ выдачей сохранныхъ росписокъ. По этому поводу Правительствующій Сенатъ разъяснялъ, что изъ ст. 1029 и 1084 Св. зак. гр. „никакъ нельзя вывести, чтобы завѣщатель особымъ условіемъ въ завѣщаніи могъ вмѣнить наслѣднику въ безусловную обязанность выполнить тѣ или другія выданныя имъ обязательства. Такія обязательства производятъ право требовать удовлетворенія только въ силу самыхъ этихъ обязательствъ, а не въ силу упоминанія о нихъ въ завѣщаніи, а потому наслѣднику по завѣщанію принадлежитъ право возражать противъ нихъ внѣ всякой зависимости отъ завѣщанія... поэтому утвержденіе повѣреннаго истицы Рюминой, что за сдѣланнымъ въ духовномъ завѣщаніи Елены Рюминой заявленіемъ о дѣйствительности акта поклажи, выданнаго дочери ея, Вѣрѣ, для наслѣдника ея по завѣщанію безусловно обязательно было выполненіе сохранной росписки, не можетъ быть правильнымъ [2]) Подобное же разъясненіе было дано Сенатомъ по дѣлу Смирнова: „возложеніе на одного изъ наслѣдниковъ обязанности уплатить весь лич-

[1]) Рѣш. 1871 г. № 781.
[2]) Рѣш. 1878 г. № 195.

ный (не вещный) долгъ наслѣдодателя, а не соразмѣрную наслѣдственной его долѣ часть этого долга, нарушаетъ законъ, изображенный въ ст. 1259 т. X ч. 1" [1]). Но кассаціонная практика удержала старое усмотрѣніе завѣщателя въ одномъ случаѣ. Признавая, что „по нашимъ законамъ долги, обезпеченные залогомъ, подлежатъ удовлетворенію исключительно изъ имѣнія, ихъ обезпечивающаго", Правительствующій Сенатъ тѣмъ не менѣе далъ такое разъясненіе: когда наслѣдство переходитъ къ наслѣдникамъ не въ силу закона . . . а волею лица, послѣ котораго остается наслѣдство, объявленною въ завѣщаніи, тогда могутъ быть случаи, въ коихъ этою же волею опредѣляется и отвѣтственность сихъ послѣднихъ за долги умершаго; слѣдовательно, „если завѣщатель отказываетъ одному лицу имѣніе, служащее обезпеченіемъ долга его, а другому предоставляетъ другое имѣніе его, свободное отъ долга, то нельзя отвергать обязанности сего послѣдняго наслѣдника отвѣтствовать за долгъ завѣщателя, лежащій на имѣніи, отданномъ его сонаслѣднику, если есть о томъ въ завѣщаніи распоряженіе завѣщателя" [2]). Но кромѣ вышеуказанныхъ факторовъ въ образованіи правила объ отвѣтственности преемника по завѣщанію за долги завѣщателя, какъ то оговорокъ (о возложеніи долга) завѣщателя, отождествленія обоего вида преемствъ по закону и по завѣщанію, рецепціи римскаго права (послѣдняя особенно замѣтна въ § 198 проекта гражданскаго уложенія 1814 г.: съ принятіемъ наслѣдства пріемлются и всѣ обязательства, на имѣніи лежащія, такъ точно, какъ бы владѣлецъ имѣнія не перемѣнился) нельзя не указать и на цивильно-политическія соображенія о поддержаніи кредита и бо́льшей гарантіи кредиторскихъ правъ, оказывавшія вездѣ большое вліяніе на упорядоченіе правъ и обязанностей наслѣдниковъ [3]). Примѣровъ такого вниманія къ интересамъ кредита можно привести достаточно. Въ

---

[1]) Рѣш. 1876 г. № 399.

[2]) Рѣш. 1881 г. № 62, 1880 г. № 70, срв. рѣш. 1881 г. № 127 А. Боровиковскій, Законы гражданскіе § 20 къ ст. 1259 Свод. зак. гражд.

[3]) Endemann Einführung in das Studium des Bürgerlichen Gesetzbuchs, III стр. 3—4, 378, 381, Windscheid—Lehrbuch. III § 528, № 2.

1803 г. Общимъ Собраніемъ Правительствующаго Сената дѣлается упрекъ Недригайловскому уѣздному суду за то, что онъ „продажу произвелъ означенному недвижимому Неплюева имѣнію безъ вызова чрезъ газеты оставшихся послѣ Неплюева наслѣдниковъ... а потому осталось въ неизвѣстности, что можетъ быть наслѣдники, оставя за собою имѣніе, тогда жъ бы согласились заплатить за покойнаго кредиторамъ долги [1]). Въ 1802 г. наслѣдникамъ Яцына, признаннаго недостойнымъ владѣть своимъ имуществомъ, позволено было раздѣлиться, не отдавая имѣнія въ управленіе дворянской опеки „для скорѣйшаго удовлетворенія кредиторовъ“ [2]). Въ 1817 г. Комитетъ Министровъ отказываетъ наслѣдникамъ Соллогуба въ раздѣлѣ имѣнія и въ прекращеніи опеки надъ послѣднимъ въ виду того, что опека эта назначена „въ обезпеченіе кредиторовъ до уплаты долговъ ихъ“ и что еще не всѣ долги уплачены [3]). Интересны соображенія, высказанныя Правительствующимъ Сенатомъ по дѣлу Аматуни: „Всѣ эти выводы (о признаніи преимущественныхъ правъ кредиторовъ наслѣдодателя передъ кредиторами должника) вполнѣ соотвѣтствуютъ тому правовому положенію, въ которое смерть должника ставитъ его кредиторовъ... Личный кредитъ зиждется на личномъ довѣріи вѣрителя къ лицу, которое одолжаетъ... Въ силу этого положенія случайное событіе, каковымъ является смерть должника, не можетъ вредно отразиться на его правахъ... Договоры... объ имуществѣ (въ противоположность договорамъ о дѣйствіяхъ личныхъ) имѣютъ равное дѣйствіе какъ на обязавшееся лицо, такъ и на его наслѣдниковъ... однако договоры эти не имѣли бы равнаго дѣйствія на наслѣдниковъ, сравнительно съ дѣйствіемъ ихъ на самое обязавшееся лицо, если къ удовлетворенію изъ наслѣдственной массы были бы допущены личные кредиторы наслѣдниковъ, наравнѣ съ кредиторами наслѣдодателя. Обязанность наслѣдниковъ, по 1259 ст. зак.

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 20697 п. 2.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 20576.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 26989.

гражд., отвѣчать за долги наслѣдодателя и *собственнымъ имуществомъ*, создаетъ для такихъ кредиторовъ только *новую* гарантію, *не умаляя* въ чемъ-либо *прежде принадлежавшихъ имъ правъ* на имущество своего должника" [1]).

Но не къ одному платежу своихъ долговъ обязывалъ завѣщатель преемниковъ по завѣщанію. Онъ обязывалъ ихъ къ разнаго рода выдачамъ въ пользу третьихъ лицъ и къ разнаго рода дѣйствіямъ. Выдачи эти часто падали на отказанное обязанному лицу имущество: а что волости за княгинью за Ульяною, и съ тыхъ волостей по ее животѣ дѣти мои (которымъ завѣщаны эти волости) . . . дадутъ дчери ее Сурожикъ, село Л. [2]); а внучатамъ моимъ дать съ тое вотчины съ села Красного (отказаннаго этимъ внучатамъ) въ Сергіевъ монастырь 50 рублевъ [3]) . . . и архимандриту Д. . . . взяти на Иване . . . тѣ денги въ монастырь и пожаловати ис тѣх денег дати племянницѣ моей О. . . 10 руб. [4]). Въ другихъ случаяхъ завѣщатель не обозначалъ, на какое именно имущество посредника падала производимая имъ выдача: за то дѣти мои всѣ даютъ оброкъ Святому Спасу 15 руб. на годъ [5]). Особенное положеніе занимаютъ случаи, гдѣ завѣщатель возлагаетъ на одѣленныхъ въ завѣщаніи родственниковъ обязанность содержать, кормить, выдать замужъ съ приданымъ своихъ родственницъ или гдѣ онъ возлагаетъ на учрежденія, въ пользу коихъ нѣчто отказываетъ, обязанность содержать свою жену: а что мое селцо П. . . то есми дал по душе своей Спасу и Пречистой . . . въ домъ, а онѣ бы пожаловали поставили женѣ моей Соломониде кѣлью в Дѣвичьемъ монастырѣ в Горицахъ . . . а не пожалуютъ не поставятъ кѣльи, и вы б ей дали двад-

---

[1]) Рѣш. 1886 г. № 63.

[2]) Собраніе Румянцева I № 25.

[3]) Арх. 92 хрон. 5059.

[4]) Арх. 34 хрон. 14782, другіе примѣры въ „Анализѣ древнерусскаго завѣщанія" стр. 70 № 2.

[5]) Собр. Румянцева I № 34, другіе примѣры въ „Анализѣ древнерусскаго завѣщанія", стр. 70 № 7.

цат рублев [1]), и жена моя и дочери... мою душу поминают и долг платят, а по родителех моих и по моей душе приказчики мои и жена моя раздадут по церквамъ къ Леонтию къ Ростовскому чудотворцу... два рубля, къ Ивану къ Предтечи на Сить два рубля и т. д. [2]), женѣ моей Маринѣ съ сыномъ своимъ Ѳеодоромъ и съ дочерми своими и съ племянницы жити вмѣстѣ въ деревняхъ (имя реки)... и сына моего Ѳеодора и дочерей моихъ и племянницъ споить и скормить; дочерей и племянницъ замужъ отдать, а приданаго имъ дать по свиткѣ добраго сукна, да по кумачю, да по шапкѣ... и буде сынъ мой Ѳеодоръ судомъ Божьимъ помретъ, ино деревнями и пожнями владѣть дядямъ и братьямъ, а жену мою Марину, кто приметца за вотчину, поить и кормить до смерти, обувь и платье давать, а буде не поволитъ жить, давать отсыпного хлѣба на годъ по десети мѣръ... да денгами давать на годъ по полутора рубли и т. д. [3]). Изъ этихъ примѣровъ видно, что древне-русскій завѣщатель могъ обязать своихъ преемниковъ по завѣщанію къ извѣстнымъ выдачамъ или другимъ дѣйствіямъ, какъ въ силу patria potestas надъ женой и дѣтьми, о чемъ было сказано выше, такъ и путемъ обусловливанія самого отказа исполненіемъ сихъ обязательствъ: зато дѣти мои всѣ даютъ оброкъ Святому Спасу 15 руб. на годъ [4]). Отъ этихъ случаевъ надо отдѣлить другіе, когда завѣщатель возлагаетъ на своихъ душеприказчиковъ или преемниковъ распредѣленіе наслѣдственнаго имущества между дестинатерами завѣщательнаго акта, раздачу

---

[1]) Ак. Лихачева № 9 1551—1552 г., подобный приказъ въ духовной № 22 1611 г.

[2]) Ак. Лихачева № 5 1545—1546 г.

[3]) Акты до юридическаго быта относящіеся № 86 IV 1691 г., подобный приказъ сыновьямъ въ Ак. Лихачева № 21 1610 г.; Акты юридическіе № 409: или будетъ дчи, ино выдасть ю братъ Ѳедоръ по силѣ, № 410, 1472 г., срв. другіе факты, приведенные въ „Анализѣ древнерусскаго завѣщанія", стр. 70—72.

[4]) Собраніе Румянцева № 34 см. выше Акты, до юридическаго быта относящіеся № 86, IV; акты Лихачева № 13, № 14: а не приступитца жена моя и братъ мой Дмитрей къ моей вотчине къ половине села Кондратова и приказщики мои тое вотчину продадутъ и душю мою поминають, срв. „Анализъ древнерусскаго завѣщанія" стр. 73 и 74.

или передачу имъ отдѣльныхъ предметовъ: изъ того доспѣху приказщики мои дадутъ братье моеи Миките да Роману да Григорью по два пансыря да по два шелома да князю Богдану дати зерцало [1]). А буде... невѣстки моей вдовы Анны не станетъ же, и послѣ еѣ невѣстки моей Анны тѣ мои пожитки всѣ и Московскаго моего двора... жребей взять братьямъ моимъ (4 имя река) и раздѣлить межъ собой по жеребьямъ... а приданое невѣсти моей все отдать отцу еѣ Ефрему... и ничѣмъ не удержать [2]). Въ этихъ случаяхъ дестинатеры завѣщанія пріобрѣтаютъ право на эти предметы не вслѣдствіе обязыванія завѣщателя, а вслѣдствіе отказа сихъ предметовъ въ ихъ пользу. Обязываніе же имѣетъ цѣлью только установить способъ полученія этихъ предметовъ для наслѣдниковъ изъ наслѣдственной массы; завѣщатель обязываетъ лишь къ доставленію тѣхъ предметовъ, на которые дестинатеръ имѣетъ непосредственное право уже въ силу отказа. Въ современномъ правѣ право завѣщателя на обязываніе его наслѣдниковъ признано съ извѣстными ограниченіями. Наслѣдника можно обязывать только пожизненно и съ тѣмъ ограниченіемъ, что въ случаѣ оставленія имѣнія родоваго наслѣдникъ въ правѣ отказаться отъ исполненія сдѣланныхъ завѣщателемъ по тому имѣнію распоряженій, соединенныхъ съ утратою изъ онаго большей или меньшей части [3]). Разумѣется,

[1]) Акты Лихачева № 11, срв. № 2, 5, 6: и приказываю душу свою... игумену Іонѣ... Да старцу Симону Шубину да зятю своему Олексею Хазникову да протопопу Симону долгъ заплатит и по душе дати и люди отпустити и все устроити, срв. № 19.

[2]) Для исполненія завѣщанія сверхъ того назначено 3 душеприказчика: 2 зятя и тесть завѣщателя, Акты до юридическаго быта № 84, II; въ № 409, I Актовъ юридическихъ помимо душеприказчиковъ исполнителемъ завѣщанія назначенъ братъ завѣщателя Григорій, которому отказана часть имущества и который долженъ другую часть имущества отдать на поминокъ, № 418: а родитца у моей жены дочь, ина ей дать восемьдесятъ рублевъ изъ моего живота, другіе факты см. „Анализъ", стр. 69.

[3]) Ст. 1086 Св. зак. гр., по силѣ ст. 1011 прим.—владѣлецъ благопріобрѣтеннаго имѣнія... можетъ дарить и завѣщать его по собственному произволу и имѣетъ даже право силою завѣщанія обязать избраннаго имъ наслѣдника, на *время жизни его*, къ исполненію нѣкоторыхъ по имуществу распоряженій, каковы, напр., денежныя выдачи и т. п. (!) И т. п.! – [illegible] выдачи!

что въ современномъ правовомъ быту такія возложенія на преемниковъ возможны не въ силу patria patestas, имѣющей весьма ограниченное значеніе, а только какъ условіе, которымъ сопровождается завѣщательное распоряженіе: „по точному смыслу ст. 1086 т. X ч. 1 принявшій наслѣдство благопріобрѣтеннаго завѣщателемъ имѣнія, завѣщаннаго подъ условіемъ денежныхъ выдачъ, обязанъ произвести эти выдачи, хотя бы сумма ихъ превышала стоимость принятаго имъ имущества“ [1]). Купецъ Іоганъ В—бенъ назначилъ наслѣдникомъ своимъ благопріобрѣтенныхъ домовъ сына Александра, возложивъ на наслѣдника цѣлый рядъ ежегодныхъ выдачъ въ продолженіе 15 лѣтъ въ пользу разныхъ лицъ. Не успѣвши произвести означенныя выдачи, Александръ В—бенъ умираетъ, оставивъ духовное завѣщаніе на доставшееся ему отъ отца наслѣдство. Магистратъ и гражданская палата признали завѣщаніе Александра недѣйствительнымъ, какъ составленное *условнымъ* и *ограниченнымъ владѣльцемъ имущества*, на которое онъ составилъ завѣщаніе, и потому недѣеспособнымъ. А заключеніе объ условности и ограниченности правъ Александра В—бенъ они выводили изъ того, что онъ не исполнилъ возложенной на него Іоганомъ В—бенъ обязанности, не произвелъ выдачъ [2]). Вотъ какую форму приняла идея о томъ, что произведеніе выдачъ есть условіе принятія наслѣдства—тутъ уже мы видимъ, что *осуществленіе* выдачъ есть суспензивное условіе окончательнаго вступленія въ право наслѣдства, и до момента осуществленія наслѣдникъ является ограниченнымъ и недѣеспособнымъ обладателемъ завѣщаннаго ему имущества. Обязанность исполнить возложенныя завѣщателемъ выдачи такое же обязатель-

---

[1]) Рѣш. 1872 г. № 1223, рѣш. 1869 г. № 816: наслѣдникъ, вступая во владѣніе завѣщаннымъ капиталомъ, тѣмъ самымъ обязался и къ исполненію тѣхъ условій, которыми до достиженія имъ извѣстнаго возраста было ограничено право его распоряжаться завѣщаннымъ ему капиталомъ; рѣш. 1881 г. № 131, мотивировка судебной палаты: признавши въ настоящемъ дѣлѣ волю своего мужа для себя обязательною, Софія Милорадовичъ тѣмъ самымъ приняла на себя обязанность дать дочери своей Аннѣ приданое, вмѣсто слѣдующаго изъ имѣнія ея мужа.

[2]) Сборн. рѣш. Прав. Сената II, № 427.

ство для преемника, какъ и другія, входящія въ составъ наслѣдства, по силѣ ст. 1104 Св. зак. гр. [1]). Обязанность къ произведенію подобныхъ выдачъ переходитъ вмѣстѣ съ имуществомъ и правами къ принявшему наслѣдство на основаніи ст. 1259 Св. зак. гр. [2]), и послѣдній обязанъ произвести ихъ, хотя бы сумма ихъ превышала стоимость принятаго имъ имущества [3]). Обязанность эта распредѣляется между наслѣдниками по пропорціи унаслѣдованнаго ими имущества [4]). Дестинатеры такихъ выдачъ имѣютъ право требованія непосредственно къ обязаннымъ выдачами наслѣдникамъ, какъ ихъ кредиторы, а не къ душеприказчикамъ [5]) они сравниваются съ легатаріями [6]). Совсѣмъ въ другомъ правовомъ положеніи находятся дестинатеры ex certa re, непосредственные получатели завѣщанныхъ имъ предметовъ, о коихъ было говорено выше. Дестинатеры ex certa re имѣютъ дѣло непосредственно съ душеприказчиками; если же они имѣютъ дѣло съ наслѣдниками, то только тогда, когда послѣдніе дѣйствуютъ въ качествѣ душеприказчиковъ, исполнителей завѣщателя.

Обязанности такихъ наслѣдниковъ душеприказчиковъ къ распредѣленію имущества переходятъ къ ихъ наслѣдникамъ [7]), дестинатеры же выдачъ по ст. 1086 имѣютъ дѣло съ наслѣдниками, какъ съ таковыми. Дестинатеры ex certa re являются сонаслѣдниками, соучастниками наслѣдниковъ, дѣйствующихъ въ качествѣ душеприказчиковъ, и ихъ искъ къ симъ наслѣдникамъ есть искъ объ исполненіи завѣщанія, дестинатеры же выдачъ по ст. 1086 не стоятъ въ сона-

---

[1]) Рѣш. 1874 г. № 583.

[2]) Рѣш. 1874 г. № 284.

[3]) Рѣш. 1872 г. № 1223.

[4]) П. С. З. № 16203: то и сіе отъ оныхъ наслѣдниковъ непремѣнно исполняемо быть долженствуютъ... съ каждой части поровну (выдача 10000 руб. сестрѣ завѣщателя и содержаніе ея), рѣш. 1872 г. № 1223.

[5]) Рѣш. 1874 г. № 284: какъ взысканіе съ наслѣдницы завѣщателя возложенныхъ на нее денежныхъ выдачъ, согласно ст 1259 т. X ч. 1, рѣш. 1869 г. № 612.

[6]) Рѣш. 1874 г. № 284.

[7]) Рѣш. 1886 г. № 60.

слѣдническомъ отношеніи къ наслѣдникамъ обязаннымъ выдачами,—они вообще не наслѣдники,—а только въ отношеніяхъ обязательственныхъ, какъ кредиторы къ должникамъ, и ихъ искъ къ этимъ наслѣдникамъ есть иски объ исполненіи обязательства. Дестинатеры ex certa re имѣютъ, какъ и всѣ другіе наслѣдники вещное право на отказанное имъ имущество со времени открытія наслѣдства по завѣщанію [1]), дестинатеры на основаніи ст. 1086 имѣютъ лишь обязательственное отношеніе къ обремененному выдачей наслѣднику и получаютъ право собственности на отказанное имущество лишь по осуществленіи наслѣдникомъ своего обязательства. Это подтверждается слѣдующими текстами: являясь сонаслѣдниками, не легатаріями, истцы (коимъ завѣщаны выдачи изъ имущества) не имѣли права требовать выдачи имъ имущества (отъ Пѣшехоновой), какъ отъ наслѣдницы, по ст. 1259 и 1086 т. X ч. 1, а могли требовать исполненія завѣщанія, какъ отъ душеприказчицы" [2]), „Елизавета Баялова (сынъ которой Иванъ, отказавъ все имущество брату своему Артемію, назначилъ его душеприказчикомъ и обязалъ, по уплатѣ долговъ, выдать изъ прочаго имущества 5000 руб. Елизаветѣ Баяловой) является соучастницею Артемія Баялова въ оставленномъ завѣщателемъ наслѣдствѣ и никакъ не кредиторшею его, ибо онъ обязанъ былъ выдать ей эту сумму не какъ должникъ ея, а какъ исполнитель воли завѣщателя, въ качествѣ наслѣдника и душеприказчика" [3]) при наслѣдованіи по духовному завѣщанію законы наши не дѣлаютъ различія между наслѣдствомъ, предоставленнымъ завѣщателемъ непосредственно указанному въ завѣщаніи лицу наслѣдника, и такимъ, которое должно перейти къ лицу, указанному въ завѣщаніи черезъ посредство избраннаго завѣщателемъ душеприказчика или наслѣдника всего имущества, тотъ и другой видъ пріобрѣтенія правъ на извѣстное имущество завѣщателя составляетъ наслѣдованіе по завѣщанію [4]).

---

[1]) Ст. 1254 Свод. зак. гражд.

[2]) Рѣш. 1874 г. № 284 по дѣлу Морошкина.

[3]) Рѣш. 1874 г. № 596.

[4]) Рѣш. 1879 № 340 срав. рѣш. 1879 г. № 27: „понятіе о назначеніи на-

Дестинатеры ex certa re вступаютъ въ universum jus testatoris и надъ ихъ имущественными отношеніями господствуетъ идея communio (см. выше), дестинатеры выдачъ на основаніи ст. 1086 Свод. зак. гражд. не имѣютъ никакого отношенія къ помянутому universum jus и не стоятъ по отношенію другъ къ другу въ сонаслѣдническихъ отношеніяхъ. Отсюда слѣдуютъ и другія правовыя консеквенціи. Выдачи по ст. 1086 прекращаются со смертью наслѣдника по завѣщанію права же дестинатеровъ ex certa re, но тѣ суммы, которыя имъ завѣщаны, не испытываютъ на себѣ такого вліянія смерти наслѣдника [1]), по ст. 1086 т. X ч. 1, со смертью наслѣдника по завѣщанію прекращаются повременные платежи, наложенные на него завѣщаніемъ, но не право легатаріевъ на тѣ суммы, которыя имъ завѣщаны, такъ какъ такого рода лица признаются закономъ . . . . соучастниками въ наслѣдствѣ, права коихъ, слѣдовательно, возникшія со смертью завѣщателя, не могутъ быть погашены смертью того наслѣдника, на котораго возложенъ платежъ отказанныхъ легатаріямъ суммъ [2]). Изъ послѣдняго рѣшенія видно, что практика и дестинатеровъ ex certa re сравниваетъ съ легатаріями. Въ то время, какъ наслѣдники, на основаніи ст. 1086 Свод. зак. гражд., обязаны выполнить выдачи, хотя бы послѣднія превосходили отказанное имъ имущество [3]), наслѣдники, дѣйствующіе въ качествѣ душеприказчиковъ, не отвѣтственны передъ дестинатерами ex certa re, если наслѣдственнаго имущества не хватаетъ на таковыя выдачи [4]). Въ то время какъ обязанность произвести выдачи, на основаніи ст. 1086 Св. зак. гражд., распредѣляется между наслѣдниками по про-

слѣдника, чуждое русскому законодательству, не устанавливающему формальнаго различія между назначеніемъ въ завѣщаніи наслѣдника и отказомъ".

[1]) См. выше, рѣш. 1886 г. № 60.

[2]) Рѣш. 1886 г. № 60.

[3]) Рѣш. 1872 г. № 1223, см. выше.

[4]) Рѣш. 1874 г. № 284, мотивировка судебной палаты: „требованіе первыхъ дестинатеровъ ex certa re о немедленной выдачѣ имъ ихъ сонаслѣдницею и душеприказчицею такого имущества, какого въ наличности не объявлено, вовсе не истекаетъ изъ содержанія самого завѣщанія и посему должно быть оставлено безъ уваженія" (срав. рѣш. 1873 г. № 620).

4*

порціи завѣщаннаго имъ имущества (см. выше), объемъ душеприказчическихъ функцій наслѣдниковъ можетъ опредѣляться и другими критеріями, напр., владѣніемъ наслѣдниками тѣми или другими вещами, фактической передачей которыхъ дестинатерамъ (ex certa re) они обязаны распорядиться [1]). Источникъ правъ дестинатеровъ ex certa re есть, какъ и для другихъ наслѣдниковъ, непосредственное назначеніе, сдѣланное въ завѣщаніи, а источникомъ правъ дестинатера, на основаніи ст. 1086 Свод. зак. гражд., и источникомъ обязательства для наслѣдника, обремененнаго выдачей, является условіе, присоединенное завѣщателемъ къ назначенію наслѣдника. Рядомъ съ этимъ существуетъ и другое представленіе объ источникѣ обязательства по ст. 1086, которое, такъ же, какъ и первое, связано съ исконными воззрѣніями русскаго права. По этому воззрѣнію завѣщатель обязываетъ выдачами не наслѣдниковъ по завѣщанію, *а само наслѣдство.* Выдачи эти есть долгъ, лежащій на наслѣдствѣ и вмѣстѣ съ нимъ переходящій на наслѣдника по силѣ ст. 1259. Доказательства существованія такого воззрѣнія приведены ниже. Права на отказанные предметы для дестинатеровъ ex certa re возникаютъ съ момента открытія наслѣдства. Право же дестинатера на установленную въ его пользу выдачу возникаетъ лишь со времени осуществленія наслѣдникомъ своей обязанности, а право требовать исполненія сей обязанности возникаетъ лишь со времени принятія наслѣдникомъ наслѣдства [2]). Вопросъ о томъ, хотѣлъ ли завѣщатель сдѣлать возложеніе на наслѣдника выдачъ въ смыслѣ 1086 ст. Свод. зак. гражд. или же желалъ на него возложить только душеприказчическія функціи, по ст. 1084 т. X ч. 1, есть чисто вопросъ фактическій, разрѣшаемый путемъ истолкованія завѣщанія. Проведеніе этой пограничной линіи между душеприказчикомъ и наслѣдникомъ не всегда удается судамъ, рѣшающимъ дѣло по существу [3]), не всегда же точно разграничиваютъ они предѣлы примѣненія

[1]) Рѣш. 1872 г. № 885.

[2]) См. вышеприведенныя рѣш. 1872 г. № 1223, 1869 г. № 816.

[3]) Рѣш. 1874 г. №№ 284, 596; рѣш. 1873 г. № 699.

1084, 1086 и прим. 1011 ст. Свод. зак. гражд. (рѣш. 1873 г. № 620), упуская изъ виду, что отношенія душеприказчиковъ и дестинатеровъ ex certa re подчинены ст. 1084 X т. ч. 1, а ст. 1086 и 1011 тѣхъ же части и тома вѣдаютъ обязательственныя отношенія наслѣдниковъ, обремененныхъ выдачами, къ ихъ дестинатерамъ. Тотъ и другой видъ выдачъ практика приравниваетъ къ легату, но не трудно видѣть разницу между нимъ и отказомъ отдѣльныхъ предметовъ въ русскомъ правѣ, старомъ и новомъ. Дестинатеры ex certa re въ нашемъ правѣ не выдѣляются изъ числа прочихъ наслѣдниковъ *и подобно имъ вступаютъ въ совокупность имущественныхъ отношеній, оставшихся послѣ завѣщателя*, тогда какъ римскій легатаръ обыкновенно имѣлъ обязательственныя отношенія къ наслѣдникамъ, и никакого отношенія къ jus universum testatoris не имѣлъ. Права ихъ на отказанные имъ предметы пріобрѣтаются въ моментъ смерти наслѣдодателя (ст. 1254 Св. зак. гр.), тогда какъ права легатара на отказанную ему вещь окончательно пріобрѣтаются только съ момента осуществленія обремененнымъ наслѣдникомъ своей обязанности передъ легатаромъ; право легатара на требованіе къ наслѣднику объ осуществленіи легата начинается съ момента aditio (dies veniens), а съ момента открытія наслѣдства между нимъ и завѣщаннымъ предметомъ устанавливались только нѣкоторыя правовыя отношенія (dies cedens). Обязанность обремененнаго легатомъ римскаго наслѣдника имѣло своимъ содержаніемъ доставленіе права на легированнную вещь, хотя бы она и не принадлежала завѣщателю, тогда какъ обязанность русскаго наслѣдника передъ дестинатеромъ ex certa re сводится къ исполненію завѣщанія и къ передачѣ послѣднему предметовъ, принадлежащихъ къ наслѣдственной массѣ, такъ что наслѣдникъ и не отвѣчаетъ за предметы, не оказавшіеся въ наслѣдственномъ имуществѣ. Иное дѣло выдачи на основаніи 1086 ст. Св. зак. гр. Тутъ сходства съ римскимъ легатомъ бросаются въ глаза. И дестинатеръ выдачи и легатаръ находятся въ однихъ и тѣхъ же обязательственныхъ отношеніяхъ къ обремененному выдачей наслѣднику; выполненіе легата и выдачи составляетъ и содержаніе сего обязатель-

ственнаго отношенія [1]), и для легата, и для выдачи по ст. 1086 dies venit съ момента пріобрѣтенія наслѣдства наслѣдникомъ. Въ обоихъ сучаяхъ отвѣтственность наслѣдника за исполненіе обязательства одинакова, есть ли или нѣтъ налицо тѣхъ предметовъ, которые предстоитъ выдать. Подобно легату, который является delibatio hereditatis [2]) и выдачи на основаніи ст. 1086 разсматриваются закономъ, какъ обремененіе наслѣдства, какъ распоряженія, соединенныя съ утратою изъ завѣщаннаго имѣнія [3]). Но ненадобно упускать изъ виду и разницы. Въ римскомъ правѣ легатъ возникалъ вслѣдствіе того, что завѣщатель, отказывая однимъ лицамъ имущество, какъ цѣлое, universum jus, предоставлялъ другимъ права на предметы, входящіе въ составъ этого цѣлаго. Въ русскомъ правѣ обязанность наслѣдника возникаетъ вслѣдствіе осложненія завѣщательнаго распоряженія условіемъ въ специфическомъ смыслѣ этого слова (condicio). Въ отдѣльныхъ случаяхъ можно видѣть ту точку зрѣнія, что выдачи, на основаніи статьи 1086 Свода зак. гражд., являются лежащими на оставленномъ завѣщателемъ имуществѣ и вмѣстѣ съ нимъ переходятъ къ наслѣднику, подобно долгамъ завѣщателя [4]). Это объясняетъ намъ, почему обязанность къ выдачамъ распредѣляется на обязанныхъ наслѣдниковъ пропорціонально унаслѣдованнымъ суммамъ [5]) и почему эти выдачи подведены подъ дѣйствіе ст. 1259 Св. зак. гр. [6]). Послѣднее воззрѣніе на источникъ русскаго легата, еще больше приближающее его къ

---

[1]) Исключеніемъ является въ римскомъ правѣ тотъ случай, когда легированная вещь—собственность наслѣдодателя.

[2]) l. 116 pr. D. de leg. I.

[3]) Ст. 1086 Св. зак. гр.

[4]) П. С. З. № 16203: съ каждой части поровну, П. С. З. II № 4731 авг. 18 1831 г. „слѣдовательно, если камергеръ Демидовъ имѣетъ у себя собственно имъ благопріобрѣтенное имѣніе, которое можетъ обезпечить жертвуемую имъ сумму и, платежемъ сей суммы обязывая своихъ наслѣдниковъ, относить оный на благопріобрѣтенное имѣніе, въ такомъ случаѣ означенные акты возложенія ежегодныхъ выдачъ на преміи должны остаться въ своей силѣ".

[5]) Рѣш. 1872 г. № 1223, П. С. З. № 16203 15 мая 1785 г.

[6]) Рѣш. 1874 г. № 284, рѣш. 1873 г. № 620.

римскому, повидимому преобладаетъ въ кассаціонной практикѣ. Такимъ образомъ жизнь выдѣлила особый классъ дестинатеровъ, имѣющій столько общихъ чертъ съ римскимъ легатомъ, что выдачи эти могутъ быть названы legatum juris Russici. Въ противоположность наслѣдникамъ по завѣщанію, къ которымъ относятся и дестинатеры ex certa re, эти легатары не являются преемниками in universum jus testatoris. Ихъ отвѣтственность за долги завѣщателя должна ограничиваться потраченнымъ на исполненіе выдачи имуществомъ завѣщателя, такъ какъ въ силу основной тенденціи русскаго права посмертное имущество отвѣчаетъ за долги своего обладателя. Analogon для такой отвѣтственности представляютъ родители, получающіе отъ дѣтей имущество, по силѣ 1141 и 1142 ст. Св. зак. гр. [1]). Наоборотъ дестинатеры ex certa re несутъ полную отвѣтственность за долги наслѣдодателя по силѣ ст. 1259 Св. зак. гр. При наличности формы, столь близкой къ римскому легату, естественно ожидать и вліянія на наше право ученія о легатѣ, подобно вышеприведенному усвоенію римскихъ правилъ, относящихся къ наслѣдству по закону и по завѣщанію [2]). Этимъ объясняется и вліяніе ученія римскихъ юристовъ о легатѣ на доктрину объ отказѣ въ русскомъ правѣ [3]).

Вопросъ объ отказѣ является животрепещущимъ въ виду будущаго уложенія, и законодателю, желающему создать у насъ особенное право отказа, пришлось бы считаться съ слѣдующими данными исторіи нашего завѣщательнаго права.

Тенденція послѣдняго идетъ къ тому, чтобы поставить преемника по завѣщанію въ положеніе наслѣдника и, признаніемъ отвѣтственности за долги, создать гарантію для кредиторовъ. Принципіально изъ стараго русскаго завѣщанія, какъ изъ акта съ сингулярными послѣдствіями, отвѣтственности преемниковъ за долги завѣщателя не вытекало, но исторія стремилась сдѣлать изъ завѣщанія основаніе къ на-

---

[1]) А. Боровиковскій—Законы гражданскіе къ 1141 ст. Св. зак. гр. § 2

[2]) Рѣш. 1870 г. рѣш. № 284, рѣш. 1886 г. № 60.

[3]) Анненковъ—Система русскаго гражданскаго права, томъ VI, стр. 457—466.

слѣдованію и достигла этого. Такимъ образомъ законодатель, создавая особыхъ привилегированныхъ преемниковъ безъ отвѣтственности за долги, вступилъ бы въ конфликтъ съ основной тенденціей русскаго завѣщанія. Оговоримся, впрочемъ, что едва ли кто въ настоящее время сталъ бы сочувствовать безусловной неограниченной отвѣтственности наслѣдника за долги наслѣдодателя, по силѣ ст. 1259 Св. зак. гр., и не желать ограниченія такой отвѣтственности, подобнаго тому, которое заключается въ beneficium inventarii. Условія кредита, создавшія такую строгую отвѣтственность, теперь не существуютъ. Но законодатель, не признающій отвѣтственности за долги за извѣстнаго рода наслѣдниками по завѣщанію, столкнулся бы и съ вышеуказаннымъ взглядомъ на отвѣтственность имущества, оставшагося послѣ умершаго, за долги послѣдняго. Имущество это является связаннымъ долгами умершаго, и кредиторы его—ближайшими наслѣдниками, ни одна часть этого имущества, даже доставшаяся человѣку, не имѣющему наслѣдственныхъ правъ, напр., родителямъ послѣ смерти бездѣтныхъ дѣтей (ст. 1141 Св. зак. гр., см. выше), не можетъ быть освобождена отъ этой тягости. На какомъ же основаніи части этого имущества, достающіяся по силѣ прим. къ ст. 1011 и 1086 Св. зак. гр., станутъ свободны отъ отвѣтственности за долги завѣщателя. Конечно, эта отвѣтственность, какъ мы старались показать выше, не одинакова для обыкновенныхъ преемниковъ по завѣщанію, и въ томъ числѣ для дестинатеровъ ex certa re, и для дестинатеровъ выдачъ на основаніи ст. 1086 Св. зак. гр. Новое нѣмецкое уложеніе, которому также пришлось считаться съ воззрѣніемъ, что долги тяготѣютъ надъ оставшимся имуществомъ и что creditores propinquissimi sunt haeredes [1]), идетъ на встрѣчу этому воззрѣнію тѣмъ, что проводитъ принципъ удовлетворенія легатаровъ только изъ излишка наслѣдственной массы, остающагося послѣ погашенія перешедшихъ съ имуществомъ долговъ [2]). Въ томъ

---

[1]) См. объ этомъ выше, Endemann, Einführung III § 86.
[2]) Endemann, ibidem III § 67.

же родѣ и во французскомъ правѣ долги, лежащіе на наслѣдствѣ, умаляютъ имущество, отказанное наслѣдникамъ à titre particulier принципіально неотвѣтственнымъ за долги (art 1024).

Подобный же принципъ проведенъ и въ проектѣ гражданскаго уложенія 1814 г.: когда силою завѣщанія все имѣніе будетъ распредѣлено безъ остатка и законнымъ наслѣдникамъ оставлены или выдѣлены будутъ однѣ только родовыя (la légitime) ихъ части: *тогда всѣ долги падаютъ на имѣніе завѣщаваемое*, а родовыя части, принадлежащія законнымъ наслѣдникамъ, отъ оныхъ свободны [1]).

Древне-русскія завѣщанія отличались большой свободой относительно обозначенія лица, въ пользу коего составлялось завѣщаніе. Во многихъ старыхъ завѣщаніяхъ совсѣмъ не было указаній, въ пользу кого дѣлается распоряженіе, или же вмѣсто наслѣдниковъ назначены душеприказчики [2]). Въ иныхъ завѣщаніяхъ даже и совсѣмъ не было распоряженій объ имуществѣ [3]). То же самое и въ позднѣйшія времена, напр., въ завѣщаніи Варгина, гдѣ вмѣсто наслѣдниковъ назначены преемственные душеприказчики и опредѣлены выдачи въ пользу отдѣльныхъ лицъ, въ завѣщаніи Ласкарева, гдѣ на вырученный отъ продажи долговъ капиталъ не назначено наслѣдниковъ, а предоставлено распорядиться правительству, въ завѣщаніяхъ Овсѣева, Детаронъ, Зубова [4]). Таково же было завѣщаніе Шибалкина, составленное 2 апрѣля 1862 г., гдѣ назначены на часть имущества только душеприказчики [5]), —завѣщаніе Коноплева, составленное 16 декабря 1876 г. [6]). Такая неопредѣлен-

---

[1]) § 410 2 ч. гражд. улож.

[2]) „Анализъ древнерусскаго завѣщанія", стр. 33—34, Описаніе города Шуи Борисова № 85—вся духовная состоитъ изъ назначенія душеприказчика и изъ распоряженія о поминѣ души, Акты юридическіе №№ 412, 423.

[3]) Акты юридическіе № 409 VII, IX.

[4]) Побѣдоносцевъ. Курсъ гражданскаго права, 2-я часть, стр. 620, 621, 624, 626—629.

[5]) Рѣш. 1870 г. № 917.

[6]) Рѣш. 1886 г. № 42, рѣш. 1870 г. № 917: изъ судебныхъ дѣлъ явствуетъ, что употребляемые способы завѣщанія имущества можно свести къ слѣдующимъ

ность въ существенномъ пунктѣ, вызывавшая массу тяжбъ и задерживавшая удовлетвореніе правъ кредиторовъ [1]) должно было озабочивать законодательство. Да и римское право должно было наталкивать законодателя на необходимость указанія наслѣдника въ завѣщаніи [2]). Указъ о единонаслѣдіи, руководившійся рядомъ цивильно-политическихъ соображеній, точно опредѣлилъ, въ пользу кого и какія имущества должны быть назначены въ завѣщаніи [3]), при чемъ для завѣщателей была оставлена извѣстная степень свободы въ распоряженіи [4]). Позднѣе практика обходилась въ случаяхъ неназначенія наслѣдниковъ въ завѣщаніи толкованіемъ завѣщательной воли, стараясь прочитать, такъ сказать, между строкъ указаніе на наслѣдника [5]). Въ другихъ

главнымъ родамъ завѣщанія: а) въ собственность полную или ограниченную, б) въ пользованіе и в) въ распоряженіе съ особыми видами каждаго.

[1]) Въ завѣщаніи Шляпиной ея преемница Кадмина возражала, что она не отвѣчаетъ за долги Маликовз, такъ какъ послѣдній, какъ назначенный временнымъ владѣльцемъ, а не собственникомъ отказаннаго имущества, не могъ считаться преемникомъ и наслѣдникомъ Шляпиной и его долги не могли перейти къ Кадминой, рѣш. 1889 г. № 133.

[2]) § 34, Inst. de leg. 2, 20 testamenta vim ex institutione haeredum accipiunt, et ob id veluti caput et fundamentum intellegitur totius testamenti haeredis institutio.

[3]) И для того надлежитъ отцамъ или матерямъ заранѣе духовныя писать и движимыя имѣнія долями описывать.

[4]) П. С. З. № 2789 23 марта 1714 г., кто имѣетъ сыновей, и ему же аще хощетъ, единому изъ оныхъ дать недвижимое чрезъ духовную, тому въ наслѣдіе и будетъ; другія же дѣти обоего пола да награждены будутъ движимыми имѣніями, которыя долженъ отецъ ихъ или мать раздѣлить имъ при себѣ, какъ сыновьямъ такъ и дочерямъ, колико ихъ будетъ; по своей воли, кромѣ онаго одного, который въ недвижимомъ наслѣдникомъ будетъ; подобное же фиксированіе назначенія наслѣдниковъ для казенныхъ арендъ въ указѣ 28 сентября 1824 г. п. 2 П. С. З. № 30072. Кассо. Преемство наслѣдниковъ стр. 277.

[5]) Такъ поступлено съ завѣщаніемъ Варгина, Щукина, Лоскарева, Овсѣева, Зубовой; при толкованіи послѣдняго завѣщанія приведено слѣдующее цивильно-политическое соображеніе: всегда слѣдуетъ предпочитать разъясненіе воли въ смыслѣ оставленія въ собственность тѣмъ еще болѣе и потому, что, въ видахъ общихъ интересовъ собственности—всегда предпочтительно установленіе собственности, хотя ограниченной, чѣмъ учрежденіе долгосрочныхъ пользованій, разорительныхъ для собственности, установляющихъ вредную, въ высшей степени неопредѣленность въ собственности и ведущихъ къ спорамъ и тяжбамъ, Побѣдоносцевъ. Курсъ гражданскаго права, II, стр. 620, 621, 624—625, 627—629.

случаяхъ завѣщаніе было признаваемо недѣйствительнымъ, какъ, напр., завѣщаніе бар. Детаронъ [1]), потому, что въ завѣщаніи не содержится требуемаго закономъ опредѣлительнаго назначенія, въ чью собственность или въ какое вѣдомство должна поступить вотчина, завѣщаніе Паншина, потому что въ немъ не означено положительнымъ образомъ наслѣдника [2]), завѣщаніе Коноплева [3]). По послѣднему дѣлу душеприказчики Коноплева, выводя право завѣщанія изъ правъ собственности, настаивали на томъ, что „нельзя отнять у завѣщателя права предоставлять свое имущество и въ распоряженіе другихъ лицъ“ [4]). Судебная практика въ этомъ отношеніи возвращается иногда къ древнему русскому праву, признавая, что, хотя „завѣщательныя распоряженія большею частью и состоятъ въ передачѣ оставляемаго имущества въ собственность лицъ, коимъ оно завѣщается, но законъ не требуетъ, чтобы въ завѣщаніи непремѣнно былъ назначенъ наслѣдникъ, какъ лицо, долженствующее заступить умершаго завѣщателя во всемъ его правѣ и обязательствахъ по его наслѣдству [5]). Тѣмъ не менѣе въ законѣ содержится разрѣшеніе этого вопроса, и прежнимъ вольностямъ въ этомъ отношеніи положенъ конецъ: завѣщать имущество благопріобрѣтенное можно или въ полную собственность или же во временное владѣніе или пользованіе [6]).

Къ этому вопросу мы еще возвратимся ниже.

---

[1]) Побѣдоносцевъ, II, стр. 627.

[2]) Сборн. рѣш. Прав. Сен. II, № 259, дек. 22 1841 г.

[3]) Рѣш. 1886 г. № 42; по дѣлу Миролюбова кассаторъ указываетъ, что палата должна была признать завѣщаніе Бехтѣевой недѣйствительнымъ, признавъ, что въ этомъ актѣ нѣтъ наслѣдника, т. е., что въ немъ нѣтъ существенной принадлежности, по которой завѣщаніе признается дѣйствительнымъ, рѣш. 1870 г. № 1750 г.

[4]) Рѣш. 1886 г. № 42.

[5]) Рѣш. 1870 г. № 917, см. вышеприведенное рѣш. 1879 г. № 27, иное однако въ рѣш. 1870 г. № 1750.

[6]) Ср. 1011 Св. зак. гр., П. С. З. № 15528, ук. 15 апрѣля 1842 г.; рѣш. 1875 г. № 1073, рѣш. 1886 г. № 42; рѣш. 1875 г. № 322: „если въ завѣщаніи и не означено, кому оставляемое имущество должно, послѣ его смерти, поступить въ собственность, то одно это обстоятельство еще не дѣлаетъ завѣщаніе недѣйствительнымъ, а можетъ лишь составлять предметъ особаго спора о томъ, кто долженъ быть признанъ собственникомъ имущества, послѣ окончанія времен-

И въ другомъ отношеніи завѣщательное право потерпѣло ограниченіе. Древнее русское завѣщательное право знало обширную практику такъ называемыхъ фидеикоммисарныхъ субституцій [1]), т. е. послѣдовательныхъ назначеній наслѣдниковъ на одно и то же имущество, допустимыхъ въ римскомъ правѣ только въ видѣ исключенія. Есть примѣры подобныхъ распоряженій въ пользу трехъ и болѣе послѣдовательныхъ преемниковъ. Въ особенности княжескія завѣщанія богаты подобными подназначеніями: а по грѣхомъ отъиметъ Богъ сына котораго изъ сыновъ моихъ, а останется его жена, и не пойдетъ замужъ, и сноха моя съ своими дѣтьми сидитъ въ мужа своего удѣле; а размыслитъ Богъ о сносѣ о моей, и тотъ удѣлъ сыну ее, а моему внуку, и не будетъ сына, а останется дчи и дѣти мои вси... брата своего удѣломъ подѣлятся вси ровно [2]). Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ завѣщаній частныхъ лицъ: и аз... благословила сына своего Петра крестъ с мощми... и будетъ у сына моего Петра послѣ ево живота сына не останетца, а останетца доч, и сыну моему тово креста въ приданые дочерем своим не отдават, а тот крестъ... в род дѣтем нашим (4 имя река) и держат им у себя, а из роду въ приданые за дочерми не дават, а держат у себя въ роду неподвижно [3]), а достальные деньги... и пожитки всѣ... послѣ себя приказываю ей невѣсткѣ своей вдовѣ Аннѣ Ефремовѣ дочери, съ дочерью еѣ... дѣвицею Прасковею... а буде дѣвицы Прасковьи не станетъ, и изъ тѣхъ пожитковъ оставить ей невѣсткѣ моей вдовѣ Аннѣ тѣхъ всѣхъ моихъ пожитковъ половину... а другую половину... раздать въ поминовеніе жъ души моей по монастырямъ и по церквамъ [4]), которой дочери моей не станетъ

наго владѣнія или пользованія того лица, въ чью пользу въ этомъ смыслѣ составлено завѣщаніе".

[1]) Помимо субституцій другаго рода, срав., „Анализъ древне-русскаго завѣщанія", стр. 25—29.

[2]) Собраніе Румянцева, I, № 40, срав. 34, 39, 41, 51, 82, 83, 144.

[3]) Акты Лихачева № 24 1619 г.

[4]) Акты до юридическаго быта относящіеся № 84 1697 г., Акты юридическіе № 427 1671 г.

въ животѣ бездѣтны, и ее жеребей (назначенный ей въ завѣщаніи) сестрам ее... а помроут всѣ бездѣтны и та вотчина вся... в Осиѳов монастыр [1]); а по грѣхомъ котораго сына моего въ животѣ не станетъ, а не будетъ отъ него отрода, и тому моему сыну своего села мимо свою братью не продавати ни промѣнити... а то село подѣлятъ (братья умершаго) себѣ по жеребьямъ [2]). Такія же субституціи встрѣчаются и въ новѣйшемъ правѣ, напр., въ завѣщаніи Олонкина, составленномъ въ 1811 г. [3]), гр. Зубовой, несомнѣнная воля которой, по заключенію судебной палаты, была оставить спорныя имущества въ родѣ своемъ до третьяго поколѣнія [4]). Субституціи такого рода встрѣчаются и въ обычномъ правѣ [5]). Указъ о единонаслѣдіи находится въ связи съ этой тенденціей древне-русскихъ завѣщателей къ учрежденію фидеикомисарныхъ субституцій, не прекратившейся и до сихъ поръ, несмотря на законодательное запрещеніе. Указъ 1714 г. освящалъ этотъ исконный порядокъ. Такая свобода закрѣплять въ родѣ отказываемое имущество была запрещена Высочайшимъ указомъ, даннымъ 18 ноября 1839 г. по дѣлу о завѣщаніи Лопухиной, въ коемъ значится: „по смерти сего лица (избраннаго наслѣдникомъ на благопріобрѣтенное имѣніе), когда завѣщанное ему имѣніе обращается въ разрядъ имѣній наслѣдственныхъ, оное ни въ порядкѣ управленія, ни въ порядкѣ дальнѣйшаго его перехода, произволу перваго вотчинника подлежать уже не можетъ“ [6]).

---

[1]) Акты Лихачева № 8 1551—1552 г., срв. №№ 10, 14, 17; другіе примѣры въ „Анализѣ древнерусскаго завѣщанія“, 25—26.

[2]) Акты Ѳедотова-Чеховскаго. I, стр. 271 № 94, Акты Лихачева №№ 2, 21.

[3]) Побѣдоносцевъ, II, стр. 573.

[4]) Рѣш. 1870 г. № 1856, срв. рѣш. 1871 г. № 643.

[5]) Пахманъ, стр. 325.

[6]) Прим. къ ст. 1011 Св. зак. гр., по дѣлу Олонкина Сенатъ сообщилъ этому указу обратную силу, признавъ, что выраженное въ немъ правило не ново, а составляетъ подтвержденіе и изъясненіе прежнихъ законовъ, Побѣдоносцевъ, II, стр. 573—574, рѣш. 1871 г. № 643, 1873 г. № 201: Михайловъ завѣщалъ имѣніе свое въ вѣчное и потомственное владѣніе жены своей, съ тѣмъ, чтобы по смерти жены это имѣніе поступило его дочери, 1879 г. № 78.

Попытки ограниченія фидеикоммиссарныхъ субституцій была сдѣлана и раньше, въ проектѣ гражданскаго уложенія 1814 г.: „духовное завѣщаніе, коимъ устанавливается порядокъ наслѣдія по праву первородства, или коимъ завѣщатель назначаетъ, кто долженъ наслѣдовать по смерти перваго его наслѣдника, почитается недѣйствительнымъ“ [1]).

Исторія завѣщанія представляется на разныхъ пунктахъ ограниченіемъ завѣщательной воли и власти завѣщателя надъ его имуществомъ и домочадцами, идетъ ли рѣчь объ ограниченіи усмотрѣнія завѣщателя въ возложеніи его обязательствъ на преемниковъ по завѣщанію, объ ограниченіи возложенія на тѣхъ же преемниковъ выдачъ или о запрещеніи послѣдовательныхъ подназначеній [2]). Вездѣ наблюдается ростъ объективныхъ постановленій права на счетъ автономіи частныхъ лицъ.

Вмѣстѣ съ этимъ устанавливается въ современномъ завѣщаніи haeredis institutio, какъ существенная его черта.

Если ст. 1010 [3]) и ст. 699 Св. зак. гр. [4]) явно говорятъ о томъ, что необходимою частью завѣщанія является распоряженіе объ имуществѣ, то другая существенная черта его вытекаетъ изъ смысла 1026 ст. (при сопоставленіи сей статьи съ помянутыми узаконеніями): „имущества завѣщаемыя и лица, коимъ оныя завѣщаются, должны быть въ завѣщаніи точно означены. Посему недѣйствительны завѣщанія, учиненныя съ очевидною ошибкою въ лицѣ или въ самомъ имуществѣ завѣщаемомъ“. Современное русское завѣщаніе, по буквальному смыслу сихъ статей, стало быть, есть актъ пріобрѣтенія имущества, въ родѣ дара, выдѣла имущества дѣтямъ отъ родителей, завѣщаемое имущество пред-

---

[1]) § 281, 2 части.

[2]) Мотивомъ для Лопухинскаго указа 1839 г. было „сохранить силу и дѣйствительность коренныхъ нашихъ постановленій о наслѣдіи, такъ какъ въ противномъ случаѣ разнообразныя, нерѣдко необдуманныя желанія и намѣренія частныхъ лицъ замѣнили бы однообразное и постоянное дѣйствіе закона“.

[3]) Духовное завѣщаніе есть законное объявленіе воли владѣльца о его имуществѣ на случай его смерти.

[4]) Способы пріобрѣтенія изложены подробно въ слѣдующихъ двухъ книгахъ; они суть 1) способы... дарственные и безмездные, а именно: пожалованіе, выдѣлъ имущества дѣтямъ отъ родителей, даръ, духовное завѣщаніе.

полагаетъ лицо, въ пользу коего оно отказывается. Современное русское завѣщаніе такимъ образомъ необходимо предполагаетъ имущественное распоряженіе въ пользу кого либо, иными словами, назначеніе наслѣдника, если принято во вниманіе то юридическое положеніе, въ которое вступаетъ дестинатеръ акта. Назначеніе наслѣдника у насъ, какъ и въ римскомъ правѣ, есть essentiale negotii. Такое опредѣленіе завѣщанія желательно и de lege ferenda. Для гражданскаго оборота весьма важно, чтобы послѣдній актъ человѣка содержалъ въ себѣ волю о его посмертномъ представителѣ, исполнителѣ обязательствъ, оставшихся за покойнымъ, а не одни случайныя, могущія не имѣть серьезнаго интереса, распоряженія послѣдняго. Такой взглядъ на завѣщаніе имѣется въ важнѣйшихъ нѣмецкихъ партикулярныхъ уложеніяхъ, въ (теперь недѣйствующемъ) прусскомъ земскомъ правѣ и въ австрійскомъ гражданскомъ уложеніи [1]) и во многихъ другихъ. Современное нѣмецкое уложеніе стоитъ на точкѣ зрѣнія опредѣленія, даннаго въ l. 1 D. 28, 1 testamentum est voluntatis nostrae justa sententia de eo quod quis post mortem suam fieri velit [2]).

Французское право даетъ болѣе узкое опредѣленіе завѣщательному акту, смотритъ на него какъ на распорядительный актъ объ имуществѣ, опираясь при этомъ на смыслъ сходнаго по редакціи съ нашей ст. 1010 Св. зак. гр. art. 895 code civil [3]). Другими отличительными чертами завѣщательнаго акта является односторонность, посмертность (mortis causa) и отмѣняемость. Такимъ образомъ несмотря на колебанія все болѣе и болѣе укореняется въ судебной практикѣ и представленіе о томъ, что завѣщаніе необходимо должно заключать въ себѣ распоряженіе объ имуществѣ и назначеніе наслѣдника [4]).

---

[1]) Stobbe. Handbuch, томъ V, § 302 II, №№ 2, 3.

[2]) Endemann, Einführung, III § 23, 1.

[3]) Baudry Lacantinerie. Précis II, §§ 358, 668 bis со ссылкою на законъ 15 ноября 1882 г. о распоряженіи касательно похоронъ, въ которомъ различаются testaments и actes testamentaires.

[4]) Завѣщанія Варгина и Паншина предполагалось признать недѣйствительными въ виду того, что завѣщатель никому не назначилъ имѣніе въ соб-

Въ виду всего этого нельзя признать правильными опредѣленія завѣщанія, данныя законодательствами и теоріей, какъ распорядительнаго акта о томъ, что̀ должно быть сдѣлано послѣ смерти завѣщателя (напр., назначеніе родителями опекуновъ къ остающимся послѣ нихъ малолѣтнимъ дѣтямъ [1]) или распоряженіе относительно похоронъ завѣщателя) [2]) или какъ распорядительнаго акта mortis causa объ имущественныхъ отношеніяхъ завѣщателя (болѣе узкое опредѣленіе). Не полнымъ представляется и опредѣленіе, выраженное въ ст. 1010 Св. зак. гр. [3]). Рядомъ съ помянутыми essentialia negotii въ завѣщаніи могутъ быть и accidentalia, иногда и не касающіяся имущественныхъ отношеній завѣщателя, въ родѣ назначенія выдачъ по ст. 1086 Св. зак. гр., назначенія опекуновъ (ст. 227 Св. зак. гр.). Преемники по завѣщанію, какъ мы видѣли выше,— безразлично, завѣщано ли имъ имущество въ собственность, въ пожизненное или во временное владѣніе,—представляютъ лицо наслѣдодателя, вступаютъ въ совокупность имущественныхъ правъ и обязательствъ, оставшихся послѣ него, платятъ его долги, соразмѣрно наслѣдственной долѣ, отвѣтствуя, въ случаѣ недостатка имѣнія, даже собственнымъ капиталомъ и имуществомъ [4]). Такимъ образомъ завѣщаніе является основаніемъ къ открытію наслѣдства.

ственность и не указалъ къ оному наслѣдника см. выше, Побѣдоносцевъ II, стр. 620—621, 626, завѣщательное распоряженіе Овсѣева; рѣш. 1870 г. № 1750 заявленіе кассатора Миролюбова см. выдержку выше; представленіе о томъ, что завѣщаніе предполагаетъ назначеніе наслѣдника, сквозитъ въ рѣш. 1873 г. № 1074: по смыслу сего закона (ст. 1011 Св. зак. гр.), завѣщатель можетъ, *назначивъ наслѣдника*, которому онъ передаетъ свое благопріобрѣтенное имѣніе въ полную собственность, отдалить время вступленія его во владѣніе завѣщаннымъ имѣніемъ на правѣ собственности и оставить его во временномъ пользованіи другаго лица, въ рѣш. 1873 г. № 322.

[1]) Ст. 227 Св. зак. гр.

[2]) Соотвѣтственно вышеупомянутому римскому праву.

[3]) Объ этомъ см. Анненковъ. Система русскаго гражданскаго права, VI, стр. 8—13.

[4]) Ст. 1104, 1254 и 1259 Св. зак. гр., сравн. рѣш. 1868 г. № 777: лицо, получающее имущество по духовному завѣщанію, вступаетъ во владѣніе этимъ имуществомъ въ качествѣ наслѣдника завѣщателя.

Все это даетъ основаніе къ слѣдующему опредѣленію завѣщанія: завѣщаніе есть односторонній, посмертный, отмѣняемый актъ, заключающій въ себѣ назначеніе наслѣдника, т. е. универсальнаго преемника завѣщателя. Теоретики справедливо предостерегаютъ отъ черезчуръ поспѣшнаго перенесенія римскихъ идей и догмы. Несмотря на то, что историческій процессъ близко пододвинулъ русское завѣщаніе, когда-то сингулярную сдѣлку, въ родѣ купли и даренія, къ римскому, тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ забывать, что такія понятія, какъ открытіе, принятіе наслѣдства, легатаръ по 1086 ст. Св. зак. гр., наконецъ наслѣдникъ, не тождественны съ римскими понятіями delatio, aditio, legatarius и heres, и имѣютъ свои отличія, обусловленныя временемъ, складомъ народнаго міровоззрѣнія, различіемъ бытовыхъ условій. Юридическое положеніе наслѣдника по завѣщанію [1]) *разнится* въ зависимости отъ того, есть ли онъ преемникъ по завѣщанію или преемникъ по закону,—въ противоположность цѣлостному понятію римскаго права. Наслѣдникъ по завѣщанію принципіально лишенъ права приращенія (см. выше), права представленія (какъ стоящаго въ противорѣчіи съ посмертнымъ характеромъ завѣщательнаго акта) [2]) правъ, присущихъ наслѣднику по закону. Въ болѣе непосредственномъ отношеніи къ унаслѣдованному имуществу стоитъ наслѣдникъ по завѣщанію, чѣмъ наслѣдникъ по закону—раздѣлъ замѣняется для перваго самимъ завѣщательнымъ актомъ. Существенно сближаетъ оба вида наслѣдниковъ то, что они оба представляютъ собою личность наслѣдодателя, оба являются его универсальными преемниками—наслѣдникъ по закону былъ всегда одинаковымъ въ юридическомъ отношеніи, а наслѣдникъ по завѣщанію превратился изъ сингулярнаго въ уни-

---

[1]) Въ судебной практикѣ подъ наслѣдникомъ понимается болѣе узкое понятіе, именно преемникъ, коему имущество отказано въ полную собственность въ противоположность преемникамъ, которымъ отказывается, по ст. 1011 Св. зак. гр., во временное владѣніе и пользованіе рѣш. 1873 г. № 1074, рѣш. 1875 г. № 322 объ этомъ см. выше, см. А. Боровиковскій, Законы гражданскіе § 3 къ ст. 1259 Св. зак. гр.

[2]) Рѣш. 1871 г. № 274, 920.

версальнаго преемника въ результатѣ историческаго развитія. Какъ бы то ни было, современное наслѣдственное право представляетъ намъ не одинъ, а два типа универсальныхъ преемниковъ. Жизнь создала и преемниковъ завѣщателя, аналогичныхъ римскимъ легатаріямъ, именно дестинатеровъ выдачъ на основаніи ст. 1086 Св. зак. гр.

Нерѣдко изображаютъ древнее и даже современное русское завѣщаніе, какъ дареніе. Древнѣйшія прижизненныя, безповоротныя и съ договорнымъ характеромъ русскія завѣщанія могли быть въ отдѣльныхъ случаяхъ и дареніями, въ другихъ раздѣлами—но animus donandi былъ не всегда имъ присущъ [1]). Поэтому отождествлять древнѣйшее русское завѣщаніе съ дареніемъ неправильно. Но еще несправедливѣе прилагать опредѣленія даренія къ позднѣйшимъ типамъ завѣщанія, которое пріобрѣтало признаки, несовмѣстимые съ понятіемъ о дареніи—отмѣняемость (дареніе—неотмѣняемо), односторонность (дареніе есть договорная сдѣлка), посмертность (дареніе—актъ inter vivos) [2]), и къ современному русскому завѣщанію, которое есть распоряженіе о назначеніи наслѣдника на имущество завѣщателя [3]). Тѣмъ же возраженіямъ подлежитъ и опредѣленіе завѣщанія какъ даренія mortis causa. Какъ и въ римскомъ правѣ, и въ современномъ русскомъ нормы интестатнаго права являются диспозитивными или дополнительными по отношенію къ нормамъ завѣщательнымъ, дѣйствуя только въ томъ случаѣ, когда бездѣйствуютъ послѣднія. Въ этомъ только смыслѣ можно говорить о преимущественномъ значеніи призванія къ наслѣдству по завѣщанію передъ призваніемъ по закону [4]). Говорить же о бо́льшей роли одного вида преемства передъ другимъ въ настоящемъ и прошломъ нашего юридическаго быта [5]) мы

---

[1]) Выше мы видѣли, что завѣщательнымъ распоряженіямъ въ отдѣльныхъ случаяхъ была присуща и causa solvendi, исполненія обязательства.

[2]) О различіи завѣщанія отъ даренія, см. Шершеневичъ. Учебникъ русскаго гражданскаго права, стр. 644.

[3]) Рудневъ стр. 171—182, Анненковъ VI, стр. 4—7.

[4]) Анненковъ VI, стр. 7.

[5]) Такая постановка вопроса встрѣчается у германистовъ—преобладаніе интестатнаго преемства передъ завѣщательнымъ—Stobbe V § 278, I.

не имѣемъ основаній; для этого понадобилась бы статистика мобилизаціи имущественныхъ отношеній по тому и другому виду преемства. Но въ то время, какъ въ римскомъ правѣ интестатное право вступало въ свои права, когда не осталось завѣщанія, въ русскомъ (какъ и въ нѣмецкомъ) правѣ интестатныя нормы дополняютъ завѣщательныя даже и въ томъ случаѣ, когда оно осталось, именно если оно не обнимало собою всѣхъ имущественныхъ отношеній, оставшихся послѣ завѣщателя, или же, если имущество послѣдняго по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ осталось внѣ его завѣщательныхъ распоряженій [1]). Такимъ образомъ римское завѣщаніе влекло за собою бóльшія юридическія послѣдствія для имущества наслѣдодателя, чѣмъ современное, въ силу правила: neque enim idem ex parte testatus et ex parte intestatus decedere potest [2]).

Рядъ историческихъ условій сдѣлалъ изъ сингулярной сдѣлки, въ родѣ даренія и купли, какимъ было старое завѣщаніе, актъ съ универсальными послѣдствіями, основаніе къ открытію наслѣдства. Исходными двигателями этого историческаго развитія были: 1) юридическая непрочность и незаконченность завѣщательнаго акта, какъ лишеннаго элемента традиціи, реальной или символической, отказаннаго имущества, и 2) чисто обрядовое значеніе завѣщательнаго акта, когда онъ составлялся въ пользу наслѣдниковъ по закону. Въ этомъ случаѣ дѣйствовали тѣ же интестатныя нормы, какъ бы и не было завѣщанія, происходило своимъ путемъ открытіе наслѣдства со всѣми его законными послѣдствіями Это-то обстоятельство и привело къ объединенію завѣщательнаго и интестатнаго преемствъ. Затѣмъ присоединились и другіе факторы, забота о кредиторахъ завѣщателя и о кредитѣ вообще, и, наконецъ, рецепція римскаго права.

Законодательство мало интересовалось завѣщательнымъ правомъ: стоитъ вспомнить скудныя нормы Русской Правды, Судебниковъ, Уложенія. Насколько мало законода-

---

[1]) Ст. 1110 Св. зак. гражд., рѣш. 1880 г. № 129, поясненіе въ рѣш. 1892 г. № 63.

[2]) § 5 Inst. de hered. inst. 2, 14.

тель удѣлялъ вниманія этому институту, можно уже видѣть изъ того, что въ 1 ч. X тома отдѣлы, касающіеся существеннѣйшихъ вопросовъ наслѣдственнаго права, имѣютъ въ виду только наслѣдство по закону, таковы главы раздѣла втораго о пріобрѣтеніи имуществъ наслѣдствомъ *по закону* (третьей книги: о порядкѣ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на имущество въ особенности): 1) о наслѣдствѣ по закону вообще [1]); 2) о порядкѣ наслѣдованія по закону [2]); 3) объ открытіи и принятіи наслѣдства и отреченіи отъ онаго [3]); 4) о вводѣ во владѣніе по наслѣдству [4]); 5) о раздѣлѣ наслѣдства [5]). Положеніе 1 октября 1831 г. о духовныхъ завѣщаніяхъ также не содержитъ въ себѣ правилъ, относящихся къ открытію и пріобрѣтенію наслѣдства по завѣщанію. 1-я часть X тома и положеніе 1 октября интересуются лишь вопросами о порядкѣ составленія, храненія и утвержденія духовныхъ завѣщаній обычныхъ и особенныхъ, о свойствѣ имуществъ завѣщеваемыхъ, о порядкѣ исполненія духовныхъ завѣщаній [6]) и о вводѣ во владѣніе по духовнымъ завѣщаніямъ [7]). Выработка догмы завѣщательнаго права и нормъ, относящихся къ его послѣдствіямъ, стало удѣломъ судебной интерпретаціи и отдѣльныхъ указовъ. Если въ XVIII и въ началѣ XIX в. занимались вопросомъ объ отмѣняемости духовнаго завѣщанія, кассаціонной практикѣ обязаны мы окончательной выработкой ученія о завѣщаніи, какъ объ основаніи къ наслѣдственному преемству, о наслѣдникѣ, какъ о представителѣ личности завѣщателя, объ отвѣтственности наслѣдника по завѣщанію за долги наслѣдодателя, о легатаріяхъ juris Russici. Развитіе института душеприказчиковъ, не вошедшаго въ

---

[1]) Ст. 1104—1120.

[2]) Ст. 1121—1221.

[3]) Ст. 1222—1295.

[4]) Ст. 1296—1314, вводъ во владѣніе по духовнымъ завѣщаніямъ помѣщенъ въ отдѣленіи восьмомъ главы пятой той же книги ст. 1097—1103.

[5]) Ст. 1315—1345; статьи эти, какъ мы видѣли выше, не всегда примѣнимы къ осуществленію завѣщательныхъ правъ.

[6]) Ст. 1084—1096 Св. зак. гражд.

[7]) Ст. 1097—1103 Св. зак. гр.

область настоящаго изслѣдованія, цѣликомъ обязано кассаціонной практикѣ [1]. По отношенію къ развитію одного изъ важнѣйшихъ институтовъ гражданскаго права, къ развитію завѣщательнаго права, дѣятельность Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената смѣло можно сопоставить съ ролью преторскаго эдикта въ развитіи римскаго права. Будущему уложенію предстоитъ резюмировать эти результаты и почерпнуть здѣсь содержаніе для своихъ нормъ.

Указаннымъ тенденціямъ нашего завѣщательнаго права идетъ на встрѣчу недавно опубликованный проектъ наслѣдственнаго права, принадлежащій редакціонной коммисіи по составленію гражданскаго уложенія. Въ немъ смягчена строгость ст. 1030 Св. зак. гражд. и указаны болѣе легкіе способы отмѣны завѣщанія (ст. 89: заявленіе суду, съ составленіемъ объ этомъ протокола). Завѣщаніе объявлено основаніемъ наслѣдованія (ст. 4, въ этомъ же направленіи составлена и ст. 1—см. мотивы къ ней—сравнительно со ст. 1104 Св. зак. гражд.). Проектъ признаетъ и legatum juris Russici: „завѣщатель можетъ *возложить на лицо, коему онъ предоставляетъ имущество, исполненіе какого-либо обязательства въ пользу другаго лица*“ (ст. 66, срв. ст. 69 проекта). Едва затронутый въ 1-ой части X т. институтъ душеприказчиковъ подробно разработанъ въ проектѣ, при чемъ приняты во вниманіе указанія кассаціонной практики (ст. 69—115 проекта). Шагомъ впередъ сравнительно съ закономъ и судебной практикой является введеніе обязательной доли (ст. 121—143), хотя и тутъ проектъ остается вѣренъ основной тенденціи нашего завѣщательнаго права, стремленію его къ ограниченію завѣщательнаго произвола.

Главнѣйшіе выводы изъ вышеизложеннаго представляются въ видѣ слѣдующихъ положеній.

1) Отмѣняемость новаго типа односторонняго завѣщанія (въ противоположность первичному договорному) коренится въ юридической дефектности сего завѣщанія, въ коемъ для крѣпости акта не доставало существеннаго (съ точки зрѣнія древняго права) признака перенесенія правъ, реальной или

---

[1] Толкованіе ст. 1084 Св. зак. гр.

символической традиціи объекта сдѣлки ея дестинатеру. Еще въ XIX в. рядомъ съ отмѣняемыми завѣщаніями встрѣчаются завѣщанія, коими имѣніе при жизни владѣльца укрѣпляется за другими лицами безповоротно (ст. 991 Св. зак. гр.). Между старорусскими завѣщаніями интересны завѣщанія на случай невыздоровленія завѣщателя. Признавая отдѣльныя завѣщательныя распоряженія подлежащими отмѣнѣ вслѣдствіе непочтенія наслѣдниковъ къ завѣщателямъ или же по мотиву отеческой власти послѣднихъ надъ первыми, судебная практика первой половины XIX в. этимъ самымъ выражала свою солидарность со старорусскимъ воззрѣніемъ на завѣщаніе, какъ на безповоротный актъ. Слѣды борьбы за отмѣняемость завѣщательнаго акта еще замѣтны въ тѣхъ затрудненіяхъ, которыя право ставитъ желанію перемѣнить нотаріальное или крѣпостное завѣщаніе (ст. 1030 Св. зак. гражд.).

2) Вмѣстѣ съ признаніемъ завѣщанія актомъ отмѣняемымъ развивалось воззрѣніе, что не только послѣдствія, но и самое возникновеніе (въ юридическомъ смыслѣ) завѣщательнаго акта относится къ моменту смерти завѣщателя (negotium imperfectum).

3) Явленія, сближающія въ древнемъ и новомъ правѣ завѣщательный актъ съ другими способами пріобрѣтенія правъ на имущество, дарственными и обоюдными, заключаются въ формальностяхъ завѣщательнаго акта, въ характерѣ входящихъ въ него распоряженій и въ юридическомъ основаніи послѣднихъ;—по часто встрѣчающейся causa donandi, завѣщаніе и въ старомъ и новомъ правѣ сближается съ дареніемъ. Отношеніе къ завѣщательному акту, какъ къ сдѣлкѣ въ родѣ купли продажи или дара, проявляется и теперь въ судебной практикѣ въ ограниченіи имуществъ, которыя могутъ быть предметомъ отказа, въ примѣненіи 2 п. 1019 ст. Св. зак. гр. и во взглядѣ на завѣщательное право, какъ на выраженіе и слѣдствіе права собственности.

4) Развитіе идеи универсальнаго преемства въ завѣщательномъ правѣ стоитъ въ связи съ „внутренней аналогіей“ между завѣщательнымъ и интестатнымъ преемствомъ, а эта

аналогія явилась въ значительной степени результатомъ того обстоятельства, что въ обыкновенномъ порядкѣ древне-русскіе завѣщатели, составляя завѣщаніе, распредѣляли имущество сообразно съ правилами интестатнаго преемства и смотрѣли на самый завѣщательный актъ, какъ на обрядность. Ассимиляція завѣщательнаго и интестатнаго преемствъ не единичный случай сближенія однородныхъ институтовъ, стоитъ только взглянуть на исторію помѣстій и вотчинъ, на сближеніе donatio mortis causa и легата.

Римское право оказало сильное вліяніе на образованіе идеи универсальнаго преемства въ завѣщательномъ правѣ. Проводницей этого вліянія является кассаціонная практика (предшественникомъ которой въ этомъ отношеніи былъ потерпѣвшій неудачу проектъ гражданскаго уложенія 1814 г.), на почвѣ ея осуществилось сближеніе завѣщательнаго преемства съ интестатнымъ. Идея наслѣдственнаго преемства возникла прежде всего тамъ, гдѣ преемниками по завѣщанію являются наслѣдники завѣщателя по закону.

6) Судебная практика тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ относится неодинаково къ завѣщательному и интестатному преемству, что̀ особенно сказывается въ вопросѣ о приращѐніи наслѣдственныхъ правъ. Неравенство того и другаго преемства сказывается въ исторіи наслѣдственнаго права и въ формахъ вступленія во владѣніе наслѣдствомъ для того и другаго вида наслѣдниковъ. Хотя идея общаго владѣнія при наличности нѣсколькихъ преемниковъ, принимающихъ наслѣдство, находитъ себѣ примѣненіе и при завѣщательномъ преемствѣ, тѣмъ не менѣе правила о раздѣлѣ наслѣдства (ст. 1315—1337 т. X ч. 1) не имѣютъ мѣста, въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, при овладѣніи наслѣдниками по завѣщанію ex certa re доставшимся имъ имуществомъ.

7) По древнерусскимъ воззрѣніямъ долги наслѣдодателя лежали на оставшемся послѣ него имуществѣ, были долгами этого имущества. Личная и неограниченная отвѣтственность наслѣдника была результатомъ обязательства, которое послѣдній принималъ на себя, овладѣвая доставшимся ему имуществомъ. Сомнѣнія въ вопросѣ, отвѣтственны ли наслѣдники

по завѣщанію за долги наслѣдодателя, продолжаются еще въ періодъ кассаціонной практики. Слѣды воззрѣнія на то, что источникомъ отвѣтственности преемниковъ по завѣщанію за долги наслѣдодателя, является воля послѣдняго, выразившаяся въ возложеніи въ самомъ завѣщаніи на наслѣдниковъ такихъ уплатъ, живутъ и до сихъ поръ въ судебной практикѣ. Сенатомъ. Интересы кредита и у насъ играли большую роль въ развитіи наслѣдственнаго права.

8) Жизнь съ давнихъ поръ выработала въ русскомъ завѣщательномъ правѣ явленія, напоминающія римскій легатъ. Явленія эти нашли себѣ юридическую конструкцію въ кассаціонной практикѣ. Современный русскій легатъ представляетъ собою выдачи, къ коимъ завѣщатель можетъ обязывать своихъ наслѣдниковъ, по силѣ ст. 1086 Св. зак. гражд. Легатары не стоятъ въ сонаслѣдническомъ отношеніи къ наслѣдникамъ завѣщателя и не отвѣчаютъ за долги послѣдняго свыше потраченнаго на помянутыя выдачи имущества завѣщателя; легатары являются кредиторами наслѣдниковъ, на коихъ вмѣстѣ съ завѣщаннымъ имуществомъ переходятъ и долги, въ томъ числѣ и обязанность осуществить предписанныя завѣщателемъ выдачи.

9) Въ исторіи русскаго завѣщательнаго права видна тенденція къ тому, чтобы завѣщательный актъ содержалъ въ себѣ назначеніе наслѣдника. Древнее право не было ограничено въ практикѣ субституцій. Исторія русскаго завѣщательнаго права представляетъ собою ограниченіе предѣловъ завѣщательной воли и ростъ принудительныхъ нормъ на счетъ автономіи частныхъ лицъ.

10) Современное русское завѣщаніе представляетъ собою односторонній, посмертный, отмѣняемый актъ, заключающій въ себѣ назначеніе наслѣдника, т. е. универсальнаго преемника завѣщанія. Опредѣленіе завѣщательнаго акта, какъ даренія, невѣрное относительно новаго права, не является точнымъ и относительно стараго.

11) Законодательство весьма мало участвовало въ созданіи нашего завѣщательнаго права. Главная роль въ этомъ отношеніи принадлежитъ судебной практикѣ.

ОСНОВЫ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦІИ ВЪ КИТАѢ.

Изъ книги E. Alabaster—„Notes and commentaries on Chinese criminal law“. Переводъ съ англійскаго, сдѣланный А. Д. Дабовскимъ.

Уголовный кодексъ.

Первое указаніе на существованіе закона въ Китаѣ мы находимъ въ положеніяхъ о бракѣ, изданіе которыхъ приписывается Фу-Си и относится къ 2852-му году до Р. Х. До этого времени случайныя, временныя сожитія мужчины съ женщиной составляли, повидимому, общее правило, и ни отецъ часто не зналъ своихъ дѣтей, ни дѣти отца. Со времени изданія указанныхъ положеній устанавливается извѣстный порядокъ въ сожительствѣ мужчины съ женщиной, выражающійся прежде всего въ томъ, что въ каждой части населенія, состоявшаго изъ отдѣльныхъ групповыхъ единицъ (клановъ), запрещалось сожительство между членами одного и того же клана.

Затѣмъ, шагъ за шагомъ, начиная съ отдаленныхъ временъ царствованія Іао, Шунъ и Ю, черезъ весь періодъ господства Ханъ, Тангъ, Юанъ (Монгольской династіи), а также династіи Минговъ, и вплоть до нынѣшней Маньчжурской династіи, по мѣрѣ того, какъ возникали отдѣльные случаи, вызывались къ жизни и отдѣльныя нормы, пока не

окрѣпъ и постепенно не кристаллизовался законъ, который, послѣ нѣкоторыхъ измѣненій, далъ содержаніе нынѣшнему уголовному кодексу.

Тенденція создать кодифицированное право наблюдается черезъ весь ходъ китайской достовѣрной исторіи; стремленіе къ кодификаціи представляетъ естественное проявленіе консервативнаго направленія, выросшаго на почвѣ отеческаго деспотизма, который во всѣ эпохи представлялъ господствующій элементъ китайской общественной жизни. Еще въ царствованіе Шуна (2317 г. до Р. Х.) были въ этомъ направленіи попытки, въ смыслѣ образованія какой-либо постоянной системы законовъ; дошедшія до насъ по поводу этой системы свѣдѣнія, очень ничтожныя, могутъ имѣть только чисто историческій интересъ. Приблизительно 1500 лѣтъ спустя законы были систематизированы нѣкіимъ Ли-Куей, при чемъ систему эту иногда называютъ первымъ кодексомъ уголовныхъ законовъ. Этотъ трудъ дѣлится, повидимому, на 6 частей; первыя три части содержали въ себѣ судебную практику, 4-я—положенія о высшемъ управленіи, наконецъ, двѣ послѣднія—представляли перечень и объясненіе отдѣльныхъ правонарушеній. Знаменитый Ши-Хуан-Ти (221 г. до Р. Х.) составилъ проектъ свода, который не имѣлъ ничего общаго съ предыдущимъ, продержавшимся въ силѣ до прекращенія недолго просуществовавшей династіи. Только съ царствованіемъ Као-Тсу, около 206 лѣтъ до Р. Х. (изъ династіи Танговъ) связано появленіе свода, достойнаго имени этого императора; но и этотъ сводъ, повидимому, служилъ первоначально только какъ руководство для судебнаго персонала, не будучи распространенъ широко въ обществѣ. Является спорнымъ вопросомъ, существовалъ ли кодексъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова даже въ періодъ, предшествовавшій царствованію Юнъ-Ло (Минской династіи, около 1403 л. по Р. Х.); но во время его управленія выработана была система, на которой и зиждется современный кодексъ.

Собраніе законовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Та-Чингъ-Лю-Ли, образуетъ кодексъ нынѣшней династіи, при чемъ

Лю, широко опирающійся на вышеуказанную систему Юнъ-Ло, представляетъ изъ себя основной, первоначальный кодексъ, изданный въ то время, когда династія твердо упрочила свою власть; что же касается Ли, то это послѣдующія, отъ времени до времени издававшіяся и вступавшія въ силу постановленія. Многія законоположенія изъ Лю принадлежатъ предшествовавшей династіи, будучи приняты и обращены къ исполненію со стороны татарскихъ князей; другія (какъ, напр., касающіяся татарскаго населенія) изданы только съ воцареніемъ династіи. Сэръ Джоржъ Стаутонъ перевелъ только Лю, обойдя молчаніемъ Ли, и трудъ его, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, даетъ обзоръ только той части законодательства, которая существовала два съ половиною вѣка тому назадъ, не давая понятія о нынѣ дѣйствующихъ законоположеніяхъ.

Кодексъ, слѣдуетъ замѣтить, представляетъ, по своему характеру, не династическое, а національное установленіе; глава государства, при каждомъ новомъ законодательномъ актѣ, представляющемъ продолженіе Ли, не можетъ слѣдовать своему личному воззрѣнію, а долженъ руководствоваться основными общими принципами, твердо и широко распространенными въ населеніи страны.

Своду приданы краткія замѣтки, издаваемыя верховною властью, а также комментаріи того же характера, объясняющія и толкующія смыслъ отдѣльныхъ фразъ закона, возбуждающихъ сомнѣніе. Каждыя 5 лѣтъ издается верховной властью новое, пересмотрѣнное изданіе свода съ измѣненіями, количество которыхъ старательно доводится до minimum'а. Кодексъ даетъ указаніе оффиціальнымъ лицамъ руководствоваться при разборѣ дѣлъ рѣшеніями по тѣмъ дѣламъ, которыя представлялись въ Пекинъ на разсмотрѣніе и которыя опубликованы тамошнимъ судомъ, при чемъ рѣшенія эти, извѣстныя подъ названіемъ Чынъ-Анъ, должны служить руководствомъ для провинціальныхъ властей и подлежатъ въ концѣ концовъ включенію въ составъ дополнительныхъ законовъ; рѣшенія эти, и до таковаго включенія, имѣютъ для провинціальныхъ властей силу закона. Эти рѣшенія, полу-

чившія силу закона, дѣлятся на 6 раздѣловъ, при чемъ они снабжены дополнительными постановленіями—Ліу-Пу-Тзыа-Ли, составляющими правила, выработанныя также въ интересахъ регулированія практики низшихъ судовъ.

Кодексъ очень богатъ законоположеніями уголовнаго характера, касающимися преступленій противъ личности, и содержитъ въ себѣ очень мало постановленій гражданскаго права; регулированіе гражданскихъ правоотношеній предоставлено, какъ показываетъ практика, мѣстнымъ гильдіямъ, которыя, при разрѣшеніи между спорящими различныхъ вопросовъ гражданскаго права, берутъ въ руководство мѣстный обычай, освященный долголѣтней практикой.

Разница между Лю и Ли нуждается въ нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ. Лю—это основные законы, которые никогда не мѣняются; Ли—спеціальные законы, изданные въ дополненіе къ основнымъ; дополнительные законы, съ новыми къ нимъ разъясненіями, подлежатъ пересмотру разъ въ 10 лѣтъ. Лю—болѣе не издаются и, если какое-либо правонарушеніе закономъ не предусмотрѣно и является необходимость въ новомъ законѣ, издается тогда Ли. Такъ, напр., одно время было стремленіе пріостановить вывозъ серебра изъ страны; сообразно съ этимъ изданъ былъ Ли, коимъ объявлялось, что вывозъ серебра составляетъ контрабанду, также какъ и вывозъ золота, мѣди, свинца и т. д. Такъ какъ впослѣдствіи выяснилось, что купцы обходили законъ, дѣлая сплавъ изъ своихъ серебряныхъ грубыхъ слитковъ и обращая металлъ въ доллары, выдѣлка долларовъ была также объявлена нарушеніемъ законовъ о контрабандѣ. Послѣдствія показали безполезность этого закона; пріостановить и запретить вывозъ серебра оказалось невозможнымъ уже по одному тому, что законъ разрѣшалъ платить за иностранные товары или серебряными слитками, или долларами.

Цитируя китайское уголовное законодательство, мы видимъ, какъ оно опредѣляетъ разницу между Лю и Ли. „Законъ никогда не подлежитъ измѣненію, статуты (Ли) указываютъ на примѣненіе закона, сообразно съ временемъ и обстоятельствами“. Такъ, напр., законъ отличается мягкостью, а ста-

тутъ дѣлаетъ его, въ примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ, болѣе суровымъ, и vice versa. Въ дѣлахъ о грабежѣ, если грабители, сопротивляясь задержанію ихъ, убьютъ кого-либо или ранятъ, не дѣлается по закону различія между главными виновниками и соучастниками; для всѣхъ виновныхъ наказаніемъ служитъ смертная казнь черезъ обезглавленіе, и дѣло подлежитъ пересмотру въ порядкѣ ревизіи. Статуты же дѣлаютъ разницу между убійцей и лицомъ, нанесшимъ другому раны, а также между главнымъ виновникомъ и соучастниками преступленія; кромѣ того въ дѣлахъ о нанесеніи ранъ статуты обращаютъ вниманіе на самый характеръ травматическихъ поврежденій, на то обстоятельство, нанесены ли поврежденія какимъ-либо рѣжущимъ или тупымъ орудіемъ, или же безъ употребленія какого-либо орудія и т. д., назначая различныя въ этихъ случаяхъ наказанія.

Въ концѣ концовъ статуты по внутреннему своему содержанію отличаются отъ законовъ въ виду разницы въ ихъ резолютивныхъ частяхъ, и нельзя не впадать иногда въ противорѣчія при сопоставленіи закона съ статутомъ въ порядкѣ ихъ примѣненія. Законъ опредѣляетъ составъ преступленія, а статутъ—различную его важность въ зависимости отъ сопровождающихъ его обстоятельствъ. Напр., законъ опредѣляетъ составъ преступленія—комплота, группы лицъ, собравшихся для какихъ-либо противозаконныхъ цѣлей, и назначаетъ наказаніе за это преступленіе. Статутъ дѣлаетъ различіе между сборищемъ, состоящемъ изъ 10 человѣкъ, и тѣмъ, которое состоитъ изъ 20, и опредѣляетъ, въ зависимости отъ числа соучастниковъ, различное для виновныхъ наказаніе.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится примѣнять законъ и статутъ, всегда предпочтеніе отдается статуту. Но, съ другой стороны, если какой-либо отдѣльный случай является непредусмотрѣннымъ ни статутомъ, ни закономъ, берется изъ основныхъ законовъ тотъ, къ которому болѣе всего подходитъ данный случай, другими словами,—предпочтеніе отдается закону передъ статутомъ.

Связь между Лю и Ли напоминаетъ соотношеніе, существующее между англійскими древнимъ common и statute law

съ той, правда, разницей, что Лю каждой династіи, въ общемъ, тождественный по содержанію съ Лю предшествовавшей династіи, представляетъ изъ себя писанный кодексъ; статуты, въ свою очередь, дополняя и ограничивая дѣйствіе Лю, должны быть разсматриваемы какъ второстепенныя постановленія, подчиненныя Лю, подобно тому, какъ мѣстныя административныя распоряженія bye-laws представляютъ положенія, вытекающія изъ правъ, данныхъ хартіей (charter), которая и даетъ законное основаніе для мѣстныхъ административныхъ распоряженій.

Только что указанное и дѣлаемое китайскимъ правомъ различіе является прямымъ результатомъ желанія согласовать законъ и судебную практику, желаніе, проглядывающее во многихъ принципіальныхъ положеніяхъ китайскаго права; но практика показываетъ полную невозможность осуществленія этихъ принциповъ.

Таково, напр., принципіальное положеніе: „если законъ не обладаетъ средствомъ для наказанія виновнаго, таковое должно быть найдено". Далѣе—„не въ порядкѣ вещей, чтобы два дѣла, совершенно похожія по своему внѣшнему и внутреннему содержанію, были бы рѣшены различно". Эти положенія вполнѣ очевидны, но практика часто идетъ совершенно въ разрѣзъ съ этими великими принципами закона.

Принципъ говоритъ, что „во всѣ вѣка личность человѣческая находилась подъ предпочтительной охраной закона сравнительно съ простой собственностью", но на практикѣ съ грабителемъ, который убьетъ или ранитъ собственника подвергшагося грабежу имущества, расправляются суровѣе, чѣмъ съ человѣкомъ, который ранитъ или убьетъ защитника женщины, не пользующейся хорошей славой. При возникшемъ по этому поводу спорѣ, китайскій императоръ, желая объяснить законность такой аномаліи, высказался, что „законъ даетъ основные принципы, руководящія начала, а статутъ примѣняетъ эти начала, приноравливаясь къ свойствамъ человѣческой природы", и хотя похищеніе женщины составляетъ худшее дѣяніе, чѣмъ похищеніе собственности, но въ вышеуказанномъ случаѣ грабитель, ранившій собственника, долженъ

быть приговоренъ къ смерти, тогда какъ похититель женщины, не отличающейся хорошимъ поведеніемъ, при нанесеніи раны ея защитнику, долженъ нести наказаніе какъ за простую кражу, съ увеличеніемъ этого наказанія на двѣ степени. Любопытно при этомъ, что высшее судебное учрежденіе высказалось по этому поводу, что въ данномъ случаѣ положеніе таково, что изъ него нѣтъ выхода.

Такія уклоненія отъ примѣненія основныхъ принциповъ составляютъ одинъ изъ существенныхъ изъяновъ системы китайскаго законодательства. Желаніе всячески комбинировать законодательныя постановленія при примѣненіи ихъ къ отдѣльнымъ случаямъ приводитъ къ грустнымъ результатамъ. Умышленное убійство, по нашимъ понятіямъ, является убійствомъ независимо отъ того, кто служитъ жертвой даннаго преступленія; китайскіе же юристы говорятъ: было бы несправедливо одинаково наказывать убійцу безнравственной женщины сравнительно съ убійцей женщины порядочной.

Стремленіе достигнуть нѣкотораго совершенства въ примѣненіи закона выражается въ ревизіонномъ порядкѣ разсмотрѣнія дѣлъ, каковой порядокъ является излюбленнымъ въ Китаѣ. Многія дѣла, вполнѣ обстоятельно разсмотрѣнныя низшими судами, подлежатъ ревизіи высшей инстанціи, и, хотя такія ревизіи представляютъ часто одну пустую трату времени, тѣмъ не менѣе онѣ вполнѣ отвѣчаютъ характеру китайскаго уголовнаго права.

Еще одно практическое затрудненіе, съ которымъ приходится считаться правительству, представляетъ изъ себя одновременное существованіе китайскаго и татарскаго (монгольскаго) уголовнаго законодательства, параллельное дѣйствіе которыхъ объясняется результатомъ политическаго такта со стороны маньчжуровъ—завоевателей по отношенію къ своимъ китайскимъ подданнымъ, бывшимъ подъ властью монголовъ. Не говоря о серьезныхъ случаяхъ, достаточно указать на положительно забавное затрудненіе, которое испытало высшее судебное учрежденіе въ дѣлѣ, гдѣ обнаружилась коллизія двухъ законодательствъ и гдѣ гордіевымъ узломъ явилось разрѣшеніе вопроса: составляютъ ли мулы и

ослы—стадо (скотъ). Высшее судебное мѣсто отказалось дать отвѣтъ на этотъ вопросъ; оно не могло рисковать своимъ мнѣніемъ; ему ничего неизвѣстно о жизни въ Монголіи, объ ея спеціальныхъ законахъ и обычаяхъ; „пусть Ли-Фан-Юанъ (монгольская ревизіонная палата) рѣшитъ этотъ вопросъ“—постановило высшее судебное учрежденіе въ имперіи [1]). Если бы татарскіе законы примѣнялись только въ Монголіи, а китайскіе—въ собственномъ Китаѣ, тогда можно бы было надѣяться, что отдѣльныя дѣла не встрѣчали бы на практикѣ затрудненія при примѣненіи закона; но такъ какъ въ настоящее время татарское населеніе смѣшалось съ китайскимъ и законы обоихъ народовъ существуютъ параллельно, является, по меньшей мѣрѣ, неудобнымъ, чтобъ не казать больше, примѣненіе, какъ это часто случается, обоихъ кодексовъ къ одному и тому же дѣлу; результаты подобнаго порядка вещей таковы, что изъ двухъ подсудимыхъ по одному и тому же дѣлу одинъ отдѣлывается наказаніемъ плетьми, а другой, помимо наказанія бамбуками, подвергается еще и пожизненной ссылкѣ.

Если и существуетъ примѣненіе китайскихъ или татарскихъ законовъ въ зависимости отъ личности подсудимаго, тѣмъ не менѣе въ примѣненіи того или другаго закона играетъ, повидимому, рѣшительную роль также и мѣсто совершенія преступленія. Дѣйствіе татарскихъ законовъ въ восемнадцати провинціяхъ (которыя принято отдѣлять отъ остальной части Имперіи) является очень сомнительнымъ. Такъ, напр., въ дѣлѣ Пао-чжы-чья, гдѣ часть обвиняемыхъ были монголы, пекинскій судъ установилъ принципъ, по которому вопросъ о дѣйствіи монгольскаго или китайскаго законодательства долженъ находиться въ зависимости отъ того, совершено ли преступленіе въ Монголіи, или въ одной изъ 18 провинцій (въ данномъ дѣлѣ мѣстомъ совершенія преступленія была Чилійская провинція). При разсмотрѣніи этого же дѣла, судъ установилъ какъ основное правило, что

[1]) Встрѣчающіеся въ настоящей статьѣ примѣры изъ судебной практики заимствованы изъ сборниковъ „Син-ан-ху-ланъ“ и „По-ан-сью-пьенъ“.

специальные законы, касающіеся магометанъ, могутъ быть примѣняемы только къ лицамъ, исповѣдывающимъ эту религію, и дѣйствіе ихъ не должно распространяться на другихъ китайцевъ, хотя бы они являлись вмѣстѣ съ магометанами въ качествѣ обвиняемыхъ по одному и тому же дѣлу. На практикѣ выходитъ, что если два магометанина и одинъ китаецъ, не исповѣдывающій этой религіи, совершатъ грабежъ, магометане, на основаніи спеціальныхъ законовъ, по которымъ „если трое или болѣе лицъ учинятъ грабежъ... и т. д.", отдаются, въ наказаніе, въ военное рабство, между тѣмъ какъ китаецъ, на основаніи китайскихъ законовъ, по которымъ, „если нѣсколько лицъ будутъ изобличены въ грабежѣ... и т. д.", подвергается только простой ссылкѣ.

Законъ, при всѣхъ особенностяхъ его системы, все-таки является доминирующимъ въ Китайской имперіи и, если по тѣмъ или другимъ соображеніямъ отдѣльныя лица и цѣлые классы лицъ пользуются извѣстными привилегіями въ примѣненіи къ нимъ уголовнаго закона, эти привилегіи точно опредѣлены и указаны въ самомъ законѣ; слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что существующее въ кодексѣ подраздѣленіе законовъ (законы, касающіеся ритуала, законы военные) вызвано только удобствами классификаціи, а не желаніемъ поставить отдѣльные классы общества въ особое положеніе. Если взять даже родство, которое проходитъ красной нитью черезъ всю систему китайскаго законодательства и оказываетъ существенное вліяніе на примѣненіе закона о наказаніи, то и родство это, какъ бы оно ни колебало основные принципы закона, все-таки является только естественнымъ элементомъ, вытекающимъ изъ природы и духа китайскаго законодательства.

Сила закона въ Китаѣ настолько велика, что законъ караетъ всякое посягательство на его господство въ имперіи. Законъ не терпитъ, напр., вмѣшательства военныхъ властей въ наказаніе виновныхъ, подлежащихъ суду. Одинъ унтеръ-офицеръ, находясь въ составѣ патруля, задержалъ игрока (въ азартныя игры), и вмѣсто того, чтобы передать его подлежащимъ властямъ для наказанія, онъ приказалъ бывшимъ

съ нимъ нижнимъ чинамъ высѣчь его на мѣстѣ преступленія, и тотъ подъ плетьми, благодаря плохому состоянію здоровья, умеръ. За самоуправство унтеръ-офицеръ былъ приговоренъ къ ста ударамъ бамбука и къ ссылкѣ на три года, и—что является еще болѣе суровымъ—нижніе чины, которые высѣкли задержаннаго игрока, подверглись 90 ударамъ бамбука и ссылкѣ на 2 года, каждый. Въ другомъ аналогичномъ случаѣ унтеръ-офицеръ былъ приговоренъ также къ 100 ударамъ бамбуками и ссылкѣ на 3 года за то, что высѣкъ какого-то субъекта, который послѣ экзекуціи, а, можетъ быть, благодаря ей, повѣсился. Хотя въ данномъ случаѣ смерть произошла не по винѣ унтеръ-офипера, тѣмъ не менѣе онъ понесъ такое же наказаніе, какъ и тотъ, который засѣкъ задержаннаго имъ игрока до смерти; при этомъ судья въ приговорѣ категорически высказался, что унтеръ-офицеръ, какъ лицо военное, не уполномоченъ по закону отправлять правосудіе. Иногда осужденіе, какое выражаетъ въ своемъ приговорѣ по такимъ дѣламъ судья, имѣетъ и другія основанія. Такъ, напр., въ одномъ дѣлѣ унтеръ-офицеръ былъ наказанъ ста ударами бамбукомъ и тремя годами уголовнаго рабства за то, что побилъ спящаго часоваго особой дубиной, которой вооружены ночные сторожа, при чемъ часовой отъ нанесенныхъ ему побоевъ умеръ. Въ этомъ дѣлѣ основаніемъ для наказанія послужило, во-первыхъ, самоуправство, во-вторыхъ, то обстоятельство, что дубина, которою слѣдуетъ пользоваться при задержаніи воровъ, отнюдь не является законнымъ орудіемъ для тѣлесныхъ наказаній.

Нѣкоторую попытку допустить военныхъ къ дѣлу отправленія правосудія можно видѣть въ раздѣлѣ кодекса, который говоритъ о томъ, что въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, если преступленіе совершено военнослужащими при условіяхъ, точно въ законѣ указанныхъ, въ судъ приглашается офицеръ, который разсматриваетъ дѣло совмѣстно съ судьей.

Въ государственномъ устройствѣ Китая существуетъ характеристичная черта, которая, повидимому, идетъ въ раз-

рѣзъ съ понятіемъ объ исключительномъ господствѣ закона надъ всѣмъ общественнымъ строемъ имперіи. Въ Китаѣ довольно широко развито самоуправленіе. Въ своей простѣйшей формѣ это самоуправленіе находитъ себѣ выраженіе во власти, которая принадлежитъ главѣ семьи, а отсюда главѣ рода, представляющаго собою разросшуюся семью. Власть отца или дѣда, по отношенію ко всему, что касается семьи, дѣйствуетъ въ предѣлахъ этой семьи; въ родѣ, число членовъ котораго стало весьма значительнымъ, эта власть перешла къ наиболѣе выдающемуся представителю такого рода, обыкновенно—человѣку ученому. Такимъ образомъ мы находимъ по всему Китаю группы лицъ съ дѣйствительнымъ, не фиктивнымъ мѣстнымъ самоуправленіемъ. Но пришлось бы прійти къ совершенно ложному выводу, если видѣть въ этомъ смѣсь общаго государственнаго управленія съ мѣстнымъ самоуправленіемъ; напротивъ, власть всегда противилась всякому намеку на „государство въ государствѣ“, права самоуправленія въ союзѣ поставлены въ извѣстныя рамки, закономъ строго опредѣленныя, и, подобно тому, какъ въ двухъ концентрическихъ кругахъ внѣшній, большій, обнимаетъ внутренній, такъ и въ семьѣ и родѣ самоуправленіе замкнуто въ кругъ, поглощаемый закономъ, внѣ этого круга и выше его стоящимъ.

Значеніемъ, какимъ пользуется законъ въ Китаѣ, слѣдуетъ объяснить явленіе, которое всегда поражаетъ каждаго европейца и которое состоитъ въ удивительной апатіи и всегда почти полномъ бездѣйствіи китайцевъ въ такія минуты, когда они являются свидѣтелями совершающагося на ихъ глазахъ преступленія. Можетъ быть, было бы отчасти справедливо объяснить такое явленіе результатомъ присущей китайцамъ инертности; но гораздо правильнѣе будетъ сказать, что вызывается оно только страхомъ передъ закономъ. По закону допускается вмѣшательство въ чужое дѣло при условіи существованія родственныхъ или другихъ опредѣленныхъ отношеній; иначе такое вмѣшательство будетъ противозаконнымъ. Какъ видно изъ одного дѣла, бывшаго на разсмотрѣніи суда, два негодяя попытались изнасиловать чью-то жену

въ отсутствіе ея мужа. Сосѣдъ и нѣсколько друзей, услышавъ ея крики, пришли къ ней на помощь, и одинъ изъ нихъ ударилъ негодяя ножемъ, тотъ бросился на защитника насилуемой женщины, но былъ опрокинутъ и убитъ. Губернаторъ, которому было представлено дѣло, призналъ это убійство извинительнымъ и не влекущимъ за собою уголовной кары, но верховный судъ нашелъ, что убійцу слѣдуетъ подвергнуть тюремному заключенію на нѣсколько лѣтъ, во-первыхъ, за то, что онъ вмѣшался въ чужое дѣло, не имѣя на то по закону никакого права, а, во-вторыхъ, потому, что онъ, во время свалки, не довольствуясь бывшимъ у него въ рукахъ ножемъ, вырвалъ у насиловавшаго женщину негодяя оружіе, которое при немъ находилось, и воспользовался также и этимъ оружіемъ во время своей крававой расправы.

Абсолютное примѣненіе закона встрѣчаетъ иногда ограниченіе, вызываемое требованіями общегосударственной политики. Такое ограниченіе въ примѣненіи закона встрѣчается, напр., въ положеніяхъ, касающихся лицъ, принадлежащихъ къ сословію „знаменныхъ"; къ этому классу правительство относится, за оказанныя династіи услуги, весьма благосклонно, они занесены въ особые списки, и имъ выдается небольшая рента; вопреки требованіямъ закона, имъ въ Или, напр., разрѣшено кочевать съ мѣста на мѣсто, пасти свои стада, заниматься ловлей звѣрей и птицъ и сохранять право считаться въ названныхъ спискахъ, при условіи заявленія о своемъ существованіи хотя бы одинъ разъ годъ. Основаніе для такой привилегіи очевидно: при указанныхъ условіяхъ люди эти имѣютъ полную возможность прокормиться и стать хорошими стрѣлками, ихъ хищническіе инстинкты удовлетворены, а при случаѣ правительство, если окажется въ томъ необходимость, всегда можетъ воспользоваться ихъ услугами.

При всемъ уваженіи, какимъ пользуется въ имперіи законъ, китайская система относится, повидимому, не особенно благосклонно къ классу юристовъ по профессіи; въ китайскомъ судѣ нѣтъ ни прокурора, ни защитника; тамъ вы не найдете также лицъ, дающихъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ сторонамъ юридическіе совѣты (юрисконсульты, англійскіе

sollicitors). Есть у нихъ въ родѣ нотаріусовъ (licensed notaries), обязанность которыхъ только подготовлять и писать прошенія и жалобы, если къ нимъ обратятся съ просьбой объ этомъ. Этимъ юристамъ-практикамъ присвоено наименованіе „Тай-Шу", и получаютъ они это званіе послѣ надлежащаго экзамена, который они держатъ у извѣстныхъ чиновниковъ въ ихъ управленіяхъ. Кромѣ того существуетъ у нихъ весьма уважаемый классъ ученыхъ, „Ши-И", которые проводятъ свое время за разрѣшеніемъ юридическихъ задачъ и въ содѣйствіи которыхъ нуждаются иногда оффиціальныя лица; самое положеніе этихъ ученыхъ полу-оффиціальное. Въ общемъ же всякая частная дѣятельность въ сферѣ судебной считается предосудительной и, какъ видно изъ дѣлъ Ченъ-ю-тьена, Сю-сяо-чуанъ и др., одно написаніе прошеній нѣсколькимъ кліентамъ влекло за собою, по приговорамъ судей, ссылку на три года, хотя бы въ дѣйствіяхъ писавшихъ прошенія нельзя было усмотрѣть какого-либо преступнаго умысла. Адвокатура также не пользуется особыми симпатіями, и хорошо извѣстенъ въ странѣ случай съ ученымъ Сю-Юан-Юанъ, который былъ приговоренъ къ восьмидесяти тяжелымъ ударамъ бамбуками и заключенію въ тюрьмѣ на два года за то, что онъ квалифицировалъ инкриминируемое имъ преступленіе извѣстнаго лица, какъ предумышленное убійство, хотя на самомъ дѣлѣ было только умышленное.

Такъ какъ практическая дѣятельность въ дѣлѣ судебномъ не особенно поощряется въ Китаѣ, то вполнѣ понятно, что и юридическая литература въ этой странѣ въ самомъ жалкомъ состояніи. Публикуются иногда акты, носящіе характеръ аутентическаго толкованія законовъ со стороны верховной власти, печатаются также наиболѣе выдающіяся дѣла, но при этомъ въ очень ограниченномъ количествѣ и ужъ во всякомъ случаѣ не въ интересахъ поощренія и развитія практической дѣятельности и самого юридическаго сословія въ странѣ. Тѣмъ не менѣе частная предпріимчивость въ этомъ отношеніи не является совершенно подавленной, и находящіеся въ обращеніи комментаріи, показывающіе особенную проницательность, тонкое пониманіе дѣла со стороны ихъ

авторовъ, пользуются большимъ кредитомъ въ обществѣ, въ особенности комментаріи, касающіеся уголовнаго закона; такіе источники права попадаются въ значительномъ количествѣ, и публикуются они часто правительственными властями.

Китайцы и прежде пожинали, да и теперь пожинаютъ, плоды своей близорукой государственной политики. Несмотря на почти совершенную систему законодательства, трудно найти среди китайцевъ людей, которые вполнѣ понимаютъ внутреннее ея содержаніе. Законъ обязываетъ тѣхъ, кому ввѣряется впослѣдствіи проведеніе его въ жизнь, выдержать испытаніе въ теченіе года; но каково это испытаніе, и что̀ могутъ сдѣлать экзаменующійся и экзаменаторъ, если знаніе дѣла часто ограничивается поверхностнымъ знакомствомъ съ законами и судебной процедурой, при чемъ такое ознакомленіе имѣетъ мѣсто иногда въ преклонномъ уже возрастѣ. Конечно, не слѣдуетъ отсюда думать, что законъ плохо примѣняется на практикѣ; но онъ примѣнялся бы лучше и съ тѣмъ именно успѣхомъ, на который онъ имѣетъ право разсчитывать, если бы тѣ, кто проводятъ его въ жизнь, получили надлежащее юридическое образованіе.

Разслѣдовавъ вкратцѣ источникъ, нынѣшнее положеніе и дѣйствіе законодательной системы въ Китаѣ, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ особенности, которая составляетъ основную ея черту. При всей полнотѣ уголовнаго законодательства, въ Китаѣ нѣтъ опредѣленнаго свода законовъ гражданскихъ, и въ то время, какъ по уголовнымъ дѣламъ вы встрѣтите массу руководящихъ указаній, комментарій, разъясняющихъ уголовный законъ, по дѣламъ гражданскимъ, въ частности связаннымъ съ вопросами о правѣ собственности, вы иногда не можете добиться даже того, какая власть уполномочена разобрать ваше дѣло.

Хотя уголовные законы Китая разрѣшаютъ пытку надъ обвиняемыми, что̀ служитъ пятномъ на системѣ уголовнаго законодательства, пятномъ, которое обращаетъ на себя постоянное вниманіе, хотя наказанія за государственную измѣну и отцеубійство чудовищны, а надѣваніе на осужденнаго деревянаго ошейника—доски и привязываніе его къ

подвижному позорному столбу нельзя считать наказаніемъ, которое можно оправдать, тѣмъ не менѣе уголовный кодексъ Китая, если обстоятельно знакомиться съ нимъ, несравненно совершеннѣе и болѣе отвѣчаетъ требованіямъ жизни, чѣмъ англійскіе уголовные законы, и очень далекъ отъ того, чтобы считать его продуктомъ варварской, жестокой культуры, какимъ привыкли считать его до сихъ поръ. Наказаніе за каждое серьезное преступленіе точно и строго въ законѣ опредѣлено. Право смягченія наказанія, если въ дѣлѣ есть смягчающія вину подсудимаго обстоятельства, предоставлено не судьѣ, разбирающему дѣло, а высшему судебному учрежденію, которое слѣдуетъ назвать верховнымъ ревизіоннымъ судомъ, провѣряющимъ правильность рѣшеній низшихъ судебныхъ инстанцій; иностранцы, проживающіе на востокѣ, называютъ обыкновенно это учрежденіе Board of punishments. Положеніе судьи, разсматривающаго дѣло въ судѣ, является, по нашимъ понятіямъ, довольно страннымъ. Судьѣ, при разборѣ уголовнаго дѣла, не предоставлено извѣстной свободы сужденія. Его обязанность разобраться въ обстоятельствахъ, разслѣдованныхъ на судѣ, опредѣлить, какимъ закономъ предусмотрѣно данное преступленіе, и затѣмъ назначить положенное въ законѣ наказаніе. Кодексъ, такимъ образомъ, создаетъ непреодолимое препятствіе ко всякаго рода проявленію превышенія власти и, слѣдуетъ добавить, такое же препятствіе къ развитію юридическихъ способностей лицъ судебнаго персонала.

Ограниченіе свободы судейской совѣсти находитъ свое оправданіе въ той полнотѣ, которая присуща китайскому уголовному кодексу и которая составляетъ его преимущество сравнительно съ англійскимъ законодательствомъ. Въ Англіи, напр., различаютъ только три вида убійства: умышленное, законное и оправдываемое по законнымъ основаніямъ, при чемъ выборъ наказанія за предумышленное убійство предоставленъ рѣшенію судьи. Въ Китаѣ каждый извѣстный намъ видъ убійства карается спеціальнымъ закономъ, и, если созданная жизнью какая-либо новая его форма не имѣла раньше прецедентовъ, къ дѣлу примѣняется законъ, который болѣе

всего къ нему подходитъ по сопровождающимъ убійство обстоятельствамъ, и, если положенное въ законѣ наказаніе должно быть въ данномъ случаѣ увеличено или уменьшено, рѣшеніе этого вопроса предоставляется верховному ревизіонному суду. Между различными видами убійства китайскій кодексъ различаетъ: убійство съ обдуманнымъ планомъ дѣйствія при совершеніи преступленія—„Моу-ша“, убійство съ намѣреніемъ лишить жизни—„Ку-ша“, убійство безъ умысла лишить жизни—„Ву-ша“, убійство во время драки—„Тоу-ша“, убійство подъ вліяніемъ внѣшнихъ случайныхъ обстоятельствъ—„Ши-шо-ша“ и т. д. Каждый изъ указанныхъ видовъ убійства предусмотрѣнъ спеціальнымъ закономъ.

Чтобы достигнуть полнаго соотвѣтствія между наказаніемъ и совершеннымъ преступленіемъ, китайскіе юристы признали съ самаго начала вполнѣ отвѣчающимъ существу дѣла—пользованіе извѣстной мѣрой наказанія въ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ. Такъ, напр., въ дѣлахъ объ убійствѣ разсматриваемый судомъ казусъ подводится подъ одинъ изъ трехъ основныхъ видовъ этого рода преступленія, т. е. подъ убійство предумышленное, умышленное и случайное, и, когда соотвѣтственный видъ установленъ, сообразно съ нимъ и опредѣляется большая или меньшая тяжесть даннаго преступленія. То же самое наблюдается и въ другихъ правонарушеніяхъ, какъ, напр., въ грабежѣ, растратѣ, мошенничествѣ и т. д., гдѣ каждый отдѣльный случай подводится къ простой кражѣ, при чемъ наказаніе за это преступленіе берется за основаніе, и ужъ отъ него выводится наказаніе за данное правонарушеніе, сообразно съ сопровождающими его обстоятельствами.

Что касается уголовныхъ наказаній, слѣдуетъ замѣтить, что приговоръ къ смертной казни, даже записанный судьей въ его протоколѣ, въ очень и очень многихъ случаяхъ замѣняется, въ порядкѣ смягченія наказанія, уголовнымъ рабствомъ, ссылкой въ мѣста, болѣе или менѣе отдаленныя отъ родины осужденнаго, тюрьмой и даже штрафомъ. Въ двухъ случаяхъ дѣяніе подсудимаго не вмѣняется ему въ вину: во-первыхъ, если дѣяніе явилось результатомъ простой случай-

ности, непредвидѣнной и ничѣмъ непредотвратимой (основаніе для ненаказуемости здѣсь очевидно); во-вторыхъ, если дѣяніе заключается въ убійствѣ мужемъ своей жены и ея любовника, которыхъ онъ засталъ при обстоятельствахъ, доказывающихъ наличность прелюбодѣянія.

Смертная казнь имѣетъ нѣсколько видовъ. За государственную измѣну, отцеубійство, убійство своего мужа—виновные подвергаются такъ называемой „продолжительной смерти", разрѣзанію тѣла на куски; за государственную измѣну наказанію могутъ быть подвергнуты не только виновные, но и близкіе родственники ихъ, при чемъ цѣлыя семьи подвергаются истребленію; правда, въ этихъ случаяхъ дѣлается исключеніе для дѣтей, не достигшихъ совершеннолѣтія; ихъ подвергаютъ только оскопленію. Кромѣ указанной формы смертной казни, существуетъ еще казнь черезъ обезглавленіе—съ выставленіемъ головы казненнаго на показъ, простое обезглавленіе и наконецъ удавленіе (задушеніе). Не надо забывать, что мало смертныхъ приговоровъ приводится въ дѣйствительности въ исполненіе, такъ какъ почти по каждому дѣлу приговоръ къ уголовному наказанію, до вступленія его въ законную силу, направляется, въ порядкѣ ревизіи, въ Пекинъ, въ верховный судъ.

Помимо смягченія наказанія при ревизіи дѣлъ, рѣшенныхъ низшими судами, существуетъ много другихъ источниковъ, оказывающихъ въ этомъ отношеніи вліяніе на примѣненіе строгаго закона, таковы—привилегированное положеніе, обстоятельства, сопровождающія извѣстное преступленіе, и наконецъ чрезвычайная мѣра, какою является помилованіе. Если, напр., лицо, занимающее оффиціальное положеніе, или единственный представитель семьи совершатъ какой-либо проступокъ, они могутъ разсчитывать на прощеніе; во всякомъ случаѣ судить ихъ строго не будутъ; даже лица, несущія уже наказаніе по приговору суда, въ формѣ уголовнаго рабства (каторжныхъ работъ) или ссылки въ поселеніяхъ для преступниковъ, и тѣ могутъ жить въ надеждѣ, что наложенное на нихъ наказаніе можетъ быть смягчено и даже отмѣнено актомъ помилованія со стороны верховной

власти, при чемъ эта надежда не должна покидать даже признанныхъ достойными смерти и присужденныхъ уже къ этому наказанію.

Смертную казнь влечетъ за собою не только государственная измѣна и убійство; изнасилованіе, похищеніе дѣтей, разбой и грабежъ, если стоимость награбленныхъ вещей превышаетъ извѣстную сумму, также влекутъ за собою смертную казнь. До 1871 года (годъ спустя послѣ Тьянцзинскаго избіенія) христіане (изъ китайцевъ), которые послѣ отреченія отъ этой религіи и полученія за то прощенія, снова обратились въ христіанство, были признаны мятежниками и подвергнуты высшему наказанію, какое назначено за государственную измѣну; къ этому же преступленію была приравнена принадлежность къ нѣкоторымъ тайнымъ обществамъ. А между тѣмъ до 1871 года законъ, предусматривающій этого рода преступленія, оставался на практикѣ мертвой буквой.

Соучастники въ преступленіи убійства подвергаются смертной казни только въ тѣхъ случаяхъ, когда они принадлежатъ къ шайкѣ разбойниковъ или пиратовъ, а также, когда лишеніе жизни, по китайскимъ законамъ, признается преступленіемъ особенно жестокимъ. Вопросъ о томъ, кто является главнымъ виновникомъ, а кто—второстепеннымъ, разрѣшается различно. Если, напр., 5—6 человѣкъ обвиняются въ убійствѣ, при чемъ неизвѣстно, кто нанесъ смертельный ударъ убитому, признается главнымъ виновникомъ тотъ, кѣмъ нанесенъ былъ первый ударъ. Въ убійствѣ предумышленномъ—тотъ, кто задумалъ это преступленіе и принялъ въ немъ участіе, почитается главнымъ виновникомъ, при чемъ онъ одинъ подвергается смертной казни; одной только жизни требуетъ отнятая у другаго жизнь; принципъ „жизнь за жизнь" проводится такъ далеко, что, если, случайно, кто-либо изъ участниковъ преступленія умретъ въ тюрьмѣ до рѣшенія дѣла, наказаніе для того, кто признанъ главнымъ виновникомъ убійства, должно быть смягчено.

Хотя, въ общемъ, китайское уголовное законодательство слѣдуетъ считать менѣе драконовскимъ, чѣмъ, напр., англій-

ское, тѣмъ не менѣе отдѣльные законы Китая являются очень суровыми. Законъ вполнѣ опредѣленно высказывается противъ всякаго рода „шалостей“, да и игръ вообще, при чемъ признаются отвѣтственными передъ закономъ за бывающіе иногда во время игры несчастные случаи не только участвующіе въ такихъ опасныхъ спортахъ, какъ фехтованіе, боксъ или другой рукопашный бой, но даже тѣ, съ кѣмъ произошелъ несчастный случай во время самой невинной игры. Какъ видно изъ одного дѣла, трое молодыхъ людей играли на улицѣ во что-то въ родѣ чехарды, и, когда они, проказничая, повалились другъ на друга, одинъ изъ нихъ получилъ ушибъ отъ оправленной мѣдью трубки, бывшей въ карманѣ того, кто лежалъ подъ нимъ, при чемъ отъ ушиба этого молодой человѣкъ вскорѣ умеръ. Судъ призналъ возможнымъ считать это происшествіе только несчастной случайностью, но при всемъ томъ нашелъ нужнымъ приговорить къ уголовному наказанію курильщика, владѣльца трубки. Такъ же забавенъ случай, бывшій съ Чу-Ю-Линомъ, докторомъ Ханлинской коллегіи, который былъ признанъ виновнымъ въ „ужаснѣйшемъ“ преступленіи, заключавшемся въ томъ, что онъ, во время траура, пригласилъ своихъ друзей и устроилъ у себя кутежъ съ музыкой. Докторъ приговоренъ былъ къ наказанію бамбуками и лишенію права носить платье, присвоенное ему по званію и рангу.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ по поводу слабыхъ сторонъ китайскаго законодательства, имѣя въ виду не только уголовный законъ, но и отправленіе правосудія въ странѣ. Въ общихъ чертахъ мы уже касались этихъ слабыхъ сторонъ, и нѣтъ, повидимому, особой надобности въ педантичномъ разслѣдованіи всѣхъ недостатковъ какъ самого кодекса и дополнительныхъ законовъ, такъ и тѣхъ, которыми опредѣляется судоустройство и судопроизводство въ Китаѣ. Слѣдуетъ, напротивъ того, обратить свое вниманіе на тѣ слабыя стороны, которыя вытекаютъ изъ внутреннихъ, прочно установившихся началъ государственной политики. Въ этомъ отношеніи особое вниманіе обращаетъ на себя отвѣтственность за самый фактъ существованія въ обществѣ

преступленій. Какъ раньше было замѣчено, глава семьи является отвѣтственнымъ за преступленія, совершенныя кѣмъ-либо изъ ея членовъ; отвѣтственность падаетъ въ той или другой мѣрѣ и на всѣхъ членовъ семьи; далѣе такая же отвѣтственность падаетъ на главу и другихъ членовъ рода. Постепенно эта отвѣтственность была перенесена наконецъ и на чиновниковъ, которые, обладая правомъ суда, тѣмъ самымъ становятся какъ бы въ положеніе старшихъ родственниковъ обывателей ввѣреннаго имъ участка. Такъ, постепенно, пустила корни и укрѣпилась прочно эта характеристичная черта китайской системы.

Очевидно, что результатъ этой системы отвѣтственности, какъ не разъ уже было замѣчено многими изслѣдователями, является крайне вреднымъ. Одинъ писатель выразился такимъ образомъ: „общество узнаетъ о гораздо меньшемъ числѣ преступленій, чѣмъ ихъ есть на самомъ дѣлѣ". Вполнѣ очевидны два естественныхъ результата этой системы: во-первыхъ, преслѣдованіе преступленій судебнымъ порядкомъ тормозится благодаря общей боязни стать отвѣтственными за чужое дѣло; во-вторыхъ, при возможности скрыть слѣды преступленія, происходитъ иногда замѣна настоящаго виновника другимъ кѣмъ-либо, къ дѣлу непричастнымъ. Эти два явленія встрѣчались очень часто, встрѣчаются и теперь и всегда будутъ происходить подъ вліяніемъ этой системы. Интересно замѣтить при этомъ, что само императорское правительство обращало вниманіе на недостатки означенной доктрины и старалось препятствовать крайнему ея развитію. Такъ, въ 18-й годъ правленія Чья-Чинга представлена была докладная записка трону объ изданіи дополнительныхъ законоположеній, которыми чиновники должны были быть признаны отвѣтственными за тяжкіе случаи нарушенія сыновнихъ обязанностей; послѣдовавшимъ по этому поводу декретомъ были отклонены предложенія, изложенныя въ упомянутой докладной запискѣ.

Слабая сторона китайской уголовной системы—отвѣтственность непричастныхъ къ дѣлу лицъ, такъ же, какъ и другія слабыя стороны уголовнаго права и судопроизводства въ Китаѣ, является результатомъ не самой уголовной системы,

а отчасти началъ, положенныхъ въ основу общественной жизни, отчасти же неподготовленности судящаго персонала, который въ своихъ рѣшеніяхъ доходитъ часто до абсурдовъ. Въ общемъ же уголовное законодательство Китая заслуживаетъ полнаго вниманія, и нельзя оправдывать часто наблюдаемое въ различныхъ изслѣдованіяхъ легкое, почти шутливое отношеніе ко всему, что касается внутренней жизни этой обширной имперіи.

Предупрежденіе преступленій.

Въ англійскихъ учебникахъ, трактующихъ о правѣ, восхваляется обыкновенно, какъ особое достоинство англійскихъ законовъ, ихъ исключительное свойство, направленное на предупрежденіе всякаго рода преступленій. Законъ обязываетъ лицъ, противъ которыхъ возникаетъ подозрѣніе, что они могутъ совершить то или другое преступленіе, дать письменное обязательство въ томъ, что предполагаемое преступленіе совершено ими не будетъ, и тѣмъ обезпечить общественный порядокъ отъ какихъ-либо съ ихъ стороны правонарушеній.

Должно удивить читателей среди европейцевъ, что это отличительное достоинство англійскаго права составляетъ основное положеніе законодательства китайцевъ, къ которымъ привыкли мы относиться свысока. Въ самомъ дѣлѣ, такая форма предупрежденія преступленій на практикѣ гораздо шире развита, чѣмъ въ Англіи; въ Китаѣ властямъ предоставлено право требовать отъ лицъ подозрительныхъ поручительства въ добропорядочномъ поведеніи, привлекая къ этому поручительству родственниковъ такихъ лицъ и даже сосѣдей и дѣлая ихъ отвѣтственными передъ закономъ въ случаѣ нарушенія со стороны заподозрѣннаго лица даннаго обѣщанія не нарушать общественнаго порядка. Составляемый при этомъ документъ носитъ характеръ обязательства, напоминающаго англійское—recognizance.

Такого рода обязательства не принято обезпечивать опредѣленной суммой денегъ, денежныя пени вообще не пользуют-

ся расположеніемъ китайскаго законодательства, но поручители должны имѣть наблюденіе за лицомъ, дающимъ подписку не нарушать общественнаго порядка, и они обязаны, если есть къ тому достаточно основаній, представить такое лицо въ судъ, подъ страхомъ быть приравненными къ соучастникамъ и нести наказаніе за совершенное имъ однимъ преступленіе.

Болѣе того, полицейскіе стражи и „типао" обязаны давать свѣдѣнія, а въ надлежащихъ случаяхъ арестовывать и передавать властямъ всѣхъ лицъ, отличающихся дурнымъ поведеніемъ, а также и тѣхъ, кто должны имѣть за ними наблюденіе и не дѣлаютъ этого. Такая отвѣтственность падаетъ на родителей и вообще на главу семьи, имѣющаго наблюденіе за всѣми, кто живетъ въ его домѣ и на кого распространяется его отеческая власть. Европейцы судятъ о дѣйствіи и вліяніи закона въ Китаѣ по жизни большихъ торговыхъ городовъ, гдѣ широкая волна подвижнаго населенія, прибывающаго изъ разныхъ уголковъ имперіи, дѣлаетъ поддержаніе порядка особенно труднымъ и гдѣ, сверхъ того, власть и вліяніе мандариновъ подрывается постояннымъ вмѣшательствомъ европейцевъ въ дѣла, въ которыхъ они хоть косвенно заинтересованы. Какъ бы страннымъ ни показалось на первый взглядъ, слѣдуетъ тѣмъ не менѣе сказать, что въ большей части китайскихъ городовъ и деревень ваша личность и ваше имущество болѣе гарантированы отъ какихъ-либо посягательствъ на нихъ, чѣмъ въ любомъ изъ европейскихъ государствъ.

Самосудъ.

Личная расправа, какъ бы тяжела ни была вызвавшая ее обида, не разрѣшается; но вмѣстѣ съ тѣмъ во всѣхъ дѣлахъ о самосудѣ принимаются во вниманіе причины, которыя побудили потерпѣвшихъ лично расправиться съ обидчиками. Убить вора значитъ лишить человѣка жизни безъ прямаго на то разрѣшенія закона, и убійцу ждетъ уголовное наказаніе; но онъ можетъ быть оправданъ судомъ, если

посягательство на его добро сопровождалось особенно отягчающими вину вора обстоятельствами. Если кто-либо лишитъ другаго жизни, мстя за смерть своего отца или дѣда, онъ подвергается только ссылкѣ на поселеніе (и то въ первой инстанціи суда, гдѣ наказаніе назначается строго по закону). При этомъ оправданіемъ убійцѣ служитъ отказъ въ правосудіи, котораго онъ добивался у законныхъ властей. Если, далѣе, тотъ, кто лишитъ жизни чьего-либо отца или дѣда, былъ уже подъ судомъ за это преступленіе и понесъ положенное по закону наказаніе, сынъ или внукъ по истеченіи десяти лѣтъ не пользуется уже правомъ мстить убійцѣ, и, если они убьютъ его, они предаются суду и лишаются затѣмъ права просить о смягченіи того наказанія, которое будетъ имъ избрано судомъ.

Императоръ Чьен-Лунгъ замѣчаетъ: „цѣль закона предупредить необходимость въ частной мести и, разъ требованіе закона удовлетворено, это должно удержать отдѣльныхъ лицъ отъ дальнѣйшихъ его нарушеній“. Какъ видно изъ дѣла Шен-Уан-Льянъ, отецъ подсудимаго былъ убитъ во время покушенія на кражу, и подсудимый, по достиженіи зрѣлаго возраста, лишилъ жизни убійцу своего отца, хотя тотъ уже понесъ свое наказаніе, отбывъ нѣсколько лѣтъ уголовнаго рабства (каторжныхъ работъ). Благодаря этому подсудимый лишился права ходатайствовать о смягченіи ему наказанія за свое убійство изъ мести.

Мировая сдѣлка.

Разъ совершено преступленіе, затрогивающее общественные интересы, частное соглашеніе заинтересованныхъ въ данномъ случаѣ лицъ замять или иначе уладить дѣло, не доводя его до суда, признается противозаконнымъ, и обѣ стороны, въ случаѣ обнаруженія дѣла, подвергаются наказанію, при чемъ тотъ, кто совершилъ преступленіе и старался скрыть его отъ властей, подвергается высшей мѣрѣ наказанія, положенное въ законѣ за содѣянное имъ преступленіе, а потерпѣвшему, который пошелъ съ нимъ на компромиссъ,—

это же наказаніе должно быть только понижено на двѣ степени. Такъ, если, напр., улаживаніе дѣла и подкупъ совершены были по поводу уголовнаго преступленія, подкупленный несетъ наказаніе двумя степенями ниже самой высшей мѣры, положенной въ законѣ за это преступленіе.

Въ судахъ же очень часто имѣетъ мѣсто примирительное разбирательство, и судья въ мелкихъ правонарушеніяхъ по возможности старается склонить стороны къ миру, предлагая „заплатить и тѣмъ покончить дѣло", „извиниться и дать (потерпѣвшему) какое-либо вознагражденіе", или же „уплатить небольшую сумму, чтобы прекратить скандалъ". Иначе, въ самомъ дѣлѣ, вниманіе суда было бы безпрестанно отвлекаемо всякаго рода пустяками.

Краткій очеркъ системы судовъ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію организаціи судовъ въ Китаѣ, слѣдуетъ имѣть прежде всего въ виду, что, по закону, всякое донесеніе или жалоба должна быть заявлена въ низшей судебной инстанціи того уѣзда, къ которому принадлежитъ жалобщикъ. Такъ, напр., если истецъ проживаетъ въ Фен-Янгскомъ уѣздѣ, искъ долженъ быть предъявленъ Фен-Янгскому уѣздному судьѣ. Изъ низшаго суда дѣло постепенно можетъ перейти въ высшіе суды, судъ префекта, ревизіонный судъ, и далѣе вплоть до высшаго провинціальнаго суда; изъ этого послѣдняго дѣло можетъ быть передано для ревизіи въ верховный судъ въ Пекинѣ, который, въ свою очередь, въ опредѣленныхъ случаяхъ, представляетъ дѣла на благоусмотрѣніе его императорскаго величества. Верховный судъ напоминаетъ собой англійскій апелляціонный судъ, съ тою, однако, разницею, что пекинскій судъ, помимо судебныхъ функцій, отправляетъ нѣкоторыя спеціальныя функціи ревизіи и надзора. Было бы неправильно считать это важное учрежденіе простой „передаточной инстанціей" (какъ нѣкоторые полагаютъ) для дѣлъ, поступающихъ на высочайшее благоусмотрѣніе. Напротивъ, по тѣмъ обязанностямъ, которыя несетъ этотъ судъ, и по предоставленнымъ ему об-

ширнымъ полномочіямъ, онъ является главной судебной инстанціей, стоящей непосредственно между высшими провинціальными властями,—генералъ-губернаторомъ, губернаторомъ, или провинціальнымъ коммисаромъ,—и его императорскимъ величествомъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ Китаѣ одинъ и тотъ же чиновникъ отправляетъ обыкновенно правосудіе по дѣламъ и гражданскимъ, и уголовнымъ и что въ одномъ и томъ же судѣ разбираются всѣ дѣла, возникшія въ подвѣдомственномъ чиновнику участкѣ. Исключеніе составляютъ тѣ случаи, когда въ дѣлахъ о похищеніи чужой собственности, прелюбодѣяніи, самоуправствѣ, мошенничествѣ, нарушеніи долговаго обязательства, а также въ дѣлахъ о нарушеніи законовъ о бракѣ и законовъ о частной недвижимой собственности—причастными къ дѣлу являются, съ одной стороны, лица, принадлежащія къ военному сословію, съ другой—мирные граждане, или же когда обѣ стороны состоятъ изъ военнослужащихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть хотя одно лицо, причастное къ дѣлу и не принадлежащее къ этому сословію, или же, наконецъ, когда обѣ стороны состоятъ изъ мирныхъ гражданъ, но при этомъ участвуетъ также въ дѣлѣ одно или болѣе лицъ изъ среды военнослужащихъ. Въ этихъ случаяхъ дѣла разбираются уѣзднымъ судьей совмѣстно съ начальникомъ стоящаго въ уѣздѣ гарнизона.

Въ судебное засѣданіе судья можетъ пригласить къ себѣ въ помощь столько человѣкъ изъ своихъ собратьевъ, сколько ему заблагоразсудится. Законъ въ этомъ отношеніи препятствій никакихъ не ставитъ.

Иски, жалобы.

Считается проступкомъ, влекущимъ за собою тѣлесное наказаніе,—подача жалобъ и всякаго рода исковъ въ высшій вмѣсто низшаго суда, если, конечно, низшая инстанція не отказала въ принятіи жалобы. Судья-чиновникъ, отказывающійся принять подаваемые ему въ установленномъ порядкѣ иски и жалобы, подвергается наказанію, степень котораго

зависитъ отъ свойства изложеннаго въ жалобѣ преступленія. За подачу анонимныхъ доносовъ и жалобъ, въ которыхъ не обозначено ни имени, ни мѣстожительства подателя, такіе доносчики, въ случаѣ ихъ обнаруженія, приговариваются къ смертной казни черезъ задушеніе, даже если изложенное въ доносѣ обвиненіе заслуживаетъ довѣрія; при этомъ анонимный доносъ или жалоба подлежатъ уничтоженію.

Нѣкоторыя лица лишены, или вполнѣ, или отчасти, права подавать жалобы и вообще возбуждать противъ кого-либо преслѣдованіе въ судебномъ порядкѣ. Основаніемъ къ такого рода ограниченіямъ служатъ, обыкновенно, преступленіе, возрастъ, полъ и физическая немощь. Состоящіе подъ судомъ, во время нахожденія ихъ въ тюрьмѣ, лишены права дѣлать донесенія и подавать жалобы по поводу чего бы то ни было, за исключеніемъ жалобъ на дурное обращеніе со стороны тюремной прислуги и донесеній, заключающихъ въ себѣ указанія на преступленія, содѣянныя ими самими или ихъ соучастниками. Далѣе, старики, достигшіе восьмидесятилѣтняго возраста, дѣти моложе десяти лѣтъ, лица совершенно дряхлыя и женщины имѣютъ право подавать жалобы и доносить властямъ только о случаяхъ государственной измѣны, возстанія, отсутствія сыновней любви, убійства, кражи, самоуправства и мошенничества, и то при условіи, что эти преступленія имѣютъ извѣстное отношеніе къ нимъ и направлены или противъ нихъ самихъ, или тѣхъ, кто живетъ съ ними подъ одной кровлей; что же касается другихъ преступленій, если притомъ страдаютъ интересы постороннихъ лицъ, старики, женщины и дѣти не имѣютъ права возбуждать противъ виновныхъ уголовное преслѣдованіе.

Рѣшеніе дѣла въ судѣ.

Въ каждомъ дѣлѣ судья останавливаетъ свое вниманіе на разсмотрѣніи трехъ главныхъ вопросовъ, содержаніе которыхъ составляютъ: фактъ преступленія, сопровождавшія его обстоятельства и, наконецъ, отношенія, какія существуютъ между участвующими въ процессѣ лицами. Фактомъ

определяется характеръ преступленія, существующими между подсудимымъ и потерпѣвшимъ отношеніями—свойство приговора; что же касается сопровождавшихъ преступленіе обстоятельствъ, они имѣютъ значеніе только при вступленіи приговора въ законную силу. Наибольшее значеніе законъ придаетъ существу дѣла.

Въ Китаѣ прочно установлено начало, обязующее судью принимать во вниманіе обстоятельства, сопровождающія преступленіе, внимательно разслѣдовать ихъ, сопоставляя съ существомъ дѣла, и дать имъ строгую оцѣнку въ зависимости отъ того, насколько эти обстоятельства отягчаютъ или, напротивъ, смягчаютъ вину подсудимаго. Но все это не должно вліять на рѣшеніе судьи; какъ раньше уже было указано, теоретически онъ не пользуется какимъ-либо просторомъ въ выборѣ наказанія: его обязанность сосредоточить въ своемъ рѣшеніи всѣ обстоятельства дѣла, установить фактъ преступленія и подвести его подъ опредѣленную статью закона такъ, чтобы наказаніе согласовалось съ характеромъ преступленія.

Если въ законѣ нѣтъ статьи, предусматривающей данный случай, его подводятъ подъ статью, опредѣляющую аналогичныя преступленія, при чемъ наказаніе опредѣляется сообразно существу дѣла, и приговоръ (неокончательный) идетъ на утвержденіе высшихъ властей. Такъ, напр., нѣтъ спеціальныхъ статутовъ, которые предусматриваютъ торговлю въ столицѣ рисомъ въ сырьѣ, а существуетъ только общее постановленіе, что такая торговля противна закону; тогда при возникновеніи соотвѣтствующихъ дѣлъ, приняты были въ руководство статуты, опредѣляющіе торговлю очищеннымъ рисомъ, и рѣшенныя по этому поводу дѣла стали „руководящими дѣлами"; эти дѣла, не будучи рѣшены на основаніи опредѣленнаго закона, тѣмъ не менѣе сообразованы со смысломъ подходящей къ нимъ статьи и съ уменьшеніемъ или увеличеніемъ положеннаго въ ней наказанія.

Если извѣстное правонарушеніе совершенно не предусмотрѣно закономъ и нельзя примѣнить къ нему какой-либо статьи по аналогіи, виновникъ такого правонарушенія подлежитъ суду, какъ „человѣкъ дурнаго поведенія", и по за-

кону долженъ быть подвергнутъ тѣлесному наказанію тяжелыми бамбуками въ количествѣ 100 ударовъ; слѣдуетъ замѣтить, что много „сомнительныхъ“ дѣлъ рѣшается въ Китаѣ такимъ образомъ.

Смягчающія вину подсудимаго обстоятельства, не оказывая никакого вліянія на рѣшеніе судьи, принимаются во вниманіе во время осенней ревизіи. Верховный судъ въ Пекинѣ, разсматривая дѣло въ связи съ сопровождавшими его обстоятельствами, опредѣляетъ и характеръ преступленія, и степень наказанія, которая должна быть назначена.

Прецедентъ.

Насколько важно вниманіе къ рѣшенному судомъ дѣлу (прецеденту) и то особое уваженіе, съ какимъ китайцы къ нему относятся, можно видѣть изъ слѣдующаго случая, гдѣ самъ императоръ уступилъ (хотя и не сразу) верховному суду, когда послѣдній оказался въ оппозиціи съ нимъ. Кто-то поджегъ стоги хлѣба одного земледѣльца, и огонь, распространившись быстро и перейдя на зданія, сжегъ до тла тридцать семь домовъ. Императоръ, находя, что назначенное судомъ наказаніе—пожизненная ссылка—является слишкомъ легкимъ для виновнаго въ этомъ поджогѣ, внушалъ суду, что на такого человѣка слѣдуетъ смотрѣть какъ на моровую язву, какъ на великое зло для общества, и что его подвергнуть надо, по крайней мѣрѣ, военному рабству. На это судъ указывалъ, что годомъ раньше имѣлъ мѣсто аналогичный случай, когда отъ поджога какого-то нищаго сгорѣло до тла тридцать три дома, и Шенцзинскій (Мукденскій) судебный департаментъ призналъ, что къ винѣ нищаго можетъ быть примѣненъ только законъ о поджогѣ, который влечетъ пожизненную ссылку. „Пусть такъ“,—сказалъ императоръ,—„однако существуетъ же какая-нибудь разница между 33-мя и 37-ю“ (дѣло Хуо-Куей-Сы). Приговоръ, одобренный и утвержденный верховнымъ судомъ и даже спеціальнымъ эдиктомъ, имѣетъ значеніе только для того дѣла, по которому приговоръ состоялся, и суды, при рѣшеніи дѣлъ, не могутъ ссылаться на

него, какъ на прецедентъ, пока не послѣдуетъ о томъ особаго указа. Судебныя рѣшенія, имѣющія значеніе прецедентовъ, обращаютъ на себя вниманіе той коллизіей, которая постоянно между ними существуетъ. Такъ, напр., верховный судъ высказалъ однажды порицаніе губернатору за то, что онъ позволилъ человѣку, сдавшемуся въ плѣнъ, представлять доводы въ свою защиту, несмотря на то, что такое разрѣшеніе противорѣчитъ не только точному смыслу статутовъ, но и тому прецеденту, который судъ цитировалъ. Губернаторъ, въ своемъ отвѣтѣ, призналъ полную справедливость порицанія, выраженнаго ему судомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень почтительно и осторожно оправдывалъ свою ошибку тѣмъ, что онъ основывался на рѣшеніяхъ, которыя одобрены судомъ и по которымъ такая защита на судѣ разрѣшалась. Судъ на это возразилъ, что на прецедентъ, который разъ уже отвергнутъ (если послѣдовало распоряженіе не считать его въ силѣ руководящаго рѣшенія), ссылаться въ дѣлахъ судебныхъ не дозволяется.

Свидѣтельское показаніе.

Китайскіе суды даютъ очень небольшую цѣну свидѣтельскимъ показаніямъ; свидѣтели—„народъ, не заслуживающій особаго довѣрія“, часто они даже положительно „вредны“ для дѣла. Судья долженъ выжать, исторгнуть истину у тѣхъ, кто призванъ въ судъ, а не выслушивать добровольныя показанія и основывать затѣмъ свое рѣшеніе на томъ, что мы называемъ вѣскостью представленныхъ свидѣтелями уликъ. Китайскіе суды, не входя въ оцѣнку каждаго изъ свидѣтельскихъ показаній въ отдѣльности, ведутъ все засѣданіе на перекрестныхъ допросахъ, тщательно все вывѣдываютъ и затѣмъ ставятъ приговоръ сообразно съ тѣмъ, насколько, по мнѣнію судей, обвиняемый изобличенъ въ преступленіи. (Въ дѣлѣ Ли-Чи-Чуанъ судьи нашли нужнымъ даже устранить свидѣтельское показаніе, какъ нѣчто совершенно безполезное). „Правдоподобное оправданіе“ не можетъ разсчитывать на особый успѣхъ, а „заранѣе придуманныя небылицы обвиняе-

мыхъ“ имѣютъ, конечно, надлежащую оцѣнку. Въ серьезныхъ дѣлахъ, объ убійствѣ, напр., судебное засѣданіе ведется обычнымъ порядкомъ, но при этомъ, для повѣрки показаній свидѣтелей, производится тщательное разслѣдованіе ранъ на тѣлѣ убитаго, такъ какъ такимъ судебно-медицинскимъ осмотромъ могутъ быть обнаружены „обстоятельства, скрываемыя отъ суда“.

Лица, находящіяся въ родствѣ съ обвиняемымъ, старики 80 лѣтъ и болѣе, дѣти въ возрастѣ до 10 лѣтъ, слабоумные (идіоты) не пользуются правомъ давать показанія на судѣ, „такъ какъ имъ законъ не угрожаетъ наказаніемъ за лжесвидѣтельство“. Всѣ остальные граждане, лица мужскаго и женскаго пола, могутъ на судѣ свидѣтельствовать, и обвиняемый самъ въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія, даже онъ считается въ китайскихъ судахъ единственнымъ хорошимъ и наиболѣе важнымъ свидѣтелемъ; поэтому, если онъ неграмотенъ и имѣетъ что-либо показать, разрѣшается незаинтересованному въ дѣлѣ лицу записать въ протоколъ его показаніе; надо при этомъ замѣтить, что представители судебнаго персонала не считаются лицами заинтересованными въ дѣлѣ.

Пытка.

Пытка бываетъ двухъ родовъ, законная и незаконная. Законными орудіями пытки признаются только два, одно—напоминающее собою древній шотландскій „башмакъ“, другое—компрессоръ для сжиманія пальцевъ. Другіе виды пытки признаются незаконными, но въ практикѣ примѣняются очень часто и оправдываются со стороны властей крайней въ нихъ необходимостью; въ концѣ концовъ нѣкоторыя изъ нихъ получили санкцію со стороны закона.

Пытка, по толкованію кодекса, не можетъ быть примѣняема безъ достаточныхъ къ тому основаній; чиновники за пытаніе кого-либо безъ законныхъ поводовъ должны быть подвергнуты наказанію. Если свидѣтель въ судѣ отказывается дать отвѣтъ на поставленный ему вопросъ или же даетъ очевидно

ложное показаніе, судъ имѣетъ право, не привлекая его къ уголовной отвѣтственности за лжесвидѣтельство, тутъ же наказать его битьемъ ладонями по щекамъ, или бамбуками по ногамъ, ниже ягодицъ, или иначе какъ нибудь, въ зависимости отъ значенія свидѣтеля для дѣла. Далѣе, если виновность подсудимаго очевидна, а онъ между тѣмъ не желаетъ сознаться въ томъ, въ чемъ судъ его уличилъ, рѣшеніе по дѣлу пріостанавливается, пока онъ не учинитъ такого сознанія, и въ этихъ случаяхъ разрѣшается подвергать его болѣе суровой пыткѣ. По нѣкоторымъ дѣламъ разрѣшается уменьшать положенное судомъ наказаніе для тѣхъ, кто подвергался пыткѣ. Если, напр., подсудимый наказанъ былъ бамбуками въ тюрьмѣ во время суда надъ нимъ или, по техническому выраженію китайскихъ юристовъ, въ то время, когда его „горячо по дѣлу разспрашивали", количество бамбуковъ, назначенное по приговору суда, можетъ быть нѣсколько уменьшено ему, со 100, напр., до 90, съ 90 до 80 и т. д.

Употребленіе пытки низшими служащими, состоящими въ подчиненіи у судебныхъ властей, безъ разрѣшенія этихъ послѣднихъ, влечетъ за собою строгое для нихъ наказаніе. Такъ, напр., письмоводитель одного судьи, Маюнгъ, приговоренъ былъ къ ссылкѣ въ назначенную для поселенія вредную для здоровья мѣстность за то, что онъ связалъ кому-то руки, привязавъ большіе пальцы одинъ къ другому, и билъ его до тѣхъ поръ, пока тотъ не умеръ. При разсмотрѣніи дѣла судья замѣтилъ: „статочное ли дѣло подвергать человѣка пыткѣ не по закону".

Члены восьми привилегированныхъ классовъ, старики, достигшіе 70 лѣтъ, дѣти въ возрастѣ до 15 лѣтъ и лица, физически очень хилыя, не могутъ быть подвергнуты пыткѣ и, въ случаѣ ложныхъ показаній, должны быть изобличены на судѣ показаніями другихъ свидѣтелей.

Приговоръ.

Приговоръ долженъ быть согласованъ съ послѣдними опубликованными дополнительными законами, а не съ первона-

чальными статутами. Дополнительные законы вступаютъ въ силу со дня ихъ публикаціи, и судьи въ приговорахъ своихъ должны руководствоваться ими, хотя бы подлежащее ихъ рѣшенію дѣло имѣло мѣсто до такой публикаціи.

Что касается приговоровъ въ дѣлахъ уголовныхъ, то, въ случаѣ возникновенія, при разборѣ дѣла, какого-либо сомнѣнія (напр., о стоимости присвоенныхъ вещей, о томъ, кого изъ обвиняемыхъ слѣдуетъ признать главнымъ виновникомъ, и т. д.), должны быть прибавлены къ приговору слова: „послѣ осенней сессіи"—(т. е. рѣшеніе вопросовъ, возбуждающихъ сомнѣніе, откладывается до осенней ревизіи).

Объявленіе и занесеніе приговора въ протоколъ.

Согласно предписанія закона, приговоры къ уголовнымъ наказаніямъ должны быть объявлены во всеуслышаніе, при открытыхъ дверяхъ, въ присутствіи подсудимаго и его ближайшихъ родственниковъ; если при этомъ подсудимый или его родственники пожелаютъ, отъ его имени, сдѣлать какое-либо заявленіе, напр., о помилованіи, заявленіе это должно быть записано въ протоколъ въ виду имѣющаго быть впослѣдствіи дальнѣйшаго разсмотрѣнія дѣла.

Послѣдній шагъ, предшествующій приведенію приговора въ исполненіе, составляетъ занесеніе его въ протоколъ, гдѣ онъ записывается въ надлежащей формѣ.

Приведеніе приговора въ исполненіе.

Приговоръ долженъ быть приведенъ въ исполненіе въ сроки, закономъ установленные, при чемъ такое вступленіе приговора въ законную силу допускается только по тѣмъ дѣламъ, которыя рѣшаются окончательно въ низшихъ инстанціяхъ и не подлежатъ передачѣ на ревизію высшихъ судебныхъ учрежденій. Если подсудимый приговаривается къ тѣлесному наказанію, приговоръ приводится въ исполненіе въ теченіе трехъ дней, если къ ссылкѣ,—въ теченіе 10 дней.

Для приведенія большей части приговоровъ къ уголовнымъ наказаніямъ въ исполненіе, назначается высшими властями спеціальный чиновникъ, который признается отвѣтственнымъ за своевольное промедленіе въ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей. Если судья объявитъ къ исполненію приговоръ, который подлежитъ утвержденію со стороны верховной власти, онъ подвергается тѣлесному наказанію въ размѣрѣ 80 ударовъ бамбуками. Приговоры, утвержденные императоромъ, приводятся въ исполненіе черезъ три дня послѣ полученія подлежащаго рескрипта.

Апелляція.

Если низшій судъ отказывается принять искъ или жалобу или рѣшаетъ дѣло „несправедливо", разрѣшается, по закону, подать на это жалобу въ высшій судъ. Дѣла, возникающія на основаніи заявленій о несправедливомъ рѣшеніи дѣла, подлежатъ, по большей части, ревизіи со стороны уголовнаго департамента. Подъ выраженіемъ „несправедливо" рѣшенныя дѣла—слѣдуетъ понимать неправильное примѣненіе закона къ отдѣльному случаю, а не то, что кажется несправедливымъ по мнѣнію лица, недовольнаго рѣшеніемъ суда.

Слѣдуетъ замѣтить, что каждый китаецъ имѣетъ право обращаться непосредственно къ императору съ прошеніемъ о помилованіи, но въ виду почти полной невозможности видѣть императора законъ, предоставляющій китайцамъ означенное право, остается мертвой буквой.

Надзоръ и ревизія.

Серьезныя обязанности по надзору и ревизіи судебныхъ дѣлъ возложены на находящееся въ Пекинѣ высшее учрежденіе, которое называется „Шин-Бу"; слово это соотвѣтствуетъ наименованію—уголовный департаментъ, вѣрнѣе—„департаментъ для наказанія" или верховный уголовный судъ.

Юрисдикція этого департамента очень обширна; говоря вообще, онъ регулируетъ дѣло отправленія правосудія во всей странѣ, давая постоянно провинціальнымъ властямъ необходимыя указанія (что можно видѣть изъ почти ежедневныхъ сообщеній оффиціальной „Пекинской газеты"); въ частности этотъ департаментъ функціонируетъ въ роли кассаціоннаго суда Франціи, являясь ревизіонной инстанціей по всѣмъ дѣламъ, преимущественно же по дѣламъ особо важнымъ. Дѣло ревизіи уголовный департаментъ ведетъ совмѣстно съ „судебнымъ комитетомъ по ревизіи уголовныхъ дѣлъ" и съ „совѣтомъ цензоровъ" и нерѣдко приходитъ съ ними въ столкновеніе при обсужденіи различныхъ дѣлъ.

На уголовномъ департаментѣ лежитъ обязанность записывать рѣшенія его величества по дѣламъ, поступающимъ на его благоусмотрѣніе, и сообщать затѣмъ эти рѣшенія провинціальнымъ властямъ.

Ревизія.

Провинціальныя власти, разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла и опредѣливъ, какою статьею закона предусмотрѣно данное преступленіе, составляютъ затѣмъ донесеніе въ уголовный департаментъ, въ которомъ указывается, почему признано правильнымъ примѣнить данную статью закона или „вложить дѣло въ данный статутъ". Уголовный департаментъ, ревизуя дѣло, относится къ этому крайне добросовѣстно: пытливо изучаются всѣ детали процесса, разсматриваются всѣ обстоятельства, разслѣдованныя судомъ. При этомъ департаментъ или одобряетъ рѣшеніе суда, или возвращаетъ дѣло для вторичнаго его разсмотрѣнія съ очень рѣзкими иногда замѣчаніями, въ родѣ „изложеніе приговора безсмысленно" или „приговоръ не имѣетъ никакого отношенія къ существу дѣла". Если къ извѣстному случаю могутъ быть примѣнены два близкихъ по своему содержанію закона, уголовный департаментъ самъ исправляетъ протоколъ съ приговоромъ суда, но если при этомъ наказаніе въ каждомъ изъ этихъ двухъ законовъ различно, и, по мнѣнію уголовнаго департамента, дол-

женъ быть выбранъ не тотъ законъ, который примѣнилъ низшій судъ, а другой, дѣло возвращается назадъ для новаго его разсмотрѣнія. Провинціальныя власти принимаютъ обыкновенно даваемыя имъ сверху указанія и внушенія безропотно, но бываютъ случаи, что провинціальныя власти настаиваютъ на своихъ рѣшеніяхъ, и уголовный департаментъ, согласившись съ ихъ доводами, утверждаетъ первоначальное рѣшеніе, которое онъ сначала не одобрялъ. Такіе случаи, впрочемъ, довольно рѣдки, и гораздо чаще провинціальнымъ властямъ дѣлаются внушенія прямо, безъ обиняковъ, „рѣшить иначе дѣло, сообразно съ законами".

Обстоятельства, сопровождавшія извѣстное дѣло, представленное на разсмотрѣніе уголовнаго департамента, должны быть изложены очень подробно, иначе „было бы трудно прійти къ какому-либо заключенію".

Уголовный департаментъ имѣетъ право возбудить, по своей иниціативѣ, вопросъ о смягченіи или замѣнѣ наказанія, положеннаго въ законѣ за разсматриваемое преступленіе, независимо отъ представленій по этому поводу со стороны провинціальныхъ властей, которыя дѣлаютъ, впрочемъ, такія представленія почти о каждомъ поступающемъ на ревизію дѣлѣ. При этомъ департаменту должны быть представлены не только соображенія суда о необходимости смягчить наказаніе подсудимому, но и полныя показанія свидѣтелей, которыя привели ихъ къ такимъ соображеніямъ. Разсмотрѣвъ окончательныя показанія и соображенія суда, уголовный департаментъ, если признаетъ, съ своей стороны, что наказаніе должно быть смягчено, составляетъ по этому поводу докладную записку трону. Если же департаментъ сомнѣвается и не можетъ, за отсутствіемъ достаточныхъ данныхъ, рѣшить, должно ли быть наказаніе смягчено или нѣтъ, дѣло должно быть возвращено провинціальнымъ властямъ для вторичнаго его разсмотрѣнія (императорскій эдиктъ 1822-го года правленія Чьен-Лунгъ); но и въ этихъ случаяхъ императоръ или уголовный департаментъ могутъ утвердить приговоръ, не возвращая дѣла въ судъ, откуда оно поступило на ревизію.

Уголовный департаментъ можетъ также возвратить дѣло

или потому, что рѣшеніе суда противорѣчитъ существу показаній свидѣтелей, или потому, что показанія эти недостаточны для судебнаго приговора. Что же касается приговоровъ неправильныхъ, законъ повелѣваетъ составить объ этомъ обстоятельный и „честный“ докладъ его императорскому величеству, и тогда назначается спеціальная комиссія, которая должна разсмотрѣть дѣло. Судья и уголовный истецъ по неправильно рѣшенному дѣлу несутъ при этомъ надлежащее наказаніе.

Если уголовный департаментъ установитъ новую какую-либо точку зрѣнія относительно примѣненія закона къ данному факту, попавшее на ревизію дѣло возвращается назадъ для новаго разбора, при чемъ судъ обязательно долженъ руководствоваться въ своемъ вторичномъ рѣшеніи новымъ толкованіемъ о примѣненіи закона къ частному случаю.

Если провинціальный судъ встрѣтитъ затрудненіе при примѣненіи закона въ какомъ-либо дѣлѣ, онъ сомнѣніе свое передаетъ на разрѣшеніе уголовнаго департамента, который и даетъ указаніе, какъ слѣдуетъ поступить. Всѣ объясненія и толкованія, вызванныя такого рода сомнѣніями со стороны суда въ примѣненіи закона, включаются въ особые циркуляры, печатаемые для руководства провинціальныхъ властей.

По тѣмъ дѣламъ, которыя поступили на ревизію и по которымъ не было ни одного еще прецедента, уголовный департаментъ держится всегда одной и той же системы—передачи дѣла для новаго его разсмотрѣнія съ постановкой приговора по указаніямъ департамента. Такъ, напр., по дѣлу Чья-Тыа-Уанъ подсудимый былъ приговоренъ къ смертной казни за то, что искалѣчилъ брата своего отца. Смертный приговоръ представлялся два года подъ-рядъ императору, но соотвѣтствующаго распоряженія о судьбѣ осужденнаго еще не послѣдовало, когда поступило неожиданно ходатайство суда о замѣнѣ ему смертной казни ссылкой въ виду того, что дядя осужденнаго поправился, обходится безъ посторонней помощи и остался только съ извѣстнымъ изъяномъ на всю жизнь. Уголовный департаментъ призналъ такое ходатайство неслыханнымъ до того времени дѣломъ и прика-

залъ: дѣло вновь разсмотрѣть въ судѣ, считать потерпѣвшаго все еще полнымъ калѣкой, постановить согласный съ закономъ приговоръ и затѣмъ, въ виду выздоровленія потерпѣвшаго, ходатайствовать о смягченіи подсудимому наказанія. А дѣло заключалось въ томъ, что потерпѣвшему было перерѣзано его племянникомъ сухожиліе одной руки, благодаря чему онъ плохо владѣлъ ею.

Департаментъ крайне настойчивъ въ поддержаніи принципа непоколебимости его рѣшеній и относится безпощадно къ провинціальнымъ властямъ, если тѣ игнорируютъ его авторитетъ; противъ судебнаго комитета онъ выступаетъ обыкновенно во всеоружіи (хотя сохраняетъ, правда, самую почтительную форму сношеній), если комитетъ вступаетъ съ нимъ въ пререканіе. Можно даже указать на занесенный въ юридическія лѣтописи случай, когда уголовный департаментъ отказался утвердить одинъ приговоръ, несмотря на то, что самъ императоръ дважды, и притомъ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ, выражалъ свое неодобреніе по поводу настолько самовольныхъ его дѣйствій (дѣло китаянки Фанъ).

Ревизія смертныхъ приговоровъ.

Ознакомившись съ юрисдикціей уголовнаго департамента вообще, слѣдуетъ остановиться еще на его спеціальной и, можетъ быть, наиболѣе трудной функціи—ревизіи приговоровъ, присуждающихъ подсудимыхъ къ смертной казни.

Почти всѣ приговоры къ смертной казни представляются провинціальными властями въ уголовный департаментъ. По всѣмъ этимъ приговорамъ составляются два списка именъ осужденныхъ, на двухъ листахъ, одномъ—длиннѣе, другомъ—покороче; на первомъ записываются имена тѣхъ, которые только формально приговорены къ казни безъ дѣйствительнаго ея исполненія, а на другомъ, короткомъ,—имена тѣхъ, которыхъ ожидаетъ настоящая, а не фиктивная смертная казнь. Въ приговоры, касающіеся лицъ, помѣщенныхъ въ первомъ листѣ, заносятся въ департаментѣ извѣстныя указанія о томъ, чѣмъ слѣдуетъ замѣнить имъ смертную казнь, послѣ

чего эти приговоры направляются провинціальнымъ властямъ для приведенія ихъ въ исполненіе. Что же касается тѣхъ, кто присужденъ къ смертной казни не для одного только вида, то ихъ судьба часто зависитъ отъ простой случайности, что можно видѣть изъ того значенія, какое имѣетъ въ данномъ случаѣ указанный выше короткій листъ съ ихъ именами. На этомъ, обыкновенно большомъ, листѣ имена записываются въ такомъ порядкѣ.

Каждая пара буквъ пусть обозначаетъ имя осужденнаго; въ первой, напр., строкѣ: Л.Т. пусть означаетъ Ли-Тьенъ, М.Ю.—Ма-Юнгъ, Ф.С.—Фанг-Сю и т. д. При этомъ имена осужденныхъ записываются не въ алфавитномъ порядкѣ и не въ порядкѣ безразличномъ, а такъ, чтобы по угламъ и ближе къ срединѣ листа попали имена тѣхъ, кто, по мнѣнію департамента, менѣе виновны, чѣмъ другіе, и заслуживаютъ поэтому больше снисхожденія. Этотъ листъ, по его заполненіи, представляется императору, который кисточкой, смоченной алою краской (киноварью), дѣлаетъ кругъ на немъ, и надъ тѣми осужденными, чьи имена перечеркнула красная линія, смертная казнь приводится въ исполненіе. Что же касается остальныхъ, имена ихъ, въ томъ же порядкѣ, записываются на листѣ въ слѣдующемъ году, и, чьего имени не коснется въ теченіе трехъ лѣтъ красная кисточка, тотъ освобождается отъ смертной казни и подвергается наказанію, которое ему назначается въ порядкѣ смягченія. Описанный обрядъ утвержденія приговоровъ производится ежегодно осенью и называется часто „ревизіей во время осенней сессіи“.

Есть дѣла, по которымъ приговоръ къ смертной казни не подвергается ревизіи и не утверждается императоромъ и которыя, съ разрѣшенія закона, приводятся въ исполненіе по непосредственнымъ распоряженіямъ начальниковъ провинцій (губернаторовъ). Таковы дѣла о пиратствѣ (о морскихъ и рѣчныхъ разбойникахъ), о мятежахъ и т. д., по которымъ приговоры приводятся немедленно въ исполненіе.

Отсутствіе однообразія въ судебныхъ рѣшеніяхъ.

Несмотря на существованіе ревизіи судебныхъ дѣлъ, вліяніе прецедента, циркуляры со стороны уголовнаго департамента, все-таки дѣла въ китайскихъ судахъ рѣшаются крайне неоднообразно, благодаря разнорѣчивымъ толкованіямъ того же департамента. Возьмемъ для примѣра дѣло китайца Сья-Шан-Па и дѣло китаянки Ай, урожденной Сьяо. Сья-Шан-Па приговоренъ былъ къ смертной казни за то, что убилъ свою племянницу, 10-лѣтняго ребенка, нанеся ей смертельную рану ножемъ во время ея сна, и выставилъ затѣмъ тѣло у воротъ одного изъ своихъ сосѣдей, желая навлечь на него подозрѣніе въ убійствѣ и тѣмъ отомстить за его угрозы донести властямъ, что онъ, Сья-Шан-Па, относится недобросовѣстно къ исполненію своихъ родственныхъ обязанностей. Уголовный департаментъ отмѣнилъ рѣшеніе суда и указалъ на спеціальный статутъ, который долженъ быть примѣненъ къ данному случаю и который влечетъ за собою ссылку; при этомъ было указано, что, хотя подсудимый поступилъ жестоко, тѣмъ не менѣе, надо помнить, что онъ дѣйствовалъ, какъ глупый, неразвитой крестьянинъ. Что касается дѣла Ай, уголовный департаментъ, напротивъ, настаивалъ на смертной казни подсудимой, которая обвинялась въ томъ, что она скатила въ рѣку и утопила свою племянницу, дѣвушку очень грубую и притомъ воровку. По этому дѣлу департаментъ высказался, что, хотя племянница воровала на самомъ дѣлѣ и ея тетка, Ай, не разъ платила за нее деньги, чтобы заранѣе замять могущія возникнуть обвиненія, тѣмъ не менѣе вина племянницы, обиравшей свою тетку, вовсе не такъ велика, чтобы можно было смягчить назначенное китаянкѣ Ай высшее уголовное наказаніе.

Главные и второстепенные виновники и причастныя къ дѣлу лица.

Китайскій законъ признаетъ: главныхъ виновниковъ первой степени, виновниковъ второстепенныхъ, которыхъ мы будемъ называть пособниками, и наконецъ тяжущихся, т. е.

стороны въ процессѣ. Въ обыкновенныхъ дѣлахъ только одно лицо можетъ быть признано главнымъ виновникомъ въ преступленіи; что же касается таких преступленій, какъ вооруженный разбой, всѣ принимающіе въ немъ участіе несутъ одинаковое наказаніе, и не дѣлается разницы между главными виновниками и соучастниками въ разбоѣ; то же самое слѣдуетъ сказать объ отвѣтственности по такимъ преступленіямъ, какъ вступленіе въ запрещенный закономъ бракъ и прелюбодѣяніе. Обыкновенно же считаютъ главнымъ виновникомъ того, кто задумалъ преступленіе и первый приступилъ къ приведенію его въ исполненіе. Такъ, напр., по дѣлу Ло-Іен-Шынъ, двое убили третьяго и изнасиловали его жену. Тотъ, кто первый приступилъ къ совершенію этого гнуснаго преступленія, признанъ былъ главнымъ виновникомъ и приговоренъ къ обезглавленію съ выставленіемъ головы на показъ, а другой, какъ соучастникъ, къ простому, не квалифицированному, обезглавленію. Изъ дѣла дѣвицы Цин-Лу видно, что двое подсудимыхъ, рѣшившись изнасиловать дѣвушку, не достигли своей цѣли и убили ее. Тотъ, кто приступилъ первымъ къ приведенію въ исполненіе преступнаго умысла, былъ признанъ главнымъ виновнымъ, хотя смертельный ударъ нанесенъ былъ вторымъ подсудимымъ, наказаннымъ, какъ соучастникъ.

Если кто-нибудь затѣетъ нападеніе на кого-либо съ цѣлью расправы, присутствуетъ и руководитъ дѣйствіями другихъ во время приведенія его умысла въ исполненіе, онъ одинъ признается главнымъ виновникомъ за всѣ роковыя послѣдствія такой расправы и можетъ быть приговоренъ даже къ смертной казни; если же самъ онъ не присутствовалъ на мѣстѣ совершенія преступленія, главнымъ виновникомъ признается тотъ, кто учинилъ больше всего вреда, а умыслившій данное преступленіе наказывается только, какъ соучастникъ, и подвергается пожизненной ссылкѣ въ мѣстность, отстоящую отъ его родины на разстояніи 3000 ли (около 1500 верстъ), и къ наказанію бамбуками въ размѣрѣ 100 ударовъ. Въ кражѣ и грабежѣ—тотъ, кто задумалъ каждое изъ этихъ преступленій, считается главнымъ виновникомъ,

независимо отъ того, участвовалъ ли онъ въ нихъ или нѣтъ, присвоилъ или не присвоилъ себѣ части уворованныхъ или награбленныхъ вещей.

Если кто-либо состоитъ у другаго на службѣ и потому находится, естественно, подъ его вліяніемъ, преступленіе разсматривается съ точки зрѣнія закона, который опредѣляетъ значеніе извѣстныхъ служебныхъ отношеній. Такъ, напр., по одному дѣлу привлечены были въ качествѣ обвиняемыхъ землевладѣлецъ Нью-Чунъ и его фермеръ Цуй-Куан-Чанъ; фермеръ былъ признанъ соучастникомъ преступленія, хотя имѣвшая роковой исходъ рана нанесена была имъ; соображенія суда сводились къ тому, что Цуй-Куан-Чанъ, какъ земледѣлецъ, находящійся въ зависимости отъ собственника земельнаго участка, привыкъ принимать къ исполненію его указанія и всегда держать его сторону во всякаго рода спорахъ. Дѣйствія лица зависимаго или подначальнаго обозначаются въ этихъ случаяхъ на техническомъ языкѣ фразой „сдѣланное по распоряженію такого-то...“ Если же кто-либо вмѣшивается въ чужую распрю по просьбѣ какой-либо стороны, отъ которой онъ независимъ, онъ отвѣчаетъ за свою вину самостоятельно, какъ человѣкъ, по своей волѣ присоединившійся къ чужой ссорѣ.

Чтобы извѣстныя лица, совершившія преступленіе, имѣли право просить о признаніи главными виновниками тѣхъ, кто побуждалъ ихъ къ совершенію преступнаго дѣянія и управлялъ ихъ дѣйствіями, необходимо, чтобы они доказали отсутствіе съ ихъ стороны какого-либо злаго умысла противъ потерпѣвшихъ, а также и то обстоятельство, что они находились подъ вліяніемъ страха передъ тѣми, кто руководилъ ими, или что они особенно ревностно подчинялись отдаваемымъ имъ приказаніямъ.

Виновные въ подкупѣ или въ побужденіи къ совершенію преступленія подвергаются тому же наказанію, какъ и тѣ, кто привелъ ихъ желаніе въ исполненіе. На основаніи того же принципа, если кто-либо лишитъ себя жизни по настояніямъ другаго, этотъ послѣдній несетъ наказаніе, какъ главный виновникъ преступленія самоубійства, въ особен-

ности если онъ далъ самоубійцѣ какія-либо къ тому средства, снабдивъ его, напр., ядомъ (дѣло Ванъ-Вен-Куанъ). Если двое подсудимыхъ подлежатъ отвѣтственности на основаніи разныхъ статутовъ, хотя они судятся за одно и то же преступленіе, оба они могутъ быть подвергнуты наказанію, какъ главные виновники.

Если кто-либо, задумавъ извѣстное преступленіе, въ послѣднюю минуту откажется отъ приведенія въ исполненіе своего умысла, тогда то лицо, которое вмѣсто него руководитъ дѣломъ, признается главнымъ виновникомъ. Но, если при этомъ было подготовлено все, что казалось необходимымъ для совершенія преступленія, въ такомъ случаѣ и тотъ, кто въ послѣднюю минуту отказался отъ всякаго участія въ дѣлѣ, и тотъ, кто занялъ его мѣсто, могутъ, какъ показываютъ отдѣльныя рѣшенія, не быть признаны главными виновниками преступленія.

Если нѣсколько воровъ, обратившихся во время кражи въ бѣгство, станутъ сопротивляться тѣмъ, кто ихъ преслѣдуетъ, всѣ они признаются главными виновниками по второму преступленію, т. е. сопротивленію законному задержанію. Но если, напр., два вора общими силами сопротивляются ихъ задержанію, вопросъ о томъ, кто долженъ быть признанъ главнымъ виновникомъ, зависитъ отъ обстоятельствъ такого сопротивленія: если одинъ изъ воровъ нанесъ кому-либо изъ своихъ преслѣдователей рану, онъ и считается главнымъ виновникомъ; а если оба они наносили раны, то главнымъ виновникомъ является тотъ, кто нанесъ первую рану, имѣвшую роковой исходъ; если же нельзя опредѣлить разницу между ранами относительно большей или меньшей ихъ тяжести, тогда главная отвѣтственность падаетъ на того, кто былъ вооруженъ острымъ оружіемъ, а если такое оружіе было у обоихъ, то на того, кто нанесъ первый ударъ.

Въ дѣлахъ о дракахъ, имѣющихъ печальныя послѣдствія, считается отвѣтственнымъ за эти послѣдствія тотъ, кто нанесъ послѣдній роковой ударъ; но если начавшій ссору и драку нанесъ первый кому-либо тяжелую рану, онъ и является отвѣтственнымъ за послѣдовавшую затѣмъ смерть дан-

наго лица, хотя бы смерть явилась результатомъ слѣдующей раны, нанесенной другимъ уже лицомъ. Какъ видно изъ дѣла Цы-Сан-Яо, тотъ, кто сталъ жертвой драки, скончался отъ перелома шейныхъ позвонковъ, послѣдовавшаго отъ удара, благодаря которому онъ слетѣлъ съ лѣстницы головой внизъ; при этомъ признанъ былъ отвѣтственнымъ за эту смерть не тотъ, кто напесъ означенный ударъ, а тотъ, кто началъ драку, на томъ основаніи, что онъ первый ударилъ скончавшагося впослѣдствіи по такому мѣсту, гдѣ всякій ударъ можетъ оказаться очень опаснымъ.

Если къ извѣстному преступленію причастно нѣсколько лицъ какой-либо семьи, привлекаются къ отвѣтственности, изъ всего числа виновныхъ, только мужчины; но, конечно, это имѣетъ мѣсто въ преступленіяхъ, не очень серьезныхъ; въ дѣлахъ, влекущихъ за собою одно изъ высшихъ уголовныхъ наказаній, женская половина семьи, причастная къ дѣлу, также подлежитъ суду, какъ и мужчины, и, если женщина руководила всѣмъ, она можетъ быть приговорена къ наказанію, положенному въ законѣ для главныхъ виновниковъ.

Соучастники могутъ быть подвергнуты болѣе суровому наказанію, чѣмъ главные виновники, и даже бываютъ случаи, что соучастники присуждаются къ уголовному наказанію, въ то время какъ главный виновникъ не несетъ никакого возмездія за свою вину. Такъ, напр., нѣкто Янгъ-Цун-Чэнъ, по наущенію своей матери, задушилъ родную сестру, уличенную въ предосудительномъ поступкѣ. Янгъ былъ приговоренъ къ тѣлесному наказанію (сто ударовъ бамбуками); а его мать, несмотря на свое участіе въ такомъ безчеловѣчномъ поступкѣ, освобождена была отъ всякаго наказанія, и уголовный департаментъ согласился съ такимъ рѣшеніемъ суда. Другой интересный примѣръ представляетъ дѣло китаянки Чангъ, урожденной Лю, и китайца Чанг-Цо-Уэнъ, по которому китаянка Чангъ, за лишеніе жизни своихъ дѣтей черезъ отравленіе, приговорена была къ обезглавленію, при чемъ приговоръ о ней пошелъ на утвержденіе высшихъ властей, а мужъ ея, за оказанное ей содѣйствіе, былъ присужденъ къ задушенію,

безъ представленія состоявшагося о немъ приговора въ высшія инстанціи. Ни съ чѣмъ несообразное рѣшеніе находимъ въ дѣлѣ Чанг-Уен-Куангъ, по которому хозяинъ за убійство своего раба подвергся 70 ударамъ бамбуками и ссылкѣ на 1 годъ, а тѣ, кто помогали ему въ убійствѣ, соучастники этого преступленія, были присуждены къ 100 ударамъ и пожизненной ссылкѣ.

Соучастники предумышленнаго убійства подвергаются, обыкновенно, или смертной казни, или пожизненной ссылкѣ, при чемъ судъ чаще всего назначаетъ первое наказаніе, которое во время осенней ревизіи замѣняется вторымъ; замѣна наказанія не происходитъ только по причинамъ, вытекающимъ изъ условій родства; какъ видно изъ дѣла Су-Яо-Линъ, подсудимый былъ приговоренъ къ смертной казни за то, что онъ помогъ сестрѣ отравить ея мужа; вопреки ходатайствамъ, Су-Яо-Линъ былъ казненъ безъ всякой пощады. Родство оказываетъ, правда, и обратное вліяніе: Тан-Па-Чан-Сіе совершилъ уголовное преступленіе по приказанію своего отца и былъ приговоренъ къ смертной казни; назначенное ему наказаніе было смягчено потому, что онъ исполнилъ отцовскую волю, а также (между прочимъ) и потому, что за то же преступленіе трое были уже казнены. На такое рѣшеніе дѣла оказалъ, конечно, свое вліяніе общій принципъ наказуемости лицъ, дѣйствующихъ по наущенію другихъ.

Соучастникъ преступленія можетъ быть подвергнутъ наказанію, положенному въ законѣ для главныхъ виновниковъ. Какъ видно изъ одного дѣла, два негодяя, ради шантажа, рѣшили устроить мнимое самоубійство черезъ повѣшеніе. Когда одинъ изъ нихъ повисъ уже на веревкѣ, другой, замѣшкавшись, опоздалъ перерѣзать эту веревку, и тотъ скончался. Оставшійся въ живыхъ подвергся наказанію, какъ за умышленное убійство; такое рѣшеніе, кстати замѣтить, очень напоминаетъ рѣшенія англійскихъ судовъ въ аналогическихъ случаяхъ. Съ другой стороны, если кто-либо оказываетъ содѣйствіе другому въ самоповѣшеніи, или помогая ему дружескими услугами, или не мѣшая ему покончить съ собою, услужливый другъ подлежитъ отвѣтственности, какъ

соучастникъ преступленія самоубійства, а самоубійца, если дѣло окончилось только неудавшимся покушеніемъ, наказывается, какъ главный виновникъ (дѣло Іенъ-Ху-Пынъ).

Возьмемъ еще примѣръ. Нѣсколько лицъ согласились между собою отравить 3—4 человѣкъ, при чемъ одинъ изъ согласившихся на это преступленіе снабдилъ другихъ мышьякомъ, который тѣ, по ошибкѣ, дали постороннему лицу, и тотъ умеръ отъ отравленія. Если снабдившій мышьякомъ не присутствовалъ въ то время, когда ядъ былъ пущенъ въ дѣло, онъ подвергается, по закону, тѣлесному наказанію въ размѣрѣ 100 ударовъ и пожизненной ссылкѣ, какъ пассивный соучастникъ преступленія, совершеннаго съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ. Но если мышьякъ былъ данъ тому лицу, противъ жизни котораго злоумышляли, и снабдившій мышьякомъ присутствовалъ при этомъ, то онъ подлежитъ смертной казни, какъ главный виновникъ преступленія, даже если ядъ не подѣйствовалъ и человѣка лишили жизни инымъ какимъ-либо способомъ.

То лицо, по почину котораго совершено убійство, признается участникомъ преступленія, хотя бы было доказано, что человѣкъ фактически не замышлялъ этого убійства. Какъ видно изъ дѣла китаянки Сю, урожденной Чуанъ, подсудимая была признана соучастницей убійства ея ребенка, къ которому она позвала волшебника, чтобы тотъ навелъ на него злые чары, а волшебникъ, вмѣсто этого, ударомъ по головѣ, убилъ ребенка.

Очевидецъ преступленій убійства или грабежа на большой дорогѣ, судя по многимъ рѣшеніямъ, приговаривается къ пониженному наказанію, назначенному для соучастниковъ этого рода преступленій, т. е. къ ссылкѣ, если обстоятельствами дѣла было доказано, что ему удалось задержать убійцу или грабителя, а потомъ за деньги онъ отпустилъ преступника на свободу. Какъ видно изъ одного судебнаго рѣшенія, другъ такого очевидца, знавшій, по сообщенію этого послѣдняго, о фактѣ преступленія и не донесшій о томъ подлежащимъ властямъ, наказанъ былъ бамбуками. За исключеніемъ обязанности увѣдомить, кого слѣдуетъ, о совершающемся пре-

ступленіи, никакія другія обязанности не связываютъ случайнаго свидѣтеля, и онъ отнюдь не долженъ вмѣшиваться въ чужое дѣло; если онъ, бросившись на выручку жертвы преступленія, убьетъ негодяя, хотя бы и случайно, онъ подлежитъ отвѣтственности за это убійство. Такого случайнаго свидѣлеля слѣдуетъ, конечно, отличать отъ очевидца, который благопріятельствуетъ тому, что дѣлается на его глазахъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что вопросъ объ отвѣтственности главныхъ виновниковъ и соучастниковъ, при примѣненіи къ нимъ закона о наказаніи, всегда находится въ связи съ обстоятельствами каждаго отдѣльнаго случая, и нѣтъ такихъ положеній, которыя давали бы опредѣленныя принципіальныя основанія наказуемости каждой категоріи обвиняемыхъ; въ этомъ отношеніи дѣлались попытки въ прежнее время, но попытки эти направлены были исключительно къ опредѣленію относительной наказуемости обвиняемыхъ въ преступленіяхъ убійства и грабежа.

Подсудность всѣхъ участниковъ преступленія одному суду.

Объ обвиняемыхъ, задержанныхъ въ различныхъ судебныхъ округахъ.—Если нѣсколько человѣкъ являются отвѣтственными за одно и то же преступленіе, при чемъ часть изъ нихъ задержана въ одномъ судебномъ округѣ, а часть—въ другомъ, имѣетъ примѣненіе принципъ передачи обвиняемыхъ въ подлежащее судебное учрежденіе. Какъ только судъ обнаружилъ, что кто-либо изъ соучастниковъ или причастныхъ къ дѣлу лицъ задержанъ другимъ судомъ, онъ долженъ немедленно просить представителя этого судебнаго учрежденія выслать задержанныхъ лицъ, для сужденія ихъ совмѣстно съ другими обвиняемыми. Такой вызовъ дѣлается независимо отъ сравнительной компетенціи судовъ и долженъ быть сдѣланъ въ опредѣленный закономъ срокъ. Если о такихъ подлежащихъ передачѣ лицахъ уже начато дѣло въ томъ округѣ, гдѣ они задержаны, до полученія вызова подлежащаго суда, тогда вопросъ о передачѣ разрѣшается слѣдующимъ образомъ: обвиняемые въ менѣе важныхъ

правонарушеніяхъ передаются суду, который разбираетъ дѣло объ обвиняемыхъ въ болѣе тяжкихъ преступленіяхъ; если инкриминируемое преступленіе одинаковой важности, меньшее число обвиняемыхъ должно быть предано тому суду, гдѣ ихъ больше; если число ихъ одинаково, тогда осужденные уже рѣшеніемъ суда должны быть переданы въ тотъ судъ, гдѣ приговоръ еще не состоялся.

Положеніе обвиняемыхъ въ такихъ дѣлахъ, по которымъ нѣкоторыя причастныя къ дѣлу лица находятся еще на свободѣ. Если кто-либо изъ причастныхъ къ дѣлу лицъ находится еще на свободѣ и остальные обвиняемые, попавшіе въ руки правосудія, возводятъ на него главное обвиненіе, они могутъ, если ихъ показанія подтвердятся, или понести наказаніе, какъ соучастники преступленія, или получить свободу, когда они этого заслуживаютъ. Если же, какъ обыкновенно бываетъ, такія заявленія не находятъ себѣ достаточныхъ основаній, судъ, не заканчивая дѣла разсмотрѣніемъ, продолжаетъ срокъ ареста лицъ, уже задержанныхъ, изъ предосторожности, что заявленія этихъ лицъ могутъ оказаться въ концѣ концовъ вымышленными. Но такъ какъ держать ихъ вѣчно въ тюрьмѣ было бы несправедливо, то законъ требуетъ, чтобы дѣло о такихъ лицахъ было рѣшено окончательно черезъ три года, если обвиняемымъ грозитъ тѣлесное наказаніе, и пять лѣтъ, если—пожизненная ссылка. При этомъ срокъ считается не со дня первоначальнаго ареста, а со дня постановки приговора, уже конфирмованнаго, но задержаннаго въ его исполненіи заявленіемъ о причастности къ дѣлу другихъ лицъ, суду не преданныхъ. Бываютъ случаи, что такіе осужденные дожидаются лѣтъ по 20 отправленія ихъ ссылку и, не дождавшись окончательнаго рѣшенія дѣла, освобождаются благодаря помилованію или всеобщей амнистіи для содержащихся въ тюрьмахъ. Въ дѣлахъ о грабежѣ, совершенномъ шайкой, обвиняемые содержатся, въ видѣ общаго правила, при наличности указанныхъ выше условій, не менѣе двадцати лѣтъ.

Въ дѣлахъ, влекущихъ за собою смертную казнь, приговоръ можетъ быть приведенъ въ исполненіе даже при на-

личности оговора и даже если бы благодаря такому оговору виновному удалось избѣгнуть приведенія казни въ исполненіе.

Совершеніе нѣсколькихъ преступленій.

(Совокупность и рецидивъ).

Виновный въ совершеніи двухъ или болѣе преступленій приговаривается къ наказанію, положенному въ законѣ за болѣе тяжкое преступленіе или за такое, которое влечетъ болѣе тяжкое наказаніе, хотя бы виновный и не былъ изобличенъ въ этомъ именно преступленіи. Такъ, напр., два чиновника обвинялись въ томъ, что они возбудили противъ кого-то обвиненіе въ менѣе тяжкомъ преступленіи, чѣмъ было совершено на самомъ дѣлѣ, и постановили неправильный по дѣлу приговоръ. Оба чиновника не понесли ни одного изъ наказаній, положенныхъ за каждое изъ этихъ преступленій, и приговорены были къ наказанію, положенному за неправильное обращеніе въ свою пользу значительной суммы общественныхъ денегъ.

Присужденіе къ наказанію по совокупности преступленій даетъ иногда курьезные результаты. Какъ видно изъ дѣла Чан-Чин, обвиняемымъ совершено было два проступка; во-первыхъ, онъ участвовалъ въ азартной игрѣ, во-вторыхъ, нанесъ настолько серьезные побои другому игроку, что тотъ лишилъ себя жизни. За участіе въ азартной игрѣ обвиняемый подлежалъ тѣлесному наказанію кангами на два мѣсяца, а за побои, доведшіе человѣка до самоубійства, тоже тѣлесному наказанію бамбуками въ количествѣ 100 ударовъ и ссылкѣ на три года. Избѣгнувъ, по закону, перваго наказанія, такъ какъ оно поглощалось наказаніемъ за болѣе важный проступокъ, обвиняемый въ то же самое время избѣгнулъ и этого втораго наказанія, т. е. ссылки, такъ какъ на его попеченіи находился старикъ въ возрастѣ свыше 70-ти лѣтъ, и въ концѣ концовъ обвиняемый приговоренъ былъ только къ кангамъ на одинъ мѣсяцъ. При такихъ условіяхъ, очевидно, выгодно бываетъ иногда совершать болѣе одного преступленія.

Слѣдуетъ замѣтить, что при разрѣшеніи вопроса о томъ, какое изъ преступленій слѣдуетъ считать болѣе важнымъ, принимается во вниманіе не только тяжесть наказанія, положеннаго въ законѣ, но и порядокъ приведенія приговора въ исполненіе; поэтому, хотя обезглавленіе считается наказаніемъ болѣе тяжкимъ, чѣмъ удушеніе, тѣмъ не менѣе удушеніе, безъ права осужденнаго апеллировать, признается болѣе тяжкимъ наказаніемъ, чѣмъ обезглавленіе по такимъ дѣламъ, которыя подлежатъ ревизіи въ осенней сессіи. Разбираемый вопросъ возникалъ два раза въ царствованіе Чьен-Лунга; въ обоихъ случаяхъ обвиняемый подлежалъ за одно преступленіе немедленному задушенію, а за другое обезглавленію, подлежащему конфирмаціи со стороны высшихъ властей; спеціальными въ обоихъ случаяхъ эдиктами предписано было немедленно привести приговоръ въ исполненіе, подвергнувъ виновныхъ строжайшему наказанію, при чемъ было опредѣлено, что немедленное задушеніе должно считаться болѣе тяжкимъ наказаніемъ, чѣмъ обезглавленіе по дѣлу, подлежащему ревизіи.

Что касается совершенія нѣсколькихъ проступковъ одинаковой важности, то обвиняемый подлежитъ, по закону, наказанію только какъ за одно правонарушеніе; но обвиняемому въ двухъ и болѣе преступленіяхъ, влекущихъ за собою тяжкое уголовное наказаніе, это наказаніе должно быть увеличено. Если, напр., каждое изъ двухъ уголовныхъ преступленій влечетъ за собою обезглавленіе, обвиняемый приговаривается къ обезглавленію съ выставленіемъ, въ отягченіе его участи, головы въ клѣткѣ на показъ. При этомъ такое увеличеніе наказанія возможно только въ томъ случаѣ, если преступленія являются, каждое, нарушеніемъ отдѣльнаго закона; по дѣлу Шао-Мин-Тыя подсудимый обвинялся въ изнасилованіи одной, а затѣмъ другой женщины; такъ какъ въ обоихъ случаяхъ преступленіе было нарушеніемъ одного и того же закона, положенное въ законѣ наказаніе за изнасилованіе не было ему повышено.

Если нѣсколько преступленій совершено въ различное время и за первое преступленіе обвиняемый уже осужденъ,

то, въ случаѣ обнаруженія новыхъ обвиненій, ему можетъ быть увеличено наказаніе только при условіи, что вновь обнаруженныя обвиненія являются болѣе тяжкими, при чемъ увеличеніе заключается въ прибавленіи разницы между болѣе тяжкимъ наказаніемъ и тѣмъ, къ которому онъ уже присужденъ.

Довольно любопытный казусъ представляетъ дѣло Лу-Мей. Обвиняемый, желая скрыть слѣды произведеннаго имъ похищенія женщины, поджегъ домъ, въ которомъ онъ совершилъ преступленіе, при чемъ во время пожара погибло четыре человѣка изъ одной семьи и два изъ другой. Судъ призналъ его виновнымъ въ похищеніи замужней женщины, въ умышленномъ поджогѣ, причинившемъ смерть двухъ человѣкъ въ одной семьѣ, и умышленномъ поджогѣ, вызвавшемъ смерть четырехъ лицъ въ другой семьѣ, и приговорилъ его къ наказанію за послѣднее преступленіе, т. е. за поджогъ, результатомъ котораго была смерть четырехъ человѣкъ изъ одной и той же семьи.

Совершеніе преступленія во время отбытія наказанія за другое. Наказаніе за преступленіе, совершенное во время отбытія наказанія за другое преступленіе, подчиняется тѣмъ же правиламъ, какія установлены для опредѣленія наказанія по совокупности. Отбывающій наказаніе въ ссылкѣ, въ случаѣ совершенія преступленія, влекущаго за собою также ссылку, подвергается или увеличенію ея срока, или, если ссылка на поселеніе была пожизненная, присоединенію къ ней какихъ-либо принудительныхъ работъ. Вообще же рецидивисты рѣдко подвергаются наказанію за совершеніе однороднаго преступленія; такъ, напр., если воръ, находящійся въ ссылкѣ на поселеніи, убѣжитъ и совершитъ новую кражу, онъ подвергается наказанію бамбуками или кангами за побѣгъ и возвращенію въ мѣстность, гдѣ онъ раньше отбывалъ наказаніе. Такое снисхожденіе закона къ рецидивистамъ примѣняется иногда на практикѣ съ большими натяжками; такъ, напр., неисправимый воръ, сосланный въ ссылку, бѣжитъ изъ мѣста поселенія и совершаетъ 5—6 кражъ на неболь-

шую сумму; его приговариваютъ только къ кангамъ, и то за побѣгъ (дѣло Тан-Я-Фу).

Само собою разумѣется, что, если во время такого побѣга отбывающій наказаніе совершитъ болѣе тяжкое преступленіе, чѣмъ то, за которое онъ сосланъ, его и приговариваютъ къ болѣе тяжкому, положенному въ законѣ, наказанію за новое преступленіе.

Состоявшееся уже судебное рѣшеніе по прежнимъ обвиненіямъ.

Послѣ разсмотрѣнія вопроса о совокупности преступленій, о совершеніи преступленія во время отбытія наказанія, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о случаяхъ, когда обвиняемый былъ уже осужденъ за то же дѣяніе, какое инкриминируется ему, или другое какое-либо и понесъ уже наказаніе. Иногда лица, разъ уже осужденныя, носятъ на себѣ самихъ слѣды состоявшагося о нихъ судебнаго рѣшенія въ видѣ клейма на тѣлѣ; по поводу клейменія слѣдуетъ кстати замѣтить, что его можетъ избѣгнуть преступникъ, если потерпѣвшій или жертва преступленія состоитъ съ нимъ въ родствѣ.

Что касается обвиняемыхъ этой послѣдней категоріи, то наказаніе примѣняется къ нимъ по началамъ, представляющимъ изъ себя комбинацію законоположеній о совокупности преступленій и тѣхъ, которыми опредѣляется наказаніе за совершеніе какого-либо дѣянія во время отбытія наказанія за другое преступленіе, другими словами, обвиняемые, въ большинствѣ случаевъ, не подвергаются какимъ-либо новымъ, особенно ощутительнымъ лишеніямъ. Конечно, такое снисхожденіе закона не примѣняется къ важнымъ преступникамъ рецидивистамъ, и какого-нибудь китайскаго Джэка-потрошителя ждетъ безпощадная казнь, и семья его можетъ быть подвергнута тяжкимъ наказаніямъ. Не распространяется это снисхожденіе закона и къ похищенію чужой собственности, и воръ по профессіи, человѣкъ вредный для общественнаго порядка и спокойствія, можетъ быть осужденъ или, какъ воръ-рецидивистъ, къ пожизненному военному рабству, или,

какъ опасный бездѣльникъ, въ пожизненной ссылкѣ. Но при этомъ необходимо, чтобы воръ былъ, по крайней мѣрѣ семь или восемь разъ осужденъ за кражу, чтобы понести военное рабство, и пять или шесть разъ осужденъ за то же преступленіе, чтобы подвергнуться пожизненной ссылкѣ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что, если кража совершена была нѣсколькими лицами, раньше уже осужденными за это преступленіе, всѣ они подвергаются наказанію, какъ главные виновники этого преступленія.

Въ провинціи Куан-Тунгъ обвиняемый, осужденный уже за четыре или пять различныхъ преступленій, каковы: кража, грабежъ, требованіе выкупа у задержанныхъ лицъ, вымогательство и т. д., приговаривается, какъ профессіональный воръ, къ военному рабству, по статуту.

ХРОНИКА.

I.

ИЗЪ ПРАКТИКИ ГРАЖДАНСКАГО КАССАЦІОННАГО ДЕПАРТАМЕНТА ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

I.

Ни грузополучатель, ни его правопреемники не въ правѣ требовать съ желѣзной дороги возврата платы за перевозку нефтянаго груза въ цистернахъ Восточнаго Общества, приписанныхъ къ парку Рязанско-Уральской дороги, если означенная плата получена дорогою въ видѣ издержекъ до отправленія, для передачи Восточному Обществу, хотя бы отправителемъ нефтянаго груза было само Восточное Общество.

Это весьма важное въ теоретическомъ и практическомъ отношеніи положеніе было высказано Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніи его по Департаменту отъ 22 апрѣля сего года.

Обстоятельства этого дѣла таковы.

Разсматривая искъ Шварцмана, Газенпотъ-Гробинскій мировой съѣздъ, по требованіямъ истца о переборѣ платы за пользованіе цистернами и по иску о просрочкѣ по отправкамъ со станціи Уметъ, нашелъ:

1) По накладнымъ за №№ 33 ст. Улеши, и 6015, ст. Саратовъ, взыскано 84 руб. 41 коп. платы за пробѣгъ вагоновъ - цистернъ, принадлежащихъ Восточному Обществу товарныхъ складовъ и приписанныхъ къ парку Рязанско-Уральской желѣзной дороги, како-

вая плата внесена въ накладныя подъ видомъ издержекъ до отправленія. На основаніи примѣчанія къ ст. 68 общ. уст. и рѣш. 1897 г. № 100, дорога можетъ взимать плату за пользованіе цистернами, когда онѣ принадлежатъ дорогѣ или на правѣ собственности, или на правѣ распоряженія и пользованія по договорнымъ или инымъ отношеніямъ съ собственниками вагоновъ, при чемъ право на взысканіе платы должно быть установлено главнѣйшимъ образомъ изъ содержанія перевозочныхъ документовъ. Въ настоящемъ случаѣ вагоны-цистерны, въ которыхъ перевозились спорные грузы, *не значатся въ спискѣ трехсотъ цистернъ, переданныхъ Восточнымъ Обществомъ въ полное распоряженіе Рязанско-Уральской дороги по договору съ нею, и на накладныхъ находятся надписи о томъ, что вагоны эти Восточнаго Общества, которое было и отправителемъ.* Слѣдовательно, перевозочными документами устанавливается, что цистерны не только не принадлежали дорогѣ, но и не находились въ ея распоряженіи и пользованіи, съ другой же стороны договоромъ ст. 2, п. *б* съ Обществомъ Рязанско-Уральской дорогою условлено, что не входящіе въ списокъ вагоны, въ числѣ 700, хотя и приписываются къ парку дороги, но остаются въ распоряженіи Общества какъ для его собственныхъ грузовъ, такъ и для грузовъ тѣхъ отправителей, которые войдутъ съ нимъ въ соглашеніе. Установленный договоромъ рядъ ограничительныхъ мѣръ (§§ 7, 8, 16, 17, 19), стѣсняющихъ Общество въ наблюденіи за этой второй партіей вагоновъ, приписанныхъ къ парку дороги, не устраняетъ основнаго условія о томъ, что вагоны эти въ цѣляхъ эксплоатаціи остаются въ распоряженіи Общества. Во всякомъ случаѣ, эти ограничительныя мѣры не доказываютъ правъ дороги на пользованіе и распоряженіе этими вагонами на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыми 300 вагонами, и на примѣненіе къ нимъ того же дополнительнаго тарифнаго сбора, какъ и за вагоны, отданные въ непосредственное пользованіе дороги. Въ виду сего и такъ какъ дорога ничѣмъ не доказала, что вагоны, о которыхъ идетъ споръ, находились вопреки указаній перевозочныхъ документовъ въ дѣйствительномъ распоряженіи или пользованіи ея, взиманіе дополнительнаго сбора за пользованіе ими должно считаться неправильнымъ по ст. 69 общ. уст.

2) *Въ отношеніи требованія за просрочку* споръ отвѣтчика о томъ, что просрочки не допущено по накладнымъ за №№ 2086, ст. Уметъ, и 670, ст. Байка, не доказанъ. На накладныхъ имѣются штемпеля объ отправкѣ грузовъ 16 ноября и 18 октября.

Хотя отвѣтчикъ утверждаетъ, что штемпеля эти наложены по ошибкѣ, и ссылается, въ подтвержденіе ошибки, на очередныя книги, въ которыхъ грузы значатся отправленными вмѣсто 18 октября—14 ноября, и вмѣсто 16 ноября—16 декабря, но выписи сами по себѣ недостаточны для опроверженія содержанія накладной; въ особенности это относится къ выписи изъ очередной книги ст. Байка, въ которой номеръ очереди для спорнаго груза (666) не совпадаетъ съ номеромъ на дубликатѣ (670). Въ виду же того, что остальная часть требованія въ 27 руб. 87 коп. (ст. Улеши) не оспорена,—подлежитъ присужденію за просрочку вся сумма требованія, т. е. 316 руб. 57 коп.

Затѣмъ повѣренный дороги просилъ объ отсрочкѣ засѣданія, для представленія удостовѣренія о времени выдачи Левинсону Минскою почтовою конторою первой повѣстки на заказное отправленіе за № 63196, при которомъ возвращены ему изъ управленія дороги документы по отправкѣ Улеши; но съѣздъ нашелъ это ходатайство не заслуживающимъ уваженія на томъ основаніи, что давность на предъявленіе иска начинаетъ теченіе со времени дѣйствительнаго полученія отправителемъ документовъ отъ желѣзной дороги, но не съ того времени, когда документы получены на почтѣ въ мѣстѣ жительства отправителя или когда почтою послана ему повѣстка о полученіи заказнаго письма съ документами.

На это рѣшеніе повѣреннымъ управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ принесена кассаціонная жалоба, въ которой онъ ходатайствуетъ рѣшеніе съѣзда отмѣнить.

Дѣло это изъ отдѣленія передано на уваженіе присутствія Департамента для разрѣшенія слѣдующихъ вопросовъ:

1) Если предъявленное желѣзной дорогѣ по 122 ст. общ. уст. росс. жел. дор. требованіе о вознагражденіи отклонено оною и объявленіе объ этомъ просителю было послано по почтѣ, то съ какого именно времени надлежитъ исчислять, въ силу 137 статьи того же устава, годовой срокъ на предъявленіе иска, со времени ли полученія просителемъ объявленія почтовой конторы о полученіи въ оной на его имя отъ указанной желѣзной дороги казеннаго пакета съ документомъ, или же со дня дѣйствительнаго полученія имъ того пакета въ избранное имъ для сего по своему усмотрѣнію время, хотя бы это послѣдовало и по истеченіи весьма продолжительнаго времени со дня объявленія ему о полученіи того пакета въ почтовой конторѣ по мѣсту его жительства?

2) Въ правѣ ли грузополучатель или его правопреемникъ тре-

бовать съ желѣзной дороги возврата платы за перевозку нефтяного груза въ цистернахъ, принадлежащихъ грузоотправителю, Восточному Обществу, если таковая плата получена желѣзною дорогою не для себя, а въ качествѣ издержекъ до отправленія, для передачи означенному грузоотправителю, въ силу состоявшагося между ними по этому предмету соглашенія; или же грузополучатель, если считалъ неправильнымъ возложеніе на него грузоотправителемъ обязанности произвести плату за пользованіе цистерной, могъ предъявить требованіе о возвратѣ того сбора лишь къ отправителю, а не къ желѣзной дорогѣ?

Мною представлены были Правительствующему Сенату слѣдующія соображенія, которыя, по моему мнѣнію, необходимо имѣть въ виду при разрѣшеніи настоящаго дѣла.

На уваженіе Департамента поставлено по настоящему дѣлу два вопроса, изъ которыхъ первый едва ли представляетъ какія-либо трудности для своего разрѣшенія. Прежде всего, для надлежащаго отвѣта на первый вопросъ, нужно имѣть въ виду, что въ немъ идетъ рѣчь не только о давностномъ срокѣ, но и о срокѣ чисто процессуальномъ, установленномъ 121—123 статьями устава желѣзныхъ дорогъ, находящимися въ 1 главѣ, втораго раздѣла „о подсудности". Какъ извѣстно, подача заявленія о вознагражденіи въ правленіе или управленіе дороги признается такимъ процессуальнымъ дѣйствіемъ, которое, наравнѣ съ предъявленіемъ иска, прерываетъ теченіе годичной давности, установленной 135 ст. того же устава. Чтобы придать надлежащее значеніе заявленію лицъ, потерпѣвшихъ личный или имущественный вредъ, при эксплоатаціи дороги, законъ (121, 122 и 123 ст. уст.) возложилъ на желѣзную дорогу обязанность дать отвѣтъ на заявленіе въ *теченіе тридцати дней* или *двухъ мѣсяцевъ*, смотря по характеру заявленной претензіи. Этотъ срокъ, въ данномъ случаѣ двухмѣсячный, долженъ исчисляться, при отсутствіи заявителя на мѣстѣ, гдѣ находится правленіе или управленіе дороги, примѣняясь къ 828 ст. уст. гражд. суд., съ момента подачи или присылки заявленія по почтѣ, такимъ образомъ, чтобы въ послѣдній день втораго мѣсяца отвѣтъ желѣзной дороги, съ возвращеніемъ документовъ, былъ полученъ на почтѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ заявитель указалъ свой адресъ. Допустить возможность исчисленія этого срока съ момента полученія заявителемъ отвѣта съ почты—это значитъ допустить произволъ, такъ какъ отъ заявителя зависѣло бы получить отвѣтъ и по истеченіи назначеннаго дорогѣ для отвѣта срока и тѣмъ ли-

шить ее тѣхъ льготъ, которыя предоставлены ей въ подобномъ случаѣ 124 ст. означеннаго устава. Помимо того, всѣ процессуальные сроки фиксируются къ извѣстному, точно опредѣленному моменту времени, состоящему внѣ зависимости отъ воли заинтересованныхъ лицъ.

Если, засимъ, срокъ на получеие отвѣта желѣзной дороги обязательно исчисляется для заявителя со дня полученія этого отвѣта въ почтовой конторѣ, а не со времени дѣйствительнаго полученія заявителемъ съ почты отвѣта, то и теченіе годичной давности, согласно 137 ст. устава, должно начаться также со дня полученія отвѣта желѣзной дороги въ почтовой конторѣ.

Болѣе серьезнымъ представляется второй переданный на уваженіе Департамента вопросъ. Онъ, собственно, распадается на два совершенно самостоятельныхъ вопроса, изъ которыхъ одинъ можетъ быть формулированъ такъ: „принадлежитъ ли грузополучателю или его правопреемнику право требовать съ желѣзной дороги возврата платы за перевозку нефтянаго груза въ цистернахъ Восточнаго Общества, приписанныхъ къ парку Рязанско-Уральской желѣзной дороги и переданныхъ этой дорогѣ въ ограниченное пользованіе, если эта плата получена дорогою, въ видѣ издержекъ до отправленія, не для себя, а для передачи Восточному Обществу, въ силу состоявшагося между ними договорнаго соглашенія, утвержденнаго въ порядкѣ, установленномъ 10—12 ст. уст. желѣзныхъ дорогъ Министрами Путей Сообщенія и Финансовъ?“

Казалось бы, на этотъ вопросъ можно дать только отрицательный отвѣтъ.

Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи своемъ за 1897 годъ № 100, по дѣлу Кабачника, уже призналъ, что договоръ, заключенный въ январѣ 1893 года между Рязанско-Уральскою желѣзною дорогою и Восточнымъ Обществомъ, относительно пользованія первою цистернами послѣдняго, какъ утвержденный въ установленномъ порядкѣ подлежащею властью, долженъ имѣть для сторонъ, его заключившихъ, обязательную силу и не можетъ быть игнорируемъ судебными мѣстами, какъ доказательство взаимныхъ правоотношеній дороги и Восточнаго Общества. Исходя изъ этой точки зрѣнія, мы видимъ, что по договору 1893 года за семьсотъ наливныхъ вагоновъ, отданныхъ въ ограниченное пользованіе дорогѣ, эта послѣдняя обязалась взимать съ грузополучателей пробѣжную за цистерны плату въ пользу Восточнаго Общества, съ обозначеніемъ ея въ накладной „издержками до отправленія“. По-

лучая въ данномъ случаѣ пробѣжную плату, желѣзная дорога хотя и записываетъ ее въ накладную, въ видѣ издержекъ до отправленія, т. е. какъ бы слѣдуемую ей, дорогѣ, но здѣсь она дѣйствуетъ въ качествѣ простаго коммисіонера Восточнаго Общества. Такимъ образомъ, при перевозкахъ подобнаго рода, желѣзная дорога является не только возчикомъ, но и коммисіонеромъ Восточнаго Общества, взыскивающимъ для послѣдняго отъ своего имени пробѣжную плату за цистерны. Что желѣзная дорога, въ качествѣ транспортнаго предпріятія, уполномочена выступать и въ качествѣ коммисіонера—это явствуетъ изъ 1 п. 70 ст. устава желѣзныхъ дорогъ; это затѣмъ признано за нею Высочайше утвержденнымъ 1 іюня 1899 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта (Собр. узак. за 1899 г. № 85, ст. 1093), въ силу котораго она можетъ выступать въ качествѣ коммисіонера грузохозяевъ по цѣлому ряду предусмотрѣнныхъ этимъ закономъ случаевъ; наконецъ, право получать для Восточнаго Общества пробѣжную плату за пользованіе цистернами санкціонировано, на основаніи 9—12 ст. уст. жел. дор., Министрами Путей Сообщенія и Финансовъ. Конечно, если бы желѣзная дорога, какъ юридическое лицо, была уполномочена только на совершеніе перевозки, то фигурированіе ея въ роли коммисіонера представлялось бы незаконнымъ, такъ какъ всякое юридическое лицо можетъ вращаться въ томъ кругѣ дѣятельности, который начертанъ для него закономъ. Но если самъ законъ указываетъ рядъ случаевъ, гдѣ дорога выступаетъ въ качествѣ коммисіонера; если затѣмъ съ разрѣшенія подлежащей правительственной власти ей предоставлено, въ качествѣ коммисіонера, взимать за пользованіе цистернами для Восточнаго Общества, какъ собственника этихъ цистернъ, пробѣжную плату съ грузохозяевъ,—то, само собою разумѣется, эта плата должна считаться законно полученною, если только она взыскана въ предѣлахъ тѣхъ нормъ, которыя установлены законнодѣйствующими тарифами за пользованіе вагонами, принадлежащими желѣзной дорогѣ. Самая ссылка въ данномъ случаѣ на 69 ст. устава является простымъ недоразумѣніемъ. Означенная статья возбраняетъ желѣзной дорогѣ, какъ возчику, взимать за перевозку грузовъ какіе-либо платежи, не установленные тарифами и правилами о дополнительныхъ сборахъ, но этою статьею не воспрещено дорогѣ взыскивать, въ качествѣ коммисіонера, сборъ съ грузополучателей для Восточнаго Общества, за пользованіе ими наливными вагонами или цистернами послѣдняго. Допустить противоположный взглядъ и признать взиманіе со стороны дороги съ грузополучате-

лей пробѣжной платы, въ видѣ издержекъ до отправленія, незаконнымъ поборомъ—это значитъ допустить двѣ логическія несообразности: во-первыхъ, допустить предоставленіе по договору 1893 года въ безвозмездное пользованіе дороги 700 цистернъ, такъ какъ и по нимъ дорога получаетъ въ свою собственность всѣ сборы, за исключеніемъ пробѣжной платы, а во-вторыхъ, признать, что договоромъ 1893 г. установлено съ одной стороны—даровое пользованіе для грузополучателей 700 наливными вагонами Восточнаго Общества, а съ другой—лишеніе означеннаго Общества законно принадлежащаго ему права извлекать выгоды изъ принадлежащаго ему имущества—цистернъ.

Помимо того, право желѣзной дороги и на взиманіе пробѣжной платы, въ видѣ издержекъ до отправленія, съ грузополучателей оправдывается еще и на основаніи слѣдующихъ соображеній: по договору 1893 года приписано было 1000 вагоновъ цистернъ къ парку Рязанско-Уральской желѣзной дороги, при чемъ 300 вагоновъ переданы въ полное распоряженіе дороги, для удовлетворенія требованія всѣхъ товароотправителей (пунктъ а, 2 §), а 700 вагоновъ для перевозки нефтяныхъ грузовъ, какъ самого Восточнаго Общества, такъ и другихъ грузохозяевъ, по указанію Общества (п. *б*, 2 §). Однако за тѣ и другія цистерны, переданныя дорогѣ безъ особой арендной платы, дорога обязана взимать пробѣжную плату, которая выдается по отдѣльнымъ разсчетнымъ вѣдомостямъ Восточному Обществу (12 §) и показывается въ накладной въ видѣ пробѣжной платы за 300 цистернъ, состоящихъ въ полномъ распоряженіи дороги, и въ видѣ издержекъ до отправленія за 700 цистернъ, право распоряженія и пользованія которыми для дороги ограничено. Затѣмъ, кромѣ того, что за всѣ 1000 цистернъ Восточное Общество получаетъ съ дороги одну и ту же пробѣжную плату, взимаемую только дорогою подъ разными наименованіями, всѣ эти цистерны состоятъ въ распоряженіи дороги, а за приписку какой-либо изъ этихъ цистернъ къ парку другой дороги Восточное Общество обязано уплатить Рязанско-Уральской дорогѣ 1000 р. штрафа (7 §). Такимъ образомъ, по договору 1893 года желѣзная дорога является какъ бы собственницею всѣхъ 1000 наливныхъ вагоновъ и въ силу примѣчанія къ 68 ст. устава имѣетъ право за пользованіе всѣми этими вагонами взимать съ грузополучателей пробѣжную плату подъ ея настоящимъ именованіемъ, какъ это разъяснено уже Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніи его за 1897 г. № 100. Для устраненія въ этомъ от-

9*

ношеніи всякаго сомнѣнія и совѣтъ по желѣзнодорожнымъ дѣламъ съ утвержденія Министра Путей Сообщенія въ установленныхъ $^{10}/_{13}$ іюня 1900 года правилахъ перевозки нефтяныхъ грузовъ (Собр. узак. за 1900 г. № 66, ст. 1504) высказалъ, что по всѣмъ приписаннымъ къ вагонному парку какой либо дороги вагонамъ цистернамъ всѣ сношенія производятся съ этою дорогою *какъ съ дорогою собственницею*, при чемъ условія приписки опредѣляются договорами между дорогою и владѣльцемъ цистернъ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы одно ненадлежащее наименованіе пробѣжной платы издержками до отправленія давало грузополучателямъ право считать эту плату незаконнымъ поборомъ и пользоваться даровыми услугами.

Но если этотъ второй вопросъ, переданный на уваженіе присутствія Департамента, разрѣшить въ утвердительномъ смыслѣ, то разрѣшенію присутствія подлежитъ слѣдующій 3-й вопросъ (вторая часть 2-го вопроса): *если грузополучатель считаетъ неправильнымъ возложеніе на него грузоотправителемъ обязанности произвести плату за пользованіе цистернами, то не долженъ ли онъ предъявить требованіе о возвратѣ этой платы къ отправителю, а не къ желѣзной дорогѣ?* На основаніи 56 ст. уст. жел. дорогъ, накладная составляется самимъ отправителемъ, или, по его указанію, станціею отправленія, при чемъ, въ силу 59 ст. того же устава, за всѣ неправильности занесенныхъ въ накладную свѣдѣній отвѣчаетъ грузоотправитель. Затѣмъ, въ силу 67 ст., слѣдуемые дорогѣ платежи уплачиваются отправителемъ станціи отправленія или же, по его желанію, переводятся на грузополучателя. По данной перевозкѣ, какъ по всѣмъ перевозкамъ подобнаго рода, Восточное Общество всегда переводитъ всѣ платежи, въ томъ числѣ и тѣ, на которые оно считаетъ себя имѣющимъ право по договору 1893 года, на грузополучателей. Такимъ образомъ, если оно поручаетъ желѣзной дорогѣ неправильно взимать этотъ сборъ за пользованіе ея цистернами съ грузополучателей, то, въ силу 56, 59 и 67 ст. устава, послѣдніе свои претензіи и могутъ обратить только къ Восточному Обществу, какъ получающему въ свою пользу этотъ сборъ, такъ какъ, взимая послѣдній, дорога дѣйствуетъ не какъ возчикъ, взыскавшій слѣдуемую ему провозную плату за перевозку груза, а какъ коммисіонеръ, которому поручено извѣстную сумму по данной накладной взыскать въ пользу вагоновладѣльца.

Судя по резолюціи Правительствующаго Сената, соображенія эти въ окончательномъ ихъ выводѣ были признаны правильными, такъ

какъ по кассаціонной жалобѣ управленія желѣзныхъ дорогъ рѣшеніе мироваго съѣзда было отмѣнено.

II.

На основаніи 67 ст. уст. жел. дор., желѣзная дорога въ правѣ перевести на получателя и причитающуюся ей съ отправителя, на основаніи особаго съ нимъ условія, плату за перевозку груза изъ склада отправителя по вѣтви до станціи отправленія.

Положеніе это установлено Правительствующимъ Сенатомъ въ засѣданіи Департамента отъ 22 апрѣля сего года по дѣлу Левина. Обстоятельства этого дѣла таковы.

Отыскиваемый Левинымъ переборъ составляетъ плату за подачу вагоновъ на станцію отправленія по устроенной грузоотправителемъ Веберомъ вѣтви. Истецъ, не отрицая того, что грузы перевозились по этой вѣтви и что, по договору съ Веберомъ, желѣзной дорогѣ причиталась взысканная ею плата, возражалъ, что таковая подлежала взысканію исключительно съ отправителя, а не съ получателя, такъ какъ договоръ заключенъ на перевозку грузовъ между станціею Себрякова и станціями С.-Петербургъ и Стрѣльна, на каковомъ протяженіи никакой вѣтви нѣтъ. Съ этимъ положеніемъ съѣздъ не можетъ согласиться, такъ какъ дорога въ правѣ была получать плату за всѣ оказанныя ею услуги по перевозкѣ и, на основаніи 67 ст. общ. уст., деньги, не уплаченныя при отправленіи, считаются переведенными на получателя, который является, наравнѣ съ отправителемъ, стороною въ договорѣ перевозки. Въ виду сего, мировой съѣздъ въ искѣ Левина о переборѣ отказалъ.

На это рѣшеніе Левинъ принесъ кассаціонную жалобу, въ которой просилъ отмѣнить рѣшеніе съѣзда по слѣдующимъ основаніямъ: при выдачѣ грузовъ по 80 накладнымъ, положеннымъ въ основаніе иска, съ получателя взыскано было кромѣ причитающихся по дѣйствующимъ тарифамъ и правиламъ сборовъ еще по одному рублю съ каждой накладной, всего 80 руб., за пробѣгъ грузовъ по особой вѣтви, которой однако на протяженіи между станціями отправленія и назначенія не существуетъ, почему истецъ, признавая взысканіе 80 руб. неправильнымъ, требовалъ возврата ихъ въ качествѣ перебора. Изъ возраженій отвѣтчика выяснилось, что деньги эти въ дѣйствительности взяты не за перевозку на разстояніи отъ станціи отправленія до станціи назначенія, а причитаются за до-

ставку грузовъ на станцію отправленія изъ складовъ отправителя Вебера *на основаніи особаго съ послѣднимъ соглашенія.* Такимъ образомъ вопросъ, подлежащій разрѣшенію въ настоящемъ дѣлѣ, заключается въ томъ: въ правѣ ли желѣзная дорога взыскать съ получателя груза по накладной причитающуюся дорогѣ съ отправителя плату по особому съ нимъ соглашенію за доставку имъ груза на станцію отправленія? Мировой съѣздъ призналъ такое взысканіе правильнымъ, въ виду того, „что дорога въ правѣ получать плату за всѣ оказанныя ею услуги по перевозкѣ, а, на основаніи ст. 67 общ. уст., деньги, не уплаченныя при отправленіи, считаются переведенными на получателя, который наравнѣ съ отправителемъ является стороною въ договорѣ перевозки. Соображенія эти не могутъ быть признаны правильными. Мировой съѣздъ очевидно не различаетъ права и обязанности сторонъ, изъ договора перевозки (накладной) вытекающія, и права и обязанности, вытекающія изъ отношеній до заключенія договора перевозки. Въ первомъ случаѣ дѣйствительно соображенія съѣзда примѣнимы, т. е. дорога въ правѣ получать плату за оказанныя ею услуги за перевозку, но очевидно перевозку, указанную *въ накладной* и *дубликатѣ*, перевозку на протяженіи отъ станціи отправленія до станціи назначенія, а не за доставку груза на станцію отправленія *до заключенія договора перевозки*, до момента принятія груза станціею отправленія вмѣстѣ съ накладною къ отправкѣ (ст. 61-ая общ. уст.). Равнымъ образомъ по ст. 67-ой могутъ быть переведены на получателя провозныя деньги и дополнительные сборы, но только тѣ, которые причитаются за перевозку, указанную въ накладной, т. е. отъ станціи отправленія до станціи назначенія. Наконецъ, самъ съѣздъ мотивируетъ возможность перевода на получателя провозной платы и дополнительныхъ сборовъ тѣмъ, что получатель вмѣстѣ съ отправителемъ является стороною *въ договорѣ перевозки*; вѣроятно, съѣздъ хотѣлъ сказать—„одною стороною", но во всякомъ случаѣ „*въ договорѣ перевозки*", а въ данномъ дѣлѣ съѣздъ признаетъ ихъ одною стороною въ соглашеніи между отправителемъ и дорогою, состоявшемся *внѣ* даннаго договора перевозки и съ нимъ ничего общаго не имѣющемъ. Въ самомъ дѣлѣ, соглашеніе это заключается въ томъ, что нѣкто Веберъ прокладываетъ для своего удобства рельсовый путь отъ своихъ складовъ до станціи желѣзной дороги, а дорога за опредѣленную плату перевозитъ грузы изъ этихъ складовъ до станціи желѣзной дороги. Если затѣмъ тотъ же Веберъ вступаетъ въ договоръ съ желѣзною дорогою о перевозкѣ этого груза со станціи желѣзной дороги далѣе до опре-

дѣленнаго пункта, и грузъ, согласно накладной и дубликата, принимается къ отправкѣ именно между этими двумя пунктами, то не является ли онъ, Веберъ, въ послѣдней перевозкѣ новымъ контрагентомъ для дороги, ничего общаго не имѣющимъ съ Веберомъ, какъ контрагентомъ по соглашенію о доставкѣ грузовъ изъ складовъ его на станцію дороги? Весь споръ могъ возникнуть только вслѣдствіе того случайнаго обстоятельства, что грузъ доставленъ на станцію желѣзной дороги по проложенному Веберомъ по соглашенію съ дорогою желѣзнодорожному пути и что онъ же, Веберъ, отправилъ грузъ дальше; могла ли быть какая-нибудь рѣчь объ обязанности получателя уплатить деньги за доставку груза до станціи отправленія, если бы эта доставка произведена была на лошадяхъ или грузъ принесенъ былъ людьми на своихъ спинахъ или если бы отправителемъ по накладной былъ не самъ Веберъ, а лицо, купившее у него товаръ, каковой Веберъ по своей вѣткѣ доставилъ на станцію? Возможно, конечно, что по юридическимъ отношеніямъ, существующимъ между отправителемъ и получателемъ, на обязанности послѣдняго лежитъ возмѣщеніе расхода и по доставкѣ груза на станцію отправленія, но въ такомъ случаѣ эта обязанность получателя не по отношенію къ желѣзной дорогѣ, а къ отправителю лично, а потому *желѣзная дорога* не въ правѣ взыскивать эту плату съ получателя. Отправитель же можетъ, если желаетъ обезпечить отправляемымъ товаромъ полученіе причитающихся ему съ получателя денегъ, сдѣлать наложенный платежъ (ст. 74). Разница для получателя заключается въ томъ, что въ случаѣ наложеннаго платежа онъ въ правѣ не внести таковой и отказаться отъ принятія груза, если не считаетъ себя должнымъ что-либо отправителю, при чемъ несетъ отвѣтственность исключительно передъ отправителемъ; когда же дорога требуетъ платежа при выдачѣ груза, какъ причитающагося ей за данную перевозку, а получатель знаетъ, что платежъ этотъ требуется, согласно дѣйствующимъ тарифамъ, неправильно, то онъ принимаетъ грузъ и вноситъ деньги, разсчитывая на право свое по ст. 72-ой потребовать переборъ обратно. Можно еще указать на ст. 70-ую общ. уст., говорящую объ издержкахъ до отправленія, но и тутъ рѣчь идетъ, во-первыхъ, объ издержкахъ *дороги* за счетъ грузохозяина, какъ стороны въ договорѣ перевозки, во-вторыхъ, по перевозкѣ не желѣзною дорогою (гужевой и проч.) по пути слѣдованія груза по накладной, т. е. между станціею отправленія и назначенія, а не до станціи отправленія, и въ-третьихъ, всѣ эти издержки должны быть отмѣчены въ накладной съ приложеніемъ оправдательныхъ документовъ.

Дѣло это было передано на уваженіе Департамента, для разрѣшенія слѣдующаго вопроса:

Въ правѣ ли желѣзная дорога на основаніи 67 ст. уст. жел. дор. перевести на получателя плату, признаваемую ею причитающеюся съ отправителя, по особому съ нимъ договору, за подачу ею вагоновъ на станцію отправленія по устроенной имъ вѣтви?

Мною были представлены слѣдующія соображенія, на основаніи которыхъ я считалъ возможнымъ разрѣшить возникшій по дѣлу вопросъ.

На уваженіе присутствія Департамента поставленъ по настоящему дѣлу вопросъ о томъ: имѣетъ ли желѣзная дорога право, на основаніи 67 ст. уст. жел. дор., перевести на получателя плату, признаваемую ею причитающеюся съ отправителя, по особому съ нимъ договору, за подачу ею вагоновъ на станцію отправленія по устроенной имъ вѣтви?

Вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ только въ утвердительномъ смыслѣ, на основаніи слѣдующихъ соображеній.

Прежде всего, въ силу 67 ст. уст. жел. дорогъ, провозныя деньги и дополнительные сборы по каждой перевозкѣ могутъ быть переведены отправителемъ на получателя, при чемъ дорога только въ исключительныхъ, точно указанныхъ въ законѣ, случаяхъ имѣетъ право требовать эту плату и сборы впередъ съ отправителя. Такимъ образомъ *все, что дорогѣ причитается за перевозку съ отправителя*, послѣдній въ правѣ перевести на получателя. Если бы 67 ст. ограничивала въ чемъ-либо право отправителя на переводъ слѣдующихъ съ него желѣзной дорогѣ платежей на получателя, то несомнѣнно объ этомъ было бы оговорено, съ точнымъ указаніемъ ограниченій; между тѣмъ такой оговорки ни въ 67 и ни въ какой другой статьѣ устава не сдѣлано. Въ кассаціонной жалобѣ указывается, что 67 ст. имѣетъ въ виду, будто бы, переводъ платежей за перевозку, не только указанную въ накладной и ея дубликатѣ, но и такую, которая имѣла мѣсто послѣ заключенія договора перевозки и притомъ между станціею отправленія и станціею назначенія. Указаніе это нельзя признать основательнымъ. Какъ явствуетъ изъ 49, 51, 61 и 81 ст. уст. жел. дор., грузъ можетъ быть принятъ съ обожданіемъ въ складѣ, и при наличности извѣстныхъ условій дорогѣ будетъ причитаться плата за храненіе груза *до заключенія договора перевозки* (Списокъ допол. сборовъ и правила ихъ взиманіи—Собр. узак. 1891 г. № 63, ст. 672). Въ этихъ случаяхъ сборъ взимается по винѣ отправителя и тѣмъ не менѣе

онъ, въ силу 67 ст., переводится на получателя. Затѣмъ, при пріемѣ груза съ обожданіемъ въ складѣ, имѣетъ мѣсто рядъ другихъ сборовъ (за нагрузку груза, за бланки накладной и дубликата, за взвѣшиваніе и т. п.), но и эти также сборы переводятся на получателя, хотя всѣ они взимаются до заключенія договора перевозки. Точно такъ же и по окончаніи перевозки, когда договоръ считается дорогою выполненнымъ (поставленіе груза въ положеніе, при которомъ онъ можетъ быть взятъ получателемъ), можетъ имѣть мѣсто взысканіе сбора за полежалое, о которомъ говорится въ 81 и 82 ст. устава, который также ложится на получателя. Такимъ образомъ положеніе кассаціонной жалобы, что получатель обязанъ платить лишь ту провозную плату и тѣ сборы, которые слѣдуютъ дорогѣ съ момента заключенія договора перевозки,—прямо идетъ въ разрѣзъ съ закономъ. Столь же мало основательно и другое утвержденіе той же жалобы, что на получателя могутъ быть переведены только тѣ сборы, которые причитаются дорогѣ отъ станціи отправленія до станціи назначенія. Изъ точнаго смысла 16, 17 и 18 ст. приложенія къ 18 ст. (примѣч.) уст. жел. дорогъ, какъ это уже неоднократно разъяснялъ Правительствующій Сенатъ (Сбор. рѣш. за 1888 г. № 4, за 1894 г. № 118, за 1895 г. № 41 и др.), явствуетъ, что провозная плата опредѣляется сообразно пройденному грузомъ разстоянію и на основаніи тарифа и установленныхъ по сему предмету правилъ. Посему за каждую пройденную грузомъ версту желѣзной дорогѣ принадлежитъ право на провозную плату, которая только въ указанныхъ 67 ст. случаяхъ можетъ быть взыскана дорогою впередъ съ отправителя, а слѣдовательно плата эта по общему правилу переводится на получателя. Засимъ, 70 ст., не имѣющая, по многократнымъ разъясненіямъ Правительствующаго Сената, исчерпывающаго значенія, указываетъ во 2 пунктѣ и случай взиманія сбора, причитающагося желѣзной дорогѣ, внѣ желѣзнодорожныхъ станцій отправленія и назначенія.

Помимо изложеннаго, право желѣзной дороги на взиманіе особой платы за подачу вагоновъ для нагрузки къ подъѣздному пути вытекаетъ изъ точнаго смысла 24 ст. положенія о подъѣздныхъ путяхъ къ желѣзнымъ дорогамъ (т. XII, ч. 1, изд. 1893 г.). Въ силу этой статьи, при примыканіи подъѣзднаго пути къ желѣзной дорогѣ, на основаніи особаго соглашенія между управленіемъ дорогъ и строителями подъѣзднаго пути, подлежащаго санкціи Министерствъ Путей Сообщенія и Финансовъ, устанавливается, между прочимъ,

особая плата за перевозку груза по подъѣздному пути, независимо отъ общаго тарифа. На основанiи этого закона и въ силу 57 ст. уст. желѣзн. дорогъ, Министромъ Путей Сообщенiя установлены, имѣющiя силу закона, общеобязательныя правила употребленiя накладной и ея дубликата (Сбор. тар. № 318), при которыхъ приложены формы накладной и дубликатовъ. Изъ этихъ формъ видно, что на лицевой сторонѣ обоихъ провозныхъ документовъ, сбоку во 2 графѣ указывается плата за вѣтви, взимаемая независимо отъ общаго тарифа, т. е. плата по особому соглашенiю, получившему санкцiю Министерствъ Путей Сообщенiя и Финансовъ. Такимъ образомъ плата за всякiй подъѣздной путь (или вѣтвь), идущiй какъ до станцiи отправленiя, такъ и отъ станцiи назначенiя, установлена закономъ и обязательно должна быть взыскана желѣзною дорогою въ порядкѣ, указанномъ въ 67 ст. уст. жел. дорогъ.

Наконецъ, общiй основной принципъ желѣзнодорожнаго законодательства, выраженный въ 68 и 69 ст. уст. желѣз. дор., заключается въ томъ, что, съ одной стороны, желѣзная дорога имѣетъ право на взиманiе платъ и сборовъ только за пройденное грузомъ разстоянiе и за оказанныя товароотправителямъ услуги, а съ другой,—что никакая оказанная товароотправителю услуга не считается безвозмездною.

Переходя отъ этихъ общихъ соображенiй къ данному дѣлу, мы видимъ, что по всѣмъ представленнымъ къ дѣлу накладнымъ во 2 графѣ лицевой ихъ стороны отмѣчена плата по 1 рублю за вѣтви, взимаемая независимо отъ общаго тарифа. Точно такъ же изъ накладныхъ явствуетъ, что эта плата была переведена, въ силу 67 ст. уст. жел. дор., на получателя, а потому, не доказавъ, что плата эта была взыскана дорогою неправильно (рѣш. за 1885 г. № 128, за 1888 г. № 6 и др.), истецъ не имѣлъ никакого основанiя считать ее переборомъ.

Помимо того, на основанiи примѣчанiя къ 51 ст. уст. желѣз. дор. и 2 и 16 пунктовъ правилъ о припискѣ къ желѣзнодорожнымъ станцiямъ частныхъ складовъ и складочныхъ помѣщенiй (Собр. узак. 1896 г. № 120, ст. 1872), складъ Вебера долженъ считаться частнымъ складочнымъ помѣщенiемъ, приписаннымъ къ станцiи отправленiя, а слѣдовательно и перевозка съ этого склада груза представляется перевозкою, не выходящею за предѣлы между станцiями отправленiя и назначенiя.

Судя по резолюцiи, Правительствующiй Сенатъ призналъ въ окончательномъ выводѣ мои соображенiя правильными.

III.

Желѣзная дорога, выдавшая отправителю хлѣбнаго груза ссуду подъ этотъ грузъ, удовлетворяется не только изъ заложеннаго груза, но имѣетъ право требовать удовлетворенiе изъ другаго имущества грузохозяина, если вырученная отъ продажи груза денежная сумма не погашаетъ вполнѣ выданную подъ грузъ ссуду.

Это положенiе установлено Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшенiи его по Департаменту отъ 22 апрѣля сего года по дѣлу Гуляка-Розенблита съ управленiемъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Обстоятельства этого дѣла таковы.

Уѣздный членъ Одесскаго окружнаго суда по Тираспольскому уѣзду, разсмотрѣвъ дѣло по иску управленiя казенныхъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ къ мѣщанину Iосифу Гуляку и къ имуществу умершаго мѣщанина Муниша-Розенблита въ суммѣ 440 р. 44 к. съ процентами за убытки, понесенные истцомъ при продажѣ отправленной Гулякомъ изъ Дубосаръ въ Одесскiй элеваторъ на имя умершаго Розенблита кукурузы, подъ которую агентство желѣзной дороги выдало Гуляку ссуду въ размѣрѣ 3300 руб., постановилъ въ искѣ желѣной дороги къ Гуляку и къ имуществу умершаго Розенблита отказать, съ возложенiемъ на истца въ пользу отвѣтчиковъ издержекъ производства. На это рѣшенiе повѣренный управленiя казенныхъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ принесъ апелляцiонную жалобу, въ которой, ссылаясь на 85 и 115 ст. общ. уст. росс. ж. д., въ подтвержденiе того, что желѣзныя дороги, въ случаѣ недовыручки суммы, выданной подъ закладъ перевозимаго груза, и всѣхъ причитающихся имъ платежей при продажѣ означеннаго груза, не лишены возможности потребовать недовыручку лично съ грузохозяина,—ходатайствовалъ объ отмѣнѣ рѣшенiя уѣзднаго члена и объ удовлетворенiи иска. Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, обсудивъ представленныя истцовою стороною письменныя доказательства и выслушавъ въ судебномъ засѣданiи словесныя объясненiя тяжущихся—повѣренныхъ истца и отвѣтчика Гуляка,—окружный судъ нашелъ искъ неосновательнымъ и рѣшенiе уѣзднаго члена утвердилъ.

По кассацiонной жалобѣ повѣреннаго дороги дѣло это слушалось въ отдѣленiи Департамента Сената и передано на уваженiе присутствiя Департамента для разрѣшенiя вопроса: выданная желѣзною дорогою подъ грузъ ссуда удовлетворяется ли исключительно вырученною отъ публичной продажи груза суммою, или же

грузохозяинъ является предъ дорогою отвѣтственнымъ за ссуду и другимъ своимъ имуществомъ?

Для разрѣшенія этого вопроса мною были представлены Правительствующему Сенату слѣдующія соображенія.

Выдача желѣзными дорогами ссуды подъ сданные имъ къ перевозкѣ грузы не имѣетъ органической связи съ перевозкою грузовъ, а потому самая ссудная операція должна регулироваться не общимъ уставомъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, а общими гражданскими законами, поскольку примѣненіе этихъ законовъ не ограничено Высочайше утвержденнымъ 7 іюня 1899 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта „о производствѣ желѣзными дорогами ссудной, складочной и коммисіонной операцій“ (Собр. узак. за 1899 г. № 85, ст. 1093). Не только нынѣ дѣйствующіе, но и прежніе отмѣненные законы „о ссудѣ подъ хлѣбные грузы“ (Собр. узак. за 1888 г. № 70 и за 1891 г. № 67) не устанавливали также никакой спеціальной отвѣтственности грузохозяевъ въ подобныхъ случаяхъ.

Обращаясь посему къ разсмотрѣнію юридической природы договора ссуды, совершаемаго желѣзною дорогою съ грузохозяиномъ, мы видимъ, что договоръ этотъ является по своему существу обыкновеннымъ договоромъ займа съ закладомъ движимаго имущества, о которомъ говорится въ 1663—1678 ст. 1 ч. X т. Вся разница между обоими этими договорами заключается лишь въ томъ, что договоръ ссуды не требуетъ никакой особой формы для его совершенія и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, до окончанія срока ссуды, обезпечивающій ея грузъ можетъ быть проданъ желѣзною дорогою съ публичнаго торга (15 ст. упом. закона 7 іюня 1899 г.). Если же ссуда подъ сданный желѣзной дорогѣ къ перевозкѣ грузъ есть обыкновенный закладъ движимости, то за желѣзною дорогою, какъ и закладодержателемъ движимаго имущества, слѣдуетъ признать право, въ случаѣ недостаточности вырученныхъ отъ продажи заложеннаго груза денегъ на покрытіе ссуды, обратить взысканіе на другое имущество грузохозяина. Правительствующій Сенатъ еще въ 1889 году (рѣшеніе 1889 г. № 2) высказалъ, что законы наши о закладѣ нигдѣ не говорятъ, чтобы удовлетвореніе заимодавца могло имѣть мѣсто только изъ отданнаго въ закладъ и просроченнаго имущества. Напротивъ того, въ 52—53 ст. 2 ч. X тома, изд. 1857 года, высказано совершенно обратное начало, а именно признано, что если данное въ закладъ имущество поступитъ въ публичную продажу и будетъ продано цѣною ниже, нежели сколько слѣдуетъ заплатить закладодержателю, то недостатокъ взыскивается

съ закладчика или съ тѣхъ, отъ кого поступило требованіе о продажѣ имущества. Что наши законы строго въ этомъ отношеніи различаютъ залогъ недвижимаго имущества отъ заклада движимости—это явствуетъ изъ 45, 46, 50, 52, 53, 2149, 2155 и 2181—2216 ст. 2 ч. X т. изд. 1857 г. По отношенію къ залогу недвижимаго имущества въ 45, 46, 2149 и 2155 ст. 2 ч. X т. высказано категорически, что удовлетвореніе по закладной *всегда производится изъ заложеннаго имущества* и что полученная чрезъ продажу такого имущества денежная ссуда, *хотя бы она не равнялась суммѣ долга, считается полнымъ удовлетвореніемъ его иска*. Между тѣмъ по отношенію къ закладу движимаго имущества, кромѣ вышеприведеннаго положенія, высказаннаго въ 52 и 53 ст., постановлено, что по просроченнымъ закладнымъ и домовымъ заемнымъ письмамъ, обезпеченнымъ закладомъ движимаго имущества, взыскиваются проценты и неустойка, согласно тѣмъ же правиламъ, которыя постановлены относительно обязательствъ безъ залога и заклада. А затѣмъ въ правилахъ о публичной продажѣ движимыхъ имуществъ (2181—2216 ст. 2 ч. X т.) совсѣмъ не выдѣляется продажа заложенной движимости отъ незаложенной, и постановленій, соотвѣтствующихъ тѣмъ, которыя изложены въ 2149 и 2155 ст., относительно продажи недвижимыхъ имуществъ, мы не имѣемъ.

Такимъ образомъ, принявши во вниманіе, что 45, 46, 2149—2155 ст. 2 ч. X т. (*на основаніи которыхъ признается, что удовлетвореніе по закладной всегда производится только изъ заложеннаго недвижимаго имущества*) составляютъ въ своемъ существѣ исключеніе изъ общаго правила и не могутъ подлежать распространительному толкованію; что по отношенію къ закладу движимости, предусмотрѣнному 1663—1678 ст. 1 ч. X т., такого ограниченія правъ закладодержателя не установлено, и что, наконецъ, относительно заклада акцій и процентныхъ бумагъ (2168 ст. 1 ч. X т.), составляющаго въ сущности тотъ же закладъ движимости, о которомъ говорится въ 1663—1678 ст. 1 ч. X т., Правительствующій Сенатъ уже призналъ, что закладъ составляетъ только спеціальную для залогодателя гарантію въ исправномъ полученіи долга, но не лишаетъ его права, при понизившейся цѣнѣ заложенныхъ бумагъ, получить отъ заемщика всю отданную въ заемъ сумму (рѣш. 1889 г. № 2),—слѣдуетъ, казалось бы, признать, что *желѣзная дорога, какъ закладодатель, имѣетъ право требовать удовлетворенія изъ другаго имущества грузохозяина, если вырученная отъ публичной продажи груза денежная сумма не погашаетъ вполнѣ выданную подъ грузъ ссуду.*

Къ тому же выводу приводитъ и 747 ст. уст. торг., изд. 1893 г., трактующая о ссудныхъ операцiяхъ, хотя и не относящаяся непосредственно до ссудныхъ операцiй желѣзныхъ дорогъ (714 ст. уст. торг. и 19 ст. закона 7 iюня 1899 года, Собр. узак. № 85, ст. 1093). Обращаясь отъ этихъ общихъ соображенiй къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла, мы видимъ, что мировой съѣздъ отказалъ желѣзной дорогѣ въ ея искѣ, на томъ основанiи, что отвѣтственность лица, получившаго отъ желѣзной дороги ссуду подъ закладъ своего груза, ограничивается, будто бы, грузомъ, обезпечивающимъ закладъ. Подтвержденiе такого своего вывода съѣздъ усмотрѣлъ въ изданныхъ управленiемъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ правилахъ о порядкѣ пользованiя Одесскимъ элеваторомъ, устанавливающихъ выдачу складочныхъ свидѣтельствъ не только на имя опредѣленнаго лица, но и на предъявителя, въ виду чего, по мнѣнiю съѣзда, устраняется возможность личной отвѣтственности предъ дорогою владѣльца заложеннаго груза. Эти сужденiя съѣзда нельзя признать основательными. Прежде всего, складочныя свидѣтельства имѣютъ въ виду складочныя операцiи желѣзныхъ дорогъ, которыя по своей юридической природѣ не имѣютъ ничего общаго съ ссудными операцiями тѣхъ же дорогъ. Затѣмъ при каждой ссудной операцiи—выдается ли ссуда на станцiи отправленiя отправителю, или же при сдачѣ груза въ складъ на храненiе лицу, имѣющему право распоряженiя грузомъ, въ силу 8 параграфа положенiя о порядкѣ производства желѣзными дорогами ссудной, складочной и коммисiонной операцiй (Собр. узак. за 1900 г. № 133, ст. 2824), отъ заемщика всегда отбирается росписка, въ которой, между прочимъ, точно указывается его мѣстожительство. Такимъ образомъ, законъ не допускаетъ выдачи ссуды лицу, имя, фамилiя, мѣстожительство и подпись котораго были бы неизвѣстны дорогѣ. Если складочное свидѣтельство и можетъ быть выдано на имя предъявителя, то это лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда всѣ отношенiя грузохозяина къ дорогѣ касаются принятiя дорогою груза на складъ для храненiя; но коль скоро лицо, желающее сданный имъ дорогѣ на храненiе грузъ отдать подъ ссуду, то отъ него требуется подача особаго заявленiя съ копiею, съ указанiемъ своего имени и мѣстожительства. Такимъ образомъ отказъ мироваго съѣзда въ искѣ желѣзной дорогѣ не можетъ быть признанъ правильнымъ.

Судя по резолюцiи, Правительствующiй Сенатъ согласился въ конечномъ выводѣ съ моими соображенiями.

К. П. Змирловъ.

II.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНА ЛИ НОТАРІАЛЬНАЯ СДѢЛКА, УДОСТОВѢРЕННАЯ НАЕМНЫМИ СВИДѢТЕЛЯМИ, СОСТОЯЩИМИ ДЛЯ ЭТОЙ ЦѢЛИ ПРИ КОНТОРѢ НОТАРІУСА?

Чрезвычайно важный вопросъ изъ нотаріальной практики,—разрѣшеніе котораго обусловливаетъ дѣйствительность, можетъ быть, огромнаго большинства когда-либо совершенныхъ нотаріальныхъ сдѣлокъ,—возбудило представшее на разсмотрѣніе Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента въ засѣданіи 19 февраля сего года дѣло о недѣйствительности духовнаго завѣщанія Маргариты Штюрцваге.

Послѣ умершей 4 іюня 1897 года вдовы Вильманстрандскаго гражданина Клары-Маргариты Игнатьевны Штюрцваге осталось нотаріальное духовное завѣщаніе. Подъ этимъ завѣщаніемъ имѣется подпись завѣщательницы Штюрцваге и трехъ свидѣтелей,—коллежскаго секретаря Александра Васильевича Тебенькова, сенатскаго регистратора Константина Иванова Глаголева и сенатскаго же регистратора Петра Иванова Глаголева,—въ томъ, что сіе духовное завѣщаніе дѣйствительно составлено по волѣ и со словъ завѣщательницы Штюрцваге, находящейся въ здравомъ умѣ и твердой памяти, и ею собственноручно подписано. Означенное завѣщаніе было представлено въ Московскій окружный судъ для утвержденія къ исполненію 3 іюля 1897 года повѣреннымъ Вольдемара-Іоганна и Леопольда-Эдуарда Леонтьевичей Штюрцваге, а 3 того же іюля повѣренный купчихи Аделаиды-Луизы Леонтьевны Мюллеръ, потомственной почетной гражданки Августы Викторіи Леонтьевны Аренсъ, жены баварскаго подданнаго Маріи-Луизы Леонтьевны Оксъ, жены доктора медицины Анны-Адели Ѳеодоровны Вальбергъ и германскаго подданнаго Фридриха-Вильгельма Рейнгарта, дѣйствующаго за малолѣтняго сына его Отто-Адольфа Рейнгарта, предъявилъ въ Московскомъ окружномъ судѣ къ вышеозначеннымъ Вольдемару-Іоганну и Леопольду-Эдуарду Штюрцваге искъ, объяснивъ въ исковомъ прошеніи, что умершая Клара-Маргарита Игнатьевна Штюрцваге, во время составленія вышеозначеннаго духовнаго завѣщанія ея, не обладала требуемыми закономъ для дѣйствительности такого акта здравымъ умомъ и твердой памятью, представляя изъ себя женщину, лишенную воли и одержимую старческимъ слабоуміемъ, вызваннымъ продолжительною болѣзнью; поэтому повѣренный вышепоименованныхъ лицъ просилъ: пріостановиться

утвержденіемъ къ исполненію вышеупомянутаго духовнаго завѣщанія и, по допросѣ свидѣтелей о степени правоспособности умершей Штюрцваге въ моментъ совершенія оспореннаго духовнаго завѣщанія, постановить рѣшеніе, коимъ признать это завѣщаніе недѣйствительнымъ и таковое уничтожить во всемъ его объемѣ, а утвердить къ исполненію другое духовное завѣщаніе, совершенное у Московскаго нотаріуса Момма 30 апрѣля 1891 года.

Къ доводу, приведенному въ исковомъ прошеніи въ опроверженіе дѣйствительности духовнаго завѣщанія Штюрцваге, повѣренный истцовъ въ своихъ словесныхъ объясненіяхъ на судѣ прибавилъ, что спорное духовное завѣщаніе должно быть уничтожено еще и вслѣдствіе формальной негодности его, выразившейся въ томъ, что подписавшіеся подъ этимъ завѣщаніемъ свидѣтели находились постоянно въ конторѣ нотаріуса, получали отъ него вознагражденіе и никакихъ другихъ занятій не имѣли, почему эти лица и должны быть признаны служащими у нотаріуса, а, по положенію о нотаріальной части, служащіе у нотаріусовъ не могутъ быть свидѣтелями.

Противъ этого послѣдняго довода повѣренный отвѣтчиковъ возразилъ, что подписавшіе завѣщаніе свидѣтели не могутъ быть названы служащими у нотаріуса, ибо получаемое ими вознагражденіе представляетъ собою не что иное, какъ вознагражденіе за отвлеченіе отъ занятій.

Московскій окружный судъ, по допросѣ свидѣтелей и по выслушаніи заключенія экспертовъ, устранивъ споръ истцовъ относительно неправоспособности завѣщательницы Штюрцваге къ совершенію духовнаго завѣщанія въ моментъ его составленія, нашелъ въ отношеніи довода истцовъ о незаконности сего завѣщанія съ формальной стороны, что ст. 87 положенія о нотаріальной части воспрещаетъ соединеніе званія свидѣтеля подъ актами, совершенными нотаріусомъ, съ обязанностями лицъ, служащихъ у того же нотаріуса или состоящихъ прислугою у него самого или у его служащихъ, но ни въ этой статьѣ, ни въ другихъ законахъ не говорится, чтобы обязанность свидѣтеля, при совершеніи нотаріальныхъ актовъ, должна была исполняться безвозмездно и чтобы свидѣтель за выполненіе этой обязанности, какъ и за всякій трудъ, лишенъ былъ права получать какое-либо вознагражденіе. Хотя одинъ изъ подписавшихся въ качествѣ свидѣтелей подъ завѣщаніемъ Штюрцваге, Тебеньковъ, и показалъ, что онъ состоитъ на службѣ у нотаріуса Меморскаго, но при этомъ не пояснилъ, какую именно должность занимаетъ онъ у означеннаго но-

таріуса, а потому показаніе его, въ связи съ показаніемъ двухъ другихъ свидѣтелей по завѣщанію Штюрцваге, Глаголевыхъ, должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что эти лица получаютъ вознагражденіе за выполненіе обязанностей свидѣтелей при совершеніи актовъ, каковое обстоятельство не ставитъ ихъ въ ряды лицъ, не могущихъ быть такими свидѣтелями въ силу 87 ст. пол. о нот. части. Въ виду сихъ соображеній, окружный судъ, 21 марта 1898 года, въ настоящемъ искѣ отказалъ.

На это рѣшеніе истцы принесли апелляціонную жалобу, въ которой, оспаривая вышеприведенные выводы окружнаго суда, между прочимъ, объяснили, что свидѣтелями подъ завѣщаніемъ расписались служащіе у нотаріуса Меморскаго: Тебеньковъ и два брата Глаголевыхъ. Судъ не придалъ этому значенія, ибо, говоритъ онъ, не выяснилось, какую должность они занимаютъ. Но въ конторѣ нотаріуса нѣтъ особыхъ должностей, всѣ работающіе у нотаріуса и получающіе отъ него то или иное вознагражденіе являются служащими, которые, по 4 п. 87 ст. нот. пол. (1037, 1038 ст. X т. ч. I Св. зак.), не могутъ быть свидѣтелями при совершеніи актовъ подъ опасеніемъ лишенія акта силы нотаріальнаго. Этого одного доказательства совершенно достаточно для признанія спорнаго завѣщанія неподлежащимъ утвержденію при наличности другаго завѣщанія, совершеннаго 30 апрѣля 1891 г. у нотаріуса Момма, объ утвержденіи коего заявлено ходатайство.

Обстоятельства настоящаго дѣла указываютъ, насколько существенно важно строгое исполненіе предписанія 87 ст. нот. пол. Законъ, придавая нотаріальному акту особую силу и значеніе, естественно обставилъ совершеніе этихъ актовъ особыми формальностями, гарантирующими заинтересованныхъ лицъ. Только служащіе нотаріуса могли взять на себя смѣлость удостовѣрить, что г-жа Штюрцваге обладаетъ свойствами, требуемыми 1016 ст. т. X ч. I, пробывъ въ комнатѣ больной 15 минутъ во время чтенія завѣщанія, не сказавъ съ нею ни слова и никогда ея раньше не зная; впрочемъ свидѣтельница г-жа Юргенсъ говоритъ, что въ комнату больной входили только г. Эггельмъ и еще двое, т. е. г. Меморскій и, вѣроятно, г. Сперанскій, который привезъ г. Меморскаго.

Настаивая по этимъ соображеніямъ на томъ, что нотаріальное завѣщаніе отъ 29 мая 1897 года, подписанное свидѣтелями, служащими у нотаріуса, теряетъ силу нотаріальнаго и не подлежитъ утвержденію, какъ домашнее, при наличности ходатайства истцовъ объ утвержденіи нотаріальнаго духовнаго завѣщанія отъ

30 апрѣля 1891 года (1030 ст. X т. ч. 1 Св. зак.),—апелляторы просили отмѣнить обжалованное рѣшеніе Московскаго окружнаго суда отъ 21 марта 1898 г. и удовлетворить исковыя требованія.

Обсудивъ обстоятельства дѣла въ предѣлахъ апелляціонной жалобы истцовъ Мюллеръ, Оксъ, Вальбергъ и др., Московская судебная палата отвергла споръ просителей относительно правоспособности завѣщательницы Штюрцваге на основаніи фактическаго матеріала въ дѣлѣ (показанія свидѣтелей и заключенія экспертовъ) и притомъ нашла, что споръ противъ завѣщанія, основанный на томъ, что завѣщаніе подписано лицами, служащими у нотаріуса, невѣренъ съ фактической стороны. Споръ этотъ основанъ не на точной редакціи показанія свидѣтеля Тебенькова, который свою дѣятельность подписи актовъ въ качествѣ свидѣтеля приравнялъ къ своей службѣ у нотаріуса, но это обстоятельство опровергнуто показаніями такихъ же наемныхъ свидѣтелей Глаголевыхъ. Предъявляя такой споръ, истцы, согласно 366 ст. уст. гр. суд., должны доказать, что эти свидѣтели дѣйствительно служили у нотаріуса Меморскаго въ его конторѣ или были его прислугою (4 п. 87 ст. пол. о нот. части). Полученіе свидѣтелями своего вознагражденія всякій разъ отъ нотаріуса не доказываетъ вовсе, чтобы они служили у нотаріуса за жалованье и исполняли въ его конторѣ какія-либо обязанности по перепискѣ бумагъ, веденію книгъ и пр., ибо это вознагражденіе платятъ свидѣтелямъ лица, совершающія акты, но передаютъ его чрезъ нотаріуса, который освобождаетъ своихъ кліентовъ отъ обязанности торговаться и расплачиваться съ свидѣтелями. Такой нежелательный порядокъ засвидѣтельствованія нотаріальныхъ актовъ не воспрещенъ закономъ, въ которомъ нѣтъ постановленія о недѣйствительности актовъ вслѣдствіе засвидѣтельствованія его наемными свидѣтелями, а потому такой споръ противъ завѣщанія Штюрцваге представляется неосновательнымъ и правильно отвергнутъ окружнымъ судомъ по соображеніямъ, изложеннымъ въ его рѣшеніи. Посему Московская судебная палата, 7 декабря 1898 г., рѣшеніе Московскаго окружнаго суда утвердила.

Въ кассаціонной жалобѣ повѣренный Мюллеръ, Оксъ и др. объяснилъ, что судебная палата оставила въ своемъ рѣшеніи безъ послѣдствій споръ его о томъ, что завѣщаніе подписано лицами, служащими у нотаріуса, признавая споръ этотъ невѣрнымъ съ фактической стороны. Между тѣмъ свидѣтели эти, спрошенные 17 января 1898 г. въ засѣданіи Московскаго окружнаго суда, показали буквально слѣдующее:

1) Тебеньковъ,—„я служу у нотаріуса Меморскаго и получаю отъ него вознагражденіе за то, что расписываюсь въ качествѣ свидѣтеля".

2) Константинъ Глаголевъ,—„я постоянно нахожусь у нотаріуса Меморскаго и получаю отъ него вознагражденіе за то, что подписываюсь въ качествѣ свидѣтеля, другихъ занятій я не имѣю".

и 3) Петръ Глаголевъ,—„я постоянно нахожусь при конторахъ нотаріусовъ Меморскаго и Поль и получаю отъ нихъ вознагражденіе за то, что подписываюсь въ качествѣ свидѣтеля, другихъ занятій я не имѣю".

Изъ этихъ показаній несомнѣнно явствуетъ, что означенныя лица, подписавшія завѣщаніе Штюрцваге въ качествѣ свидѣтелей и удостовѣрившія ея самоличность и нормальность ея умственныхъ способностей, находились въ такихъ отношеніяхъ къ нотаріусу Меморскому, которыя и могутъ быть названы службою. Въ самомъ дѣлѣ, лица эти откровенно признаются, что они постоянно находятся въ конторѣ нотаріуса и получаютъ отъ него вознагражденіе, которое является единственнымъ источникомъ ихъ существованія. При такомъ положеніи вещей разсужденіе судебной палаты о томъ, что истцами не доказанъ фактъ дѣйствительной службы этихъ лицъ у нотаріуса Меморскаго, представляется совершенно произвольнымъ и не согласнымъ съ обстоятельствами дѣла. Разъ, такимъ образомъ, установлено, что лица эти находились въ отношеніяхъ служебной зависимости къ нотаріусу, то дальнѣйшее разсужденіе судебной палаты о томъ, что „полученіе свидѣтелями своего вознагражденія *всякій разъ* отъ нотаріуса, не доказываетъ вовсе, чтобы они служили у нотаріуса за жалованье и исполняли въ его конторѣ какія-либо обязанности по перепискѣ бумагъ, веденію книгъ и пр., ибо это вознагражденіе платятъ свидѣтелямъ лица, совершающія акты, но передаютъ его чрезъ нотаріуса, который освобождаетъ своихъ кліентовъ отъ обязанности торговаться и расплачиваться съ свидѣтелями", представляется также неправильнымъ. По дѣлу ничѣмъ не установлено, чтобы такой порядокъ, какъ его описываетъ судебная палата (полученіе свидѣтелями вознагражденія за каждый разъ отъ сторонъ, совершающихъ акты), дѣйствительно имѣлъ мѣсто, ибо ни свидѣтели, ни самъ нотаріусъ на это не указываютъ, а слѣдовательно судебная палата установила такія фактическія обстоятельства, которыхъ въ дѣлѣ вовсе нѣтъ, чѣмъ нарушила 339 и 711 ст. ст. уст. гражд. суд. Что касается затѣмъ вывода судебной палаты о томъ, что

завѣщаніе, подписанное такими свидѣтелями, представляется правильнымъ, то таковой выводъ, несомнѣнно, нарушаетъ 4 п. 87 ст. полож. о нотар. части. По этому пункту устраняются отъ свидѣтельства, подъ опасеніемъ недѣйствительности акта, служащіе въ конторѣ нотаріуса и прислуга какъ его, такъ и служащихъ въ его конторѣ. Смыслъ этого законоположенія совершенно ясенъ: законъ требуетъ, съ одной стороны, чтобы тѣ лица, которыя подписываютъ нотаріальные акты въ качествѣ свидѣтелей, не были по отношенію къ нотаріусу связаны какой-либо отъ него зависимостью, а съ другой стороны—устраняетъ отъ права быть свидѣтелями такихъ лицъ, которыя такъ или иначе, посредственно или непосредственно, находятся въ зависимости отъ нотаріуса. Спрашивается, могутъ ли такія лица, какъ Тебеньковъ и Глаголевы, сами признавшіе, что они живутъ исключительно только на тѣ средства, которыя получаютъ отъ нотаріуса, быть разсматриваемы какъ лица вполнѣ отъ него независимыя? Очевидно, что нѣтъ. Самыя эти лица не только своими показаніями на судѣ, но и своимъ образомъ дѣйствій по настоящему дѣлу, ясно доказали свое усердіе угождать нотаріусу удостовѣреніемъ такихъ обстоятельствъ, какъ самоличность и нормальность завѣщательницы, хотя они ее тогда въ первый разъ только увидали.

На основаніи изложеннаго повѣренный истцовъ просилъ рѣшеніе Московской судебной палаты отъ 7 декабря 1898 г., какъ нарушающее 339 и 711 ст. ст. уст. гражд. суд. и 4 п. 87 ст. пол. о нот. части, отмѣнить.

Въ объясненіи на эту кассаціонную жалобу повѣренный отвѣтчика Леопольда Штюрцваге изложилъ слѣдующее. Истцы утверждаютъ, будто бы палата въ своемъ рѣшеніи сдѣлала неправильный выводъ изъ свидѣтельскихъ показаній, придя къ заключенію, что не доказано истцами то обстоятельство, что завѣщаніе Штюрцваге подписано служащими нотаріуса или его прислугой, и на основаніи этого просятъ объ отмѣнѣ рѣшенія. Между тѣмъ оцѣнка свидѣтельскихъ показаній относится къ существу дѣла и не подлежитъ повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ, а, независимо отъ этого, и по существу выводъ палаты представляется правильнымъ, такъ какъ, дѣйствительно, ни одинъ изъ свидѣтелей не указалъ такого рода занятій своихъ у нотаріуса, по которымъ слѣдовало бы причислить свидѣтеля къ разряду служащихъ или прислуги. Полученіе денегъ отъ нотаріуса, лично ему принадлежащихъ или передаваемыхъ отъ кліентовъ, вопреки мнѣнію истцовъ, значенія для дѣла имѣть не

можетъ въ виду того, что какъ служба мыслима безъ жалованья, такъ и полученіе и дача денегъ возможны безъ службы, а потому требованіе закона о томъ, чтобы завѣщаніе подписывалось неслужащими, должно считаться исполненнымъ, если бы свидѣтель и получилъ вознагражденіе за отвлеченіе отъ своихъ занятій или досуга, лишь бы только не было установлено другихъ занятій въ конторѣ. Что вознагражденіе, по мнѣнію закона, не можетъ влiять на самостоятельность и независимость свидѣтеля, видно изъ того, что эксперты и свидѣтели, дающіе свои заключенія и показанія въ судебныхъ мѣстахъ, получаютъ отъ сторонъ вознагражденіе.

Обстоятельства дѣла возбудили, такимъ образомъ, слѣдующій вопросъ: *могутъ ли, согласно 4 п. 87 ст. полож. о нотар. части, быть признаны „служащими въ конторѣ нотаріуса" лица, занимающіяся въ конторѣ въ качествѣ свидѣтелей, постоянно приглашаемыхъ нотаріусомъ для присутствованія при совершеніи актовъ, и получающія за это отъ нотаріуса вознагражденіе?*

Обращаясь, для разрѣшенія этого вопроса, къ 87 статьѣ положенія о нотаріальной части, находимъ въ ней слѣдующія постановленія: „свидѣтелями при совершеніи актовъ, подъ опасеніемъ лишенія акта силы нотаріальнаго, не могутъ быть: 1) слѣпые, глухіе, нѣмые, безумные и сумасшедшіе; 2) не знающіе русскаго языка; 3) лица, въ пользу которыхъ въ самомъ актѣ дѣлается какое-либо распоряженіе, а также состоящіе съ ними, или съ участвующими въ актѣ, или же съ самимъ нотаріусомъ въ отношеніяхъ, означенныхъ въ ст. 75; 4) служащіе въ конторѣ нотаріуса и прислуга какъ его, такъ и служащихъ въ его конторѣ; 5) лишенные правъ состоянія или .... права быть свидѣтелемъ". Толкуя это законоположеніе, окружный судъ нашелъ, что ст. 87 воспрещаетъ „*соединеніе* званія *свидѣтеля* съ обязанностями лицъ, *служащихъ* у того же нотаріуса или состоящихъ прислугою у него самого или у его служащихъ", но „не лишаетъ свидѣтеля права получать вознагражденіе". Судебная же палата, какъ видно изъ ея рѣшенія, не признала лицъ, постоянно свидѣтельствующихъ за вознагражденіе нотаріальные акты, *служащими* у нотаріуса, повидимому, потому, что подъ послѣдними она разумѣла лицъ, „исполняющихъ въ конторѣ обязанности по *перепискѣ* бумагъ, веденію книгъ и пр.",—но не „наемныхъ свидѣтелей". Можно ли, однако, даже основываясь на томъ соображеніи, что данный законъ—ограничительный, понимать подъ служащими только переписчиковъ, книговодовъ и тому подобныхъ спеціалистовъ нота-

ріальнаго дѣла, исключая изъ ихъ числа всякое такое лицо, которое, даже находясь въ постоянныхъ отношеніяхъ съ нотаріусомъ, даже получая отъ него постоянное вознагражденіе, все-таки не переписываетъ, не ведетъ книгъ, не считываетъ?.....

Конечно, нѣтъ. Понимать подъ служащими у нотаріуса только лицъ, посвященныхъ спеціальному дѣлу, только переписчиковъ или *конторщиковъ*,—къ чему сводится толкованіе и палаты и окружнаго суда,—нельзя уже потому, что если ограничительный законъ долженъ быть толкуемъ точно, то и невозможно вставлять въ такой законъ, при толкованіи его новыя понятія или замѣнять ими понятія, въ законѣ употребленныя: гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, въ 4 п. 87 статьи говорится о переписчикахъ или конторщикахъ? О нихъ не говорится ни слова, а упоминаются вообще— „служащіе". Если же, такимъ образомъ, въ законѣ не дано никакихъ основаній къ тому, чтобы понятіе „служащаго" можно было просто свести къ понятію „конторщика", если необходимо, такъ или иначе, вникнуть въ смыслъ этого понятія и истолковать его сообразно выраженной въ 87 ст. нотар. полож. мысли,—то нельзя, прежде всего, не обратить вниманія и на то, что рядомъ со „служащими" называется въ томъ же 4 пунктѣ и „прислуга" нотаріуса и служащихъ въ его конторѣ. Итакъ, во всякомъ случаѣ, не одни только конторщики нотаріуса лишаются права свидѣтельствовать совершаемые у него акты,—того же лишается и прислуга этихъ лицъ. Итакъ,—каковъ же, въ самомъ дѣлѣ, точный смыслъ этого законоположенія?

Вдумываясь въ простой, безхитростный смыслъ пяти пунктовъ приведенной выше 87 ст., не трудно замѣтить, что эта статья устраняетъ отъ свидѣтельствованія нотаріальныхъ актовъ,—въ первомъ пунктѣ—категорію лицъ неспособныхъ быть свидѣтелями по *физическимъ* своимъ *недостаткамъ*, во второмъ пунктѣ— лицъ, неспособныхъ къ тому по недостатку *интеллектуальному*, въ пятомъ пунктѣ—по недостатку нравственному, въ третьемъ же и четвертомъ пунктѣ приведенная статья устраняетъ отъ свидѣтельствованія: въ третьемъ,—лицъ, непосредственно въ актѣ заинтересованныхъ и въ немъ участвующихъ, а также находящихся съ ними или же съ самимъ нотаріусомъ въ отношеніяхъ родства, брака, свойства или усыновленія (ст. 75), а въ пунктѣ четвертомъ—лицъ, находящихся въ особыхъ отношеніяхъ къ нотаріусу, именно отношеніяхъ службы. Спрашивается,—почему же именно устраняются отъ свидѣтельства эти послѣднія лица, названныя въ 3 и 4 пунктахъ

87 статьи? Какой же именно недостатокъ дѣлаетъ ихъ негодными свидѣтелями? Конечно, недостатокъ необходимой для безпристрастнаго свидѣтельствованія фактической *независимости* отъ лицъ, въ актѣ заинтересованныхъ или участвующихъ,—недостатокъ, такъ сказать, общественнаго свойства.

Конечно, если нельзя допустить къ свидѣтельству лицъ, не умѣющихъ говорить, видѣть или соображать,—то, однакоже, къ свидѣтелю, какъ извѣстно, недостаточно предъявлять только требованія этихъ физическихъ качествъ. Что изъ того, что зрячій свидѣтель будетъ разсказывать то, что видѣлъ,—если онъ, будучи, уже лишенъ за преступленіе правъ состоянія, не возбуждаетъ довѣрія къ своему показанію? Равнымъ образомъ, однако, не возбуждаютъ довѣрія и показанія родныхъ заинтересованныхъ лицъ, а иногда самое свидѣтельствованіе этихъ лицъ, даже желающихъ дать правдивыя показанія,—можетъ поставить ихъ въ затруднительное положеніе. Конечно, родные, въ силу родственныхъ отношеній, находятся обыкновенно въ слишкомъ тѣсной зависимости и солидарной заинтересованности другъ отъ друга, почему показанію ихъ трудно довѣрять, и лучше всего ихъ вовсе устранить.

Теперь спрашивается,—почему же законъ устраняетъ отъ свидѣтельствованія нотаріальныхъ актовъ именно „служащаго въ конторѣ нотаріуса“,—хотя бы въ лицѣ конторщика, письмоводителя или „прислугу“, хотя бы въ лицѣ сторожа, служителя при конторѣ? Конечно, только потому, что и лицо, состоящее на службѣ у нотаріуса, несомнѣнно, находится въ тѣсной фактической зависимости отъ нотаріуса, а слѣдовательно не можетъ свидѣтельствовать или удостовѣрять совершаемые у него акты съ подлежащею свободою и правдивостью, безъ всякаго личнаго въ дѣлѣ интереса. А если таковъ, несомнѣнно, истинный смыслъ выраженнаго въ 4 п. 87 ст. нотар. полож. ограничительнаго законоположенія, то, конечно,—при разрѣшеніи вопроса о томъ, должно ли признать то или другое лицо „служащимъ въ конторѣ нотаріуса“ и, потому, не имѣющимъ, въ силу 4 п. 87 ст., права быть свидѣтелемъ, *слѣдуетъ обращать вниманіе не на то, можно ли или нельзя признать данное лицо вообще „служащимъ“ или „состоящимъ на службѣ“*,—а слѣдуетъ принять во вниманіе то обстоятельство,—*находится ли данное лицо къ нотаріусу въ такихъ отношеніяхъ службы, которыя обусловливаютъ предусмотрѣнную въ законѣ близость и зависимость лицъ другъ отъ друга?*

Примѣняя же именно этотъ критерій къ случаю, имѣющему

мѣсто въ обстоятельствахъ вышеизложеннаго дѣла, нельзя не признать разрѣшенія поставленнаго вопроса окружнымъ судомъ и судебною палатою,—утвержденное уже нынѣ резолюціею Правительствующаго Сената,—неправильнымъ. Въ самомъ дѣлѣ,—если при служебныхъ отношеніяхъ вообще, заключающихся въ томъ, что одно лицо получаетъ вознагражденіе отъ другаго за оказываемыя ему услуги,—несомнѣнна зависимость лица вознаграждаемаго отъ вознаграждающаго, то, конечно, нельзя не признать зависимымъ отъ нотаріуса такого свидѣтеля, который, не имѣя никакихъ другихъ занятій, исключительное занятіе и заработокъ свой имѣетъ лишь въ томъ, что, состоя при конторѣ нотаріуса, по распоряженію его, подписываетъ нотаріальные акты въ качествѣ свидѣтеля. Если почему-либо и страннымъ или непривычнымъ кажется назвать такого наемнаго свидѣтеля „служащимъ въ конторѣ нотаріуса“, если и странно видѣть службу въ подписываніи актовъ,—то, хотя бы и свидѣтель, онъ, однакоже *наемный*, *постоянно* (задѣльно или помѣсячно) *вознаграждаемый* свидѣтель, то, во всякомъ случаѣ,—служащій или не служащій у нотаріуса,—онъ, однако, несомнѣнно находится въ *полной отъ нотаріуса зависимости:* не пожелай почему-либо такой свидѣтель подписать представленный ему нотаріусомъ актъ,—и нотаріусъ предложитъ ему отправиться на всѣ четыре стороны, лишитъ его насущнаго заработка. *Это ли не зависимость,—что до того, служба эта или не служба?*

Конечно, такого рода зависимость, зависимость лица кормящагося чуть ли не подачками,—гораздо значительнѣе, интенсивнѣе, чѣмъ зависимость болѣе или менѣе отдаленнаго родственника или свойственника участвующаго въ сдѣлкѣ лица: боковые родственники, напр., четвертой степени (см. ст. 75 нотар. полож.), могутъ не только фактически не находиться въ какихъ-либо отношеніяхъ зависимости, но могутъ быть даже въ ссорѣ, во враждебныхъ отношеніяхъ; лицо же, живущее вознагражденіемъ, получаемымъ отъ даннаго лица,—конечно, явно отъ него зависитъ.

Едва ли, затѣмъ, можно сравнивать такого *наемнаго* свидѣтеля со свидѣтелями или экспертами, получающими въ судѣ вознагражденіе за свои заключенія или показанія. Эти послѣдніе, во-первыхъ, получаютъ вознагражденіе не за показанія или заключенія, а за отвлеченіе ихъ отъ занятій, то есть въ цѣляхъ возмѣщенія убытковъ, во-вторыхъ,—они получаютъ вознагражденіе если и отъ сторонъ, то по опредѣленію суда, а, въ-третьихъ,—получи они

вознагражденіе непосредственно отъ стороны, помимо постановленія суда,—могъ бы возникнуть вопросъ и тамъ о наемномъ свидѣтелѣ, о подкупѣ его или эксперта, и во всякомъ случаѣ судъ, опредѣляя цѣну показанію свидѣтеля *наемнаго*,—могъ бы или долженъ былъ бы вовсе его игнорировать, а фактъ, имъ подтверждаемый, признать недоказаннымъ.

Есть, наконецъ, еще одно, собственно побочное, но, повидимому, серьезное соображеніе, склоняющее какъ будто къ противоположному мнѣнію. Уже обстоятельства разсматриваемаго дѣла показываютъ, что порядокъ свидѣтельствованія нотаріальныхъ актовъ наемными свидѣтелями, содержимыми для этой цѣли самимъ нотаріусомъ, довольно обыченъ и какъ будто бы порядокъ довольно распространенный. Не было ли бы опасно провозгласить недѣйствительными всѣ сдѣлки, удостовѣренныя подобными наемными свидѣтелями, не причинило ли бы это большой имущественной неурядицы? Едва ли, однако, думается намъ, эти побочныя соображенія могутъ оправдывать рѣшеніе вопроса вопреки точному смыслу закона. Независимо отъ того, что намъ положительно неизвѣстно, точно ли указанный,—„нежелательный", по признанію самой же Московской судебной палаты,—порядокъ засвидѣтельствованія нотаріальныхъ актовъ является укоренившимся и распространеннымъ, что можно было установить лишь путемъ опроса нотаріальныхъ учрежденій,—какъ ни нежелательно вообще подрывать силу нотаріальныхъ сдѣлокъ, въ противномъ случаѣ, однако, грозитъ зло еще болѣе опасное, еще болѣе серьезное,—то зло, которое основные государственные законы называютъ „обманчивымъ непостоянствомъ самопроизвольныхъ толкованій" (ст. 65). Принципіально не должно быть допустимо, чтобы законъ толковался несообразно его точному, истинному смыслу, а въ виду болѣе или менѣе распространившихся фактическихъ его нарушеній: послѣднія могутъ вызвать законодательную же отмѣну этого закона, но не могутъ и не должны подчинять себѣ законъ, отмѣнять законъ фактически; тѣмъ болѣе судъ, блюститель закона, не можетъ признавать свое безсиліе противъ укоренившагося закононарушенія. Иначе—гдѣ же будетъ предѣлъ тѣмъ фактическимъ закононарушеніямъ, этимъ санкціонирующимъ ихъ судебнымъ рѣшеніямъ?

С. Б. Гомолицкій.

III.

ПО ПОВОДУ ОТМѢНЫ 994 СТ. УЛОЖЕНІЯ О НАКАЗАНІЯХЪ [1]).

Закономъ 3 іюня 1902 года объ улучшеніи положенія незаконнорожденныхъ дѣтей (Собр. узак. за 1902 г. № 62, ст. 623) отмѣнена статья 994 уложенія о наказаніяхъ. Отмѣна этой статьи является крупнымъ и вмѣстѣ важнымъ актомъ законодателя. Отмѣною ея начинается совершенно новая эпоха въ правовой жизни Россіи, такъ какъ взамѣнъ и вмѣсто отмѣненной статьи уголовнаго закона созданъ новый институтъ семейственнаго права. Краткая статья изъ уголовнаго уложенія вычеркнута, но положено прочное новое начало въ системѣ гражданскихъ законовъ для внѣбрачнаго сожитія. Давно и нетерпѣливо ожидаемое улучшеніе участи незаконнорожденныхъ стало фактомъ свершившимся. Поэтому весьма интересно сравнить упраздненное прошлое съ новосозданнымъ и наглядно выяснить значеніе этой новой реформы. Чѣмъ же была до изданія закона 3 іюня 1902 года 994 статья уложенія и чѣмъ восполнена и замѣнена теперь она?

Отмѣненная 994 статья уложенія гласила: „За противозаконное сожитіе неженатаго съ незамужнею, по взаимному соглашенію, виновные, если они христіане, подвергаются церковному покаянію по распоряженію своего духовнаго начальства. Но, когда послѣдствіемъ такой порочной жизни было рожденіе младенца, то отецъ обязанъ, сообразно съ своимъ состояніемъ, обезпечить приличнымъ образомъ содержаніе младенца и матери“. Естественнымъ же продолженіемъ этого закона служили также нынѣ и тѣмъ же законодательнымъ актомъ измѣненная статья 132 и отмѣненная вовсе статья 136 т. X ч. 1 Св. зак. гражд., въ силу которыхъ дѣти, рожденныя внѣ брака и считавшіяся потому незаконными, хотя бы они и были воспитаны тѣми, которые именуются ихъ родителями, не имѣютъ права на имя фамиліи ихъ отца и законное послѣ него или матери своей въ имуществѣ наслѣдство. Справедливо характеризуются возникающія между естественными родителями и ихъ дѣтьми отношенія въ афоризмѣ А. Л. Боровиковскаго [2]): „Твои родители не имѣли права тебя родить. Ты не имѣлъ права родиться“... „Жесто-

---

[1]) Докладъ, читанный 2 ноября 1902 г. въ Кіевскомъ Юридическомъ Обществѣ.
[2]) Жур. Мин. Юст. 1899 г. кн. 8 стр. 1—2.

кость этого приговора",—продолжаетъ онъ,—„фактически смягчается „естественными" отношеніями между ребенкомъ и его дѣйствительными родителями. Но юридически приговоръ безусловенъ. Эта женщина, кормящая незаконнорожденнаго младенца, ему отнюдь не „мать", а только „добрая женщина". Этотъ мужчина, помогающій ей въ заботахъ о ребенкѣ, ему не „отецъ", а лишь „сердобольный человѣкъ". Все это не болѣе какъ „фактическія отношенія", „юридически" же младенецъ—безродный, круглый сирота".

Уже самые термины въ отмѣненныхъ законахъ: „противозаконное сожитіе", „порочная жизнь", „незаконнорожденныя дѣти"—ничего хорошаго обѣщать не могли, а жизненная обстановка дѣтей, происшедшихъ отъ такой „порочной" жизни, надѣляла ихъ полнымъ безправіемъ, вѣчнымъ униженіемъ и несмываемымъ клеймомъ незаконнорожденности. Законы гражданскіе отъ нихъ отказались. Только уголовный законъ принялъ подъ свою охрану интересы такихъ обездоленныхъ и дѣтей, и ихъ матерей.

По мѣрѣ смягченія суровыхъ взглядовъ законодателя на „преступленія противъ добрыхъ нравовъ" и въ поступательномъ ходѣ развитія нашего уголовнаго законодательства была создана 994 ст. уложенія [1]), выдѣлившая въ особый видъ преступнаго дѣянія такое „противозаконное сожитіе", которое, будучи „добровольной, по взаимному согласію, любодѣйною связью лицъ, не состоящихъ въ законномъ съ другими лицами бракѣ", осуществлялось не въ видѣ непотребства и не соединялось съ какими-либо безстыдными и служащими соблазномъ для другихъ дѣйствіями. Такую связь все-же законодатель признавалъ преступною, но, такъ какъ она носила характеръ преступленія лишь противъ „добрыхъ нравовъ",—подлежащею наказанію только церковнымъ покаяніемъ, а не какимъ-либо изъ указанныхъ въ уголовномъ уложеніи видомъ наказаній. Когда же послѣдствіемъ такой порочной жизни было рожденіе младенца, то опять-таки въ цѣляхъ поддержанія тѣхъ же добрыхъ нравовъ на отца ребенка была возложена обязанность приличнымъ образомъ обезпечить, сообразно съ его состояніемъ, содержаніе ребенка и его матери, не надѣляя ни того, ни другой какими-либо правами, равно и не налагая на нихъ и соотвѣтствующихъ обязанностей.

Если этотъ уголовный законъ и создалъ защиту для безправныхъ, то таковую они могли искать лишь въ одномъ уголовномъ судѣ. Судебная практика въ отношеніи примѣненія этого закона

---

[1]) См. рѣш. Угол. Кас. Деп. 1874 г. № 733 по дѣлу Петрова.

создала незыблемыя правила, слѣдуя которымъ только и могли потерпѣвшіе отъ этого преступленія получить удовлетвореніе своихъ притязаній.

Прежде всего, подъ понятіе противозаконнаго сожитія подводилось не только болѣе или менѣе продолжительная связь, съ характеромъ постоянства и внѣшнимъ видомъ супружескаго союза, но даже и единичный случай любодѣянія при тѣхъ взаимныхъ отношеніяхъ виновныхъ въ ономъ лицъ, которыя разумѣлись подъ выраженіемъ „противозаконное сожитіе", если бы только было доказано на судѣ, что послѣдствіемъ именно этого единичнаго случая любодѣянія было рожденіе ребенка (рѣш. Угол. Кас. Деп. Сената 1874 г. № 733). Затѣмъ подсудность уголовному суду этого рода дѣлъ обусловливалась наличностью признаковъ, указанныхъ во второй части 994 статьи, а именно: наличностью *рожденія* младенца и *предъявленія* требованія объ обезпеченіи ребенка и матери или только ребенка. Отказъ отъ гражданскаго иска или примиреніе сторонъ, собственно, въ отношеніи предъявленнаго требованія объ обезпеченіи устраняли разсмотрѣніе уголовнымъ судомъ не только этого иска, но влекли прекращеніе и самого дѣла въ уголовномъ судѣ, такъ какъ одно противозаконное сожитіе влекло для христіанъ церковное покаяніе, вслѣдствіе чего дѣло становилось уже неподсуднымъ уголовному, а было подсудно духовному суду (рѣш. Общ. Собр. Сената 1868 г. № 657, 1879 г. № 58, Угол. Кас. Деп. Сената 1868 г. № 694, 1875 г. № 511, 1888 г. № 12 и др. и 1002 ст. уст. угол. суд.).

Считаемъ умѣстнымъ привести in extenso разъясненіе Общаго Собранія Сената за 1868 г. № 657, такъ какъ въ немъ находимъ точное опредѣленіе смысла и значенія закона и карательныхъ его мѣръ въ связи съ подсудностью дѣлъ уголовному суду. „Общее Собраніе нашло, что согласно 994 ст. улож. о нак. виновные въ противозаконномъ сожитіи, по взаимному согласію, подвергаются церковному покаянію, но когда послѣдствіемъ такой жизни будетъ рожденіе младенца, то отецъ обязанъ обезпечить содержаніе младенца и матери, а на основаніи 620 ст. уст. угол. суд. дѣла о развратномъ поведеніи, въ томъ числѣ и возбужденныя по 994 ст. улож., производятся въ окружномъ судѣ при закрытыхъ дверяхъ. Такимъ образомъ, слѣдуетъ заключить, что дѣла, возбужденныя по 994 ст. улож., подлежатъ разсмотрѣнію въ порядкѣ уголовнаго суда. Между тѣмъ въ другихъ, относящихся къ этому предмету, законахъ постановлено (уст. угол. суд. ст. 1002): дѣла о преступленіяхъ, за

которыя въ законахъ уголовныхъ полагается лишь церковное покаяніе или отсылка виновнаго къ духовному суду, подлежатъ исключительно сему суду,—и въ ст. 1003 уст. угол. суд.: дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, за которые въ законахъ уголовныхъ опредѣлено, сверхъ церковнаго покаянія, еще другое наказаніе, рѣшаются уголовнымъ судомъ, приговоръ котораго сообщается духовному начальству для преданія осужденныхъ церковному покаянію. Изъ сопоставленія первыхъ двухъ законовъ съ двумя послѣдними оказывается между ними какъ бы нѣкоторое несогласіе, но это кажущееся несогласіе устраняется слѣдующими соображеніями: ст. 994 улож. заключаетъ въ себѣ два постановленія: въ первомъ ея пунктѣ говорится о случаѣ противозаконнаго сожитія, не имѣвшемъ никакихъ послѣдствій и подвергающемъ лишь церковному покаянію, а во второмъ пунктѣ указывается на случай рожденія младенца отъ незаконнаго сожитія и на обязанность отца обезпечить содержаніе младенца и матери. Понятно, что въ первомъ случаѣ дѣла этого рода подлежали исключительно духовному суду, согласно 1002 ст. уст. угол. суд., которой не противорѣчитъ и 620 ст. уст. угол. суд., заключающая въ себѣ общее указаніе на дѣла о противозаконномъ сожитіи и подразумѣвающая, конечно, тѣ изъ нихъ, которыя вѣдаются уголовнымъ судомъ. Во второмъ случаѣ дѣла этого рода не могутъ подлежать духовному суду въ отношеніи къ обезпеченію содержанія незаконнорожденнаго дитяти и его матери, такъ какъ духовный судъ налагаетъ церковное покаяніе, а не гражданскія взысканія (уст. угол. суд. ст. 1018); но, гдѣ бы дѣла эти ни производились, распоряженіе о наложеніи церковнаго покаянія по обнаруженному незаконному сожитію принадлежитъ духовному начальству. Вопросъ, слѣдовательно, сводится лишь къ тому, какой свѣтскій судъ—гражданскій или уголовный—долженъ вѣдать дѣла, возбужденныя по 2 ч. 994 ст. улож. Хотя *обязанность отца незаконнорожденнаго младенца* обезпечить содержаніе его и его матери, по свойству своему, есть *обязанность гражданская*, но наше законодательство, относящееся весьма строго къ незаконнорожденнымъ дѣтямъ, не включаетъ обязанность ихъ содержанія въ опредѣленія свои о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ. *Наши гражданскіе законы*, опредѣляющіе обязанности мужей къ женамъ и родителей къ дѣтямъ (ст. 100—195 т. X ч. 1), касаются исключительно *лицъ*, въ *законномъ бракѣ* состоящихъ, и *дѣтей*, въ *законномъ бракѣ* рожденныхъ. Что же касается до *незаконнорожденныхъ дѣтей*, то ст. 136 этихъ законовъ *ограничивается*

отрицаніемъ всякаго рода гражданскихъ правъ такихъ дѣтей относительно имущества ихъ *незаконныхъ родителей*; другихъ же статей, которыя опредѣляли бы какъ личныя, такъ и имущественныя отношенія между отцомъ и незаконнорожденнымъ его младенцемъ и его матерью, не существуетъ. *Слѣдовательно обязанность, выраженная въ 994 ст.* улож., въ силу которой отецъ незаконнорожденнаго ребенка обязанъ обезпечить содержаніе ребенка и его матери, *нельзя признать* за обязанность, *вытекающую изъ отношеній*, предусмотрѣнныхъ *нашимъ гражданскимъ правомъ*. А такъ какъ, на основаніи 1 ст. уст. гражд. судопр., порядкомъ гражданскаго суда вчинаются иски, проистекающіе изъ отношеній, основанныхъ на правѣ гражданскомъ, то *искъ о понужденіи отца къ исполненію опредѣленной закономъ уголовнымъ обязанности* обезпечить содержаніе прижитаго имъ внѣ брака младенца и его матери *не можетъ быть отнесенъ къ вѣдомству гражданскаго* суда, а долженъ быть признаваемъ *гражданскою мѣрою*, неразрывно связанной съ наказаніемъ, опредѣленнымъ въ 994 ст. улож. за незаконное сожитіе, имѣвшее послѣдствіемъ рожденіе младенца, т. е. *такою мѣрою*, которая принимается *уголовнымъ судомъ* по разсмотрѣніи дѣла о незаконномъ сожитіи, имѣвшемъ означенныя послѣдствія“ Къ тому же выводу, но въ отрицательной формѣ, пришелъ Правительствующій Сенатъ и въ рѣшеніи Общаго Собранія за 1891 г. № 24, разъяснивъ, что въ законахъ гражданскихъ Прибалтійскихъ губерній (т. III Св. мѣстныхъ узаконеній Остзейскихъ губерній, ст. 167—170, 172 и слѣд.) содержится цѣлый рядъ постановленій, коими обязанность доставлять незаконнорожденному необходимыя на его содержаніе и воспитаніе средства, пока онъ не будетъ въ состояніи содержать самъ себя, возложена преимущественно на отца, а въ отношеніи къ матери незаконнорожденнаго тѣ же указанія содержатъ подобныя же постановленія, налагающія имущественныя обязанности на сожителя или обольстителя, и что, при такихъ условіяхъ, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ иски незаконнорожденныхъ дѣтей и ихъ матерей, по предмету обезпеченія ихъ, подлежатъ предъявленію въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства, такъ какъ таковые истекаютъ изъ отношеній, основанныхъ на правѣ гражданскомъ, и потому, согласно 1 ст. уст. гражд. суд., такіе иски подлежатъ вѣдѣнію гражданскаго, а не уголовнаго суда. Гражданскому суду подлежалъ искъ еще и тогда, если уголовное дѣло не могло быть возбуждено по случаю смерти отца ребенка (рѣш. Гражд. Касс. Деп. Сената 1880 г. № 182 и др.).

Ближайшее же опредѣленіе существа установленной уголовнымъ закономъ (2 ч. 994 ст. улож.) обязанности отца незаконнаго ребенка обезпечить содержаніе его и его матери нашло себѣ мѣсто въ рѣшеніи Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Сената за 1888 г. № 17, разъяснившемъ, что эта обязанность не составляетъ вознагражденія за вредъ и убытки, преступнымъ дѣяніемъ причиненные, а вытекаетъ изъ самаго факта рожденія ребенка отъ противозаконнаго сожитія и составляетъ *естественную обязанность* отца содержать ребенка и его мать *подобно* тому, *какъ*, при существованіи законнаго брака, *такая* обязанность лежитъ на отцѣ въ силу 106, 172 и 174 ст. т. X ч. 1. Такая обязанность *въ основѣ своей* имѣетъ, читаемъ въ другомъ рѣшеніи Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Сената за 1871 г. № 995, *не имущественное отношеніе*, а *естественную* и *присущую* родителямъ *заботу* о пропитаніи, содержаніи и воспитаніи дѣтей, а потому она *не составляетъ* обязанности *имущественной*, а есть *личная* обязанность родителей, которая, со смертью ихъ, не переходитъ на ихъ наслѣдниковъ.

Установивъ значеніе обязанности отца и, вообще, родителей, какъ личной и, потому, пожизненной или, вѣрнѣе, прижизненной, необходимо было пойти далѣе по этому пути и болѣе точно опредѣлить и самую срочность обязанности отца въ отношеніи ребенка и его матери: моментъ ея начатія (возникновенія) и моментъ ея прекращенія. И вотъ снова надо было прибѣгнуть къ аналогическимъ случаямъ и найти опору все-же въ принципахъ, положенныхъ въ основу законовъ гражданскихъ. И, дѣйствительно, суды стали присуждать отцовъ къ обязанности обезпечить содержаніе матерей до выхода ихъ въ замужество или до смерти, а для дочерей—до выхода въ замужество или до достиженія совершеннолѣтія, для сыновей же—до достиженія совершеннолѣтія, опираясь на правила статьи 663 т. X ч. 1, по которой виновный въ изнасилованіи дѣвицы обязанъ изъ своего имѣнія обезпечить приличное ея состоянію и соразмѣрно съ своимъ имуществомъ содержаніе до выхода ея замужъ, а въ случаѣ рожденія ею отъ сего ребенка,—доставить и средства на содержаніе и воспитаніе младенца, доколѣ онъ по возрастѣ не будетъ въ состояніи избрать родъ жизни, и на статьи 657 и 661 т. X ч. 1. Судебная практика, такимъ образомъ, связала эту возможность съ самымъ крайнимъ срокомъ—достиженіемъ дѣтьми совершеннолѣтія, если, конечно, ранѣе не наступятъ обстоятельства, дающія право и возмож-

ность дѣтямъ самимъ себя устроить прочно въ окружающей ихъ жизненной обстановкѣ (рѣш. Гражд. Касс. Деп. Сената 1880 г. № 182, 1882 г. № 53 и др.).

Моментомъ же возникновенія такой обязанности для отца признанъ былъ день заявленія требованія предъ властями объ обезпеченіи (рѣш. Угол. Касс. Деп. Сената 1870 г. № 429, 1871 г. № 243 и др.), хотя собственно существованіе ея начинается съ момента рожденія незаконнорожденнаго ребенка. О правильномъ примѣненіи правъ и обязанностей родительской власти также не могло быть рѣчи за полнымъ отсутствіемъ другихъ указаній, кромѣ ссылки на естественныя чувства и родителей и дѣтей.

Въ недавнее относительно время (рѣш. Гражд. Касс. Деп. Сената за 1895 г. № 10, 1893 г. № 105 и др.) тѣмъ же объемомъ правъ признано возможнымъ надѣлить и дѣтей, происшедшихъ отъ прелюбодѣянія или отъ обольщенія торжественнымъ обѣщаніемъ жениться (ст. 1585 и 1531 улож. наказ).

Далѣе этого судебная практика не пошла, да и не могла идти по основаніямъ, уже ранѣе нами указаннымъ. Для полной характеристики „фактическихъ отношеній“ внѣбрачнаго сожитія, регламентировавшагося 994 статьею уложенія, только остается напомнить, что защита закона, дѣйствительное матеріальное обезпеченіе содержанія ребенка и его матери могло быть куплено дорогою цѣною самообвиненія матери, явки ея съ повинною и несенія ею на себѣ издержекъ уголовнаго производства дѣла даже въ лучшемъ случаѣ, когда гражданскій ея искъ для ребенка и нея самой присуждался судомъ. Такое положеніе истицы въ уголовномъ процессѣ нельзя не признать тяжкимъ, еще болѣе удручающимъ и безъ того горькое житейское существованіе нелегальной матери и ея ребенка. А если вспомнить тѣ уродливыя процессуальныя положенія, когда приговоръ первой инстанціи уголовнаго суда обжаловался однимъ мужчиною и затѣмъ былъ почему-либо отмѣняемъ второю инстанціею—судебною палатою, а несчастная жертва своего увлеченія—женщина—несла и свой позоръ и вмѣстѣ терпѣла значительный матеріальный ущербъ въ видѣ судебныхъ издержекъ за двѣ инстанціи суда, да предавалась церковному покаянію, то положеніе дѣла становилось еще безотраднѣе.

Остановившись такъ подробно на разсмотрѣніи правопорядка, созданнаго примѣненіемъ 994 статьи уложенія, мы желали вмѣстѣ съ тѣмъ выяснить, что статья 994 уложенія, собственно говоря, не можетъ быть признана уголовнымъ закономъ, въ тѣсномъ смыслѣ,

такъ какъ въ ней прежде всего отсутствуетъ главный элементъ этого закона—наказаніе, ибо церковное покаяніе, по силѣ 58 ст. улож., имѣетъ значеніе субсидіарное, оно только присоединяется къ наказаніямъ, а само по себѣ не составляетъ репрессивнаго элемента, а значеніе наказанія придано „гражданской мѣрѣ", т. е. обязанности отца давать содержаніе, а, во-вторыхъ, существеннымъ содержаніемъ закона было опредѣленіе *естественной*, въ отличіе отъ установленной гражданскими законами—*гражданской*, обязанности отца незаконнаго ребенка доставлять содержаніе ребенку и матери. Такой характеръ и содержаніе закона затрудняли и практическое его примѣненіе, во время его дѣйствія [1]), и нынѣ отмѣна его порождаетъ также не мало вопросовъ, какъ относительно направленія дѣлъ, возникшихъ въ уголовныхъ судахъ до его отмѣны, такъ и въ отношеніи тѣхъ сожитій, которыя состоялись при дѣйствіи нынѣ отмѣненной 994 статьи улож. наказ., такъ какъ рѣчь идетъ не только о перемѣнѣ взгляда на преступное значеніе внѣбрачнаго сожитія, но и о тѣхъ правахъ и обязанностяхъ отца, матери и дѣтей, связанныхъ такимъ сожитіемъ, которыя нынѣ въ законѣ 3 іюня подверглись существенному измѣненію. Не безъ основанія, поэтому, раздаются голоса, выражающіе сожалѣніе, что законъ 3 іюня 1902 г. не коснулся вопроса объ обратномъ его дѣйствіи, такъ какъ на судебныя установленія должна быть теперь возложена трудная работа по разрѣшенію коллизіи пріобрѣтенныхъ правъ при дѣйствіи отмѣненнаго закона съ новыми велѣніями закона о тѣхъ же правахъ [2]). Уголовный судъ несомнѣнно признаетъ подлежащими прекращенію всѣ дѣла, возбужденныя по 2 ч. 994 ст. улож., какъ въ порядкѣ предварительнаго слѣдствія, такъ и производящіеся уже въ самомъ судѣ, справедливо полагая, что, за отмѣною 994 ст. уложенія, нѣтъ болѣе мѣста для публичнаго обвиненія за дѣянія, въ уголовномъ отношеніи, безразличныя, предоставивъ, въ силу 1 статьи устава гражданскаго судопроизводства, заинтересованнымъ лицамъ—дѣтямъ и матерямъ—обратиться съ своими исками въ гражданскіе суды, такъ какъ теперь гражданскіе законы установили новый институтъ внѣбрачнаго сожитія, надѣливъ правами и обязанностями и родителей, и дѣтей.

Съ изданіемъ закона 3 іюня 1902 года нѣтъ болѣе 994 ст. улож., нѣтъ болѣе „противозаконнаго сожитія" и „порочной жизни",

---

[1]) См. нашу замѣтку. Жур. Мин. Юст. 1900 г. Іюнь (стр. 190—195).

[2]) См. Юрид. Газета 1902 г. № 50. Законъ 3 іюня 1902 г. Д. А. Контевъ.

а есть, правда, еще въ зачаткѣ, но все-же *правовая форма внѣбрачнаго сожитія* съ ея правами и обязанностями. Упразднены и самые пугающіе и унижающіе термины: „порочная жизнь“, „противозаконное сожитіе“, „незаконнорожденный“, „незаконный“, а созданы новые: „внѣбрачныя дѣти“, „внѣбрачное сожитіе“. Знаменательна перемѣна тѣмъ, что положенные въ основаніе отмѣненнаго уголовнаго закона „добрые нравы“ нашли себѣ соотвѣтствующее прибѣжище въ правилахъ гражданскаго закона. Послѣдній не только поставилъ цѣлью охранять, но и развивать въ будущемъ этотъ устой семейной и общественной жизни. Привѣтствуя съ извѣстнымъ чувствомъ удовлетворенія новый законъ, мы не можемъ не думать, что это только первый шагъ въ дѣлѣ улучшенія участи внѣбрачныхъ дѣтей, и шагъ, съ которымъ торопился законодатель, отвѣчая давно народившейся потребности, ожидающей удовлетворенія безотлагательно и во что бы то ни стало [1]).

Поверхностное сравненіе обнародованнаго 3 іюня 1902 года закона съ тѣмъ его проектомъ, который помѣщенъ во второй книгѣ проекта гражданскаго уложенія (семейственное право) — статьи 312—369, уже указываетъ, что реформа семейственнаго права широко задумана и ждетъ своего рѣшительнаго момента. Очевидно, мѣстныя и временныя препятствія встрѣтилъ этотъ проектъ для своего осуществленія, можно только пожалѣть объ этомъ тормазѣ.

Хотя въ задачу нашего очерка не входитъ подробное разсмотрѣніе ни самого закона 3 іюня 1902 года, ни тѣмъ болѣе проекта гражданскаго уложенія по интересующему насъ вопросу, но нельзя же вовсе не остановиться на ближайшемъ хотя бы самомъ краткомъ анализѣ этого закона.

Опредѣляя съ большею точностью понятіе внѣбрачнаго ребенка, законъ 3 іюня 1902 года въ статьѣ 132 т. X ч. 1 новой редакціи гласитъ: внѣбрачныя дѣти суть: 1) рожденныя незамужнею, 2) происшедшія отъ прелюбодѣянія и 3) рожденныя по смерти мужа матери, или по расторженіи брака разводомъ, или же послѣ признанія брака недѣйствительнымъ, когда со дня означенныхъ событій и до дня рожденія ребенка протекло болѣе трехсотъ шести дней.

Матери такихъ внѣбрачныхъ дѣтей присвоивается *родительская власть*, а дѣтямъ сообщается съ согласія матери и ея отца,

---

[1]) См. стр. 560 объяснительной записки къ 7 ст. 2 книги проекта гражданскаго уложенія. Семейственное право.

если онъ живъ, фамилія матери по ея рожденію; ребенку дается отчество по имени воспріемника или назначается при совершеніи метрической записи. Мать ребенка участвуетъ въ издержкахъ на его содержаніе соотвѣтственно своимъ имущественнымъ средствамъ до его совершеннолѣтія или до выхода дочери въ замужество, или же до того времени, когда ребенокъ, будучи уже приготовленъ къ предназначенной ему дѣятельности, въ состояніи самъ себя содержать. Внѣбрачныя дѣти и законные ихъ нисходящіе *наслѣдуютъ* по закону лишь въ *благопріобрѣтенномъ* имуществѣ *матери* на основаніяхъ, установленныхъ для дѣтей законныхъ, на *законное же* наслѣдованіе въ *имуществѣ отца* и его родственниковъ, а также и родственниковъ матери, равно какъ и на наслѣдованіе *въ ея родовомъ имѣніи*, внѣбрачныя дѣти *права не имѣютъ. Мать* внѣбрачнаго ребенка *наслѣдуетъ* послѣ него по правиламъ о порядкѣ наслѣдованія въ линіи восходящей. *Послѣ внѣбрачныхъ дѣтей*, не оставившихъ призываемыхъ къ наслѣдованію нисходящихъ, *наслѣдуютъ другія*, происшедшія отъ одной съ ними матери, *внѣбрачныя дѣти и законные ихъ нисходящіе.*

Что же касается *отца* внѣбрачнаго ребенка, то онъ *обязанъ*, сообразно своимъ имущественнымъ средствамъ и общественному положенію матери ребенка, *нести издержки на его содержаніе*, если *онъ въ томъ нуждается*, до его совершеннолѣтія. Средства матери принимаются во вниманіе при опредѣленіи ребенку содержанія, слѣдующаго ему отъ отца. За прошедшее время отецъ обязанъ возмѣстить содержаніе не болѣе, какъ за годъ до предъявленія требованія. Обязанность отца въ отношеніи выдачи средствъ на содержаніе ребенка прекращается и ранѣе достиженія имъ совершеннолѣтія въ тѣхъ же случаяхъ, какъ выше для матери означены. *На содержаніе матери онъ не обязанъ давать* средствъ за исключеніемъ, когда *нуждающаяся* въ такомъ содержаніи мать вслѣдствіе ухода за ребенкомъ лишена возможности снискивать себѣ средства къ жизни. На немъ лежитъ также обязанность *возмѣстить*, въ случаѣ *недостаточности* средствъ *матери*, необходимые расходы, вызванные разрѣшеніемъ ея отъ бремени, и *доставить* ей *насущное* содержаніе впредь до ея выздоровленія; такое требованіе со стороны матери должно быть заявлено до истеченія года со дня разрѣшенія отъ бремени. Размѣръ содержанія внѣбрачнаго ребенка, однажды опредѣленный, можетъ по измѣнившимся обстоятельствамъ быть увеличенъ или уменьшенъ, а повременныя выдачи замѣнены единовременно уплачиваемою отцомъ ребенка суммою.

Отцу, доставляющему средства на содержаніе внѣбрачнаго ребенка, *предоставляется право надзора за воспитаніемъ и содержаніемъ* ребенка, при чемъ разногласія въ этомъ отношеніи между отцомъ и матерью разрѣшаются опекунскимъ установленіемъ. Такой отецъ *можетъ быть,* въ случаѣ учрежденія опеки надъ его внѣбрачнымъ ребенкомъ, по его желанію, *назначенъ опекуномъ предпочтительно* передъ другими лицами.

Къ числу новыхъ положеній въ законѣ 3 іюня 1902 года надо отнести распространеніе права узаконять внѣбрачныхъ дѣтей послѣдующимъ бракомъ ихъ родителей на дѣтей, происшедшихъ отъ прелюбодѣянія, а равно предоставленіе права родителямъ усыновлять собственныхъ внѣбрачныхъ дѣтей при наличности собственныхъ законныхъ или узаконенныхъ дѣтей, при соблюденіи того правила, чтобы родители достигли совершеннолѣтія, хотя бы они и не были 18-ю годами старше своихъ усыновляемыхъ дѣтей. Непонятнымъ только является ограничительное условіе о томъ, что, до достиженія законными или узаконенными дѣтьми совершеннолѣтія, усыновленіе внѣбрачнаго ребенка допускается только *при жизни* другаго ихъ родителя и съ его согласія. Если это правило продиктовано боязнью, что усыновленіемъ внѣбрачнаго ребенка умаляются права законныхъ или узаконенныхъ дѣтей въ имуществѣ ихъ усыновляющаго родителя, то вѣдь можетъ быть вызвано къ жизни обратное нежелательное явленіе. А именно: при невозможности усыновить внѣбрачнаго ребенка въ случаѣ смерти другаго родителя, по случаю несовершеннолѣтія законныхъ или узаконенныхъ своихъ дѣтей, родитель, лишенный права дать свое имя и воспитаніе своему внѣбрачному ребенку, можетъ невольно озлобиться и дѣйствительно, желая по возможности лучше обезпечить своего обездоленнаго ребенка, матеріально лучше его обставить за счетъ и въ ущербъ законныхъ дѣтей и даже стать въ личныя дурныя отношенія къ послѣднимъ. Почему бы не допустить въ такихъ случаяхъ замѣстительство умершаго родителя опекою?

Сравнивая положенія закона 3 іюня 1902 года о внѣбрачныхъ дѣтяхъ съ тѣми ихъ правами, которыми надѣлялъ ихъ уголовный законъ, и съ правами ихъ матерей, обоснованными на томъ же нынѣ отмѣненномъ законѣ, нельзя не сказать, что законодатель высказалъ большую осторожность даже, лучше сказать, проявилъ какую-то нерѣшительность, и, потому, новый законъ не вполнѣ внесъ улучшеніе или расширеніе правъ обездоленныхъ. Поскольку въ законѣ устанавливается правовая связь внѣбрачнаго ребенка съ

его матерью и таковой ребенокъ ставится подъ охрану закона гражданскаго, постольку новый законъ совершенно ставитъ въ сторонѣ его естественнаго отца.

Не говоря уже о томъ, что право надзора за содержаніемъ и воспитаніемъ ребенка со стороны отца поставлено въ зависимость *только* отъ его матеріальной поддержки означенному его внѣбрачному ребенку, самая эта обязанность давать содержаніе лишена того безусловнаго характера, который ей приданъ былъ нынѣ отмѣненною 994 ст. уложенія. Эта обязанность наступаетъ только *тогда, когда* внѣбрачный ребенокъ въ томъ *нуждается*, а, если принять во вниманіе, что материнскія имущество и средства къ жизни всегда обращаются на содержаніе ребенка, то рѣдкій отецъ, даже если онъ и будетъ извѣстенъ, будетъ привлеченъ къ этой обязанности [1]).

Затѣмъ новый законъ, какъ общее правило, освобождаетъ отца внѣбрачнаго ребенка отъ обязанности обезпечить содержаніе матери, что также является умаленіемъ ея правъ. Мотивы такого закона намъ не извѣстны, но если они совпадаютъ съ тѣми соображеніями, которыя приведены въ объяснительной запискѣ къ проекту книги второй гражданскаго уложенія (семейственное право) на стр. 586—587 и 594 т. I, то противъ нихъ возможно возразить многое. Такъ, условная обязанность отца давать содержаніе своему внѣбрачному ребенку обосновывается слѣдующимъ образомъ: „Участіе отца и матери въ расходахъ по содержанію ребенка опредѣляется по имущественнымъ средствамъ каждаго изъ нихъ. Въ большинствѣ случаевъ у внѣбрачныхъ дѣтей не бываетъ собственнаго имущества, изъ котораго могли бы быть покрываемы вполнѣ или отчасти расходы на ихъ содержаніе, во многихъ случаяхъ и мать ребенка не въ состояніи помогать отцу въ содержаніи ребенка. Тѣмъ не менѣе надлежитъ предусмотрѣть случаи, когда мать въ состояніи участвовать въ расходахъ или въ состояніи нести ихъ одна, а также, когда ребенокъ имѣетъ имущество, приносящее ему доходъ. *Нѣтъ основанія безъ необходимости облегчать* предъявленіе исковъ объ отысканіи отцовства, такъ какъ *эти иски нерѣдко* затрогиваютъ *интересы не только отца, но и его законныхъ родственниковъ*, поэтому и предположено постановить въ статьѣ 317, что *обязанность отца* содержать внѣбрачнаго ребенка *отпадаетъ*,

---

[1]) Особенно, какъ предполагаетъ объяснительная къ проекту записка (ibidem, стр. 587), если суды будутъ принимать во вниманіе при разрѣшеніи исковъ *личный заработокъ* матери.

если доходы съ имущества ребенка или его матери достаточны для покрытія расходовъ по содержанію ребенка". Мы не видимъ, однако, достаточныхъ основаній, почему интересы законныхъ родственниковъ отца должны быть предпочтены интересамъ, даже болѣе,—правамъ роднаго ребенка, хотя и внѣбрачнаго. Тѣмъ болѣе это непонятно, что тотъ же проектъ на стр. 585 прямо утверждаетъ: „Обязанность отца давать средства на содержаніе внѣбрачнаго ребенка лежитъ на отцѣ въ силу самаго факта происхожденія отъ него ребенка. Это основаніе обязанности указано было и Государственнымъ Совѣтомъ въ 1880 году. Истекая изъ принципа отцовства, эта обязанность существуетъ независимо отъ порочности, преступности и наказуемости плотской связи..... Поэтому представляется безразличнымъ, была ли связь блудною или прелюбодѣйною и даже кровосмѣсительною, состоялась ли связь по добровольному согласію, или вступленіе въ связь сопровождалось насиліемъ, обманомъ или обольщеніемъ, находилась ли женщина въ постоянной связи, или же связь была кратковременною" [1]).

Также намъ кажутся не вполнѣ убѣдительными и соображенія, на основаніи которыхъ отецъ внѣбрачнаго ребенка не обязанъ давать содержаніе его матери. Вотъ онѣ: „Въ пользу уравненія права матери на содержаніе съ такимъ же правомъ ребенка нельзя привести тѣхъ основаній, которыя, несомнѣнно, оправдываютъ обязанность отца въ отношеніи ребенка. Представляется вполнѣ справедливымъ распространить, съ указанными въ проектѣ ограниченіями, право на содержаніе, основанное на законномъ родствѣ, на родство естественное, но не можетъ быть оправдано распространеніе того же права, основаннаго на существованіи законнаго супружескаго союза, на случаи внѣбрачнаго сожительства. Право матери внѣбрачнаго ребенка на содержаніе лично для себя въ томъ объемѣ, въ какомъ это право признается въ настоящее время судебною практикою, не можетъ быть объяснено и какъ право на вознагражденіе за вредъ и убытки..... Если женщина добровольно согласилась на вступленіе въ внѣбрачное сожитіе, за ней не можетъ быть признано право на возмѣщеніе всѣхъ происшедшихъ благодаря послѣдствіямъ такого сожитія убытковъ, въ виду того общаго положенія, что право на вознагражденіе не можетъ имѣть

---

[1]) См. Руководство Н. А. Неклюдова т. I стр. 378: „основанія гражданской отвѣтственности въ конкубинатѣ (сожитіи) тѣ же самыя, что и семейныхъ обязанностей мужа въ брачномъ союзѣ".

тотъ, кто изъявилъ согласіе на совершеніе дѣянія, хотя бы и недозволеннаго". Отвергнуто противное сему правило еще и потому, что ни въ одномъ изъ новыхъ законодательствъ не встрѣчается подобнаго правила [1]).

Но такой зачетъ любви за любовь, когда послѣдствіемъ ея явилось новое человѣческое существо, врядъ ли можно допустить, тѣмъ болѣе, что зачетъ не всегда погашаетъ даже и имущественныя правоотношенія. А тутъ дѣло идетъ о *судьбѣ* и *воспитаніи* новаго поколѣнія, въ которыхъ матери принадлежитъ главенствующая роль, и, потому, и состоятельную мать, не говоря уже о неимущей, надо поставить въ такія условія, чтобы ея сожитель или соблазнитель несъ имущественныя жертвы на содержаніе этой брошенной имъ матери и тѣмъ содѣйствовалъ возможно лучшему исполненію ею ея материнскихъ заботъ и обязанностей въ отношеніи внѣбрачныхъ дѣтей.

Воздерживаясь отъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія закона 3 іюня 1902 года, мы удерживаемъ за собою право все-же думать, что это первый только шагъ въ вопросѣ объ улучшеніи участи внѣбрачныхъ дѣтей и упорядоченіи самого института внѣбрачнаго сожитія, не только потому, что этотъ законъ не удовлетворяетъ вполнѣ народившейся и требующей своего признанія неотложной потребности современнаго семейственнаго и общественнаго правопорядка, но и потому, что онъ не служитъ полнымъ отвѣтомъ на приводимое въ объяснительной запискѣ къ проекту гражданскаго уложенія (стр. 560 т. I книги 2-й) указаніе Государственнаго Совѣта, который еще въ 1880 году высказалъ: „что между родителями и дѣтьми, хотя бы прижитыми въ незаконномъ сожитіи, существуетъ тѣсная кровная связь, что самый фактъ прижитія ребенка возлагаетъ на каждаго важныя обязанности, и что незаконнорожденные, будучи лишены не только всѣхъ преимуществъ, которыя могли бы перейти къ нимъ отъ родителей, но, не имѣя даже семьи и роднаго крова и сохраняя на всю жизнь неизгладимое пятно своего происхожденія, должны съ особою силою чувствовать всю горечь отчужденнаго отъ всѣхъ положенія своего, нисколько ими самими не заслуженнаго. Тяготясь своею участью, они естественно способны умножать число недовольныхъ существующимъ общественнымъ строемъ, а, слѣдовательно, и правительствомъ".

---

[1]) Однако это правило вѣдь уже вошло въ кровь и плоть русскаго человѣка, къ нему привыкло населеніе, и нѣтъ повода отъ этого его отучать.

Правовое сближеніе съ матерью уже создано. На очереди стоитъ таковое же приближеніе и отца къ своимъ внѣбрачнымъ дѣтямъ и ихъ матери. „Тѣсная кровная связь“ требуетъ такой же тѣсной связи, но *правовой* и *безусловной*, внѣ всякой зависимости лишь только отъ матеріальныхъ средствъ членовъ этой *кровной*, но *незаконной все еще* семьи.

П. Ананьевъ.

IV.

ВРЕМЕННЫЯ ПРАВИЛА ДЛЯ РУКОВОДСТВА МИРОВЫХЪ СУДЕЙ, НОТАРІУСОВЪ И СТАРШИХЪ НОТАРІУСОВЪ ПРИ ПРИМѢНЕНІИ ПОЛОЖЕНІЯ О НОТАРІАЛЬНОЙ ЧАСТИ.

Указанныя въ заголовкѣ временныя правила для практики имѣютъ значеніе не меньшее, чѣмъ само положеніе о нотаріальной части. Пересмотръ этого послѣдняго, производящійся нынѣ въ Министерствѣ Юстиціи, долженъ повлечь и пересмотръ указанныхъ правилъ, а потому я намѣренъ выяснить тѣ затрудненія, которыя представляются на практикѣ при примѣненіи нѣкоторыхъ статей „временныхъ правилъ“.

1) Статьи 11 и 54 правилъ въ связи со статьями 25 и 166 нотаріальнаго положенія установляютъ порядокъ, согласно которому каждый нотаріусъ, вступая въ должность, представляетъ старшему нотаріусу слѣпокъ своей печати и экземпляръ подписи. Въ свою очередь каждый старшій нотаріусъ препровождаетъ во всѣ нотаріальные архивы слѣпокъ печати своего архива и экземпляръ своей подписи. Подлинность подписи и печати на выписи, выданной нотаріусомъ, состоящимъ въ другомъ судебномъ округѣ, должна быть засвидѣтельствована старшимъ нотаріусомъ этого округа.

Вся эта процедура, установленная закономъ для воспрепятствованія подлоговъ въ подписяхъ нотаріусовъ, на практикѣ не достигаетъ своей цѣли. Она устраняетъ возможность грубаго подлога, т. е. такого, когда поддѣльная подпись совершенно не похожа на оригиналъ. Но разъ подлогъ сдѣланъ сколько-нибудь искусно, то простымъ сличеніемъ подписей—настоящей и поддѣльной—онъ не можетъ быть обнаруженъ. Не слѣдуетъ забывать, что даже судебное разслѣдованіе не всегда приводитъ къ несомнѣнному выясненію того, былъ ли сдѣланъ подлогъ, или нѣтъ, и кѣмъ, чему яркимъ

доказательствомъ служитъ одно громкое судебное дѣло во Франціи, закончившееся сравнительно недавно.

Тѣмъ не менѣе не стоило бы возражать противъ установленнаго вышеуказанными статьями порядка, если бы онъ не влекъ для сторонъ, совершающихъ сдѣлки, важныхъ неудобствъ. Дѣйствительно, совершить актъ купчей крѣпости, напримѣръ, въ Солигаличѣ на имѣніе, находящееся въ Вологодской губерніи, переслать актъ въ Кострому для засвидѣтельствованія подписи нотаріуса и затѣмъ уже везти его въ Вологду для утвержденія тамошнимъ старшимъ нотаріусомъ—есть процедура, весьма обременительная для стороны, хлопочущей объ утвержденіи акта. Между тѣмъ, мало ли весьма важныхъ для частныхъ лицъ дѣйствій совершается посредствомъ оффиціальныхъ бумагъ, подписи на которыхъ никѣмъ не засвидѣтельствованы? Напримѣръ, снимается съ имѣнія запрещеніе, наложенное въ обезпеченіе многотысячнаго иска, посредствомъ разрѣшительной статьи, подписанной членомъ суда, подпись котораго неизвѣстна старшему нотаріусу, принимающему статью къ сборнику, если запрещеніе было наложено судомъ другаго судебнаго округа.

Кромѣ потери времени при пересылкѣ актовъ для засвидѣтельствованія подписи нотаріуса, сторона, въ интересахъ которой добиться утвержденія акта, несетъ еще расходы: почтовые, гербовые и канцелярскіе. Надо написать старшему нотаріусу, свидѣтельствующему подпись, прошеніе, оплатить гербовымъ сборомъ, приложить канцелярскій сборъ, переслать прошеніе по почтѣ тому лицу, которое возьмется предъявить актъ старшему нотаріусу для засвидѣтельствованія подписи, заплатить этому лицу за его трудъ—однимъ словомъ, засвидѣтельствованіе подписей нотаріусовъ, живущихъ въ уѣздныхъ городахъ, обращается въ столь тяжелую повинность, что стороны предпочитаютъ ѣхать для совершенія акта въ тотъ уѣздъ, гдѣ лежитъ недвижимое имѣніе, хотя бы имъ было удобнѣе совершить актъ въ другомъ мѣстѣ, лежащемъ въ иномъ судебномъ округѣ.

Если не будетъ признано возможнымъ вовсе отмѣнить порядокъ свидѣтельствованія подписей нотаріусовъ, то все-же возможно снять съ частныхъ лицъ бремя хлопотъ для удостовѣренія того, что подпись нотаріуса на представляемомъ къ утвержденію актѣ есть подлинная. Согласно 36 ст. правилъ и 80 ст. нотаріальнаго положенія, нотаріусъ о совершеніи каждаго крѣпостнаго акта долженъ доносить старшему нотаріусу того судебнаго округа, въ вѣ-

домствѣ котораго находится подлежащее недвижимое имущество. Для устраненія неудобствъ, возникающихъ для частныхъ лицъ при хлопотахъ о засвидѣтельствованіи подписи нотаріуса, слѣдуетъ измѣнить указанныя 36 ст. правилъ и 80 и 166 ст. положенія въ томъ смыслѣ, чтобы нотаріусомъ извѣщеніе о совершеніи каждаго акта посылалось старшему нотаріусу того суда, которому подвѣдомственъ нотаріусъ, совершившій актъ. Если недвижимое имѣніе, котораго касается совершенный актъ, лежитъ въ другомъ судебномъ округѣ, то на старшаго нотаріуса, получившаго извѣщеніе о совершеніи акта, слѣдуетъ возложить обязанность переслать означенное сообщеніе подлежащему старшему нотаріусу, удостовѣривши, что подпись нотаріуса на указанномъ сообщеніи есть подлинная. Когда, такимъ образомъ, будетъ удостовѣрена подлинность подписи нотаріуса на сообщеніи о совершеніи акта, то не трудно будетъ удостовѣриться и въ подлинности подписи на выданной нотаріусомъ выписи акта посредствомъ сличенія обѣихъ подписей. Всѣ сборы, которые взимаются нынѣ при засвидѣтельствованіи подписи нотаріуса, можно взимать и впредь, но при предлагаемомъ мною порядкѣ стороны будутъ освобождены отъ весьма стѣснительныхъ хлопотъ по засвидѣтельствованію подписи нотаріуса, вслѣдствіе каковыхъ стѣсненій нынѣ на практикѣ почти не встрѣчается случаевъ, чтобы нотаріусы отдаленныхъ уѣздныхъ городовъ совершали акты на имѣнія, лежащія часто весьма близко отъ этихъ городовъ, но въ другомъ судебномъ округѣ.

Что касается въ частности 11-й статьи временныхъ правилъ, то нельзя не замѣтить, что она, хотя не представляетъ на практикѣ какихъ-либо неудобствъ при ея примѣненіи, но установляетъ совершенно ненужную формальность. Дѣло въ томъ, что каждый нотаріусъ держитъ, до вступленія въ должность, испытаніе въ коммисіи, въ которую обязательно входитъ въ качествѣ члена и старшій нотаріусъ. Испытаніе состоитъ въ устныхъ отвѣтахъ на вопросы и въ письменной работѣ, исполняемой собственноручно кандидатомъ на должность нотаріуса. Письменная работа обязательно просматривается старшимъ нотаріусомъ, который поэтому знакомится съ почеркомъ нотаріуса еще до вступленія его въ должность и совершенно не нуждается во вторичномъ ознакомленіи съ почеркомъ подписи нотаріуса послѣ вступленія его въ должность, ибо экзаменаціонная работа подписывается кандидатомъ на должность нотаріуса. При смѣнѣ же старшаго нотаріуса преемники его могутъ сличать подписи нотаріусовъ на вновь предъявляемыхъ къ

утвержденію актахъ съ подписями ихъ на утвержденныхъ уже ранѣе актахъ, т. е. съ тѣми подписями, которыя уже признаны подлинными.

2) Согласно 39 ст. временныхъ правилъ уплаченная (оплаченная?) закладная представляется старшему нотаріусу для уничтоженія отмѣтки о залогѣ, а согласно слѣдующей 40-й статьѣ въ надписи заимодавца объ уплатѣ по закладной должно быть выражено согласіе его на уничтоженіе отмѣтки о залогѣ. На практикѣ форма платежной надписи на закладной выработана такая: „по сей закладной деньги сполна получилъ и изъявляю согласіе на уничтоженіе отмѣтки о залогѣ". Правительствующимъ Сенатомъ по Гражданскому Кассаціонному Департаменту въ рѣшеніи 1889 года № 71 разъяснено, что „согласіе залогодержателя на уничтоженіе отмѣтки о залогѣ должно выражать ясно, что онъ согласенъ на свободность заложеннаго имѣнія отъ наложеннаго на оное при совершеніи закладной ограниченія и запрещенія. Въ какой формѣ и въ какихъ выраженіяхъ будетъ выражено это согласіе—безразлично, лишь бы не оставалось сомнѣнія въ истинномъ смыслѣ выраженнаго на свободность согласія за полученіемъ полнаго удовлетворенія по закладной". Какъ изъ текста 40-й статьи, такъ и изъ только что приведенной выдержки изъ сенатскаго рѣшенія, видно, что въ надписи объ уплатѣ денегъ по закладной недостаточно кредитору удостовѣрить, что онъ получилъ всѣ слѣдуемыя ему деньги съ должника, необходимо еще, чтобы кредиторъ выразилъ согласіе на свободность бывшаго въ залогѣ имѣнія отъ запрещенія. Недостаточно написать „по сей закладной деньги получилъ сполна"—надо еще прибавить, что кредиторъ разрѣшаетъ снять лежащее на имѣніи запрещеніе или, какъ выражается 40-я статья, разрѣшаетъ уничтожить отмѣтку о залогѣ. Между тѣмъ, можно рѣшительно утверждать, что послѣдняя прибавка въ надписи кредитора о полученіи денегъ, т. е. прибавка о согласіи его на уничтоженіе отмѣтки,—излишня. Невозможно представить себѣ на практикѣ ни одного случая, когда кредиторъ, росписавшись на закладной въ полученіи *всѣхъ* слѣдуемыхъ ему по закладной суммъ, могъ бы сохранять еще какія-нибудь претензіи относительно бывшаго у него въ залогѣ имущества. „По сей закладной деньги сполна получилъ"— есть надпись, вполнѣ удостовѣряющая, что должникъ выполнилъ всѣ лежащія на немъ по отношенію къ кредитору обязательства и что закладная можетъ быть признана уничтоженною, а отмѣтка о залогѣ, сдѣланная въ крѣпостномъ реестрѣ, и наложенное на имѣ-

ніе запрещеніе могутъ быть разрѣшены. На практикѣ кредиторъ, росписавшись на закладной, что получилъ по ней полное удовлетвореніе, считаетъ, что онъ достаточно ясно выразилъ свое согласіе на всѣ дѣйствія, которыя имѣютъ цѣлью освободить бывшее въ залогѣ имѣніе отъ лежавшаго на немъ запрещенія, и потому ни одинъ кредиторъ не можетъ взять себѣ въ толкъ, для чего отъ него требуютъ росписку въ неимѣніи препятствій къ уничтоженію отмѣтки о залогѣ, что къ тому же представляется для него и совершенно непонятной фразой, ибо рѣдкій кредиторъ знакомъ съ правилами о веденіи реестра крѣпостныхъ дѣлъ и съ положеніемъ о взысканіяхъ гражданскихъ.

Если бы платежныя на закладныхъ надписи свидѣтельствовались всегда нотаріусами, то прибавка фразы о неимѣніи препятствій къ уничтоженію отмѣтки о залогѣ не вела бы на практикѣ къ какимъ-либо затрудненіямъ и замѣшательствамъ, такъ какъ каждый нотаріусъ долженъ твердо знать „временныя правила". Но нерѣдко платежныя надписи свидѣтельствуются городскими и участковыми судьями и даже полицейскими учрежденіями. Въ этихъ случаяхъ бываетъ, что пресловутая фраза „изъявляю согласіе на уничтоженіе отмѣтки о залогѣ" кредиторомъ въ надписи не прописывается, и вотъ старшій нотаріусъ отказываетъ въ снятіи съ имѣнія запрещенія по закладной и тѣмъ ставитъ стороны въ большое затрудненіе. Представьте только, что оплаченная въ глухомъ мѣстечкѣ Якутской области закладная должна снова быть возвращена туда изъ очень, можетъ статься, отдаленнаго мѣста, чтобы быть дополненной фразой, не имѣющей, повторяю, никакого практическаго значенія. Я думаю, что вмѣсто правила, установленнаго ст. 40 временныхъ правилъ, слѣдуетъ ввести нѣсколько иное правило, согласно которому въ надписи заимодавца объ уплатѣ по закладной должно быть выражено въ какой угодно формѣ, что заимодавецъ получилъ полное по закладной удовлетвореніе.

3) Согласно 42 ст. временныхъ правилъ, въ указанныхъ въ 1651 и 1652 ст. X т. ч. 1 случаяхъ слѣдующія по закладной деньги представляются въ мѣстный окружный судъ для постановленія опредѣленія объ уничтоженіи отмѣтки о залогѣ. 1651 ст. предусматриваетъ тотъ случай, когда заимодавецъ не будетъ принимать занятыхъ у него денегъ въ платежъ на опредѣленный срокъ, а ст. 1652—тотъ случай, когда заимодавецъ отсутствуетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ быть произведенъ платежъ по закладной. На практикѣ рѣже наблюдаются случаи, когда должникъ

платитъ по закладной въ срокъ и въ опредѣленномъ въ закладной мѣстѣ, и гораздо чаще наблюдается, что кредиторъ и должникъ молчаливымъ соглашеніемъ отсрочиваютъ уплату по закладной капитальной суммы, и нерѣдко кредиторъ не требуетъ ея уплаты десять лѣтъ, если исправно уплачиваются проценты.

Какъ поступить, если должникъ желаетъ внести кредитору деньги на полную оплату по просроченной закладной? Чтобы не было на практикѣ недоразумѣній, которыя нынѣ случаются, необходимо установить въ законѣ точныя правила. Желательно установить, чтобы должникъ, просрочивъ уплату долга по закладной и не имѣя возможности отдать деньги кредитору, потому что послѣдній не принимаетъ деньги и не предъявляетъ закладную ко взысканію, могъ представить въ судъ копію закладной крѣпости и при ней всѣ слѣдуемыя по ней суммы, а именно занятый капиталъ и проценты въ томъ размѣрѣ, какъ они опредѣлены въ закладной. Если же въ закладной не предусмотрѣно, въ какомъ размѣрѣ должны уплачиваться проценты по истеченіи срока, на который сдѣланъ заемъ, то слѣдуетъ установить, что въ этомъ случаѣ проценты должны быть уплачиваемы въ размѣрѣ, опредѣленномъ закономъ, а именно 6 годовыхъ.

Обыкновенно должники дѣлаютъ надписи объ уплатѣ процентовъ на выписяхъ закладныхъ, оставляемыхъ на рукахъ у кредиторовъ. Въ судебной практикѣ бываютъ случаи, когда недобросовѣстный кредиторъ, не предъявляя закладную ко взысканію, вынуждаетъ должника, желающаго снять съ имѣнія запрещеніе, представить деньги по закладной въ окружный судъ, при чемъ должнику приходится уплачивать вновь уплаченные ранѣе проценты, если онъ не позаботился при уплатѣ взять съ кредитора засвидѣтельствованную нотаріусомъ росписку. Поэтому является желательнымъ установить въ законѣ такой порядокъ, чтобы главная выпись закладной выдавалась кредитору, а дубликатъ—должнику, при чемъ производимыя должникомъ уплаты капитала и процентовъ отмѣчались какъ на главной выписи, находящейся на рукахъ у кредитора, такъ и на дубликатѣ ея, находящемся на рукахъ у должника.

Нынѣ положеніе кредитора представляется въ сравненіи съ положеніемъ должника болѣе выгоднымъ еще потому, что запрещенія имѣютъ безсрочную силу. Кредиторъ, не представляя просроченную закладную ко взысканію, можетъ держать имѣніе подъ запрещеніемъ неопредѣленное число лѣтъ. Правда, на практикѣ долж-

ники, большею частью, домогаются отсрочки уплаты денегъ по закладной, но въ тѣхъ случаяхъ, когда должникъ желаетъ уплатить деньги по закладной, а кредиторъ не принимаетъ ихъ, все преимущество находится на сторонѣ кредитора. До 1 октября 1899 года, т. е. до момента вступленія въ дѣйствіе мѣстныхъ запретительныхъ книгъ, запрещеніе по закладной, совершенной въ 1865 году, срокомъ на 1 годъ, имѣло такую же силу, какъ и запрещеніе, наложенное въ 1895 или 1896 годахъ. По закону закладная сохраняетъ силу въ теченіе десяти лѣтъ, считая съ того момента, когда наступилъ срокъ исполненія по ней, послѣ же десяти лѣтъ она теряетъ характеръ закладной и обращается въ простое обязательство, подобное роспискѣ. Закладная, совершенная въ 1886 году срокомъ на одинъ годъ, теряетъ характеръ закладной и обращается въ росписку въ 1897 году, но запрещеніе, наложенное по ней, не теряетъ силы и понынѣ и не потеряетъ силы при существующихъ законоположеніяхъ еще долго. Слѣдуетъ пожелать, чтобы сила давности была распространена и на запрещенія. Обезпечивая кредитору десятилѣтній срокъ для осуществленія своихъ правъ на заложенное ему имущество, законъ даетъ кредитору достаточно времени предъявить закладную ко взысканію и получить по ней полное удовлетвореніе. Если онъ въ теченіе десяти лѣтъ не предъявилъ закладную ко взысканію, то онъ долженъ считаться утратившимъ залоговое право до тѣхъ поръ, пока судъ не наложитъ новаго запрещенія въ обезпеченіе иска кредитора по закладной.

Равнымъ образомъ, должны терять силу и запрещенія, наложенныя въ обезпеченіе исполненія всякихъ другихъ договоровъ относительно недвижимыхъ имуществъ, напримѣръ, арендныхъ, по истеченіи десяти лѣтъ послѣ наступленія срока договора. Запрещенія, наложенныя въ обезпеченіе исковъ, предъявленныхъ въ судебныхъ мѣстахъ, должны утрачивать силу по истеченіи десяти лѣтъ со времени вступленія въ законную силу рѣшенія суда, постановленнаго по тому дѣлу, по которому было наложено на недвижимое имѣніе запрещеніе.

Безсрочность запрещеній, до вступленія въ дѣйствіе мѣстныхъ запретительныхъ книгъ, причиняла много хлопотъ собственникамъ недвижимыхъ имѣній. Весьма часто случалось, что запрещеніе, наложенное нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, давно уже потерявшее для сторонъ всякое значеніе, надолго задерживало утвержденіе актовъ на недвижимое имѣніе, подвергнувшееся запрещенію,

за неисполненіемъ сторонами въ свое время формальностей, необходимыхъ для снятія съ имѣнія запрещенія, при чемъ собственнику имѣнія нерѣдко приходилось снимать запрещеніе исковымъ порядкомъ, что создавало большія затрудненія во всѣхъ случаяхъ, когда лицо, въ пользу котораго было наложено запрещеніе, отсутствовало или умерло, наслѣдники же его не утверждались въ правахъ наслѣдства.

Мѣстныя запретительныя книги, какъ указано выше, недавно вступили въ силу, въ нихъ не вошло большинство запрещеній, утратившихъ значеніе для лицъ, въ пользу которыхъ были наложены, и потому въ настоящее время не чувствуется еще неудобствъ отъ безсрочности силы запрещеній. Но пройдетъ 10—20 лѣтъ, и эти неудобства почувствуются съ прежнею силой.

4) Порядокъ утвержденія актовъ на имѣнія, лежащія въ округахъ разныхъ судовъ, установленный 78—83 ст. временныхъ правилъ, весьма сложенъ. Лицо, совершившее актъ на недвижимыя имѣнія, лежащія въ разныхъ губерніяхъ, должно избрать старшаго нотаріуса, на котораго желаетъ возложить утвержденіе акта. Старшій нотаріусъ, на коего палъ выборъ сторонъ, выдаетъ имъ копіи совершеннаго акта и свидѣтельства на полученіе изъ прочихъ нотаріальныхъ архивовъ удостовѣреній о неимѣніи препятствій къ утвержденію акта. Получивъ всѣ нужныя удостовѣренія и добившись утвержденія акта, стороны обязаны засвидѣтельствованныя копіи утвержденнаго акта представить старшимъ нотаріусамъ, выдавшимъ упомянутыя выше удостовѣренія, для внесенія акта въ крѣпостную книгу. Каждый старшій нотаріусъ, выдавая удостовѣреніе о неимѣніи препятствій къ утвержденію акта, обязанъ сдѣлать въ крѣпостномъ реестрѣ отмѣтку объ ограниченіи права распоряжаться имѣніемъ, на которое совершенъ актъ, и объ оказавшихся послѣ выдачи удостовѣренія препятствіяхъ къ утвержденію акта обязанъ сообщить старшему нотаріусу, коему актъ представленъ на утвержденіе.

На практикѣ стороны нерѣдко пользуются правомъ, предоставленнымъ имъ по закону, а именно правомъ совершать одинъ актъ на недвижимыя имѣнія, лежащія въ разныхъ губерніяхъ, полагая, вѣроятно, что это право служитъ облегченіемъ для нихъ при хлопотахъ объ утвержденіи акта. На самомъ же дѣлѣ указанный 78—83 ст. порядокъ гораздо невыгоднѣе для сторонъ, чѣмъ совершеніе нѣсколькихъ актовъ, вмѣсто одного, а именно, чѣмъ совершеніе у одного и того же нотаріуса отдѣльныхъ актовъ на каждое

изъ имѣній, лежащихъ въ округахъ разныхъ судовъ. Хотя всѣ должны знать законы, но на практикѣ наблюдается, что ни одинъ почти собственникъ, пріобрѣвши въ нѣсколькихъ губерніяхъ имѣнія по одному акту, не представляетъ утвержденный актъ, согласно 82 ст. временныхъ правилъ, для внесенія его въ крѣпостную книгу другаго нотаріальнаго архива, такъ какъ не можетъ представить себѣ, что послѣ выдачи ему утвержденнаго акта слѣдуетъ еще предпринимать какія-либо хлопоты по укрѣпленію имѣнія за собою. Пожелавши затѣмъ продать или заложить одно изъ указанныхъ въ утвержденномъ актѣ имѣній, собственникъ неожиданно наталкивается на препятствіе, заключающееся въ томъ, что онъ своевременно не представилъ утвержденный актъ для внесенія въ крѣпостную книгу другаго нотаріальнаго архива, а потому долженъ исполнить эту формальность тогда, когда ею задерживается утвержденіе новаго акта на имѣніе.

На старшихъ нотаріусовъ возложена не легкая обязанность слѣдить, не вступило ли новыхъ запрещеній послѣ выдачи удостовѣренія, согласно 80 ст. временныхъ правилъ, при чемъ всѣ труды по наблюденію за вступленіемъ новыхъ запрещеній иногда пропадаютъ даромъ, такъ какъ, пока дойдетъ по почтѣ сообщеніе о вступленіи новаго запрещенія, актъ часто бываетъ уже утвержденъ. Наконецъ, и расходы для сторонъ при соблюденіи порядка, указаннаго 79—83 статьями, не уменьшаются. Хотя вмѣсто 6—9 руб. на публикацію стороны платятъ только 3 рубля, за то переплата на гербовыхъ и канцелярскихъ пошлинахъ при представленіи многочисленныхъ копій, удостовѣреній и прошеній уничтожаетъ всю выгоду отъ совершенія одного акта вмѣсто нѣсколькихъ. Въ особенности же невыгодно для сторонъ то, что изъ за невозможности утвердить актъ на недвижимое имущество въ одной губерніи вслѣдствіе встрѣтившагося тамъ препятствія,—и на самое, быть можетъ, неважное изъ всѣхъ имущество,—приходится оставлять безъ утвержденія актъ относительно всѣхъ прочихъ имѣній. По всѣмъ этимъ соображеніямъ я полагалъ бы возможнымъ вовсе отмѣнить порядокъ, установленный 78—83 статьями временныхъ правилъ, и вмѣсто него установить, что совершеніе одного акта на нѣсколько имѣній, лежащихъ въ округахъ разныхъ судовъ, не допускается, а на каждое имѣніе долженъ быть совершенъ отдѣльный актъ.

5) На основаніи 100 ст. временныхъ правилъ согласіе на уничтоженіе отмѣтки объ ограниченіи права собственности (ст. 187

полож.), кромѣ отмѣтки о залогѣ, должно быть выражено въ особомъ актѣ, совершенномъ у нотаріуса (188 ст. полож.). Согласно упомянутой выше 187 статьѣ уничтоженіе отмѣтокъ объ ограниченіяхъ права собственности можетъ послѣдовать, между прочимъ, съ согласія лица, въ пользу котораго отмѣчено въ реестрѣ ограниченіе. Послѣднее простое и весьма цѣлесообразное правило, установленное 187 ст. полож., означенною выше 100-ою статьею временныхъ правилъ обставлено такимъ образомъ, что снятіе самыхъ ничтожныхъ запрещеній сдѣлалось для сторонъ, совершающихъ акты на недвижимыя имѣнія, чѣмъ-то почти непреодолимо труднымъ. Въ самомъ дѣлѣ, получивъ полное удовлетвореніе, взыскатель, кредиторъ или другое подобное лицо не можетъ снять наложенное имъ на недвижимое имущество должника запрещеніе надписью, засвидѣтельствованной надлежащимъ порядкомъ и учиненной на исполнительномъ листѣ или другомъ подобномъ документѣ о томъ, что онъ, взыскатель, проситъ запрещеніе снять. Онъ не можетъ также подать старшему нотаріусу засвидѣтельствованное нотаріусомъ заявленіе, заключающее въ себѣ подобную же просьбу, ибо все это не можетъ служить основаніемъ къ распоряженію о снятіи запрещенія. Необходимо, чтобы взыскатель и должникъ явились вмѣстѣ непремѣнно къ нотаріусу и тамъ въ присутствіи свидѣтелей совершили нотаріальный актъ. Весьма часто бываетъ, что взыскатель и должникъ живутъ въ разныхъ городахъ и что въ мѣстѣ ихъ жительства нѣтъ нотаріуса, а есть городской или участковый судья, который засвидѣтельствовать подпись руки на заявленіи можетъ, но совершать нотаріальные акты закономъ не уполномоченъ. Если же принять въ соображеніе, что согласно 182 ст. положенія, запрещенія безусловно препятствуютъ утвержденію актовъ на переходъ права собственности на недвижимое имущество, то станетъ понятно, насколько гибельно на интересахъ сторонъ, совершающихъ подобные акты, отзывается та ненужная строгость, которую установила для снятія запрещеній 100-ая статья временныхъ правилъ. Я говорю *ненужная*, потому что рѣшительно все равно, выразилъ ли взыскатель свое согласіе на уничтоженіе запрещенія, наложеннаго въ его пользу, въ присутствіи должника и свидѣтелей, или безъ нихъ, ибо уничтоженіе запрещенія можетъ быть вредно только тому лицу, въ чью пользу оно наложено, и потому удостовѣряться въ томъ, что актъ составленъ съ обоюднаго согласія сторонъ, въ чемъ заключается главная задача свидѣтелей, въ данномъ случаѣ излишне. Самоличность же, право- и дѣеспо-

собность лица удостовѣряются нотаріусомъ при засвидѣтельствованіи надписи, что въ данномъ случаѣ является вполнѣ достаточнымъ для того, чтобы быть увѣреннымъ, что запрещеніе снимается съ согласія лица, въ пользу котораго оно наложено.

На практикѣ нѣкоторые старшіе нотаріусы допускали отступленія отъ закона, а именно утверждали акты о переходѣ правъ собственности на имѣнія, на которыхъ числились запрещенія, не снимая послѣднихъ, а довольствуясь полученіемъ заявленій отъ тѣхъ лицъ, въ пользу которыхъ были наложены запрещенія, о неимѣніи препятствій къ утвержденію акта. Но такой способъ на практикѣ создавалъ впослѣдствіи сторонамъ иногда еще горшія затрудненія. Бывало, что какое-либо лицо добивалось утвержденія акта на переходъ части своего недвижимаго имѣнія, на которомъ числилось въ дѣйствительности погашенное, но формально не разрѣшенное запрещеніе, не снимая его. Затѣмъ это лицо умирало, наслѣдники утверждались въ правахъ наслѣдства и вводились во владѣніе, при чемъ судъ переводилъ на нихъ оставшееся неснятымъ запрещеніе, ибо судъ запрашиваетъ о запрещеніяхъ непосредственно старшаго нотаріуса, а наслѣдники, по незнанію тѣхъ тонкостей судопроизводства, почти никогда не интересуются узнать, что отвѣтилъ суду старшій нотаріусъ. Въ подобныхъ случаяхъ наслѣдникамъ приходится предпринимать двоякаго рода хлопоты: во-первыхъ, снимать первоначальное, лежавшее на наслѣдодателѣ запрещеніе, а во-вторыхъ, снимать запрещеніе, переведенное на нихъ судомъ.

Принимая во вниманіе, что 1650 статьею X т. ч. 1 изд. 1900 года уже признано, что запрещенія по закладнымъ могутъ быть уничтожаемы, если заимодавецъ заявилъ, что получилъ полное удовлетвореніе по закладной, слѣдуетъ пожелать, чтобы всѣ безъ исключенія запрещенія уничтожались съ согласія лица, въ пользу котораго наложено запрещеніе, при чемъ согласіе это можетъ быть выражено одностороннимъ письменнымъ заявленіемъ вышеозначеннаго лица, надлежаще засвидѣтельствованнымъ и поданнымъ непосредственно старшему нотаріусу.

Въ заключеніе я хотѣлъ бы обратить вниманіе на то, что весьма многія стѣснительныя правила о формѣ нотаріальныхъ актовъ смягчены Правительствующимъ Сенатомъ. Для примѣра можно привести вышеуказанное разъясненіе по вопросу о примѣненіи на практикѣ 40-й ст. временныхъ правилъ, а также рѣшеніе Гра-

жданскаго Кассаціоннаго Департамента Сената за 1901 годъ № 6, коимъ разъяснено, что при совершеніи закладныхъ на движимыя имущества не всегда обязательно требовать соблюденія указанныхъ закономъ формъ, какъ-то: приложенія печатей и составленія описей. Въ мотивахъ къ нѣкоторымъ сенатскимъ разъясненіямъ указывалось, что не всегда несоблюденіе формы влечетъ недѣйствительность акта и что лишь тѣ требованія закона обязательно должны быть соблюдаемы, при установленіи которыхъ законодатель оговорилъ, что несоблюденіе ихъ лишаетъ актъ дѣйствительной силы, напр., требованіе о совершеніи актовъ о переходѣ или ограниченіи права собственности на недвижимыя имущества крѣпостнымъ порядкомъ (66 ст. полож. нотар.).

Весьма желательно, чтобы столь важное разъясненіе о значеніи формы актовъ было введено въ законъ въ видѣ общаго правила для руководства старшимъ нотаріусамъ при утвержденіи актовъ. Въ одномъ своемъ рѣшеніи Сенатъ пошелъ еще дальше и призналъ, что и актъ объ установленіи ограниченія права собственности на недвижимое имущество иногда можетъ быть совершенъ не крѣпостнымъ, а нотаріальнымъ порядкомъ. Я говорю о рѣшеніи Гражданскаго Кассаціоннаго Департамемта 1898 года № 20, коимъ признано, что закладныя крѣпости могутъ быть передаваемы залогодержателемъ другому лицу съ согласія залогодателя и что старшій нотаріусъ не въ правѣ отказать въ отмѣткѣ передачи закладныхъ въ реестрѣ крѣпостныхъ дѣлъ, если такая передача совершена нотаріальнымъ порядкомъ. Если оставить въ сторонѣ вопросъ, насколько такое разъясненіе вызывается требованіями жизни, то нельзя не видѣть, что аргументація Сената не отличается убѣдительностью. Странно читать, что передачею закладной съ согласія залогодателя вовсе не устанавливается право на имущество, а только переносится на другое лицо ранѣе установленное право, ибо съ равнымъ правомъ можно говорить о возможности передачи купчихъ, дарственныхъ и т. д., но еще болѣе странно читать, что „отмѣтки въ реестрѣ крѣпостныхъ дѣлъ могутъ быть дѣлаемы не только на основаніи крѣпостныхъ, но и на основаніи другихъ актовъ (ст. 187 и 188 полож. нот. и ст. 39 временныхъ правилъ)". Тутъ въ разсужденіяхъ Сената заключается просто ошибка, проистекающая изъ неопредѣленности термина „отмѣтка". Въ нотаріальномъ положеніи статья объ ограниченіи права собственности, внесенная въ крѣпостной реестръ, а также надпись, дѣлаемая противъ этой статьи объ уничтоженіи ея,—именуются одинаково

„отмѣтками“, вслѣдствіе чего можно говорить: сдѣлать отмѣтку объ уничтоженіи отмѣтки о залогѣ. Указанныя Сенатомъ статьи опредѣляютъ порядокъ *уничтоженія* отмѣтокъ объ ограниченіяхъ права собственности, и никто не сомнѣвается, что сдѣлать противъ отмѣтки въ крѣпостномъ реестрѣ о залогѣ надпись, гласящую, что отмѣтка уничтожена на основаніи нотаріальнаго акта, будетъ вполнѣ правильно, но съ другой стороны несомнѣнно, что сдѣлать въ реестрѣ отмѣтку, измѣняющую закладную по существу, т. е. устанавливающую, что кредиторомъ собственника становится новое лицо, хотя и на тѣхъ же условіяхъ, какъ было раньше, нельзя иначе, какъ по крѣпостному акту.

Чѣмъ болѣе вникаешь въ общій смыслъ нотаріальнаго положенія, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что рѣшеніе Сената противорѣчитъ ему. Духъ и смыслъ статей нотаріальнаго положенія заключаются въ требованіи, чтобы каждый крѣпостной актъ строго соотвѣтствовалъ дѣйствительному положенію вещей и чтобы крѣпостной актъ могъ быть измѣняемъ только крѣпостнымъ же актомъ. Если въ послѣдней, отмѣченной въ крѣпостномъ реестрѣ, купчей, собственникомъ названъ Петръ, то никакъ не можетъ оказаться, что имѣніе укрѣплено за Иваномъ безъ совершенія крѣпостнаго акта. Точно такъ же, если въ закладной написано, что я долженъ Матвѣю, то никакъ не можетъ моимъ кредиторомъ, пока закладная не уничтожена, сдѣлаться Николай. Затѣмъ, Сенатъ почему-то ограничился одной отмѣткой въ крѣпостномъ реестрѣ о передачѣ закладной другому лицу. Такимъ образомъ вышло, что иногда нынѣ въ крѣпостной книгѣ и въ запретительной статьѣ кредиторомъ значится одно лицо, а въ крѣпостномъ реестрѣ—другое. Сенатъ не соблюлъ даже 188 ст. полож. нот., на которую онъ ссылался и въ которой сказано, что актъ, силою котораго отмѣтка въ крѣпостномъ реестрѣ уничтожена, старшій нотаріусъ вноситъ въ крѣпостную книгу.

Нужно думать, что при передачѣ закладныхъ сумма долга должна остаться прежнею, ибо иначе нельзя было бы утверждать, что передачею закладной только переносится на другое лицо установленное ранѣе право. Между тѣмъ практика идетъ дальше, и акты передачи закладныхъ, встрѣчающіеся на практикѣ крайне рѣдко,—что доказываетъ, что въ возникновеніи ихъ не было широкой потребности,—не ограничиваются одной передачей закладной во всемъ ея объемѣ. Случается, что стороны въ нотаріальный актъ вносятъ измѣненія условій прежней закладной: кредиторомъ ста-

новится другое лицо, а кромѣ того сумма долга показывается иная, а также вносятся въ актъ оговорки о томъ, что новый кредиторъ освобождаетъ ту или иную часть имѣнія отъ залога. Такимъ образомъ отъ прежняго договора не остается почти ничего: и кредиторъ, и сумма долга, и обезпечивающее послѣдній недвижимое имѣніе—все не тѣ, что въ первой закладной. Нынѣ старшіе нотаріусы не знаютъ, отмѣчать или нѣтъ подобные акты въ крѣпостномъ реестрѣ: если отмѣчать, то окончательно можно запутать крѣпостной реестръ, а отказывать въ отмѣткѣ—тоже нѣтъ достаточныхъ основаній, ибо въ разъясненіи Сената не заключается точныхъ для рѣшенія вопроса указаній и является опасеніе, что отказъ будетъ несогласенъ со взглядомъ Сената.

Каждый русскій человѣкъ радуется при видѣ усилій Правительствующаго Сената смягчить ненужную строгость законовъ въ отношеніи разныхъ формальностей, но нельзя не пожелать, чтобы установленный Сенатомъ порядокъ передачи закладныхъ былъ закономъ введенъ въ дѣйствіе въ видѣ правила, болѣе соотвѣтствующаго системѣ нотаріальнаго положенія, чѣмъ это сдѣлано Сенатомъ. Установленный Сенатомъ порядокъ есть, въ сущности, порядокъ уступки старшинства, установленный 61-ю статьею проекта вотчиннаго устава и заключающійся въ томъ, что вслѣдствіе уступки старшинства вновь установляемый залогъ становится на мѣсто залога, старшинство коего уступлено. Что Сенатъ, въ сущности, ввелъ порядокъ уступки старшинства, явствуетъ изъ того, что не было бы нужды установлять сложный порядокъ передачи закладныхъ, при каковой передачѣ обязательно должны присутствовать прежній и новый кредиторы и самъ должникъ, при чемъ они, вмѣсто передачи, легко могли бы совершить новую закладную, уничтоживъ старую, если бы для совершенія новой закладной не являлось препятствій въ томъ обстоятельствѣ, что, послѣ совершенія первой закладной, на имѣніе были наложены другія запрещенія, которыя при совершеніи новой закладной должны быть устранены, чего собственникъ имѣнія не желаетъ или не можетъ сдѣлать.

Законъ можетъ, конечно, ввести неизвѣстную нотаріальному положенію уступку старшинства, но это должно быть дѣлаемо посредствомъ крѣпостныхъ, а не нотаріальныхъ актовъ, такъ какъ изъ самаго текста 61 ст. проекта вотчиннаго устава видно, что при уступкѣ старшинства возникаетъ новый залогъ и что послѣдній становится на мѣсто залога, старшинство котораго уступлено. Жизнь, какъ оказывается, требуетъ не права передавать заклад-

ную со всѣми тѣми условіями, какія были при совершеніи ея установлены, жизнь требуетъ передачи права преимущественнаго удовлетворенія, предоставленнаго закономъ первой закладной,—второй закладной, совершаемой на новыхъ условіяхъ, конечно, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, чтобы по второй закладной имѣніе не оказалось обремененнымъ долгомъ въ бо́льшей суммѣ, чѣмъ было по первой. Поэтому желательно, чтобы закономъ былъ введенъ порядокъ уступки старшинства для вновь установляемыхъ залоговъ крѣпостными, а не нотаріальными актами.

Что касается упомянутой мною выше системы нотаріальнаго положенія, то нельзя не признать, что система эта представляетъ стройное и законченное зданіе. Можетъ быть, она не вполнѣ соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ, но слѣдуетъ замѣтить тоже, что для громаднаго большинства сдѣлокъ, совершаемыхъ при нормальныхъ условіяхъ жизни, нотаріальное положеніе представляетъ вполнѣ удовлетворительный законъ. Если кто покупаетъ домъ, чтобы въ немъ жить, а не спекулировать имъ, и имѣетъ наличными деньгами извѣстную часть его стоимости, тотъ рѣдко жалуется на недостатки нотаріальныхъ законоположеній. Трудно приходится собственникамъ, не имѣющимъ на свои имѣнія крѣпостныхъ документовъ; довольно неопредѣленны,—а потому разно примѣняются на практикѣ,—правила о выдачѣ залоговыхъ свидѣтельствъ,—но всѣ эти недостатки устранимы безъ коренной ломки нотаріальнаго положенія.

Стѣснительное для собственниковъ недвижимыхъ имѣній правило о томъ, что переходить могутъ только свободныя отъ запрещеній имѣнія, установлено не нотаріальнымъ положеніемъ, а законами гражданскими, изложенными въ 1 части X тома. Кажется, что нѣтъ серьезныхъ препятствій не вводить въ будущее гражданское уложеніе означенное правило и постановить, что могутъ переходить имѣнія, обремененныя долгами и состоящія подъ запрещеніями, если на то согласны стороны, участвующія въ сдѣлкѣ, и кредиторы. Конечно, при этомъ въ актѣ о переходѣ права собственности должно быть изложено, какія запрещенія числятся на имѣніи и на какихъ условіяхъ кредиторы согласны на переходъ права собственности къ другому лицу. Точно такъ же нѣтъ серьезныхъ препятствій разрѣшить продавать части изъ заложеннаго имѣнія съ согласія кредитора, но при этомъ въ купчей слѣдуетъ обозначать не то, что продаваемая часть нигдѣ не заложена, какъ это дѣлается нынѣ, а слѣдуетъ изложить дѣйствительное положе-

ніе дѣла, а именно, что имѣніе заложено, находится подъ запрещеніемъ и отчуждается съ согласія кредитора, который заявляетъ, что не имѣетъ по отношенію къ продаваемой части никакихъ претензій и не считаетъ ее состоящею въ залогѣ.

В. Берви.

V.

ОБЪ ОТВѢТСТВЕННОСТИ ЗА НЕДОЗВОЛЕННУЮ ТОРГОВЛЮ ЛЕКАРСТВЕННЫМИ ВЕЩЕСТВАМИ.

Въ нашемъ уставѣ о наказаніяхъ есть только одна спеціальная статья, предусматривающая недозволенную продажу лекарственныхъ веществъ изъ аптечныхъ складовъ и магазиновъ. Статья эта (106[1]) караетъ штрафомъ не свыше ста рублей три правонарушенія: а) продажу оптовыми или розничными торговцами лекарственныхъ веществъ изрѣзанными, изрубленными или приведенными въ порошокъ или въ смѣшеніе (исключая тѣхъ, которыя получаются въ такомъ видѣ съ фабрикъ, лабораторій и заводовъ); б) неисполненіе правилъ по продажѣ сложныхъ фармацевтическихъ препаратовъ,— и в) приготовленіе и составленіе лекарствъ по рецептамъ врачей. Въ статьѣ этой однако нѣтъ прямаго указанія на то, въ какомъ порядкѣ должны быть преслѣдуемы наиболѣе часто встрѣчающіяся при торговлѣ этими веществами правонарушенія, а именно: приготовленіе лекарствъ безъ рецептовъ врачей и отпускъ покупателямъ всѣхъ тѣхъ лекарственныхъ веществъ, которыя на основаніи прилож. къ 663 ст. уст. врачебн. не могутъ быть продаваемы въ аптекарскихъ магазинахъ и лавкахъ. 106[1] ст. уст. о нак., по редакціи 1885 года, въ первой своей части устанавливала наказаніе лишь за продажу лекарственныхъ веществъ изрѣзанными, изрубленными или приведенными въ порошокъ. Въ 1898 году статья эта подверглась измѣненію, при чемъ къ вышеприведенному тексту добавлены слова „или въ смѣшеніе“, т. е. воспрещена продажа не только лекарственныхъ веществъ въ измѣненномъ видѣ, но и тѣхъ составовъ, соединеній, микстуръ, мазей и проч., получаемыхъ путемъ смѣшенія этихъ веществъ въ одно цѣлое. Поэтому изготовленіе лекарствъ безъ рецептовъ врачей должно быть безусловно преслѣдуемо по 106[1] ст. уст. о нак. Никакими другими соображеніями нельзя объяснить измѣненія текста 106[1] статьи, выразившагося въ

воспрещенiи смѣшенія лекарственныхъ веществъ. При установленіи наказанія за изготовленіе лекарствъ по рецептамъ врачей, умолчаніе объ отпускѣ лекарствъ, изготовленныхъ безъ рецептовъ, давало основаніе считать это дѣяніе ненаказуемымъ. Такой пробѣлъ 106^{1} ст. рѣзко бросался въ глаза и поэтому вызвалъ въ 1898 году соотвѣтствующее дополненіе. Но и въ своемъ измѣненномъ видѣ 106^{1} статья оставляетъ открытымъ вопросъ о наказуемости за изготовленіе и продажу такихъ лекарствъ, въ составъ коихъ входятъ вещества ядовитыя и сильнодѣйствующія. Казалось бы, что при наличности спеціальной 104^{1} статьи устава, преслѣдующей за продажу ядовитыхъ и сильнодѣйствующихъ веществъ лицами, не имѣющими на то права, не могло быть по этому вопросу никакихъ недоразумѣній. Казалось бы, что лицо, приготовившее какую-либо микстуру съ примѣсью яда, должно отвѣчать въ той же мѣрѣ, какъ лицо, отпустившее ядъ въ цѣльномъ видѣ. Вопросъ о количествѣ отпущеннаго ядовитаго вещества здѣсь не можетъ имѣть значенія. Между тѣмъ Сенатъ по дѣлу Иванова (1885 г. № 19) далъ разъясненіе въ совершенно противоположномъ смыслѣ, указавъ на то, что продажа лекарствъ, въ составъ коихъ входятъ ядовитыя и сильнодѣйствующія вещества, должна быть караема не по 104^{1} статьѣ, а по 106 ст. уст. о наказ., но только при томъ условіи, если отъ сего послѣдовалъ вредъ здоровью. Если примѣнять это рѣшеніе къ содержателямъ аптечныхъ складовъ, то надо прійти къ самымъ неожиданнымъ выводамъ; торговецъ, изготовившій лекарство изъ веществъ безвредныхъ, по рецепту или безъ таковаго, подлежитъ наказанію по 106^{1} ст. во всякомъ случаѣ, а тотъ же торговецъ за продажу лекарствъ изъ веществъ ядовитыхъ наказанію никакому не подлежитъ, если вреда отъ этого не послѣдовало. Далѣе: торговецъ, отпустившій ядъ въ цѣльномъ видѣ, можетъ быть на осн. 104^{1} ст. посаженъ въ тюрьму даже въ томъ случаѣ, если отъ этого никакихъ послѣдствій не было, а тотъ же торговецъ, смѣшавшій, съ цѣлью сокрытія слѣдовъ преступленія, этотъ ядъ съ другимъ какимъ-либо веществомъ, въ худшемъ случаѣ, т. е. въ случаѣ вредныхъ послѣдствій, рискуетъ лишь штрафомъ до 100 рублей, а если никакихъ послѣдствій не будетъ, то наказанію онъ не подлежитъ. 106-ая статья караетъ продажу лекарственныхъ веществъ и составовъ безъ надлежащаго разрѣшенія только въ томъ случаѣ, если отъ этого послѣдуетъ вредъ,—а стоящая рядомъ съ ней 106^{1} статья караетъ продажу лекарствъ вообще, безотносительно къ могущимъ быть отъ этого послѣдствіямъ.

Какъ объяснить всѣ эти противорѣчія? 106 статья издана еще въ 1864 году, когда не было и рѣчи еще о регламентаціи торговли въ аптекарскихъ складахъ и магазинахъ,—когда при воспрещеніи продажи лекарствъ имѣлись въ виду лишь частныя лица. При изданіи уставовъ 1864 года, законодатель, принявъ во вниманіе невѣжество народа, недовѣріе его къ врачамъ, ограниченное число аптекъ, отнесся очень снисходительно не только къ продажѣ частными лицами лекарствъ, но даже и къ производимой ими врачебной практикѣ, и допустилъ привлеченіе этихъ лицъ къ уголовной отвѣтственности только въ случаѣ причиненія ихъ дѣйствіями вреда или смерти. Косвенное подтвержденіе этимъ выводамъ можно найти въ самомъ текстѣ 106 статьи, по которой, сверхъ положеннаго наказанія за отпускъ лекарствъ, сопровождавшійся причиненіемъ вреда,—подлежатъ конфискаціи въ пользу богоугодныхъ заведеній всѣ найденные у обвиняемаго матеріалы и посуда. Въ 106 статьѣ, предусматривающей отпускъ лекарствъ изъ аптечныхъ складовъ и лавокъ, объ этой конфискаціи не упоминается ни слова. такъ какъ это равносильно было бы закрытію торговаго заведенія. Это умолчаніе можно объяснить только тѣмъ, что 106 статья имѣетъ въ виду лишь частныхъ лицъ, занимающихся продажей лекарствъ, но не содержателей торговыхъ заведеній. Въ силу этихъ соображеній и разъясненіе Сената по дѣлу Иванова объ отвѣтственности по 106 статьѣ за отпускъ лекарствъ съ примѣсью ядовитыхъ веществъ должно имѣть примѣненіе лишь въ отношеніи къ частнымъ лицамъ, содержатели же аптечныхъ складовъ и лавокъ должны отвѣчать за продажу такого рода лекарствъ на общемъ основаніи, т. е. по 104^1 ст. уст. о наказ.

Наиболѣе часто медицинской полиціи приходится обнаруживать нахожденіе въ аптечныхъ складахъ и магазинахъ разнаго рода лекарственныхъ веществъ, которыя согласно особому списку, приложенному къ 663 ст. уст. врач. (т. XIII изд. 1892 г.), не могутъ быть въ нихъ продаваемы (см. Собр. узак. и расп. правит. за 1892 годъ, № 50, ст. 477). Изъ нихъ наиболѣе часто встрѣчаются въ продажѣ: слабительныя лепешки tamar indien, миланскій пластырь, спорынья, шпанскія мухи въ порошкѣ, разнаго рода врачебные элексиры и пр.

Ни въ уставѣ о наказаніяхъ, ни въ спеціальныхъ узаконеніяхъ нѣтъ указаній на то, въ какомъ порядкѣ должны отвѣчать содержатели складовъ и лавокъ за продажу этихъ веществъ. Поэтому къ означенному дѣянію должна быть примѣнена лишь 29 ст. уст.

о нак., карающая неисполненіе законныхъ требованій правительственныхъ властей, но никакъ не 106^1 ст. уст. о нак. (разъясненіе Сената 1900 г. по дѣлу Вильковскаго).

Въ заключеніе—два слова по поводу толкованія буквальнаго текста 104^1 и 106^1 ст. уст. о нак. Первая изъ нихъ караетъ *продажу* ядовитыхъ и сильнодѣйствующихъ веществъ, вторая же—*продажу* лекарственныхъ веществъ изрѣзанными, изрубленными и пр. Въ приложеніи къ 663 ст. уст. врач. помѣщенъ списокъ лекарственныхъ веществъ, которыя не могутъ быть *продаваемы* въ аптекарскихъ магазинахъ и лавкахъ. Полиціи чаще всего приходится констатировать фактъ *храненія* въ аптекарскихъ магазинахъ веществъ, воспрещенныхъ къ продажѣ, но не самую продажу. Продавецъ не станетъ отпускать лекарства въ присутствіи полицейскаго надзора, и, наоборотъ, покупатель не захочетъ получать какое-либо снадобье, зная, что за это ему придется фигурировать въ судебномъ процессѣ въ качествѣ свидѣтеля. Защита часто ходатайствуетъ объ оправданіи обвиняемыхъ на томъ только основаніи, что по закону наказуется лишь *продажа* воспрещенныхъ веществъ, нэ не нахожденіе ихъ на полкѣ склада. Всѣ такіе доводы должны быть разсматриваемы лишь какъ риторическія упражненія въ области судебной казуистики. Аптечные склады и лавки есть тѣ же торговыя заведенія, предназначенныя для отпуска товаровъ покупателямъ. Поэтому одно нахожденіе въ такомъ торговомъ заведеніи воспрещенныхъ къ продажѣ веществъ составляетъ именно то правонарушеніе, которое карается 104^1 и 106^1 ст. уст. о нак., вопросъ же о томъ, успѣлъ ли торговецъ сбыть часть воспрещеннаго къ продажѣ товара или нѣтъ, можетъ служить лишь указателемъ коммерческой предпріимчивости самого торговца, но никакъ не вліять на наказуемость допущеннаго имъ правонарушенія.

А. Н. Бутовскій.

VI.

КОРМОВЫЯ ДЕНЬГИ НА СОДЕРЖАНІЕ ПОДЪ СТРАЖЕЙ ЛИЦЪ, ОБЪЯВЛЕННЫХЪ ДОЛЖНИКАМИ НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫМИ ПО ТОРГОВЛѢ.

Въ практикѣ огромнаго большинства судовъ установился взглядъ, что для заключенія, согласно 503 ст. уст. суд. торг. (т. XI, ч. 2), лица, признаннаго несостоятельнымъ по торговлѣ должникомъ, подъ

стражу, необходимо представленіе взыскателями кормовыхъ денегъ и что безъ представленія этихъ денегъ ни судебный приставъ не можетъ арестовать должника, ни начальникъ тюрьмы принять сего послѣдняго, вслѣдствіе чего опредѣленіе суда о немедленной отдачѣ должника подъ стражу должно остаться безъ исполненія. Взглядъ такой не можетъ, однакоже, быть признанъ правильнымъ, и тѣ статьи закона, на которыя обыкновенно ссылаются его сторонники, нисколько взгляда этого не оправдываютъ.

Такъ, прежде всего, они ссылаются на ст. 40, 4 п. 52, 55, 6 п. 57, 62—64 III прил. къ ст. 1400 (прим.) уст. гражд. суд., т. е. на правила о личномъ задержаніи неисправныхъ должниковъ, и утверждаютъ, что такъ какъ во всѣхъ этихъ статьяхъ говорится о необходимости представленія взыскателемъ судебному приставу, а симъ послѣднимъ—начальнику мѣста заключенія, кормовыхъ денегъ, при чемъ непосредственнымъ послѣдствіемъ непредставленія ихъ является непринятіе должника въ мѣсто заключенія или освобожденіе его изъ подъ стражи, и такъ какъ правила эти имѣютъ въ виду должниковъ несостоятельныхъ—слѣдовательно и при заключеніи подъ стражу должника, объявленнаго несостоятельнымъ по торговлѣ, онъ заключенъ подъ стражу можетъ быть не иначе, какъ по представленіи взыскателемъ кормовыхъ на его содержаніе въ тюрьмѣ денегъ.

Затѣмъ, ссылаются еще на ст. 118, 205 и 280 уст. о сод. подъ стр. (т. XIV, 5), въ которыхъ тоже установлено правило, что на продовольствіе лицъ, содержащихся подъ стражей за долги, требуются деньги отъ ихъ заимодавцевъ и притомъ въ двойномъ противъ нормальной табели размѣрѣ.

Между тѣмъ, о примѣненіи къ данному случаю первой категоріи перечисленныхъ статей не можетъ быть и рѣчи по той простой причинѣ, что—какъ то явствуетъ изъ 29 ст. помянутаго прил. III къ ст. 1400 (прим.) уст. гражд. суд.—правила эти имѣютъ примѣненіе только и исключительно къ должникамъ несостоятельнымъ, признаннымъ *неосторожными* и заключаемымъ подъ стражу не по инициативѣ суда, а только и не иначе, какъ по просьбѣ кредиторовъ, при чемъ текстъ этихъ правилъ цѣликомъ позаимствованъ изъ замѣненныхъ ими ст. 1233—1236, 1238—1266 уст. гражд. суд., которыя примѣнялись не къ несостоятельнымъ должникамъ, а вообще къ лицамъ, заключаемымъ подъ стражу за долги и тоже заключаемымъ не иначе, какъ по просьбѣ своихъ кредиторовъ. Разъ кредиторы просятъ о личномъ задержаніи своихъ должниковъ

и разъ безъ этой просьбы судъ не въ правѣ дѣлать постановленія о ихъ заключеніи—то изъ сего, само собою разумѣется, вытекаетъ, что лишеніе свободы во всѣхъ этихъ случаяхъ является не наказаніемъ, не возмездіемъ за извѣстное противозаконное дѣйствіе, налагаемымъ судомъ ex officio, а, съ одной стороны,—какъ бы эквивалентомъ долга, а съ другой—понудительной мѣрой въ отношеніи должника, заставляющей его исполнить свои гражданскія обязательства, т. е. уплатить долгъ.

Правда, въ статьяхъ 118, 205 и 280 уст. о сод. подъ стражей говорится вообще о *неисправныхъ* должникахъ и о лицахъ, заключенныхъ подъ стражу *за долги*, и слѣдовательно изъ смысла этихъ статей можно бы заключить, что онѣ относятся не къ однимъ *неосторожнымъ* несостоятельнымъ должникамъ, а и ко всякаго рода должникамъ, разъ послѣдніе „за долги" подлежатъ лишенію свободы. Но заключеніе такое было бы слишкомъ поспѣшное. Какъ раньше, до закона 7 марта 1879 г. (объ отмѣнѣ личнаго задержанія за долги) должники, не платящіе своихъ долговъ, такъ и послѣ изданія сего закона—несостоятельные должники, признанные неосторожными, содержались на счетъ кредиторовъ, такъ какъ заключеніе ихъ подъ стражу или оставленіе на свободѣ—всецѣло зависѣло отъ произвола сихъ послѣднихъ. Совершенно въ другомъ видѣ представляется мѣра заключенія, установленная въ 503 ст. уст. суд. торг. и предписывающая суду по собственной иниціативѣ, безъ всякой о томъ просьбы кредиторовъ, должника торговаго званія, признаннаго несостоятельнымъ,—немедленно послѣ объявленія резолюціи и непремѣнно *въ тотъ же день*—заключать подъ стражу. Это заключеніе является такой же публичной мѣрой пресѣченія должнику возможности уклоняться отъ суда и скрыть свое имущество, какой является личное задержаніе обвиняемаго по дѣлу уголовному. Исполненіе этого постановленія суда не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ желанія и произвола частныхъ лицъ, т. е. кредиторовъ несостоятельнаго должника, такъ какъ, если бы законодатель желалъ установить такую зависимость, то въ ст. 503 добавилъ бы условіе: „въ случаѣ взноса кредиторами кормовыхъ денегъ" или, по крайней мѣрѣ, статью 503 снабдилъ бы такимъ же примѣчаніемъ, какое мы находимъ подъ 622 ст. уст. суд. торг., предусматривающей—какъ послѣдствіе неосторожной несостоятельности—лишеніе должника свободы на срокъ отъ 8 мѣсяцевъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ, по усмотрѣнію заимодавцевъ. Въ примѣчаніи подъ этой статьей, говорящей о лишеніи должника свободы, т. е.

о заключеніи его подъ стражу не по инициативѣ суда, а по усмотрѣнію кредиторовъ,—указаны и источники продовольствія такихъ должниковъ, а именно постановлено, что „правила о издержкахъ на содержаніе подъ стражей такого несостоятельнаго должника опредѣляются въ уставѣ о содержащихся подъ стражей“, т. е. именно въ тѣхъ статьяхъ, о которыхъ рѣчь была выше.

Такимъ образомъ, не можетъ, по моему мнѣнію, подлежать сомнѣнію, что правила эти примѣняются тоже только и исключительно къ тому періоду заключенія за долги несостоятельнаго должника, когда уже опредѣлено свойство его несостоятельности, именно, когда онъ признанъ несостоятельнымъ неосторожнымъ. Съ этого момента должникъ содержаться за свои долги въ тюрьмѣ можетъ не иначе, какъ по просьбѣ о томъ большинства кредиторовъ, и при томъ непремѣнномъ условіи, что они внесли на содержаніе его кормовыя деньги. А что примѣчаніе подъ 622 ст. относится только и исключительно къ предусмотрѣнному въ ней случаю заключенія подъ стражей неосторожнаго несостоятельнаго должника, а не къ случаю заключенія должника торговаго званія, объявленнаго несостоятельнымъ, установленнаго 503 ст.—это видно еще изъ того, что, при желаніи придать этому примѣчанію такое именно общее значеніе, законодатель помѣстилъ бы его не подъ 622, а подъ 503 ст., какъ первой статьей по порядку, предусматривающей личное задержаніе, или же примѣчаніе подъ 622 ст. дополнилъ бы поясненіемъ, что оно относится и къ ст. 503.

Въ этомъ убѣждаетъ и историческая справка, получаемая при сравненіи нѣсколькихъ разновременныхъ изданій законовъ о несостоятельности. Дѣйствующія правила о производствѣ дѣлъ о несостоятельности основаны на изданномъ 19 декабря 1880 г. уставѣ о банкротахъ (Полн. Собр. Зак. № 19,692). Закономъ этимъ установлено то главное различіе въ производствѣ дѣлъ о несостоятельности торговой и неторговой, которое сохранилось понынѣ и заключается въ томъ, что въ то время, какъ несостоятельный должникъ торговаго званія подвергается личному задержанію при самомъ объявленіи несостоятельности, лицо неторговаго званія подвергается таковому не ранѣе, какъ по опредѣленіи свойства несостоятельности, если притомъ таковая признана неосторожною. Это послѣднее правило выражено въ банкротскомъ уставѣ въ ст. 100, части 2, при чемъ предѣльный срокъ задержанія назначенъ въ 5 лѣтъ съ опредѣленіемъ должнику содержанія отъ заимодавцевъ отъ 100 до 150 р. въ годъ, по ихъ разсужденію. Затѣмъ, оно повторяется

безъ перемѣны и въ ст. 2317 ч. 2 т. X Свод. зак., изд. 1832 г., а также и въ изданіяхъ 1842 г. (ст. 3072), 1857 г. (ст. 1023) и 1876 г. (ст. 695). Во всѣхъ четырехъ указанныхъ изданіяхъ 2 ч. X т. имѣется согласная въ сущности со ст. 100 банкр. уст. ссылка на выдачу несостоятельному содержанія отъ заимодавцевъ, размѣръ коего опредѣляется вдвое противъ довольствія, опредѣляемаго табелями для арестантовъ вообще.

Между тѣмъ, статья 503 уст. суд. торг., составляющая § 19 закона 25 іюня 1832 г. (прежняя по изданію 1857 г. 1882 ст.), заключаетъ въ себѣ особое самостоятельное правило о немедленной „въ тотъ же день" отдачѣ подъ стражу несостоятельнаго должника торговаго званія. И при столь категорической редакціи заключающагося въ ней правила, а затѣмъ при отсутствіи подъ ней такого же примѣчанія, какое помѣщено подъ 622 ст., ставить исполненіе этого постановленія суда въ зависимость отъ случайныхъ обстоятельствъ, какими являлось бы желаніе или нежеланіе кредиторовъ внести кормовыя деньги,—значило бы умалять авторитетъ судебныхъ рѣшеній и притомъ такихъ, которыя, хотя и постановлены по дѣламъ гражданскимъ, но, нося исключительный, публичный характеръ, не могутъ нормироваться общими положеніями судопроизводства гражданскаго о состязательности процесса и необходимости иниціативы сторонъ для приведенія рѣшенія суда въ исполненіе. Но, независимо отъ этого, такой выводъ явствуетъ и изъ дальнѣйшаго содержанія той же 503 ст. По смыслу ея лицо торговаго званія, признанное судомъ несостоятельнымъ должникомъ, можетъ въ тотъ же день не быть заключено подъ стражу, т. е. можетъ быть оставлено на свободѣ, лишь при наличности совокупности трехъ слѣдующихъ условій: 1) когда открытіе несостоятельности послѣдовало по собственному признанію должника прежде, нежели долги поступили ко взысканію; 2) когда, *при этомъ*, всѣ наличные его кредиторы единогласно изъявятъ согласіе оставить его на свободѣ, и 3) когда, *въ то же время*, должникъ представитъ надежное поручительство въ неотлучкѣ его изъ города. Достаточно отсутствія *одного* изъ этихъ условій, и должникъ подлежитъ немедленному заключенію подъ стражу. А если это такъ, если *одного* общаго согласія всѣхъ наличныхъ кредиторовъ на оставленіе на свободѣ должника недостаточно и даже при такомъ согласіи ихъ судъ обязанъ заарестовать должника, коль скоро отсутствуетъ какое-либо изъ двухъ прочихъ условій (собственное заявленіе и поручительство), то спрашивается: въ какое же положеніе

поставленъ былъ бы судъ, если при отсутствіи какого-либо изъ этихъ двухъ условій, или хотя бы одного изъ нихъ, и слѣдовательно при необходимости заключить должника подъ стражу немедленно—*въ день провозглашенія резолюціи*—судъ лишенъ бы былъ возможности исполнить это категорическое предписаніе закона лишь потому, что никто изъ кредиторовъ не пожелалъ бы внести кормовыхъ денегъ? Очевидно, что тогда требованіе закона о необходимости для оставленія должника на свободѣ—наличности *всѣхъ трехъ* перечисленныхъ условій осталось бы мертвой буквой. И, конечно, невозможно допустить, чтобы таково именно было намѣреніе законодателя.

Требовать же—какъ то дѣлаютъ нѣкоторые окружные суды—взноса взыскателями впередъ кормовыхъ денегъ въ судъ и впредь до взноса этихъ денегъ откладывать разрѣшеніе дѣла и постановленіе опредѣленія о несостоятельности—было бы и незаконно (нѣтъ закона, который бы судъ на это уполномачивалъ), и нецѣлесообразно, такъ какъ: 1) деньги эти вообще вносятся не въ судъ, а судебному приставу или начальнику мѣста заключенія, и 2) такимъ требованіемъ судъ какъ будто предрѣшалъ бы исходъ дѣла, т. е. еще до постановленія опредѣленія о несостоятельности объявлялъ бы тяжущимся, что такое опредѣленіе будетъ постановлено.

Все вышеизложенное приводитъ къ несомнѣнному выводу, что, согласно 503 ст. уст. суд. торг., судъ, объявивъ лицо торговаго званія несостоятельнымъ должникомъ, *немедленно* дѣлаетъ распоряженіе объ отдачѣ его подъ стражу, при чемъ должникъ отправляется въ мѣсто заключенія *по иниціативѣ самого суда*, безъ просьбы о томъ кредиторовъ, и содержится въ немъ не на счетъ сихъ послѣднихъ, а на счетъ казны, на общемъ основаніи и въ силу общихъ правилъ о предварительномъ лишеніи свободы, предпринимаемомъ съ цѣлью воспрепятствовать должнику уклониться отъ суда и скрыть свое имущество.

А. Бардзкій.

VII.

О ПРИМѢНЕНІИ 1491 СТ. УЛОЖЕНІЯ О НАКАНІЯХЪ.

Въ замѣчаніяхъ чиновъ судебнаго вѣдомства на уложеніе о наказаніяхъ, помѣщенныхъ во второмъ томѣ матеріаловъ для пересмотра нашего уголовнаго законодательства, по поводу 1491 ст.

улож. сказано слѣдующее: „Статья эта возбуждаетъ сомнѣніе въ томъ случаѣ, когда послѣдствіемъ побоевъ былъ выкидышъ младенца недоношеннаго, къ жизни еще неспособнаго, или же выкидышъ такъ называемаго заноса. Равно затрудненіе встрѣчается и въ томъ случаѣ, когда беременной женщинѣ былъ нанесенъ ударъ легкій, не причинившій никакого вреда для здоровья, но послѣдствіемъ котораго были преждевременные роды и смерть младенца; при опредѣленіи наказанія за такое преступленіе нельзя избрать ни одно изъ указанныхъ въ 1491 ст. наказаній, такъ какъ въ нихъ и вообще въ уложеніи нѣтъ наказаній за нанесеніе легкихъ побоевъ (стр. 279)".

Хотя со времени изданія упомянутыхъ замѣчаній прошло болѣе 25 лѣтъ, но вопросы, возникавшіе у судебныхъ практиковъ при примѣненіи 1491 ст. улож. въ то время, остались отчасти неразрѣшенными и теперь, такъ какъ относящіяся къ разсматриваемому преступленію рѣшенія Сената (1871 г. № 1716, 1875 г. № 577 и 1901 г. № 27), установивъ, что для примѣненія 1491 ст. улож. необходимо нанесеніе завѣдомо беременной женщинѣ съ умысломъ побоевъ или другихъ тѣлесныхъ поврежденій, вызвавшихъ, независимо отъ степени ихъ тяжести, а также и отъ намѣренія виновнаго, преждевременные роды и смерть младенца, оставили безъ обсужденія значеніе этого послѣдняго выраженія закона; въ юридической литературѣ, вопреки указаннымъ разъясненіямъ Сената, проводится основанный на точномъ смыслѣ закона взглядъ, что 1491 ст. предусматриваетъ только побои и тѣлесныя поврежденія, перечисленные въ 1477—1484 и 1486—1490 ст. улож., и ничѣмъ не мотивированное заключеніе, что подъ выраженіемъ „младенецъ" законъ понимаетъ плодъ, вполнѣ доношенный и способный къ внѣутробной жизни (Фойницкій, Курсъ уголовнаго права, стр. 84, Неклюдовъ, Руководство къ особенной части т. I, стр. 214—215), и наконецъ, современная судебная практика, признавая, согласно разъясненіямъ Сената, безразличнымъ для состава преступленія, предусмотрѣннаго 1491 ст., свойство и степень тяжести причиненныхъ беременной женщинѣ тѣлесныхъ поврежденій, въ толкованіи выраженія закона „младенецъ" присоединяется къ выводамъ Неклюдова и Фойницкаго, требуя, чтобы упомянутыми тѣлесными поврежденіями была вызвана смерть жизнеспособнаго, доношеннаго плода, но не выкидыша или заноса.

Выяснить по возможности, насколько указанный взглядъ практи-

ки имѣетъ основаніе въ буквѣ и смыслѣ 1491 ст., и составляетъ задачу настоящей работы. Въ новомъ уложеніи, въ отдѣлѣ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ, нѣтъ постановленія, соотвѣтствующаго 1491 ст. улож., и такимъ образомъ недоразумѣнія, вытекающія изъ примѣненія этого закона, будутъ устранены. Однако, въ виду того, что введеніе въ дѣйствіе новаго уложенія послѣдуетъ лишь черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, между тѣмъ причиненіе тѣлесныхъ поврежденій съ указанными въ 1491 ст. послѣдствіями относится къ часто совершаемымъ среди нашего населенія преступленіямъ,—работа эта не кажется намъ лишенной значенія, какъ несвоевременная и запоздалая.

I.

Разъясненіе значенія и смысла употребляемыхъ въ текстѣ закона словъ и выраженій составляетъ предметъ грамматическаго толкованія закона, при которомъ, какъ говоритъ проф. Таганцевъ (Лекціи, в. I, стр. 357), необходимо имѣть въ виду, что если законодатель придаетъ какому-либо выраженію спеціальное значеніе, то и во всѣхъ другихъ статьяхъ закона, гдѣ употреблено это выраженіе, оно должно имѣть то же значеніе. Выраженію „младенецъ" законъ, очевидно, придаетъ спеціальное значеніе, а потому выясненіе значенія этого термина, согласно приведенному выше правилу грамматическаго толкованія закона, должно быть основано на разсмотрѣніи постановленій всѣхъ статей уложенія, заключающихъ въ себѣ то же выраженіе, и если въ этихъ статьяхъ законодатель придаетъ выраженію „младенецъ" вполнѣ опредѣленное, не возбуждающее сомнѣній значеніе, то и вопросъ о значеніи того же выраженія въ 1491 ст. улож. окажется разрѣшеннымъ.

Выраженіе „младенецъ", кромѣ 1491 ст., встрѣчается въ уложеніи въ ст.ст. 1407, 1408, 2 ч. 1451, 1460 и 1469. Статьи 1407 и 1408 говорятъ о похищеніи и подмѣнѣ младенцевъ, съ намѣреніемъ скрыть ихъ происхожденіе или безъ такого намѣренія, при чемъ наказаніе виновнаго соразмѣряется съ продолжительностью времени задержанія похищеннаго младенца; 2 ч. 1451 ст. предусматриваетъ убійство матерью незаконнаго младенца при самомъ его рожденіи; 1460 ст. караетъ оставленіе матерью незаконнорожденнаго младенца безъ помощи, если отъ этого послѣдуетъ смерть младенца, и (2 ч.) сокрытіе матерью трупа мертворожден-

наго младенца, и, наконецъ, 1469 ст. говоритъ объ убійствѣ младенца чудовищнаго вида.

Во всѣхъ приведенныхъ статьяхъ, за исключеніемъ 2 ч. 1460 ст., уложеніе, внѣ всякаго сомнѣнія, подъ выраженіемъ „младенецъ" понимаетъ ребенка, рожденнаго вполнѣ доношеннымъ и способнымъ продолжать жизнь внѣ утробы матери, такъ какъ, само собою разумѣется, неспособный къ жизни плодъ ни лишить жизни, ни похитить съ указанной въ 1407 и 1408 ст. цѣлью нельзя.

Такимъ образомъ, на основаніи не вызывающаго никакихъ сомнѣній смысла указанныхъ статей и согласно упомянутому правилу грамматическаго толкованія закона, слѣдуетъ прійти къ заключенію, что и въ ст. 1491 законъ, говоря о „младенцѣ", имѣетъ въ виду ребенка, рожденнаго доношеннымъ и жизнеспособнымъ, а не плодъ недоношенный, такъ называемый выкидышъ.

Къ тому же заключенію приводитъ насъ и выраженіе той же ст. 1491—„*преждевременные роды*", каковое выраженіе, какъ терминъ чисто медицинскій, слѣдуетъ толковать на основаніи данныхъ медицины и подлежащихъ постановленій устава врачебнаго.

По ученію медицины, нормальная беременность продолжается 280 дней, роды же, наступившіе прежде этого срока, но во всякомъ случаѣ не раньше 180 дней съ момента зачатія, при чемъ ребенокъ рождается хотя и не вполнѣ зрѣлымъ, но способнымъ къ продолженію внѣутробной жизни, называются *преждевременными* родами, и, наконецъ, роды, наступившіе раньше истеченія 6 мѣсяцевъ беременности, когда ребенокъ не достигъ еще достаточной степени зрѣлости, а потому неспособенъ продолжать внѣутробную жизнь и долженъ неминуемо умереть, называются *выкидышемъ* (Учебники судебной медицины—Гофманъ, стр. 155, Шауенштейнъ, стр. 226, 237 и 241).

По правиламъ, изложеннымъ въ уставѣ врачебномъ (изд. 1892 г.), повивальная бабка обязана пригласить врача, „*когда примѣтитъ, что роды предстоятъ тяжелые*" (ст. 120), „также и въ трудныхъ *выкидышахъ*" (ст. 121); она не должна употреблять средствъ для „произведенія преждевременнаго отъ беременности разрѣшенія, но обязана и при выкидышахъ и преждевременныхъ родахъ подавать возможное пособіе" (ст. 127). Ст. 1324 того же устава предписываетъ производить кесарское сѣченіе въ случаѣ смерти беременной женщины во второй половинѣ беременности „для спасенія плода и окрещенія онаго", на основаніи же 125 ст. т. X ч. I, есте-

ственными признаются роды, наступившіе черезъ 180 дней послѣ бракосочетанія.

Приведенныя постановленія закона не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что врачебный уставъ, проводя вполнѣ отчетливо разницу между *родами нормальными*, *преждевременными* и *выкидышемъ*, признаетъ родами только такое разрѣшеніе отъ беременности, которое наступило не ранѣе истеченія 180 дней отъ момента зачатія, а такъ какъ и на основаніи данныхъ медицины, и согласно врачебному уставу, ребенокъ, рожденный въ такой періодъ беременности, обладаетъ жизнеспособностью, то необходимо прійти къ заключенію, что выраженіе 1491 ст. „*преждевременные роды*" предполагаетъ разрѣшеніе отъ беременности жизнеспособнымъ младенцемъ и ничего общаго съ выкидышемъ не имѣетъ.

Такимъ образомъ, на основаніи грамматическаго толкованія закона, а также положеній врачебнаго устава, разъясняющихъ помѣщенные въ уложеніи медицинскіе термины, мы приходимъ къ заключенію, что какъ въ ст. 1491, такъ и во всѣхъ другихъ статьяхъ, въ которыхъ объектомъ совершенія преступленія является „младенецъ", терминъ этотъ долженъ быть понимаемъ въ смыслѣ доношеннаго, способнаго продолжать внѣутробную жизнь ребенка, рожденнаго не ранѣе окончанія 6 мѣсяцевъ беременности. Выводъ этотъ, кромѣ изложенныхъ основаній, подтверждается еще и тѣмъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ признаетъ объектомъ преступленія такъ называемый выкидышъ, а не „младенца", уложеніе употребляетъ выраженіе „плодъ" (ст. 1461 и 1462), а это обстоятельство несомнѣнно указываетъ на то, что уложеніе придаетъ обоимъ упомянутымъ выраженіямъ вполнѣ опредѣленное значеніе, не смѣшивая недоношеннаго плода съ жизнеспособнымъ „младенцемъ".

Н. А. Неклюдовъ придаетъ выраженію 1491 ст. улож. „младенецъ" значеніе жизнеспособнаго ребенка (стр. 215), а г. Фойницкій находитъ, что подъ употребленнымъ во 2 ч. 1460 ст. улож. выраженіемъ „младенецъ" слѣдуетъ понимать только такого ребенка, который достигъ въ утробѣ зрѣлости, давшей возможность внѣутробнаго существованія (стр. 53), а, слѣдовательно, придаетъ то же значеніе выраженію „младенецъ" и въ 1491 ст. улож.

II.

Перечисляя тѣлесныя поврежденія, которыя должны быть причинены беременной женщинѣ, ст. 1491 улож. указываетъ на

увѣчья, раны, важный вредъ для здоровья, побои, истязанія и мученія, а въ карательной части той же статьи сказано, что виновный приговаривается къ строжайшему изъ наказаній, опредѣленныхъ въ ст. 1477—1484 и 1486—1490 за умышленное нанесеніе увѣчья, ранъ, поврежденія здоровья или истязаній или мученій и побоевъ.

Такой ссылочный способъ опредѣленія наказанія примѣняется и въ другихъ многочисленныхъ статьяхъ уложенія, напр., 202, 203, 229 и многихъ другихъ, при чемъ не можетъ возникать сомнѣнія въ томъ, что въ такихъ случаяхъ наказаніе опредѣляется на основаніи тѣхъ именно статей, на которыя закономъ сдѣлана ссылка, а такъ какъ въ 1491 ст., какъ въ диспозитивной, такъ и въ карательной ея частяхъ, заключается точное опредѣленіе тѣхъ видовъ тѣлесныхъ поврежденій, которыя должны быть причинены виновнымъ, то примѣненіе ея, ограниченное самимъ закономъ, не допускаетъ распространительнаго толкованія.

1491 ст., какъ видно изъ сопоставленія диспозитивной и карательной ея частей, предусматриваетъ слѣдующія тѣлесныя поврежденія: тяжкія и легкія увѣчья (ст. 1477—1480), тяжкія и легкія раны (ст. 1481—1484), важное разстройство здоровья (ст. 1486—1488), тяжкіе, угрожающіе опасностью жизни побои, истязанія и мученія (ст. 1489—1490). Такія именно тѣлесныя поврежденія должны быть причинены беременной женщинѣ, для примѣненія къ виновному 1491 ст. улож., при наличности и всѣхъ прочихъ, указанныхъ въ законѣ условій, а такъ какъ, перечисляя виды тѣлесныхъ поврежденій, законъ не упомянулъ „иного поврежденія", предусмотрѣннаго 1483 ст. улож., а также легкихъ и тяжкихъ, не подвергающихъ жизнь опасности побоевъ (133 и 142 ст. уст. о наказ. и 1533 ст. улож.), то необходимо прійти къ заключенію, что въ случаѣ причиненія беременной женщинѣ такихъ, не указанныхъ въ законѣ, поврежденій, 1491 ст. улож. къ виновному не можетъ быть примѣнена.

Въ подтвержденіе такого заключенія можно сослаться на Н. А. Неклюдова и проф. Фойницкаго, по выводамъ которыхъ 1491 ст. предусматриваетъ всѣ виды увѣчья и ранъ, важное разстройство здоровья и подвергающіе жизнь опасности побои и истязанія, но не побои, предусмотрѣнные 1533 ст. улож. (Неклюдовъ., т. I,. стр. 214, и Фойницкій стр. 84).

Несмотря, однако, на указанное выше точное перечисленіе закономъ тѣхъ тѣлесныхъ поврежденій, которыя должны быть причинены

беременной женщинѣ, Правительствующій Сенатъ, въ рѣшеніи 1875 г. № 577, разъяснилъ, что 1491 ст. улож. не придаетъ никакого значенія важности побоевъ, имѣя въ виду лишь беременное положеніе женщины и послѣдствіе побоевъ, ибо, говоритъ Сенатъ, если бы 1491 ст. допускала какое-либо различіе въ нанесенныхъ завѣдомо беременной женщинѣ побояхъ, то въ статьѣ этой была бы сдѣлана ссылка и на 1533 ст. улож. о нанесеніи побоевъ, не подвергающихъ жизнь опасности. При этомъ, хотя Сенатъ и не указалъ, какое именно наказаніе должно было быть опредѣлено виновному въ данномъ случаѣ судомъ, но такъ какъ изъ того же рѣшенія видно, что обвиняемый нанесъ своей беременной женѣ нѣсколько ударовъ розгами, что такое дѣяніе обвиняемаго судъ не нашелъ возможнымъ признать истязаніями, предусмотрѣнными 1489 ст. улож., и что, наконецъ, приговоръ суда былъ отмѣненъ лишь въ виду неправильнаго примѣненія къ дѣянію обвиняемаго на ряду съ 1489 ст. и 2 ч. 1490 ст. улож., можно, кажется, прійти къ заключенію, что, по мнѣнію Сената, виновный долженъ быть наказанъ по 1489 ст. улож. даже въ томъ случаѣ, когда причиненные имъ беременной женщинѣ побои окажутся легкими или тяжкими, не подвергающими и жизнь опасности.

Такой выводъ, если мы только вѣрно поняли смыслъ указаннаго рѣшенія Сената, противорѣчитъ тексту 1491 ст., точно и опредѣленно, а не въ видѣ примѣра, перечисляющему предусматриваемыя закономъ тѣлесныя поврежденія, соображеніе же, что 1491 ст. не придаетъ никакого значенія важности побоевъ, а лишь послѣдствіямъ, и что въ противномъ случаѣ, по мнѣнію Сената, законъ не преминулъ бы сдѣлать ссылку на 1533 ст. улож., врядъ ли убѣдительно: точность текста закона даетъ полное право утверждать, что отсутствіе ссылки на 1533 ст. прямо указываетъ и на отсутствіе у законодателя намѣренія включать въ 1491 ст. побои, о которыхъ говорится въ упомянутой 1533 ст., а не на умолчаніе законодателя о такого рода побояхъ съ указанною Сенатомъ цѣлью.

Затѣмъ, въ рѣшеніи 1901 г. № 27, Сенатъ разъяснилъ, что причиненіе завѣдомо беременной женщинѣ нѣсколькихъ толчковъ кулаками въ бокъ, вызвавшихъ преждевременные роды и смерть младенца, не можетъ быть признано ни истязаніемъ, ни, равнымъ образомъ, побоями, предусмотрѣнными 1489 ст. улож., почему и отмѣнилъ приговоръ суда за неправильнымъ примѣненіемъ къ описанному дѣянію обвиняемаго 1489 ст. улож. Отсюда слѣдуетъ, что, не

раздѣляя упомянутаго выше вывода рѣшенія 1875 г., въ этомъ послѣднемъ рѣшеніи (№ 27), Сенатъ не признаетъ возможнымъ квалифицировать всякаго рода побои, нанесенные беременной женщинѣ, съ указанными въ 1491 ст. послѣдствіями, 1489 ст. улож., а требуетъ, чтобы побои были тяжкими, угрожающими жизни опасностью, т. е. такими именно побоями, о которыхъ говорится въ 1489 ст.

Но, отмѣнивъ приговоръ суда, Сенатъ и въ этомъ рѣшеніи не указалъ статьи закона, по которой долженъ быть наказанъ виновный, въ случаѣ причиненія беременной женщинѣ легкихъ побоевъ, какъ было въ разсмотрѣнномъ Сенатомъ дѣлѣ, или тяжкихъ, но не угрожающихъ жизни опасностью, повлекшихъ преждевременные роды и смерть младенца. Очевидно, что Сенатъ и такіе случаи признаетъ подлежащими наказанію по 1491 ст. улож., но по какой же статьѣ изъ перечисленныхъ въ карательной ея части должно быть опредѣлено виновному наказаніе?

О наказаніи виновнаго въ такихъ случаяхъ по 1477—1484 ст. улож., предусматривающихъ причиненіе увѣчья и ранъ, конечно, не можетъ быть рѣчи, равно невозможно примѣненіе и 1486 и 1487 ст. улож., если, по заключенію врача, разстройство здоровья потерпѣвшей не окажется важнымъ, и, наконецъ, къ случаямъ такого рода не можетъ быть примѣнена и 1483 ст., предусматривающая на ряду съ ранами и „иное повреждение", тяжкое и легкое, потому что въ диспозитивной части 1491 ст. улож. упоминается лишь о важномъ въ здоровьѣ вредѣ, причиняемомъ средствами, описанными въ 1486 ст. улож.

Такимъ образомъ, оказывается, что въ случаѣ причиненія беременной женщинѣ тѣлесныхъ поврежденій, предусмотрѣнныхъ 142 ст. уст. или 1533 ст. улож., ни одно изъ перечисленныхъ въ 1491 ст. наказаній къ виновному не можетъ быть примѣнено, а это, конечно, значитъ, что въ такихъ случаяхъ не можетъ быть примѣнена и 1491 ст., виновный же долженъ подлежать отвѣтственности за причиненныя имъ тѣлесныя поврежденія въ зависимости отъ ихъ свойства и безъ усиленія наказанія за послѣдствія, указанныя въ 1491 ст. улож. Такой выводъ, представляющійся на первый взглядъ нелогичнымъ, какъ освобождающій отъ наказанія по 1491 ст. улож. при существованіи всѣхъ признаковъ субъективной виновности, но тѣмъ не менѣе вытекающій изъ точнаго смысла закона, можетъ быть объясненъ еще и тѣмъ, что составители уложенія, надо полагать, не допускали возможности преждевременныхъ родовъ и смерти младенца отъ причиненія беременной женщинѣ

побоевъ легкихъ или даже тяжкихъ, но не подвергающихъ жизнь опасности.

Въ подтвержденіе указаннаго выше вывода можно представить и слѣдующее соображеніе. Наказаніе виновнаго, въ случаѣ причиненія тѣлесныхъ поврежденій, повлекшихъ за собой преждевременные роды и смерть младенца, своей женѣ или матери, на основаніи 1492 ст. улож. должно быть возвышено двумя или тремя степенями, согласно же разъясненію Правительствующаго Сената 1875 г. № 533, 1492 ст. улож. имѣетъ въ виду лишь тяжкіе, угрожающіе жизни опасностью побои, предусмотрѣнные 1489 и 1490 ст. улож., но не насилія и побои, о которыхъ говорится въ ст. 1464. Въ виду такого разъясненія Сената, примѣненіе 1492 ст. улож. къ виновному въ причиненіи побоевъ, предусмотрѣнныхъ 1533 ст. улож., оказывается невозможнымъ, а это, по нашему мнѣнію, также составляетъ доказательство упомянутаго выше вывода.

На основаніи всего вышесказаннаго, мы приходимъ къ заключенію, что 1491 ст. улож. можетъ быть примѣнена только при наличности слѣдующихъ условій:

1) завѣдомо беременной женщинѣ должно быть причинено одно изъ тѣлесныхъ поврежденій, указанныхъ въ ст. 1477—1484 и и 1486—1490 ст. улож., и

2) упомянутое тѣлесное поврежденіе должно вызвать преждевременные роды и смерть младенца, т. е. доношеннаго и жизнеспособнаго ребенка, а не выкидышъ.

Если же беременной женщинѣ будутъ причинены насилія, легкіе побои или даже тяжкіе, не угрожающіе опасностью жизни, то, хотя бы таковые повлекли за собой указанныя въ 1491 ст. послѣдствія, а также и въ томъ случаѣ, когда перечисленными въ законѣ тѣлесными поврежденіями вызванъ выкидышъ, 1491 ст. улож. не можетъ быть примѣнена, а виновный отвѣчаетъ въ первомъ случаѣ только за причиненные имъ насилія и побои, на основаніи 142 ст. уст. или 1533 ст. улож., а во второмъ—на основаніи 1477—1484 и 1486—1490 ст. улож., но безъ усиленія отвѣтственности по 1491 ст. улож.

А. Щипилло.

VII.

ИЗЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ.

С.-Петербургское Юридическое Общество.

18-го апрѣля въ засѣданіи административнаго отдѣленія В. И. Ясевичъ-Бородаевская сдѣлала докладъ на тему: „Дѣйствующее законодательство о сектантахъ".

Сектанты—говоритъ въ началѣ доклада г-жа Ясевичъ-Бородаевская—отвергаютъ постановленія вселенскихъ соборовъ, утверждая, что эти постановленія дѣлали обыкновенные люди, которымъ свойственно ошибаться, Евангеліе же внушено Святымъ Духомъ и имѣетъ основаніемъ непоколебимый фундаментъ.

Докладъ приводитъ къ слѣдующимъ положеніямъ: послѣ крестьянской реформы и съ переводомъ библіи на русскій языкъ сектантство усилилось, и на сцену выступаетъ цѣлый рядъ сектъ съ раціоналистическимъ оттѣнкомъ; труды комитета 1864 г. подъ предсѣдательствомъ гр. Панина, проникнутые началами вѣротерпимости, не отразились на законѣ 1864 г., по смыслу котораго всѣ почти секты попали въ разрядъ особо вредныхъ; законъ 19-го апрѣля 1874 г. предоставилъ старообрядцамъ существенныя льготы по благоустройству семейной жизни, но обставилъ эти льготы обременительными формальностями; благодѣтельное значеніе закона 3-го мая 1883 г., предоставившаго раскольникамъ всѣхъ сектъ право богослуженія, было парализовано административной практикой; законъ 4-го іюля 1894 г. получилъ на практикѣ столь широкое толкованіе, что понятіе штундизма оказалось однозначащимъ съ понятіемъ сектантства вообще; принципъ вѣротерпимости, въ примѣненіи къ сектантамъ, требуетъ не только предоставленія имъ права оказательства вѣры, но равнымъ образомъ обезпеченія за ними и другихъ правъ,—на передвиженіе, христіанское погребеніе, на личную неприкосновенность и т. д.; вопросъ о реформѣ русскаго законодательства о сектантахъ поставленъ на ближайшую очередь Высочайшимъ манифестомъ отъ 26-го февраля текущаго года. *(Биржевыя Вѣдомости).*

26-го апрѣля, въ засѣданіи уголовнаго отдѣленія В. П. Ширковъ сдѣлалъ докладъ: „Объ отвѣтственности присяжныхъ засѣдателей по новому уголовному уложенію" [1]).

29-го апрѣля въ Юридическомъ Обществѣ, подъ предсѣдательствомъ почетнаго члена общества К. К. Арсеньева, состоялось особенно многолюдное засѣданіе, которое посѣтили, между прочимъ, члены образованнаго при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ совѣщанія по земскому страхованію. Засѣданіе было посвящено преніямъ по докладу В. Д. Кузьмина-Караваева „Правовыя нужды деревни". Какъ докладъ, такъ и пренія отли-

---

[1]) Этотъ докладъ будетъ напечатанъ въ одной изъ слѣдующихъ книгъ „Жур. Мин. Юст.".

чались большимъ интересомъ и оживленіемъ. Экономическое безсиліе деревни—фактъ, получившій въ настоящее время общее признаніе, между тѣмъ культурно-правовые запросы сельско-хозяйственной промышленности въ теченіе многихъ уже лѣтъ не сосредоточивали на себѣ вниманія общества, а въ послѣднее десятилѣтіе ихъ, главнымъ образомъ, заслоняли запросы агрономическіе и экономическіе въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Образованіе особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности и обращеніе къ „мѣстнымъ людямъ" послужило рѣшительнымъ толчкомъ въ дѣлѣ измѣненія направленія общественной мысли. Несмотря на крайне неблагопріятныя условія ихъ дѣятельности, уѣздные комитеты, въ значительной мѣрѣ, по собственной иниціативѣ, поставили вопросъ о современныхъ нуждахъ деревни въ такія широкія рамки, въ какія онъ давно уже у насъ не ставился. Были попытки со стороны реакціонной прессы, помѣщавшей на своихъ столбцахъ соотвѣтствующіе доклады, сузить эти рамки и, даже, вообще, свести вопросъ о реформѣ деревни къ нулю, но ихъ голоса прозвучали на этотъ разъ слабо, и они новаго ничего не сказали.

Основную нужду русской сельско-хозяйственной промышленности В. Д. Кузьминъ-Караваевъ видитъ въ отсутствіи активной самодѣятельной личности въ крестьянскомъ населеніи. Только личность, сильная сознаніемъ своихъ правъ, можетъ быть активна и самодѣятельна.

Поэтому необходимыми условіями самодѣятельности являются просвѣщеніе и развитіе правосознанія.

Между тѣмъ просвѣщеніе крестьянъ находится на очень низкой ступени, а юридическое положеніе крестьянъ, рѣзко отличное отъ положенія другихъ классовъ населенія, особенно препятствуетъ развитію въ нихъ правосознанія. Отсюда—прямой выводъ, что необходимы реформы, построенныя на принципѣ уравненія крестьянъ въ правовомъ отношеніи съ другими сословіями. Главнѣйшія изъ этихъ реформъ слѣдующія: урегулированіе нормъ обычнаго права, устраненіе препятствій для семейныхъ раздѣловъ, облегченіе выхода изъ общины, отмѣна розогъ, преобразованіе волостнаго суда и устройство крестьянскаго самоуправленія. Въ связи съ послѣднимъ, особенно настоятельными представляются реорганизація института земскихъ начальниковъ и созданіе мѣръ, способствующихъ осуществленію права жалобы. Реформы должны также коснуться земскихъ учрежденій и, прежде всего, въ смыслѣ обезпеченія за ними устойчивости и самостоятельности и измѣненія системы представительства. Наконецъ, весьма желательно скорѣйшее введеніе земскаго самоуправленія на окраинахъ. Принимавшіе участіе въ преніяхъ: А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ, І. В. Гессенъ, П. И. Исаковъ, а также нѣкоторые изъ присутствовавшихъ предсѣдателей земскихъ управъ, касались, главнымъ образомъ, затронутыхъ докладчикомъ реформъ и работъ уѣздныхъ комитетовъ. Въ общемъ, сходясь въ этихъ вопросахъ, участвовавшіе въ преніяхъ не пришли къ соглашенію по вопросу о мелкой земской единицѣ,—вопросу, который все еще не имѣетъ за собою большинства въ ту или другую сторону. *(Новости).*

---

2 мая, въ засѣданіи Юридическаго Общества, обсуждались вопросы, близко связанные съ изданіемъ новаго гражданскаго уложенія. Открывая засѣданіе, предсѣдательствующій сенаторъ І. И. Карницкій сообщилъ объ изданныхъ книгахъ проекта гражданскаго уложенія, касающихся общихъ положеній и наслѣдственнаго права. Затѣмъ С. А. Муромцевъ предложилъ къ обсужденію вопросъ о необходимости предварительнаго изслѣдованія гражданской жизни въ ея реальныхъ проявленіяхъ, прежде окончательнаго разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ гражданскаго законодательства. Гражданская жизнь и гражданское законодательство, говоритъ С. А. Муромцевъ,—далеко расходятся въ своемъ развитіи; цѣлый рядъ примѣровъ можетъ подтвердить, насколько иногда законъ не соотвѣтствуетъ запросамъ практики и какъ онъ расходится съ жизнью. Вопросъ лишь въ томъ: вліяетъ ли жизнь на образованіе законовъ, или условія жизни мѣняются сообразно требованіямъ, предъявляемымъ законоположеніями? При обсужденіи вопроса о новомъ гражданскомъ уложеніи, необходимо имѣть въ виду прежде всего, отвѣчаетъ ли оно дѣйствительнымъ потребностямъ жизни, не будетъ ли стѣснено на практикѣ выполненіе его положеній. Уложеніе стремится насадить въ народѣ извѣстныя правовыя понятія, измѣнить отчасти его взгляды на тѣ или иныя проявленія жизни, и поэтому уложеніе необходимо должно прежде всего считаться съ непосредственной гражданской жизнью. Затѣмъ, въ видахъ большей популярности уложенія, въ видахъ скорѣйшаго распространенія его законоположеній, не слѣдуетъ ли, при его составленіи, принять болѣе понятный языкъ, не отличающійся такъ рѣзко отъ обыденной рѣчи. Изъ преній выясняется, что значительное число статей новаго гражданскаго уложенія требуетъ, именно, приспособленія къ запросамъ жизни, и ихъ необходимо подвергнуть детальной разработкѣ. Критика, которая въ созданіи законовъ играетъ огромную роль, въ отношеніи проекта новаго уложенія сильно затруднена и тѣмъ, что онъ выпущенъ слишкомъ поздно, и тѣмъ, что онъ имѣется въ продажѣ въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ по слишкомъ высокой цѣнѣ. Въ дальнѣйшихъ преніяхъ выяснились нѣкоторыя статьи уложенія, требующія измѣненія, и высказывались пожеланія о редактированіи первоначальнаго проекта. *(С.-Петербургскія Вѣдомости).*

Казанское Юридическое Общество.

Въ засѣданіи 30 марта А. И. Елистратовъ прочелъ свое совмѣстное съ А. В. Завадскимъ сообщеніе: Къ вопросу о достовѣрности свидѣтельскихъ показаній (опыты А. Бинэ и В. Штерна).

Современный судья устанавливаетъ факты, не стѣсняясь формальной теоріей доказательствъ, но не по произволу своему, а приходя путемъ ряда логическихъ операцій къ убѣжденію, что извѣстные факты имѣли мѣсто. Опытныя положенія (Erfahrungssätze), которыми онъ здѣсь руководится, напр., при оцѣнкѣ показаній свидѣтелей, принадлежатъ въ преобладающей части своей къ полученнымъ путемъ житейскаго опыта, а не строго научнаго изслѣдованія, за что справедливо укоряютъ современный процессъ

нѣкоторые представители новой уголовной школы, напр., Ферри. Юристамъ, почти не касающимся (наиболѣе извѣстны только работы Гросса) этого вопроса, помощи надо ждать отъ психологовъ и особенно представителей экспериментальнаго въ ней направленія. Важные результаты изслѣдованій **A. Binet** (**La suggestibilité P. 1900**) и **A. W. Stern** (**Zur Psychologie der Aussage B. 1902**) и передаютъ докладчики.

Опыты Штерна состояли въ томъ, что онъ показывалъ въ теченіе 3—4 минутъ картинку испытуемому, который долженъ былъ дать немедленно, а затѣмъ еще черезъ правильные промежутки времени, письменное описаніе этой картинки. Иногда при послѣднемъ описаніи предлагалось испытуемому подчеркнуть тѣ мѣста показанія, за соотвѣтствіе которыхъ истинѣ онъ рѣшился бы принять присягу. Коренной выводъ Штерна изъ описаній трехъ картинокъ тринадцатью лицами состоитъ въ томъ, что наличность ошибокъ во всякомъ такомъ свидѣтельскомъ показаніи есть нормальный фактъ (безошибочныхъ всего 16%, первичныхъ и 1% вторичныхъ описаній). Ошибки эти распадаются на опущенія, которыя Штерномъ вовсе въ счетъ не клались, прибавленія не существующихъ предметовъ или подробностей, измѣненіе качественное или количественное видѣннаго. Ошибки эти падаютъ однѣ на моментъ воспріятія, другія на воспоминаніе, и могутъ зависѣть то отъ объективныхъ, то отъ субъективныхъ причинъ. Къ объективнымъ относятся: неясность, сложность воспринимаемаго предмета или его подробностей, продолжительность воспріятія, величина времени, протекшаго отъ воспріятія (число ошибокъ увеличивается съ каждымъ днемъ приблизительно на 1—4%) и т. п. Изъ субъективныхъ отмѣчаются плохая наблюдательность вообще или въ данномъ случаѣ рѣдкость способности къ индивидуализаціи и восполненіе какъ при воспріятіи, такъ и при воспоминаніи подробностей видѣннаго по обычной ассоціаціи и т. д. Изъ частныхъ выводовъ стоитъ отмѣтить наблюденіе, что женщины считаютъ возможнымъ дать присягу за большее число подробностей въ ихъ показаніяхъ, чѣмъ мужчины.

Бинэ изслѣдовалъ внушеніе безъ приведенія испытуемыхъ въ состояніе гипноза. Важнѣйшій для процессуалиста изъ его опытовъ состоитъ въ томъ, что онъ давалъ испытуемымъ, преимущественно ученикамъ народныхъ школъ въ Парижѣ 7—14 лѣтъ, въ теченіе 12 секундъ разсматривать картонъ съ 6 налѣпленными на него предметами (почтовая марка, су, этикета, фотографическій портретъ и т. п.), а затѣмъ предлагалъ рядъ вопросовъ о видѣнныхъ ими предметахъ. Оказалось, что безъ вопросовъ дѣти дѣлаютъ ошибокъ менѣе въ описаніи, чѣмъ при отвѣтахъ на вопросы, а затѣмъ онъ составилъ три вопросника, въ первомъ вопросы ставились безъ всякаго внушенія, напр., о п о я с н о м ъ портретѣ—„видны ли ноги господина на портретѣ или нѣтъ“, во второмъ съ внушеніемъ, но легкимъ: не положилъ ли господинъ одну ногу на другую, а въ третьемъ съ сильнымъ внушеніемъ: правую или лѣвую ногу положилъ онъ одну на другу? Процентъ ошибокъ (27, 38, 62) растетъ съ каждымъ изъ вопросниковъ, такъ же, какъ и слабѣетъ увѣренность отвергнуть внушаемую ошибку, при третьемъ вопросникѣ всего было 2 категорическихъ отрицательныхъ отвѣта. Вліяніе формы вопроса на отвѣтъ подтвердилось и на болѣе взрослыхъ 12 ученикахъ Версальскаго учительскаго института въ возрастѣ отъ 16 до 19 лѣтъ.

Докладчики, излагая на лекціяхъ по уголовному и гражданскому процессахъ эти данныя Бинэ и Штерна, предлагали нѣкоторымъ слушателямъ своимъ, студентамъ IV курса, подвергаться опытамъ. Опыты эти либо повторяли вполнѣ точно указанные опыты, напр., повторенъ опытъ съ картинкою Maler или же нѣсколько отступали, напр., давались другія картинки, увеличивалось время воспріятія и т. п. Такъ какъ опыты ставились докладчиками преимущественно съ педагогическою цѣлью и при этомъ обыкновенно надъ значительно меньшимъ числомъ испытуемыхъ, чѣмъ это было у Штерна и Бинэ, напр., для картины Maler у Штерна 30, а у докладчиковъ давало показаніе всего 15 лицъ, то докладчики не считаютъ себя въ правѣ поправлять или подтверждать, напр., цифровые выводы указанныхъ психологовъ. Они могутъ, однако, утверждать, что въ предѣлахъ ихъ провѣрки всѣ главные выводы, какъ Штерна, такъ и Бинэ, вполнѣ рельефно подтвердились и на ихъ опытахъ. Безошибочность показаній оказались и у нихъ крайней рѣдкостью, увеличеніе времени воспріятія до 5 минутъ, улучшая показанія, не всегда доводило ихъ до безошибочности, характеръ ошибокъ былъ вполнѣ тожественнъ съ ошибками у Штерна, и ошибки и причины ихъ легко укладывались въ указанныя имъ классификаціи.

Вліяніе формы вопросовъ на отвѣты рѣзко сказалось и въ опытахъ докладчиковъ, несмотря на то, что докладчики ставили испытуемыхъ въ гораздо лучшія условія, чѣмъ Бинэ: такъ вмѣсто картона съ 6 предметами испытуемымъ давался для разсмотрѣнія всего одинъ предметъ (портретъ—Binet fig. 19 P. 253) и не 12 только секундъ, а или $^1/_2$, или цѣлую минуту. Оказалось также, что нѣкоторыя данныя, объясняемыя Бинэ, какъ особенности дѣтской психики, оказалось на лицо и въ опытахъ докладчиковъ.

Желаніе докладчиковъ наглядно показать всѣмъ ихъ слушателямъ результаты опытовъ Штерна заставило ихъ просить лицъ, давшихъ письменныя показанія, повторить ихъ устно передъ аудиторіей. Получивъ это согласіе они воспользовались имъ для производства другаго процессуальнаго опыта. Части слушающихъ предложено было быть судьями и рѣшить, выслушавъ свидѣтелей, какова была картинка.

Первый опытъ (съ картинкою Maler) оказался неудачнымъ, такъ какъ допросъ свидѣтелей велъ самъ экспериментаторъ, знающій, конечно, хорошо картинку, что лишало опытъ объективности. Второй опытъ былъ произведенъ надъ картинкою Rixens. Dans l'atelier. Часть свидѣтелей растолковала ея содержаніе, какъ гостинную. Двое студентовъ взяли на себя роли сторонъ, и одинъ доказывалъ, что это была мастерская, а другой, что это гостинная комната, и вели допросъ 8 явившихся свидѣтелей. Допросъ этотъ велся въ порядкѣ нашихъ процессуальныхъ законовъ, въ немъ дѣятельное участіе принимали и 15 судей, давшихъ 8 рѣшеній (часть единоличныхъ, часть коллегіальныхъ). Рѣшенія оказались значительно лучше свидѣтельскихъ показаній, такъ: 1) они гораздо болѣе совпали другъ съ другомъ, чѣмъ свидѣтельскія показанія; 2) единогласно ими отвергнуты наиболѣе грубыя ошибки свидѣтелей, напр., два свидѣтеля усмотрѣли 5, а не 4 лица на картинкѣ, и 3) ошибокъ въ нихъ въ среднемъ меньше, чѣмъ въ свидѣтельскихъ показаніяхъ; однако, всѣ рѣшенія отъ ошибокъ не свободны.

Въ числѣ судей было два лица, видѣвшихъ ранѣе картинку и дававшихъ о ней письменныя показанія; докладчики хотѣли провѣрить требованіе.

чтобы судья судилъ secundum allegatta et probata partium, non secundum conscientiam suam. Оказалось, что свидѣтельскія показанія могутъ сбить такого судью-свидѣтеля въ тѣхъ частностяхъ, которыя хотя и вѣрно, но онъ помнитъ не твердо, и не убѣждаютъ нисколько, если онъ помнитъ отчетливо, но ошибочно.

Докладчики закончили увѣренностью въ томъ что только на первый взглядъ печальны выводы изъ опытовъ Штерна, подрывающіе вѣру въ одно изъ главныхъ средствъ доказательства, на дѣлѣ въ будущемъ они открываютъ широкіе горизонты къ построенію научной теоріи доказательствъ.

Докладъ сопровождался демонстраціею волшебнымъ фонаремъ картинокъ, употреблявшихся при опытахъ. *(Право).*

Въ послѣднемъ засѣданіи М. Б. Зельдовичъ сдѣлалъ докладъ по вопросу объ участіи юридическихъ обществъ въ дѣлѣ организаціи юридической помощи населенію. Главнѣйшія положенія доклада сводятся къ слѣдующему: полная юридическая безпомощность населенія давно засвидѣтельствована всѣми, кто наблюдалъ мѣстную жизнь. Въ земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ неоднократно указывалось на необходимость помочь народу въ его юридической темнотѣ. Весьма оживленно дебатировался вопросъ о юридической помощи населенію и въ сельскохозяйственныхъ комитетахъ. Многіе комитеты высказались за необходимость учрежденія земскихъ или казенныхъ юрисконсультовъ.

Практическое осуществленіе мысль о юридической помощи получила пока только въ адвокатскихъ консультаціяхъ, существующихъ во многихъ городахъ при окружныхъ судахъ.

Такихъ консультацій насчитывается болѣе 45; кое-гдѣ существуютъ консультаціи при попечительствахъ о народной трезвости. Но всѣ эти консультаціи, заслуживающія, конечно, полнѣйшаго сочувствія, въ силу многихъ сложныхъ и разнообразныхъ условій, въ общемъ не проявляютъ особенно энергической дѣятельности; кромѣ того, онѣ обслуживаютъ только городское населеніе, населеніе деревенское остается внѣ сферы ихъ дѣйствій. Какъ организовать юридическую помощь населенію? По мнѣнію г. Зельдовича, въ разработкѣ этого вопроса должно принять участіе Юридическое Общество. Дѣятельность Общества должна идти въ этомъ отношеніи въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, теоретическая разработка вопроса о тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ должно быть построено дѣло юридической помощи. Для всесторонней разработки этого вопроса Казанское Юридическое Общество могло бы, выработавъ вопросный листъ, опросить другія юридическія общества, а также земскихъ и другихъ общественныхъ дѣятелей, стоящихъ близко къ народу. Разработка полученнаго такимъ образомъ матеріала несомнѣнно дала бы, по мнѣнію докладчика, цѣнный матеріалъ. Вторая и болѣе важная задача—практическое участіе юридическихъ обществъ въ дѣлѣ юридической помощи населенію. Указавъ, что въ Россіи существуетъ въ

настоящее время цѣлая сѣть юридическихъ обществъ, вокругъ которыхъ группируются наличныя юридическія силы, докладчикъ горячо настаивалъ на громадной пользѣ, которую эти общества могли бы принести, вступивъ на почву практической дѣятельности въ дѣлѣ юридической помощи населенію. Уставы юридическихъ обществъ даютъ имъ полную возможность сдѣлать это. Отмѣтивъ, въ какой формѣ юридическія общества могли бы проявить свою дѣятельность, г. Зельдовичъ предложилъ для ближайшей и детальной разработки затронутыхъ имъ вопросовъ избрать особую коммисію.

Пора,—закончилъ г. Зельдовичъ свой докладъ,—юридическимъ обществамъ съ холодныхъ высотъ теоретической мысли спуститься въ темныя низины народной жизни, освѣтивъ ихъ свѣтомъ неподкупнаго знанія. Тому, кто, по выраженію поэта, „бредетъ по житейской дорогѣ въ безразсвѣтной глубокой ночи, безъ понятія о правѣ, о Богѣ". . дать, по мѣрѣ возможности, правильное понятіе о правѣ—прямая и благородная задача юридическихъ обществъ.

По поводу приведеннаго доклада нѣсколько замѣчаній было сдѣлано П. С. Кукурановымъ, который сообщилъ, что вопросъ о юридической помощи населенію обсуждался и въ Казанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, которое отнеслось къ этому дѣлу съ полнымъ сочувствіемъ и, вѣроятно, охотно ассигновало бы необходимыя суммы.

Юридическое общество единогласно приняло предложенія докладчика и для ближайшей разработки затронутыхъ въ докладѣ вопросовъ избрало коммиссію, въ составъ которой выбраны: М. Б. Зельдовичъ, Н. С. Кукурановъ, С. Н. Нелидовъ, П. Л. Ухтомскій и Г. Ф. Шершеневичъ.

Остальная часть засѣданія посвящена была докладу М. М. Хомякова: „Къ вопросу о психологіи свидѣтеля". (*Волжскій Вѣстникъ*).

Кіевское Юридическое Общество.

Въ засѣданіи 19 апрѣля былъ прочитанъ докладъ К. В. Шаврова: „Судебное усмотрѣніе и неопредѣленные приговоры"[1]).

Томское Юридическое Общество.

Въ торжественномъ годичномъ засѣданіи Общества, 13 апрѣля, проф. Н. Н. Розинъ произнесъ рѣчь на тему „Объ уголовной отвѣтственности врачей".

Отмѣтивъ живую дѣятельность Томскаго Юридическаго Общества, чуткаго къ вопросамъ и вовсе не замыкающагося въ узкія сферы своей спеціальности, и указавъ, что избранная тема—объ отвѣтственности врачей—принадлежитъ именно къ такимъ злободневнымъ вопросамъ, которые вол-

[1]) Этотъ докладъ будетъ напечатанъ въ одной изъ слѣдующихъ книгъ „Жур. Мин. Юст."

нуютъ въ настоящее время и широкую публику, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельно обсуждаются наукой и въ прессѣ, ораторъ остановился на отношеніяхъ между обществомъ и врачами.

Отношенія эти жизнью создаются двоякія: или общество чувствуетъ къ врачамъ благодарность за излеченіе своихъ сочленовъ, или клеймитъ врачей позоромъ за неудачное леченіе, за что иногда требуетъ и уголовной отвѣтственности врачей. Въ послѣднемъ случаѣ необходимо, по словамъ оратора твердо установить, являются ли эти обвиненія, предъявляемыя къ врачамъ, голосомъ личнаго чувства за потерю близкихъ, въ чемъ врачъ, можетъ быть, и совершенно невиновенъ,—или голосомъ возмущенной общественной совѣсти: другими словами, является вопросъ, дѣйствовалъ ли врачъ во всеоружіи медицинской науки—lege artis, употребилъ ли онъ всевозможныя средства, которыя представляетъ прогрессировавшая за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ медицина (и въ частности—хирургія), или онъ допустилъ преступную небрежность, которая и повела къ смерти паціента. Только въ послѣднемъ случаѣ врачъ долженъ отвѣчать въ уголовномъ порядкѣ.

Отмѣтивъ затѣмъ, что въ Россіи законъ не запрещаетъ заниматься врачебной практикой, кромѣ врачей—профессіоналовъ, и не спеціалистамъ („эмпирикамъ", какъ ихъ называетъ законъ), если они не употребляютъ сильно дѣйствующихъ средствъ, и напомнивъ объ извѣстныхъ случаяхъ, встрѣтившихся въ судебной практикѣ—русской и иностранной (съ московскимъ докторомъ Модлинскимъ и дрезденскимъ докторомъ Иле), г. Розинъ остановился на коллизіи двухъ принциповъ, выставленныхъ современнымъ правосознаніемъ, которое съ одной стороны требуетъ признанія *свободной личности* (почему леченіе должно быть только по доброй волѣ, по согласію больнаго), а съ другой—отъ совѣсти врача часто требуетъ не справляться, по многимъ причинамъ, съ такимъ согласіемъ: какъ же разрѣшить такую дилемму?—Ораторъ предлагаетъ примирить ее, согласить различные принципы замѣной требованія *согласія больного* принципомъ *отсутствія протеста со стороны больнаго:* врачъ долженъ принимать всѣ мѣры къ излеченію больнаго, которыя требуетъ lex artis—медицинская наука, если нѣтъ при этомъ на лицо протеста со стороны больнаго.

Ораторъ былъ награжденъ дружными аплодисментами, при чемъ, въ виду желанія нѣкоторыхъ членовъ общества, постановлено, что рѣчь г. Розина будетъ подвергнута обсужденію на одномъ изъ будущихъ засѣданій.

Затѣмъ послѣ перерыва, былъ заслушанъ отчетъ о дѣятельности общества за 1902—1903 годъ—за второй годъ дѣятельности Общества (*Сибирская Жизнь*).

---

26 апрѣля состоялось публичное засѣданіе Общества, на которомъ были сдѣланы краткія сообщенія о вновь избранныхъ почетныхъ членахъ Общества В. И. Сергѣевичѣ, В. Д. Спасовичѣ и Н. С. Таганцевѣ. О проф. В. И. Сергѣевичѣ дѣлалъ сообщеніе проф. І. А. Малиновскій, сообщеніе его представляло изъ себя характеристику научной дѣятельности проф. Сергѣевича, четвертый десятокъ лѣтъ уже занимающаго каѳедру исторіи русскаго права въ Петербургскомъ университетѣ. По мнѣнію проф. Малиновскаго, В. И.

Сергѣевичъ является блестящимъ представителемъ того новаго направленія, которое явилось на смѣну дошедшихъ до крайностей славянофильства и западничества. Это новое направленіе видитъ, какъ выражается г. Малиновскій, въ началѣ общечеловѣческомъ и національномъ—двѣ стороны одного и того же предмета. Научная дѣятельность проф. Сергѣевича сосредоточивается въ области прошлыхъ историческихъ судебъ нашей родины. Изслѣдованія его имѣютъ важное научное значеніе и большой научный интересъ. Но эти изслѣдованія изъ области прошлаго имѣютъ и важный современный интересъ. Прошлое тѣсно связано съ настоящимъ: „въ явленіяхъ глубокой древности", говоря словами проф. В. И. Сергѣевича, можно „узнать стремленія, одушевляющія и современнаго человѣка".

Вторымъ говорилъ В. П. Вологодскій, предметъ его сообщенія—краткая характеристика научно-литературно-общественной дѣятельности извѣстнаго адвоката В. Д. Спасовича, нѣкогда бывшаго профессоромъ Петербургскаго университета по каѳедрѣ уголовнаго права. Заявивъ себя блестящимъ, высокоталантливымъ профессоромъ, В. Д. Спасовичъ въ 1861 году долженъ былъ по независящимъ обстоятельствамъ оставить Петербургскій университетъ, а въ 1864 году и совсѣмъ службу по Министерству Народнаго Просвѣщенія. Съ введеніемъ новыхъ судовъ В. Д. Спасовичъ вступаетъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ округа Петербургской судебной палаты, на каковомъ поприщѣ онъ до послѣдняго времени съ честью несетъ знамя борца за право. Въ лицѣ Спасовича русское общество имѣетъ выдающагося ученаго, талантливаго критика и публициста и безподобнаго судебнаго оратора. Проф. Н. Н. Розинъ сообщилъ краткія свѣдѣнія о научномъ направленіи и общественной дѣятельности проф. Н. С. Таганцева. Н. С. Таганцевъ—криминалистъ классической школы. Его заслуги въ обществѣ уголовнаго права огромны, многія его работы стали настольными книгами русскихъ юристовъ.

Во второй части засѣданія обсуждалась рѣчь проф. Н. Н. Розина „Объ уголовной отвѣтственности врачей", произнесенная имъ на годичномъ засѣданіи 13-го апрѣля.

Основная мысль, проходившая красною нитью чрезъ всѣ замѣчанія присутствующихъ, была та, что проф. Розинъ коснулся въ своей рѣчи исключительно только теоретической стороны уголовной отвѣтственности врача; его постановка вопроса не удовлетворила врачей. При этомъ высказывались пожеланія, чтобы Юридическое Общество занялось болѣе глубокимъ изслѣдованіемъ вопроса объ уголовной отвѣтственности врачей, обратило бы вниманіе на крайне тяжелую отвѣтственность, налагаемую закономъ на врачей, въ силу которой врачъ, не въ примѣръ другимъ лицамъ, подлежитъ взысканію за отказъ посѣтить больнаго и оказать ему помощь, хотя бы оказаніе этой помощи было опасно для самого врача.

Въ отвѣтъ на это проф. Розинъ говорилъ, что многаго онъ не касался въ своей рѣчи намѣренно, многое же упустилъ изъ вниманія въ силу того, что затронутый имъ вопросъ требуетъ близкаго знакомства съ врачебной дѣятельностью. Поэтому онъ считаетъ весьма цѣннымъ указанія, сдѣланныя самими врачами, и надѣется, что пожеланія врачей не будутъ оставлены безъ вниманія Юридическимъ Обществомъ, и онъ самъ, по силѣ возможности, постарается поработать въ данной области. *(Сибирскій Вѣстникъ).*

Благовѣщенскій юридическій кружокъ.

20 марта сего года въ засѣданіи Благовѣщенскаго окружнаго суда состоялось одно изъ очередныхъ засѣданій возникающаго юридическаго кружка, на коемъ обсуждался проектъ устава кружка, создаваемаго по образцу устава Екатеринодарскаго Юридическаго Общества. Проектъ кружка уже выработанъ и въ скоромъ времени будетъ представленъ на утвержденіе Министра Юстиціи. Членами кружка по проекту могутъ быть всѣ лица съ высшимъ юридическимъ образованіемъ, проживающіе въ предѣлахъ Амурской обл., но такъ какъ означенныхъ лицъ въ области найдется весьма немного, то учредители кружка поставили себѣ цѣли и задачи болѣе скромныя, а именно: разработку права—лишь со стороны практической, облегчающей мѣстнымъ судебнымъ дѣятелямъ правильное примѣненіе правовыхъ нормъ къ „жизни" („*Ам. Кр.*").

ПО ПОВОДУ ПЕРЕСМОТРА НОТАРІАЛЬНАГО ПОЛОЖЕНІЯ 14 АПРѢЛЯ 1866 ГОДА.

(*Окончаніе*) [1].

§ 8.

Въ силу ст. 90 нот. пол. акты, воспрещенные закономъ, не могутъ быть принимаемы нотаріусами къ совершенію; къ числу ихъ относятся также и акты, въ содержаніи которыхъ окажется что-либо противное законамъ, ограждающимъ порядокъ управленія, общественную нравственность или честь частныхъ лицъ [2]. Знающіе и опытные нотаріусы не встрѣчаютъ затрудненій въ примѣненіи этой статьи, и ревизіи изрѣдка лишь обнаруживаютъ ихъ промахи въ этомъ отношеніи. Но у нотаріусовъ, какъ указываютъ наблюденія, довольно часто заключаются акты, нарушающіе законы, которыми ограждаются права частныхъ лицъ—напримѣръ: а) акты, совершаемые несовершеннолѣтними или опекунами ихъ безъ уполномочія семейнаго совѣта (1 п. 1124 ст. гражд. код. 434, 435 и 475 ст. гражд. улож.); б) акты замужнихъ женщинъ безъ присут-

---

[1]) См. Жур. Мин. Юст. Май, стр. 283.

[2]) Сопоставленіе этой статьи (90) съ 15 ст. нот. пол. наглядно убѣждаетъ въ настоятельной потребности измѣненія сей послѣдней (15) въ томъ смыслѣ, чтобы отъ кандидатовъ въ нотаріусы обязательно было требовать высшее юридическое образованіе и основательное знакомство съ законами и правительственными распоряженіями: совершеніе какихъ актовъ запрещено закономъ и какіе законы ограждаютъ порядокъ управленія и т. д., доступно знанію лишь патентованнаго юриста-практика и притомъ больше всего цивилиста.

ствія и разрѣшенія ихъ мужей (3 п. 1124 ст. гражд. код.); в) акты, касающіеся такихъ правъ, которыя еще не укрѣплены законнымъ порядкомъ за продавцомъ (241, 256 и 257 ст. нот. пол. и ипот. уст. 1818 г.), или такихъ, переуступка которыхъ воспрещена по договору, г) акты, нарушающіе предписанія гражданскихъ законовъ, какъ-то: 791, 1130, 1595 и др. ст. гражд. код., и д) симулятивные акты. Дѣятельность и практика судебныхъ установленій убѣждаютъ въ томъ, что подобные акты составляютъ обильный источникъ сутяжничества. Надо обратить вниманіе на то, что нотаріатъ установленъ съ тою цѣлью, дабы совершаемымъ у нотаріусовъ сдѣлкамъ предоставить прочность, дабы при содѣйствіи сихъ должностныхъ лицъ обезпечить имъ непоколебимость путемъ соблюденія при составленіи актовъ всѣхъ предписаній закона на счетъ формы и содержанія ихъ ради устраненія на будущее время всякой возможности какихъ бы то ни было сомнѣній или споровъ. Между тѣмъ совсѣмъ нельзя разсчитывать на такую прочность сдѣлки, которая можетъ быть оспариваема или заключена въ явное нарушеніе закона. Поэтому, мнѣ кажется, непринятіе нотаріусами къ совершенію и подобныхъ актовъ лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ можетъ повлечь за собою гадательныя неудобства, во всякомъ случаѣ поправимыя. Ради же сихъ неудобствъ не имѣется серьезнаго и достаточнаго основанія нарушать положительный смыслъ ст. 90 нот. пол. и для сомнительной пользы лишать нотаріальные акты тѣхъ силы и значенія, какія законодатель хотѣлъ имъ предоставить. Вслѣдствіе того, я думаю, практично и цѣлесообразно было бы текстъ ст. 90 нот. пол. дополнить включеніемъ въ него запрещенія нотаріусамъ принимать къ совершенію также и акты, въ содержаніи коихъ будетъ что-либо—или противное законамъ, ограждающимъ права частныхъ лицъ, или нарушающее законы гражданскіе вообще. Отъ этой поправки значительно выиграютъ и населеніе, и государственное казначейство. Что же касается совершенія нотаріусами такихъ сдѣлокъ, которыя воспрещены по договорамъ впредь до наступленія тѣхъ или другихъ условій, то, по моему мнѣнію, слѣдуетъ вмѣнить въ обязанность нотаріусамъ, чтобы въ составляемыхъ ими по подобнаго рода сдѣлкамъ актахъ положительно оговаривалось существующее воспрещеніе и чтобы устанавливалась по актамъ обязанность одной изъ сторонъ устранить препятствія въ опредѣленное время или къ назначенному сроку.

Сверхъ того въ раіонъ Варшавской судебной палаты и осо-

бенно въ предѣлахъ Люблинской губерніи составляется нотаріусами громадное количество актовъ мнимой купли-продажи крестьянами-родителями своихъ усадебъ одному изъ дѣтей или зятю въ ущербъ наслѣдственнымъ послѣ нихъ правамъ прочихъ дѣтей, т. е. въ обходъ предписанію ст. 913 гражд. код. Содержаніе ея слѣдующее: „безмездныя отчужденія, дѣлаемыя по акту дарственному либо завѣщательному, не могутъ превышать: половины имуществъ распорядителя, если послѣ его смерти остается только одно законное дитя; третьей части, если послѣ него остается двое дѣтей; четвертой части, если ихъ остается трое или болѣе“. Эти акты впослѣдствіи служатъ источникомъ нескончаемыхъ семейныхъ раздоровъ, кляузъ, тяжбъ и самыхъ несимпатичныхъ и нежелательныхъ судебныхъ процессовъ, разорительныхъ для тяжущихся и вредныхъ въ хозяйственно-экономическомъ отношеніи для цѣлаго края. Общее всѣмъ симъ актамъ содержаніе съ малыми отступленіями въ подробностяхъ—это родители-крестьяне подъ видомъ купли-продажи переуступаютъ одному изъ дѣтей или зятю свою усадьбу за цѣну гораздо меньшую сравнительно съ стоимостью такого же имущества въ той мѣстности, иногда даже по 5 или 10 рублей за моргъ земли со строеніями (моргъ около $^1/_2$ десятины), заявляя притомъ въ актѣ о полученіи ея сполна или въ большей части до совершенія его, предоставляя покупщику остатокъ ея уплатить безъ процентовъ въ указанномъ размѣрѣ прочимъ своимъ дѣтямъ, какъ личный ихъ долгъ, по достиженіи ими совершеннолѣтія, сверхъ того оставляя за собою пожизненное владѣніе или всѣмъ проданнымъ имуществомъ, или же частью его съ тѣмъ, чтобы покупщикъ обрабатывалъ для нихъ эту часть даромъ. По смерти продавца наслѣдники его обращаются въ гминный судъ съ ходатайствомъ о раздѣлѣ наслѣдства. Мнимый пріобрѣтатель усадьбы представляетъ тотъ актъ купли-продажи. Начинаются ссоры и споры между сонаслѣдниками. Гминный судъ отсылаетъ ихъ вѣдаться въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ. Тогда въ мѣстномъ окружномъ судѣ предъявляется обиженными сонаслѣдниками къ покупателю искъ съ требованіемъ признать представленный въ гминномъ судѣ по дѣлу о раздѣлѣ наслѣдства актъ купли-продажи симулятивнымъ, скрывающимъ дареніе и не вредящимъ наслѣдственнымъ правамъ истцовъ на имущество ихъ общаго наслѣдодателя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по совѣту адвокатовъ, истцы предъявляютъ къ отвѣтчику еще совершенно неосуществимое на дѣлѣ, вслѣдствіе вражды тяжущихся—требованіе о вводѣ ихъ въ со-

вмѣстное съ нимъ владѣніе оспариваемымъ у него имуществомъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого послѣдняго требованія является встрѣчный искъ отвѣтчика къ истцамъ о вознагражденіи его за вновь возведенныя или исправленныя имъ постройки на усадьбѣ и за улучшеніе послѣдней. Судебный процессъ благодаря сему усложняется и затягивается, а издержки по веденію его растутъ. Начинается собираніе необходимаго для разрѣшенія этого процесса матеріала—допросъ свидѣтелей самый мелочной („имѣлъ деньги покупщикъ или не имѣлъ; въ состояніи ли онъ былъ до акта выплатить прописанную въ актѣ сумму или не могъ; гдѣ онъ проживалъ, чѣмъ занимался, могъ ли накопить изъ заработковъ необходимую сумму; затѣмъ, что онъ сдѣлалъ на пріобрѣтенной усадьбѣ, какія возвелъ постройки или сдѣлалъ поправки, изъ какого матеріала—купленнаго или сервитутнаго; удобрялъ ли землю и въ какомъ размѣрѣ и т. д.“), осмотръ и оцѣнки построекъ, стоимость удобреній и пр. На все это надо время и деньги. Наконецъ года чрезъ 2—3 дѣло разрѣшается въ окружномъ судѣ. Обыкновенно главный искъ удовлетворяется, по встрѣчному же присуждается сравнительно малая часть его вслѣдствіе преувеличенія стоимости построекъ и улучшеній на отсуждаемой усадьбѣ съ возложеніемъ на встрѣчнаго истца обязанности вознаградить главныхъ истцовъ за веденіе дѣла по не удержавшейся части встрѣчнаго иска, а это иногда сводитъ выигрышъ сего послѣдняго къ нулю. При такомъ исходѣ дѣла отвѣтчикъ и встрѣчный истецъ, желая сколь возможно дальше продлить свое обладаніе отсужденной уже судомъ первой инстанціи отъ него усадьбы, подаетъ апелляцію, прибѣгая къ возможнымъ проволочкамъ, и, пока судебная палата, заваленная тоже дѣлами, спустя годъ и больше разрѣшитъ окончательно тяжбу, онъ ведетъ на усадьбѣ уже хищнически хозяйство, извлекая изъ усадьбы въ свою личную пользу все, что только возможно, и вовсе не заботясь объ ея поддержаніи и удобреніи. Подобныхъ исковъ особенно много въ Люблинскомъ окружномъ судѣ. Собранныя въ 1898 году по другимъ окружнымъ судамъ этого края свѣдѣнія о количествѣ производившихся въ нихъ такихъ же самыхъ дѣлъ представляются въ такомъ видѣ, а именно: въ теченіе трехъ лѣтъ возникло этихъ дѣлъ по:

	1895 г.	1896 г.	1897 г.
Плоцкому окружному суду	4	6	5
Варшавскому » »	15	11	13
Сувалкскому » »	17	12	13

Кѣлецкому » »	17	14	11
Сѣдлецкому » »	24	15	15
и Люблинскому » »	119	137	112

По остальнымъ судамъ никакихъ данныхъ по сему предмету въ моемъ распоряженіи не имѣется. Главною причиною распространенія среди крестьянъ Привислинскаго края актовъ мнимой продажи усадебъ—это, по всей вѣроятности, несоотвѣтствіе дѣйствующихъ тутъ законоположеній съ прирожденными понятіями крестьянскаго населенія о правѣ и свободѣ собственника распоряжаться своимъ имуществомъ или, что̀ то же самое, несовпаденіе 913 ст. гр. код., т. е. закона Франціи, съ бытомъ и правовыми взглядами населяющаго здѣшній край народа. Почти то же самое предположеніе высказано, между прочимъ, въ книгѣ „Очередные вопросы въ Царствѣ Польскомъ", изданной въ 1902 году подъ редакціею В. Спасовича и Э. Пильца (см. раздѣлы наслѣдствъ у крестьянъ, т. I, стр. 139—142). Если это предположеніе правильно, если правовыя понятія крестьянъ, дѣйствительно, несогласны въ отношеніи распоряженія имуществомъ съ имѣющими тутъ обязательную силу законами иной страны, тогда становится понятнымъ, отчего въ Люблинской губерніи наичаще составляются акты мнимой купли-продажи, скрывающіе собою безмездное отчужденіе крестьянами усадебъ въ пользу одного изъ дѣтей. Большая половина этой губерніи населена хохлами-малороссами, юридическія понятія которыхъ скорѣе сродни ихъ соплеменникамъ въ Россіи, чѣмъ съ взглядами западно-европейскихъ народовъ. Однако, доколѣ законъ существуетъ и дѣйствуетъ въ данной мѣстности и пока онъ не отмѣненъ въ установленномъ порядкѣ, его надо строго исполнять и блюсти. По толкованію Правительствующаго Сената, какъ уже прописано выше, назначеніе нотаріусовъ состоитъ въ томъ, чтобы нормировать волю частныхъ лицъ и согласовать ее съ требованіями закона, нотаріусы, по самому ихъ званію, должны разъяснять частнымъ лицамъ, незнакомымъ съ законами, значеніе совершаемыхъ ими дѣйствій. Стало быть, въ виду только что сказаннаго нотаріусы Варшавскаго судебнаго округа и особенно въ раіонѣ Люблинскаго окружнаго суда не исполняютъ своего назначенія. Иначе трудно допустить, чтобы отецъ, стремящійся видимо облагодѣтельствовать одного только изъ своихъ дѣтей, рѣшился причинить ему по своей смерти столько хлопотъ, потерь и разочарованій, которыя неизбѣжно предстоятъ этому счастливцу въ минуту совершенія акта мнимой купли-продажи послѣ кончины его благодѣтеля-отца въ судебномъ про-

цессѣ иныхъ сонаслѣдниковъ о наслѣдствѣ по немъ. Растолкуй нотаріусъ подробно, ясно и понятно, не щадя времени, такому мужику-крестьянину всѣ необходимыя послѣдствія акта мнимой купли-продажи, нарисуй ему выразительно всю картину судебной волокиты по его смерти между всѣми его сонаслѣдниками,—тогда врядъ ли десятый изъ подобныхъ отцовъ продолжалъ бы настаивать на составленіи задуманнаго имъ первоначально акта, за то девять навѣрное составятъ прямо актъ даренія въ пользу своего любимца. Такимъ образомъ въ будущемъ нѣтъ повода къ сутяжничеству и семейнымъ раздорамъ. При жизни отца одаренный станетъ пользоваться всѣмъ имуществомъ его, а по смерти отца раздѣлъ между сонаслѣдниками состоится на основаніи закона о сбавкѣ безъ всякихъ ссоръ и тяжбъ по судамъ. Нельзя предположить, чтобы хорошо ознакомленный съ мѣстными условіями быта и жизни крестьянъ, съ цѣнами на землю и строенія въ своемъ округѣ нотаріусъ, совершая послѣ выясненія взаимныхъ отношеній между контрагентами акты вышеприписаннаго содержанія, не понималъ ихъ симулятивности, не усмотрѣлъ тутъ желанія продавца а) обойти дѣйствующій въ краѣ законъ и б) скрыть подъ формою продажи запрещенное дареніе. Въ признаваемомъ за образцовый, какъ сказано раньше, законѣ Австріи 25 іюля 1871 года § 34 гласитъ о томъ, что нотаріусъ въ правѣ отказать въ совершеніи акта, когда у него являются основательныя подозрѣнія, что стороны совершаютъ его для вида, фиктивно или же въ обходъ закона. Такимъ образомъ въ Австріи при существованіи сего законоположенія масса сдѣлокъ, заключаемыхъ во вредъ третьимъ лицамъ, во избѣжаніе, напр., платежа долга и т. п., не можетъ имѣть мѣста. Точно такъ же и сдѣлокъ въ обходъ закона едва ли много совершается нотаріусами. Отчего бы и намъ, россіянамъ не перенести въ свое законодательство этотъ благотворный законъ Австріи? А посему я полагаю: если же нельзя послѣдовать въ разбираемыхъ случаяхъ за Австрійской имперіею, т. е. прямо и положительно воспретить нотаріусамъ совершать вышеобозначенные и вообще симулятивные акты въ виду того, что несоотвѣтствіе содержанія, значенія и смысла ихъ формы, приданной имъ сторонами и нотаріусомъ, устанавливается въ случаѣ спора лишь только судебными установленіями, то все-таки слѣдовало бы обязать нотаріусовъ законодательнымъ путемъ при совершеніи подобныхъ актовъ всячески отклонять стороны отъ этой формы акта, разъяснять имъ послѣдствія, склонять къ соста-

вленію акта прямаго даренія и, если уже ничто не убѣждаетъ контрагентовъ и они настаиваютъ на своемъ, вносить въ самый актъ отмѣтку о сдѣланномъ нотаріусомъ разъясненіи сторонамъ на счетъ недостатковъ того акта и относительно послѣдствій его, а равно и о томъ, что актъ тѣмъ не менѣе совершенъ ими по упорному желанію сторонъ на ихъ собственный рискъ и страхъ [1]). Это нововведеніе въ законѣ, несомнѣнно, заставитъ нотаріусовъ добросовѣстнѣе относится къ ввѣренному имъ дѣлу, уничтожитъ поводъ къ нареканіямъ на нихъ и, быть можетъ, многихъ контрагентовъ удержитъ отъ составленія сихъ актовъ. Сверхъ того благотворно и цѣлесообразно было бы прямымъ закономъ вмѣнить окружнымъ судамъ и судебнымъ палатамъ неуклонно примѣнять къ нотаріусамъ 59[1] ст. нот. пол., коль скоро замѣчено будетъ ихъ уклоненіе отъ предписаній проектируемаго законоположенія ради личнаго своего обогащенія посредствомъ увеличенія числа составляемыхъ ими актовъ во что бы то ни стало.

§ 9.

Засвидѣтельствованіе заявленія объясненій отъ одной стороны другой совершается на основаніи статей 141—145 нот. пол. Въ текстѣ первой изъ сихъ статей, между прочимъ, говорится: „нотаріусу дозволяется принимать на себя порученіе объ учиненіи отъ одного лица другому какого-либо заявленія...“ Въ силу практическихъ соображеній выраженіе этой статьи „нотаріусу дозволяется“ необходимо, мнѣ кажется, признать неудачнымъ и подлежащимъ замѣнѣ словами „нотаріусъ обязанъ“. Ибо если законъ изображенъ въ формѣ не императивной, а такой: „нотаріусу дозволяется“, то легко и правдоподобно сдѣлать такой выводъ, что принять или не принять на себя указанное въ этой статьѣ закона порученіе зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія нотаріуса, отъ его воли и желанія. Между тѣмъ дѣйствительная жизнь во многихъ случаяхъ настоятельно и безусловно требуетъ этой услуги отъ нотаріуса. Для осуществленія нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ часто, согласно дѣйствующимъ законамъ, надо непремѣнно предварить противника о просрочкѣ, пригласить его къ исполненію обязательства или пред-

[1]) Такого же мнѣнія держится и г. С. Бзовскій въ его статьѣ „По поводу ревизіи положенія о нотаріальной части“ въ Жур. Мин. Юст. 1898 г., кн. IV, стр. 230.

варительно сдѣлать ему то или другое заявленіе, какъ, напримѣръ, въ случаяхъ, поименованныхъ въ статьяхъ 932, 962, 1146, 1259, 1264, 1656, 1690, 1736, 1762, 1938 и др. гр. код. Другихъ кромѣ нотаріусовъ должностныхъ лицъ, которымъ бы законъ предоставлялъ дѣлать подобныя заявленія, не имѣется, посему и нельзя оставить на произволъ и усмотрѣніе нотаріусовъ исполненіе требованій заинтересованныхъ лицъ о совершеніи заявленій по принадлежности. Слѣдовательно въ текстѣ ст. 141 нот. пол. должно быть ясно выражено, что дѣлать заявленія отъ одной стороны другой по порученію заинтересованныхъ лицъ—не только право нотаріусовъ, но и прямая безусловная обязанность ихъ. Иначе при настоящей редакціи этой статьѣ возможны разныя толкованія и недоразумѣнія на практикѣ, недопустимыя въ жизни по важности предмета, о коемъ она трактуетъ. Далѣе въ нотаріальномъ положеніи ничего не упоминается о томъ, въ какой формѣ должно быть обращено къ нотаріусу ходатайство о совершеніи заявленія, т. е. словесно или письменно. Изъ разспросовъ нотаріусовъ оказывается, что эти требованія заявляются преимущественно словесно, хотя бываютъ случаи и письменныхъ обращеній лично заинтересованныхъ лицъ и даже чрезъ повѣренныхъ. Оффиціальныхъ впрочемъ прошеній по этому поводу, оплаченныхъ гербовымъ сборомъ, въ нотаріальныхъ конторахъ не встрѣчается. Письменныя ходатайства, по словамъ нотаріусовъ, поступаютъ къ нимъ всегда въ видѣ частныхъ писемъ. Одни изъ нотаріусовъ, какъ обнаруживается ревизіонными осмотрами нотаріальныхъ конторъ, сохраняютъ эти письма до выдачи удостовѣренія въ совершеніи заявленія, другіе уничтожаютъ ихъ, а третьи хранятъ въ дѣлопроизводственныхъ бумагахъ своихъ, какъ гарантію правильности сдѣланнаго на основаніи ихъ заявленія. Кромѣ того относительно самаго способа учиненія заявленія одни нотаріусы особо составляютъ краткій протоколъ: „такого-то года, числа и мѣсяца ко мнѣ, нотаріусу... явился такой-то, проживающій тамъ-то, и потребовалъ заявить такому-то, живущему тамъ-то, то-то (прописывается подробно содержаніе заявленія)“; подпись лица, предъявивившаго требованіе. Затѣмъ излагается: „я, нотаріусъ такой-то, отправился на квартиру такого-то для сообщенія ему заявленія, прописаннаго выше, которое онъ, такой-то, выслушавъ лично, отвѣта не далъ и отъ подписи отказался (или же прописывается данный отвѣтъ, подписывается этимъ лицомъ или по его порученію кѣмъ-либо другимъ). Заявленіе это совершено тогда-то“. Подпись нотаріуса. А удостовѣреніе выдается въ видѣ копіи сего

протокола. У другихъ нотаріусовъ въ IV графѣ реестра дѣлается отмѣтка слѣдующаго содержанія: „Заявленіе отъ имени такого-то тому-то такого содержанія (прописывается текстъ его). На учиненное такому-то лично въ его мѣстожительствѣ заявленіе онъ, такой-то, не далъ никакого отвѣта и отказался расписаться въ полученіи копіи таковаго". Третьи выдаютъ удостовѣреніе въ такомъ родѣ: „Я нижеподписавшійся удостовѣряю: 1) что тогда-то по порученію такого-то, проживающаго тамъ-то, я нотаріусъ... отправился туда-то и сдѣлалъ такому-то нижеслѣдующее заявленіе... и 2) что такой-то на это заявленіе возразилъ .. подпись этого лица (или что такой-то отвѣта не далъ и отъ подписи отказался). Такого-то года, числа и мѣсяца". Нотаріусъ такой-то.

Въ виду изложеннаго я нахожу умѣстнымъ замѣтить слѣдующее. Нотаріальная практика, думается мнѣ, должна быть, хотя бы въ видахъ удобства контроля, вездѣ однообразна и одинакова во всѣхъ своихъ формахъ и пріемахъ. Она основывается на однихъ и тѣхъ же предписаніяхъ закона, находится подъ надзоромъ и наблюденіемъ однихъ и тѣхъ же судебныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ и руководится одними и тѣми же указаніями и разъясненіями Правительствующаго Сената. Стало быть, разномыслію и разнообразію, казалось бы, нѣтъ тутъ мѣста. Однако при отсутствіи на сей предметъ руководящихъ, общихъ всѣмъ нотаріусамъ наставленій какъ въ самомъ нотаріальномъ положеніи, такъ и въ правилахъ, росписаніяхъ и формахъ, къ нотаріальной части относящихся, въ дѣйствительной жизни, какъ оказывается изъ обозрѣній дѣятельности нотаріусовъ, царитъ на этотъ счетъ полное у нотаріусовъ несогласіе. Въ виду сего ради упорядоченія дѣятельности этихъ должностныхъ лицъ по разсматриваемому предмету, по моему мнѣнію, было бы хорошо одновременно съ обнародованіемъ новаго нотаріальнаго положенія въ правилахъ, росписаніяхъ и формахъ, къ нотаріальной части относящихся и распубликованныхъ въ Собр. узак. 1867 г. № 33, изложить подробно и обстоятельно общія для всѣхъ нотаріусовъ и обязательныя наставленія по сему поводу. Люблинскій окружный судъ, по опредѣленію общаго собранія его отдѣленій отъ 17 февраля 1901 года, преподалъ подвѣдомымъ ему нотаріусамъ такія указанія, которыя, быть можетъ, окажутся пригодными и для всеобщаго руководства, а именно:

а) Если съ требованіемъ учинить заявленіе обращаются къ нотаріусамъ письменно, въ такомъ случаѣ эти послѣдніе должны принимать лишь оффиціальныя, оплаченныя простымъ гербовымъ сбо-

ромъ прошенія, въ которыхъ указывалось бы, кто требуетъ сдѣлать заявленіе, кому и какого содержанія, съ обозначеніемъ подробно именъ, отчествъ и фамилій или прозвищъ, а равно мѣстожительства (Общ. Собр. 1878 г. № 13).

б) Довѣренности нотаріусы обязаны принимать только нотаріальныя въ видѣ главной выписи (Гр. Касс. Деп. 1883 г. № 58), развѣ бы повѣреннымъ явился присяжный повѣренный (248 ст. уст. гражд. суд.). Довѣренность сего послѣдняго должна быть оплачена простымъ гербовымъ сборомъ (Общ. Собр. 1878 г. № 13).

в) По смыслу ст. 141 нот. пол., составленіе особаго протокола не требуется, а вполнѣ достаточно, если нотаріусы со словъ лицъ, требующихъ сдѣлать заявленіе, или по содержанію ихъ прошеній внесутъ въ IV графу реестра точно, ясно и опредѣленно предметъ заявленія безъ излишнихъ подробностей, удостовѣривъ его въ случаѣ личной явки подписью просится. Затѣмъ, имѣя при себѣ реестръ, нотаріусы должны лично и на словахъ сдѣлать прописанное въ реестрѣ заявленіе указанной личности на понятномъ ей языкѣ или при содѣйствіи переводчика на общемъ основаніи, отмѣтить въ IV графѣ реестра вслѣдъ за содержаніемъ заявленія порядокъ самаго совершенія заявленія и время его съ прописаніемъ часа и минутъ и потомъ уже помѣстить отвѣтъ или возраженіе, буде таковые послѣдуютъ, съ подписью давшаго ихъ, или же обозначить, что отвѣта не послѣдовало и въ подписи отказано.

г) Въ случаѣ отсутствія изъ указаннаго мѣстожительства лица, которому слѣдуетъ сдѣлать заявленіе, нотаріусы обязаны учинить таковые родственникамъ, прислугѣ или вообще домашнимъ того лица, при чемъ въ видахъ предупрежденія недоразумѣній благоразумно оставить для передачи отсутствующему выписку изъ реестра, прописавъ дословно содержаніе заявленія и указавъ отъ кого, кому, кѣмъ и когда оно сдѣлано. Такая выписка, какъ дѣлопроизводственная бумага, оплатѣ гербовымъ сборамъ не подлежитъ (Общ. Собр. 1879 г. № 139).

д) На основаніи содержанія записей реестра нотаріусы должны, при соблюденіи 143 и 144 ст. нот. пол., выдавать удостовѣренія о совершеніи заявленія какъ сторонѣ, давшей имъ порученіе, такъ и сторонѣ противной, если она того потребуетъ. Эти удостовѣренія, а также и удостовѣренія объ отлучкѣ лица, которому надо заявить, должны быть оплачиваемы простымъ гербовымъ сборомъ (Общ. Собр. 1878 г. № 13).

е) Представленные или присланные нотаріусамъ прошенія о нотаріальномъ заявленіи, довѣренности, проекты или образцы заявленій и всякіе другіе по этому поводу документы они должны сохранять при своихъ дѣлахъ, а по истеченіи года сшивать или переплетать ихъ вмѣстѣ съ прочими составленными въ ихъ конторахъ актами въ хронологическомъ порядкѣ подъ соотвѣтствующимъ номеромъ реестра, вшивая вмѣсто акта передъ этими документами замѣтку на четвертушкѣ чистой бумаги такого рода: „№ 000 реестра, заявленіе отъ имени такого-то тому-то".

Наконецъ при пересмотрѣ статей 141—145 нот. пол. слѣдуетъ обратить вниманіе и на разрѣшеніе возбуждаемаго на практикѣ и ставящаго въ затруднительное положеніе нотаріусовъ слѣдующаго вопроса: какъ поступить нотаріусу, если лицо, которому необходимо сдѣлать заявленіе, умышленно и явно уклоняется отъ этого, нарочно не допускаетъ къ себѣ нотаріуса или, отсутствуя дѣйствительно изъ дому, приказало своимъ родичамъ, прислугѣ и вообще домашнимъ не принимать нотаріуса и не входить съ нимъ совсѣмъ ни въ какія сношенія? Въ жизни это бываетъ и вполнѣ возможно. Что же тогда дѣлать нотаріусу? Нотаріальное положеніе указываетъ только порядокъ дѣйствія нотаріуса, когда его принимаютъ и выслушиваютъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ сказано раньше, сдѣлать заявленіе для осуществленія извѣстныхъ гражданскихъ правъ неизбѣжно. Слѣдовательно не дѣлать вовсе заявленія въ виду возникшаго препятствія нельзя. Насильно врываться нотаріусу въ жилище такого сумасброда нѣтъ резона, да и опасно, обращаться къ содѣйствію полицейской власти—нигдѣ въ законѣ не указано, оставить выписку изъ реестра, о которой говорится въ пунктѣ г) выше, у сосѣдей—нѣтъ ручательства, дабы съ отъѣздомъ нотаріуса она попала по назначенію,—однимъ словомъ, тутъ въ дѣйствующихъ нынѣ законахъ существуетъ полный пробѣлъ,—его-то и необходимо въ будущемъ нотаріальномъ положеніи восполнить такъ или иначе. Надлежащее удостовѣреніе выдается нотаріусомъ, по желанію поручившаго сдѣлать заявленіе, только объ отлучкѣ лица, которому слѣдуетъ заявить объявленіе, или объ отказѣ его принять по болѣзни или другой законной причинѣ нотаріуса (145 ст. нот. пол.). Такое удостовѣреніе, въ законѣ установленное, конечно, можетъ на случай надобности объяснить и оправдать, почему не послѣдовало своевременнаго заявленія. Но удостовѣрять всякій сумасбродный, безпричинный отказъ принять нотаріуса этому послѣднему не разрѣшается въ силу дѣйствующихъ законоположеній.

§ 10.

По рѣшеніямъ Сената за 1872 г. № 777 и за 1875 г. № 835 нотаріусу не предоставлено права принимать деньги, между прочимъ, для передачи отъ должника кредитору, тогда какъ въ рѣшеніи его же за 1889 годъ № 18 сказано: „если при протестѣ векселя нотаріусъ обязанъ требовать платежа и лишь въ случаѣ отказа отъ таковаго можетъ учинить протестъ, то, при желаніи произвести уплату по векселю, нотаріусъ не въ правѣ отказаться отъ принятія таковой“.

Такимъ образомъ въ толкованіи Сената по предмету правъ и обязанности нотаріусовъ при протестѣ векселей въ настоящее время существуетъ явное противорѣчіе, которое и сбиваетъ этихъ должностныхъ лицъ. Одни изъ нихъ, ссылаясь на два первыя рѣшенія Сената, не берутъ предлагаемыхъ по протестуемому векселю денегъ въ уплату для передачи кредитору, другіе, напротивъ, согласно рѣшенію Сената 1889 г. № 18, принимаютъ платежъ для кредитора. Водворенія ради порядка въ этой части дѣятельности нотаріусовъ надо устранить сіе противорѣчіе при пересмотрѣ нотаріальнаго положенія законодательнымъ путемъ. Потребности дѣйствительной жизни—за то, чтобы нотаріусы брали въ уплату деньги для кредиторовъ при протестѣ векселей, и потому въ этомъ именно смыслѣ должно послѣдовать дополненіе нынѣ дѣйствующихъ законоположеній по нотаріальной части. Далѣе, совершая протесты векселей въ Россійской имперіи, нотаріусы повсюду, за исключеніемъ Варшавскаго судебнаго округа, руководствуются правилами, изложенными въ уставѣ вексельномъ, въ этомъ же послѣднемъ они должны примѣняться къ мѣстному торговому кодексу (ст.ст. 131 и 251 нот. пол.). Несмотря, однако, на сіи предписанія закона, практика нотаріусовъ относительно формы и способа протеста въ наше время самая разнообразная. Такъ, ревизіями установлено, что въ Привислинскомъ краѣ—одни нотаріусы излагаютъ протесты на отдѣльныхъ листахъ, хранятъ ихъ у себя наравнѣ съ прочими нотаріальными актами, выдавая выпись протеста, какъ и акта, вмѣстѣ съ возвращеніемъ векселя лицу, представившему имъ таковой, другіе совершаютъ протесты въ формѣ обыкновенныхъ нотаріальныхъ актовъ со всѣми послѣдствіями, т. е. выдаютъ съ нихъ главныя выписи, третьи подлинные протесты вручаютъ заинтересованному лицу, списывая копіи ихъ въ реестръ, и т. д. Затѣмъ бывали въ окружные суды жалобы и на то, что протесты

векселей совершаются не лично самими нотаріусами, а посредствомъ письмоводителей и писцовъ, которые являются на квартиру должниковъ, а нотаріусы лишь впослѣдствіи подписываютъ составленные не ими протесты. Все это должно быть приведено въ надлежащій порядокъ и объединено. Статья 131 нот. пол. помѣщена въ отдѣлѣ его, который трактуетъ о засвидѣтельствованіяхъ, но не объ актахъ. Значитъ, протестъ есть скорѣе особый видъ засвидѣтельствованія, а потому не можетъ быть облеченъ въ форму, спеціально установленную для актовъ. О засвидѣтельствованіи же выдаются удостовѣренія, но не главныя выписи. Эти послѣднія—принадлежность актовъ, какъ о томъ говорится въ статьяхъ 115—127 нот. пол. Такимъ образомъ выдача выписей по протестамъ, составляемымъ въ формѣ нотаріальныхъ актовъ, не оправдывается существующими законоположеніями и безъ всякой нужды увеличиваетъ издержки по протесту. Въ Варшавскомъ судебномъ округѣ нотаріусы при протестѣ, какъ сказано выше, должны имѣть въ виду правила торговаго кодекса, имѣющаго тутъ обязательную силу. О протестѣ же въ немъ трактуютъ статьи 173—176. По смыслу сихъ статей, протесты векселей совершаются самими нотаріусами *лично* на мѣстѣ жительства должника въ особомъ актѣ и выдаются въ подлинникѣ лицу, по требованію котораго совершенъ былъ протестъ. А въ силу спеціально 176 ст. торг. код., каждый нотаріусъ обязанъ имѣть у себя особый реестръ, перенумерованный, скрѣпленный, посвидѣтельствованный на общемъ основаніи и веденный по формѣ нотаріальнаго реестра, для того, чтобы оставлять въ немъ точныя копіи протестовъ и вносить туда ихъ цѣликомъ день за день и въ порядкѣ чиселъ. Между тѣмъ у многихъ изъ здѣшнихъ нотаріусовъ по уѣзднымъ городамъ и въ посадахъ даже не оказывается на лицо такого особаго реестра, какъ обнаружено ревизіями, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ ихъ конторахъ не бываетъ совсѣмъ протестовъ. Но такая отговорка, очевидно, неосновательна. Ибо разъ въ данной мѣстности есть нотаріальная контора, то во всякое время въ ней можетъ и должно быть совершено всякое дѣйствіе, входящее въ сферу компетенціи нотаріуса, равно какъ и протестъ векселя. Слѣдовательно, имѣть особый реестръ, установленный 176 ст. тор. код., обязательно всѣмъ нотаріусамъ безъ исключенія въ предѣлахъ сего судебнаго округа. По всѣмъ симъ даннымъ и относительно протестовъ векселей въ новой редакціи нотаріальнаго положенія необходимо сдѣлать соотвѣтственныя вышеприписанныя измѣненія, пере-

дѣлки и дополненія, дабы ввести однообразіе въ нотаріальную практику и по сему предмету.

§ 11.

На основаніи 231 ст. нот. пол. нотаріусъ Варшавскаго судебнаго округа по истеченіи каждаго года обязанъ соединять въ хронологическомъ порядкѣ всѣ совершенные имъ нотаріальные акты съ слѣдующими къ каждому изъ нихъ приложеніями въ одну или нѣсколько тетрадей, смотря по числу и объему актовъ; каждая изъ сихъ тетрадей скрѣпляется и прошнуровывается нотаріусомъ съ приложеніемъ печати и затѣмъ представляется вмѣстѣ съ реестромъ въ ипотечный архивъ; въ концѣ тетради выставляется собственноручно и прописью число содержащихся въ ней актовъ, а въ реестрѣ—число статей. Однако, несмотря на всю категоричность этого предписанія, въ рѣдкой нотаріальной конторѣ оно тутъ исполняется. Значительное большинство нотаріусовъ старается, какъ можно дольше, удержать въ своемъ помѣщеніи совершенные ими акты, и неоднократныя указанія окружныхъ судовъ нигдѣ сразу не достигали цѣли. Плата за справки по прежнимъ сдѣлкамъ, вознагражденіе за выписи и копіи по ранѣе составленнымъ ими актамъ и удобство въ случаѣ надобности просмотрѣть содержаніе сдѣлки прежней ради составленія новаго акта—вотъ причины ослушанія сихъ должностныхъ лицъ. А кодификаціонная ошибка, допущенная въ содержаніи примѣчанія къ ст. 234 нот. пол., служитъ какъ бы оправданіемъ ихъ неправильныхъ дѣйствій. Буквальный текстъ этого примѣчанія такой: „старшему предсѣдателю Варшавской судебной палаты предоставлено поручать временно храненіе нотаріальныхъ архивовъ вновь назначаемымъ нотаріусамъ съ возложеніемъ на сихъ послѣднихъ обязанности выдавать выписи и копіи съ находящихся у нихъ на храненіи нотаріальныхъ актовъ“. Придерживаясь буквы сего текста, нотаріусы постоянно пробуютъ доказать корысти ради, что въ сдачѣ совершенныхъ ими нотаріальныхъ актовъ въ ипотечный архивъ на храненіе нѣтъ безусловной необходимости, коль скоро отъ старшаго предсѣдателя мѣстной судебной палаты зависитъ оставить таковые и у нотаріуса. Нѣкоторые изъ нотаріусовъ шли дальше: они обращались даже въ окружные суды съ ходатайствомъ—испросить имъ разъ навсегда подобное дозволеніе отъ главы здѣшняго судебнаго округа. Однако все недоразумѣніе въ данномъ

случаѣ, повторяю, истекаетъ отъ кодификаціонной ошибки. Разсматриваемое примѣчаніе къ ст. 234 нот. пол. не что иное, какъ экстрактъ закона 1 іюля 1876 года, распубликованнаго въ Собр. узак. 1876 г. № 59, ст. 636. А этотъ послѣдній редактированъ въ такой формѣ: „отложить впредь до дальнѣйшихъ распоряженій передачу въ ипотечные архивы Варшавскаго судебнаго округа актовъ, документовъ и книгъ *прежнихъ нотаріусовъ*, предоставить старшему предсѣдателю мѣстной судебной палаты поручить временно храненіе нотаріальныхъ архивовъ *вновь назначеннымъ* нотаріусамъ съ возложеніемъ на сихъ послѣднихъ обязанности выдавать выписи и копіи съ находящихся у нихъ нотаріальныхъ актовъ". Изъ буквальнаго содержанія этого текста, гдѣ сказано „прежнихъ нотаріусовъ", „вновь назначеннымъ"... „поручить" а не „поручать".... „назначеннымъ", а не „назначаемымъ", очевидно и несомнѣнно, что этотъ законъ касается только лишь наслѣдства, оставшагося отъ упраздненныхъ судебною реформою 1 іюля 1876 года въ этомъ краѣ бывшихъ до реформы регентовъ (нотаріусовъ), и что примѣчаніе къ 234 ст. нот. пол., благодаря неточности его редакціи, понимается нотаріусами превратно и несогласно съ истиннымъ смысломъ закона, извлеченіемъ изъ котораго оно является. Впрочемъ недоразумѣнія и сомнѣнія на этотъ счетъ наблюдаются не только среди нотаріусовъ, но и нѣкоторые судьи раздѣляютъ ихъ. Такъ, мнѣ лично извѣстно, что общее собраніе отдѣленій одного изъ здѣшнихъ окружныхъ судовъ большинствомъ голосовъ отвергло предложеніе своего сослуживца (обнаружившаго при ревизіи поголовное нарушеніе нотаріусами этого суда 231 ст. нот. пол.) о немедленномъ предписаніи подвѣдомымъ тому суду нотаріусамъ соблюдать 231 ст. нот. пол. въ точности. Такимъ образомъ на основаніи указываемыхъ мною данныхъ и этотъ вопросъ въ видахъ упорядоченія нотаріата требуетъ законодательныхъ мѣръ.

Сверхъ того необходимо выяснить и слѣдующее. Въ нотаріальныхъ конторахъ здѣшнихъ привислинскихъ нотаріусовъ хранится почти повсемѣстно много заготовленныхъ для сторонъ главныхъ выписей по составленнымъ нотаріусами актамъ часто за нѣсколько лѣтъ. Почему контрагенты не берутъ отъ нотаріусовъ своевременно столь важныхъ для нихъ документовъ—сказать трудно: быть можетъ, для большей безопасности храненія ихъ въ нотаріальной конторѣ, чѣмъ въ убогой часто хижинѣ крестьянина или ради иныхъ какихъ соображеній, однако это фактъ въ дѣйствительной

жизни, и съ нимъ надо считаться. Если законодатель, конечно, въ видахъ той же безопасности признаетъ, какъ это явствуетъ изъ 231 ст. нот. пол., неудобнымъ храненіе вообще нотаріальныхъ актовъ, совершаемыхъ нотаріусами послѣ судебной реформы въ этомъ краѣ, у нихъ въ помѣщеніи собственныхъ ихъ конторъ и предписываетъ сдавать ихъ для этой цѣли въ ипотечный архивъ, въ такомъ случаѣ, думаю я, и неполученныя въ свое время контрагентами выписки сихъ актовъ цѣлесообразно и необходимо передавать на храненіе туда же по особой описи, но безъ соединенія ихъ въ тетради, безъ скрѣпы и прошнурованія. Это вызывается еще и тѣмъ соображеніемъ, что по закону выписи нотаріальныхъ актовъ выдаются всегда подъ росписку получателя ихъ въ V графѣ реестра, а этотъ послѣдній за всякій годъ передается нотаріусомъ тоже въ ипотечный архивъ. Стало быть, не взятыя отъ нотаріуса выписи актовъ въ годъ ихъ совершенія потомъ не могутъ уже быть выданы имъ на законномъ основаніи, т. е. съ роспискою въ реестрѣ, котораго въ распоряженіи нотаріуса уже нѣтъ больше. Итакъ, настаиваю, чтобы и порядокъ храненія главныхъ выписей, оставляемыхъ заинтересованными въ полученіи ихъ лицами у нотаріуса, былъ непремѣнно разрѣшенъ въ текстѣ закона.

§ 12.

Въ кругъ дѣйствій нотаріуса Привислинскаго края, на основаніи 5 п. 240 ст. нот. пол., входитъ совершеніе дѣйствій, указанныхъ въ главѣ IV раздѣла II книги V устава гражданскаго судопроизводства, а именно: а) составленіе инвентарныхъ описей, по желанію заинтересованныхъ лицъ, но не иначе, какъ съ согласія сего должностнаго лица (1724 ст. уст. гражд. суд.), б) дѣйствіе по раздѣлу наслѣдства (828 ст. гражд. код.) и в) предложеніе платежа и взносъ на храненіе (1780—1786 ст. уст. гражд. суд.). На дѣлѣ по этому поводу въ практикѣ нотаріусовъ наблюдается нынѣ слѣдующее. Относительно инвентарныхъ описей существуетъ разнообразіе на счетъ формы составленія ихъ. Одни изъ нотаріусовъ совершаютъ эти описи въ видѣ обыкновенныхъ нотаріальныхъ актовъ, выдаютъ заинтересованнымъ лицамъ копіи съ нихъ, оставляя подлинники у себя,—другіе пишутъ отдѣльные протоколы на подобіе журналовъ судебныхъ приставовъ и высылаютъ ихъ тому должностному лицу или учрежденію, которыя разрѣшили имъ (нотаріусамъ) составленіе описей. Такая практика, мнѣ кажется, не можетъ

быть оставлена и на будущее время, надо издать для всѣхъ нотаріусовъ одни общія для нихъ правила. Въ руководство при выработкѣ сихъ правилъ могутъ послужить слѣдующія соображенія. Составленіе инвентарныхъ описей, по общимъ началамъ устава гражданскаго судопроизводства, возлагается на судебныхъ приставовъ при съѣздахъ мировыхъ судей или на замѣняющихъ ихъ лицъ, или же на гминныхъ войтовъ (1688, 1696 и 1722 ст.), и только лишь по просьбѣ заинтересованныхъ лицъ производство таковыхъ можетъ быть разрѣшено нотаріусамъ (1724 ст.). Слѣдовательно нотаріусы въ данномъ случаѣ замѣняютъ собою указанныхъ въ ст. 1688 уст. гражд. суд. должностныхъ лицъ, и потому при отправленіи служебныхъ по сему предмету дѣйствій обязаны руководствоваться правилами, установленными въ законѣ для сихъ послѣднихъ. Въ статьѣ же 1732 уст. гражд. суд. сказано, что о дѣйствіяхъ по производству инвентарныхъ описей составляется журналъ порядкомъ, описаннымъ въ ст.ст. 1696 и 1722 того же устава. Вслѣдствіе того представляется безспорнымъ тотъ выводъ, что нотаріусы должны облекать инвентарныя описи въ форму предписаннаго въ 1732 ст. уст. гражд. суд. журнала, но не излагать ихъ какъ нотаріальные акты. Иначе въ трактующихъ вообще о составленіи инвентарныхъ описей статьяхъ уст. гражд. суд. (1725—1732) были бы указаны въ отношеніи нотаріусовъ какія-либо особенности. Засимъ въ виду того, что поименованныя въ ст. 1688 уст. гражд. суд. лица согласно 1701 ст. того же устава журналъ описи въ подлинникѣ представляютъ тому судьѣ, по распоряженію котораго она производилась, то и нотаріусы должны соблюдать тотъ же порядокъ. Такъ, по моему разумѣнію, надлежитъ разрѣшить этотъ вопросъ на будущее время. При этомъ, дабы оставался слѣдъ въ дѣлопроизводствѣ нотаріусовъ о составленіи ими инвентарныхъ описей, надо обязать ихъ, во-первыхъ, въ нотаріальномъ реестрѣ дѣлать запись подъ очереднымъ номеромъ о производствѣ инвентарной описи съ обозначеніемъ: когда таковая имѣла мѣсто, по чьему ходатайству и разрѣшенію и послѣ кого, и, во-вторыхъ, разрѣшеніе мироваго судьи или гминнаго суда со всѣми относящимися къ описи бумагами, буде таковыя нотаріусу кто изъ заинтересованныхъ въ сей описи лицъ представитъ, хранить при своихъ дѣлахъ, а по истеченіи каждаго года поступать съ ними такъ же, какъ въ отношеніи нотаріальныхъ актовъ и заявленій (ст. 231 нот. пол. и § 9 этой замѣтки). Такимъ только способомъ установится единство нотаріальной практики, а заинтересованныя въ составленіи инвентарныхъ описей нотаріу-

сами частныя лица избавятся отъ излишнихъ поборовъ со стороны нотаріусовъ. Австрійскій законъ 25 іюля 1871 года въ §§ 183, 186 и 189 то же самое, что и я проектирую, предписываетъ своимъ нотаріусамъ въ подобномъ случаѣ.

Далѣе, при разсмотрѣніи въ гражданскихъ отдѣленіяхъ окружныхъ судовъ дѣлъ о судебномъ раздѣлѣ наслѣдствъ то и дѣло наблюдается тоже неправильность формы, въ которую нотаріусы облекаютъ свои дѣйствія по этимъ дѣламъ. Согласно 1761 ст. уст. гражд. суд., раздѣлъ наслѣдства въ окружныхъ судахъ производится подъ непосредственнымъ наблюденіемъ члена-докладчика по правиламъ, изложеннымъ въ статьяхъ 815—892 гражд. код. Назначенный для наблюденія за раздѣломъ судья (членъ-докладчикъ), на основаніи 828 ст. гражд. код., послѣ оцѣнки и продажи движимости и недвижимости дѣлимаго наслѣдства отсылаетъ стороны къ избранному ими или назначенному судомъ нотаріусу. У этого послѣдняго заинтересованныя въ раздѣлѣ лица приступаютъ къ образованію общей наслѣдственной массы, къ взаимнымъ разсчетамъ, къ составленію долей и т. д. съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ 829—837 ст. гражд. код. Во все это время нотаріусъ обыкновенно отмѣчаетъ всѣ заявленія сторонъ, требованія однихъ, возраженія другихъ и самъ не разрѣшаетъ возникшихъ между дѣлящимися споровъ, но, составивъ протоколъ о встрѣченыхъ затрудненіяхъ и взаимныхъ заявленіяхъ сихъ лицъ, отсылаетъ ихъ къ судьѣ или, что—то же, члену-докладчику. Такимъ образомъ изъ сказаннаго оказывается, что всѣ дѣйствія нотаріуса, выше прописанныя, имѣютъ характеръ подготовительный и, какъ таковыя, заносятся имъ, какъ предписываетъ 837 ст. гражд. код., въ протоколъ за подписью сторонъ и его самого. Членъ-докладчикъ засимъ чрезъ предсѣдательствующаго въ гражданскомъ отдѣленіи вноситъ представленный ему участвующими въ раздѣлѣ лицами протоколъ нотаріуса въ публичное засѣданіе на разрѣшеніе окружнаго суда. Этотъ послѣдній, обсудивъ обстоятельства дѣла, постановляетъ опредѣленіе о раздѣлѣ наслѣдства, сообразуясь съ протоколомъ нотаріуса и другимъ собраннымъ подъ наблюденіемъ судьи-докладчика матеріаломъ. Таковъ порядокъ, указанный въ прописанныхъ статьяхъ закона. Между тѣмъ нотаріусы почти всѣ и повсемѣстно въ краѣ подготовительныя дѣйствія свои по этимъ дѣламъ записываютъ не въ протоколы, согласно 837 ст. гражд. код., а въ обыкновенные нотаріальные акты при участіи свидѣтелей и со взысканіемъ всѣхъ сборовъ и пошлинъ, свойственныхъ симъ

послѣднимъ. Такая практика нотаріусовъ совершенно произвольна и безъ всякой надобности обременяетъ дѣлящихся напрасными расходами. Ее настоятельно необходимо устранить категорическимъ законоположеніемъ въ будущемъ нотаріальномъ положеніи или въ правилахъ, росписаніяхъ и формахъ, къ нотаріальной части относящихся. Что же касается составляемыхъ на основаніи 837 ст. гражд. код. нотаріусами протоколовъ, таковые въ подлинникѣ они обязаны хранить наравнѣ съ прочими актами, такъ какъ эти протоколы составляютъ общее достояніе участвующихъ въ раздѣлѣ наслѣдства лицъ. Имъ нотаріусъ долженъ выдавать съ сихъ документовъ копіи на общемъ основаніи для представленія въ судъ черезъ наблюдающаго за раздѣломъ судью ради другихъ какихъ бы то ни было цѣлей.

Наконецъ по поводу предложенія платежа и взноса на храненіе я признаю необходимымъ обратить вниманіе на нижеслѣдующее. Во-первыхъ, въ практикѣ нотаріусовъ не всегда соблюдаются предписываемые ст. 1259 гражд. код. обряды взноса на храненіе, а именно: а) повѣстка кредитору съ извѣщеніемъ о днѣ, часѣ и мѣстѣ, куда предлагаемыя деньги или вещи будутъ внесены, не вручается или даже совсѣмъ не посылается, б) не составляется особый протоколъ во исполненіе 3 п. 1259 ст. гражд. код., т. е. такой, въ которомъ должны быть обозначены: родъ предложенныхъ предметовъ; отказъ кредитора принять ихъ или его неявка и наконецъ самый взносъ, и в) врученіе копіи протокола о взносѣ на храненіе въ случаѣ неявки кредитора не дѣлается. Эти произвольныя отступленія нотаріусовъ, вопреки положительныхъ требованій закона, могутъ на случай спора имѣть послѣдствіемъ признаніе недѣйствительнымъ самаго взноса на храненіе и такимъ образомъ причинять частнымъ лицамъ значительный вредъ и убытки, что въ свою очередь грозитъ уже матеріальною отвѣтственностью самимъ нотаріусамъ. Ради предупрежденія всего этого благоразумно въ самомъ законѣ принять надлежащія мѣры разъясненія. Правда, соблюденіе указанныхъ формальностей въ наше время, когда нотаріусамъ не дозволено пользоваться услугами судебныхъ разсыльныхъ, затруднительно, такъ какъ нотаріусы въ силу 37 ст. нот. пол. должны сами лично находиться ежедневно въ своихъ конторахъ не меньше 6 часовъ. А потому, въ видахъ устраненія сихъ неудобствъ отчего бы не разрѣшить и нотаріусамъ наравнѣ съ судебными приставами обращаться къ содѣйствію судебныхъ разсыльныхъ на общихъ основаніяхъ? Въ Австріи

нотаріусы пользуются услугами судебныхъ разсыльныхъ. Расходы по врученіямъ заявленій, протоколовъ и т. п. нотаріусами чрезъ судебныхъ разсыльныхъ по принадлежности должны нести, конечно, заинтересованныя лица, которыя такимъ образомъ обязаны достаточную сумму на этотъ предметъ доставить нотаріусу для отсылки вмѣстѣ съ порученіемъ судебному разсыльному чрезъ соотвѣтствующій окружный судъ. Во-вторыхъ, протоколъ нотаріуса о предложеніи платежа, согласно 2 п. 1781 ст. уст. гражд. суд., долженъ заключать въ себѣ: „отвѣтъ кредитора о принятіи или непринятіи имъ предложенія съ означеніемъ, подписалъ ли онъ или отказался отъ подписи или же объявилъ, что не можетъ подписать отвѣта“. По 1258 же ст. гражд. код. для дѣйствительности наличнаго предложенія платежа между прочимъ необходимо, чтобы оно было сдѣлано или лично самому кредитору, или въ мѣстѣ его жительства. Въ моей личной практикѣ при ревизіи нотаріальныхъ конторъ былъ такой случай: одинъ изъ нотаріусовъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, кому слѣдуетъ учинить предложеніе платежа, если лицо, которому поручено это сдѣлать, отсутствуетъ изъ дому на неопредѣленное время, квартира его заперта, домашнихъ и прислуги нѣтъ или они не желаютъ по собственному почину или по настоянію отсутствующаго вступить съ нотаріусомъ ни въ какія сношенія и даже отказываются принять отъ него что бы то ни было для передачи отсутствующему лицу. Въ силу прописаннаго 2 п. 1781 ст. уст. гражд. суд. нотаріусу необходимъ отвѣтъ кредитора личный. Какъ же на самомъ дѣлѣ поступить нотаріусу при такихъ обстоятельствахъ? Въ законѣ на этотъ, правда, рѣдкій въ жизни случай я не нахожу отвѣта ни въ нотаріальномъ положеніи, ни въ Судебныхъ Уставахъ Императора Александра II, ни гдѣ-либо въ прочихъ узаконеніяхъ Россійской Имперіи. Существуетъ, стало быть, на этотъ предметъ пробѣлъ въ нашемъ законодательствѣ, тогда какъ дѣйствительная жизнь требуетъ его настоятельнаго разрѣшенія во что бы то ни стало.

§ 13.

Статья 241 нот. пол. своимъ буквальнымъ содержаніемъ не исчерпываетъ всѣхъ случаевъ, когда требуется облечь сдѣлку или вообще правовыя отношенія сторонъ въ форму нотаріальнаго акта. Изъ ея текста можно заключить, что какъ будто бы одни лишь акты о переходѣ или ограниченіи права собственности на недви-

жимыя имущества должны быть безусловно и всегда совершаемы у нотаріусовъ подъ опасеніемъ недѣйствительности самыхъ договоровъ или сдѣлокъ. Тогда какъ имѣющіе обязательную силу законы въ Привислинскомъ краѣ: гражданскій кодексъ, гражданское уложеніе 1825 года и ипотечный уставъ 1818 года—требуютъ непремѣнно заключенія договоровъ, обязательствъ и иныхъ сдѣлокъ во многихъ и другихъ случаяхъ не иначе, какъ у нотаріуса. Такъ, по гражданскому кодексу обязательно нотаріальнымъ лишь порядкомъ совершаются акты: даренія (ст. 931), принятія дара (ст. 932), о закладѣ движимости стоимостью свыше 37 рублей 50 коп. или 100 франковъ и пр. Гражданское уложеніе 1825 года предписываетъ нотаріальную форму для предбрачныхъ договоровъ (ст. 207), актовъ признанія дитяти, рожденнаго внѣ брака (ст. 298), актовъ усыновленія (ст. 319) и въ другихъ случаяхъ. Согласно ипотечному уставу 1818 года всѣ ипотечные акты составляются непремѣнно только у нотаріуса (ст. 1 и 2). Такимъ образомъ въ виду изложеннаго представляется крайне цѣлесообразнымъ и необходимымъ пополнить текстъ ст. 241 нот. пол. такъ, чтобы онъ возможно шире и ближе обнималъ всѣ случаи, въ которыхъ для дѣйствительности сдѣлки или договора по закону обязательно составить актъ не иначе, какъ у нотаріуса. А то даже вполнѣ образованный интеллигентный гражданинъ, но несвѣдущій въ спеціальныхъ узаконеніяхъ, легко можетъ впасть въ ошибку или заблужденіе, ознакомившись лишь съ 241 ст. нот. пол. въ нынѣшнемъ ея видѣ, на счетъ же огромнаго большинства населенія нашей страны и говорить нечего. Слѣдовательно, безспорно необходимо редакцію этой статьи въ будущемъ изложить такимъ образомъ, чтобы она, если и не заключала бы всѣхъ случаевъ, когда, по закону, требуется для извѣстныхъ договоровъ или сдѣлокъ совершеніе актовъ у нотаріуса, то своимъ текстомъ прямо говорила бы, что указываемые въ ней случаи приведены лишь въ видѣ примѣра, и никакъ не больше того.

§ 14.

Истинный смыслъ и настоящее значеніе статей 256 и 257 нот. пол. подробно и тщательно разъяснены въ рѣшеніяхъ Гражд. Касс. Деп. 1887 г. № 60 и 1893 г. № 46. Дабы гарантировать истцамъ и взыскателямъ-кредиторамъ возможность получить удовлетвореніе ихъ претензій съ неипотекованныхъ имѣній отвѣтчика

или должника, законъ установилъ въ предѣлахъ Варшавскаго судебнаго округа особую мѣру, состоящую въ воспрещеніи симъ лицамъ отчуждать данное имущество. Эта мѣра осуществляется посредствомъ посылки о томъ повѣстки отвѣтчику или должнику и сообщеніемъ копіи съ этой повѣстки въ то судебное установленіе, въ вѣдомствѣ котораго состоитъ сіе имѣніе и чрезъ которое можетъ быть совершено отчужденіе, т. е., смотря по свойству того имѣнія, или предсѣдателю мѣстнаго окружнаго суда, на обязанности котораго лежитъ утвержденіе актовъ о недвижимыхъ имуществахъ, согласно 1 ч. 256 ст. нот. пол., или мѣстному мировому судьѣ, утверждающему акты объ имѣніяхъ, означенныхъ во 2 ч. той же 256 ст. Эти должностныя лица, т. е., предсѣдатель суда и мировые судьи, въ правѣ не утвердить на основаніи 256 ст. нот. пол., нотаріальный актъ только лишь въ случаѣ полученія ими копіи съ повѣстки о воспрещеніи отчуждать имѣніе, составляющее предметъ сдѣлки по тому акту (1528, 1534, 1557 и 1559 уст. гражд. суд.). Далѣе, чтобы нотаріусы, состоящіе при ипотечной канцеляріи окружнаго суда, такъ и при уѣздныхъ ипотечныхъ отдѣленіяхъ, не совершали актовъ по имуществамъ, не имѣющимъ устроенной ипотеки, отчужденіе которыхъ воспрещено, предсѣдатели окружныхъ судовъ и мировые судьи, по толкованію Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента отъ 19 мая 1887 года, получивъ вышеприписанныя копіи съ повѣстокъ, должны обязательно и немедленно сообщать о томъ своимъ нотаріусамъ для свѣдѣнія и исполненія. Нотаріусы же тѣ, разумѣется, обязаны при составленіи каждаго акта по неипотекованной недвижимости справляться съ подобными сообщеніями и тщательно просматривать ихъ, дабы не совершить актъ воспрещенный. Вслѣдствіе сего и наилучшаго ради и болѣе удобнаго руководства поименованными разъясненіями Правительствующаго Сената на практикѣ необходимо, по моему мнѣнію, вмѣнить еще нотаріусамъ Привислинскаго края въ непремѣнную обязанность аккуратное веденіе каждымъ изъ нихъ по однообразной формѣ: а) особой книги—алфавита неипотекованнымъ имѣніямъ, отчужденіе которыхъ воспрещено въ порядкѣ обезпеченія иска или вслѣдствіе обращенія на нихъ взысканія (статьи 1528 и 1557 уст. гражд. суд.), и б) соотвѣтствующаго этой книгѣ—алфавиту наряда переписки по сему поводу съ предсѣдателемъ окружнаго суда и мировымъ судьей (статьи 1534 и 1559 уст. гражд. суд.). Это распоряженіе какъ бы въ дополненіе къ сенатскимъ разъясненіямъ вызывается тѣмъ, что, несмотря на подробныя указанія и наста-

вленія Сената, въ настоящее время тутъ у нотаріусовъ по разсматриваемому предмету господствуетъ полный хаосъ, и почти ни у одного изъ нихъ повсюду въ краѣ не имѣется ни алфавита для справокъ, ни цѣлесообразнаго порядка храненія сообщеній предсѣдателя окружнаго суда и мировыхъ судей о воспрещеніи отчуждать то или другое недвижимое имущество. Многіе изъ нихъ оправдываются ссылкою на то, что предсѣдатель суда и мировые судьи не всегда и слишкомъ неаккуратно сообщаютъ имъ надлежащія свѣдѣнія. Если это въ дѣйствительности такъ и есть, чего ревизующій нотаріальную контору провѣрить не въ силахъ, то благотворно дать указанія и этимъ особамъ о неуклонномъ соблюденіи ими своихъ обязанностей своевременно. Проектируемыя мною дополнительныя указанія нотаріусамъ можно помѣстить, если не въ текстѣ закона, благодаря обширности ихъ, то въ правилахъ, росписаніяхъ, и формахъ, къ нотаріальной части относящихся.

Люблинскій окружный судъ предписалъ подчиненнымъ ему нотаріусамъ завести вышеозначенныя книги - алфавиты, раздѣливъ ихъ на части по литерамъ А, Б, В, Г, Д и т. д., при чемъ въ каждой сей части должны быть слѣдующія графы: 1) очередной нумеръ, 2) имя, отчество и фамилія лица, которому воспрещается отчужденіе, 3) поименованіе недвижимаго имущества съ прописаніемъ мѣстонахожденія его—деревня, гмина и уѣздъ, 4) обозначеніе судебнаго установленія или должностнаго лица съ указаніемъ числа, мѣсяца, года и нумера сообщенія ихъ, по которому сдѣлано распоряженіе о воспрещеніи отчуждать поименованное имущество, 5) обозначеніе нумера, подъ которымъ значится это сообщеніе въ нарядѣ, соотвѣтствующемъ книгѣ - алфавиту, и 6) названіе судебнаго мѣста или должностнаго лица, числа, мѣсяца, года и нумера ихъ увѣдомленія объ отмѣнѣ воспрещенія отчуждать имѣніе съ отмѣткою нумера, подъ которымъ значится это увѣдомленіе въ вышеупомянутомъ порядкѣ. Такой же порядокъ, насколько мнѣ извѣстно, практикуется и въ Плоцкомъ окружномъ судѣ. Быть можетъ, сей образецъ книги-алфавита станетъ пригоднымъ и для всеобщаго пользованія. Сверхъ того, такъ какъ неутвержденый, согласно 256 ст. нот. пол., актъ относительно передачи вещнаго права не имѣетъ никакой силы, и въ случаѣ представленія такого акта къ утвержденію по истеченіи опредѣленнаго въ 257 ст. нот. пол. годичнаго срока онъ утвержденію не подлежитъ, а равно въ виду отсутствія законовѣдовъ среди населенія нашего государства, надо въ самомъ текстѣ разбираемыхъ статей нотаріальнаго положенія ясно выразить, чтобы

нотаріусъ, совершая актъ о недвижимости неипотекованной и расположенной въ раіонѣ вѣдѣнія другаго нотаріуса, объяснялъ сторонамъ о необходимости представить сей актъ къ утвержденію куда слѣдуетъ въ теченіе года, и чтобы въ самомъ актѣ отмѣчалъ это требованіе закона. Наконецъ цѣлесообразно еще въ ст. 258 нот. пол. упомянуть, согласно рѣшенію Гр. Касс. Деп. 1887 г. № 60, что снимаемая для храненія въ ипотечномъ архивѣ копія съ утверждаемаго акта не оплачивается никакимъ сборомъ.

§ 15.

Въ Варшавскомъ судебномъ округѣ, согласно 267 ст. нот. пол., за всякое должностное дѣйствіе, совершаемое нотаріусами, имъ предоставляется взимать плату въ свою пользу *по особой таксѣ*, установляемой на три года по соглашенію Министерства Юстиціи съ Министерствами Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ въ законодательномъ порядкѣ съ Высочайшаго утвержденія; *договоры о высшей противъ означенной въ таксѣ платы, подъ какою бы формою ни были заключены, признаются недѣйствительными*. Тогда какъ въ прочихъ частяхъ Россійской имперіи за трудъ нотаріусамъ по должности дозволяется, какъ сказано въ ст. 208 нот. пол., взимать плату въ свою пользу *по добровольному съ обращающимися къ нимъ лицами соглашенію или, если сего соглашенія не послѣдуетъ, то по особой таксѣ*. Такимъ образомъ изъ буквальнаго содержанія и смысла прописанныхъ узаконеній нотаріальнаго положенія оказывается, что вопросъ о вознагражденіи нотаріусовъ за трудъ по ихъ званію и службѣ самимъ закономъ нынѣ разрѣшается неодинаково. Къ этому порядку, казалось бы, нѣтъ никакого серьезнаго основанія и уважительной причины. Правительство наше всюду стремится къ объединенію частей обширнаго государства, между прочимъ, путемъ единства имѣющихъ обязательную силу законовъ, допуская уклоненіе отъ этого начала лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Поэтому существующій нынѣ у насъ порядокъ нельзя признать цѣлесообразнымъ или вынужденнымъ необходимостью и въ новомъ нотаріальномъ положеніи, по моему, слѣдуетъ непремѣнно ради единства законоположеній и безъ ущерба для нотаріата уничтожить рознь по самому предмету. Я лично стою за то, чтобы дѣйствіе 267 ст. нот. пол. распространить на всю Россійскую имперію съ ея окраинами, а именно: дабы съ Высочайшаго утвержденія установленная законодательнымъ путемъ такса была повсемѣстно главнымъ мѣри-

ломъ оцѣнки должностныхъ услугъ нотаріусовъ съ предоставленіемъ имъ возможности вступать съ обращающимися къ ихъ содѣйствію лицами въ добровольное взаимное соглашеніе на счетъ сего вознагражденія, но никакъ не свыше прописанной таксы. Населеніе у насъ въ Россіи въ значительномъ большинствѣ, какъ прописано уже раньше, неграмотно и мало-культурно. Оно, по справедливому замѣчанію М. Вербичева [1]), привыкло къ тому, что каждое должностное лицо дѣйствуетъ согласно требованію закона, почему (прибавлю отъ себя) и довѣрчиво относится къ назначаемой нотаріусами суммѣ платы въ ихъ пользу, не справляясь съ таксою, а иногда благодаря своему невѣдѣнію даже и не зная о существованіи таковой. Нѣкоторая поэтому опека надъ подобнымъ населеніемъ совершенно не излишня въ видахъ охраны его же интересовъ. Взаимное соглашеніе достижимо съ обезпеченіемъ обоюдныхъ интересовъ только при равенствѣ заинтересованныхъ въ немъ лицъ. Но какая же можетъ быть рѣчь о такомъ условіи, если съ одной стороны должностное лицо quasi чиновникъ, а съ другой— безграмотный, забитый и малоразвитый мужикъ. Надо непремѣнно имѣть всегда въ виду и обращать серьезное вниманіе на юридическій бытъ, культуру и другія условія жизни нашей страны въ томъ ихъ видѣ, какъ они представляются въ дѣйствительности безъ радужной окраски. Въ обществѣ, юридической литературѣ [2]) и среди нотаріусовъ, за исключеніемъ здѣшнихъ, нѣтъ согласія по этому вопросу. Одни утверждаютъ, что добровольное соглашеніе должно первенствовать и нотаріусы въ правѣ брать вознагражденіе свыше нормъ таксы, другіе отстаиваютъ таксу и отвергаютъ право нотаріусовъ превышать ея размѣры при соглашеніи. Точныхъ и вполнѣ опредѣленныхъ разъясненій по сему поводу Правительствующаго Сената донынѣ пока не имѣется. По восходившимъ на разсмотрѣніе его частнымъ вопросамъ о той или другой статьѣ таксы въ отдѣльности Сенатъ ни разу не высказался вообще о примѣненіи этой таксы во всемъ ея объемѣ и цѣликомъ. Большинство же нотаріусовъ наживы личной ради старается объяснить, при всякомъ намекѣ на неисправность ихъ въ этомъ отношеніи, дѣйствую-

---

[1]) См. его статью „Соглашеніе и такса 208 ст. пол. о нотар. части", въ Жур. Мин. Юст. 1901 г., кн. 1, стр. 158.

[2]) См. вышеназванную статью М. Вербичева, а также статью Мандельштама „Учрежденіе нотаріата и его организація" въ Жур. Мин. Юст. 1899 г. кн. 4 и многія др.

щія въ наше время узаконенія въ свою пользу, отстаивая преимущество взаимнаго соглашенія съ правомъ ихъ брать больше таксы, и на дѣлѣ весьма часто обираютъ темный людъ безбожно. Допустить исключительное дѣйствіе желаемаго нотаріусами соглашенія это равносильно обращенію нотаріальной конторы въ торговое заведеніе, гдѣ нотаріусъ станетъ по должности своей 1) запрашивать за совершеніе сдѣлокъ по своему личному усмотрѣнію, стремясь единственно къ личному своему обогащенію, и 2) пользуясь случайными обстоятельствами, какъ-то: необходимою спѣшностью сдѣлки, отдаленностью конторы иного нотаріуса и пр., притѣснять публику. Все это не соотвѣтствуетъ цѣли, смыслу и назначенію нотаріата и несовмѣстимо съ служебнымъ положеніемъ нотаріусовъ. При отсутствіи же строго опредѣленной и обязательной таксы, справедливо замѣчаетъ г. Мандельштамъ [1]), „тяжело и обидно для общественнаго дѣятеля, отправляющаго тѣ или иныя не частныя, а публично-правовыя функціи, начать не съ самаго дѣла, а торговлей". Впрочемъ проектируемыя мною перемѣны по сему вопросу для гарантіи ихъ успѣха нуждаются, во-первыхъ, въ предварительномъ пересмотрѣ нынѣ дѣйствующей таксы какъ въ Привислинскомъ краѣ, такъ и на всемъ остальномъ пространствѣ нашего государства съ цѣлью усовершенствованія ея сообразно указаніямъ практики и долголѣтнему опыту, принявъ въ основаніе ея не только сумму акта, но и другія начала, какъ-то: сложность дѣла, его свойство, время необходимое для его исполненія, важность, качество и количество нотаріальнаго труда и т. п., и, во-вторыхъ, въ точномъ и неуклонномъ соблюденіи нотаріусами статей 16—18 правилъ, формъ и росписаній, къ нотаріальной части относящихся, т. е. чтобы всякій плательщикъ вписывалъ въ находящуюся у нотаріуса книгу сборовъ собственноручно и прописью количество внесенныхъ имъ денегъ и подписывалъ свое имя и фамилію, а за неграмотнаго внесшаго сборъ дабы росписывалось въ книгѣ другое лицо, по его просьбѣ. Современная нотаріальная такса въ обоихъ ея видахъ (для Варшавскаго судебнаго округа и для остальной Россіи) несообразна съ настоящими запросами. Она далеко не обнимаетъ всѣхъ случаевъ ея примѣненія, а въ нѣкоторыхъ то слишкомъ щедро надѣляетъ нотаріусовъ, не сообразуясь съ количествомъ затрачиваемаго ими времени и труда, то обижаетъ ихъ. Что же касается отмѣтокъ пла-

---

[1]) См. вышеуказанную статью въ Жур. Мин. Юст. 1899 г. кн. 4 стр. 47.

тельщиковъ въ книгахъ для сборовъ, то на практикѣ, какъ установлено ревизіонными осмотрами въ порядкѣ 58 ст. нот. пол., предписанія закона почти ни у одного изъ привислинскихъ нотаріусовъ не исполняются. Весь текстъ росписки обыкновенно дѣлается писцомъ нотаріуса, а внесшій сборъ только подписывается. За неграмотныхъ плательщиковъ всюду наблюдаются подписи служащихъ въ конторѣ нотаріуса лицъ, а бываютъ иногда случаи росписки даже за грамотныхъ лицъ наемниками нотаріуса или даже имъ самимъ лично. Пока не будутъ приняты энергичныя мѣры противъ этихъ злоупотребленій, никакой законъ о способѣ назначенія платы нотаріусомъ за ихъ должностный трудъ не принесетъ ожидаемой отъ него пользы и не водворитъ должнаго порядка въ эту самую щекотливую часть ихъ служебной дѣятельности.

Въ заключеніе признаю нелишнимъ затронуть вновь возбуждавшійся уже давно въ правительственныхъ коммисіяхъ и въ юридической литературѣ вопросъ объ исполнительныхъ надписяхъ на нотаріальныхъ актахъ. Онъ въ дѣйствительной жизни, безспорно, имѣетъ огромное значеніе въ смыслѣ удешевленія кредита и освобожденія судебныхъ установленій отъ подавляющей массы процессовъ, хотя и нуждающихся для правильнаго ихъ разрѣшенія въ большихъ юридическихъ познаніяхъ и усиленномъ трудѣ, однако обременяющихъ эти установленія своимъ количествомъ и отнимающихъ у судей напрасно время, съ большею пользою пригодившееся бы для иныхъ судебныхъ и сложныхъ дѣлъ, которыя безъ содѣйствія суда просто неразрѣшимы. Оттого-то на этомъ вопросѣ надлежитъ остановиться дольше и разобрать его подробнѣе и всесторонне, что̀ я и постараюсь сдѣлать, конечно, насколько хватитъ у меня познаній, опыта и знакомства съ симъ предметомъ.

Сознаніе справедливости положенія: „чѣмъ быстрѣе, легче и съ меньшими издержками доступно взысканіе долга, тѣмъ дешевле кредитъ", было присуще всегда русскому народу. Въ законахъ его, еще по 2 ч. X т. Св. зак. гр. 1857 года, всякій договоръ и всякое обязательство, законно совершенные, почитались безспорными и приводились въ исполненіе «непосредственнымъ приложеніемъ закона безъ всякаго судопроизводства» (ст. 1 и 2); если же обязавшаяся сторона предъявляла споръ противъ такихъ договора или обязательства, то споръ этотъ останавливалъ взысканіе и подлежалъ разрѣшенію судебныхъ мѣстъ, но „безъ формальнаго суда окончательнымъ порядкомъ" (ст. 95 и 747). Однако „непосред-

ственное приложеніе закона“ и „скоро окончательный порядокъ“ въ практическомъ примѣненіи на дѣлѣ не достигали цѣли. Ибо взысканіе и при нихъ было тѣмъ не менѣе медленно отчасти потому, что оно тогда находилось въ рукахъ чиновниковъ полиціи, а также и потому, что самъ законъ тормозилъ его, назначая слишкомъ большіе сроки а) на предъявленіе документа должнику б) для истребованія отъ него отзыва и т. д. (ст. 34, 48, 63, 748 и 4 п. 749). Признавая посему неудовлетворительными изложенныя въ 2 ч. X т. Св. зак. гр. правила о взысканіи по безспорнымъ документамъ, правительство въ 1865 году распространило на всю Россійскую имперію дѣйствовавшія съ 1868 года въ одномъ лишь С.-Петербургѣ узаконенія на сей предметъ. По этому послѣднему закону взысканіе было изъято изъ вѣдѣнія полиціи и поручалось особому учрежденію—управѣ благочинія. Тѣмъ не менѣе и управа благочинія не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ: быстрота взысканія не была достигнута. Вслѣдствіе того при обсужденіи проекта устава гражданскаго судопроизводства въ началѣ шестидесятыхъ годовъ истекшаго столѣтія и былъ возбужденъ вопросъ о томъ: слѣдуетъ ли взысканіе по такъ называемымъ безспорнымъ актамъ и обязательствамъ подчинить общему судебному порядку, или возможно производство по нимъ изъять изъ этого порядка и подчинить его какому-либо особому. Одинъ изъ составителей того проекта г. Квистъ высказался тогда такъ: что ни въ одномъ изъ образованныхъ государствъ упадокъ частнаго кредита не дошелъ до такихъ размѣровъ, какъ у насъ, и что почти исключительною тому причиною были недостатки нашего судоустройства и судопроизводства. „Для жизни кредита“, по словамъ г. Квиста, „необходима увѣренность, что недостатокъ доброй воли у должника замѣняется понудительною силою правительства, т. е. увѣренность въ безпристрастномъ, быстромъ и недорогомъ судѣ. Отсрочки и возможность промедленія взысканія подачею неосновательныхъ жалобъ дѣйствуютъ на общее довѣріе разрушительно, и потому нѣтъ пользы въ такихъ законахъ, которые допускаютъ эти уклоненія. Они дѣлаютъ непримѣнимымъ скорое и справедливое взысканіе, которымъ исключительно обусловливается вѣра въ долговые акты, и ведутъ естественно къ возвышенію страховой преміи. Съ другой стороны, строгіе законы о долгахъ уменьшаютъ къ выгодѣ всего народнаго хозяйства число злостныхъ банкротствъ и возвышаютъ народную честность и взаимное довѣріе“. По симъ соображеніямъ, г. Квистъ находилъ рѣши-

тельно несправедливымъ подчинять производство долговыхъ взысканій только сокращенному порядку суда. Шесть другихъ членовъ коммисіи по составленію проекта устава гражданскаго судопроизводства, а именно: Буцковскій, фонъ Дервизъ, Книримъ, Принтцъ, Самарскій-Быховецъ и Фришъ, также признавали невозможнымъ подчинить требованія объ исполненіи безспорныхъ актовъ общимъ правиламъ гражданскаго судопроизводства. Эта система, по ихъ мнѣнію, должна была повести еще къ большему потрясенію и безъ того уже потрясеннаго у насъ кредита. Сверхъ того требованія, проистекающія изъ облеченныхъ въ законную форму договоровъ, и по существу своему не могутъ быть сравниваемы со всѣми прочими исковыми требованіями. Въ самомъ актѣ обязывающаяся сторона заявляетъ свое согласіе совершить извѣстное дѣйствіе, слѣдовательно тутъ есть уже сознаніе (confessio), которое даетъ противной сторонѣ право требовать понудительнаго исполненія. Это особое свойство публичныхъ актовъ и настоятельныя потребности кредита приводятъ—полагали вышеназванные шесть членовъ—къ необходимости установить особый порядокъ взысканія по безспорнымъ актамъ подобно тому, какъ это установлено во всѣхъ почти положительныхъ кодексахъ западной Европы. И г. Квистъ, и шесть вышеназванныхъ членовъ коммисіи тогда же составили проекты свои особыхъ правилъ о взысканіи по безспорнымъ обязательствамъ, которые подробно изложены и разобраны въ статьѣ С. Платонова „О понудительномъ исполненіи обязательствъ“ [1]). Однако большинство членовъ коммисіи, составлявшей проектъ устава гражданскаго судопроизводства, въ числѣ 23, не согласилось ни съ г. Квистомъ, ни съ заключеніемъ шести другихъ сотрудниковъ и, подробно мотивируя свой взглядъ, а также принявъ въ соображеніе съ одной стороны, что на точномъ основаніи ч. 3 ст. 82 основныхъ положеній о судебной реформѣ всѣ дѣла о взысканіи по договорамъ и обязательствамъ, обращенныя къ исполненію, должны производится сокращеннымъ порядкомъ, а съ другой—что предложеніе ихъ совершенно совпадаетъ съ изложеннымъ въ проектѣ Втораго отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи объ устройствѣ нотаріальной части правиломъ, по коему нотаріальные акты считаются равносильными вступившимъ въ законную силу судебнымъ рѣшеніямъ (ст. 160 проекта Втораго отдѣленія о нотаріальной части),—они, двадцать три члена, не нашли

[1]) См. Жур. Гражд. и Угол. Права 1877 г. кн. 2, стр. 123—126.

нужнымъ установлять особый порядокъ для производства сего рода дѣлъ и положили обращать дѣла эти всегда къ производству сокращеннымъ порядкомъ [1]). Бывшій въ то время Министръ Юстиціи Д. Н. Замятнинъ въ замѣчаніяхъ своихъ на выработанный коммисіею проектъ устава гражданскаго судопроизводства заявилъ, что обращеніе взысканій по безспорнымъ актамъ къ сокращенному порядку судопроизводства противорѣчило бы основнымъ положеніямъ. По смыслу 19 ст. этихъ положеній, не можетъ быть и рѣчи о производствѣ дѣлъ по безспорнымъ взысканіямъ по правиламъ сокращеннаго судопроизводства, установленнаго для дѣлъ спорныхъ, а если актъ оказывается безспорнымъ, то судъ вмѣсто всякаго судопроизводства обязанъ просто дать приказаніе объ исполненіи акта [2]). Государственный, однакоже, Совѣтъ, на уваженіе котораго были представлены составленный коммисіею проектъ устава гражданскаго судопроизводства и всѣ вышеприписанныя мнѣнія, положилъ: особаго порядка производства дѣлъ по безспорнымъ актамъ не вводить, выразивъ въ уставѣ, въ точное исполненіе 10 и 19 ст. основныхъ положеній гражданскаго судопроизводства, что акты эти предъявляются ко взысканію по общимъ правиламъ о подсудности исковъ, что въ порядкѣ производства по нимъ соблюдаются общія правила сокращеннаго судопроизводства и притомъ со всею законною строгостью и безъ малѣйшаго послабленія, что для приданія этимъ дѣламъ надлежащей скорости отвѣтчикъ вызывается на самый краткій срокъ, и что судъ имѣетъ право распорядиться немедленнымъ приведеніемъ въ исполненіе своего рѣшенія объ удовлетвореніи истца [3]). Это мнѣніе Государственнаго Совѣта Высочайше утверждено и стало нынѣ дѣйствующимъ закономъ. Но введенный Судебными Уставами 20 ноября 1864 года сокращенный порядокъ производства дѣлъ по безспорнымъ обязательствамъ на практикѣ, вопреки ожиданіямъ большинства членовъ коммисіи и Государственнаго Совѣта, оказался гораздо хуже дореформеннаго, какъ въ отношеніи быстроты, такъ и въ смыслѣ дороговизны. Уставъ

---

[1]) См. объяснительную записку къ уставу гражданскаго судопроизводства, стр. 298—300.

[2]) См. замѣчанія Министра Юстиціи на проектъ устава гражданскаго судопроизводства, стр. 226 и слѣд.

[3]) См. Журналъ Соединенныхъ Департаментовъ Законовъ и Гражданскихъ Дѣлъ 1864 г., № 44 стр. 89—91.

гражданскаго судопроизводства возложилъ на истцовъ-взыскателей массу хлопотъ по составленію исковаго прошенія, по явкѣ въ судъ, по указанію мѣстопребыванія въ городѣ, гдѣ находится судъ, по пріисканію повѣреннаго и т. д., и сверхъ того значительныя издержки въ видѣ гербовыхъ марокъ, судебныхъ пошлинъ, расхода по врученію повѣстокъ съ копіями. Тѣхъ и другихъ взыскатель до судебной реформы не зналъ. Недобросовѣстные же должники обрѣли въ томъ же уставѣ средства тормозить ходъ дѣла, затягивать его по своему усмотрѣнію, предъявляя споры то о неподсудности, то о подлогѣ и пр. Вслѣдствіе сего едва открылись судебныя установленія по уставамъ Императора Александра II, какъ появились жалобы дѣловыхъ людей на неудовлетворительность новаго закона на счетъ порядка взысканій по такъ называемымъ безспорнымъ обязательствамъ и протестованнымъ векселямъ. Московское купечество уже въ 1869 году ходатайствовало предъ правительствомъ о принятіи мѣръ къ измѣненію сего порядка (см. объясн. зап. къ проекту торгов. судопр., стр. 211). О томъ же просилъ 2-ой промышленный съѣздъ въ Москвѣ въ іюнѣ 1872 года (см. Журн. Гражд. и Торг. Права 1872 г. № 6, стр. 159). С.-Петербургскій биржевой комитетъ и коммисія биржеваго купечества прямо высказали, что при нынѣшнемъ порядкѣ судопроизводства взысканія по безспорнымъ обязательствамъ съ иногороднихъ должниковъ чрезвычайно затруднительны, а при незначительности иска и вовсе невозможны (см. Журн. Гражд. и Угол. Права 1876 г. кн. 3, стр. 112). Все это привело Министерство Юстиціи, по удостовѣренію С. Платонова [1]), къ мысли о необходимости дополнить уставъ гражданскаго судопроизводства особыми правилами о понудительномъ исполненіи обязательствъ по актамъ, совершеннымъ и засвидѣтельствованнымъ установленнымъ порядкомъ, безъ предварительнаго обращенія сихъ актовъ къ судебному разбирательству. Въ этомъ министерствѣ была составлена записка, въ которой, между прочимъ, говорится: „Задача суда состоитъ въ разрѣшеніи споровъ о гражданскихъ правахъ. По существующему же порядку суду приходится постановлять рѣшенія и по такимъ дѣламъ, въ которыхъ между сторонами не происходитъ никакого спора и которыя ведутся исключительно для полученія приказа о понудительномъ исполненіи обязательства отвѣтчикомъ. Таковы иски по всѣмъ почти за-

[1]) См. его статью „О понудительномъ исполненіи обязательствъ" въ Журн. Гражд. и Угол. Права 1877 г. кн. 2, стр. 140.

кладнымъ, по большей части долговыхъ обязательствъ, по весьма многимъ наемнымъ контрактамъ и по нѣкоторымъ другимъ договорамъ. По симъ актамъ требованія взыскателя не удовлетворяются обыкновенно не потому, что послѣдній не считаетъ себя обязаннымъ исполнить ихъ, а потому только, что должникъ не хочетъ исполнить своего обязательства добровольно или не имѣетъ наличныхъ къ тому средствъ. Въ подобныхъ случаяхъ нужно только понудительное исполненіе; предварительное же соблюденіе формальностей, установленныхъ для судебнаго разбора, представляется совершенно излишнимъ. Между тѣмъ нынѣ для полученія такого приказа взыскатель обязанъ предъявить искъ по общимъ правиламъ; мировой судья и окружный судъ должны слушать дѣло публично и составить рѣшеніе съ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла и мотивовъ; въ окружномъ судѣ слушаніе дѣла и постановленіе рѣшенія совершаются при участіи трехъ судей. Всѣ эти дѣйствія судебныхъ установленій, какъ они ни просты по безспорнымъ дѣламъ, тѣмъ не менѣе при довольно значительномъ числѣ ихъ требуютъ большаго личнаго состава въ сравненіи съ тѣмъ, которымъ можно было бы ограничиться, если бы судебному производству подлежали такія дѣла, по которымъ дѣйствительно происходитъ споръ между тяжущимися. Словомъ, подчиненіе безспорныхъ дѣлъ общему судебному порядку, не принося никакой пользы частнымъ интересамъ, въ то же время увеличиваетъ еще безъ всякой надобности и издержки государственной казны на лишнихъ судей" (стр. 139—140 той же статьи С. Платонова). Согласно вполнѣ правильнымъ и подсказаннымъ практическими наблюденіями за живою дѣйствительностью соображеніямъ этой записки въ Министерствѣ Юстиціи былъ составленъ въ 1876 г. проектъ правилъ о взысканіяхъ по безспорнымъ обязательствамъ, но ему не суждено было обратиться въ законъ [1]). Кромѣ, такъ сказать, правительственныхъ органовъ необходимость особаго способа взысканія по безспорнымъ актамъ и обязательствамъ, быстраго и дешеваго, сознается и проектируется нашими учеными законовѣдами, а равно и въ юридической литературѣ. Въ этомъ отношеніи сверхъ уже названной и цитируемой статьи С. Платонова заслуживаютъ особаго вниманія: а) Курсъ гражданскаго судопроизводства К. Малышева (ч. III, стр. 184—189), б) мнѣнія И. Я. Голубева,

[1]) Желающіе ознакомиться съ этимъ проектомъ найдутъ его въ вышеназванной статьѣ С. Платонова на стр. 141—144.

А. А. Книрима, П. А. Гедримовича, І. И. Карницкаго, В. М. Володимірова, высказанныя въ засѣданіи гражданскаго отдѣленія Юридическаго Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ 5 и 26 ноября 1877 года [1]), в) статья К. Змирлова „Безспорный порядокъ производства гражданскихъ дѣлъ" [2]). Далѣе, несмотря на постигшую проектъ Министерства Юстиціи 1876 года неудачу, это послѣднее все-таки не переставало изыскивать средства и усиленно заботиться объ удовлетвореніи насущной потребности населенія Россійской имперіи и къ началу девятидесятыхъ годовъ истекшаго вѣка выработало новыя правила по тому же предмету, которыя подъ именемъ „упрощеннаго порядка судопроизводства" съ 3 іюня 1891 г. стали дѣйствующимъ закономъ и вошли въ уставъ гражданскаго судопроизводства подъ статьями 365^{1}-365^{24}. Примѣненіе этого закона предоставлено окружнымъ судамъ, мировымъ судьямъ, гминнымъ судамъ и Варшавскому коммерческому суду по дѣламъ, имъ подвѣдомымъ (80^{1}, 365^{1}—365^{24}, 1510^{1} и 1645^{1} ст. уст. гр. суд.). Для мѣстностей же, гдѣ съ упраздненіемъ мировыхъ судей введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, изданы особыя правила „о понудительномъ исполненіи по актамъ" 29 декабря 1889 года въ руководство и для исполненія земскими начальниками и городскими судьями. Смыслъ и назначеніе закона 3 іюня 1891 года, по словамъ г. Вербловскаго [3]), упростить сложный процессуальный механизмъ и ускорить его движенія для обширной категоріи дѣлъ, которыя чаще другихъ встрѣчаются въ судебной практикѣ и разрѣшеніе которыхъ не требуетъ отъ судей особенно глубокихъ познаній, освобождая сіи дѣла отъ сложныхъ обрядовъ и продолжительныхъ сроковъ. „Упрощенный порядокъ судопроизводства", какъ выражается г. Вербловскій, „состоитъ изъ трехъ моментовъ: предъявленіе иска, засѣданіе и постановленіе рѣшенія въ томъ же засѣданіи, и отличается простотою и быстротою производства". Тѣмъ не менѣе на практикѣ этотъ законъ не встрѣтилъ сочувствія. Взыскатели, какъ указываетъ опытъ, довольно рѣдко пользуются имъ ради осуществленія настоящихъ своихъ претензій. Рядомъ съ правилами о скорости и строгости взысканія существуютъ въ немъ же и такія постановленія, которыя даютъ

[1]) См. Журн. Гр. и Уг. права 1878 г. кн. 2, стр. 60—97.

[2]) См. Журн. Гр. и Уг. Права 1890 г. кн. 1.

[3]) См.: его статью „Новый законъ объ упрощенномъ порядкѣ судопроизводства" въ Журн. Гр. и Уг. пр. 1891 г. кн. 10, стр. 111.

возможность отдалить конечный результатъ этого производства. Таковы статьи 365^{15}, 365^{20}, 365^{22} и 365^{23} уст. гр. суд. Правила 29 декабря 1889 года „О понудительномъ исполненіи по актамъ“ цѣлесообразнѣе, практичнѣе и больше соотвѣтствуютъ запросамъ дѣйствительной жизни. Они отличаются отъ упрощеннаго порядка судопроизводства, по вполнѣ вѣрному опредѣленію г. Вербловскаго (стр. 96), тѣмъ, что по самой природѣ своей представляются особымъ несудебнымъ производствомъ, имѣющимъ цѣлью присвоить юридическому акту исполнительную силу. Понудительное исполненіе по актамъ происходитъ безъ вызова должника, не выслушивая его объясненій или возраженій, и разрѣшается резолюціею земскаго начальника или городскаго судьи на самомъ актѣ, подлежащемъ понудительному исполненію (ст. 149 правилъ). Однако, пользуется ли этотъ законъ на дѣлѣ успѣхомъ и въ какой мѣрѣ—я не знаю, ибо личными наблюденіями не располагаю, но думаю, что онъ больше шансовъ имѣетъ для того, нежели упрощенный порядокъ судопроизводства. Я умышленно изложилъ обстоятельнѣе эту часть своихъ соображеній по разсматриваемому предмету съ обширными заимствованіями у знатоковъ сего дѣла—С. Платонова, К. Змирлова и др., чтобы ярче и рѣзче выставить, что съ давнихъ временъ наше правительство постоянно и усиленно заботилось выработать и узаконить наилучшій способъ взысканія по безспорнымъ актамъ и обязательствамъ, и что, несмотря на относительно частую смѣну узаконеній по этому поводу, несмотря на различные проекты правительственныхъ коммисій, должностныхъ лицъ и частныхъ радѣтелей этого дѣла, до сей поры у насъ въ Россіи законодательство не достигло еще намѣченной цѣли и желательнаго результата—быстроты и дешевизны взысканія, ибо дѣйствующія нынѣ узаконенія слабы въ этомъ отношеніи. Въ законоположеніяхъ западной Европы больше порядка и цѣлесообразности по этому вопросу. Такъ, напримѣръ: во Франціи, Италіи, Бельгіи, Женевѣ, Баваріи всѣ публичные акты въ отношеніи приведенія ихъ въ исполненіе совершенно сравнены съ вступившими въ законную силу судебными рѣшеніями. Во всѣхъ этихъ странахъ нотаріусъ, при самомъ совершеніи акта, снабжаетъ его *исполнительною надписью*, содержащею въ себѣ ту же самую формулу, какъ и обращенное къ исполненію судебное рѣшеніе, т. е. приказъ чинамъ судебнаго вѣдомства въ точности исполнить то, что въ актѣ написано. При наличности, стало быть, подобнаго закона не надо судебнаго разбирательства, а едва наступитъ срокъ исполненія сдѣлки по та-

кому акту, какъ кредиторъ взыскатель, въ случаѣ нежеланія обязавшейся стороны добровольно ее выполнить, обращается или чрезъ посредство мѣстнаго предсѣдателя суда, или непосредственно къ судебному приставу со своимъ актомъ, и этотъ послѣдній приступаетъ просто къ взыскательнымъ мѣрамъ точно такъ же, если бы ему представленъ былъ исполнительный листъ. Никакой проволочки, ни минуты лишняго времени, хотя бы на полученіе резолюціи земскаго начальника или городскаго судьи, какъ у насъ по правиламъ „О понудительномъ исполненіи по актамъ", тутъ не требуется, судебныхъ издержекъ совсѣмъ нѣтъ, и расходъ по взысканію доведенъ такимъ образомъ до возможнаго минимума. Далѣе замѣчу тутъ, что почти одновременно съ изготовленіемъ проекта Судебныхъ Уставовъ составлялся во Второмъ Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи проектъ положенія о нотаріальной части. При обсужденіи подробностей сего послѣдняго и у насъ въ Россіи возбужденъ былъ (на это слѣдуетъ обратить особое вниманіе) вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли установить правило, по которому крѣпостные и нотаріальные акты въ порядкѣ исполненія ихъ признавались бы равносильными судебнымъ рѣшеніямъ, вступившимъ въ законную силу. Вопросъ этотъ въ проектѣ, внесенномъ въ Государственный Совѣтъ въ 1863 году статсъ секретаремъ барономъ Корфомъ, рѣшенъ былъ утвердительно, а именно въ немъ предполагалось: крѣпостные акты, въ которыхъ установлены денежные платежи, и акты нотаріальные приводить въ исполненіе, какъ своевременно необжалованныя судебныя рѣшенія, „безъ предварительной выдачи исполнительныхъ листовъ". Засимъ, какъ видно изъ объяснительной записки, шесть вышепоименованныхъ членовъ коммисіи по составленію устава гражданскаго судопроизводства выражали между прочимъ желаніе, дабы нотаріальнымъ актамъ были предоставлены и въ Россійской имперіи, если не тѣ преимущества, которыми они пользуются во Франціи, Италіи, Женевѣ и Баваріи, то по крайней мѣрѣ тѣ, которыя существуютъ въ Ганноверѣ, гдѣ подобная сила предоставляется имъ по добровольному соглашенію договаривающихся сторонъ. Большинство же той же коммисіи въ числѣ 23 членовъ, отвергнувъ предположеніе шести членовъ и г. Квиста относительно подчиненія особому порядку дѣлъ о взысканіи по безспорнымъ актамъ вообще, заявило однако въ концѣ своего мнѣнія, что предложеніе ихъ не только не противорѣчитъ, но напротивъ совершенно совпадаетъ съ изложеннымъ въ проектѣ 1863 года объ устройствѣ нотаріальной части правиломъ, въ силу котораго нотаріальные

акты считаются равносильными вступившимъ въ законную силу судебнымъ рѣшеніямъ, т. е. съ 160 ст. этого проекта. Значитъ, и большинство членовъ коммисіи по составленію устава гражданскаго судопроизводства было увѣрено, что по крайней мѣрѣ акты, совершенные крѣпостнымъ и нотаріальнымъ порядкомъ, будутъ прямо обращаться къ исполненію. Однако на дѣлѣ это не осуществилось въ виду того, что устраненіе изъ проекта положенія объ устройствѣ нотаріальной части 1863 года статьи его 160, на утвержденіе которой разсчитывали 23 члена коммисіи, послѣдовало уже въ 1866 году, тогда какъ Судебные Уставы стали дѣйствующимъ закономъ еще съ 20 ноября 1864 г. Смѣнившій статсъ секретаря барона Корфа главноуправлявшій Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи графъ Панинъ въ 1866 году внесъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта вмѣсто возвращеннаго въ 1865 году оттуда проекта 1863 года новый проектъ положенія о нотаріальной части, въ которомъ статьи 160 прежняго проекта уже не было. Графъ Панинъ по этому поводу въ особомъ представленіи объяснилъ, что въ виду: 1) постановленій Судебныхъ Уставовъ, опредѣляющихъ вообще силу и значеніе актовъ независимо отъ того порядка ихъ совершенія, какой будетъ установленъ, и 2) принятаго въ этихъ уставахъ начала, по которому исполненіе безспорныхъ актовъ должно совершаться не иначе, какъ по суду,—рѣшительно невозможно сохранить въ положеніи о нотаріатѣ правила о силѣ актовъ, несогласныя съ Судебными Уставами, а еще менѣе установить новый порядокъ исполненія крѣпостныхъ и нотаріальныхъ актовъ. Это мнѣніе графа Панина и было принято тогда въ Государственномъ Совѣтѣ. Итакъ, если въ виду изложеннаго дѣйствующій у насъ нынѣ порядокъ взысканія по безспорнымъ актамъ установился, повидимому, благодаря недоразумѣнію, прямо вопреки намѣреніямъ и ожиданіямъ составителей устава гражданскаго судопроизводства, въ такомъ случаѣ при теперешнемъ пересмотрѣ нотаріальнаго положенія почему бы не исправить эту невольную ошибку и не внести въ новое положеніе о нотаріальной части статьи 160 проекта его 1863 года? Такимъ образомъ и наши законоположенія по нотаріату въ отношеніи трактуемаго предмета приблизились бы къ иностраннымъ цѣлесообразнымъ и наиболѣе совершеннымъ законодательствамъ. Разрѣшеніе законодательнымъ путемъ нотаріусамъ класть, при самомъ совершеніи актовъ, исполнительныя на нихъ надписи въ смыслѣ вышеприсанномъ, какъ за границею, несомнѣнно, упорядочитъ у насъ дѣловую жизнь. Зная, что актъ будетъ испол-

няться безъ всякаго судебнаго разбирательства, стороны, его заключающія, примутъ при самомъ его совершеніи всѣ мѣры для огражденія собственныхъ интересовъ. Обязавшаяся по акту сторона всякое исполненіе его старательно станетъ отмѣчать на самомъ актѣ, а, выговаривая, напр., для себя отсрочку, она непремѣнно потребуетъ надписи о томъ тоже на самомъ актѣ. Должникъ, при добровольной уплатѣ всей суммы, не будетъ оставлять долговаго обязательства въ рукахъ кредитора и т. д. Сверхъ того, съ наступленіемъ дѣйствія предполагаемаго мною закона, кредитъ сразу подешевѣетъ, и баснословные проценты, неизвѣстные совершенно у нашихъ западныхъ сосѣдей, падутъ до практикуемаго тамъ размѣра. Въ виду удобствъ и дешевизны взысканія на основаніи нотаріальныхъ актовъ всѣ сдѣлки по займамъ, облекаемыя въ форму векселей среди обывателей простыхъ, а не купцовъ и не по поводу коммерціи, исчезнутъ или не будутъ практиковаться. Домашнія обязательства тоже должны замѣниться оффиціальными. Разъ не нужно по такого рода актамъ, какъ снабженные нотаріусомъ исполнительною надписью, судебное разбирательство, то и судебныя издержки не имѣютъ мѣста. Слѣдовательно, должники и вообще обязавшіяся по акту лица и на этомъ выигрываютъ. Въ судебныхъ наконецъ учрежденіяхъ съ уменьшеніемъ дѣлъ по количеству возстановится болѣе нормальный порядокъ въ разсмотрѣніи по крайней мѣрѣ тяжбъ, подлежащихъ сокращенному порядку судопроизводства, которыя нынѣ въ нѣкоторыхъ судахъ, вопреки 350 и 351 ст. уст. гражд. суд., назначаются чрезъ 3 и больше мѣсяца послѣ вступленія исковаго по нимъ прошенія, а во всякомъ случаѣ значительно ослабѣетъ потребность въ увеличеніи личнаго состава окружныхъ судовъ, что постоянно наблюдается за послѣдніе годы. Благотворное посему вліяніе предлагаемаго мною нововведенія въ законоположеніяхъ по нотаріальной части по примѣру западно-европейскихъ государствъ и для населенія нашей страны, и для государственной казны несомнѣнно. Отчего же въ такомъ случаѣ до сего времени нѣтъ у насъ въ Россіи столь выгоднаго, цѣлесообразнаго и желательнаго закона, если еще въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка проектировали его ввести въ такомъ законодательномъ установленіи, какъ Второе Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи, и если составители устава гражданскаго судопроизводства одобряли сей проектъ и большинство ихъ даже разсчитывало на его осуществленіе? Главными и существенными препятствіями къ тому, судя по всѣмъ вышеупоминаемымъ проектамъ правитель-

ственныхъ коммисій, такъ и частныхъ лицъ, а равно, по мнѣнію юристовъ, практиковъ и теоретиковъ, которые высказывались до сей поры въ литературѣ и на засѣданіяхъ юридическихъ обществъ по этому поводу, приводятся всѣми и повсюду на пространствѣ нашего государства низкій вообще уровень познаній дѣйствующихъ у насъ нотаріусовъ, которые не въ состояніи оцѣнить существа сдѣлки и правильно установить, какіе акты подлежатъ исполнительной надписи и какіе нѣтъ, а также и несовершенство нашихъ гражданскихъ законовъ, какъ X т. 1 ч. Св. зак. гражд., которые не могутъ въ этомъ отношеніи облегчить задачу нотаріусовъ своею яностью и опредѣленностью. Но что касается этого послѣдняго препятствія, то—какъ общеизвѣстно—нынѣ Россія живетъ, такъ сказать, наканунѣ обнародованія усовершенствованнаго гражданскаго уложенія одного общаго для всѣхъ народовъ, обитающихъ на ея обширныхъ пространствахъ и составленнаго притомъ на основаніи практическаго опыта примѣнительно къ даннымъ науки и сообразно съ потребностями и условіями жизни ея населенія. Значитъ, въ наше время этотъ тормазъ устраняется. Современное затѣмъ нотаріальное положеніе не даромъ пересматривается въ настоящее время. Всѣ помѣхи и недостатки его легко могутъ быть обойдены въ новомъ положеніи благодаря наступленію болѣе благопріятныхъ и прежде не существовавшихъ условій жизни нашей страны. Организація существующаго нынѣ у насъ нотаріата безусловно подлежитъ коренной переработкѣ согласно намѣченному мною плану и по приведеннымъ выше указаніямъ съ болѣе подробною разработкою ихъ въ мелочахъ. И если редакторы проекта положенія о нотаріальной части 1863 года находили тогда еще, какъ сказано раньше, возможнымъ приводить крѣпостные и нотаріальные акты въ исполненіе, какъ обращенныя къ исполненію судебныя рѣшенія, безъ предварительной выдачи исполнительныхъ листовъ, то въ наше время я утверждаю, что составители новаго проекта сего положенія не встрѣтятъ никакихъ положительно затрудненій и препонъ къ вышепрописанному нововведенію. Если образовательный цензъ для кандидатовъ на должность нотаріусовъ повсемѣстно въ Россіи установленъ будетъ въ той мѣрѣ и степени, какъ высказано мною, и къ чему препятствій нынѣ не имѣется уже, если надзоръ и наблюденіе за служебною дѣятельностью этихъ должностныхъ лицъ примутъ проектируемое мною направленіе, если 59[1] ст. нот. пол. не останется на дѣлѣ мертвой буквой и найдетъ себѣ примѣненіе въ соотвѣтственныхъ случаяхъ, если

мѣста нотаріусовъ займутъ, какъ я разсчитываю, испытанные судебные дѣятели съ громаднымъ, кромѣ теоріи права, запасомъ практическихъ свѣдѣній по приложенію законовъ къ современной жизни—словомъ, если переработка нынѣшняго нотаріальнаго положенія будетъ проведена обдуманно, послѣдовательно, всесторонне и по указаніямъ опыта съ примѣненіемъ личныхъ наблюденій практиковъ-юристовъ, нашихъ россійскихъ по преимуществу, въ такомъ случаѣ новые нотаріусы окажутся на высотѣ своего назначенія: они съ такимъ же успѣхомъ, какъ и иноземные ихъ собратья, станутъ класть исполнительныя на актахъ надписи, при самомъ совершеніи ими таковыхъ, сообразно установленнымъ на этотъ предметъ въ законѣ правиламъ. А высказываемыя и приведенныя въ литературныхъ работахъ г.г. Платонова, Змирлова, Карницкаго и др. опасенія, по моему глубокому убѣжденію, въ наше время при намѣченныхъ и подсказываемыхъ практикою въ нотаріальномъ положеніи измѣненіяхъ, дополненіяхъ и передѣлкахъ совершенно немыслимы [1]). Помимо высказаннаго уже признаю еще нелишнимъ обратить вниманіе и на то, что въ предѣлахъ Варшавскаго судебнаго округа почти съ самаго начала XIX столѣтія и по день судебной тутъ реформы, 1 іюля 1876 г., прежніе нотаріусы, дореформенные, въ правѣ были класть исполнительную надпись на актѣ при самомъ составленіи ими ихъ (ст. 19 организаціи нотаріата 1808 года). Къ совершенно удачнымъ нотаріусамъ, соотвѣтствующимъ своему назначенію, вполнѣ отнести здѣшнихъ нотаріусовъ, даже нынѣшнихъ, какъ прописано нѣсколько выше, нельзя. Между тѣмъ на практикѣ не замѣчалось никакихъ затрудненій и недоразумѣній по поводу актовъ съ исполнительными надписями. Слѣдовательно, въ этомъ краѣ даже прежніе регенты (нотаріусы) дѣйствовали исправно по изслѣдуемому вопросу, и потому нѣтъ никакого основанія, если не повсюду въ Россіи ввести вновь, то въ Привислинскомъ краѣ возстановить съ пользою практиковавшійся тутъ и притомъ безъ всякихъ недоразумѣній прежній порядокъ взысканія и исполненія по нотаріальнымъ актамъ. Что же касается затѣмъ мнѣнія графа Панина, выраженнаго имъ въ особомъ представленіи при внесеніи проекта нотаріальнаго положенія 1866 г. въ Государственный Совѣтъ, о невозможности сохранить въ немъ правила о силѣ актовъ, несогласныя съ уставомъ гражданскаго судопроизводства,

[1]) См. Журн. Гражд. и Угол. Права 1877 г. кн. 2, стр. 173; 1878 г. кн. 2 стр. 58, 82 и 93; 1890 г. кн. 1, стр. 8 и 9.

то этотъ выводъ всецѣло опровергается самими составителями сего устава. Они всѣ, какъ указано выше, признавали 160 ст. проекта 1863 г. положенія объ устройствѣ нотаріата цѣлесообразной и желательной, а большинство ихъ даже разсчитывало на обращеніе сей статьи въ имѣющій обязательную силу законъ, такъ что заключеніе графа Панина о томъ, что въ Судебныхъ Уставахъ будто бы принято начало, по которому исполненіе безспорныхъ актовъ должно совершаться не иначе, какъ по суду, явно ошибочно. Помимо нотаріальныхъ есть еще и домашніе акты, да и у нотаріусовъ совершаются не одни лишь акты, подлежащіе снабженію исполнительными надписями, а многіе иные. Стало быть, постановленія Судебныхъ Уставовъ о силѣ и значеніи актовъ вообще необходимо нужны ради сужденія о силѣ и значеніи этихъ послѣднихъ актовъ, и ничуть не идутъ они въ разрѣзъ съ тою категоріею актовъ, которая по закону можетъ подлежать исполненію и безъ всякаго судебнаго разбирательства, равно какъ и не опровергаютъ сіи постановленія устава полезности послѣднихъ актовъ въ житейскомъ быту. Наконецъ, по мнѣнію того же графа Панина, еще менѣе возможно установить новый порядокъ исполненія крѣпостныхъ и нотаріальныхъ актовъ въ нотаріальномъ положеніи, разъ Судебные Уставы уже утверждены 20 ноября 1864 года. Но противъ этой части его мнѣнія мѣтко высказался С. Платоновъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „нѣкоторая измѣна принципамъ нотаріальнаго положенія 1866 года, если только она оправдывается соображеніями практической необходимости, едва ли можетъ служить препятствіемъ къ принятію „*третьяго*“ порядка гражданскаго судопроизводства“ (стр. 153). Итакъ, хотѣлось бы мнѣ вѣрить, что собокупностью всѣхъ вышеизложенныхъ доводовъ доказаны полная возможность и своевременность узаконенія въ нашемъ переработанномъ, улучшенномъ и исправленномъ положеніи о нотаріальной части тѣхъ же правилъ о снабженіи совершаемыхъ нотаріусами актовъ при самомъ составленіи ихъ исполнительными надписями, какъ это установлено въ нотаріатѣ Франціи, Италіи, Бельгіи, Женевы и Баваріи. Тогда наконецъ и наше законодательство по сему предмету достигнетъ возможнаго въ наше время совершенства, такъ что издревле желаемыя быстрота и дешевизна взысканія безспорныхъ претензій станутъ и въ нашей странѣ не иллюзіею или мечтой, но дѣйствительнымъ фактомъ. Затѣмъ, разрѣшивъ въ нотаріальномъ положеніи нотаріусамъ класть исполнительныя надписи на совершаемыхъ ими актахъ въ моментъ

ихъ составленія, надо въ развитіе этого нововведенія опредѣлить законодательнымъ путемъ: а) какіе именно изъ составляемыхъ сими должностными лицами акты подлежатъ снабженію подобными надписями, и притомъ одни ли только чисто нотаріальные или же и явленные къ засвидѣтельствованію, б) необходимо ли согласіе обязавшейся въ актѣ стороны, съ упоминаніемъ о томъ въ текстѣ акта, на исполненіе его при наступленіи срока безъ судебнаго разбора или таковое не требуется, в) въ правѣ ли взыскатель или кредиторъ обратиться съ подобнымъ актомъ прямо къ судебному приставу или долженъ назначеніе таковаго предварительно испросить у предсѣдателя мѣстныхъ окружнаго суда и съѣзда мировыхъ судей по правиламъ о подсудности и т. д. По моему разумѣнію, цѣлесообразно пока впредь до указаній опыта ограничить сказанное разрѣшеніе только самыми обыкновенными, простыми и наичаще въ обыденной жизни встрѣчающимися актами, распространить его на такія лишь сдѣлки, которыя дѣйствительно въ значительно-огромномъ большинствѣ представляются безспорными—словомъ, на такія правоотношенія сторонъ, судебное производство по которымъ на самомъ дѣлѣ мѣшаетъ правильному ходу нашей экономической жизни. Хорошій законъ долженъ отвѣчать настоящимъ потребностямъ населенія и дѣйствительнымъ условіямъ народнаго быта—вотъ руководящее начало при выработкѣ правилъ на сей предметъ. Одинъ изъ цитируемыхъ мною авторовъ по этому поводу говоритъ такъ: „жалобы раздаются повсемѣстно и непрестанно лишь на затруднительность взысканій по долговымъ обязательствамъ; въ этихъ предѣлахъ и надлежитъ разрѣшить вопросъ, забѣгать же впередъ и писать законъ, на который еще нѣтъ спроса въ дѣйствительной жизни, нѣтъ никакого основанія“ (стр. 175 въ названной уже статьѣ С. Платонова). Однако повседневная именно жизнь убѣждаетъ насъ въ необходимости „*безспорнаго взысканія*“, по мнѣнію другаго авторитета—К. Змирлова, и „*исполнительной надписи на актѣ*“, скажу я отъ себя, не только по однимъ заемнымъ письмамъ, но и по инымъ формальнымъ актамъ, какъ-то: договоры найма движимаго и недвижимаго имущества, запродажныя записи, задаточныя росписки и пр. (стр. 19—22 въ вышепоименованной статьѣ его). Все сіе слѣдуетъ хорошо обсудить, взвѣсить и провѣрить, дабы установить правила, легко доступныя пониманію нотаріусовъ и предупреждающія по возможности всякія недоразумѣнія, возможныя на практикѣ. Что касается засимъ актовъ явочныхъ, предъявляемыхъ

нотаріусу уже въ готовомъ видѣ для засвидѣтельствованія, то пріемы и форма совершенія ихъ не обезпечиваютъ въ той же мѣрѣ, какъ составленіе чисто нотаріальныхъ актовъ, правильность ихъ содержанія, полноту его и соотвѣтствіе съ имѣющими въ данное время обязательную силу законами. Вслѣдствіе сего, мнѣ кажется, явочные акты снабжать исполнительною надписью было бы рискованно. Такимъ образомъ исполнительная надпись, на мой взглядъ, должна составлять принадлежность только лишь чисто нотаріальныхъ актовъ установленнаго закономъ содержанія. Согласіе обязавшейся по акту стороны на исполненіе его безъ судебнаго разбирательства, т. е. на снабженіе его исполнительною надписью, я полагаю, совсѣмъ излишне. Эта сторона въ правѣ заявить лишь споръ о подлинности, дѣйствительности или законности совершеннаго нотаріусомъ акта, но подобныя свойства его вполнѣ гарантируются публичною формою его составленія, сознаніемъ сей обязавшейся стороны предъ должностнымъ лицомъ, каковымъ является нотаріусъ, что она въ дѣйствительности должна, напр., къ такому-то сроку доставить своему контрагенту то-то и то-то или сдѣлать въ его пользу все прописанное въ актѣ. Но, въ какомъ порядкѣ, въ случаѣ отказа ея добровольно исполнить сдѣлку, будетъ взыскиваться съ нея причитающееся въ силу акта, т. е. посредствомъ ли суда или просто на основаніи исполнительной на актѣ надписи—для нея совершенно безразлично, лишь бы не требовалось съ нея больше прописаннаго въ актѣ. Тотъ же самый взглядъ по этому поводу высказанъ и Платоновымъ съ Змирловымъ (первымъ на стр. 178, вторымъ—15 и 16). Исполнительная надпись на актѣ должна своимъ содержаніемъ соотвѣтствовать императивной части исполнительнаго листа. Но такъ какъ согласно 938 ст. уст. гражд. суд. исполнительный листъ представляется взыскателемъ для назначенія судебнаго пристава предсѣдателю окружнаго суда по мѣсту исполнительныхъ дѣйствій, то и нотаріальный актъ съ исполнительной надписью, по моему разумѣнію, долженъ всегда представляться тому же предсѣдателю для назначенія соотвѣтствующаго судебнаго пристава, но не ради какой-либо иной цѣли. Такой порядокъ обусловливается внѣшнимъ сходствомъ нотаріальныхъ актовъ, снабженныхъ исполнительною надписью, съ исполнительными листами и долженъ быть установленъ въ законѣ въ виду однообразія пріемовъ взысканія по тѣмъ и другимъ безразлично въ одинаковой формѣ. Правила относительно порядка исполненія судебныхъ рѣшеній всецѣло должны относиться и сопровождать

исполненіе сихъ актовъ. Указанныя въ законѣ права, обязанности и отвѣтственность судебныхъ приставовъ, а равно и способъ обжалованія со сроками ихъ дѣйствій, установленныхъ на предметъ приведенія въ исполненіе судебныхъ рѣшеній, вступившихъ въ законную силу, обязательно распространить на тѣхъ же должностныхъ лицъ при приведеніи ими въ исполненіе поименованныхъ нотаріальныхъ актовъ. Вотъ, на случай узаконенія и у насъ въ Россіи исполнительныхъ надписей на нотаріальныхъ актахъ, существенные вопросы, подлежащіе тщательной разработкѣ спеціалистами сего дѣла, по преимуществу цивилистами-практиками, такъ какъ настоятельная потребность въ этомъ законоположеніи вызывается наиболѣе всего практическими соображеніями—удобства, быстроты и дешевизны. Я намѣтилъ сіи вопросы лишь приблизительно и коснулся ихъ слегка, высказавъ свои поверхностныя сужденія. Дальнѣйшая разработка подробностей даже въ мелочахъ, оцѣнка моихъ сужденій и основательный разборъ высказанныхъ мною предположеній—дѣло названныхъ спеціалистовъ.

Въ концѣ всего изложеннаго я долженъ обратить вниманіе на то, что приблизительныя послѣдствія реформъ, предлагаемыхъ С. Платоновымъ и К. Змирловымъ въ составленномъ каждымъ изъ нихъ проектѣ — первымъ „О понудительномъ исполненіи обязательствъ", а вторымъ „О безспорномъ порядкѣ производства гражданскихъ дѣлъ", а также и вліяніе сихъ преобразованій по ихъ указаніямъ на сокращеніе работы въ судебныхъ установленіяхъ, подробно описаны ими въ названныхъ мною ихъ статьяхъ [1]), но я глубоко убѣжденъ въ томъ, что результатъ допущенія взысканія безъ судебнаго разбирательства у насъ по нотаріальнымъ актамъ съ исполнительною надписью, хотя бы кругъ сихъ актовъ и былъ ограниченъ самыми наипростыми сдѣлками, несомнѣнно, выразится еще въ большихъ размѣрахъ и что такимъ образомъ съ узаконеніемъ сего порядка осуществятся надежды и ожиданія, о которыхъ упоминается въ вышецитированной мною запискѣ Министерства Юстиціи, составленной тамъ еще до неудавшагося проекта этого Министерства 1876 года.

П. Подгорѣцкій.

---

[1]) См. Журн. Гражд. и Угол. Права 1877 г. кн. 2, стр. 119 и слѣд. и 1890 г. кн. 1, стр. 32—36.

О ЗАКОННОМЪ ПРАВѢ УДЕРЖАНІЯ ПО СВОДУ ГРАЖДАНСКИХЪ УЗАКОНЕНІЙ ГУБЕРНІЙ ПРИБАЛТІЙСКИХЪ.

I.

Ни въ русской, ни въ нѣмецкой литературѣ балтійскаго права вопросъ о правѣ удержанія, описанномъ въ ст. 3381 III т. Св. мѣстн. узак., не получилъ достаточнаго разсмотрѣнія. Въ нѣмецкихъ сочиненіяхъ онъ затрагивается мимоходомъ [1]). На русскомъ языкѣ имѣется спеціальная статья г. Фридмана (Жур. Мин. Юст. 1897 г. кн. 7), но въ этой замѣткѣ очень существенные вопросы оставлены безъ отвѣта. Въ ней авторъ даетъ не столько полное догматическое изложеніе этого вопроса, сколько бѣглый обзоръ относящихся къ нему законодательныхъ постановленій, не разсматривая значенія ихъ, а главнаго вопроса—именно того, въ чемъ заключается сущность этого права, онъ совсѣмъ не касается. Между тѣмъ, институтъ этотъ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія въ виду обширной области его примѣненія. Практика дореформенныхъ судовъ часто съ нимъ встрѣчалась, но не выработала единообразной теоріи, а новые законы 1889 г. хотя и косвенно, но существенно отразились на немъ, и такъ какъ мотивы этихъ законовъ могутъ оказать вліяніе на будущую практику судовъ, то не безполезно подробнѣе разсмотрѣть ихъ.

Одновременно съ введеніемъ судебной реформы въ Балтійскомъ краѣ было произведено существенное преобразованіе дѣйствующаго тамъ закладнаго права и порядка производства дѣлъ о несостоятель-

---

[1]) Büngner, Commentar z. IV Theil ad h. l. Erdmann System, I стр. 330.

ности. По Своду изданія 1864 г. многимъ требованіямъ было предоставлено обезпеченіе въ видѣ безмолвныхъ закладныхъ правъ, такъ называемыхъ „законныхъ ипотекъ". Нѣкоторыя изъ этихъ ипотекъ охватывали все имущество должника, недвижимое и движимое, другія—только опредѣленныя части его имущества. Предметъ ипотеки оставался во владѣніи должника, и такъ какъ эти ипотеки возникали безъ особаго формальнаго акта, то онѣ являлись незамѣтными для третьихъ лицъ [1]) и не могли не отражаться вредно на развитіи кредита. Поэтому законами 1889 г., проводящими начала спеціальности и публичности закладнаго права, безмолвныя ипотеки отмѣнены окончательно на будущее время, и отмѣнены вообще ипотеки на движимость, т. е. тотъ видъ залога движимости, когда владѣніе ею остается у должника.

Но нѣкоторыя изъ отмѣненныхъ ипотекъ въ виду важности обезпечиваемыхъ ими отношеній было признано возможнымъ замѣнить инымъ обезпеченіемъ, которымъ не присущи недостатки молчаливыхъ ипотекъ, но которыя могутъ предоставить нѣкоторыя преимущества кредиторамъ.

Въ частности, по силѣ ст. 1403 т. III Св. мѣстн. узак. предоставлялась безмолвная спеціальная ипотека лицу, отдающему въ аренду плодоприносящую вещь—на произведенія ея—относительно всѣхъ требованій, могущихъ возникнуть къ арендатору изъ арендная контракта. По эстляндскому и курляндскому земскимъ правамъ, ипотекѣ подлежали и движимыя вещи арендатора, находящіяся въ арендуемой недвижимости. По ст. 1404 такое же право и въ тѣхъ же случаяхъ предоставлялось отдающему внаймы на собственныя вещи нанимателя и товары, внесенные въ нанимаемое помѣщеніе для употребленія или храненія ихъ (кромѣ вещей безтѣлесныхъ, т. е. правъ по обязательствамъ). Въ обоихъ случаяхъ ипотекѣ подлежали и вещи третьяго лица, которому арендаторъ переуступилъ свое право. Эти ипотеки замѣнены нынѣ законнымъ правомъ удержанія, указаннымъ въ ст. 3381 [2]).

Эта замѣна представлялась удобной, потому что „законныя ипотеки, по прямому смыслу приведенныхъ статей, обусловливаютъ собою требованіе, чтобы вещи, на которыя онѣ установлены, нахо-

---

[1]) Запись въ ипотечныя книги—ингроссація была обязательна не во всѣхъ территоріяхъ.

[2]) Ст. 1 о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ законоположеніяхъ объ ипотекахъ.

дились хотя и не въ рукахъ залогодержателя или въ его владѣніи, но въ принадлежащей ему недвижимости, и слѣдовательно близко сходятся съ ручнымъ закладомъ, а потому примѣнительно къ началу, выраженному въ ст. 1405: („по эстляндскому городскому праву, отдавшій въ наймы зданіе или мѣсто имѣетъ, въ указанномъ въ ст. 1404 случаѣ, только право задержать вещи какъ нанимателя, такъ и чужія, отданныя послѣднему для переработки, но лишь въ размѣрѣ слѣдующей за оныя нанимателю издѣльной платы и сдѣланныхъ имъ, на переработку, издержекъ") представляется правильнымъ предоставить арендо- и наймодателямъ на вещи, указанныя въ ст. 1403 и 1404, взамѣнъ законнаго закладнаго права, законное право удержанія" [1]).

Такимъ образомъ мотивы этого закона implcite признаютъ, что ручной залогъ либо тождественъ, либо близко сходится съ правомъ удержанія. По пути отождествленія этихъ институтовъ законы 1889 г. пошли еще дальше. По силѣ пункта 3 ст. 22 временныхъ правилъ о производствѣ дѣлъ о несостоятельности (прим. къ ст. 1889 уст. гражд. судопр.), отдѣльнымъ отъ конкурснаго производства удовлетвореніемъ пользуются требованія, въ пользу коихъ дѣйствующими въ Прибалтійскихъ губерніяхъ гражданскими законами установлено право задержанія или удержанія движимыхъ вещей, подъ тѣмъ впрочемъ условіемъ, чтобы въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 1403—1405, задержанная вещь во время открытія конкурса находилась въ недвижимости, отданной въ аренду или наемъ (тамъ же ст. 23).

Въ мотивахъ по этому поводу сказано [2]): „Ст. 996, 1405, 3381, 3386, 3764, 4263, 4264, 4429 и 4432 ч. 3 Св. мѣстн. узак. установляютъ въ пользу указанныхъ въ сихъ статьяхъ требованій такъ называемое право удержанія и задержанія, сущность коего заключается въ предоставленіи кредиторамъ залоговаго права на движимую вещъ. Такое же право задержанія предоставляется (въ ст. 1 правилъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ дѣйствующихъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ законоположеніяхъ объ ипотекахъ) арендо- и наймодателямъ относительно тѣхъ вещей, на которыя они, по ст.

---

[1]) См. Гасманъ и бар. Нолькенъ. Положеніе о преобразованіи судебной части. 2-е изд. стр. 391.

[2]) Гасманъ и бар. Нолькенъ—стр. 293. Перечень статей, въ которыхъ говорится о правѣ удержанія неполный, въ немъ пропущена ст. 4087 4429.

1403 и 1404 ч. 3 Св. мѣст. узак., имѣютъ безмолвное закладное право. Въ случаѣ дѣйствительнаго осуществленія сими кредиторами права задержанія или удержанія, имѣется юридическое отношеніе, вполнѣ тождественное съ ручнымъ закладомъ (ст. 3381 и слѣд. и ст. 3387 и слѣд.), а посему упомянутымъ кредиторамъ также предоставляется право отдѣльнаго отъ конкурснаго производства удовлетворенія изъ данной вещи".

Изъ этой выписки явствуетъ, что единственнымъ соображеніемъ въ пользу надѣленія права удержанія такою важною привилегіею, послужило признаніе тождества этого института съ ручнымъ закладомъ. Этой исходной точкой зрѣнія мотивовъ опредѣлилось все новѣйшее законодательство о правѣ удержанія, и она получила полное выраженіе въ статьяхъ закона.

Весьма вѣроятно также, что ближайшимъ поводомъ къ такой реформѣ его послужило желаніе, по возможности, щедро вознаградить наймодателя за утраченное имъ право ипотеки. Разсчитанныя на это нормы были распространены, какъ бы мимоходомъ, на всѣ многочисленные случаи права удержанія. И если позволительно дѣлать какіе-либо выводы изъ молчанія мотивовъ—можно думать, что такое рѣшеніе было принято безъ выясненія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, вопроса о томъ, насколько оно необходимо и соотвѣтствуютъ ли проектируемые законы отношеніямъ, которыя по дѣйствующему гражданскому праву обезпечены правомъ удержанія.

Что же касается аргумента мотивовъ—тождества права удержанія и ручнаго заклада—то, какъ будетъ показано ниже, убѣдительность его сомнительна.

Такимъ образомъ законы 1889 г. измѣнили дѣйствующее право въ двухъ пунктахъ.

Во-первыхъ, къ упоминаемымъ въ Сводѣ случаямъ права удержанія прибавлено еще два (ст. 1403 и 1404).

Въ сущности, правильнѣе сказать не „прибавлено", а „не убавлено". По дѣйствовавшему до реформы праву наймодатель имѣлъ также право удержанія вещей и плодовъ [1]), въ основаніи котораго лежала безмолвная ипотека. Но, очевидно, съ отмѣной ипотеки отпало бы и это право, которое являлось только ея дополненіемъ и придаткомъ, и отпало бы потому, что наймодатель не могъ бы претендовать на уплату долга изъ вещей нанимателя или плодовъ

---

[1]) Zwingmann Eutscheidungen der rig. Stadtgerichte, IV стр. 78, V, 76.

участка. Такимъ образомъ для сохраненія въ силѣ права удержанія дѣйствительно необходима была особая оговорка.

Во-вторыхъ, предоставлено требованіямъ, обезпеченнымъ этимъ правомъ, особо выгодное положеніе въ конкурсѣ и одновременно съ этимъ введено различіе послѣдствій этого права въ зависимости отъ того, является ли предметомъ эта движимая вещь или нѣтъ. Это различеніе неизвѣстно III т. Св. мѣстн. узак.

II.

Статьи 3381—3386 III т. Св. мѣстн. узак., ex professo трактующія о правѣ удержанія, и другія, разбросанныя по различнымъ частямъ этого кодекса, въ которыхъ указываются отдѣльные случаи примѣненія его, почти всецѣло заимствованы изъ римскаго права. Но и отдѣльные случаи примѣненія его, основанные на германскихъ источникахъ права, подчиняются дѣйствію общихъ нормъ ст. 3381 и слѣд., взятыхъ изъ римскаго права, которое такимъ образомъ опредѣляетъ его предположенія, послѣдствія, прекращеніе, однимъ словомъ—конструкцію и строеніе права удержанія.

Въ современной доктринѣ римскаго права [1]) подъ правомъ удержанія, jus retentionis, разумѣются тѣ случаи, когда лицу, являющемуся вѣрителемъ по одному требованію и должникомъ по другому, предоставлено право отражать предъявляемое къ нему притязаніе до тѣхъ поръ, пока принадлежащее ему притязаніе не будетъ удовлетворено. Оно не уничтожаетъ встрѣчное притязаніе—какъ это имѣетъ мѣсто при компенсаціи—оно только парализуетъ его на время.

Его надо отличать отъ нѣкоторыхъ сходныхъ случаевъ. Иногда возникновеніе притязанія противника обусловлено тѣмъ, что онъ долженъ со своей стороны совершить какое-либо дѣйствіе—напр., для того, чтобы должникъ имѣлъ право требовать отъ кредитора установленный имъ ручной закладъ, онъ долженъ сперва погасить свое обязательство. Если поэтому кредиторъ не выдаетъ должнику закладъ до уплаты по дѣлу, онъ не осуществляетъ jus retentionis, онъ только указываетъ на отсутствіе одного изъ условій возникновенія права должника. Далѣе, въ законѣ указывается иногда

---

[1]) Windscheid, Lehrb. d. Pandekten II m. § 351. Dernburg. I § 138. Langfeldt. Die Lehre v. Retentionsrecht. 1886 Regelsberger Pandekten § 193.

послѣдовательность исполненія обязанностей лицъ, имѣющихъ встрѣчныя притязанія—въ такихъ случаяхъ противникъ можетъ требовать, чтобы лицо, обратившееся къ нему съ притязаніемъ, сперва исполнило свою обязанность, несмотря на то, что оно возникло самостоятельно и требованія одно другимъ не обусловлены,—таковы случаи exceptio spolii и beneficium excussionis поручителя.

Jus retentionis не даетъ отвѣтчику права требовать, чтобы истецъ исполнилъ свою обязанность раньше его—онъ можетъ требовать только одновременнаго исполненія обязанностей.

Въ доктринѣ 17 и 18 не только указанные случаи, но и многіе другіе относились къ jus retentionis, напр., всѣ тѣ случаи, когда должникъ имѣлъ на требуемую у него вещь самостоятельное право детенціи, основанное на самостоятельномъ правоотношеніи (узуфруктъ, ссуда и др.); но, какъ справедливо указываетъ Лангфельдтъ [1]), такой обширный объемъ понятія дѣлаетъ послѣднее совершенно безсодержательнымъ [2]). Съ другой стороны, понятіе jus retentionis ограничивалось однимъ непремѣннымъ реквизитомъ именно, чтобы удерживаемое дѣйствіе состояло въ обязанности выдать вещь, т. е. признавалось возможнымъ удерживать только вещь, а не совершеніе дѣйствія иного содержанія. Теперь это мнѣніе оставлено.

Равнымъ образомъ, большинство современныхъ писателей подводитъ подъ понятіе jus retentionis и случаи такъ называемой exceptio non adimpleti contractus. Въ самомъ дѣлѣ, источники римскаго права весьма опредѣлительно говорятъ о „retentio, retinere и др.“ и кромѣ того—что еще важнѣе—матеріальное значеніе этого возраженія вполнѣ соотвѣтствуетъ вышеприведенному понятію права удержанія. Это выраженіе признается теперь однимъ изъ самыхъ типичныхъ проявленій jus retentionis [3]).

Такимъ образомъ, предположеніями права удержанія являются: 1) существованіе притязанія на то дѣйствіе, которое можетъ быть не исполнено въ силу jus retentionis; 2) существованіе въ лицѣ отвѣтчика притязанія къ своему противнику и 3) особое юридическое основаніе, въ силу коего отвѣтчикъ можетъ откладывать исполненіе своей обязанности.

---

[1]) Langfeldt—ук. соч. стр. 20.

[2]) Эту ошибку повторяетъ и V. Kupffer, въ Zeitsch. für Rechtsgesch. V (1874) H. 3, стр. 28 который усматриваетъ въ ст. 1486 III ч. Свод. мѣст. узак. примѣненіе права удержанія.

[3]) Langfeldt, ук. соч. § 9.

Доктрина отказывается найти общій принципъ, объясняющій всѣ случаи jus retentionis [1]). Въ прежней доктринѣ признавалось, что право удержанія только тогда можетъ имѣть мѣсто, когда между встрѣчными требованіями есть взаимная связь или соотношеніе—connexitas.

Но попытки ближе опредѣлить, въ чемъ эта связь должна выражаться, остались безъ результата. Иногда ее нельзя совсѣмъ обнаружить, напр., въ случаѣ такъ называемаго Гордіановскаго права удержанія (ст. 1487 III т. Св. мѣст. узак.).

А въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эта связь повидимому и есть, ее необходимо объяснять то юридическимъ строеніемъ даннаго правоотношенія (напр., право удержанія ссудопринимателя по поводу издержекъ, совершенныхъ на ссуженную вещь, всѣ случаи такъ наз. actiones contrariae), то экономическими соображеніями (въ случаѣ, напр., удержанія вещи владѣльцемъ, сдѣлавшимъ на нее расходы). Можно только указать общую цѣль, лежащую въ основѣ всѣхъ случаевъ примѣненія jus retentionis: оно должно способствовать удовлетворенію обезпечиваемаго имъ притязанія.

Современная доктрина совершенно послѣдовательно относитъ право удержанія къ категоріи тѣхъ правъ, которыя Беккеръ очень удачно назвалъ отрицательными (напр., права, лежащія въ основаніи возраженія объ истеченіи давностнаго срока, иска о признаніи завѣщанія недѣйствительнымъ, querela inofficiosi testamenti). Сущность отрицательнаго права состоитъ въ томъ, что оно временно или навсегда парализуетъ дѣйствіе другаго какого-либо права съ положительнымъ содержаніемъ.

Результатомъ осуществленія такого отрицательнаго права является конечно извѣстное положительное состояніе, различное въ зависимости отъ того, каковы послѣдствія упраздненія дѣйствія встрѣчнаго права. Возможны при этомъ различныя комбинаціи: возможно, что съ уничтоженіемъ извѣстнаго права отпадаетъ и вызванное имъ юридическое или фактическое состояніе, замѣняясь другимъ предусмотрѣннымъ въ законѣ, какъ это имѣетъ мѣсто, напр., при querela inofficiosi testamenti. Или наоборотъ, отрицательное право охраняетъ извѣстное состояніе—этотъ результатъ достигается тѣмъ, что парализуется какое-либо право, могущее измѣнить это охраняемое юридическое или фактическое состояніе. Такое сохраненіе status quo имѣетъ

---

[1]) Windscheid II § 351 пр. 9. Bekker. въ Iherings Jahrb. 1891 г. стр. 271.

мѣсто, напр., при возраженіи объ истеченіи давностнаго срока противъ осуществляемаго требованія. Но какъ измѣненіе существующаго состоянія, такъ и сохраненіе въ силѣ status quo происходитъ въ силу особыхъ юридическихъ основаній, а не въ силу этого отрицательнаго права. Не querela inofficiosi testamenti является основаніемъ пріобрѣтенія наслѣдства наслѣдниками по закону, а другія основанія, status quo продолжаетъ существовать не силою отрицательнаго права, а потому, что отпадаетъ возможность измѣненія его. Отрицательныя права этого втораго вида, сохраняющія въ силѣ данный status quo, ничего не прибавляютъ къ тому количеству правъ, съ которымъ они связаны, и не измѣняютъ его содержанія; они даютъ возможность не исполнять какую-либо обязанность.

De lege ferenda, разсмотрѣнные выше возможные результаты осуществленія отрицательныхъ правъ могутъ быть достигнуты и иными путями. Можно желанное состояніе признать входящимъ въ содержаніе „положительнаго" права (не отрицательнаго), можно, напр., наслѣдникамъ по закону предоставить право прямо требовать, въ случаѣ querela inofficiosi testamenti, выдачи причитающихся имъ долей, а не обходнымъ путемъ, выборъ между этими путями относится къ области законодательной техники.

Къ отрицательнымъ правамъ, охраняющимъ status quo, должно отнести и право удержанія. Служа средствомъ временнаго отраженія направленныхъ противъ ретинента притязаній, право удержанія даетъ ему возможность временно не исполнять обязанность и этимъ сохраняетъ status quo, который измѣнился бы при успѣшномъ проведеніи этихъ притязаній. Но и только это даетъ оно ретиненту; къ суммѣ правъ, имѣющихся у него, оно ничего не прибавляетъ. Право удержанія создаетъ на время такое состояніе, какое имѣло бы мѣсто, если бы направляемое противъ ретинента притязаніе не существовало бы вовсе. Въ процессѣ оно осуществляется путемъ возраженія.

Таково господствующее въ современной доктринѣ римскаго права ученіе о правѣ удержанія и выводы изъ него. Это понятіе jus retentionis представляется на первый взглядъ неправильнымъ и мало содержательнымъ, особенно если исходить изъ наиболѣе частаго случая удержанія—когда не исполняется обязанность выдачи вещи и удерживается вещь. Естественнѣе всего подумать, что удержаніе создаетъ право на вещь, право на извѣстное состояніе. Но современная теорія согласна съ источниками, которые не дѣлаютъ различія между различными категоріями неисполняемыхъ обязанно-

стей, и связываютъ съ jus retentionis только отрицательныя послѣдствія [1]).

III.

Въ балтійскомъ сводѣ, составлявшемся въ концѣ 50-хъ годовъ, мы встрѣчаемъ старинныя теоріи. Именно, ст. 3381 опредѣляетъ право удержанія, какъ право лица, въ рукахъ котораго вещь находится, оставить ее у себя до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ удовлетворено въ своемъ требованіи; допускается оно только въ тѣхъ случаяхъ, когда пользующійся имъ пріобрѣлъ вещь въ свое владѣніе законнымъ образомъ (ст. 3382).

Трудно установить, мнѣнія какихъ писателей были приняты въ разсчетъ при составленіи ст. 3381. Повидимому, больше всего кодификаторы воспользовались теоріями Глюка и Мюленбруха. Этими теоріями объясняется ст. 3380, которая относитъ jus retentionis къ числу средствъ дозволеннаго самоуправства. Этотъ взглядъ на юридическую природу права удержанія былъ оставленъ уже въ эпоху составленія свода 1864 г. [2]).

Съ другой стороны, кодификаторы слѣдовали господствовавшей въ то время теоріи, по которой удерживать можно только вещь, а не иного содержанія дѣйствіе [3]). Такимъ образомъ основнымъ условіемъ права удержанія является „нахожденіе ея въ рукахъ удерживающаго“, т. е. если сопоставить это со ст. 626—детенція вещи. Но слѣдующія статьи говорятъ однако все время о *владѣніи* вещью, такъ что можетъ возникнуть вопросъ, достаточна ли только детенція или же необходимо юридическое владѣніе. Въ практикѣ прежнихъ судебныхъ мѣстъ этотъ вопросъ сомнѣнія не возбуждалъ и рѣшался въ утвердительномъ смыслѣ. И дѣйствительно въ пользу этого говоритъ слѣдующее. Въ римскомъ правѣ признавалась достаточною детенція, и въ III т. Св. мѣст. узак. указаны случаи, гдѣ удержаніе прямо предоставлено детенторамъ—

---

[1]) На отрицательныя права, какъ особый видъ субъективныхъ правъ, указалъ Bekker, Pandekten, I, стр. 89. Здѣсь мы остановились только на тѣхъ чертахъ отрицательнаго права, которыя, по нашему мнѣнію, необходимы для выясненія предлагаемой конструкціи права удержанія.

[2]) См., напр., статью Lenz'a въ Weiskes Rechtslexikon, т. 9, стр. 382, 1855 г.

[3]) См. Lenz, ibidem, стр. 386.

нанимателю ст. 4087, ссудопринимателю ст. 3764 [1]), сюда же необходимо отнести и ст. 1403—1405. Но, разумѣется, детенція есть только минимумъ [2]), требуемый ст. 3381. Ст. 3382, можетъ быть, объясняетъ, почему кодификаторы отступили отъ терминологіи ст. 3381—въ ней сказано, что владѣніе должно быть законно пріобрѣтено, т. е. nec vi, nec clam, nec precario (ст. 678)—постоянная римская формула, примѣняемая въ источникахъ всегда къ владѣнію. Про детенцію они такъ не выражались, ибо этотъ институтъ вообще, и въ частности основанія его, мало привлекалъ вниманіе римскихъ юристовъ.

Изъ этой же статьи необходимо сдѣлать выводъ, что предметомъ права удержанія можетъ быть только опредѣленная вещь, но безразлично—какая, движимая или нѣтъ (см., напр., 4087). Несомнѣнно также, что „вещь" надо понимать въ смыслѣ вещи тѣлесной. Это явствуетъ изъ того, что удерживающій долженъ сохранять ее съ тою же заботливостью, какъ и ручной закладъ (ст. 3384, ср. ст. 1469) и теряетъ свое право, когда выпуститъ вещь изъ своихъ рукъ.

Отъ этихъ общихъ правилъ сдѣлано нѣкоторое отступленіе въ ст. 65, 1785, 1842, по силѣ которыхъ вдова, находящаяся во владѣніи имуществомъ, оставшимся послѣ мужа, можетъ удерживать *все* наслѣдство до тѣхъ поръ, пока ея притязанія не будутъ удовлетворены наслѣдниками. Наслѣдство же признается совокупностью всѣхъ тѣлесныхъ и безтѣлесныхъ вещей, находившихся во власти одного лица (universitas juris), такъ что въ данномъ случаѣ объектомъ права удержанія является не тѣлесная вещь въ смыслѣ ст. 529. Этимъ правомъ вдова можетъ воспользоваться для парализованія иска о наслѣдствѣ, который можетъ быть предъявленъ другими наслѣдниками противъ нея, какъ владѣлицы. Иными словами, оно имѣетъ возможность противодѣйствовать реализаціи тѣхъ правъ, которыя переходятъ на наслѣдниковъ съ момента пpi-

---

[1]) Г. Фридманъ ук. соч. стр. 189, совершенно неосновательно называетъ арендатора, ссудопринимателя и депозитарія владѣльцами и притомъ „производными". Этого ни въ римскомъ, ни въ балтійскомъ правѣ нѣтъ (ст. 3741, 3783), и менѣе всего у Савиньи, на котораго онъ ссылается.

[2]) См. однако Zwingmann-II 228 ad b, гдѣ совершенно не понятно разсужденіе суда о томъ, что ретенировать можетъ только детенторъ, а собственникъ свою вещь удерживать не можетъ; не говоря о внутренней несообразности этого рѣшенія, достаточно указать на ст. 3383 п. 5.

обрѣтенія, наслѣдства (ст. 2639), но не можетъ парализовать самый переходъ этихъ правъ. Такимъ образомъ, всѣ требованія, поскольку предметомъ ихъ не является вещь, находящаяся во владѣніи вдовы, практически не подпадаютъ подъ дѣйствіе этого права удержанія. Этимъ, разумѣется, нѣсколько умаляется практическое значеніе права удержанія вдовы. Въ дореформенное время оно имѣло очень большое значеніе въ конкурсѣ, но теперь по законамъ 1889 г. положеніе требованій вдовы въ конкурсѣ опредѣлено иначе.

Недостаточно одного владѣнія вещью—необходимо, чтобы это владѣніе было пріобрѣтено законнымъ образомъ, ст. 3382, т. е. оно должно быть пріобрѣтено не насильственно, не въ тайнѣ отъ того лица, отъ котораго можно ожидать выраженія, а также не быть, хотя и основаннымъ первоначально на уступкѣ (precarium), но потомъ удерживаемымъ вопреки послѣдовавшей ея отмѣны, (ст. 678).

Но незаконное владѣніе надо отличать отъ недобросовѣстнаго (ст. 680), и поэтому владѣлецъ не лишается права удержанія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ на лицо остальныя его условія (напр., ст. 578), только потому, что онъ не въ доброй вѣрѣ.

IV.

Притязаніе, въ силу котораго производится удержаніе вещи, не должно быть ограничено ни условіемъ, ни срокомъ, а должно подлежать исполненію (ст. 3382). Естественно, что если обязательство запрещено закономъ, то и праву удержанія нѣтъ мѣста [1]). Но не требуется соотвѣтствія по цѣнности удерживаемой вещи

---

[1]) Г. Фридманъ ук. соч. стр. 188 считаетъ, что достаточно естественнаго обязательства для осуществленія удержанія. Въ балтійскомъ правѣ obligatio naturalis влечетъ за собою еще меньше послѣдствій, чѣмъ въ римскомъ. Къ зачету онѣ представлены быть не могутъ (Erdmann, System, IV стр. 6) и едва ли поэтому по аналогіи могутъ оправдывать удержаніе. Вопросъ этотъ большаго практическаго значенія не имѣетъ, такъ какъ балтійскому праву извѣстно очень мало случаевъ натуральныхъ обязательствъ, а тотъ примѣръ (обязательство несовершеннолѣтняго), который приводитъ г. Фридманъ, къ нимъ не относится ни по балтійскому праву, ни по римскому (Dernburg. Pandekten II § 5). Объ одномъ исключеніи см. ниже, sub. 4.

съ притязаніемъ, противъ котораго она удерживается, какъ это сдѣлано, напр. въ прусскомъ правѣ [1]).

Можно удерживать всю вещь въ полномъ объемѣ, хотя бы ея цѣнность значительно превышала ея эквивалентъ или цѣнность того дѣйствія, на которое претендуетъ удерживающій. Исключеніе изъ этого составляетъ ст. 65, въ которой выражено, что вдова (по курляндскому праву) можетъ удерживать въ размѣрахъ своего требованія наслѣдство мужа, пока ей не будетъ возращено внесенное ею при бракѣ.

Наконецъ, послѣдній, третій реквизитъ права удержанія состоитъ въ томъ, чтобы требованіе удерживающаго къ противной сторонѣ находилось въ „соотношеніи" (Connexität) съ удерживаемою вещью (ст. 3382). Въ чемъ это connexitas должно выражаться, Сводъ прямо не говоритъ и не выставляетъ общаго опредѣленія, котораго, какъ выше указано, и доктрина не даетъ. Въ Сводѣ только указаны 5 категорій случаевъ, когда соотношеніе признается [2]).

1) Къ первой отнесены случаи, когда владѣлецъ сдѣлалъ на вещь расходы, подлежащіе возвращенію съ противника. Такимъ образомъ предполагается, что владѣлецъ имѣетъ право на возвращеніе расходовъ и это право онъ пріобрѣтаетъ по различнымъ основаніямъ,—оно зависитъ отъ квалификаціи издержекъ, отъ правоотношенія, въ силу котораго онъ владѣлъ вещью, и наконецъ отъ того, въ какой вѣрѣ былъ владѣлецъ [3]). Такъ, напр., добросовѣстный владѣлецъ можетъ удерживать вещь противъ виндикаціи собственника по поводу необходимыхъ и—при нѣкоторыхъ условіяхъ—полезныхъ издержекъ (ст. 579, 580), владѣлецъ въ худой вѣрѣ—только по поводу необходимыхъ (578); арендаторъ имѣетъ право требовать возмѣщенія необходимыхъ и полезныхъ издержекъ (ст. 4066) и до возвращенія ихъ—право удержать вещь (ст. 4087); при договорѣ ссуды это право обставлено иными предположеніями—ст. 3764 и др. случаи. Значеніе этого правила сводится къ тому, что по балтійскому праву можно удерживать вещь, вслѣдствіе издержекъ, на нее произведенныхъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ можно требовать искомъ [4]).

---

[1]) Dernburg Preuss. Privatr. I § 362.

[2]) Онѣ взяты изъ Glück, Ausführliche Erläuterung т. 15, стр. 125, почти дословно.

[3]) Langfeldt, стр. 39.

[4]) Въ римскомъ правѣ jus retentionis было въ нѣкоторыхъ случаяхъ единственнымъ средствомъ осуществленія этого права возмѣщенія.

Изъ этого общаго правила установлено исключеніе только для договора поклажи: лицо, взявшее вещь на храненіе, не имѣетъ права удерживать вещь, по ст. 3793, хотя и можетъ требовать вознагражденія за издержки необходимыя и сдѣланныя съ согласія лица, отдавшаго ему вещь на сохраненіе.

2) Право удержанія предоставлено владѣльцу въ тѣхъ случаяхъ, когда его требованіе произошло изъ той же сдѣлки, по которой отъ него требуется возвращеніе вещи. Изъ подстатейныхъ цитатъ изъ Дигестъ можно усмотрѣть, что здѣсь главнымъ образомъ имѣются въ виду притязанія, осуществляемыя такъ наз. actiones contrariae [1]). Иными словами, это притязанія, которыя не непремѣнно связаны съ тѣмъ правоотношеніемъ, въ силу котораго отыскивается возвращеніе вещи, но *могутъ* эвентуально возникнуть по этому поводу; требованія возможныя, но не необходимыя [2]). Подъ эту категорію можно также подвести и нѣкоторые изъ случаевъ, приведенныхъ выше sub 1.

3) Далѣе, по силѣ пункта 3 ст. 3383 можно удерживать вещь въ тѣхъ случаяхъ, когда долгъ надлежитъ уплатить изъ удержанной вещи [3]), при чемъ, разумѣется, не удержаніе является предположеніемъ такого удовлетворенія, а обратно.

Изъ ссылокъ на мѣстные источники права видно, что законъ сюда относитъ притязанія нѣкоторыхъ владѣльцевъ наслѣдства на выдачу имъ извѣстныхъ долей его или тѣхъ частей его, на которыя они имѣютъ самостоятельное требованіе. Таково, напр., право вдовы удерживать наслѣдство до возврата ей наслѣдниками ея приданаго, вѣна, утренняго дара (эстляндское рыцарское и земское право; курляндскіе статуты).

Къ этой же категоріи слѣдуетъ отнести право наймодателя удерживать вещи нанимателя и плоды сданнаго въ наймы участка

---

[1]) Въ балтійскомъ сводѣ нормы, соотвѣтствующія этимъ римскимъ источникамъ, упоминаются въ ст. 3759—3764 (ссуда), ст. 1352 слѣд. (залоговой договоръ), ст. 421 слѣд. (вознагражденіе опекуновъ за издержки).

[2]) Ср. Lenz, ук. соч. стр. 391.

[3]) Въ числѣ источниковъ этого пункта цитируется, между прочимъ, одно положеніе любекскаго городскаго права (1586 года) книга V разд. 8, ст. 11. Это повидимому опечатка, такъ какъ въ указанномъ раздѣлѣ (de jurejurando) имѣется всего 6 статей; (см. второе изданіе этого памятника въ Любекѣ 1596 г. и изданіе Bunge. Quellen d. rev. Stadtrechts). Опечатка эта повторяется во всѣхъ изданіяхъ Свода и указателяхъ источниковъ.

(ст. 1403—1405), право, которое, какъ выше указано, оставлено въ силѣ законами 1889 г.

Эти случаи представляютъ ту особенность, что лицо, имѣющее право на удержаніе, не является ни владѣльцемъ вещей, могущихъ быть удержанными, ни даже детенторомъ. (Подробности см. ниже, параграфъ VIII).

4) Засимъ, право удержанія принадлежитъ тому, кто понесетъ отъ чужой вещи убытокъ, вознагражденіе коего падаетъ на ея собственника; предполагается при этомъ, конечно, что вещь, нанесшая убытокъ, находится въ рукахъ потерпѣвшаго. Одинъ изъ случаевъ примѣненія этого общаго правила указанъ въ ст. 996— именно, если вещь, попавшая въ чужія владѣнія, принесетъ поземельному владѣльцу какой-либо ущербъ, то до возмѣщенія сего послѣдняго онъ имѣетъ право её задержать. Подъ это правило подходитъ также притязаніе, явившееся на смѣну римскихъ actiones noxales (ст. 4577 и слѣд.), если животное, причинившее вредъ, осталось во владѣніи потерпѣвшаго, и actiones de effusis et ejectis на возмѣщеніе за вредъ, нанесенный выброшеніемъ и паденіемъ вещи (ст. 4567); также отчасти случаи такъ называемаго задержанія въ закладъ [1]) (ст. 3400). Особенно интересенъ въ этомъ отношеніи случай, предусмотрѣнный ст. 996—лицо, въ чье владѣніе случайно попадетъ чужая вещь, не можетъ препятствовать ея собственнику взять оную обратно, но если этой вещью поземельному владѣльцу будетъ причиненъ какой - либо ущербъ, то до возмѣщенія сего послѣдняго онъ имѣетъ право ее задержать. Удержаніе является здѣсь единственнымъ средствомъ получить возмѣщеніе причиненнаго вреда, такъ какъ по общему правилу (ст. 3439 въ связи со стр. 4562) за случайный вредъ вознагражденія не полагается. Въ этомъ случаѣ право удержанія охраняетъ натуральное обязательство, ибо иначе нельзя охарактеризовать то отношеніе, которое возникаетъ между поземельнымъ собственникомъ и собственникомъ причинившей убытокъ вещи. Признавáя за поземельнымъ собственникомъ право оказывать нѣкоторое принужденіе, законъ тѣмъ самымъ признаетъ существованіе обязанности [2]).

5) Наконецъ, признается существованіе соотношенія и въ тѣхъ случаяхъ, „когда вещь должна быть выдана за извѣстное возмездіе, напр., проданная вещь за покупную ея цѣну; въ такомъ случаѣ

---

[1]) Erdmann, I, 303.

[2]) См. аналогичныя разсужденія у Langfeldt l. c. стр. 27.

эту вещь позволяется удерживать до полученія условленнаго возмездія".

Въ русскомъ изданіи Свода эти правила получили, вслѣдствіе невѣрнаго перевода, совершенно иное значеніе, чѣмъ то, которое онъ имѣетъ въ оригиналѣ. Въ немъ вставлено слово „условленное" (возмездіе)—котораго въ нѣмецкомъ текстѣ вовсе нѣтъ [1]). Такимъ образомъ, если придерживаться русскаго текста, то приходится признать, что удерживать выдачу вещи до полученія возмездія можно только, когда и выдача, и возмездіе являются исполненіемъ принятыхъ по двустороннему договору обязанностей, ибо только тогда онѣ „условлены". Иными словами, п. 5, ст. 3383 предусматриваетъ вообще только случаи примѣненія такъ называемой exceptio non adimpleti contractus (ст. 3213). Въ нѣмецкомъ же текстѣ, гдѣ нѣтъ указаній на соглашеніе сторонъ, это правило не ограничивается рамками „отвода о неисполненіи договора",—оно имѣетъ гораздо болѣе широкую область примѣненія. Въ данномъ случаѣ, нѣмецкій текстъ, не говоря объ общихъ соображеніяхъ [2]), заслуживаетъ предпочтенія уже потому, что только онъ соотвѣтствуетъ источникамъ. Не можетъ быть противопоставлена exceptio non adimpleti contractus въ случаѣ fr. 26 § 4 D. de cond. ind. 12, 6, гдѣ имѣется требованіе изъ неправомѣрнаго обогащенія, т. е. требованіе недоговорнаго происхожденія. Нѣтъ мѣста ей при искѣ на основаніи ст. 2560, въ которой выражено, что аллодіальные наслѣдники могутъ удерживать за собой фидеикоммисное имѣніе до уплаты имъ вступной суммы, или при искѣ по ст. 65, въ силу коей вдова можетъ удерживать наслѣдство мужа, пока ей не будетъ возвращено внесенное ею при бракѣ имущество,—нѣтъ мѣста потому, что во всѣхъ этихъ случаяхъ не было заключено никакого договора о выдачѣ и возмездіи. Пунктъ 5 ст. 3383 обнимаетъ не только случаи exceptio non adimpleti contractus—что̀, какъ выше показано, вовсе не противорѣчитъ понятію права удержанія,—онъ распространяется на всѣ тѣ притязанія, когда вещь должна быть выдана вообще за какое-либо возмездіе. Подъ дѣйствіе его подходитъ, напр., и искъ, описанный въ ст. 3257 и слѣд. (римская actio redhibitoria).

---

[1]) Въ нѣмецкомъ текстѣ она гласитъ такъ: Wenn man eine Sache für eine Gegenleistung herausgeben soll, z. B. die verkaufte Sache gegen Erlegung des Kaufpreises—so kann man sie bis zur erfolgten Gegenleistung zurückbehalten.

[2]) О нихъ см. предисловіе пр. Энгельмана къ нѣмецкому изданію III ч. Свод. мѣстн. узакон. (Брекера) 1902 г.

Далѣе, онъ можетъ быть примѣненъ всегда, когда реализованное уже соглашеніе о передачѣ вещи за какой-либо эквивалентъ лишается впослѣдствіи юридической силы, и должно быть возстановлено прежнее состояніе. При чемъ безразлично, по какой причинѣ такое соглашеніе дѣлается недѣйствительнымъ,—это можетъ быть новое соглашеніе сторонъ, наступленіе резолютивнаго условія, недостатокъ сдѣлки (laesio enormis, ст. 3893, особенно ст. 3896).

Разобранныя выше пять рубрикъ содержатъ исчерпывающій перечень тѣхъ случаевъ, когда признается существованіе соотношенія права требованія съ удержанной вещью, а слѣдовательно и существованіе права удержанія [1]). Какъ видно, онѣ настолько широки, что покрываютъ другъ друга, и часто данный конкретный случай можно подвести подъ нѣсколько рубрикъ. Но ни подъ одну изъ нихъ не подходитъ—и это отмѣчено спеціально въ законѣ—право закладодержателя удерживать закладъ и по всѣмъ прочимъ своимъ на закладчикѣ требованіямъ, даже личнымъ, хотя бы долгъ по закладу былъ уже погашенъ, ст. 1487. Здѣсь нѣтъ connexitas между вещью и требованіемъ: это сингулярное постановленіе, взятое изъ рескрипта императора Гордіана, и понынѣ не объяснено комментаторами.

V.

Послѣдствія и дѣйствіе удержанія опредѣляются основнымъ его принципомъ, т. е. тѣмъ, что оно даетъ право на возраженіе, временно парализующее встрѣчное притязаніе [2]). Оно не уничтожаетъ его ни въ цѣломъ, ни въ части, какъ это бываетъ при компенсаціи, но избавляетъ лицо, удерживающее вещь, отъ невыгодъ, которыя оно могло бы понести въ случаѣ неисполненія своей обязанности въ опредѣленный срокъ. Должникъ, удержавшій вещь, не можетъ считаться просрочившимъ, такъ какъ просрочка (mora) есть незаконное промедленіе въ отдачѣ предмета требованія (ст. 3305), онъ же воспользовался своимъ законнымъ правомъ; нельзя потому требовать съ него неустойку, условленную на случай просрочки (ст. 3322). Съ другой стороны, наличность права удержанія не

---

[1]) Эрдманъ считаетъ эти рубрики только примѣрами (System, I 330). Едва ли это такъ; ст. 3383 производитъ впечатлѣніе исчерпывающаго перечня, а Глюкъ, откуда она заимствована, прямо это выражаетъ.

[2]) См. Langfeldt ук. соч. стр. 120.

исключаетъ теченія погасительной давности для встрѣчнаго требованія. Этотъ вопросъ въ Сводѣ прямо не разрѣшенъ, однако, его слѣдуетъ рѣшить въ отрицательномъ смыслѣ, такъ какъ правило „agere non valenti non currit praescriptio" цѣликомъ не принято въ Сводѣ [1]). Въ перечнѣ реципированныхъ случаевъ (ст. 3625) о правѣ удержанія не говорится, да и вообще сомнительно, насколько приведенное правило можетъ распространяться на возраженіе ex jure retentionis [2]).

Таковы выводы, вытекающіе изъ существа дѣла. Но независимо отъ того, описанію послѣдствій удержанія въ Сводѣ посвящена спеціальная статья (3384), по которой „удерживающій вещь обязанъ сохранять ее съ тою же заботливостью, какъ и ручной закладъ, и не имѣетъ права удовлетворять себя отчужденіемъ ея или другимъ въ свою пользу употребленіемъ".

На первый взглядъ можетъ показаться, что удержаніе, какъ таковое, создаетъ особое отношеніе къ удерживаемой вещи, притомъ одинаковое во всѣхъ случаяхъ безотносительно къ ихъ основанію. Цитированная статья двояко опредѣляетъ положеніе ретинента—отрицательно, запрещая ему всегда распоряженіе и пользованіе вещью, и положительно, предписывая опредѣленную мѣру заботливости, ту мѣру, которая признается достаточное для залогодержателя (ст. 1478 слѣд.). Но эти правила, основанныя на „обычномъ правѣ", при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются почти непримѣнимыми,—дѣйствіе ихъ въ очень многочисленныхъ случаяхъ удержанія исключается спеціальными нормами.

Сумма правъ и обязанностей удерживающаго опредѣляется природой того правоотношенія, въ силу котораго вещь находится въ его рукахъ и въ силу котораго онъ долженъ ее выдать [3]). Поэтому тѣ лица, которыя до удержанія могли пользоваться и распоряжаться вещью, не теряютъ этихъ правъ, если удерживаютъ вещь. Это прямо выражено въ ст. 65 и 1786, гдѣ вдова, удерживающая наслѣдство, управляетъ имъ и часть дохода можетъ обращать въ свою пользу [4]). Не можетъ также правило это примѣняться въ тѣхъ случаяхъ, когда удерживаемая вещь находится въ собственности удерживающаго, напр., въ случаѣ удержанія проданной вещи до

---

[1]) Erdmann System I стр. 317.

[2]) См. Windscheid § 109.

[3]) См. Golschmidt Handbuch des Handelsrechts стр. 984.

[4]) См. также ст. 2721.

уплаты цѣны (ст. 3383 п. 5), продавецъ можетъ даже распоряжаться ею, продать ее другому покупателю, обременить правами (см. ст. 3878).

Съ другой стороны, не всегда достаточна та мѣра отвѣтственности за порчу вещи, которая указана въ ст. 3384. Закладодержатель, по общему правилу, не отвѣчаетъ за случайную гибель вещи: отвѣтчикъ недобросовѣстный отвѣчаетъ за нее, слѣдовательно отвѣчаетъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда пользуется правомъ удерживать вещь. Мѣра отвѣтственности различна при различныхъ правоотношеніяхъ, и она не измѣняется отъ того, что одинъ изъ субъектовъ его воспользуется правомъ удержанія. Такъ, напр., если содержатель гостиницы задержитъ вещи путешественника по своимъ требованіямъ изъ найма [1]), то мѣра отвѣтственности его за сохранность вещей не уменьшается; онъ отвѣчаетъ и до и послѣ удержанія за всякое похищеніе и поврежденіе вещей, за вину своихъ служителей (ст. 3821). Равнымъ образомъ, удержаніе не измѣняетъ отвѣтственности владѣльца складочнаго мѣста, отдавшаго внаймы только нѣкоторыя въ немъ помѣщенія, а все вообще мѣсто оставившаго подъ своимъ ключемъ—онъ отвѣчаетъ и до и послѣ retentio за сохраненіе вещей (ст. 4062). Продавецъ, удерживающій вещь, отвѣчаетъ за послѣдствія самомалѣйшей неосторожности (ст. 3862). Во всѣхъ этихъ случаяхъ отъ удерживающаго требуется гораздо большая мѣра заботливости, чѣмъ отъ залогодержателя. Обратно, иногда его отвѣтственность меньше. Если завѣдующій безъ порученія чужими дѣлами взялъ на себя это завѣдываніе въ крайнихъ обстоятельствахъ, то онъ отвѣчаетъ лишь за злой умыселъ и грубую неосторожность, и нѣтъ основанія измѣнять эту мѣру отвѣтственности, если in casu онъ воспользуется правомъ удержанія.

Ко всему сказанному необходимо прибавить, что положеніе дѣла нисколько не измѣняется отъ того, въ какой моментъ происходитъ удержаніе,—когда правоотношеніе еще продолжается, или когда оно уже прекратилось, и удержаніе примѣнено при ликвидаціи его. Правоотношеніе прекращается на будущее время, оно перестаетъ быть источникомъ новыхъ притязаній, но притязанія, уже возникшія, опредѣляются имъ. Поэтому лицо, требующее выдачи вещи, имѣетъ право требовать ее въ томъ видѣ, въ какомъ она должна быть выдана контрагентомъ, согласно нормамъ даннаго правоотношенія; оно можетъ требовать отъ контрагента той степени за-

---

[1]) Но и только изъ найма, а не по требованію за ѣду или услуги; см. Dernburg Pfandrecht. I стр. 299.

ботливости, которая для этого правоотношенія предписана, ибо удержаніе только отсрочиваетъ реализацію встрѣчнаго требованія, но не измѣняетъ его объема, не уменьшаетъ его и не увеличиваетъ.

Измѣненіе въ объемѣ отвѣтственности—уменьшеніе ея, можетъ имѣть мѣсто только въ случаѣ просрочки кредитора (mora accipiendi), т. е., если есть на лицо незаконное промедленіе въ принятіи вещи (ст. 3305).

Ст. 3384 можетъ быть примѣнена только къ тѣмъ отношеніямъ, для которыхъ не установлено спеціальныхъ нормъ, т. е. если удерживающій является детенторомъ по случайной причинѣ, чему примѣромъ можетъ служить случай, предусмотрѣнный ст. 996. Но одинъ безспорный выводъ изъ нея можно сдѣлать, именно тотъ, что удержаніе, какъ таковое, не сообщаетъ никакихъ правъ на вещь. Въ этомъ отношеніи нѣсколько аномальнымъ представляется jus retentionis вдовы (ст. 65 и 1785), гдѣ вдова получаетъ право управлять и распоряжаться всѣмъ наслѣдствомъ. Но намъ кажется, что эти правомочія нельзя объяснять правомъ удержанія, а правомъ ея на это имущество и на алименты. Удержаніе же выражается въ томъ, что наслѣдники не имѣютъ возможности получить владѣніе наслѣдствомъ, реализовать свои права; права жены, которыя она имѣетъ на наслѣдство, являются продолженіемъ тѣхъ правъ ея, которыя она имѣла и раньше, въ теченіе вдовьяго года.

Аналогичными соображеніями разрѣшается и вопросъ о возмѣщеніи расходовъ, произведенныхъ на удержанную вещь. Въ первой линіи оно опредѣляется правоотношеніемъ, составляющимъ causa retentionis, а если оно не даетъ отвѣта, то правилами веденія чужихъ дѣлъ безъ полномочія [1]).

Прекращается удержаніе, какъ сказано въ ст. 3381, съ удовлетвореніемъ тѣхъ требованій, на которыхъ оно основано, или если владѣлецъ выпуститъ вещь изъ своихъ рукъ, не воспользовавшись своимъ правомъ на удержаніе. Точнѣе сказать, оно прекращается

---

[1]) Поэтому едва ли можно согласиться съ рѣшеніемъ, приведеннымъ у Zwingmann'a, VI, 1330, гдѣ проводится взглядъ, что ретиненть не имѣетъ права требовать возмѣщенія расходовъ по храненію вещи, такъ какъ онъ могъ выбирать между различными средствами защиты своего права и совершилъ culpa levis (это не сказано прямо въ рѣшеніи, но должно заключить изъ ссылки на ст. 3441), если выбралъ наиболѣе дорого стоящее. Нельзя признать вины въ пользованіи законнымъ средствомъ защиты, ибо оно предоставлено усмотрѣнію управомоченнаго и оно не должно служить западней.

когда отпадаетъ одно изъ предположенiй его—требованiе, обезпеченное правомъ удержанiя, требованiе встрѣчное, детенцiя вещи, дающая фактически возможность удержать вещь. Къ послѣднему случаю должно отнести и гибель вещи, такъ какъ удержанiе не можетъ быть примѣнено и къ эквиваленту, замѣняющему его, напр., къ страховой суммѣ.

Ретинентъ поэтому очень заинтересованъ въ сохраненiи детенцiи вещи и возстановленiи ея въ случаѣ недобровольной потери. Для этого онъ можетъ воспользоваться всѣми петиторными и поссессорными средствами защиты, которыми онъ могъ бы воспользоваться до удержанiя. Но возникаетъ вопросъ—даетъ ли ему удержанiе, какъ таковое, какiя-либо особыя средства защиты детенцiи вещи, можетъ ли ретинентъ, въ случаѣ утраты детенцiи удерживаемою вещью, требовать ее обратно, ссылаясь на свое jus retentionis, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда основанiе нахожденiя вещи въ его рукахъ само по себѣ такого права ему не даетъ. Вопросъ этотъ можно формулировать такъ: можетъ ли *право* удержанiя быть объектомъ владѣнiя [1]). Для полученiя правильнаго отвѣта какъ на этотъ вопросъ, такъ и на нѣкоторые другiе, необходимо обратиться къ существу права удержанiя.

VI.

Все сказанное выше вполнѣ подтверждаетъ выставленное въ началѣ II параграфа положенiе о томъ, что въ Сводѣ право удержанiя построено на римскихъ началахъ. Къ этому должно прибавить еще слѣдующее. Римское право реципировано Сводомъ въ двоякомъ видѣ. Во-первыхъ, въ него включены нормы, содержащiяся въ различныхъ мѣстахъ Corpus juris, такъ что статьи, основанныя на этихъ фрагментахъ, представляютъ болѣе или менѣе удачный пересказъ послѣднихъ. Но этимъ дѣло не ограничилось—кодификаторы сочли необходимымъ внести въ сводъ и данныя, добытыя современной имъ доктриной римскаго права, ея опредѣленiя и обобщенiя, основанныя въ свою очередь на томъ или иномъ пониманiи римскихъ

[1]) Нелишне отмѣтить, что детенцiя по балтiйскому праву не пользуется самостоятельной защитой, но косвенно защищается и она, поскольку входитъ въ составъ права, могущаго быть объектомъ владѣнiя. Защита же владѣнiя правомъ признается Сводомъ въ самыхъ широкихъ предѣлахъ. См. статью проф. Гримма, Журн. Мин. Юст. 1894 г. Декабрь, стр. 38.

источниковъ. Получились статьи, формально основанныя также на фрагментахъ Corpus juris, а по существу—являющіяся пересказомъ параграфовъ распространенныхъ въ эпоху составленія Свода учебниковъ и научныхъ сочиненій. Въ дальнѣйшемъ произошло то, что и слѣдовало ожидать—остались неизмѣненными римскіе источники и слѣдовательно тѣ статьи Свода, которыя содержатъ пересказъ ихъ, а наука пошла впередъ, измѣнилось пониманіе отдѣльныхъ фрагментовъ, а съ ними теорія и обобщеніе. И въ результатѣ выяснилось несоотвѣтствіе между нормативными статьями Свода и тѣми, которыя содержатъ только поученія и опредѣленія [1]). Аналогичное явленіе повторилось и по отношенію къ праву удержанія.

Въ статьяхъ, ex professo о немъ говорящихъ, фигурируетъ устарѣлая теорія, право удержанія примѣняется только къ дѣйствіямъ, состоящимъ въ выдачѣ вещи, а въ другихъ статьяхъ описаны случаи удержанія и дѣйствій иного содержанія, которыхъ прежняя доктрина не называла „удержаніемъ“, но которыя по своему основанію, предположеніямъ (кромѣ только что указаннаго различія), послѣдствіямъ вполнѣ тождественны съ описанными въ ст. 3381 слѣд. и которыя вполнѣ подходятъ подъ современное опредѣленіе права удержанія. Сюда прежде всего должны отнести exceptio non adimpleti contractus—ст. 3212, возраженіе, которое имѣетъ мѣсто независимо отъ того, является ли предметомъ обязательства выдача вещи или иное дѣйствіе. Далѣе по ст. 3885 покупщикъ имѣетъ право задержать покупную сумму, если угрожаетъ эвикція проданной вещи, а продавецъ не можетъ или не хочетъ достаточно обезпечить его на такой случай. По ст. 4531 поручителю, удовлетворившему кредитора, предоставляется требовать уступки иска, какъ противъ главнаго должника, такъ и противъ сопоручителей, и до воспослѣдованія такой уступки онъ властенъ отказываться отъ уплаты долга по поручительству.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ имѣется на лицо фактическій составъ jus retentionis въ современномъ смыслѣ, но Сводъ не называетъ ихъ правомъ удержанія, такъ какъ не вещь удерживается, а „дѣйствіе“. И если случайно это дѣйствіе заключается въ выдачѣ вещи, то тогда есть и по буквѣ Свода право удержанія въ техническомъ смыслѣ,—такъ, напр., если на exceptio non adimpleti contractus

[1]) Классическимъ примѣромъ и подтвержденіемъ сказанному можетъ служить ученіе о владѣніи по балтійскому Своду.

ссылается обязанный къ выдачѣ вещи, то это право удержанія— ст. 3385 п. 5. По силѣ ст. 3973, къ договору мѣны примѣняются аналогично правила, постановленныя для купли, въ частности и въ случаѣ эвикціи (ст. 3976), и поэтому на ст. 3881 можетъ сослаться въ случаѣ угрожающей эвикціи и лицо, промѣнивающее вещь, и можетъ удержать вещь, предназначенную для обмѣна, и это будетъ право удержанія въ техническомъ смыслѣ, подходящее подъ вторую рубрику ст. 3383.

Разбирая тѣ послѣдствія, которыя влечетъ за собой удержаніе, мы въ результатѣ пришли къ тому выводу, что оно ни въ чемъ не увеличиваетъ сумму правъ, принадлежавшихъ ретиненту до осуществленія удержанія. Если съ этимъ сопоставить сказанное только что, то является необходимымъ слѣдующій, дальнѣйшій выводъ: право удержанія по балтійскому Своду по существу ни въ чемъ не отличается отъ римскаго jus retentionis въ томъ видѣ, какъ оно описано выше, во II параграфѣ. Единственное различіе этого института въ обѣихъ правовыхъ системахъ заключается въ ихъ области примѣненія. Въ римскомъ правѣ, подъ понятіе jus retentionis подводятся различные случаи дозволеннаго при нѣкоторыхъ условіяхъ неисполненія какихъ угодно обязанностей, въ балтійскомъ Сводѣ— только случаи неисполненія обязанности выдать вещь. Такое соотношеніе можно пояснить слѣдующимъ примѣромъ. До 1889 г. предметомъ ипотеки по балтійскому праву могли быть и движимыя и недвижимыя вещи, послѣ законовъ 1889 года—ипотекѣ подлежатъ только недвижимости. Но сумма правъ, предоставлявшихся ипотечному кредитору до 1889 г. и нынѣ—одинакова, его юридическое положеніе совершенно не измѣнилось, измѣнилась только область примѣненія этого института. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ эти различныя области примѣненія совпадаютъ, различія между ипотекой до реформы и послѣ нея нѣтъ. Точно такое же соотношеніе можно установить между римскимъ и балтійскимъ jus retentionis. Тамъ, гдѣ области примѣненія ихъ совпадаютъ, т. е. если in casu имѣется удержаніе вещи, тамъ они вызываютъ одинаковыя юридическія послѣдствія, и положеніе ретинента, какъ по римскому, такъ и по балтійскому праву, совершенно одинаково. Можно на первый взглядъ признать, что область примѣненія права удержанія въ балтійскомъ Сводѣ сужена, по сравненію съ римскимъ правомъ, реквизитомъ „connexitatis", такъ какъ теперь доктрина пандектнаго права на немъ не настаиваетъ. Но выше мы уже указали, что признаки connexitatis, сгруппированныя по категоріямъ въ

ст. 3383, всецѣло взяты изъ римскаго права и ничего новаго—по сравненію съ римскимъ правомъ—не вносятъ.

Такимъ образомъ право удержанія, описанное въ балтійскомъ Сводѣ, можно опредѣлить такъ: это предоставленное въ нѣкоторыхъ случаяхъ должнику право отражать притязанія о выдачѣ находящейся въ его детенціи (или владѣніи) вещи до тѣхъ поръ, пока притязанія удерживающаго противъ его противника не будутъ въ свою очередь удовлетворены. Или, выражаясь иначе: это право не исполнять обязанности, заключающейся въ выдачѣ вещи, доколѣ соотвѣтствующая (см. ст. 3382) обязанность противника не будетъ исполнена. Это право отрицательное въ разобранномъ выше (гл. II) смыслѣ, т. е. вещь остается въ рукахъ удерживающаго не потому, что онъ получаетъ новое на нее право, а потому, что противникъ лишенъ возможности отобрать вещь отъ удерживающаго. Въ процессѣ это право осуществляется посредствомъ возраженія.

Этимъ понятіемъ права удержанія должно руководствоваться при разрѣшеніи всякихъ могущихъ возникнуть вопросовъ [1]).

Но выставленное нами опредѣленіе можетъ вызвать слѣдующее, на первый взглядъ весьма убѣдительное возраженіе. Именно, можно указать, что если даже и допустить, что по Своду право удержанія есть только отрицательное право, то какъ же съ этой его природой согласовать право ретинента на отдѣльное отъ конкурснаго производства удовлетвореніе? Необходимо, повидимому, признать, что въ этомъ случаѣ право удержанія имѣетъ не только отрицательную, но и положительную сторону, т. е. даетъ право на нѣкоторое преимущественное передъ остальными кредиторами положеніе. Но намъ кажется, что предложенная конструкція jus retentionis, какъ отрицательнаго права, вполнѣ удовлетворительно объясняетъ и эти постановленія конкурснаго права. Въ самомъ дѣлѣ, фактически ретинентъ, какъ сепаратистъ, имѣетъ, благодаря этому, большое преимущество передъ остальными кредиторами, въ томъ смыслѣ, что имѣетъ больше шансовъ на удовлетвореніе своихъ претензій. Но юридическое его положеніе, какъ до конкурса, такъ и послѣ открытія его, остается совершенно одинаковымъ. Удерживаемая вещь не обращается въ конкурсную массу не потому, что ретинентъ можетъ вытребовать ее оттуда, изъять изъ массы, а потому, что остальные вѣрители ли-

---

[1]) См. Zwingmann, № 1328, гдѣ очень хорошо отмѣчены существенныя черты права удержанія. Но, къ сожалѣнію, взгляды, высказанные въ этомъ рѣшеніи, не всегда послѣдовательно проводились въ практикѣ рижскихъ судебныхъ мѣстъ.

шены возможности вытребовать у него вещь. Но съ другой стороны, если вещь не находится больше въ рукахъ у ретинента, то и онъ лишается возможности, ссылаясь на свое право удержанія, требовать ее себѣ для удовлетворенія своей претензіи, какъ это явствуетъ изъ буквальнаго смысла ст. 23 приложенія къ ст. 1899 уст. гражд. суд. Это постановленіе устава находится въ полномъ соотвѣтствіи съ матеріальнымъ правомъ, такъ какъ при утратѣ детенціи ретинентъ утрачиваетъ вообще право удержанія. Выгодное положеніе ретинента въ конкурсѣ обусловливается исключительно тѣмъ, что остальные вѣрители не имѣютъ возможности осуществить своихъ правъ противъ него. Въ сущности эти правила конкурснаго процесса означаютъ только, что право удержанія остается въ силѣ и противъ кредиторовъ несостоятельнаго должника [1]). Значеніе этого, санкціонированнаго въ Сводѣ института выясняется еще болѣе, если его сопоставить съ другимъ, также признаваемымъ въ балтійскомъ правѣ, имѣющимъ очень мало общаго съ нимъ, но одного съ нимъ наименованія, именно слѣдующимъ. Въ германскомъ правѣ сложился своеобразный институтъ, называемый также Retentionsrecht, Zurückbehaltungsrecht, по своему значенію существенно отличающійся отъ римскаго. По нѣкоторымъ партикулярнымъ законодательствамъ удержаніе, какъ таковое, давало, въ извѣстныхъ предѣлахъ, право распоряженія удержанными вещами, оно давало удерживающему, напр., право закладывать ихъ для удовлетворенія своей претензіи. Этимъ оно приближалось къ ручному закладу, который, въ свою очередь, по нѣкоторымъ законодательствамъ предоставлялъ залогодержателю меньше правъ, чѣмъ римское pignus или hypotheca, такъ какъ за залогодержателемъ это право признавалось только до тѣхъ поръ, пока вещь оставалась у него въ рукахъ, и онъ не имѣлъ права отыскивать ее (петиторнымъ искомъ), если уступалъ или утрачивалъ владѣніе [2]). Изъ этихъ началъ возникло право задержанія въ залогъ (ст. 3387 и сл.).

Независимо отъ этого, въ германскихъ торговыхъ обычаяхъ, создался и развился другой своеобразный институтъ, т. наз. kaufmännisches Zurückbehaltungsrecht, торговое право удержанія [3]). Сущность этого института по нынѣшнему германскому уложенію состоитъ

---

[1]) Совершенно аналогичныя разсужденія о положеніи права удержанія въ конкурсѣ см. Kohler Concursprozess, 1891, стр. 163 и сл.

[2]) См. Stobbe-Lehmann, Hdb. d. d. Privatrechts, 2 стр. 330, 335 и сл.

[3]) Goldschmidt, стр. 998; Cosack, Handelsrecht, § 30.

въ томъ, что торговецъ, по всѣмъ требованіямъ изъ двустороннихъ торговыхъ сдѣлокъ, имѣетъ право удержанія на движимости должника, находящіяся съ согласія послѣдняго во владѣніи удерживающаго. При наличности нѣкоторыхъ условій кредиторъ можетъ продать удержанныя вещи при посредствѣ суда. Торговое уложеніе отказалось отъ реквизита connexitas, которое признавалось необходимымъ по некодифицированному общему торговому праву. Въ торговыхъ обычаяхъ создались также особыя законныя закладныя права на движимость, признаваемыя за перевозчикомъ, экспедиторами, коммисіонерами, которыя по своему значенію близко сходятся съ правомъ удержанія (торговымъ).

Всѣ эти институты путемъ обычая получили признаніе и въ торговомъ правѣ Прибалтійскихъ губерній [1]), и съ правомъ удержанія въ этомъ его значеніи прежніе суды неоднократно встрѣчались. Какъ ни опредѣлять этотъ институтъ [2]) ясно одно, что онъ влечетъ за собой установленіе права на чужую вещь [3]), и аналогія съ ручнымъ закладомъ сама собою напрашивается. И съ другой стороны ясно, что нѣтъ ничего общаго между удержаніемъ по римскому праву и по торговому. Соотношеніе ихъ опредѣляется такъ, что оба института примѣняются въ торговомъ правѣ, римское удержаніе, разумѣется, только субсидіарно [4]), но не можетъ быть рѣчи объ аналогичномъ примѣненіи нормъ одного къ другому, такъ какъ нѣтъ аналогіи между институтами въ цѣломъ.

Очевидно также, что не можетъ быть рѣчи не только о тождествѣ, но и о сходствѣ римскаго (и балтійскаго) права удержанія съ закладнымъ правомъ. Такое уподобленіе можетъ явиться только какъ результатъ недоразумѣнія, смѣшенія права удержанія, описаннаго въ Сводѣ, съ только что разобраннымъ явленіемъ торговаго права, смѣшенію которому могутъ способствовать не смыслъ статей 3381 слѣд., но отдѣльныя ихъ слова „заботливость закладодержателя, удерживаемая вещь“ и другія.

Установленное выше понятіе права удержанія по Своду должно

---

[1]) О закладныхъ правахъ см. Гасманъ и бар. Нолькенъ, стр. 293. Также Zwingmann, IV, стр. 410. Однако практика прежнихъ рижскихъ судебныхъ мѣстъ признавала дѣйствующимъ „общее“ торговое право, а не право германскаго торговаго уложенія, и послѣдовательно отстаивала для Retentionsrecht реквизитъ connexitas.

[2]) Объ этомъ см. Goldschmidt, стр. 1029.

[3]) См. Zwingmann, т. VIII, стр. 1.

[4]) См. Goldschmidt, 1018.

положить въ основаніе рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ. Такъ, выше уже отмѣченъ и въ практикѣ возникалъ вопросъ о томъ, можетъ ли детенція удерживаемою вещью защищаться косвенно, путемъ защиты владѣнія правомъ удержанія. Въ утвердительномъ смыслѣ рѣшенъ этотъ вопросъ въ одномъ судебномъ рѣшеніи рижскаго фохтейскаго суда [1]); но судъ вовсе не вошелъ въ разсмотрѣніе вопроса, можетъ ли право удержанія быть объектомъ владѣнія вообще и, если да, то въ чемъ такое владѣніе можетъ выражаться. И правильнѣе рѣшить его въ отрицательномъ смыслѣ, по слѣдующимъ соображеніямъ.

Подъ владѣніемъ разумѣется соотвѣтственное праву дѣйствительное обладаніе (ст. 623), поэтому о защитѣ детенціи косвенно, путемъ защиты права удержанія, можно было бы говорить только въ томъ случаѣ, если бы право удержанія давало право на детенцію вещи, т. е. если бы содержаніе его не исчерпывалось только отрицательной функціей—парализованіемъ иска, а служило основаніемъ положительнаго притязанія, направленнаго на сохраненіе существующаго положенія.

Но при удержаніи оно охраняется только отъ того измѣненія, которое можетъ быть вызвано въ немъ успѣшнымъ проведеніемъ опредѣленнаго иска. Являясь послѣдствіемъ извѣстнаго правоотношенія, право удержанія не измѣняетъ самаго объема правъ, предоставленныхъ правоотношеніемъ. Поэтому онъ прекращается, если отпадаетъ одно изъ его предположеній, но не можетъ служить основаніемъ для возстановленія его [2]).

Весь этотъ вопросъ возникъ только потому, что объектомъ удержанія признается „вещь“, и представляется невозможнымъ удерживать вещь, не детенируя ея, но если имѣть въ виду совершенно аналогичный случай, предусмотрѣнный, напр., ст. 3885, то очевидно, что ему нѣтъ мѣста.

Указанное выше опредѣленіе права удержанія, какъ права отрицательнаго, возраженія (въ матеріально-правовомъ смыслѣ), необходимо имѣть въ виду и при разрѣшеніи вопроса о допустимости

---

[1]) Zwingmann, № 708. Въ рѣшеніи № 495 судъ (Wettgericht) напротивъ отказалъ ретиненту въ поссессорной защитѣ, признавъ за нимъ только детенцію, но не вошелъ въ разсмотрѣніе вопроса о владѣніи *правомъ* удержанія, указавъ только на то, что ретенція осуществляется лишь посредствомъ возраженія (exceptio doli).

[2]) Въ конечномъ выводѣ изложенный взглядъ совпадаетъ съ мнѣніемъ Erdmann'a, System I, стр. 106, пр. 3 и повидимому Кассо, Обзоръ § 89, въ концѣ.

его при столкновеніи разномѣстныхъ законовъ, опредѣляющихъ права требованія.

Коллизія такая не можетъ возникнуть по отношенію къ законамъ различныхъ территорій балтійскихъ губерній, такъ какъ ст. 3381 слѣд. дѣйствуютъ равномѣрно на всемъ пространствѣ ихъ; но она возможна, какъ по отношенію къ законамъ иностранныхъ государствъ, такъ и—практически это случай наиболѣе вѣроятный—по отношенію къ Своду законовъ. Вопросъ этотъ сводится къ установленію, по законамъ какого мѣста опредѣляется предметъ и послѣдствія того притязанія, противъ котораго оно направлено, ибо оно опредѣляетъ и тѣ возраженія, которыя могутъ быть ему противопоставлены. Этотъ вопросъ имѣетъ быть разрѣшенъ по началамъ частнаго международнаго права, рецепируемыхъ въ общихъ чертахъ и въ введеніи къ III т. Св. мѣстн. узак., и рѣшается различно, въ зависимости отъ основанія возникновенія того притязанія, противъ котораго удержаніе направлено (деликтъ, договоръ и т. д.).

Но, разумѣется, это разсужденіе не примѣнимо къ торговому праву удержанія, которое, какъ выше указано, представляетъ своеобразное право на чужую вещь и при коллизіи законовъ должно быть обсуждаемое именно какъ таковое [1]).

Наконецъ, въ практикѣ прежнихъ судебныхъ мѣстъ возникалъ вопросъ о томъ, отпадаетъ ли право удержанія въ томъ случаѣ, если кредиторъ по требованію, противъ котораго оно противопоставляется, предложитъ обезпеченіе взамѣнъ того дѣйствія, къ которому онъ обязанъ [2]).

И этотъ вопросъ не допускаетъ общаго отвѣта, и рѣшеніе его зависитъ какъ отъ характера представляемаго обезпеченія, такъ и отъ требованія, взамѣнъ котораго оно представляется. Иногда прямо указано въ законѣ, что обезпеченіе исключаетъ удержаніе, напр., ст. 1842, 3401; въ другихъ случаяхъ примѣненіе такого начала было бы несправедливо, напр., при exceptio non adimpleti contractus, гдѣ для другаго контрагента важно получить именно выговоренный эквивалентъ, а не „обезпеченіе".

При разрѣшеніи этого вопроса суду надлежитъ обращать вни-

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ совершенно правильно разрѣшенъ вопросъ въ рѣшеніи, приведенномъ у Zwingmann'a, VIII, стр. 1 слѣд., такъ какъ дѣло касалось именно сдѣлки торговаго права и торговаго „Retentionsrecht", что, къ сожалѣнію, не достаточно подчеркнуто въ рѣшеніи.

[2]) См. Zwingmann, № 1328, 1329.

маніе именно на правоотношеніе, намѣренія сторонъ и на достаточность предлагаемаго обезпеченія.

VII.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ вопросъ—остается ли въ силѣ право удержанія и тогда, когда надъ имуществомъ вѣрителя по встрѣчному требованію открывается конкурсъ. Этотъ вопросъ получалъ въ доктринѣ и въ законодательствѣ весьма различное разрѣшеніе. Въ началѣ прошлаго столѣтія господствовалъ взглядъ, по которому право удержанія признавалось безсильнымъ противъ конкурсныхъ вѣрителей [1]), но съ теченіемъ времени проложила себѣ дорогу теорія, которая съ половины прошлаго вѣка, можно сказать, получила преобладаніе. Измѣнилась основная конструкція конкурса, и въ пользу сохраненія въ силѣ права удержанія былъ, въ частности, выставленъ весьма убѣдительный аргументъ, заключающійся въ томъ, что конкурсъ не даетъ вѣрителямъ противъ должниковъ несостоятельнаго больше правъ, чѣмъ имѣлъ этотъ послѣдній, и что слѣдовательно они должны подвергаться всѣмъ невыгодамъ, связаннымъ съ тѣми правами, которыя они осуществляютъ [2]). Эта контроверза имѣла большое практическое значеніе для тѣхъ мѣстностей, гдѣ дѣйствовало „общее конкурсное", не кодифицированное право, такъ какъ судебная практика должна была силою вещей придерживаться господствующей научной теоріи. Въ такомъ положеніи находились (до 1889 г.) и балтійскія губерніи. Скудныя законодательныя постановленія, разбросанныя въ различныхъ старинныхъ сборникахъ права [3]), оставляли открытыми многіе вопросы, которые практика рѣшала, руководствуясь господствующими теоріями „общаго" процесса. Такъ и по отношенію къ праву удержанія она слѣдовала за доктриной. Къ сожалѣнію, можно съ точностью установить это только для Лифляндіи, такъ какъ только по лифляндскому процессуальному праву имѣются печатныя руководства и собранія судебныхъ рѣшеній. Въ учебникѣ Нильсена (1825 г.) про Retentionsrecht прямо сказано, что оно отпадаетъ съ момента открытія конкурса [4]). Но, повидимому, съ измѣненіемъ теоріи измѣнился и взглядъ

---

[1]) См. напр. Glück, ук. соч. стр. 132.

[2]) См. Goldschmidt, стр. 994 и особенно Langfeldt, § 25 и слѣд.

[3]) См. Гасманъ и бар. Нолькенъ, стр. 265.

[4]) Nielsen, Prozessform in Livland 1825 г. § 565. У Samson'а

практики на этотъ вопросъ. Въ 1864 г. была образована въ Дерптѣ такъ называемая Centraljustizcommission для составленія проекта 4 и 5 части Свода мѣстныхъ узаконеній [1]). Проекты, выработанные ею, не получили утвержденія въ законодательномъ порядкѣ, но они интересны какъ выразители взглядовъ мѣстныхъ юристовъ. Въ ст. 1035 проекта устава гражданскаго судопроизводства [2]) (уставъ конкурсный) положеніе права удержанія при открытіи конкурса опредѣлено такъ: „Въ отдѣльномъ отъ конкурса производствѣ имѣютъ право осуществлять свои притязанія... 2) тѣ кредиторы, которымъ по законамъ гражданскимъ предоставлено, въ обезпеченіе ихъ требованій, право удержанія движимыхъ вещей общаго должника, въ томъ случаѣ, если они въ состояніи имъ воспользоваться" (ст. 65, 996, 1785, 1842, 2509, 2560, 2721, 3381, 3386, 3764, 4264, 4429 и 4432 III т. Свода мѣстн. узаконеній) [3]).

Можно предполагать, что статья эта соотвѣтствовала и обычаю и судебной практикѣ, такъ какъ принципы ея проводятся во многихъ рѣшеніяхъ рижскихъ судебныхъ установленій [4]). Теперь, законами 1889 г. вопросъ этотъ категорически разрѣшенъ. Если предметъ удержанія вещь движимая и право удержанія осуществлено, или—въ случаѣ найма—вещь находится въ недвижимости, отданной въ наймы, то тогда кредиторъ является сепаратистомъ (ст. 22, 23 прил. къ прим. къ ст. 1899 уст. гражд. суд.). Слѣдовательно, a contrario, если удержана недвижимость, то право удержанія лишается значенія—постановленіе вполнѣ понятное, такъ какъ противоположное противорѣчило бы проводимымъ законами 1889 г. началамъ публичности ипотечнаго права.

Такимъ образомъ, новые законы санкціонировали существующій

Himmelstierne. Institutionen des livländischen Processes, о jus retentionis ничего не говорится, также и у Bunge въ Theoretisch-Praktische Erörterungen, I.

[1]) Подробности см. у O. Schmidt. Dorpater juristische Studien, т. III, ст 325.

[2]) Entwurf der IV Th. des Provincialrechts der Ostsee Gouvernements, Дерптъ 1865—1866 г.г.

[3]) Zur Geltendmachung ihrer Anspruche ausserhalb des Concurses sind berechtigt... 2) Gläubiger, welche nach den Bestimmungen des Privatrechts zu Gunsten ihrer Forderungen ein Zurückbehaltungsrecht an beweglichen Sachen des Gemeinschuldners auszuüben berechtigt und in der Lage sind...

[4]) См. въ особенности Zwingmann VII стр. 215. Но должно отмѣтить, что въ практикѣ рижскихъ судовъ очень часто встрѣчались случаи удержанія по торговымъ сдѣлкамъ.

порядокъ вещей. Но это совпаденіе, повидимому, является случайнымъ. Въ видѣ единственнаго мотива къ п. 2 ст. 22 временныхъ правилъ было выставлено соображеніе о тождествѣ удержанія и ручнаго заклада [1]), утвержденіе неосновательное. Но и ссылка на дѣйствовавшее конкурсное право не была бы достаточно вѣскимъ аргументомъ. Практика (и доктрина) не могла создавать отдѣльныхъ нормъ для отдѣльныхъ случаевъ удержанія, она должна была оперировать съ общимъ понятіемъ права удержанія и конструкціей конкурса и изъ этихъ понятій дѣлать выводъ, одинаково обязательный для всѣхъ случаевъ удержанія. Уже издатель сборника рѣшеній рижскихъ судебныхъ мѣстъ, Цвингманнъ, указывалъ на то, что признаніе необходимости выдѣленія удержанныхъ вещей изъ конкурсной массы съ точки зрѣнія de lege lata вполнѣ правильно, но съ точки зрѣнія de lege ferenda—далеко не безопасно [2]). И дѣйствительно правильнѣе было бы разсмотрѣть въ отдѣльности, какія категоріи права удержанія нуждаются [3]) и достойны такой привилегіи въ конкурсѣ, тѣмъ болѣе, что отдѣльное отъ конкурса производство вдвойнѣ невыгодно для кредиторовъ—оно отдѣляетъ отъ массы нѣкоторыя цѣнности и лишаетъ кредиторовъ возможности контролировать продажу ихъ (см. ст. 14 и 24 прил. къ ст. 1899 уст. гражд. суд.).

Какъ выше указано, правомъ удержанія обезпечивались очень различныя по значенію и важности требованія; нѣкоторыя изъ нихъ не нуждаются ни въ какой привилегіи, нѣкоторыя—не заслуживаютъ ея. Къ числу первыхъ должно отнести всѣ случаи удержанія собственныхъ вещей должника (ст. 3383 п. 5), потому что онѣ не входятъ въ составъ имущества должника и уже по этому одному не поступаютъ въ составъ конкурсной массы (ст. 18 прил. къ ст. 1899 уст. гражд. суд.). Самымъ яркимъ примѣромъ вторыхъ можетъ служить разобранный выше случай ст. 996, когда въ конкурсѣ особо выгодное положеніе получаетъ требованіе, лишенное исковой защиты. Но, оставляя въ сторонѣ этотъ рѣдкій случай, необходимо замѣтить, что предоставленіе права удержанія въ обезпеченіе какого-нибудь требованія вовсе не означаетъ, что оно заслуживаетъ боль-

---

[1]) См. въ началѣ, параграфъ I.

[2]) См. Zwingmann, т. IV стр. 407 примѣчаніе.

[3]) Сдѣлано это только по отношенію къ праву удержанія вдовы на наслѣдство мужа по курляндскому праву, ст. 65 и 1785, которое отмѣнено на случай конкурса и замѣнено отнесеніемъ ея требованія къ первому разряду долговъ ст. 36 п. 4 прил. къ ст. 1899 уст. гражд. суд.

шаго преимущества въ конкурсѣ. Трудно, напр., найти внутреннее основаніе, почему требованіе возмѣщенія убытковъ, нанесенныхъ ссуженной вещью (слѣдовательно изъ сдѣлки безвозмездной), заслуживаетъ большаго вниманія законодателя, чѣмъ требованіе изъ займа [1]). Поэтому правильнѣе было бы отказаться отъ огульнаго предоставленія требованіямъ, обезпеченнымъ удержаніемъ, права, указаннаго въ ст. 22, и сохранить только нѣкоторые виды изъ наиболѣе важныхъ [2]). Тѣмъ болѣе, что правила о производствѣ дѣлъ о несостоятельности не ограничивались одной только кодификаціей, а создали особый порядокъ [3]), и главный источникъ ихъ— уставъ судопроизводства торговаго—ничего не говоритъ о jus retentionis.

VIII.

Выше (см. I параграфъ) уже указано, что по новымъ законамъ ипотека наймодателя замѣнена нынѣ правомъ удержанія. По сравненію съ прежнимъ порядкомъ, наймодатель нынѣ не имѣетъ одного очень существеннаго права, которое ему давала ипотека. Именно— онъ не можетъ продать плоды участка или вещи нанимателя, если послѣдній ему не заплатитъ въ срокъ. Но практически разница эта не такъ велика. Для продажи заложенной вещи залогодержатель долженъ былъ обратиться въ судъ, и продавалась она съ публичныхъ торговъ (ст. 1444), равнымъ образомъ, только судъ могъ установить безспорно сумму, причитающуюся наймодателю. Теперь наймодатель, воспользовавшійся правомъ удержанія, можетъ обратить взысканіе по иску на удержанное имущество, и право удержанія даетъ ему возможность обезпечить себѣ этотъ объектъ взысканія.

---

[1]) См. также то, что было сказано объ удержаніи при exceptio evictionis mminentis при куплѣ и при мѣнѣ—ст. 3885. Въ первомъ случаѣ нѣтъ „удержанія" въ техническомъ смыслѣ, во второмъ оно есть, слѣдовательно есть и право на сепарацію. А между тѣмъ это совершенно однородныя требованія, подлежащія тѣмъ же матеріальнымъ нормамъ.

[2]) Такъ поступило, напр., германское законодательство при изданіи Konkursordnung 1877 и 1898 г. см. Kohler, Concursrecht, 1891 стр. 162 слѣд., Seuffert, Konkursprozessrecht стр. 111.

[3]) См. Гасманъ и бар. Нолькенъ, стр. 243 и слѣд.

Но высказанъ взглядъ [1]), что установленное закономъ 1889 г. право удержанія совершенно лишено практическаго значенія. Въ подтвержденіе его приводятся слѣдующія соображенія: указываютъ, во-первыхъ, что фактическій составъ вводимаго ст. 1403 и 1404 права удержанія противенъ существу его, такъ какъ удерживающій наймодатель не является ни владѣльцемъ, ни детенторомъ подлежащихъ удержанію вещей, и, во-вторыхъ, что нельзя предположить, чтобы законъ предоставилъ ему право насильно захватывать вещи, ибо и тогда детенція была бы пріобрѣтена насильно, „vi", и, слѣдовательно, не могла бы служить предположеніемъ удержанія. Въ виду этого прим. къ ст. 1403 даетъ наймодателю только право ходатайствовать передъ судомъ о запрещеніи вывоза вещей, иначе сказать, практическое значеніе этой нормы сводится на нѣтъ.

Дѣйствительно, въ этихъ замѣчаніяхъ есть доля истины, и можно согласиться, что редакція ст. 1 закона объ ипотекахъ нѣсколько не точна. Но выводъ изъ нихъ совершенно неправиленъ. Во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствовало „общее" право, за наймодателями признавалось право задержанія вещей нанимателя. Въ нѣкоторыхъ территоріяхъ оно являлось придаткомъ къ ипотекѣ и отпало вмѣстѣ съ ней [2]), въ другихъ мѣстностяхъ оно имѣло самостоятельное значеніе и осталось въ силѣ, несмотря на отмѣну ипотеки [3]). Балтійская практика и до законовъ 1889 г. признавала за наймодателемъ такое право, какъ слѣдствіе ипотеки, и примѣняла къ нему нормы ст. 3381 [4]).

Иначе сказать, законъ 1889 г. ничего небывалаго не создалъ и не ввелъ ничего безсмысленнаго [5]). Его надо понимать въ томъ смыслѣ, что если наймодатель задержитъ вещи, то онъ окажется въ такомъ же положеніи, какъ и всякій иной ретинентъ. Но редакція закона не точна: въ немъ слѣдовало бы выразить, что наймодателю предоставляется не право удержанія, а право на право удержанія, т. е. право создать собственными силами такое положеніе, при которомъ онъ можетъ воспользоваться удержаніемъ.

---

[1]) Kupfer, Bemerkungen zu den Abänderungen der Hypothekengesetze, Dorpat 1892 г. стр. 4 и слѣд.

[2]) Напр., въ Ганноверѣ, см. Entsch. des Reichsgericht in Strafs. т. 6, стр. 302.

[3]) Напр., въ Баваріи см. ibidem II т. стр. 229.

[4]) См., напр., Zwingmann, № 1518.

[5]) См. интересное изслѣдованіе Bunsen, Der gesetzliche Pfand und Zurückbehaltungsrecht des Verpächters etc. 1884.

Для этого онъ, прежде всего, долженъ получить детенцію вещей, возможность воздѣйствовать на нихъ, и если ему дозволено это сдѣлать собственными силами, то въ этомъ захватѣ нѣтъ ничего самоуправнаго, детенція пріобрѣтается не „vi". А изъ ссылки на ст. 3381 слѣд. необходимо заключить, что наймодатель имѣетъ право задерживать вещи собственными силами, такъ какъ удержаніе отнесено къ числу средствъ, „коими преимущественно отыскиваются и обезпечиваются *внѣ суда* права требованія" (ст. 3380).

При таковомъ толкованіи примѣчанія къ ст. 1403 устраняются всѣ указанныя выше возраженія. Юридическое положеніе наймодателя опредѣляется слѣдующимъ образомъ. Объектомъ удержанія является все то, что являлось объектомъ отмѣненной ипотеки, именно: 1) плоды плодоприносящей недвижимости, и по эстляндскому и курляндскому земскимъ правамъ—движимость арендатора, находящаяся въ арендованномъ участкѣ; 2) собственныя [1]) вещи нанимателя и внесенные имъ товары, если сдано внаймы зданіе или иное не приносящее плодовъ помѣщеніе, но не безтѣлесныя вещи и требованія. Права наймодателя распространяются и на вещи того лица, которому наниматель переуступилъ [2]) свое право, въ той мѣрѣ, поскольку онѣ отвѣчаютъ требованіямъ нанимателя. По эстляндскому городскому праву могутъ быть задержаны вещи совершенно постороннихъ лицъ, если онѣ отданы нанимателю для переработки, но лишь въ размѣрѣ слѣдующей за оныя издѣльной платы и издержекъ по переработкѣ (ст. 1405). Постановленія этой статьи заслуживаютъ внимательнаго разсмотрѣнія. Любопытные результаты даетъ сличеніе текста этой статьи съ источниками, изъ которыхъ она заимствована—положеніями любекскаго права [3]). Въ книгѣ III, разр. 8, ст. 14 любекскаго права сказано, что, если наниматель тайно убѣжитъ изъ города, наймодатель имѣетъ преимущественное передъ всѣми кредиторами бѣжавшаго право на удовлетвореніе своего требованія наемной платы за послѣдній годъ изъ имущества, оставленнаго въ его домѣ (der Hausherr... zu seinem im Hause hinderlassenem Gute mit einem Jar Hüre der negste vor allen anderen Gläubigern).

---

[1]) Слѣдовательно вещи жены нанимателя въ территоріяхъ, гдѣ нѣтъ общности имущества, не подлежатъ задержанію.

[2]) Въ Курляндіи онъ можетъ сдѣлать это безъ согласія того лица, у котораго онъ нанимаетъ, въ Лифляндіи и Эстляндіи послѣднее необходимо.

[3]) Любекскіе статуты 1586 г. напечатаны между прочимъ у Bunge. Quellen des Reval. Stadtrechts т. I.

Далѣе, въ раздѣлѣ I той же книги (de concursu) ст. 11, требованію наемной платы предоставляется первое мѣсто въ конкурсѣ, при чемъ о тайномъ бѣгствѣ въ статьѣ не говорится ничего.

Это несогласіе нѣкоторые изслѣдователи [1]) примиряютъ такъ, что дѣйствіе статей относятъ къ различнымъ случаямъ; признаютъ, что первая опредѣляетъ порядокъ удовлетворенія требованій изъ invecta et illata, а вторая—изъ всей конкурсной массы. Эту привилегію наймодателя уже Mevius [2]), знаменитый комментаторъ любекскаго права, объяснялъ признаніемъ законной ипотеки, очень привилегированной въ конкурсѣ; при чемъ указывалъ на ея отличія отъ hypotheca juris communis, т. е. римской. Отличіе же это выражается, по его мнѣнію, между прочимъ, въ томъ, что по римскому праву всѣ требованія изъ найма обезпечивались ипотекой, а по любекскому—только требованіе наемной платы за послѣдній годъ. Если же бѣжалъ наниматель ремесленникъ, то наймодатель могъ задержать (arrestiren) тѣ вещи, которыя были даны для переработки, но впрочемъ не свыше заработка, причитающагося ремесленнику (кн. III, 8, 15). Въ этомъ случаѣ Mevius не признаетъ ипотеки на вещи третьихъ лицъ, а признаетъ за наймодателемъ право удержанія [3]).

Если сопоставить эти источники ст. 1405 съ ея текстомъ, то несоотвѣтствіе бросается въ глаза. Въ ней опущено одно предположеніе любекскаго права—бѣгство нанимателя, ипотека замѣнена правомъ удержанія во всѣхъ случаяхъ, и это право предоставлено по всѣмъ требованіямъ изъ найма, а не только по наемной платѣ за послѣдній годъ. Притомъ, если читать ст. 1405 въ связи съ предыдущими, то остается такое впечатлѣніе, что права нанимателя по эстляндскому городскому праву какъ-то больше ограничены, чѣмъ въ остальныхъ территоріяхъ. На эту мысль наводятъ слова: „предоставляется *только* право задержанія"—въ предыдущихъ статьяхъ говорится объ ипотекѣ. И, дѣйствительно, при дѣйствовавшемъ до законовъ 1889 г. порядкѣ удовлетворенія конкурсныхъ вѣрителей, положеніе права удержанія въ конкурсѣ было крайне неопредѣленно [4]); въ городахъ Эстляндіи дѣйствовали двѣ

---

[1]) Madai. Obligationenrecht, стр. 186.

[2]) Commentarii ad jus Lubicense, Francoforti 1679, стр. 700.

[3]) См. ук. сочин. стр. 701: et licet hujus modi personis taciti pignoris jure prospectum non sit.... И раньше: retentione uti licet.

[4]) Объ этомъ см. выше.

классификаціонныя системы и только въ Ревелѣ—любекская [1]. Ипотека же наймодателя во всѣхъ территоріяхъ имѣла свое скромное, но опредѣленное мѣсто въ числѣ остальныхъ привилегированныхъ требованій. Нынѣ законы 1889 г. вернули и въ Ревелѣ наймодателю его особо привилегированное положеніе.

Трудно объяснить причины такого несоотвѣтствія текста ст. 1405 и ея источниковъ, такъ какъ нѣтъ для этого достаточныхъ свѣдѣній. Въ сочиненіи „Das Liv-und Estländische Privatrecht" § 172, Бунге въ общемъ придерживается взглядовъ Мевіуса. Возможно, что при составленіи ст. 1405 онъ имѣлъ въ виду соединить и слить во едино и римскую и любекскую ипотеки, вслѣдствіе чего неожиданно получилось нѣчто третье, не выразившее опредѣленно ни римскихъ, ни германскихъ началъ.

Основаніемъ задержанія могутъ быть всѣ требованія изъ аренды и найма, слѣдовательно и требованія всей просроченной платы за все время просрочки. Послѣдствія задержанія такія же, какъ и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ. Наймодатель можетъ не выдавать вещи до полученія должнаго, но не имѣетъ права пользоваться и отчуждать ихъ. Отвѣтственность его за сохранность вещей опредѣляется нормами, установленными для найма, ст. 3384, такъ какъ задержаніе основывается на отношеніи найма, и контрагентъ имѣетъ право требовать отъ него исполненія всѣхъ его обязанностей [2]. Равнымъ образомъ, какъ разъяснилъ Сенатъ [3], удержаніе не лишаетъ третьихъ лицъ права обращать взысканіе на задержанное имущество, но наймодатель получаетъ преимущественное удовлетвореніе изъ вырученной суммы. Въ случаѣ конкурса, наймодатель является сепаратистомъ по отношенію къ плодамъ и той движимости нанимателя, которая еще находится въ отданной внаймы недвижимости.

Правила, опредѣляющія прекращеніе удержанія, примѣняются и въ этомъ случаѣ; но удержаніе можетъ и не возникнуть, если наймодателю не удастся задержать вещи, не возникнетъ за отсутствіемъ объекта. Въ этомъ слабый пунктъ всего института. Значеніе его состоитъ именно въ возможности для кредитора посредствомъ внѣсудебнаго вмѣшательства обезпечить свое требованіе, и необходимость обращенія въ судъ лишало бы его всякаго практическаго

[1]) См. Гасманъ и бар. Нолькенъ, стр. 266 и 265.

[2]) Мѣра отвѣтственности можетъ быть различна, см., напр., ст. 4062.

[3]) Рѣш. Гражд. Касс. Департ. 1900 г. № 26.

значенія. Но при такомъ остромъ столкновеніи интересовъ дозволенное самоуправство легко можетъ послужить поводомъ къ наказуемому насилію, а съ другой стороны, наймодатель не огражденъ въ достаточной мѣрѣ отъ насильственнаго или тайнаго увоза вещей. Косвенную защиту даетъ ему германское законодательство, гдѣ по силѣ § 289 уголовнаго уложенія подвергается наказанію тюремнымъ заключеніемъ до 3 лѣтъ или штрафу до 900 м. всякій, кто .... съ преступнымъ намѣреніемъ возьметъ (in rechtswidriger Absicht wegnimmt) вещь (хотя бы и собственную) у лица, имѣющаго на нее право удержанія. По балтійскому праву наймодатель предоставленъ только собственнымъ силамъ, и при реформѣ это, къ сожалѣнію, не было принято въ разсчетъ.

Нельзя не пожалѣть также о томъ, что право удержанія предоставлено всѣмъ требованіямъ изъ найма, а не только нѣкоторымъ, напр., требованіямъ наемной платы за текущій и непосредственно предшествующій годъ.

Можно сказать, что въ виду этого реформа не достигла той цѣли, которая имѣлась въ виду. Ипотека была отмѣнена, потому что она, съ одной стороны, не давала кредитору обезпеченія, съ другой стороны, открывала въ случаѣ конкурса возможность злоупотребленій. Несмотря на законъ 1889 г., все осталось почти по старому. Удержаніе, какъ таковое, не даетъ еще обезпеченія— надо его осуществить на дѣлѣ; не исключена возможность злоупотребленій при конкурсѣ, такъ какъ обезпечиваемая сумма, въ случаѣ стачки между должникомъ и наймодателемъ, можетъ быть показана очень большая, и это требованіе пользуется нынѣ гораздо болѣе выгоднымъ положеніемъ въ конкурсѣ, чѣмъ до закона 1889 г.

Баронъ А. Нольде.

ПИСЬМА ИЗЪ АНГЛІИ.

XXXIV.

Впродолженіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ, истекшихъ со времени послѣдняго моего письма, обѣ палаты парламента были заняты, по обыкновенію, разсмотрѣніемъ многихъ, самыхъ разнообразныхъ по содержанію, мѣропріятій, при чемъ, несмотря на то, что парламентъ за это время занимался столько же, сколько и въ прежніе годы, и разсмотрѣніе многихъ законопроектовъ значительно подвинулось впередъ, непосредственные результаты его законодательной дѣятельности оказываются сравнительно небольшими.

Лордъ Вемиссъ внесъ въ палату лордовъ 19 марта билль по вопросу объ установленіи однообразнаго порядка при разрѣшеніи ходатайствъ о возобновленіи или передачѣ разрѣшенія на торговлю спиртными напитками. Билль прошелъ въ первомъ чтеніи. Согласно нынѣ дѣйствующему закону, выдача разрѣшенія возобновить или передать право торговли спиртными напитками лежитъ на отвѣтственности преимущественно мѣстныхъ властей, вслѣдствіе чего практика очень часто оказывается весьма различною даже въ такихъ случаяхъ, которые представляютъ собою совершенно одинаковыя условія.

На слѣдующій день палата лордовъ разсматривала въ комитетѣ билль о раннемъ закрываніи торговыхъ заведеній (The Shops-Early Closing-Bill). Самое существенное постановленіе этого билля заключается въ первой статьѣ его и состоитъ въ томъ, что совѣтамъ графствъ и городскимъ совѣтамъ предоставляется право издавать обязательныя постановленія о закрываніи всѣхъ торговыхъ заведе-

ній въ извѣстной мѣстности, по нѣкоторымъ днямъ, въ опредѣленный ранній часъ, который устанавливается согласіемъ двухъ третей всего числа владѣльцевъ торговыхъ заведеній въ этой мѣстности. Разсматриваемый билль прошелъ въ комитетѣ.

28 апрѣля лордъ Эвбюри предложилъ этотъ билль палатѣ лордовъ для третьяго чтенія. Противъ билля возражалъ лордъ Вемиссъ, указывая, что вмѣшательство законодателя въ сферу свободы договора и свободы труда взрослыхъ противорѣчитъ основнымъ правамъ свободной націи. По его мнѣнію, предлагаемая мѣра нанесетъ ущербъ какъ торговлѣ, такъ и промышленности, вредно отразится на интересахъ владѣльцевъ мелкихъ торговыхъ заведеній и будетъ стѣснять большую часть рабочаго класса, который имѣетъ возможность дѣлать покупки въ лавкахъ лишь по вечерамъ, послѣ окончанія дневныхъ занятій. Несмотря на эти возраженія, палата лордовъ приняла разсматриваемый билль въ третьемъ чтеніи.

Въ тотъ же день палатѣ общинъ былъ предложенъ м-ромъ Чэпмэномъ для втораго чтенія билль объ оцѣнкѣ машинъ (The Rating of Machinery Bill). Согласно этому биллю предполагается установить, чтобы оцѣночные комитеты, при производствѣ оцѣнки фабрикъ или другихъ промышленныхъ заведеній для взиманія слѣдуемаго съ нихъ сбора, не включали въ оцѣночную сумму стоимости тѣхъ машинъ, находящихся въ оцѣниваемомъ помѣщеніи, которыя могутъ быть удалены изъ него, не нарушая его цѣлости. М-ръ Чэпмэнъ при этомъ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что въ настоящее время кое-гдѣ стоимость такихъ машинъ включается въ оцѣночную сумму промышленныхъ заведеній, въ другихъ же частяхъ королевства—не включается, между тѣмъ какъ въ этомъ отношеніи необходимо установить повсюду одинаковый порядокъ. Билль этотъ одобренъ мѣстными податными коммиссарами и несомнѣнно долженъ повлечь уменьшеніе пререканій между владѣльцами промышленныхъ заведеній и властями, производящими оцѣнку и сборъ податей. Во время преній м-ръ Д. А. Томасъ указалъ, что въ случаѣ принятія этого билля во многихъ округахъ нѣкоторая часть общей массы податей переложится съ владѣльцевъ промышленныхъ заведеній на рабочій классъ, которому не такъ легко справиться съ налагаемымъ на него податнымъ бременемъ. Билль прошелъ во второмъ чтеніи, при большинствѣ 157 голосовъ противъ 119.

24 марта министръ внутреннихъ дѣлъ м-ръ Экерсъ-Дугласъ внесъ въ палату общинъ для втораго чтенія билль о работѣ малолѣтнихъ

(The Empoyment of Children Bill). Билль содержитъ постановленія, охраняющія интересы малолѣтнихъ, исполняющихъ извѣстныя, указанныя въ этомъ биллѣ работы, оплачиваемыя жалованьемъ, но не упомянутыя ни въ законахъ о рудникахъ и копяхъ, ни въ законахъ о фабрикахъ и заводахъ. Дѣйствіе разсматриваемаго билля коснется 150.000 малолѣтнихъ, исполняющихъ въ настоящее время перечисляемыя въ немъ работы. Билль прошелъ во второмъ чтеніи и былъ переданъ въ главный комитетъ по дѣламъ торговли.

25 марта м-ръ Пайри предложилъ палатѣ общинъ принять резолюцію о необходимости при пріемѣ новобранцевъ примѣнять болѣе строгія требованія по отношенію къ ихъ физическому развитію. По его убѣжденію, ни въ какомъ случаѣ нельзя принимать въ армію или оставлять въ ней лицо, завѣдомо не достигшее 18-лѣтняго возраста. Лордъ Стэнли заявилъ, что въ настоящее время обращается особое вниманіе на измѣреніе роста и объема грудной клѣтки у новобранцевъ, равно какъ на общее состояніе ихъ здоровья, и что приняты нужныя мѣры къ тому, чтобы имѣть возможность слѣдить за принятіемъ въ армію лишь достигшихъ 18-лѣтняго возраста. Предложенная резолюція была принята палатой.

Въ тотъ же день м-ръ Виндгамъ внесъ въ палату общинъ новый ирландскій поземельный билль (The Irish Land Bill), встрѣченный палатою весьма сочувственно. Хотя по своему содержанію и пространству дѣйствія билль этотъ касается исключительно одной только Ирландіи и не имѣетъ никакого прямаго отношенія къ Англіи, тѣмъ не менѣе онъ является однимъ изъ наиболѣе важныхъ мѣропріятій. Въ виду того, что билль этотъ имѣетъ мѣстное значеніе и полонъ чисто-техническихъ подробностей, я не стану входить въ настоящемъ моемъ письмѣ въ детальное разсмотрѣніе его содержанія; но, если бы кто-нибудь изъ читателей пожелалъ получить болѣе подробныя свѣдѣнія о существѣ новаго билля, то я съ готовностью сообщу ему письмомъ все, что можетъ интересовать его по этому вопросу. Главная цѣль билля заключается въ томъ, чтобы предоставить правительственную денежную поддержку мелкимъ земельнымъ арендаторамъ въ Ирландіи съ цѣлью помочь имъ купить землю и стать самостоятельными землевладѣльцами. Согласно разсматриваемому биллю выпускается новая денежная рента, подъ названіемъ „гарантированная $2^3/_4$% рента“, погашеніе которой не можетъ быть произведено ранѣе 30 лѣтъ. Сумма, необходимая для покупки всей земли въ Ирландіи, которую только можно скупить, не превыситъ 100.000.000 фунт. стерл., согласно же новому биллю правительство

предполагаетъ оказать денежную поддержку въ суммѣ не свыше 12.000.000 фунт. стерл. При обсужденіи билля сэръ Генри Кэмпбелль-Баннерманъ выразилъ сомнѣніе въ цѣлесообразности до такой степени помѣщать государственные фонды подъ залогъ земли. Въ первомъ чтеніи билль былъ принятъ съ большимъ сочувствіемъ. 7-го же мая билль прошелъ во второмъ чтеніи въ палатѣ общинъ.

26 марта сэръ Чарльзъ Дилькъ обратилъ вниманіе палаты общинъ на условія, при которыхъ производятся работы въ принадлежащемъ правительству арсеналѣ въ Вульвичѣ и Девонпортскомъ отдѣлѣ, гдѣ производится заготовка аммуниціи, при чемъ указывалъ, что рабочая плата, выдаваемая правительствомъ, слишкомъ низка. Въ отвѣтъ на это заявленіе, военный министръ м-ръ Бродрикъ указалъ, что рабочіе обыкновенно предпочитаютъ имѣть регулярныя и постоянныя занятія на правительственныхъ заводахъ, хотя бы за меньшую заработную плату, чѣмъ служить за болѣе высокую плату у частнаго предпринимателя, но безъ увѣренности въ постоянности и опредѣленности ихъ занятій. Кромѣ того онъ замѣтилъ, что въ настоящее время размѣръ жалованья въ Вульвичѣ составляетъ 21 шиллингъ въ недѣлю; если же размѣръ этотъ увеличить, то почти несомнѣннымъ послѣдствіемъ этого явится повышеніе въ Вульвичѣ квартирной платы, такъ что рабочіе въ сущности отъ этого нисколько не выиграютъ.

26 марта м-ръ Кирли внесъ предложеніе въ палату общинъ о томъ, чтобы государство выплачивало пенсіи вдовамъ тѣхъ моряковъ, которые служили въ королевскомъ флотѣ и погибли, находясь на кораблѣ, отъ какого-нибудь несчастнаго случая, имѣвшаго мѣсто во время маневровъ или тому подобныхъ упражненій въ мирное время. М-ръ Приттименъ обратилъ вниманіе на то, что предлагаемая мѣра на самомъ дѣлѣ имѣетъ гораздо бо̀льшее значеніе, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Если выдавать такія пенсіи вдовамъ моряковъ, погибшихъ отъ несчастныхъ случайностей при морскихъ упражненіяхъ въ мирное время, то необходимо предоставить такія же льготы и вдовамъ солдатъ, умершихъ отъ несчастій при военныхъ упражненіяхъ въ теченіе мирнаго времени; наконецъ, въ такомъ случаѣ, едва ли послѣдовательно будетъ лишать тѣхъ же льготъ и вдовъ служащихъ по гражданскому вѣдомству. Съ другой стороны крайне затруднительнымъ окажется опредѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ, является ли смерть непосредственнымъ послѣдствіемъ морскихъ или военныхъ

упражненій. Предложеніе м-ра Кирли было отклонено 135 голосами противъ 61.

31 марта м-ръ Гэнбюри внесъ въ ту же палату для втораго чтенія билль объ искусственномъ маслѣ (The Adulterated Butter Bill). Противъ постановленій этого билля возражалъ м-ръ Кирли, указывая, что билль этотъ узаконяетъ продажу искусственнаго масла, ставя лишь то условіе, чтобы покупатель былъ объ этомъ предупрежденъ, и разрѣшаетъ выпускать въ продажу нѣкоторые сорта масла, содержащіе свыше 20% воды. Упомянутый билль, постановляющій, между прочимъ, что на всякомъ маслѣ, содержащемъ болѣе 16% воды, долженъ быть наклеенъ ярлыкъ, на которомъ слѣдуетъ явственно обозначить слова „искусственное масло", переданъ въ главный комитетъ по дѣламъ торговли.

Въ тотъ же день м-ръ Круксъ внесъ въ палату общинъ предложеніе о томъ, чтобы издержки по выборамъ представителей населенія въ парламентъ покрывались изъ общественныхъ средствъ, а не изъ средствъ самихъ кандидатовъ, какъ это дѣлается теперь, и чтобы такимъ образомъ предоставить избирателямъ возможность болѣе обширнаго и свободнаго выбора представителя изъ среды кандидатовъ; кромѣ того, по предложенію м-ра Крукса, государство должно выплачивать всѣмъ представителямъ извѣстное вознагражденіе за исполненіе обязанностей членовъ парламента. Предложеніе это было поддержано сэромъ Генри Кэмпбелль Баннерманомъ, который указалъ, что финансовыя соображенія въ данномъ случаѣ не должны мѣшать дальнѣйшему развитію демократической системы представительства, установленіе которой принадлежитъ Англіи. Далѣе онъ замѣтилъ, что многіе люди, съ большими способностями, не могутъ выступать кандидатами при парламентскихъ выборахъ, такъ какъ они не въ состояніи нести всѣ сопряженныя съ этимъ издержки. Предложеніе это не было принято.

27 марта д-ръ Макнэмэрэ предложилъ палатѣ общинъ для втораго чтенія билль объ оцѣнкѣ земель и о поземельномъ налогѣ (The Land Values Assessment and Rating Bill), имѣющій цѣлью предоставить мѣстнымъ городскимъ властямъ новый источникъ дохода. Согласно этому биллю предполагается предоставить мѣстнымъ властямъ самостоятельное право облагать извѣстнымъ налогомъ всякую землю, сообразно ея оцѣнкѣ, какъ находящуюся подъ строеніями, такъ и незастроенную, и совершенно независимо отъ стоимости возведенныхъ на ней построекъ. Противъ этого билля возражалъ отъ имени правительства м-ръ Грантъ

Лосонъ, указывавшій, прежде всего, что билль этотъ вызоветъ излишнюю расточительность со стороны мѣстныхъ властей, которыя въ предоставляемомъ имъ правѣ увидятъ новый богатый источникъ средствъ для удовлетворенія своихъ надобностей. Въ сущности говоря, заселенные дома и земли, на которыхъ они построены, обложены уже въ совершенно достаточной мѣрѣ, и никакихъ новыхъ налоговъ больше взимать съ нихъ нельзя. Предложеніе же взимать налоги съ незаселенныхъ строеній является несправедливымъ, такъ какъ въ подобномъ случаѣ домовладѣльцы, которымъ не посчастливилось сдать внаймы свои помѣщенія, уплачивая налогъ, тѣмъ самымъ, въ сущности, несутъ на себѣ нѣкоторую часть податнаго бремени, которая должна лежать на собственникахъ заселенныхъ домовъ. Послѣдствіемъ такой мѣры явится, несомнѣнно, упадокъ строительной дѣятельности. Члены парламента, предлагавшіе этотъ билль, указывали, что онъ вызоветъ усиленную перепродажу земель. Но, съ другой стороны, если бы даже принятіе этого билля и вызвало такое послѣдствіе, то едва ли можно считать правильнымъ установленіе закономъ особыхъ налоговъ для того, чтобы заставлять нѣкоторую часть землевладѣльцевъ переуступать свое имущество тѣмъ лицамъ, которыя стремятся скупить земли дешевле ея настоящей стоимости. Предложеніе о второмъ чтеніи билля было отклонено 183 голосами противъ 170.

Палата общинъ разсматривала 2 апрѣля въ комитетѣ ежегодный билль объ арміи (The Army—Annual—Bill). Въ билль этотъ предполагалось включить постановленіе о томъ, что всякому офицеру, покинувшему или сдавшему гарнизонъ или какой-нибудь охраняемый имъ военный постъ, предоставляется право судиться военнымъ судомъ. Противъ внесенія такого постановленія возражалъ военный министръ м-ръ Бродрикъ, и внесенное предложеніе было отвергнуто 143 голосами противъ 49.

Маіоръ Сили внесъ предложеніе о томъ, чтобы не зачислять въ службу новобранцевъ, не достигшихъ 18-лѣтняго возраста. Отъ имени военнаго министерства лордъ Стэнли заявилъ, что это предложеніе не можетъ быть принято безъ преній, такъ какъ оно вызываетъ необходимость для властей, завѣдующихъ пріемомъ новобранцевъ, требовать отъ всѣхъ поступающихъ на службу метрическія свидѣтельства о рожденіи. Предложеніе это было отвергнуто, а самый билль прошелъ послѣ этого въ комитетѣ.

7 апрѣля сэръ Вилльямъ Энсонъ внесъ въ палату общинъ билль объ обученіи въ городѣ Лондонѣ (The London Education Bill), распространяющій на городъ Лондонъ, съ незначительными измѣненіями, постановленія изданнаго въ 1902 году билля объ обученіи (The Education Bill), о которомъ я сообщалъ въ нѣсколькихъ послѣднихъ моихъ письмахъ. Наиболѣе важнымъ постановленіемъ новаго билля является упраздненіе существующаго нынѣ Лондонскаго совѣта по школьнымъ дѣламъ и передача завѣдыванія учебнымъ дѣломъ Лондонскому совѣту графства, который осуществляетъ свою власть по дѣламъ, касающимся народнаго образованія, черезъ особый комитетъ, состоящій изъ 97 членовъ. Внесеніе этого билля было одобрено 159 голосами противъ 77.

Тогда же м-ръ Гэлловей внесъ въ палату общинъ предложеніе объ учрежденіи въ главнѣйшихъ городахъ королевства народныхъ оперныхъ театровъ, дѣятельность которыхъ должна подлежать общественному контролю. По поводу этого предложенія отвѣчалъ отъ имени правительства сэръ Вилльямъ Энсонъ, который, признавая всю важность поднятаго вопроса, тѣмъ не менѣе выразилъ сомнѣніе въ возможности принять сдѣланное предложеніе. Въ виду такого заявленія предложеніе м-ра Гэлловей было отвергнуто.

2 апрѣля въ палату общинъ былъ внесенъ для втораго чтенія билль о пистолетахъ (The Pistols Bill), который предлагаетъ воспретить продажу пистолетовъ малолѣтнимъ, не достигшимъ 16-тилѣтняго возраста. Билль прошелъ во второмъ чтеніи.

Въ палатѣ общинъ канцлеръ казначейства м-ръ Ритчи представилъ 23 апрѣля ежегодный докладъ о государственномъ бюджетѣ и финансахъ за истекшій годъ. Общая сумма всѣхъ расходовъ въ теченіе 1902—1903 финансоваго года, включая въ томъ числѣ суммы, отпущенныя въ дополненіе къ средствамъ, собраннымъ отъ мѣстныхъ налоговъ, и расходы по уплатѣ процентовъ по государственнымъ займамъ, составляетъ 201.127.000 фунт. стерл. Расходовъ же, произведенныхъ на непосредственное удовлетвореніе различныхъ нуждъ, было сдѣлано на 184.484.000 фунт. Общая же сумма доходовъ, поступившихъ въ казначейство, составляла въ отчетномъ году 151.552.000 ф. ст., при чемъ главный источникъ дохода представляютъ собою налоги, давшіе 139.700 ф. ст. При распредѣленіи этой суммы по количеству населенія, получается что на каждаго человѣка приходится налоговъ по 3 ф. 6 шил. и 7 пенсовъ, въ то время какъ въ 1815 году на каждаго жителя приходилось налоговъ 3 фунта и 16 шил. При сопоставленіи расхода

въ 184.484.000 фун. съ доходомъ въ 151.552.000 ф. получается дефицитъ въ 32.932.000 фун. стерл. Что касается государственнаго долга, то таковой къ концу отчетнаго финансоваго года достигъ суммы въ 770.779.000 фун. стерл. Для упроченія нашихъ государственныхъ финансовъ желательно, чтобы на погашеніе государственныхъ долговъ и въ частности государственной ренты ежегодно отчислялась опредѣленная сумма. Сумма эта можетъ быть опредѣлена въ размѣрѣ 27.000.000 фун. стерл., въ числѣ которыхъ 6.600.000 должны отчисляться на погашеніе государственной ренты. Принимая же во вниманіе, что въ настоящее время государство можетъ еще располагать и суммами, получаемыми отъ Трансвааля, размѣръ этого отчисленія можно увеличить еще болѣе, и если долгъ не будетъ возрастать и для погашенія его будетъ ежегодно отчисляться сумма въ предположенномъ размѣрѣ, то можно разсчитывать, что черезъ 50 лѣтъ, считая отъ настоящаго времени, весь нашъ огромный государственный долгъ будетъ погашенъ.

Обращаясь къ финансовымъ предположеніямъ на 1903—1904 годъ, канцлеръ казначейства указалъ, что расходы на этотъ годъ можно исчислить въ суммѣ 143.954.000 фун. стерл., изъ коихъ 62.045.000 фун. стерл. предназначаются для надобностей арміи и флота. Что касается системы налоговъ, то онъ предлагаетъ уменьшить подоходный налогъ и уничтожить налогъ на зерновой хлѣбъ. Доходы на будущій годъ могутъ быть опредѣлены въ слѣдующемъ размѣрѣ: отъ таможенныхъ пошлинъ—34.640.000 фунт. стерл., отъ акцизныхъ сборовъ—320.700.000 фунт. стерл., отъ наслѣдственныхъ пошлинъ—13.300.000 фунт. стерл., отъ гербовыхъ пошлинъ—8.400.000 фунт. стерл., отъ поземельнаго и подомоваго налоговъ—2.600.000 фунт. стерл,. отъ подоходнаго налога—30.500.000 фунт. стерл., а всего, отъ всѣхъ налоговъ—122.140.000 фунт. стерл. Къ этимъ доходамъ отъ налоговъ слѣдуетъ прибавить поступленія изъ другихъ источниковъ въ суммѣ 22.130.000 фунт. стерл. Общая сумма предполагаемыхъ къ поступленію доходовъ составляетъ 144.270.000 фунт. стерл., а сумма ожидаемыхъ расходовъ—143.954.000 фунт. стерл.

24 апрѣля м-ръ Бутчеръ предложилъ палатѣ лордовъ для втораго чтенія билль о вознагражденіи въ случаѣ отказа въ возобновленіи разрѣшенія на продажу спиртныхъ напитковъ (The Licensing Law—Compensation For Non-Renewal—Bill). Согласно этому биллю въ тѣхъ случаяхъ, когда соотвѣтствующія власти отказываютъ владѣльцу питейнаго заведенія въ возобновленіи разрѣшенія произво-

дить дальнѣйшую продажу спиртныхъ напитковъ въ его заведеніи по какимъ бы то ни было основаніямъ, за исключеніемъ лишь отнятія разрѣшенія по винѣ самого владѣльца заведенія, торговцу должно быть уплачено особое вознагражденіе изъ суммъ, получаемыхъ отъ сборовъ съ лицъ, производящихъ торговлю спиртными напитками. Число отнимаемыхъ разрѣшеній должно находиться въ зависимости въ каждой данной мѣстности отъ размѣра слѣдуемаго владѣльцамъ ихъ вознагражденія, которое должно слагаться какъ изъ обычной рыночной стоимости такого разрѣшенія, такъ и изъ преміи за его уступку. М-ръ Уиттэкеръ возражалъ противъ этого билля, указывая, что онъ будетъ препятствовать проведенію реформъ, имѣющихъ цѣлью распространеніе трезвости, и сильно стѣснитъ права властей отнимать разрѣшенія на производство торговли спиртными напитками. М-ръ Асквитъ указалъ, что право властей, въ случаѣ надобности, отнимать разрѣшеніе на производство торговли спиртными напитками въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣется слишкомъ много питейныхъ заведеній, не должно никоимъ образомъ быть стѣснено соображеніями о вознагражденіи, причитающемся къ выдачѣ за отнятіе разрѣшеній изъ сборовъ отъ торговли спиртными напитками. Въ концѣ концовъ билль прошелъ во второмъ чтеніи при большинствѣ 266 голосовъ противъ 133.

1 мая сэръ Г. Паркеръ предложилъ палатѣ общинъ для втораго чтенія билль о бракахъ вдовцовъ съ сестрами ихъ покойныхъ женъ (The Deceased Wife's Sister Bill), согласно которому такіе браки признаются законными. Въ нѣкоторыхъ британскихъ колоніяхъ законъ разрѣшаетъ вдовцамъ жениться на сестрахъ ихъ покойныхъ женъ, но въ Великобританіи и Ирландіи такіе браки не допускаются. Противъ билля возражалъ м-ръ Кеннавэй, который доказывалъ, что такіе браки представляютъ собою нарушеніе Божьей заповѣди, выраженной въ Священномъ Писаніи. М-ръ Криппсъ высказалъ мнѣніе, что признаніе подобныхъ браковъ законными вредно отразится на чистотѣ и нравственности семейной жизни. М-ръ Бринмеръ Джонсъ доказывалъ, что браки, о которыхъ идетъ рѣчь, не могутъ никоимъ образомъ вліять на вырожденіе потомства въ физическомъ отношеніи. При голосованіи разсматриваемый билль былъ принятъ во второмъ чтеніи большинствомъ 164 голосовъ противъ 94 и затѣмъ былъ переданъ въ главный комитетъ по законодательнымъ дѣламъ.

30 апрѣля лордъ Сельборнъ внесъ въ палату лордовъ для втораго чтенія билль о морскихъ силахъ (The Naval Forces Bill), глав-

ное постановленіе котораго заключается въ порученіи адмиралтейству организовать особыя команды изъ моряковъ-добровольцевъ. Такіе добровольцы принимаютъ на себя обязанность нести службу во всякой части свѣта и въ морскихъ водахъ всѣхъ странъ, при чемъ условія ихъ службы не ограничены ни мѣстомъ, ни временемъ. Билль прошелъ во второмъ чтеніи въ палатѣ лордовъ, а затѣмъ, 7 мая, былъ принятъ тою же палатой въ третьемъ чтеніи.

Въ палатѣ общинъ 8 мая происходило обсужденіе предложеннаго м-ромъ Шэкльтономъ для втораго чтенія билля о рабочихъ безпорядкахъ (The Trades Disputes Bill). Билль этотъ предлагаетъ объявить ненаказуемымъ и дозволеннымъ закономъ практикуемое во время рабочихъ безпорядковъ командированіе рабочими союзами своихъ членовъ въ нѣкоторые пункты для того, чтобы собирать извѣстныя свѣдѣнія или оглашать какія-нибудь сообщенія, а равно уговаривать рабочихъ продолжать занятія или прекратить таковыя. При этомъ такія дѣйствія рабочихъ должны быть, согласно предложенному биллю, признаны непротивными законамъ только въ томъ случаѣ, когда они не сопровождаются угрозами. Кромѣ того, тотъ же билль предлагалъ, чтобы союзы или иныя какія-либо единенія рабочихъ не могли подлежать судебной отвѣтственности за такія дѣйствія, которыя, въ случаѣ совершенія ихъ какимъ-нибудь однимъ человѣкомъ, въ отдѣльности, не влекутъ за собою для него никакой отвѣтственности. Министръ внутреннихъ дѣлъ м-ръ Экерсъ Дугласъ возражалъ противъ этого билля, указывая, что послѣдній признаетъ законнымъ такое поведеніе рабочихъ во время безпорядковъ, которое во всякое другое время считается противнымъ законнымъ постановленіямъ. Примѣромъ подобнаго случая могутъ служить сборища, вызывающія остановку движенія на большихъ улицахъ. М-ръ Бальфуръ заявилъ, что въ случаѣ принятія этого билля окажется невозможнымъ возстановленіе порядка въ тѣхъ случаяхъ, когда группы рабочихъ будутъ прибѣгать во время стачки къ устрашительнымъ мѣрамъ по отношенію къ своимъ товарищамъ. Билль былъ отвергнутъ 256 голосами противъ 226.

Отвѣчая на запросъ м-ра Сореса, министръ почтъ м-ръ Аустинъ Чемберлэнъ заявилъ 12 мая въ палатѣ общинъ, что онъ имѣетъ въ виду принять нѣкоторые мѣры къ улучшенію пересылки по почтѣ посылокъ для предоставленія большихъ удобствъ жителямъ сельскихъ округовъ. Къ выработкѣ такихъ мѣръ въ настоящее время уже приступлено.

12 мая м-ръ Криппсъ внесъ въ палату общинъ для втораго чтенія билль о церковной дисциплинѣ (The Church Discipline № 2 Bill), направленный къ тому, чтобы заставить служителей церкви оказывать больше повиновенія епископамъ въ вопросахъ, касающихся церковныхъ обрядовъ и церемоній. Согласно этому биллю предполагается предоставить епископамъ право дѣлать предостереженія тѣмъ священнослужителямъ, подчиненнымъ ихъ надзору, на которыхъ поступаютъ жалобы въ неисполненіи ими какихъ-либо требованій религіознаго ученія или церковной догматики; въ тѣхъ же случаяхъ, когда такое предостереженіе будетъ оставлено безъ вниманія и прежнее нарушеніе станетъ продолжаться, епископъ будетъ имѣть право воспретить священнослужителю дальнѣйшее отправленіе его обязанностей и объявить его должность вакантной. М-ръ Макъ Артуръ высказался противъ принятія этого билля на томъ основаніи, что онъ направленъ къ ослабленію королевскаго верховенства надъ церковью и замѣняетъ постановленія церковныхъ и государственныхъ законовъ произвольнымъ усмотрѣніемъ епископовъ. Во второмъ чтеніи билль былъ принятъ, тѣмъ не менѣе, большинствомъ 80 голосовъ противъ 56.

Въ палатѣ общинъ 13 мая была предложена м-ромъ В. Джонсомъ резолюція, приглашающая правительство приступить къ пересмотру и распространенію постановленій закона о вознагражденіи рабочихъ (The Workmen's Compensation Act). Министръ внутреннихъ дѣлъ м-ръ Экерсъ Дугласъ замѣтилъ, что въ настоящее время польза, принесенная закономъ 1897 года о вознагражденіи рабочихъ, является общепризнанной. Въ началѣ работодатели высказывали опасенія, что законъ этотъ ляжетъ тяжелымъ бременемъ на промышленность, но практика показала, что опасенія эти были совершенно неосновательны. Правительство желаетъ съ полной готовностью приступить къ пересмотру и распространенію постановленій упомянутаго закона, но билль объ этомъ можетъ быть внесенъ въ палату никакъ не раньше слѣдующей парламентской сессіи. Предложеніе это было принято безъ голосованія.

Съ глубокимъ прискорбіемъ приходится мнѣ сообщить о смерти президента совѣта по дѣламъ земледѣлія м-ра Гэнбюри, скончавшагося отъ воспаленія легкихъ. М-ръ Гэнбюри былъ выдающимся парламентскимъ дѣятелемъ, и ему обязаны своимъ осуществленіемъ многія полезныя мѣры не только въ области сельскаго хозяйства, но и болѣе общаго характера. Въ настоящее время еще неизвѣстно,

кто будетъ назначенъ его преемникомъ по должности президента совѣта по дѣламъ земледѣлія.

Въ настоящее время въ различныхъ странахъ свѣта женщины начинаютъ заниматься такими профессіями, которыя прежде принадлежали исключительно мужчинамъ. Такъ, онѣ теперь добиваются включенія ихъ въ списки лицъ, занимающихся адвокатурой. Въ Англіи до сихъ поръ такія попытки были весьма рѣдкими и никогда не имѣли успѣха. Одна изъ нихъ, имѣвшая мѣсто въ этомъ мѣсяцѣ, обратила на себя вниманіе печати. Въ Англіи адвокатура распадается на два сословія: сословіе барристеровъ и сословіе солиситоровъ, при чемъ высшимъ изъ нихъ считается сословіе барристеровъ, которые имѣютъ исключительное право выступать въ высшихъ судебныхъ инстанціяхъ. Для того, чтобы стать барристеромъ, нужно не только выдержать нѣсколько экзаменовъ по юридическимъ предметамъ, но также и прослушать цѣлый рядъ курсовъ въ теченіе болѣе трехъ лѣтъ въ одномъ изъ четырехъ англійскихъ училищъ правовѣдѣнія—Inner Temple, Middle Temple, Lincoln's Inn и Gray's Inn. Въ послѣднее изъ названныхъ училищъ недавно обратилась одна женщина съ ходатайствомъ о принятіи ея въ число студентовъ. Однако начальство учебнаго заведенія нашло, что уставъ училища не предоставляетъ права женщинамъ поступать въ число студентовъ съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи заниматься адвокатской практикою въ качествѣ барристера.

Большое вниманіе обратило на себя не лишенное общаго значенія дѣло Эдмондсона съ Рендлемъ, разсмотрѣнное недавно судьей Лоренсомъ. Эдмондсонъ предъявилъ къ Рендлю искъ объ убыткахъ за несправедливый арестъ его, истца, по приказанію отвѣтчика—офицера, бывшаго его начальникомъ во время войны въ Южной Африкѣ. Судья Лоренсъ въ искѣ отказалъ, признавъ, что въ случаѣ арестованія солдата, согласно постановленіямъ закона объ арміи, онъ можетъ жаловаться лишь въ томъ порядкѣ, какой указанъ въ этомъ законѣ. Кромѣ того, по мнѣнію Лоренса, разрѣшеніе предъявлять искъ къ офицеру, бывшему начальникомъ истца, по поводу распоряженій, сдѣланныхъ имъ на полѣ битвы, во время происходившихъ въ тотъ моментъ военныхъ дѣйствій, противорѣчило бы задачамъ государственной политики и сильно подрывало бы строгость военной дисциплины.

Въ виду различныхъ обстоятельствъ, а главнымъ образомъ

вслѣдствіе одного-двухъ изъ ряда выходящихъ преступленій, разсматривавшихся недавно въ центральномъ уголовномъ судѣ, въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ кругахъ замѣчается сильное движеніе въ пользу изданія особаго закона, ограничивающаго иммиграцію въ Англію неимущихъ чужеземцевъ. Въ Америкѣ существуютъ очень строгіе законы объ иммиграціи, а въ Англіи такихъ законовъ совершенно не имѣется, и чужеземцы, принадлежащіе къ самымъ различнымъ національностямъ, часто не имѣющіе ни копѣйки для поддержанія своего существованія и оказывающіеся сплошь и рядомъ неисправимыми преступниками, безпрепятственно принимаются въ нашемъ государствѣ и поселяются среди насъ. Вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ частяхъ Лондона мы находимъ цѣлыя скопища подонковъ общества, представляющихъ серьезную опасность для имущества и здоровья, а иногда и личной безопасности гражданъ. Съ другой стороны, люди эти, переселяясь, производятъ сильныя колебанія цѣнъ на рабочемъ рынкѣ. Въ настоящее время особая коммисія занимается тщательнымъ изслѣдованіемъ этого вопроса и собираніемъ всѣхъ относящихся къ нему данныхъ. Она, по окончаніи своихъ занятій, составитъ докладъ, который послужитъ основаніемъ для принятія въ законодательномъ порядкѣ какихъ-либо мѣръ, ограничивающихъ иммиграцію иностраннаго пролетаріата. Пока же иммигранты причиняютъ много хлопотъ какъ администраціи, такъ и судьямъ.

Министромъ внутреннихъ дѣлъ собраны нѣкоторыя статистическія данныя о численности преступниковъ иностранцевъ, находившихся въ Англіи подъ арестомъ въ день 2-го марта сего года. Въ этотъ день подъ арестомъ находилось 625 иностранцевъ - преступниковъ, въ томъ числѣ 175 нѣмцевъ, 149 поляковъ и русскихъ, 54 француза, 44 итальянца, 29 норвежцевъ, шведовъ и датчанъ, 8 голландцевъ и 166 другихъ національностей. Заключенныхъ мужчинъ было 568, женщинъ 57. По совершеннымъ преступленіямъ арестованные распредѣлялись такимъ образомъ: за преступленія противъ собственности, безъ насилія, было задержано 228 человѣкъ, за такія же преступленія, но съ насиліемъ,—114, за преступленія противъ личности—98, за подлогъ и поддѣлку монеты 33, остальные по роду преступленій не распредѣлены. Изъ всего числа иностранцевъ 102 были приговорены къ каторжнымъ работамъ на срокъ въ 5 лѣтъ и болѣе, 59 на срокъ менѣе 5 лѣтъ, 111 были приговорены къ тюремному заключенію съ тяжкими работами на одинъ годъ и болѣе, 93—къ такому же заключенію на срокъ болѣе

6, но не свыше 12 мѣсяцевъ, 63—на срокъ отъ 3 до 6 мѣсяцевъ, 67—на срокъ отъ одного до 3 мѣсяцевъ, и 130—на срокъ менѣе одного мѣсяца. Содержаніе этихъ лицъ въ тюрьмѣ обходится государству около 30.000 ф. ст. въ годъ.

По обыкновенію, прошу моихъ читателей за разъясненіями обращаться ко мнѣ письменно.

Сесилъ Мидъ Алленъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Studies in History and Jurisprudence, by James Bryce. Два тома. Oxford. 1901. XXII+553, XVI+543.

Въ этомъ сочиненіи знаменитый англійскій писатель Джемсъ Брайсъ собралъ во едино свои публичныя лекціи, читанныя въ Оксфордскомъ университетѣ, и разнообразныя работы, возникшія между 1870 и 1899 г., дополнивъ ихъ и отчасти переработавъ. Авторъ можетъ быть признанъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ современныхъ ученыхъ. Въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ онъ былъ профессоромъ римскаго права въ Оксфордѣ, затѣмъ около шести лѣтъ состоялъ министромъ колоній въ кабинетѣ Гладстона, а теперь—чрезвычайно дѣятельный членъ парламента, склоняющійся къ радикальной группѣ. Такимъ образомъ Д. Брайсъ, вполнѣ подготовленный научно, изучалъ общественную жизнь не только изъ разнообразныхъ памятниковъ и историческихъ изслѣдованій, но самъ принималъ въ ней живое участіе, а въ настоящій моментъ чутко прислушивается ко всѣмъ только-что нарождающимся вопросамъ. Присоединимъ къ этому его чрезвычайно обширныя путешествія и связи; онъ посѣтилъ земли, начиная на сѣверѣ—Исландіей и кончая на югѣ мысомъ Доброй Надежды, на востокѣ—Индіей и Кавказомъ и на западѣ Санъ-Франциско въ Америкѣ. Объ Америкѣ имѣется его капитальный трудъ, переведенный и на русскій языкъ, Кавказъ имъ описанъ, а о „Священной римской имперіи“ имъ издана прекрасная работа. Мысли такого человѣка, очевидно, должны вызвать чрезвычайный интересъ въ каждомъ образованномъ обществѣ, тѣмъ болѣе, что во всѣхъ

ихъ замѣчается стремленіе подготовить разрѣшеніе самыхъ глубокихъ политическихъ задачъ современности.

По моему мнѣнію, Д. Брайсъ, какъ политикъ-практикъ, ищетъ въ историческихъ данныхъ и современныхъ, имъ описываемыхъ событіяхъ отвѣта на цѣлый рядъ практическихъ вопросовъ, и это придаетъ особенную жизненность и свѣжесть его изысканіямъ, а также связываетъ ихъ въ одно цѣлое, несмотря на чрезвычайное, на видъ, разнообразіе содержанія. На это тѣсное соотношеніе прошедшаго съ будущимъ я и обращу вниманіе, такъ какъ оно ускользнуло совершенно отъ англійской и нѣмецкой критикъ.

„*Сравненіе исторіи и права Рима съ исторіей и правомъ Англіи*" составляетъ содержаніе цѣлаго ряда опытовъ, „дабы болѣе раннее усиліе природы объединить людей въ одномъ типѣ образованности бросило свѣтъ на болѣе позднюю попытку, такъ какъ Римъ и Англія были главнѣйшими факторами такого объединенія" (стр. 4 т. II). Въ этихъ опытахъ я вижу стремленіе приподнять нѣсколько завѣсу будущаго и, сообразно съ этимъ, найти практическія указанія на рѣшеніе разнообразнѣйшихъ задачъ англійской колоніальной политики, особенно относительно Индіи, напр., на важнѣйшій, по мнѣнію Брайса, вопросъ современности—объ отношеніи европейскихъ народовъ къ наиболѣе отсталымъ племенамъ другаго свѣта (стр. 80 т. I). Авторъ останавливается здѣсь на ростѣ римской и британской имперій и необходимыхъ послѣдствіяхъ, отсюда проистекающихъ (I), на распространеніи въ мірѣ римской и англійской системъ права съ попутной характеристикой всѣхъ остальныхъ системъ права, не исключая и славянской (II), на сравненіи политическихъ учрежденій Рима и Англіи (III), на формахъ законодательной дѣятельности и развитія права въ Римѣ и Англіи (XIV, XV) и на римскомъ и англійскомъ брачномъ правѣ, особенно на вопросѣ о разводахъ, интересующемъ въ настоящій моментъ законодателей многихъ странъ (XVI). Невозможно, хотя и сжато, ознакомить читателя со всѣмъ богатствомъ высказанныхъ здѣсь мыслей, важныхъ для администраторовъ каждой страны съ обширными колоніями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нашей. Замѣчу, однако, что сравненіе Рима и Англіи составляетъ только общую канву изложенія, расширяемаго и углубляемаго сопоставленіями и съ другими странами, а именно Франціей, Германіей, Сѣверо-Американскими Штатами, Россіей.

Въ упомянутой группѣ опытовъ особое теоретическое значеніе имѣетъ изложеніе автора о системахъ права. По его мнѣнію, міръ

въ своемъ развитіи представилъ только *двѣ міровыя системы права, римскую* и *англійскую*, какъ результаты міровой политики обоихъ народовъ. Подлѣ нихъ стоятъ только мусульманское право, составляющее часть религіи Ислама и упорядочивающее жизнь мусульманъ, гдѣ бы они ни были, и китайское право (стр. 85—87, т. I). Авторъ бѣгло слѣдитъ за распространеніемъ римскаго права съ момента его зарожденія въ маленькомъ итальянскомъ городѣ и за расширеніемъ англійскаго права, возникшаго „изъ соединенія грубыхъ обычаевъ группы нижнегерманскихъ племенъ съ началами, выработанными тонкимъ, острымъ и чрезвычайно любящимъ споры умомъ галлонизированныхъ норманновъ“ (стр. 143 т. I). Конечно, бо́льшій интересъ возбуждаетъ описаніе распространенія англійскаго права съ обстоятельнымъ обзоромъ и оцѣнкою законодательной дѣятельности и ея результатовъ въ Индіи. Будущее обѣихъ системъ авторъ видитъ въ ихъ значительномъ объединеніи, что̀ будетъ достигнуто всецѣло въ сферѣ экономическихъ интересовъ, гдѣ владычествуютъ умъ и наука, и въ меньшей степени тамъ, гдѣ играютъ видную роль чувства, т. е. въ сферѣ правъ семейственнаго и государственнаго (стр. 144 т. I).

Въ этомъ опытѣ (II) можно сдѣлать упрекъ автору, что онъ не попытался охарактеризовать римскую и англійскую системы правъ. Нельзя же, дѣйствительно, считать характеристикой слѣдующія слова: „несмотря на вліяніе Рима англійская система сохранила свои отличительныя черты и духъ, духъ специфически противоположный императорскому праву во всемъ, относящемся къ правамъ индивида и средствамъ ихъ обезпеченія; она и передала нѣчто изъ этого духа болѣе прогрессивнымъ формамъ римскаго права въ конституціонныхъ странахъ“ (стр. 143). Постараемся пополнить этотъ пробѣлъ.

Въ римскомъ правѣ очень рано выступаетъ полноправная личность, опредѣляющая всю свою гражданскую и политическую дѣятельность только своею волею; даже законъ носитъ на себѣ отпечатокъ возможно ясно и притомъ письменно выраженнаго соглашенія большинства гражданъ. Это придаетъ особый, *индивидуалистическій* характеръ всему римскому праву и чрезвычайно облегчаетъ его примѣненіе; каждое лицо, разъ оно правоспособно и дѣеспособно, имѣетъ равный объемъ правъ и обязанностей. Въ этомъ проявляется нѣсколько грубо понятая справедливость, отмѣривающая каждому гражданину равное количество правъ, независимо отъ безконечнаго разнообразія физическихъ, психическихъ, эконо-

мическихъ и т. д. особенностей гражданина. Въ противоположность римской системѣ во всѣхъ первобытныхъ правахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и англійскомъ правѣ, мы видимъ лицо, заслоненное разнообразными общественными группами; къ этому присоединяется въ Англіи, можетъ быть, подъ вліяніемъ христіанства, понятіе о справедливости болѣе утонченное, а именно каждое лицо и даже каждый юридическій фактъ стремятся опредѣлить со всѣми ему присущими качествами. Итакъ *общественность* и *потребность оцѣнивать каждое юридическое явленіе по всѣмъ свойственнымъ ему признакамъ* съ нѣкоторою боязнью широкихъ обобщеній составляетъ отличительный признакъ англійской системы права, которая исходитъ не изъ понятія лица, а изъ понятія извѣстной группы. Для римлянина императорскихъ временъ было понятно только понятіе государства, въ смыслѣ чего-то отвлеченнаго и, пожалуй, даже безъ опредѣленнаго національнаго или религіознаго характера, и понятіе его гражданина; напротивъ, англичанинъ живетъ только въ обществѣ со всѣмъ разнообразіемъ религіозныхъ, экономическихъ, культурныхъ интересовъ, а государство представляется ему только какъ форма, какъ-бы футляръ общества, такъ что и интересы государства являются, строго говоря, интересами только общества, или въ смыслѣ наиболѣе сильной общественной группы, заправляющей всѣмъ, или въ смыслѣ компромисса разнообразныхъ интересовъ различныхъ общественныхъ группъ. Для того или другаго результата и необходимъ парламентъ, какъ такое мѣсто, гдѣ делегаты отдѣльныхъ группъ могли бы договориться между собою.

Глубокій политическій интересъ возбуждаетъ сопоставленіе римскаго и англійскаго государственнаго устройства (III), двухъ, по мнѣнію автора, наиболѣе замѣчательныхъ попытокъ упорядочить общественную жизнь человѣчества въ его поступательномъ развитіи. Каждое правительство сдерживается, по мнѣнію автора, но оно сдерживается или религіознымъ чувствомъ и страхомъ возстаній, или учрежденіями и юридическими правилами, болѣе или менѣе прочно установленными. Только въ послѣднемъ случаѣ можно говорить о конституціи. Недовольный обычнымъ дѣленіемъ конституцій на писанныя и не-писанныя, авторъ дѣлитъ ихъ на *гибкія* (flexible) и *неподвижныя* (rigid). Первыя не вполнѣ опредѣлились и потому легко могутъ приспособляться къ новымъ явленіямъ, при чемъ старые обычаи, обряды, прежнія рѣшенія въ тождественныхъ случаяхъ служатъ руководствомъ. Вторыя точно установляютъ

составъ правительства и его дѣятельность, а также измѣненіе ихъ въ цѣломъ и даже въ частяхъ умышленно затруднено. Какая бы то ни было конституція появляется только тогда, когда юридическая мысль настолько созрѣла, что начала отличать болѣе или менѣе опредѣленно сложившіяся правила относительно государства и его дѣятельности отъ отдѣльныхъ, какъ-бы случайныхъ постановленій по тому же предмету и даже начала выдѣлять то, что относится къ государству, отъ того, что относится къ дѣятельности частныхъ лицъ. Неподвижная конституція можетъ возникнуть только тогда, когда къ этому присоединяется отличіе народной воли, какъ она проявляется въ первобытномъ народномъ собраніи, отъ воли народныхъ представителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возникаетъ возможность опредѣлить предѣлы для этихъ народныхъ представителей, т. е. установить извѣстный родъ законовъ высшихъ, чѣмъ законы, издаваемые обыкновенными законодательными собраніями. Гибкія или эластическія конституціи необходимо предполагаютъ знаніе предшествующей жизни народа; извѣстное искусство и опытъ у политическихъ дѣятелей, что обыкновенно является удѣломъ хорошо образованнаго экономически обезпеченнаго меньшинства; массы рѣдко умѣютъ цѣнить стародавніе обычаи, установившіяся формы и предшествующія разрѣшенія тождественныхъ случаевъ; онѣ предполагаютъ положенія ясныя и простыя, ибо, по ихъ мнѣнію, таинственное въ политикѣ можетъ вести къ злоупотребленіямъ образованнаго меньшинства. Поэтому для успѣха гибкой конституціи необходимы извѣстныя качества въ народѣ, а именно привязанность къ узаконеннымъ формамъ жизни, что въ Англіи, по мнѣнію Брайса, было вызвано особенностями норманнскаго феодализма и иммунитетами духовенства (I, 192), и большая любовь къ старинѣ, однако безъ всякаго желанія рабски ей подчиниться (186,7). Когда политически образованное меньшинство (аристократія) начинаетъ терять свое преобладаніе и выступаютъ народныя массы, тогда необходимо, чтобы онѣ постоянно ознакамливались съ ходомъ политическихъ дѣлъ, или, что лучше, удовлетворялись установленіемъ общихъ началъ и предоставляли мелочи управленія политически образованному меньшинству. Вслѣдствіе эластичности гибкихъ конституцій, онѣ сравнительно легко могутъ быть переносимы въ другія страны, примѣры чего мы видимъ въ исторіи Рима и Англіи. Въ настоящій моментъ онѣ существуютъ въ Британіи, Венгріи и Италіи.

Если возникновеніе гибкихъ конституцій восходитъ ко време-

намъ древняго Рима, то первая идея неподвижной конституціи можетъ быть отнесена къ XVII столѣтію, когда англійскіе колонисты въ Америкѣ жили подъ управленіемъ, установленнымъ королевскими граматами, которыя не могли быть измѣнены законодательными собраніями отдѣльныхъ колоній. Такъ возникло сознаніе о конституціи, не подлежавшей перемѣнѣ порядкомъ, обычнымъ для всѣхъ вообще законовъ, а требовавшей для этого особыхъ, болѣе или менѣе сложныхъ формальностей, какъ, напр., не одного только простаго большинства голосовъ или прямаго обращенія къ народу, что придаетъ государственному устройству большую прочность и долговѣчность. Первая такая конституція появилась въ Сѣверной Америкѣ въ 1776 г. и затѣмъ легла въ основу нынѣ дѣйствующей американской конституціи. Сѣверо-Американскіе Штаты и послужили какъ-бы образцомъ для всѣхъ неподвижныхъ конституцій. Очевидно, такой государственный строй устанавливается на цѣлыя столѣтія впередъ и потому долженъ быть опредѣленъ только въ своихъ основныхъ положеніяхъ, а не въ частностяхъ; поэтому громадное значеніе здѣсь получаетъ толкованіе конституціи, т. е. рѣшеніе вопроса, что̀ конституціонно и что̀ не обладаетъ этимъ качествомъ и потому недѣйствительно. Въ этомъ отношеніи замѣчается различие между странами съ англійской и римской системами права. Первыя ввѣряютъ толкованіе судамъ, какъ наиболѣе безпристрастнымъ органамъ; вторыя—своимъ законодательнымъ собраніямъ, указывая на то, что національныя собранія лучше всего должны отражать общественное мнѣніе, между тѣмъ какъ судьи неподготовлены къ такой дѣятельности, часто чисто политической. Какъ гибкія конституціи способствуютъ преобладанію аристократіи, такъ неизмѣнныя вызываются часто стремленіемъ народныхъ массъ охранить себя отъ посягательствъ властей и потому являются признакомъ усиленія демократическаго духа. Въ демократіяхъ онѣ развиваютъ чувство законности и консерватизма, и имъ, по мнѣнію автора, принадлежитъ будущее, такъ какъ въ новѣйшее время повсюду замѣчается недовѣріе къ законодательнымъ собраніямъ и стремленіе замѣнить ихъ по важнѣйшимъ вопросамъ прямымъ и непосредственнымъ обращеніемъ къ народу.

Въ концѣ этой чрезвычайно интересной главы авторъ набрасываетъ схему политической жизни современнаго человѣчества, раздѣляя его на четыре группы:

1) народы, создавшіе извѣстныя политическія учрежденія съ

различіемъ отдѣльныхъ органовъ управленія и съ извѣстнымъ участіемъ граждaнъ въ государственной жизни;

2) народы, хотя и имѣющіе въ теоріи вышеупомянутыя учрежденія, но обыкновенно управляемые военными искателями приключеній безъ всякаго порядка (средняя и южная Америка);

3) народы, гдѣ высшіе классы образованы, но народныя массы не проявили еще желанія участвовать въ управленіи;

4) народы, не обладающіе достаточнымъ запасомъ умственнаго развитія для созданія и существованія вышеупомянутыхъ учрежденій.

Глава о сравненіи способовъ творчества права въ Римѣ и Англіи (XIV) начинается выдающимися по своей простотѣ и ясности теоретическими соображеніями. Два авторитета, по мнѣнію автора, создаютъ право, а именно „государство, т. е. управляющая и руководящая власть“, и народъ, независимо отъ государственной организаціи, какъ извѣстное количество людей, связанныхъ торговыми и общественными отношеніями. Органами государственной правопроизводящей дѣятельности могутъ быть законодательныя собранія и извѣстные магистраты, сановники, съ судебною или административною властью. Народъ также творитъ право двумя способами, или непосредственно руководствуясь постоянно въ своихъ дѣйствіяхъ извѣстными юридическими правилами, или посредственно, черезъ юристовъ, задача которыхъ собственно заключается не въ творчествѣ права, а въ установленіи того, что уже есть право, и въ его объясненіи. Переходя затѣмъ къ обзору этихъ способовъ правообразованія, авторъ отмѣчаетъ, что римскіе юристы стремились къ систематичности, послѣдовательности и къ сжатости, напротивъ, англійскіе охватываютъ громадное количество всевозможныхъ обстоятельствъ и выражаютъ свои мнѣнія подъ отвѣтственностью передъ общественнымъ мнѣніемъ рѣшить справедливо отдѣльный случай. Очевидно, Брайсъ имѣетъ въ виду нѣсколько прямолинейное рѣшеніе спорныхъ вопросовъ у римскихъ юристовъ, что придаетъ ихъ сочиненіямъ характеръ философскихъ трактатовъ; наоборотъ, англійскіе учебники, почти исключительно собранія судебныхъ рѣшеній съ объясненіями, отличаются чрезвычайною казуистичностью и большею рѣдкостью общихъ началъ. Сановникъ, производящій право, чрезвычайно мѣтко опредѣляется Брайсомъ, „какъ признанный и постоянный органъ, черезъ котораго выражается народный разумъ, формулирующій ту часть права, которую государственная власть не установляетъ посредствомъ обыч-

ныхъ законодательныхъ учрежденій". Послѣ сравненія римскаго претора съ англійскимъ канцлеромъ, авторъ переходитъ къ сопоставленію преторскаго права съ англійскими судебными рѣшеніями, при чемъ замѣчаетъ, что систематичность римскаго права преимущественно обязана должности претора, какъ всѣми признаннаго органа для согласованія строгаго права съ потребностями жизни. Судебныя англійскія рѣшенія, при всемъ своемъ чрезвычайномъ богатствѣ и основательности, вызванной глубоко сознаваемой судьями отвѣтственности передъ общественнымъ мнѣніемъ, тѣмъ не менѣе страдаютъ неопредѣленностью (не отдѣлены плохо рѣшенныя дѣла), пробѣлами (необходимость иногда долго ждать рѣшенія по возникающему спорному вопросу) и несистематичностью (т. II, стр. 289—293).

Обзоръ законодательныхъ органовъ въ Римѣ, а именно народныхъ собраній, сената и императора, кончается оцѣнкой творческой дѣятельности самодержавнаго монарха вообще. Самодержавная власть является, по мнѣнію Брайса, наиболѣе скорымъ и дѣятельнымъ органомъ реформъ. „Употребленная искусно, тактично и умѣренно, она можетъ надѣлить общество неисчислимыми благодѣяніями", устраняя устарѣвшія учрежденія, уничтожая привилегіи, удаляя безполезныя аномаліи и отжившія процессуальныя формы, упрощая право установленіемъ общихъ началъ, сложившихся путемъ отдѣльныхъ постановленій или судебною практикою, и достигая всего этого безъ необходимости оправдывать свои дѣйствія передъ ограниченною и необразованною массою или смягчать недоброжелательство ограничиваемыхъ слоевъ уступками и компромиссами, нарушающими симметрію. Кромѣ того, не мало задачъ могутъ быть разрѣшены только путемъ опытовъ, а это является дѣломъ почти невозможнымъ при парламентарномъ строѣ. Наконецъ самая форма и выраженія закона должны быть лучше въ самодержавной монархіи, ибо къ законодательной дѣятельности могутъ быть привлечены самые выдающіеся умы въ государствѣ и приняты всевозможныя мѣры къ критической оцѣнкѣ предполагаемыхъ нововведеній, къ устраненію предшествующихъ несогласныхъ законовъ и приданію цѣлому возможно большаго единства. Эти преимущества уравновѣшиваются отрицательными сторонами, проявляющимися въ легкости, съ которой указанныя удобства вырождаются въ стремленіе къ неоправдываемымъ реформамъ, при чемъ законодатель забываетъ, что отмѣна закона въ случаѣ неудачи ведетъ за собою весьма вредныя послѣдствія, ибо подрываетъ самую прочность за-

кона (т. II, стр. 315—318). Переходя къ англійскому парламентаризму, авторъ прежде всего отмѣчаетъ, что въ Англіи отвѣтственныя министерства, въ Америкѣ безотвѣтственныя коммисіи фактически поглощаютъ почти все время, предназначенное для законодательныхъ работъ, такъ что для иниціативы отдѣльныхъ членовъ парламента почти не остается мѣста; кромѣ того онъ указываетъ на чрезвычайное обиліе средствъ, предоставляемыхъ членамъ парламента задерживать предложеніе. Послѣднее явленіе вызываетъ обычай „не придавать предложенію наиболѣе подходящую научную форму, но такую, которая дѣлаетъ его наиболѣе легкимъ для проведенія черезъ огонь обсужденія. Дать широкія, ясныя, простыя положенія предлагаемаго начала, идущія къ пониманію и симметріи закона, значитъ вызвать оппозицію и облегчить процессъ оппозиціи тѣмъ, которые желаютъ противодѣйствовать закону, но не имѣютъ техническихъ знаній, необходимыхъ для строгаго обсужденія". Поэтому принципъ умышленно закрывается массою подробностей; установленіе его замѣняется множествомъ незначительныхъ постановленій, которыя практически равны наиболѣе важнымъ пунктамъ закона, хотя и не заключаютъ въ себѣ выраженія основнаго принципа; поэтому вставляются нежелательныя исключенія съ цѣлью устранить ожидаемую враждебность; существенная перемѣна замаскировывается ссылкою на прежній законодательный актъ, который долженъ быть помѣщенъ вмѣстѣ съ прилагаемымъ закономъ; поэтому проводятся только нѣкоторыя части предмета, другія оставляются до будущаго года въ предположеніи коснуться ихъ по иному поводу, наконецъ третьи совершенно отлагаются, пока случай ихъ не выдвинетъ, хотя всѣ части должны были бы быть объединены въ одномъ предложеніи. Всѣ эти пріемы, противные научному сознанію предлагающаго законъ, необходимо навязываются ему министромъ, на котораго возлагается обязанность провести законъ въ парламентѣ. „Каждый можетъ видѣть", кончаетъ авторъ, „какая запутанность, какая темнота, какая неопредѣленность въ законѣ необходимо должна происходить отъ такого пути его перемѣны". Это объясняетъ, почему англійское законодательство болѣе объемисто и даже менѣе научно по своей формѣ, чѣмъ законы Ѳеодосія II и Юстиніана (т. II, стр. 321—332).

Результатомъ сравненія способовъ творчества права въ Римѣ и въ Англіи являются слѣдующія три положенія:

1) Право лучшаго научнаго качества производится медленно, постепенно, опытнымъ путемъ посредствомъ дѣятельности юристовъ

2) Крайне желателенъ правительственный органъ, предназначенный для наблюденія надъ правообразованіемъ, для управленія этимъ процессомъ и для подведенія въ сжатой формѣ итоговъ естественнаго творчества права. Такое значеніе въ Римѣ имѣлъ преторъ;

3) Различные отдѣлы законодательства не равномѣрно пригодны для одного и того же законодательнаго органа. Административное право лучше всего можетъ быть установлено прямою дѣятельностію верховной власти въ государствѣ, все равно, будетъ ли это монархъ или законодательное собраніе, дѣйствующее по предложенію исполнительной власти. Уголовное и гражданское судоустройство и судопроизводство можетъ быть создано или законодательствомъ, или посредствомъ обычая и дѣятельности судовъ. Уголовное право повсемѣстно выросло изъ обычая, но затѣмъ подверглось сильному вліянію законодательства. Напротивъ, гражданское право въ Римѣ и Англіи является порожденіемъ обычнаго права, т. е. обычаевъ общества, а также мышленія и обсужденія юристовъ, придающихъ этимъ обычаямъ точную форму и развивающихъ ихъ въ частностяхъ, наконецъ судебныхъ рѣшеній, налагающихъ на нихъ печать общей признанности, какъ въ главныхъ началахъ, такъ и въ подробностяхъ (т. II, стр. 332—337).

Послѣ описанія процесса творчества права авторъ переходитъ къ исторіи юридическаго развитія въ Римѣ и Англіи (гл. XV). Выборъ этихъ двухъ странъ для установленія „общихъ причинъ и силъ, опредѣлявшихъ и руководившихъ перемѣнами", состоялся вслѣдствіе отсутствія внѣшнихъ вліяній на развитіе и вслѣдствіе распространенія римскихъ и англійскихъ учрежденій на громадныя пространства. Брайсъ видитъ причины измѣненій, съ одной стороны, въ экономическихъ и общественныхъ условіяхъ страны, съ другой—въ умственныхъ способностяхъ, считающихся съ этими условіями. Отмѣтивъ пять періодовъ въ исторіи римскаго и англійскаго правъ, авторъ останавливается на „тѣхъ силахъ, вліяніяхъ и условіяхъ", которыя всегда и вездѣ производятъ перемѣны въ юридической сферѣ, и находитъ ихъ въ измѣненіяхъ политическихъ, въ увеличеніи государственной территоріи, въ религіозныхъ переворотахъ, въ экономическихъ перемѣнахъ, наконецъ въ прогрессѣ философскаго и научнаго мышленія. Понятно, для читателя особенно интересенъ очеркъ Англіи, не обладающей еще общей исторіей англійскаго права; въ обоихъ очеркахъ авторъ особенно обращаетъ вниманіе на силы, производящія перемѣны (т. II, стр. 358—

366). Не менѣе интересны отмѣченныя имъ различія въ исторіи римскаго и англійскаго правоваго развитія: въ Римѣ семейное и наслѣдственное право, въ Англіи наоборотъ формы владѣнія землею подлежали наибольшему движенію; въ Римѣ расширеніе территоріи, въ Англіи взаимное отношеніе классовъ вліяло на перемѣны; въ Римѣ политическія, въ Англіи экономическія и умственныя измѣненія производили перевороты; наконецъ, въ Римѣ и интересъ къ праву былъ несравненно болѣе силенъ, чѣмъ въ Англіи, гдѣ вниманіе отвлекается историческими и экономическими изслѣдованіями, изученіемъ природы, путешествіями и т. д. (т. II, стр. 367—374). Эта глава оканчивается замѣчаніемъ, что гражданское право наименѣе подлежало и должно подлежать вліянію законодательства и что будущія перемѣны въ немъ будутъ вызываться несравненно болѣе промышленностью и торговлею, возбуждаемымъ прогрессомъ естественныхъ наукъ, чѣмъ чисто политическимъ элементомъ.

Послѣдняя глава XVI, останавливающаяся на сравненіи римскаго и англійскаго правъ, разсматриваетъ брачное право. Вопросъ о положеніи женщины и въ особенности о разводахъ выступилъ съ особенною силою въ послѣднее время, и, вѣроятно, поэтому авторъ считалъ необходимымъ коснуться этого предмета. Симпатіи Брайса, очевидно, лежатъ на сторонѣ римскаго брака временъ императоровъ съ чисто частнымъ и свѣтскимъ характеромъ, но только безъ тогдашней легкости разводовъ. Поразительный ростъ разводовъ во всѣхъ странахъ, какъ показываетъ статистика, невольно заставляетъ автора остановиться на причинахъ такого печальнаго явленія, и онѣ ему представляются не въ половой безнравственности, какъ въ Римѣ, а въ чрезвычайной неустойчивости и нервности вѣка, вызванныхъ промышленнымъ прогрессомъ, стремленіемъ населенія въ города и убѣжденіемъ, что человѣкъ созданъ для счастья и потому несогласія въ семейной жизни должны быть возможно скоро устраняемы, какъ противорѣчащія этому праву на счастіе. Измѣненія англійскаго права ради облегченія разводовъ кажутся Брайсу крайне опасными; это противорѣчило бы интересу дѣтей, интересу женщинъ и особенно самой идеѣ брака; мысль о его неразрывности вызываетъ въ обоихъ супругахъ необходимость приспособиться одинъ къ другому; единство радостей и печалей придаетъ браку „несравненную святость и до чрезвычайности возбуждаетъ лучшія чувства въ каждомъ изъ супруговъ“. Въ заключеніе авторъ даетъ бѣглый обзоръ историческаго развитія брака

и отмѣчаетъ двѣ системы въ отношеніяхъ жены и мужа, а именно систему подчиненія и систему равноправности, отдавая конечно всецѣло предпочтеніе равноправности, а также два вида брачнаго союза, гдѣ подчеркивается чувственная и матеріальная сторона и гдѣ преобладаетъ духовный и религіозный элементъ. Если движеніе къ равноправности супруговъ совпадаетъ съ прогрессомъ, то нельзя того же сказать относительно преобладанія того или другаго элемента. Въ послѣднихъ словахъ, какъ и въ цѣломъ сочиненіи, звучитъ разочарованіе въ современности: „Матеріальный прогрессъ міра, владычество человѣка надъ природою посредствомъ знанія ея законовъ, распространеніе знаній и удобства для ихъ пріобрѣтенія представляются темами, непрестанно занимающими языки ораторовъ и перья журналистовъ, когда они желаютъ наполнить гордостью сердце обыкновеннаго гражданина. Но они не составляютъ предметовъ, отъ которыхъ преимущественно зависитъ нравственный прогрессъ или счастіе отдѣльныхъ лицъ. Они существуютъ вмѣстѣ, какъ показываетъ современная статистика, съ увеличеніемъ во всѣхъ или почти во всѣхъ образованныхъ странахъ сумашествій, самоубійствъ и разводовъ“ (т. II, стр. 473—4).

Разобранныя нами главы разбросаны по обоимъ томамъ и могли бы быть соединены вмѣстѣ, ибо, несмотря на разнообразіе содержанія, во всѣхъ ихъ замѣтенъ одинъ и тотъ же пріемъ изложенія, а именно сравненіе правъ римскаго и англійскаго.

Второй, чрезвычайно видный предметъ, который приковываетъ къ себѣ вниманіе автора, это—*государственное устройство*. Здѣсь выдвигаются два вопроса: вездѣ возрождаются маленькія національности, и возникаетъ въ колоніяхъ стремленіе къ независимости отъ метрополіи, что какъ-бы угрожаетъ государственному единству уже сложившихся политическихъ единицъ и нарушаетъ міровой ходъ исторіи отъ раздробленности къ все большему и большему единству, а также все нагляднѣе и нагляднѣе проявляются недостатки парламентаризма, что̀ приводитъ Брайса къ желанію присмотрѣться къ новѣйшимъ формамъ политической жизни въ Южной Африкѣ и Австраліи.

Авторъ, обладающій громаднымъ практическимъ опытомъ, ставитъ первый вопросъ съ поразительною ясностью, подвергая своему изученію *„дѣйствіе центростремительныхъ и центробѣжныхъ силъ на политическое устройство“* (гл. IV). По его мнѣнію, законодатель долженъ быть слугою и истолкователемъ силъ природы. „Онѣ могутъ быть побѣждены только посредствомъ повиновенія

имъ. Если онъ противодѣйствуетъ имъ или не понимаетъ ихъ, онѣ уничтожаютъ его работу. Если онъ знаетъ, какъ ими пользоваться, онѣ сохраняютъ ее". Различіе между естествоиспытателемъ и законодателемъ здѣсь заключается только въ томъ, что общественныя силы болѣе сложны и измѣнчивы въ своемъ дѣйствіи отъ поколѣнія къ поколѣнію. Поэтому творецъ государственнаго устройства долженъ сдѣлать необходимыя уступки центробѣжнымъ силамъ и тѣмъ парализовать ихъ разрушительное дѣйствіе (т. I, стр. 256—261). Переходя къ изученію этихъ силъ, авторъ указываетъ на два центра притяженія и группировки, а именно на высшій, государство, и низшій, или подчиненное общеніе (край, область) или политическая партія, и отмѣчаетъ при этомъ, что тѣже самыя качества человѣческаго духа, напр., повиновеніе, индивидуализмъ, могутъ быть центробѣжными или центростремительными, смотря по тому, служатъ ли они государству или отдѣльнымъ группамъ. Силы человѣка, проявляющія себя въ томъ или другомъ направленіи, Брайсъ подводитъ подъ болѣе общія понятія *интереса* и *симпатіи*, при чемъ оказывается, что первый дѣйствуетъ болѣе центростремительно, вторая—болѣе центробѣжно. Къ первому авторъ относитъ торговыя и промышленныя связи, вообще все то, что относится къ матеріальному прогрессу; вторая вытекаетъ изъ единства религіи, убѣжденій, вкусовъ, нравовъ и обычаевъ, наконецъ преданій и историческихъ воспоминаній. Авторъ отмѣчаетъ, что нынѣ направленію общаго интереса связывать группы и заставлять ихъ хвалить единство государства часто сопутствуетъ противоположное стремленіе, вытекающее изъ чувства усилить меньшую группу и поэтому ослабить государство. Это происходитъ отъ того, что движеніе образованности, съ одной стороны, матеріальное, съ другой—умственное и нравственное. Прогрессъ послѣдняго рода, правда, уничтожаетъ мѣстные предразсудки и издаетъ общій типъ характера, но вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваетъ вліяніе историческихъ воспоминаній, возбуждаетъ память о старыхъ обидахъ поднимаетъ сознаніе о равенствѣ и чувство достоинства въ индивидахъ и въ племенахъ и ведетъ послѣднихъ къ болѣе энергической организаціи съ цѣлью защиты своихъ предполагаемыхъ правъ (т. I, стр. 261—271).

Переходя къ важному вопросу, какъ могутъ пользоваться конституціи центростремительными силами для укрѣпленія національнаго единства, авторъ прежде всего останавливается на задачахъ каждой конституціи. Онѣ должны состоять въ слѣдующемъ:

1) въ установленіи и сохраненіи государственнаго устройства, съ одной стороны, опредѣляющаго участіе народа въ управленіи, съ другой—обезпечивающаго государственный порядокъ, устраняющаго скороспѣлыя рѣшенія и поддерживающаго сносную послѣдовательность политики;

2) въ обезпеченіи правъ гражданъ на неприкосновенность личности и имущества и на свободу слова отъ посягательствъ органовъ исполнительной власти и отъ тиранніи возбужденнаго большинства;

3) въ „сохраненіи государства не только посредствомъ предупрежденія возстанія или отпаденія части народа, но и посредствомъ усиленія сплоченности страны созданіемъ хорошихъ средствъ общенія центра съ отдаленными частями, обращеніемъ къ каждому мотиву интереса и чувства, долженствующему вести всѣ разряды жителей къ желанію остаться въ единеніи подъ однимъ правительствомъ". Послѣдняя цѣль можетъ быть достигнута укрѣпленіемъ центробѣжныхъ силъ и ослабленіемъ центростремительныхъ. Къ первымъ относятся всѣ облегченія торговли и промышленности съ усовершенствованіемъ путей сообщенія, установленіе общаго права и общей системы судовъ, единство и самъ характеръ религіозныхъ вѣрованій, народное образованіе, которое даетъ народу общія идеи и общіе идеалы особенно посредствомъ одного языка, если страна многоязычна; даже общія празденства и игры, напр. Олимпійскія, не должны быть устраняемы, какъ маловажныя. Всѣ эти средства могутъ быть установляемы не только конституціей, но также приводимы въ дѣйствіе органами исполнительной власти. Центробѣжными силами авторъ признаетъ „племенное чувство, воспоминаніе бывшихъ несправедливостей, ущербъ отъ дѣйствительнаго или предполагаемаго дурнаго обхожденія въ дѣлахъ промышленности, или торговли, или народнаго образованія, или языка, или религіи, гдѣ такіе ущербы или нѣкоторые изъ нихъ наносятся только одной части населенія".

Устраняя мысль объ употребленіи физическаго принужденія, какъ мѣры неполитичной и нецѣлесообразной, авторъ совѣтуетъ при составленіи самой конституціи и опредѣленіи ея дѣйствія сдѣлать этимъ сепаратистическимъ настроеніямъ уступки, *но только настолько, насколько это необходимо для обезоруженія ихъ силы съ цѣлью привести всѣ части населенія къ успокоенію въ одномъ политическомъ единствѣ.* Предлагаемыя авторомъ мѣры слѣдующія: 1) успокоить умы гражданъ посредствомъ изданія особенно

торжественныхъ гарантій противъ притѣсненій исполнительной и законодательной власти; 2) изъять часть государства изъ-подъ законовъ, идущихъ въ разрѣзъ съ интересами и чувствами сепаратистической части государства; 3) передать извѣстные роды дѣлъ мѣстнымъ законодательнымъ собраніямъ; 4) предоставить извѣстныя административныя и, съ ограниченіемъ, извѣстныя законодательныя функціи жителямъ графствъ, общинъ, и т. д., *но только тогда, когда это не послужитъ усиленію сепаратистическихъ стремленій*, по мнѣнію автора, такое самоуправленіе является даже силою центростремительною, производя сильное мѣстное удовлетвореніе; 5) исключить нѣкоторые предметы совершенно изъ-подъ дѣйствія центральнаго правительства и такимъ образомъ уничтожить всякую возможность спора о нихъ, напр., американскія и швейцарскія конституціи изъяли изъ предметовъ обсужденія законодательныхъ собраній религіозные вопросы. Наконецъ авторъ останавливается надъ невозможностью слить расы различнаго цвѣта, но эта невозможность относится только къ тевтонамъ и не встрѣчается у другихъ народовъ. Всѣ эти положенія иллюстрируются множествомъ примѣровъ изъ старой и новѣйшей исторіи разнообразнѣйшихъ конституцій (т. I, стр. 271—300).

Легко подмѣтить нѣкоторыя противорѣчія между предложеніями усилить центростремительныя и ослабить центробѣжныя силы. Напримѣръ, совѣтъ установить общее право и общіе суды съ одной стороны и исключить щекотливые вопросы изъ подъ дѣйствія общихъ законовъ съ другой, поддержать общность языка съ одной и дѣлать уступки въ этомъ же отношеніи съ другой стороны и т. д. Эти противорѣчія легко устранимы положеніемъ автора, что уступка сепаратистическимъ стремленіямъ должны быть дѣлаемы только въ крайнихъ случаяхъ, какъ-бы для усыпленія бдительности несочувствующей государственному единству части народонаселенія. Авторъ выходитъ здѣсь, очевидно, изъ глубокаго довѣрія къ центростремительнымъ силамъ, нынѣ дѣйствующимъ; онѣ, преимущественно интересы торговли и все усиливающееся единство образованности, сдѣлаютъ уже стихійно свое дѣло объединенія. Необходимо только, чтобы ихъ объединяющее вліяніе не было чѣмъ-либо парализовано на нѣкоторое время; вопросъ, слѣдовательно, сводится къ выигрышу времени, а это и достигается временными уступками.

Въ послѣднемъ раздѣлѣ нашъ авторъ говоритъ о будущности противоположныхъ общественныхъ силъ. „Вліяніе болѣе скорыхъ и дешевыхъ путей сообщенія на сушѣ и на морѣ, увеличиваю-

щейся торговли и болѣе тѣсныхъ связей, какъ слѣдствія торговли, вліяніе силы прессы на уничтоженіе языковъ, преобладающихъ на малыхъ пространствахъ, и распространеніе языковъ, которыми говорятъ громадныя массы людей—все это ведетъ къ единству въ каждомъ изъ большихъ государствъ и увеличиваетъ притягательную силу, которую большія государства имѣютъ по отношенію къ малымъ. Кромѣ того, всѣ эти вліянія обѣщаютъ быть постоянными". Тѣмъ не менѣе существуютъ данныя и противоположнаго рода, а именно измѣненіе условій объявленія войны и ея частичное устраненіе, увеличеніе такъ называемаго коллективизма и стремленіе примѣнить его начала на малыхъ пространствахъ, возможное вліяніе въ центробѣжномъ смыслѣ научныхъ открытій, а также политическаго и экономическаго мышленія, непреодолимое желаніе людей принимать живое участіе въ рѣшеніи политическихъ и общественныхъ вопросовъ и т. д. могутъ привести къ преобладанію центробѣжныхъ силъ надъ центростремительными. Впрочемъ, какъ видно изъ различныхъ мѣстъ книги, авторъ предвидитъ усиленіе центростремительныхъ силъ въ непосредственномъ будущемъ, а преобладаніе центробѣжныхъ силъ признаетъ только какъ возможность и притомъ въ чрезвычайно отдаленныя времена (т. I стр. 300—311).

Нѣкоторыя, хотя и не отмѣченныя Брайсомъ, слабыя стороны парламентаризма породили въ немъ желаніе приглядѣться къ совершенно новымъ политическимъ образованіямъ въ Южной Африкѣ (гл. VII) и къ самымъ послѣднимъ усовершенствованіямъ англійскаго парламентаризма въ Австраліи (гл. VIII).

Голландскіе колонисты Южной Африки пользовались большими симпатіями Брайса, еще болѣе увеличившимися со времени войны. Авторъ говоритъ, что простые земледѣльцы оказались умнѣе нѣкоторыхъ мыслителей, начертывавшихъ государственныя формы для возникающихъ политическихъ союзовъ. Конституціи обѣихъ республикъ (Оранжевой и Трансвааля) рѣзко отличаются отъ англійской системы управленія посредствомъ „кабинета" и Сѣверо-Американской—посредствомъ „президента". Среди колонистовъ, почти совсѣмъ необразованныхъ и потому далекихъ отъ заимствованій, „преобладали полное соціальное равенство, страстная любовь къ независимости и сильное чувство личнаго достоинства". Поэтому они создали нѣчто совсѣмъ новое, хотя и пригодное только къ малымъ государствамъ. Верховная власть принадлежитъ „народному совѣту", состоящему изъ народныхъ представи-

телей. Во главѣ народнаго совѣта стоялъ президентъ, избираемый на 5 лѣтъ народомъ, съ правомъ быть снова избраннымъ и, какъ показала жизнь, оказывавшій своими рѣчами въ совѣтѣ громадное вліяніе на совѣтъ. Онъ былъ окруженъ исполнительнымъ совѣтомъ изъ 5 (въ Оранжевой республикѣ) или 4 (въ Трансваалѣ) человѣкъ, избираемыхъ народнымъ совѣтомъ. Безъ исполнительнаго совѣта президентъ былъ лишенъ возможности дѣйствовать. Распустить народный совѣтъ, избираемый на 4 года, и не утвердить принятыхъ имъ законовъ президентъ не имѣлъ права. Самъ народный совѣтъ былъ единъ; двупалатная система была неизвѣстна. Чтобы имѣть политическія права, необходимо нужно было принадлежать къ государственной церкви и къ бѣлой расѣ. Такимъ образомъ въ обѣихъ конституціяхъ замѣтно сильное преобладаніе законодательной власти (т. I стр. 430—467).

Австралійскіе штаты въ 1899 г. превратились въ федерацію подъ верховенствомъ Великобританіи. Новая конституція опредѣлила преимущественно федеральное устройство, не измѣнивъ особенно прежняго управленія штатовъ. Верховная федеральная власть въ ней дѣйствуетъ не только на штатѣ, но и на отдѣльныхъ гражданъ въ штатахъ; хотя эта власть обладаетъ чрезвычайно широкими полномочіями, тѣмъ не менѣе все то, что прямо не предоставлено ей, входитъ въ сферу власти отдѣльныхъ штатовъ. Генералъ-губернаторъ всего союза и губернаторы отдѣльныхъ штатовъ назначаются англійскимъ правительствомъ, дабы облегчить послѣднимъ непосредственныя сношенія съ колоніальнымъ правленіемъ (Colonial Office) въ Лондонѣ. Законодательное собраніе состоитъ изъ сената, какъ представителя отдѣльныхъ штатовъ (6 человѣкъ изъ штата) по выбору народа въ штатѣ, а не его законодательнаго собранія, и палаты депутатовъ, выбираемыхъ по количеству населенія отдѣльными штатами. Сенаторы избираются на 6 лѣтъ и не оставляютъ своего званія одновременно; депутаты— на 3 года; обѣ палаты могутъ быть распускаемы. Женщины, повидимому, могутъ быть избираемы въ обѣ палаты. Генералъ-губернаторъ назначаетъ министровъ изъ исполнительнаго совѣта, организованнаго на подобіе англійскаго частнаго совѣта (Privy Council); министры должны быть членами той или другой палаты и подлежать обычной англійской отвѣтственности передъ палатами. Организація судебной власти замѣчательна отсутствіемъ того полнаго противоположенія федеральныхъ судовъ и судовъ отдѣльныхъ штатовъ, которое существуетъ въ Америкѣ, а также учре-

жденіемъ особаго полуадминистративнаго суда (Inter-State Commission) для торговыхъ дѣлъ. Такимъ образомъ австралійская федеральная конституція характеризуется зависимостью исполнительной власти отъ законодательной, зависимостью, свойственной Англіи и рѣзко отличной отъ Сѣверной Америки, гдѣ исполнительная власть, вслѣдствіе избранія президента народомъ, сама непосредственно истекаетъ изъ народа. Наконецъ, эта конституція представляется „неподвижною", ибо для ея измѣненія необходимы особыя, болѣе затруднительныя условія, чѣмъ для изданія общихъ законовъ.

Брайсъ находитъ австралійскую конституцію наиболѣе современнымъ плодомъ политическаго мышленія, ибо она обращаетъ вниманіе на новѣйшіе открытія и вопросы, а также всецѣло проникнута демократическимъ духомъ. Она останавливается на телеграфахъ, распространяетъ политическія права на женщинъ, заботится о метеорологическихъ станціяхъ, объ устраненіи споровъ между капиталистами и рабочими, говоритъ объ обязанностяхъ государства обезпечить положеніе гражданъ на случай болѣзни и старости, упорядочить продажу одуряющихъ напитковъ. При этомъ всю конституцію всецѣло проникаетъ забота объ экономическихъ силахъ, о промышленномъ производствѣ, о торговлѣ и финансахъ. Демократическій духъ проявляется въ выборѣ сенаторовъ, въ отсутствіи экономическихъ ограниченій при выборахъ, въ кратковременности депутатскихъ полномочій, наконецъ въ обращеніи непосредствено къ народу въ случаѣ столкновенія обѣихъ палатъ и измѣненія конституціи (т. I, стр. 468—553).

Въ нѣкоторой связи съ политическими предметами находятся глава V (т. I, стр. 312—358) и VI (т. I, стр. 359—429). Въ V главѣ „Первобытная Исландія", авторъ желаетъ изобразить картину образованія государства изъ совершенно разрозненныхъ частей и притомъ государства чистыхъ тевтоновъ безъ всякой примѣси чужой крови первобытныхъ туземцевъ. Первоначальными элементами нѣкоторой государственности были свойственные норвежцамъ вмѣстѣ со всѣми остальными тевтонами „обычай общаго богопочитанія въ храмѣ и обычай соединяться въ собранія всѣхъ свободныхъ для обсужденія и рѣшенія дѣлъ общаго интереса, а главное судебныхъ споровъ". Такъ какъ Исландія лежала далеко въ океанѣ и почти была недоступна постороннимъ вліяніямъ, то въ ней сохранилось много явленій самой первобытной жизни. Здѣсь въ полной силѣ проявляется первобытное значеніе кровнаго родства (т. I, стр. 320, 1);

съ особенною силою и опредѣленностью здѣсь вырабатывается „вѣщатель права", какъ особый государственный органъ, долженствовавшій запоминать юридическіе обычаи и преподносить ихъ народу въ нужныхъ случаяхъ (стр. 327, 8); здѣсь исполненіе судебныхъ рѣшеній предоставлялось самому выигравшему дѣло (стр. 334); здѣсь замѣтно существованіе совершенно самостоятельныхъ школъ правовѣдѣнія (стр. 341). Всѣ эти крайне интересныя, самородныя явленія даютъ автору возможность высказать свои мысли о постепенномъ переходѣ права изъ обычнаго въ законодательное (стр. 335—337) и о желаніи первобытныхъ юристовъ укрѣпить и сохранить свое общественное значеніе, какъ о главной причинѣ чрезвычайнаго формализма древнѣйшихъ правъ (стр. 340).

Для опредѣленія важнѣйшихъ направленій, управлявшихъ развитіемъ сѣверо-американскихъ учрежденій, оказывается полезнымъ установленіе взглядовъ и предсказаній, высказываемыхъ въ различныя эпохи роста республики тонкими и хорошо освѣдомленными наблюдателями (глава VI, т. I, стр. 359—429). Изъ ихъ числа Брайсъ выбираетъ мнѣнія, выраженныя при самомъ рожденіи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ въ изданіи—The Federalist и въ извѣстномъ сочиненія Токкевиля (1834—40). Предсказанія почти нигдѣ не оправдались, что̀, по словамъ Брайса, должно чрезвычайно понизить нашу увѣренность въ непогрѣшимости нашихъ предположеній. Не останавливаясь на этой главѣ, я считаю необходимымъ привести заключительныя положенія, относимыя авторомъ, лучшимъ знатокомъ Америки, къ Токкевилю, еслибы онъ писалъ теперь: „Онъ призналъ бы зломъ обычай видѣть въ государственной должности средство частной выгоды для занимающаго ее, и въ назначеніи на нее усматривать награду за партійныя услуги. Онъ отмѣтилъ бы новое развитіе партійнаго духа въ его стремленіи смотрѣть и дѣйствовать въ сферѣ законодательства и иностранной политики съ точки зрѣнія партійныхъ выгодъ, хотя съ удовольствіемъ призналъ бы, что болѣе старыя формы партійности перестали возбуждать опасенія. Отсутствіе предвидѣнія или осмотрительности въ руководителяхъ дѣлъ могущественнаго народа всегда несчастіе; но когда предвидѣніе и осмотрительность устраняются ради какой-либо преходящей партійной выгоды, послѣдствія могутъ быть даже болѣе серьезными. Это впрочемъ направленіе, свойственное всѣмъ формамъ правленія посредствомъ партій. Это обычно и ужасно также въ европейскихъ странахъ" (т. I, стр. 428, 9).

Наконецъ на различныхъ теоретическихъ вопросахъ останавливаются нѣсколько главъ, изъ которыхъ особенно выдается глава о повиновеніи (IX, т. II стр. 1—48). Въ ней авторъ даетъ отвѣтъ анархизму и приближающимся къ нему теоріямъ, желающимъ возможно ослабить идею власти въ обществѣ, замѣнивъ ее идеею добровольнаго соглашенія (Де Грефъ, отчасти Спенсеръ, Фуллье и т. д.). Эта глава заслуживаетъ особаго вниманія и потому, что авторъ высказываетъ здѣсь свои взгляды на современность вообще; она объясняетъ намъ также нѣсколько мрачный отпечатокъ, лежащій на всемъ сочиненіи. Брайсъ желаетъ здѣсь опредѣлить характеръ той силы, которая заставляетъ людей подчиняться правительству, и приходитъ къ необходимости подвергнуть анализу не только политическое, но и всякое повиновеніе какому бы то ни было авторитету. Прежде указывали только на страхъ, приводящій къ принужденію, и на умъ, приводящій къ соглашенію; но это черезчуръ узко и потому невѣрно; Брайсъ говоритъ, что кромѣ страха и ума гораздо большее значеніе имѣютъ лѣность, видящая въ подчиненіи возможность освободить себя отъ умственной работы, уваженіе, полагающееся на чужой авторитетъ, и стремленіе къ согласію съ другимъ въ своихъ дѣйствіяхъ и чувствахъ. Вообще „политическое общество зависѣло отъ естественнаго неравенства въ силѣ индивидуальной воли и въ дѣятельности индивидуальнаго ума, такъ что слабый желалъ слѣдовать за сильнымъ и искать охраны у него, не потому, что сильный принудилъ его къ тому, но потому, что слабый такъ хотѣлъ“.

Спрашивается теперь, что произойдетъ съ повиновеніемъ при все усиливающемся стремленіи къ демократіи и къ общественному равенству? На это отвѣчаетъ авторъ, что независимо отъ государствъ всегда будутъ и должны быть организаціи, а каждая организація необходимо предполагаетъ повиновеніе, не потому только, что большія предпріятія не могутъ быть иначе осуществлены, но и потому, что руководство, по необходимости предоставленное немногимъ, порождаетъ въ этихъ немногихъ привычку управлять, а въ другихъ привычку подчиняться ихъ контролю“. Это до того вѣрно, что паденіе уваженія къ государству указываетъ только на то, что народъ началъ подчиняться какому-либо иному авторитету. Яркими примѣрами этого служатъ деспотическое владычество политическихъ вождей (Boss system), вождей рабочихъ союзовъ (trade-unions) и директоровъ коммерческихъ корпорацій (trusts) въ С. Америкѣ, странѣ наиболѣе демократической. „Если мы подвергнемъ нашему

анализу нравственный характеръ человѣка или общественныя явленія на различныхъ ступеняхъ развитія, мы придемъ къ заключенію, что теоретическій демократическій идеалъ людей, состоящій въ томъ, что каждый человѣкъ обладаетъ самостоятельнымъ умомъ, сознаніемъ и волей и проявляетъ все это въ своихъ дѣйствіяхъ, есть идеалъ черезчуръ отдаленный отъ человѣческой природы, какъ мы ее знаемъ, и отъ обществъ, какъ они теперь существуютъ, дабы находиться на горизонтѣ ближайшихъ нѣсколькихъ столѣтій, можетъ быть, даже всѣхъ столѣтій, которыя протекутъ, пока мы не будемъ покрыты льдами, снова подвигающимися съ полюса, или погружены въ солнце" (т. II стр. 30, 1).

При такомъ безотрадномъ взглядѣ на демократическій идеалъ, особенно дорогой Брайсу, остается, какъ онъ говоритъ, выслушать оптимистовъ и пессимистовъ. Оптимистъ долженъ ждать въ будущемъ, что массы демократическихъ странъ достигнутъ такой степени ума, политическаго смысла и честности, что будутъ выбирать себѣ въ руководители настоящихъ вождей и отворачиваться отъ демагоговъ. Такимъ образомъ будетъ обезпеченъ нравственный контроль надъ дѣйствіями партіи. Массы не могутъ имѣть достаточнаго досуга и способности, дабы изслѣдовать принципы политики или овладѣть частностями законодательства; поэтому онѣ удовольствуются пониманіемъ основныхъ и широкихъ началъ внутренней и внѣшней политики, особенно въ ихъ нравственномъ смыслѣ, дабы сдерживать дѣятельность народа въ справедливыхъ предѣлахъ. „Теорія, что естественный инстинктъ и стремленіе людей направлены къ свободѣ, такъ какъ каждый человѣкъ есть центръ независимыхъ силъ, стремящихся проявить себя; теорія, что политическая свобода приведетъ къ умственной независимости и къ сознанію отвѣтственности, что образованность научитъ людей не только хвалить политическія права, но также умно пользоваться ими—эта теорія была впервые обнародована людьми исключительной силы характера, исключительной независимости, исключительныхъ надеждъ на будущее. Эти качества дѣлали такихъ людей идеалистами и реформаторами, и они надѣляли своими собственными качествами все человѣчество" (т. II, стр. 31—33).

Взгляды пессимистовъ представляютъ чрезвычайно печальную, почти безотрадную картину современнаго человѣчества, и они изложены такъ обстоятельно сравнительно со взглядами оптимистовъ, что невольно приходишь къ убѣжденію, что авторъ склоняется. наперекоръ своимъ желаніямъ, на эту сторону. Пессимистъ дол-

женъ признать, что массы подъ вліяніемъ образованія будутъ повиноваться разумнѣе, имѣя въ виду интересъ государственнаго порядка и подчиненіе требованій отдѣльныхъ классовъ общему благу. Онъ тоже признаетъ, что прогрессъ соціальнаго равенства подниметъ сознаніе человѣческаго достоинства. Но онъ будетъ отрицать, что болѣе разумное повиновеніе усилитъ интересъ къ самоуправленію, увеличитъ дѣятельный государственный смыслъ и постоянное сознаніе своего долга, ибо повиновеніе опирается на темныхъ инстинктахъ, неизмѣнныхъ въ человѣкѣ. При этомъ онъ укажетъ на послѣднія 70 лѣтъ, когда власть перешла, по крайней мѣрѣ на видъ, отъ нѣсколькихъ къ многимъ. Нынѣ менѣе любви къ свободѣ, болѣе національныхъ антагонизмовъ, чему примѣрами служатъ Англія по отношенію къ двумъ маленькимъ южно-африканскимъ республикамъ и Сѣверная Америка къ филиппинскимъ туземцамъ. „Современный идеалъ не свобода болѣе, а военное могущество и развитіе торговли. Если свобода менѣе восхваляется, то это происходитъ вѣроятно потому, что свободныя правленія не принесли тѣхъ плодовъ, которыхъ отъ нихъ ожидали 50 лѣтъ тому назадъ. Республика во Франціи, послѣ 30 лѣтъ, не сдѣлала очевидно страны счастливѣе или болѣе спокойной вслѣдствіе всеобщаго довольства, чѣмъ она была при Людовикѣ Наполеонѣ или при Людовикѣ Филиппѣ. Она влачитъ передъ глазами посторонних наблюдателей ненадежное существованіе съ года на годъ, по временамъ подъ страхомъ военныхъ, политическихъ и церковныхъ заговоровъ. Свободная и объединенная Италія не осуществила надежды великихъ людей, которымъ она обязана своимъ единствомъ и своею свободою. Сѣверо-Американскіе Штаты имѣютъ по меньшей мѣрѣ столько же подкуповъ въ своихъ законодательныхъ собраніяхъ и худшее управленіе въ ихъ большихъ городахъ, съ меньшимъ количествомъ людей подавляющихъ способностей въ государственной жизни, чѣмъ передъ междоусобною войною, когда предполагали, что все зло изчезнетъ съ прекращеніемъ рабства. Въ частности представительное правленіе, на которомъ полстолѣтія тому назадъ сосредоточивались надежды апостоловъ прогресса, возбудило къ себѣ недовѣріе. Въ нѣкоторыхъ странахъ представитель болѣе боязливъ, болѣе способенъ превратиться въ простаго делегата, болѣе въ зависимости отъ партійной организаціи, чѣмъ прежде. Въ другихъ—народнымъ собраніямъ до того не довѣряютъ, что народъ ищетъ возможности ослабить ихъ при помощи такъ называемаго плебисцита или referendum для пересмотра ихъ рѣшеній“ (т. II, стр. 35). Болѣе всего

ждали отъ просвѣщенія народа быстраго установленія здравыхъ экономическихъ принциповъ, а именно свободы торговли и самопомощи, въ противоположность государственной опекѣ, въ законодательствѣ о бѣдныхъ и вообще объ общественныхъ усовершенствованіяхъ. Однако, начала laissez-faire и индивидуализма вездѣ потерпѣли крушеніе, и государство все болѣе и болѣе вмѣшивается въ жизнь отдѣльнаго лица. Хотя мотивы государства превосходны, но результатомъ является подчиненіе жизни индивида все болѣе полному и принудительному контролю. То же самое слѣпое подчиненіе замѣчается и въ рабочихъ классахъ по отношенію къ ихъ вождямъ. Итакъ все это свидѣтельствуетъ о неспособности массъ къ самостоятельному мышленію. Самая пресса, чрезвычайно развившаяся вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ, становится орудіемъ финансовыхъ аферистовъ, возбуждаетъ низкія страсти массъ и пріучаетъ людей слѣпо подчиняться волѣ большинства. Самое увеличеніе населенія подавляетъ мысль о самостоятельности человѣческой личности, какъ бы теряющейся въ массѣ. Предположеніе, что увеличеніе цѣнъ за работу и улучшеніе жизненныхъ условій дастъ возможность народу болѣе заняться общественными дѣлами и этимъ возбудитъ въ немъ большую гражданскую доблесть, не осуществилось, ибо свободное время удѣляется разнообразнымъ удовольствіямъ, а государственныя дѣла привлекаютъ даже меньшее вниманіе, чѣмъ прежде. Возможно даже, что матеріальный комфортъ и жажда утонченныхъ удовольствій чрезвычайно ослабитъ въ гражданахъ желаніе контролировать парламентарно государственную дѣятельность, если только будетъ болѣе или менѣе обезпечена свобода слова, гражданское равенство и справедливость въ судахъ, чему примѣромъ въ теченіе цѣлыхъ пяти столѣтій могутъ служить давніе римляне, наиболѣе политически дѣятельный, талантливый и образованный народъ (т. II, стр. 31—40).

Въ концѣ главы авторъ пытается устранить преувеличенія во взглядахъ оптимистовъ и пессимистовъ и приходитъ къ окончательному результату, что повиновеніе не можетъ уменьшиться въ человѣчествѣ, да это и не желательно, ибо оно необходимо для самаго существованія общества, а что нѣкоторое умственное и нравственное паденіе, замѣчаемое теперь въ человѣчествѣ, вызвано неизвѣстными намъ, но преходящими причинами (40—43).

Вопросъ о существѣ верховной власти (гл. X, т. II, стр. 49—111) принадлежитъ къ труднѣйшимъ въ сферѣ публичнаго права. Брайсъ прежде всего, по примѣру своихъ англійскихъ предше-

ственниковъ, строго отличаетъ верховную власть de jure и верховную власть de facto, т. е. фактически величайшую силу въ государствѣ, при чемъ оказывается, что законная верховная власть имѣетъ значеніе только въ сферѣ юридической и поэтому можетъ даже быть лишена повиновенія. Затѣмъ разсматриваются отношенія и взаимодѣйствіе законной и фактической верховныхъ властей въ государствѣ. Послѣ установленія этихъ понятій авторъ дѣлаетъ сжатый историческій обзоръ теорій о государственной власти, указывая при этомъ на вліяніе дѣйствительныхъ политическихъ обстоятельствъ на возникновеніе данной политической теоріи. Значеніе верховныхъ властей законной и фактической въ сферѣ нравственности, а также положеніе верховной власти въ международныхъ отношеніяхъ и выясненіе сложныхъ вопросовъ о государственномъ верховенствѣ въ федераціяхъ также привлекаютъ къ себѣ вниманіе Брайса. Въ заключеніе главы онъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: „Всѣ признаютъ, какъ и римляне, что верховная власть въ концѣ концовъ проистекаетъ изъ народа и что, кто бы ни осуществлялъ ее въ государствѣ, осуществляетъ ее какъ полномочіе отъ народа. Всѣ также признаютъ, что во внутреннихъ дѣлахъ государства законная верховная власть, даже если она не ограничена никакой конституціей, должна проявляться подъ нравственными ограниченіями такими, какія ожидаются просвѣщеннымъ мнѣніемъ лучшихъ гражданъ и какія признавались болѣе ранними мыслителями во имя естественнаго права. Сфера, гдѣ не существуетъ верховной власти de jure, именно сфера международныхъ отношеній, гдѣ каждая власть есть только de facto, есть также сфера, въ которой нравственность проникла наименѣе и въ которой справедливость и честь наименѣе признаются“.

Въ XI-той главѣ (т. II, стр. 112—171) Брайсъ предлагаетъ историческій очеркъ понятій о природѣ и естественномъ правѣ съ древнѣйшихъ до новѣйшихъ временъ. Хотя естественное право повидимому и отжило свой вѣкъ, хотя на него не ссылаются ни соціалъ-демократы, ни анархисты, но оно дало римскимъ юристамъ философскій идеалъ для расширенія и усовершенствованія права временъ имперіи, оно возбуждало людей къ противодѣйствію притѣсненіямъ и ослабляло стремленія, всегда существующія среди юристовъ и руководящихъ общественныхъ слоевъ, черезчуръ полагаться на преданія и защищать учрежденія, которыя стали несогласны съ разумомъ и противны общему благу. Поэтому, по мнѣнію автора, оно хотя не имѣетъ значенія теперь, но можетъ еще найти примѣненіе въ далекомъ будущемъ.

Во главѣ XII-ой (т. II стр. 172—208) „О методахъ юридической науки" авторъ разсматриваетъ вопросъ, что сдѣлано и что можетъ быть достигнуто четырьмя методами, примѣняемыми въ правовѣдѣніи, а именно „метафизическимъ или a priori методомъ", „методами аналитическимъ, историческимъ и сравнительнымъ".

Метафизическій методъ начинаетъ съ изслѣдованія отвлеченныхъ идей о правѣ и законѣ въ ихъ отношеніи къ нравственности, свободѣ и человѣческой волѣ вообще; онъ останавливается на юридическихъ отношеніяхъ людей между собою въ самомъ общемъ и отвлеченномъ смыслѣ; затѣмъ онъ переходитъ къ основнымъ юридическимъ понятіямъ (право, обязанность, верховная власть и т. д.) и къ основнымъ юридическимъ институтамъ (семья, собственность и т. д.), желая найти самую идею понятія или института. Писатели, слѣдующіе этому методу, или стремятся вывести все содержаніе своихъ системъ изъ своихъ основныхъ положеній, или скорѣе даютъ обобщенія дѣйствительныхъ юридическихъ явленій. Произведенія этихъ писателей, вслѣдствіе отвлеченности и малой примѣнимости къ жизни, почти не изучаются въ Англіи (174—178).

Аналитическій методъ исключительно останавливается на современныхъ, дѣйствительныхъ юридическихъ фактахъ; онъ стремится опредѣлить юридическія понятія, группировать ихъ, установить ихъ взаимныя отношенія. По поводу аналитическаго метода Брайсъ чрезвычайно мѣтко анализируетъ слабыя и сильныя стороны англійской аналитической школы (178—184).

Историческій методъ выходитъ изъ понятія права, какъ продукта времени; зародышъ права, какъ зародышъ государства, таится въ природѣ человѣка, какъ существа общежительнаго, и право развивается изъ этого зародыша въ различныя формы вслѣдствіе окружающихъ его разнообразныхъ вліяній. Несмотря на тождество руководящихъ началъ и основныхъ институтовъ, право, въ глазахъ историка, является чѣмъ-то постоянно измѣняющимся, то подлежащимъ росту, то замиранію, какъ и въ идеяхъ, такъ и въ формахъ, въ которыя эти идеи облекаются. Польза историческаго метода заключается въ томъ, что многія юридическія представленія и правила могутъ быть объяснены только исторически, ибо они вытекаютъ не изъ человѣческой природы, но изъ особыхъ условій, въ которыя поставленъ данный народъ, а также въ томъ, что этотъ методъ пріучаетъ людей смотрѣть на современныя, даже наиболѣе священныя представленія и правила, какъ на преходя-

щій результатъ историческаго развитія. При всемъ этомъ, однако, историческій методъ не долженъ превращаться ни въ простое изученіе древностей, ни въ общую политическую и соціальную исторію (184—186).

Сравнительный методъ является наиболѣе молодымъ. Какъ историческій методъ имѣетъ исключительное отношеніе ко времени, такъ сравнительный—къ пространству. „Онъ собираетъ, анализируетъ, сопоставляетъ понятія, теоріи, правила и учрежденія, находящіяся въ каждой развитой юридической системѣ, или по крайней мѣрѣ въ большинствѣ системъ, отмѣчаетъ точки сходства и различія и стремится такимъ путемъ создать систему, которая будетъ *естественной*, ибо она заключаетъ въ себѣ то, что люди, другимъ образомъ различные, согласились въ своихъ чувствахъ считать существеннымъ, *философской*, ибо она идетъ глубже словъ и названій и открываетъ тождество по существу при различіи описаній, и *пригодной къ жизни*, ибо она показываетъ, какими отдѣльными средствами достигались лучше всего цѣли, которыя преслѣдовали всѣ или большинство системъ". Сравнительный методъ проявляется въ двухъ формахъ, одной, нуждающейся въ сильной помощи исторіи и преслѣдующей теоретическія цѣли, другой, ограничивающейся современными явленіями и имѣющей въ виду практическую пользу, напр., установить, при помощи сравненія, наилучшую форму товарищества на паяхъ (186—190).

Эти 4 метода оказываются полезными для профессоровъ и учениковъ права, для практиковъ, т. е. судей и адвокатовъ, наконецъ для законодателей, при чемъ каждый методъ имѣетъ свое опредѣленное мѣсто въ правовѣдѣніи. Такъ, напр., метафизическій методъ необходимъ для опредѣленія самой области правовѣдѣнія среди другихъ общественныхъ наукъ и отчасти для установленія юридическихъ понятій, хотя послѣднее достижимо лучше посредствомъ аналитическаго метода. Впрочемъ первые два метода пригодны, по мнѣнію Брайса, только для самыхъ началъ правовѣдѣнія и для нѣкоторыхъ спеціальныхъ частей, между тѣмъ какъ два послѣдніе примѣнимы съ пользою въ цѣлой области права, особенно если они комбинируются. Римляне преимущественно выдвинулись чрезвычайно умѣлымъ употребленіемъ всѣхъ четырехъ методовъ, и на ихъ примѣрѣ мы лучше всего видимъ, что особенно цѣнно не столько изученіе самыхъ методовъ и сочиненій, при ихъ помощи написанныхъ, сколько искусное ихъ примѣненіе къ разработкѣ юридическихъ явленій. Наконецъ совершенство каждой юри-

дической системы Брайсъ видитъ въ ея разумности, простотѣ и логической послѣдовательности (190—208).

XIII глава (т. II, стр. 209—246) останавливается на „отношеніяхъ права и религіи". Право и религія нынѣ противоположны, и по своимъ характернымъ признакамъ, и по мнѣніямъ богослововъ и юристовъ, но въ болѣе раннія времена они въ нѣкоторыхъ странахъ сливались, а почти во всѣхъ чрезвычайно сближались. Примѣромъ такого состоянія служитъ мусульманскій университетъ въ Каиро, въ которомъ по временамъ бывало до 10 тысячъ студентовъ. Какъ въ средневѣковыхъ университетахъ ученыя степени состоятъ въ правѣ учить, что удѣляется лицамъ, которыя провели предписанное время за изученіемъ книги и получили отъ профессора свидѣтельство въ самой книгѣ въ ея усвоеніи. Для высшей ученой степени необходимъ устный экзаменъ двухъ или трехъ профессоровъ, устный потому, что изученіе заключается главнымъ образомъ въ упражненіи памяти. Въ 1888 г. было 230 профессоровъ. Изученіе начинается съ грамматики, логики съ метафизикой и риторики; затѣмъ слѣдуютъ богословіе, природа Бога и функціи пророка, наконецъ—право, заключающее въ себѣ предписанія религіи по отношенію къ жизни, и свѣтское право, и то, и другое основанное на Коранѣ и священномъ преданіи. Курсъ для судьи (кади) продолжается 14 лѣтъ, для доктора правъ (мифти) еще болѣе; 5 или 6 лѣтъ достаточны, чтобы быть деревенскимъ учителемъ или имамомъ въ маленькой мечети. Все ученіе происходитъ наизусть. Но значительное мѣсто удѣляется развитію тонкости ума при казуистическихъ расчлененіяхъ, которыя составляютъ большую часть права, нравственнаго и свѣтскаго. Картинное описаніе этого университета и сравненіе съ средневѣковыми университетами оживляетъ изложеніе Брайса. При большомъ сходствѣ первоначальнаго устройства и университетской жизни паденіе науки въ исламѣ было вызвано тѣмъ, что христіанство даже въ самыя темныя времена давало болѣе свободы мысли, чѣмъ исламъ, что философія, богословіе и право ислама были менѣе, чѣмъ въ христіанской Европѣ, подвержены постороннимъ, особенно греческимъ, вліяніямъ, что въ мусульманствѣ не было оплодотворяющаго столкновенія и возбуждающей борьбы различныхъ національностей съ ихъ различными дарованіями и направленіями мысли, наконецъ, что въ исламѣ богословіе и право отождествлялись. Это ужасное по своимъ послѣдствіямъ отождествленіе произошло потому, что Коранъ, какъ божественное и потому безошибочное и неизмѣнное откровеніе, по-

крывалъ всю сферу человѣческой мысли и дѣятельности, и что это откровеніе произошло черезъ монарха свѣтскаго и духовнаго, Магомета, божественнаго пророка. Вслѣдствіе этого окаменѣли и религія, и право, не было достаточной сферы для развитія сословія юристовъ, въ государствѣ повиновеніе считается величайшею добродѣтелью, наконецъ государство и церковь сливаются во едино.

Въ концѣ своего двухтомнаго сочиненія Брайсъ помѣстилъ свои вступительную и прощальную лекціи, весьма интересныя для пониманія современнаго состоянія англійскаго правовѣдѣнія. Во вступительномъ чтеніи 1871 г. разсматривается значеніе римскаго права для права и его изученія вообще и для англійскаго права въ особенности (т. II стр. 475—503); въ прощальной лекціи 1893 г. изображаются измѣненія, происшедшія въ юридическомъ преподаваніи Оксфордскаго университета и самой Англіи въ теченіе 23 лѣтъ.

Ф. Зигель.

Dr. von Leyden. Die sogenannte Culpa-Compensation im Bürgerlichen Gesetzbuch. Berlin 1902.

Вопросъ о culpa-compensatio, объ его сущности и юридическомъ основаніи принадлежалъ къ числу очень спорныхъ въ доктринѣ пандектнаго права. Далеко не отрѣшеннымъ отъ этихъ спорныхъ моментовъ институтъ этотъ былъ принятъ германскимъ гражданскимъ уложеніемъ. Это обстоятельство и объясняетъ какъ появленіе особой монографіи, посвященной институту culpa-compensatio, такъ и слова автора этой монографіи, что, кто желаетъ получить полное представленіе объ интересующемъ насъ здѣсь вопросѣ, тотъ не можетъ удовольствоваться изученіемъ однѣхъ лишь нормъ уложенія, а долженъ обратиться къ научнымъ теоріямъ пандектнаго права.

Само собою понятно, что первымъ вопросомъ въ ученіи о culpa-compensatio долженъ быть вопросъ о причинной связи, и авторъ посвящаетъ ему первую главу своего изслѣдованія. Указывая на то, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ явленіемъ не чисто юридическимъ и не подлежащимъ потому юридической конструкціи, авторъ склоняется къ теоріи Hass'a, согласно которой вопросъ о томъ, что послужило причиной того или иного событія, долженъ быть всегда поставленъ въ отрицательной формѣ. Нельзя спрашивать

вызвало ли такое-то поведеніе А имѣющійся результатъ, а необходимо спросить: получился ли бы этотъ результатъ, еслибы А не велъ себя такъ? Если на предложенный такимъ образомъ вопросъ отвѣтъ получится утвердительный, то ясно, что между поведеніемъ А и даннымъ результатомъ нѣтъ причинной связи, и наоборотъ.

Въ томъ случаѣ, когда причинная связь устанавливается, необходимо еще для опредѣленія отвѣтственности установить, что вообще данное поведеніе ведетъ къ такого рода результату. Авторъ даетъ между прочимъ слѣдующій примѣръ. В переѣхалъ на улицѣ А. Послѣдняго для подачи немедленной помощи внесли въ ближайшій домъ, а тамъ обвалился потолокъ и убилъ раненаго А. Для того, чтобы знать, долженъ ли отвѣчать В за смерть А, необходимо разрѣшить вышепоставленный вопросъ: вызываетъ ли вообще то дѣяніе, въ каковомъ повиненъ В, такой результатъ, какой получился въ данномъ случаѣ? Мы должны, конечно, отвѣтить отрицательно, и этимъ самымъ мы говоримъ, что смерть А не находится въ адэкватной причинной связи съ поведеніемъ В, и рѣшаемъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что В не отвѣчаетъ за смерть А.

Засимъ авторъ желаетъ доказать, что эту Рюмелиновскую теорію адэкватной причинности усвоило германское гражданское уложеніе; доказать, конечно, это ему не удается, да и странно было бы иначе: авторъ самъ признаетъ, какъ мы выше имѣли случай замѣтить, что вопросъ о причинной связи не принадлежитъ къ числу юридическихъ, а потому не понимаемъ, какой интересъ имѣетъ для автора эта попытка. Уложеніе вѣдь содержитъ въ себѣ правила поведенія, а никакъ не правила мышленія или что-либо подобное.

Обращаясь къ разсмотрѣнію ученія о culpa-compensatio въ доктринѣ пандектнаго права, авторъ останавливается на теоріи тѣхъ ученыхъ (Пернисъ, Дернбургъ и друг.), которые при culpa-compensatio усматриваютъ причину освобожденія отъ отвѣтственности лица, причинившаго другому вредъ только въ перерывѣ причинной связи; съ этимъ взглядомъ авторъ однако не соглашается. Онъ говоритъ: отвѣтственность лица, причинившаго своими дѣйствіями вредъ другому, возникаетъ только тогда, когда между этими дѣйствіями и убыткомъ есть адэкватная причинная связь; слѣдовательно, одно изъ двухъ: если эта связь есть, нельзя говорить о перерывѣ причинности и можно только признать, что полученный результатъ (убытокъ) находится въ равной мѣрѣ въ адэкватной причинной

зависимости какъ отъ дѣянія лица, причинившаго убытокъ, такъ и дѣянія или вообще поведенія лица, получившаго убытокъ. Съ другой стороны, разъ признать, что дѣяніе лица, получившаго убытокъ, прервало причинную связь между дѣяніемъ причинившаго и полученнымъ результатомъ, то этимъ самымъ признается, что убытокъ и поведеніе лица, причинившаго его, не находятся въ адэкватной причинной зависимости и, слѣдовательно, во-первыхъ, что нѣтъ основанія для его отвѣтственности, и, во-вторыхъ, что нѣтъ въ такомъ случаѣ и мѣста для culpa-compensatio. Отвергнувъ, такимъ образомъ, теорію перерыва причинной связи и признавая, что при culpa-compensatio существуетъ одинаковая адэкватная причинная зависимость между убыткомъ и дѣяніями какъ лица причинившаго, такъ и потерпѣвшаго, авторъ ищетъ основаніе освобожденія отъ отвѣтственности перваго изъ нихъ въ общемъ принципѣ справедливости, проявленіемъ коей должно служить право. Авторъ разсуждаетъ такимъ образомъ: изъ существа субъективнаго права слѣдуетъ, что каждый долженъ самъ нести тотъ ущербъ, который онъ потерпитъ—casum sentit dominus; по принципу справедливости право возлагаетъ этотъ ущербъ на того, по чьей винѣ онъ произошелъ; по тому же принципу справедливости право освобождаетъ виновнаго отъ отвѣтственности, если и получившій ущербъ самъ также виноватъ.

Оставляя уже въ сторонѣ всю неправильность только-что приведеннаго разсужденія, такъ какъ тотъ принципъ, что причинившій вслѣдствіе вины своей кому либо убытокъ является отвѣтственнымъ, вовсе не служитъ исключеніемъ изъ принципа casum sentit dominus, мы не можемъ вообще признать теорію автора (въ сущности она примыкаетъ къ теоріи Вендта) правильной, и, напротивъ, склонны признать единственно объясняющей culpa — compensatio теорію перерыва причинной связи. Безусловно вѣрно указаніе автора, что право вообще должно быть проявленіемъ справедливости, но, если мы, подобно ему, станемъ объяснять всѣ правовые институты, какъ признаніе требованія справедливости, то этимъ самымъ мы упразднимъ теорію гражданскаго права, но въ сущности никакого объясненія не получимъ. Между тѣмъ теорія перерыва причинной связи совершенно правильно объясняетъ такъ называемую culpa—compensatio. Съ того момента, когда тотъ или иной результатъ дѣянія лица, причинившаго ущербъ, становится въ адэкватной причиной зависимости отъ дѣянія или упущенія лица, получившаго ущербъ, онъ перестаетъ быть въ адэкватной причин-

ной связи съ первыми дѣяніями, а продолжаетъ находиться съ ними въ болѣе отдаленной причинной связи, вслѣдствіе чего лицо это освобождается отъ отвѣтственности. Возьмемъ примѣръ, предлагаемый авторомъ. Лицо А умышленно открываетъ кранъ отъ бочки съ виномъ, принадлежащимъ В; когда вино вытекло уже на половину, пришелъ собственникъ вина В и вмѣсто того, чтобы закрыть кранъ и оградить себя отъ дальнѣйшихъ убытковъ, оставляетъ кранъ открытымъ и этимъ вызываетъ полную утечку вина. Ставимъ по совѣту автора такъ вопросъ: вылилась бы вторая половина бочки вина, если бы В закрылъ кранъ. Конечно, нѣтъ, и очевидно, что между поведеніемъ В и полученнымъ имъ ущербомъ есть адэкватная причинная связь. Но можно ли сказать, что послѣ того какъ В увидѣлъ текущее вино и не закрылъ крана, убытокъ, полученный имъ, находился въ равной адэкватной причинной связи съ поведеніемъ А? По нашему мнѣнію, здѣсь уже адэкватной причинной связи нѣтъ, а есть причинная связь болѣе отдаленная; нести же отвѣтственность долженъ только тотъ, чье поведеніе находится въ адэкватной причинной связи съ полученнымъ ущербомъ, т. е. въ данномъ случаѣ В.

Придя къ тому заключенію, что при culpa—compensatio полученный ущербъ долженъ находиться въ совершенно одинаковой причинной связи какъ съ дѣяніемъ причинившаго ущербъ, такъ и съ поведеніемъ получившаго, авторъ дѣлаетъ отсюда тотъ выводъ, что нельзя говорить, что поведеніе одного имѣло въ томъ или иномъ случаѣ большее, а поведеніе другаго меньшее значеніе. Отсюда слѣдуетъ, что причины при culpa—compensatio, такъ сказать, неизмѣримы и несравнимы, онѣ всегда должны дѣйствовать въ одинаковой мѣрѣ. Напротивъ, вина одного и другаго изъ интересующихъ насъ лицъ можетъ быть измѣрена: на одной сторонѣ она можетъ быть большая, на другой меньшая.

Исходя изъ этихъ, неправильныхъ по нашему мнѣнію, но признаваемымъ авторомъ незыблемыми, основаній, авторъ приступаетъ къ анализу 254 ст. герм. гражд. улож. Вотъ текстъ 1-ой части интересующей насъ статьи: „Если наступленію вреда способствовала вина потерпѣвшаго, то обязанность къ возмѣщенію и размѣръ его зависитъ отъ обстоятельствъ, въ частности отъ того, *насколько вредъ былъ обусловленъ преимущественно той или другой стороной*. Смыслъ статьи, по нашему мнѣнію, достаточно ясенъ: если дѣянія А и В вызвали извѣстный результатъ, то судья долженъ изъ обстоятельствъ дѣла установить, чье дѣяніе находится

въ болѣе непосредственной причинной связи съ имѣющимся результатомъ. Этого одного однако мало: судья долженъ разрѣшить и другой вопросъ,—чья изъ двухъ дѣйствующихъ лицъ вина больше. Въ зависимости отъ разрѣшенія этихъ двухъ вопросовъ, судья распредѣлитъ между А и В отвѣтственность за полученный однимъ изъ нихъ ущербъ. Такое толкованіе, по нашему мнѣнію, напрашивается само собою, его же держится большинство цивилистовъ [1]). Авторъ однако, въ силу установленнаго имъ выше положенія, не можетъ присоединиться къ такого рода взгляду и пытается доказать, что, несмотря на ясность словеснаго смысла статьи, ее нужно толковать въ томъ смыслѣ, что судья долженъ сравнивать только вину одного и другаго лица, а никакъ не причинную связь между ихъ дѣяніями и убытками, такъ какъ причинная зависимость совершенно одинакова. Доказать, конечно, автору это очень нелегко; онъ поэтому прибѣгаетъ къ чрезвычайно искусственной системѣ доказательствъ, что приводитъ его, конечно, и къ искусственному результату.

При обсужденіи вопроса о culpa-compensatio само собою возникаетъ вопросъ о томъ, что такое, такъ называемая, собственная вина (Das eigene Verschulden). Есть ли это вина въ настоящемъ смыслѣ этого слова? Авторъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно, такъ какъ въ отношеніи къ самому себѣ нѣтъ правовыхъ обязанностей, а, слѣдовательно, не можетъ быть нарушенія этихъ правовыхъ обязанностей, не можетъ быть и вины въ истинномъ значеніи слова. Неправильно также, по мнѣнію автора, приравнивать, какъ то нѣкоторые дѣлаютъ, собственную вину къ обыкновенной причинной связи, такъ какъ эти понятія совершенно различны. И въ самомъ дѣлѣ, авторъ приводитъ противъ этого взгляда совершенно правильное возраженіе: если бы собственная вина была не что иное, какъ причинная связь, то мы не могли бы говорить, что въ данномъ случаѣ собственная виновность извинительна или исключается, такъ какъ она имѣла мѣсто при необходимой оборонѣ или въ силу того, что виновный въ отношеніи къ себѣ самому субъектъ невмѣняемъ и т. д., т. е., иначе говоря, собственная вина не исключалась тѣми же самыми моментами, какими исключается вообще всякая вина. Въ конечномъ выводѣ авторъ приходитъ къ этому заключенію, къ каковому до него пришли уже

---

[1]) Ср. напр. Endemann: Einführung in das Studium des Bürgerlichen Gesetzbuchs. B. I 593—600.

Рюмелинъ и Цительманъ, что при отрицательномъ отношеніи къ собственной винѣ законъ стоитъ на точкѣ зрѣнія интересовъ самого виновнаго, и что доминирующій при обыкновенной винѣ моментъ противоправности замѣняется здѣсь, при собственной винѣ, моментомъ ненормальности, которой законъ также не покровительствуетъ. Такъ, напр., въ приведенномъ нами примѣрѣ съ бочкой вина съ точки зрѣнія закона было бы желательнымъ нормальное поведеніе собственника, заключающееся въ томъ, что онъ, видя, какъ вино его вытекаетъ изъ отпертаго крана, не долженъ былъ отнестись къ этому безразлично и допустить увеличеніе ущерба. Такого рода поведеніе законъ одобрить не можетъ; съ точки зрѣнія закона нормальнымъ было бы закрытіе крана и уменьшеніе убытковъ; за ненормальное же поведеніе законъ собственника наказываетъ.

И это объясненіе автора не можетъ насъ удовлетворить: невольно напрашивается вопросъ, всегда ли законъ наказываетъ (я имѣю въ виду наказаніе гражданское) за ненормальное поведеніе въ отношеніи къ самому себѣ. На этотъ вопросъ нужно отвѣтить отрицательно. Законъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы я разорвалъ написанную мною, можетъ быть очень дорогую, картину, законъ относится также совершенно безразлично къ тому, что я зимою выйду легко одѣтымъ и простужусь. Въ большинствѣ случаевъ съ точки зрѣнія закона совершенно безразлично, какъ я буду вести себя въ отношеніи къ самому себѣ, нормально или ненормально, какъ рачительный домохозяинъ или какъ безпечнѣйшій въ мірѣ человѣкъ. А если это такъ, то очевидно, что данное авторомъ объясненіе понятія „собственной вины" неудовлетворительно.

Несмотря однако на то, что мы не соглашаемся съ самыми принципіальными и основными взглядами и выводами автора, мы не можемъ не признать, что книга его написана очень интересно и заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны юристовъ.

Ал. Бугаевскій.

D-r Julius Ofner. Das Recht des Anderen erläutert am Schutz des Dritten. Wien. 1902.

Одною изъ характернѣйшихъ и замѣчательныхъ чертъ современнаго гражданскаго права является стремленіе сдѣлать оборотъ прочнымъ и непоколебимымъ и оберечь его отъ риска и всевозмож-

ныхъ случайностей. Тенденція эта выразилась, главнымъ образомъ, въ созданіи различныхъ правовыхъ институтовъ, имѣющихъ своею цѣлью оградить интересы такъ называемыхъ третьихъ лицъ, т. е. лицъ, которыя въ сдѣлкѣ не участвуютъ, но интересы которыхъ отъ такой сдѣлки могутъ пострадать. Съ трудомъ пробивались эти идеи въ гражданское право, такъ какъ для признанія ихъ необходимо было проламывать одну за другою бреши въ римскомъ правѣ, которое считалось только съ волею сторонъ и по большей части закрывало глаза на все то, что дѣлалось за спиною дѣйствующихъ лицъ.

Авторъ вышеназванной книги задался цѣлью объединить всѣ случаи побѣды третьихъ лицъ въ современномъ правѣ, исторически прослѣдить ихъ и указать на ту общую идею, которая проявилась въ отдѣльныхъ разрозненныхъ правовыхъ институтахъ.

Но этого мало: авторъ хочетъ вмѣстѣ съ этимъ дать общую формулу развитія правовыхъ явленій и созданія новыхъ правовыхъ идей. Эта формула и есть „das Recht des Anderen".

Чтобы уяснить себѣ смыслъ и значеніе этой формулы, необходимо обратиться, какъ то дѣлаетъ самъ авторъ, къ гегелевой діалектикѣ. Говоря, что теорія Гегеля о діалектическомъ развитіи міра, должна была быть оставлена, какъ неправильная, авторъ полагаетъ, что человѣческая мысль и идеи развиваются въ порядкѣ діалектическаго процесса. Этому же закону развитія подчинена и соціальная жизнь. Нѣсколько формально, думаетъ авторъ, предположеніе Гегеля о томъ, что тезисъ и антитезисъ должны примириться въ синтезѣ. Третье звено можетъ быть не примиреніемъ втораго и перваго, а, напротивъ, въ свою очередь, отрицаніемъ и противоположностью втораго. Такого рода антитезою въ правѣ и является „das Recht des Anderen". Въ силу историческаго хода развитія господство и власть находятся въ рукахъ одного какого либо общественнаго класса; на ряду съ нимъ существуетъ другой общественный классъ, находящійся въ экономическомъ либо политическомъ подчиненіи у перваго. Права этого подчиненнаго класса авторъ и называетъ „правомъ другаго" въ отличіе отъ права господствующаго „перваго" класса. Когда исторія и жизнь приводятъ къ тому, что подчиненный классъ требуетъ и добивается признанія своихъ правъ, прежняя антитеза становится тезою, право „другаго" перестаетъ быть имъ, а на его мѣсто является другой классъ или сословіе, который противоставляетъ снова свое право, какъ право „другаго" и т. д. Не нужно думать, продолжаетъ авторъ, что тамъ,

гдѣ идетъ рѣчь о противоставленіи права „другаго“ праву перваго, непремѣнно имѣются въ виду соціальные классы съ противоположными интересами. Противоставляться такимъ образомъ могутъ права вообще всякаго рода группъ. Такого рода группою, между прочимъ, являются и тѣ третьи лица, о правахъ коихъ печется современное гражданское право, далѣе такого же рода группою были, напр., filii familias въ римскомъ семейственномъ правѣ. Власть, а съ нею особыя права римскаго pater familias были созданы военнымъ строемъ жизни, необходимостью строгой дисциплины и военной диктатуры. Когда условія жизни измѣнились, имущественно безправный filius familias сталъ диссонансомъ съ новымъ строемъ жизни, онъ началъ требовать признанія правъ и его „другаго“ и добился ихъ. И здѣсь право filii familias противоставляется какъ право „другаго“ праву patris familias, какъ праву „перваго“.

Подъ эту же формулу авторъ подводитъ и процессъ созиданія современнаго рабочаго законодательства. До недавняго времени отношенія между работодателемъ и рабочимъ регулировались договоромъ, основаннымъ на добровольномъ согласіи, что было гораздо выгоднѣе для работодателя, чѣмъ для рабочаго; и неудивительно: равенство договаривающихся сторонъ будетъ только формальнымъ, разъ одна сторона экономически сильна, а другая слаба. Только въ послѣднее время былъ поставленъ вопросъ: развѣ этотъ, другой, рабочій никакихъ правъ не имѣетъ? Вопросъ былъ разрѣшенъ положительно, и отвѣтомъ на него явилось современное рабочее законодательство.

Но обратимся къ главному вопросу, разсматриваемому авторомъ, а именно къ защитѣ интересовъ третьихъ лицъ въ современномъ гражданскомъ правѣ. Защита эта направлена въ вещномъ правѣ преимущественно противъ диктатуры собственника, а въ обязательственномъ противъ диктатуры сторонъ. Мы не можемъ привести здѣсь всѣ случаи, разсматриваемые авторомъ, а остановимся только на самыхъ интересныхъ и важныхъ.

Древне-римское право, говоритъ авторъ, не различало добросовѣстнаго владѣльца отъ недобросовѣстнаго, оно не знало также особеннаго свойства вещи быть капиталомъ или приносить доходъ, и всякій владѣлецъ, какъ добросовѣстный, такъ и недобросовѣстный, не отвѣчалъ предъ собственникомъ за его плоды, потребленные имъ до момента предъявленія иска къ нему. Въ болѣе позднемъ римскомъ правѣ плоды эти могли быть истребованы путемъ иска объ обогащеніи (condictio), но этотъ искъ давался только про-

тивъ недобросовѣстнаго владѣльца; пріобрѣтеніе же потребленныхъ плодовъ добросовѣстнымъ владѣльцемъ стало защищаться правомъ; плоды эти являлись эквивалентомъ за потраченные добросовѣстнымъ владѣльцемъ труды и заботы на обработку участка. Дальнѣйшія измѣненія въ этомъ вопросѣ въ законодательствахъ новаго времени, которыя приводитъ авторъ, ничего существеннаго не представляютъ собою и относятся, главнымъ образомъ, къ тому, съ какого момента добросовѣстный владѣлецъ дѣлается собственникомъ плодовъ. Во всякомъ случаѣ, несмотря на все желаніе автора показать, что и на регулированіи даннаго вопроса отразилось то значеніе, какое пріобрѣлъ трудъ въ настоящее время въ отличіе отъ римской эпохи, сдѣлать это ему не удалось, да и не могло удаться уже потому, что мы до сихъ поръ стоимъ почти всецѣло на точкѣ зрѣнія римской. Засимъ нельзя не обратить уже здѣсь вниманія на то, что приведенный случай совсѣмъ не укладывается въ формулу автора. Задача автора показать торжество права „другаго", т. е. въ данномъ случаѣ добросовѣстнаго владѣльца надъ правомъ и диктатурою собственника. Изъ его же изложенія явствуетъ совершенно другое, такъ какъ авторъ самъ говоритъ, что прежде собственникъ былъ беззащитенъ въ дѣлѣ отыскиванія плодовъ какъ въ отношеніи недобросовѣстнаго владѣльца, такъ и добросовѣстнаго, и что прогрессъ состоялъ въ томъ, что ему дали средство отыскивать плоды отъ недобросовѣстнаго. Такимъ образомъ, исторически мы видимъ расширеніе правъ собственника, а никакъ не суженіе ихъ.

Несравненно болѣе удаченъ и интересенъ второй случай, на которомъ останавливается авторъ: онъ изображаетъ намъ тѣ перипетіи и трудности, которыя пришлось преодолѣть идеѣ о правѣ собственности на движимую вещь лица, добросовѣстно пріобрѣвшаго ее отъ несобственника. Здѣсь мы видимъ дѣйствительно торжество третьяго лица въ современномъ правѣ и сильную брешь въ правѣ римскомъ.

Остановившись затѣмъ на современной ипотечной системѣ, которая въ дѣйствительности въ сильной мѣрѣ ограждаетъ интересы третьихъ лицъ, авторъ переходитъ къ вопросу о спецификаціи, гдѣ должно было бы въ особенности сказаться отличіе современнаго права отъ римскаго. И въ самомъ дѣлѣ, римское хозяйство, основанное на рабскомъ трудѣ, не могло служить базисомъ для созданія способовъ пріобрѣтенія права собственности посредствомъ труда; совершенно иное мы видимъ теперь, въ новое время, гдѣ

трудъ играетъ чрезвычайно важную роль въ народной экономіи. Казалось бы, что въ регулированіи вопросовъ, связанныхъ съ спецификаціей, новыя законодательства должны были находиться какъ разъ на противоположномъ съ римскимъ правомъ полюсѣ. Автору послѣднее и хотѣлось бы доказать, но, къ сожалѣнію, какъ намъ кажется, цѣли своей онъ здѣсь не достигъ. Какъ видно изъ приводимыхъ имъ положеній изъ различныхъ кодексовъ и законодательныхъ проектовъ, всѣ почти они, за исключеніемъ развѣ code civil и новаго германскаго уложенія, стоятъ на точкѣ зрѣнія римской, допуская различные маловажные варіанты. Что же касается римскаго права, то авторъ, хотя и говоритъ, что Трибоніанъ разрѣшилъ интересующій насъ здѣсь вопросъ крайне поверхностно и неудачно, но не упоминаетъ про то, что разрѣшеніе этого вопроса, какъ въ послѣднее время доказано проф. Соколовскимъ, не находится совершенно ни въ какомъ отношеніи съ вопросами труда и капитала, а покоилось всецѣло на принципахъ и ученіяхъ стоической философіи.

Переходя къ обязательственному праву, авторъ подробно останавливается на цѣломъ рядѣ вопросовъ; такъ, онъ говоритъ о защитѣ въ современномъ правѣ на случай ничтожности сдѣлки вслѣдствіе ошибки одного изъ контрагентовъ интересовъ другаго путемъ возмѣщенія ему отрицательнаго интереса: затѣмъ авторъ разсматриваетъ тѣ измѣненія, какія потерпѣли въ современномъ правѣ въ интересахъ третьихъ лицъ институтъ представительства путемъ широкаго развитія непосредственнаго представительства, далѣе договоръ товарищества, созданіе института бумагъ на предъявителя, договоровъ въ пользу третьихъ лицъ и. т. д. Сюда же, т. е. къ имѣющимъ цѣлью защитить интересы третьихъ лицъ, авторъ относитъ и усиленную отвѣтственность какъ матеріально-правовую, такъ и процессуальную желѣзнодорожныхъ, пароходныхъ и т. п. предпріятій за понесенныя вслѣдствіе эксплоатаціи этихъ предпріятій частными лицами убытковъ и увѣчій.

Въ заключеніе авторъ переходитъ опять къ общимъ правно-политическимъ вопросамъ. Онъ указываетъ на то, что всѣ вышеуказанные институты очень туго принимались пандектной доктриной, и что они большею частью выставлялись подъ флагомъ древне-германскаго права, хотя и въ дѣйствительности они происхожденія ни древне-римскаго, ни древне-германскаго, а являются всецѣло продуктомъ новаго времени съ его сильно развитымъ гражданскимъ и торговымъ оборотомъ. Вообще, по мнѣнію автора, нельзя въ прошломъ искать объясненія

новымъ правовымъ феноменамъ. Отъ римскаго права мы должны позаимствовать методъ, но нельзя не помнить, что современная жизнь совершенно иная, чѣмъ римская, а слѣдовательно и право современное должно быть инымъ. Исторія права можетъ предостеречь насъ отъ опасныхъ экспериментовъ, но научить насъ тому, что такое право, она не можетъ. Далѣе авторъ даетъ намъ своего рода цивильно-политическую программу, говоря, что возникающее право развивается подъ знаменемъ, на которомъ написано „общій интересъ и защита слабыхъ“: договоръ найма услугъ уже отчасти регулированъ согласно этому девизу, за ними долженъ послѣдовать договоръ найма имущества, аренды, затѣмъ экспропріація и т. д., однимъ словомъ авторъ рисуетъ намъ картину соціальнаго законодательства.

Присоединяясь всецѣло къ большинству изъ послѣднихъ замѣчаній автора, мы не можемъ однако не признать, что формула, данная имъ, далеко не такъ широка, чтобы вмѣстить всѣ правовыя явленія, правовую эволюцію и смѣну правовыхъ идей. Мы выше уже имѣли случаи указать, что автору весьма часто не удается примѣнить свою формулу къ тому или другому правовому явленію. Нельзя не признать также, что авторъ часто соединяетъ во-едино правовые институты по чисто случайнымъ или маловажнымъ общимъ признакамъ и составляетъ такимъ образомъ типичную группу чрезвычайно искуственнымъ путемъ. Такъ, напр., соединеніе договоровъ въ пользу третьихъ лицъ и пріобрѣтенія добросовѣстнымъ покупателемъ права собственности на движимость при покупкѣ ея отъ несобственника нельзя не назвать искуственнымъ, такъ какъ цѣли, задачи и характеръ того и другаго института совершенно различны; сходства же между ними имѣется столько, сколько вообще между всѣми правовыми явленіями.

Несмотря на этотъ принципіальный недостатокъ разбираемой книги, нельзя не признать ее весьма любопытной и живо написанной; въ ней очень много интересныхъ мыслей, не всегда новыхъ, но за то хорошо сгруппированныхъ.

Ал. Бугаевскій.

Полный Сводъ законовъ Россiйской Имперiи. Изданiе неоффицiальное, заключающее въ себѣ дѣйствующiе 16 томовъ Свода законовъ съ продолженiями къ нимъ и дополнительными узаконенiями. Составлено подъ редакцiей Г. Г. Савича и издано книгоиздательскою фирмою Д. В. Чичинадзе.—Спб. 1903.—Томъ первый, части I и II.

Идея частнаго изданiя Свода законовъ не новая. Затруднительность пользованiя оффицiальнымъ Сводомъ, въ виду разновременности выпуска отдѣльныхъ его частей и многочисленности „продолженiй" къ нимъ, послужила основанiемъ къ изданiю въ 1899 году товариществомъ „Общественная польза", подъ редакцiей А. Ф. Волкова и Ю. Д. Филиппова, «Свода законовъ Россiйской Имперiи въ одной книгѣ». Насколько велика была потребность въ такомъ объединяющемъ сборникѣ, видно изъ того, что на протяженiи какихъ-нибудь $1^1/_2$ лѣтъ онъ выдержалъ 3 изданiя. Въ настоящее время предпринятъ новый, болѣе обширный трудъ въ этой области, книгоиздательскою фирмою Д. В. Чичинадзе. Въ отличiе отъ сборника гг. Волкова и Филиппова, задачею полнаго Свода законовъ Россiйской Имперiи является не только объединенiе всѣхъ частей оффицiальнаго Свода въ послѣднихъ ихъ изданiяхъ со включенiемъ измѣненiй по продолженiямъ, но также и дополненiе кодифицированнаго матерiала новѣйшими узаконенiями, въ Сводъ законовъ еще не внесенными. Выполненiе этой задачи возможно только при основательномъ знакомствѣ со всѣми частями нашего законодательства и требуетъ много кропотливой и самой внимательной работы, такъ какъ одно и то же новое узаконенiе можетъ относиться, въ той или иной формѣ, до нѣсколькихъ, а иногда и до всѣхъ частей Свода законовъ. Редактированiе изданiя, которое будетъ выходить отдѣльными выпусками, сосредоточено въ опытныхъ рукахъ Г. Г. Савича.

Передъ нами первый, нѣсколько запоздавшiй своимъ выходомъ, выпускъ этого изданiя [1]). Онъ содержитъ обѣ части I тома Свода, т. е. основные законы, учрежденiя всѣхъ центральныхъ установленiй (Государственнаго Совѣта, Комитета и Совѣта Министровъ, Правительствующаго Сената, Министерствъ, Канцелярiи по принятiю

[1]) Согласно проспекту изданiя, 1-ый выпускъ долженъ былъ выйти въ февралѣ с. г.; судя по этому и по обширности предстоящаго еще труда, позволительно усомниться, чтобы фирмѣ удалось дѣйствительно выполнить свое намѣренiе выпустить все изданiе въ теченiе одного 1903 года.

прошеній и Комитета о службѣ и о наградахъ), а также учрежденіе орденовъ и другихъ знаковъ отличія. Приступая къ разсмотрѣнію этого выпуска съ точки зрѣнія выполненія поставленныхъ себѣ изданіемъ задачъ, нельзя не оговориться, что первый томъ Свода представляетъ въ этомъ отношеніи наименѣе трудностей, какъ потому, что оффиціальная кодификація этой части доведена почти до самаго послѣдняго времени (по 1 января 1902 г.), такъ и на томъ основаніи, что вообще этотъ отдѣлъ законодательства является однимъ изъ наименѣе подвижныхъ. Тѣмъ не менѣе и настоящій выпускъ даетъ возможность судить о качествѣ и размѣрахъ работы составителей „полнаго Свода законовъ“.

Внѣшность изданія сразу подкупаетъ въ его пользу. Удобный форматъ, удачный выборъ шрифта въ смыслѣ его разнообразія и удобочитаемости, наглядность размѣщенія основнаго и дополнительнаго матеріала—все качества, которыхъ нельзя не привѣтствовать во всякомъ справочномъ изданіи, а тѣмъ болѣе въ столь обширномъ практическомъ сборникѣ, какъ Сводъ законовъ. Эти внѣшнія особенности изданія Чичинадзе далеко оставляютъ за собою Сводъ изданія товарищества „Общественная польза“. Преимуществомъ въ сравненіи съ послѣднимъ является также воспроизведеніе „цитатъ“ оффиціальнаго изданія, т. е. перечня тѣхъ узаконеній, на которыхъ основаны статьи Свода.

Достоинство неоффиціальнаго изданія Свода опредѣляется прежде всего его точностью, т. е. буквальнымъ его соотвѣтствіемъ оффиціальному тексту. Въ рецензируемомъ выпускѣ эта сторона дѣла представляется, повидимому, вполнѣ обезпеченною. Ручательствомъ тому можетъ служить, между прочимъ, точность измѣненій и дополненій въ текстѣ Свода, произведенныхъ на основаніи продолженій. Включивъ въ свое изданіе подстатейныя ссылки (цитаты), составители не упустили изъ виду произвести въ составѣ ихъ и тѣ мелкія измѣненія, которыя вызываются прилагаемыми къ продолженіямъ указателями, носящими довольно тяжеловѣсное наименованіе: „означеніе статей, при коихъ указанія на узаконенія дополнены въ продолженіи“. Что согласованіе изданія той или другой части Свода съ вышедшимъ къ нему продолженіемъ представляется дѣломъ не всегда механическимъ, видно, между прочимъ изъ тѣхъ подстрочныхъ замѣчаній, которыя сдѣланы редакціею по поводу статьи 441[1] учрежденія министерствъ и статьи 258 учрежденія Сената [1]).

[1]) Признавая правильность указанія составителей на допущенную въ оффи-

Отличительною особенностью настоящаго изданія является, какъ указано выше, включеніе въ него того законодательнаго матеріала, который еще не внесенъ въ Сводъ и который поэтому слѣдуетъ розыскивать въ громоздкомъ Собраніи узаконеній и распоряженій правительства. Полное внутреннее согласованіе текста Свода съ этимъ новымъ законодательствомъ должно быть предоставлено, конечно, дѣятельности кодификаціоннаго учрежденія. Задачею неофиціальнаго изданія можетъ быть только возможно полное подысканіе этого матеріала и болѣе или менѣе удачное размѣщеніе его при подлежащихъ статьяхъ. Рецензируемый выпускъ вполнѣ удовлетворяетъ этимъ обоимъ условіямъ. Относящіяся къ 1-му тому узаконенія внесены въ него по 21 марта 1903 года. Разсмотрѣвъ всѣ подлежащія узаконенія (т. е. распубликованныя въ Собраніи узак. и распор. послѣ 1 января 1902 г.), мы затрудняемся указать на сколько-нибудь существенные пробѣлы въ 1-омъ выпускѣ полнаго Свода [1]). Дополнительныя узаконенія приводятся въ книгѣ въ видѣ подстрочныхъ выносокъ. При распредѣленіи ихъ составители въ большинствѣ случаевъ руководились стремленіемъ пріурочить ихъ къ возможно мелкимъ подраздѣленіямъ книги (т. е. не къ отдѣльнымъ рубрикамъ, а къ статьямъ и примѣчаніямъ), что,

---

ціальномъ изданіи въ ст. 441[I] прим. учр. мин., неточность нумераціи, мы не можемъ однако присоединиться къ тѣмъ сомнѣніямъ, которыя, повидимому, питала редакція относительно примѣчанія къ ст. 258 учр. Сенат.: невключеніе въ продолженіе 1902 года оговорки о сохраненіи въ силѣ этого примѣчанія изданія 1892 года объясняется тѣмъ, что оно показано отмѣненнымъ еще въ продолженіи 1895 года.

[1]) Изъ мелкихъ пропусковъ—при самой, впрочемъ, взыскательной критикѣ—возможно отмѣтить слѣдующіе. Въ дополненіе постановленій о Главномъ тюремномъ управленіи (учр. мин., ст. 773[I] и слѣд. по прод.) можно было бы привести Высочайшее повелѣніе 28 февр. 1901 г. (Собр. узак. 1902 г., 115), согласно которому въ Главномъ тюремномъ управленіи сосредоточивается производство всѣхъ дѣлъ, касающихся учредительныхъ обществъ земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ и обществъ покровительства лицамъ, освобождаемымъ изъ названныхъ колоній и пріютовъ и изъ тюремъ.—Въ составѣ положенія о надзорѣ за дѣятельностью страховыхъ учрежденій и обществъ (учр. мин., прил. къ ст. 363, прим., по прод.: ст. 5) слѣдовало бы, на основаніи закона 16 дек. 1902 г. (Собр. узак. 1903 г., 149), указать, что въ совѣщанія при страховомъ комитетѣ могутъ быть приглашаемы представители губернскихъ земскихъ управъ.—Перечень знаковъ отличія, содержащійся въ приложеніи I къ ст. 94 учр. орден. (по прод.), подлежалъ бы дополненію указаніемъ на нагрудный знакъ Пажескаго Корпуса (Собр. узак. 1903 г., 201) и юбилейный знакъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества (Собр. узак. 1902 г., 744).

несомнѣнно, способствуетъ удобству пользованія ею. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ, это удобство было бы достигнуто еще въ большей степени, если бы новыя узаконенія были отнесены не къ цѣлой статьѣ (иногда весьма крупной), а къ отдѣльнымъ ея пунктамъ.

Признавая достигнутою въ 1-омъ выпускѣ ту полноту, которую обѣщалъ проспектъ изданія, возможно однако разсматривать внесенный составителями матеріалъ и съ другой точки зрѣнія, а именно, не содержитъ-ли онъ чего-либо такого, что въ составѣ Свода законовъ является излишнимъ. Исходя изъ мысли, что при внесеніи дополнительныхъ узаконеній слѣдуетъ придерживаться тѣхъ рамокъ, въ предѣлахъ которыхъ происходитъ оффиціальная кодификація, мы полагаемъ, что нѣтъ надобности дѣлать подробныя извлеченія изъ тѣхъ многочисленныхъ узаконеній, которыя касаются установленія новыхъ или измѣненія существующихъ штатовъ правительственныхъ установленій и отпуска суммъ на ихъ содержаніе. Узаконенія этой категоріи по правиламъ кодификаціонной техники внесенію въ Сводъ законовъ не подлежатъ и, не представляя сколько-нибудь общаго интереса, могли бы быть игнорируемы и въ частномъ изданіи. Во всякомъ случаѣ изъ тѣхъ двухъ пріемовъ, которые употребила въ этомъ отношеніи редакція полнаго Свода, помѣщеніе соотвѣтствующихъ узаконеній полностью или же только краткое означеніе ихъ содержанія—слѣдуетъ отдать предпочтеніе болѣе экономному второму способу, т. е. указанію лишь наименованія и хронологической даты „штатныхъ" узаконеній. Съ той же точки зрѣнія едва-ли не излишнимъ является включеніе такихъ не нашедшихъ себѣ мѣста въ I томѣ Свода узаконеній, изданіе которыхъ относится къ 1896, 1897, 1901 годамъ, т. е. къ сроку, предшествующему тому, по который уже имѣется оффиціальная кодификація. Такой же, такъ сказать, комментаторскій характеръ сообщается изданію полнаго Свода при включеніи въ него, помимо узаконеній также и ссылокъ на министерскія распоряженія [1]), которыя, хотя и распубликованы во всеобщее свѣдѣніе въ Собраніи узак. и распор., тѣмъ не менѣе непосредственнаго

[1]) Ср. сдѣланное на стр. 77 учр. мин. указаніе на утвержденное Главноуправляющимъ Государственнымъ Коннозаводствомъ по соглашенію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ „положеніе о главныхъ комиссіяхъ по дѣламъ скакового и рысистаго спорта при Главномъ Управленіи Государственнаго Коннозаводства".

отношенія къ Своду законовъ не имѣютъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ такого рода комментаторскія указанія имѣютъ свою цѣну для практики и принесутъ ей свою долю пользы, но съ точки зрѣнія содержанія и задачъ полнаго Свода законовъ они, казалось бы, выходятъ за предѣлы непосредственной цѣли этого изданія и едва-ли, при невозможности быть въ этомъ отношеніи вполнѣ послѣдовательнымъ, не нарушатъ его единства.

Высказывая пожеланіе, чтобы и послѣдующія, болѣе трудныя, части „полнаго Свода законовъ“ не уступали, по тщательности ихъ составленія, первому его выпуску, не можемъ не указать, что при такихъ условіяхъ назначенная за изданіе цѣна въ 20 руб. (а для лицъ, подписавшихся до 1 апрѣля 1903 г., 15 руб.) представляется весьма умѣренною.

Г. Б.

Вѣстникъ сенатской практики съ приложеніемъ Сборника рѣшеній гражд. и угол. департаментовъ и общ. собр. Прав. Сената. Издатель Я. А. Канторовичъ. Редакторъ Я. А. Плющевскій-Плющикъ. №№ 1—6. Спб. 1903.

Вѣстникъ законодательства и циркулярныхъ распоряженій. Ежемѣсячный журналъ. Составитель Ю. Д. Филипповъ. Издатель Я. А. Канторовичъ. Редакторъ Я. А. Плющевскій-Плющикъ. №№ 1—4 Спб. 1903.

Оба названныя новыя изданія г. Канторовича стремятся заполнить несомнѣнно существенный пробѣлъ въ литературѣ, посвященной ознакомленію съ практикой Правительствующаго Сената и текущей законодательной дѣятельностью. Въ первомъ изъ нихъ главной новостью являются разъясненія административныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената, до сего дѣлавшихся достояніемъ печати лишь случайнымъ образомъ. Но и по отношенію къ хорошо извѣстной практикѣ кассаціонныхъ департаментовъ „Вѣстникъ сенатской практики“ г. Канторовича вноситъ важное дополненіе, а именно практику отдѣленій названныхъ департаментовъ. Соотвѣтственно этому содержанію изданіе распадается на двѣ части: въ первую входятъ рѣшенія Перваго и Втораго, Герольдіи, а также и Судебнаго департаментовъ Сената, во вторую—опредѣленія отдѣленій кассаціонныхъ департаментовъ. Что же касается практики самихъ кассаціонныхъ департаментовъ и Общаго Собранія Сената, то она составляетъ особое приложеніе къ „Вѣстнику“. Издатель

ставитъ своей задачей возможную полноту свѣдѣній. „Вѣстникъ сенатской практики“ долженъ служить, говорится въ предисловіи,—„вѣрнымъ, всестороннимъ и детальнымъ отразителемъ разъяснительныхъ функцій Правительствующаго Сената, поскольку послѣднія выражаются въ его текущихъ рѣшеніяхъ по всѣмъ вопросамъ административнаго и судебнаго права“. Г. Министромъ Юстиціи редакціи предоставлена возможность непосредственнаго доступа къ дѣлопроизводству Сенатской канцеляріи, безъ чего, какъ заявляетъ и сама редакція въ предисловіи, осуществленіе предпринимаемаго ею отвѣтственнаго дѣла оказалось бы практически невозможнымъ.

Значеніе втораго изъ названныхъ въ началѣ настоящей замѣтки изданій объясняется въ краткомъ, но обстоятельномъ предисловіи къ нему. Указывая на огромное количество узаконеній, появляющихся въ дополненіе, измѣненіе и разъясненіе существующихъ законовъ въ „Собраніи узак. и распор. правительства“, слѣдить за которыми по оффиціальному сборнику представляется дѣломъ крайне труднымъ, редакція обращаетъ вниманіе вмѣстѣ съ тѣмъ и на то, что этотъ матеріалъ въ дѣйствительности не исчерпываетъ всѣхъ перемѣнъ въ составѣ дѣйствующихъ законовъ и распоряженій. Если лица, интересующіяся съ той или иной точки зрѣнія текущей правовой жизнью страны, и могутъ, хотя и съ трудомъ, почерпнуть значительное количество свѣдѣній о ней изъ „Собранія узаконеній“, то собираніе законодательнаго матеріала изъ другихъ источниковъ представляетъ гораздо большія трудности. Значительное количество этого матеріала публикуется въ „Правит. Вѣстн.“, въ „Вѣстникѣ финансовъ, пром. и торг.“, въ „Извѣстіяхъ мин. земледѣлія и гос. имуществъ“, въ „Вѣстникѣ минист. путей сообщенія“, въ „Жур. Мин. Юст.“, въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ и другихъ изданіяхъ, услѣдить за которыми не только частнымъ, но и должностнымъ лицамъ нѣтъ почти никакой возможности. Существуетъ, наконецъ, цѣлый рядъ циркуляровъ, изданныхъ въ разъясненіе тѣхъ или иныхъ законовъ, но нигдѣ не публикуемыхъ, хотя они имѣютъ часто большую важность для лицъ, заинтересованныхъ въ примѣненіи этихъ законовъ. Такимъ образомъ, говорится въ предисловіи, „почти каждое вѣдомство,—имѣетъ свой спеціальный органъ, въ которомъ печатается лишь вѣдомственный матеріалъ и который получается лишь вѣдомственными подписчиками. Съ другой стороны, матеріалъ, нигдѣ не печатаемый, сообщается циркулярами только по вѣдомству. Въ результатѣ канцеляріи оказываются освѣдомленными лишь относительно публикуемаго въ „Собраніи узако-

ненiй и распоряженiй правительства" матерiала и того, что исходитъ отъ непосредственно стоящаго надъ нимъ центральнаго управленiя; все же, что исходитъ отъ другихъ центральныхъ управленiй, остается для нихъ въ полномъ смыслѣ слова terra incognita. Еще менѣе доступенъ этотъ матерiалъ для частныхъ лицъ. Между тѣмъ многiе изъ издаваемыхъ министерствами циркуляровъ имѣютъ нерѣдко весьма существенное значенiе для разъясненiя и примѣненiя дѣйствующихъ законовъ, и необходимость доступности ихъ для частныхъ лицъ доказывается между прочимъ тѣмъ, что въ оффицiальныхъ отвѣтныхъ бумагахъ по вопросамъ, возбуждаемымъ жалобами и прошенiями частныхъ лицъ, министерства и подчиненныя имъ учрежденiя часто ссылаются на изданные ими въ разъясненiе этихъ вопросовъ циркуляры, которые вовсе не могли быть извѣстны просителямъ за нераспубликованiемъ ихъ въ общедоступныхъ изданiяхъ. „Вѣстникъ законодательства и циркулярныхъ распоряженiй" и имѣетъ въ виду, говоритъ редакцiя, восполнить указанный пробѣлъ, объединивъ и тѣмъ самымъ сдѣлавъ доступнымъ матерiалъ, скрытый не только для частныхъ лицъ, но, какъ указано выше, и для оффицiальныхъ учрежденiй.

Начатыя съ такими задачами изданiя можно, конечно, только привѣтствовать. Среди другихъ читателей благодарными окажутся редакцiи и наши ученые теоретики. У насъ вообще мало ученыхъ работъ, посвященныхъ полной теоретической разработкѣ *дѣйствующаго* права, въ противоположность Германiи, гдѣ ученый постоянно и послѣдовательно приходитъ съ своей книгой на помощь администратору, судьѣ, адвокату и частному лицу. Одна изъ причинъ этого пробѣла русской ученой литературы—крайняя затруднительность для теоретика по недостатку справочныхъ изданiй стоять въ каждый моментъ на уровнѣ надлежащей освѣдомленности относительно текущаго законодательства и особенно сенатской практики по административнымъ дѣламъ и распоряженiй правительственныхъ учрежденiй, часто въ примѣненiи къ отдѣльнымъ случаямъ развивающимъ и разъясняющимъ законъ въ такомъ смыслѣ, о которомъ далеко не всегда возможно судить по его первоначальной концепцiи. Отсюда разладъ между теорiей и практикой и невозможность съ каѳедры дать студентамъ руководящiя и принципiальныя разъясненiя, касающiяся различныхъ теченiй въ области примѣненiя законовъ и общихъ принциповъ права къ русской дѣйствительности.

Обращаясь къ исполненiю указанныхъ задачъ, насколько можно судить о немъ по вышедшимъ выпускамъ, слѣдуетъ сказать, что

изданія ведутся съ большимъ пониманіемъ дѣла и по совершенно цѣлесообразной программѣ. Въ „Вѣстникѣ сенатской практики“ излагаемому сенатскому рѣшенію предпосылается тезисъ, за тезисомъ слѣдуетъ указаніе статей закона, къ которымъ данное рѣшеніе относится,—затѣмъ идетъ текстуальное изложеніе соотвѣтствующаго сенатскаго указа. „Вѣстникъ законодательства и циркулярныхъ распоряженій“ состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ въ 1-й—печатается публикуемый въ 1-й части „Собранія узаконеній“, и во 2-ой—непубликуемый матеріалъ. Въ первой части изданіе слѣдуетъ порядку источника, во второй—матеріалъ размѣщается по вѣдомствамъ, къ которымъ относятся узаконенія и распоряженія. Текстъ менѣе важныхъ узаконеній не печатается, но вездѣ отмѣчается содержаніе и время выхода этихъ узаконеній. Къ обоимъ изданіямъ приложены тщательно и подробно составленные указатели предметные и статейные, дѣлающіе очень легкимъ пользованіе обширнымъ и съ большимъ трудомъ и энергіей собраннымъ матеріаломъ „Вѣстниковъ“, доступныхъ и по цѣнѣ для каждаго. „Вѣстникъ сенатской практики“ стоитъ въ годъ 5 рублей, „Вѣстникъ же законодательства и циркулярныхъ распоряженій“ всего 2 рубля, хотя онъ по объему и вложенному въ него составителемъ труду далеко превосходитъ первый. Къ № 4 „Вѣстника законодательства и циркулярныхъ распоряженій“ приложенъ текстъ новаго уголовнаго уложенія.

W.

Въ теченіе послѣдняго мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Блосфельдтъ, Г.—Новѣйшія узаконенія о Россійскомъ дворянствѣ. 1901—1902 г.г. Дополненіе къ Сборнику Законовъ о Россійскомъ Дворянствѣ.—Спб. 1903. (Стр. 48).

Волковъ, Н. Т.—Положеніе о сельскомъ состояніи (по системѣ казеннаго, 1902 г., изданія), состоящее изъ пяти книгъ, содержащихъ положенія: 1) общее, 2) о выкупѣ, 3) объ учрежденіяхъ, завѣдующихъ крестьянскими дѣлами, 4) мѣстныя и 5) о бывшихъ государственныхъ крестьянахъ — съ рѣшеніями Правительствующаго Сената, правительственными разъясненіями и указаніями по 15 февраля 1903 г., извлеченіями изъ другихъ узаконеній и приложеніями. — Складъ изданія при типо-литографіи Подземскаго. Полтава. 1903. (Стр. VI + 801 + 75). Ц. 5 руб. 25 коп.

Демченко, Г. В. Судебный прецедентъ.—Варшава 1903. (Стр. III + 244). Ц. 2 руб.

Завадскій, А. В.—Несмѣняемость судьи и его независимость (къ главѣ 2-й VII раздѣла книги I проекта новой редакціи учрежденія судебныхъ учрежденій). Казань. 1903 (Стр. 32).

Нолькенъ, А. М. бар. Высочайше утвержденный 27 мая 1902 г. Уставъ о векселяхъ. Практическое руководство. 2-е изд. (пересмотрѣнное и существенно дополненное).—Спб. 1903. (Стр. VIII+282). Ц. 1 р. 50 к.

Отчетъ Общества изученія Амурскаго края за 1899 годъ.—Владивостокъ. 1903. (Стр. 12).

Отчетъ о дѣятельности Консультаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ при Московскомъ Мировомъ Съѣздѣ за 1902 годъ. Москва. 1903. (Стр. 45).

Отчетъ Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ при С.-Петербургской Судебной Палатѣ за тридцать седьмой годъ. Съ 1-го марта 1903 г.—Спб. 1903 Стр. 596).

Раевскій, А. А.—Законодательство Наполеона III о печати.—Томскъ. 1903. (Стр. III+VII+329). Ц. 2 руб. 50 к.

Rintelen, Anton, Dr.—Execution auf Sachen in fremder Gewahrsame und auf Leistungsansprüche.—Wien 1903. (S. 86).

Темниковскій, Евг.—О курсѣ церковнаго права профессора А. С. Павлова.—Критическій очеркъ.—Ярославль. 1903. (Стр. 43).

Хабаровъ, Н. Е.—Практическое руководство по примѣненію новаго устава о векселяхъ.—Спб. 1903. (Стр. 16).

ОБЗОРЪ ЮРИДИЧЕСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Revue Trimestrielle de Droit Civil. (1903.—№ 1).

A. Esmein—L'origine et la logique de la jurisprudence en matière d'astreintes (А. Эсменъ—Основанія и пріемы судебной практики понудительныхъ приказовъ).

Парижскій профессоръ Эсменъ посвятилъ обстоятельное изслѣдованіе мало разработанному вопросу о понудительныхъ приказахъ, издаваемыхъ гражданскимъ судомъ. Практика эта установилась постепенно во Франціи, не имѣя подъ собою прочной почвы въ статьяхъ закона, и тѣмъ не менѣе достигла большаго развитія. Обыкновенно такіе приказы издаются при рѣшеніи, обязывающемъ отвѣтчика къ выполненію опредѣленныхъ дѣйствій, выдачѣ документа, представленію отчета, исполненію работъ и т. п. При этомъ судъ налагаетъ на отвѣтчика, въ видѣ убытковъ, уплату опредѣленной имъ суммы за каждый день просрочки въ исполненіи рѣшенія. Понудительная сила подобныхъ опредѣленій заключается въ томъ, что судъ предоставляетъ себѣ право отмѣны этой гражданской кары, какъ только отвѣтчикъ проявитъ уступчивость, а размѣръ налагаемыхъ взысканій опредѣляется усмотрѣніемъ суда. Обыкновенно назначается 1000 франковъ въ день, пока будетъ продолжаться злонамѣренное уклоненіе отвѣтчика; но были случаи, когда назначался гражданскій штрафъ по 10.000 франковъ въ день, и при такой системѣ судъ имѣетъ возможность сломить сопротивленіе самаго богатаго отвѣтчика.

Подобная система понужденія выходитъ изъ тѣсныхъ рамокъ воздѣйствія, предусмотрѣнныхъ кодексомъ. Цѣль подобныхъ мѣръ,— посредствомъ угрозы разорительными штрафами, произвести значительное давленіе на самую волю отвѣтчика, вынуждая его къ исполненію обязательства натурою, а не простымъ порядкомъ взысканія съ него денежнаго эквивалента за неисполненіе обязательства. Стремясь къ достиженію этой цѣли, судебная практика колебалась долгое время между двумя типами воздѣйствія: угрозой и присужденіемъ убытковъ. Разныя послѣдствія связаны съ тѣмъ и другимъ предположеніемъ. Такъ, напримѣръ—въ случаѣ подачи апелляціи, присужденная сумма будетъ накопляться съ каждымъ днемъ просрочки, во время апелляціоннаго производства, если считать эту сумму возмѣщеніемъ убытковъ; наоборотъ, разсматривая ее какъ гражданскій штрафъ, мы должны считать ея накопленіе лишь со дня вступленія въ силу рѣшенія второй инстанціи. Далѣе, если это угроза, судъ весьма естественно можетъ ее отмѣнить, какъ только отвѣтчикъ окажется уступчивымъ; но если это— возмѣщеніе убытковъ, то таковая отмѣна окажется несправедливой въ отношеніи истца. Судебныя рѣшенія долго колебались между тою и другою системою, пока французскій кассаціонный судъ не преподалъ замѣчательнаго рѣшенія на этотъ предметъ, 22 ноября 1841 года, склонившись принципіально въ сторону признанія за подобными опредѣленіями характера гражданскихъ штрафовъ и угрожающихъ средствъ, не соизмѣряемыхъ по количеству понесенныхъ убытковъ; кассаціонный судъ призналъ право судебныхъ мѣстъ отмѣнять эту мѣру, по обстоятельствамъ, и провозгласилъ тотъ принципъ, на которомъ должны быть основаны такія опредѣленія, именно: разграниченіе рѣшеній на „judicia decisoria“ и „judicia ordinatoria“. Первыя опредѣляютъ состояніе права въ отношеніяхъ сторонъ; вторыя даютъ *распорядительныя предписанія*. „Въ этомъ различіи ключъ всего вопроса“, говоритъ г. Эсменъ.

Само собою разумѣется, что съ признаніемъ характера угрозы и судебнаго приказанія связано другое свойство: судъ въ правѣ *усилить* назначенную мѣру, если давленіе оказывается слабымъ. Въ одномъ процессѣ рѣчь шла о понужденіи акціонернаго общества электрическаго освѣщенія къ доставленію свѣтовой энергіи хозяину гостиницы. Несмотря на рѣшеніе дѣла въ пользу послѣдняго, даже при опредѣленіи штрафа въ 100 франковъ за каждый день просрочки, компанія не обращала никакого вниманія на состоявшееся рѣшеніе. Тогда судъ назначилъ понудительный

штрафъ по 10.000 фр. въ день, и кассаціонный судъ (1 дек. 1897 г.) оставилъ кассаціонную жалобу компаніи безъ послѣдствій.

Такимъ образомъ, французская судебная практика придаетъ этимъ приказамъ характеръ гражданской кары (poena privata), весьма близко роднящій этого рода мѣры съ взысканіями, налагаемыми на свидѣтелей и присяжныхъ засѣдателей, въ случаѣ ихъ неявки. Авторъ задается вопросомъ, есть ли достаточно законное основаніе въ подобной практикѣ, разъ она коренится внѣ текста гражданскаго кодекса? Отвѣтъ онъ даетъ утвердительный. Во всей исторіи французскаго права, въ теченіе многихъ вѣковъ, авторъ усматриваетъ право суда *приказывать*, а не только рѣшать. Въ XIV вѣкѣ о томъ свидѣтельствуетъ сборникъ обычнаго права, озаглавленный: „Le livre des drois et des *commandements* d'office de justice". Въ XVI-мъ вѣкѣ Бодэнъ упоминаетъ право издавать „приказанія", какъ одну изъ неотъемлемыхъ прерогативъ суда. Внѣ Франціи, то же понятіе основано также на многовѣковомъ развитіи, напр., въ Англіи, гдѣ всѣ высшія судебныя мѣста вооружены правомъ карать штрафомъ или тюрьмою лицъ, „проявляющихъ пренебреженіе къ судебной власти"—(contempt of court). Тѣмъ не менѣе, существуетъ мнѣніе, будто эта цѣнная функція судебныхъ мѣстъ древней монархической Франціи утрачена ими со времени принципіальнаго раздѣленія функцій судебной и административной власти. Сторонники этого мнѣнія указываютъ на ст. 5 франц. гражд. кодекса, запрещающую судьямъ: „издавать общія распоряженія и обязательныя постановленія о дѣлахъ, подлежащихъ ихъ разсмотрѣнію".

Эсменъ не признаетъ этого возраженія. Онъ вполнѣ твердо формулируетъ теорію совершенной сохранности, даже въ настоящее время, за французскими судами, *права приказывать и воспрещать* и обосновываетъ эту теорію весьма убѣдительно. Въ ней онъ и усматриваетъ легальное основаніе упомянутой судебной практики, создавшей видъ понудительныхъ приказовъ и гражданскихъ штрафовъ.

E. Thaller—Des rapports de la propriété litteraire et artistique avec le régime de communante. (Э. Таллеръ.—Объ отношеніяхъ права литературной и художественной собственности къ имущественной общности супруговъ).

Извѣстный композиторъ Лекокъ (авторъ оперетки „La Fille de Madame Angot") развелся съ женою. Вслѣдствіе рѣшенія о разводѣ,

нотаріусъ приступилъ къ составленію ликвидаціоннаго акта между супругами, жившими по системѣ имущественнаго общенія. Споръ возникъ о томъ, какая судьба должна была постигнуть авторскія права Лекока. Онъ самъ не отрицалъ, что въ имущественную массу, подлежавшую раздѣлу, должны были войти его авторскія права до расторженія брака, но не позже. Г-жа Лекокъ претендовала на свою часть изъ авторскихъ правъ, имѣющихъ осуществляться хотя бы въ новыхъ изданіяхъ и театральныхъ представленіяхъ *послѣ* расторженія брака. Парижская судебная палата стала на точку зрѣнія мужа; но затѣмъ кассаціонный судъ, наоборотъ, нашелъ, что „право использованія литературнаго или художественнаго произведенія должно быть уподоблено праву пользованія всякимъ инымъ имуществомъ, пріобрѣтеннымъ во время брака, а потому супругамъ, поженившимся на началахъ имущественнаго общенія, должно принадлежать совмѣстное авторское право на всѣ произведенія, возникшія во время брака, считая въ томъ числѣ всѣ будущія изданія“. Профессоръ Таллеръ справедливо обнаруживаетъ несостоятельность этого рѣшенія кассаціоннаго суда, доказывая, что всѣ позднѣйшія дѣйствія автора, относящіяся къ послѣдующимъ изданіямъ, *послѣ раздѣла*—должны считаться его исключительною собственностью, не будучи включаемы въ раздѣльную ликвидацію. Авторъ воленъ совершить эти послѣдующія дѣйствія или отказаться отъ переизданій. Всѣ дѣйствія этого порядка, нерѣдко сопровождаемыя новымъ творчествомъ, должны считаться индивидуальною и неотъемлемою собственностью дѣятеля. Такія блага не выдѣлены, не представляются заранѣе имуществомъ. Учитывать подобныя, еще не возникшія цѣнности, значитъ признать какъ бы нравственное закабаленіе автора, что противно основнымъ началамъ права.

O. de Meulenaere—Le nouveau code civil allemand. (*O. де Мэленэръ—Новое германское гражданское уложеніе*).

Имя г. Meulenaere (состоящаго нынѣ предсѣдателемъ судебной палаты въ Гентѣ)—хорошо извѣстно русскимъ цивилистамъ, какъ имя знатока римскаго права и прекраснаго переводчика французскаго изданія „Geist des römischen Rechts“ Ihering'a. Настоящую статью г. Мэленэръ составилъ по случаю подробнаго реферированія имъ сочиненія *Crome*: „System des deutschen bürgerlichen Rechts“ (2 т. вышли, предполагается 5 томовъ). Авторъ рекомен-

дуетъ блестящія качества сочиненія Crome и даетъ вкратцѣ содержаніе II тома, посвященнаго обязательственному праву.

Journal de droit international privé. (1903—N-os III—IV).

Des mutations par décès en France, quant à la double imposition. (Редакціонная замѣтка „о случаяхъ двойнаго обложенія наслѣдствъ, открывающихся во Франціи послѣ иностранцевъ").

Двойное обложеніе наслѣдствъ повторяется, почти неизбѣжнымъ образомъ, во-первыхъ, тогда, когда умираетъ во Франціи лицо, хотя бы и французскій гражданинъ, состояніе коего содержитъ, напримѣръ, процентныя бумаги иностранныхъ предпріятій, государствъ, городовъ и т. п. Тогда съ наслѣдства придется уплатить сперва французскую пошлину, а затѣмъ вторая уплата пошлины послѣдуетъ уже въ пользу казны того государства, гдѣ находятся реальныя предпріятія или цѣнности, къ которымъ относятся означенныя бумаги.

Кромѣ того, иностранецъ, наслѣдующій во Франціи, будетъ подверженъ платежу наслѣдственной пошлины по мѣсту полученія наслѣдства и сверхъ того, какъ имѣющій постоянное жительство на своей родинѣ, онъ и тамъ еще уплатитъ пошлину съ того же наслѣдства, въ совокупности.

Вообще двойное обложеніе почти всегда встрѣчается на практикѣ, при наслѣдованіи иностранцевъ, тогда какъ оно отвергается теоріею какъ нѣчто несправедливое.

Affaire de la princesse royale de Saxe. Extradition adultère, divorce, second mariage; sejour en Suisse. (Дѣло королевской принцессы саксонской; вопросъ о выдачѣ на основаніи прелюбодѣянія; разводъ и второй бракъ; пребываніе въ Швейцаріи).

Въ этой замѣткѣ разсматривается рядъ юридическихъ задачъ и предположеній, составленныхъ изъ элементовъ дѣла несчастной принцессы саксонской, бѣжавшей съ обольстительнымъ Жирономъ. Оказывается, что экстрадиція была бы невозможна, не только въ Женевѣ, гдѣ нѣтъ преступленія прелюбодѣянія, но и во Франціи, гдѣ это дѣяніе наказуемо, но лишь въ случаѣ, если оно совершено во Франціи и если потерпѣвшій самъ французъ.

Annales de droit commercial et industriel (1903.—№ 1).

Въ хроникѣ имѣется не лишенная интереса замѣтка *о будущемъ швейцарскомъ гражданскомъ уложеніи*, со стороны его отношеній къ торговому праву. Союзный совѣтъ нынѣ придерживается предположенія законодательнаго утвержденія проекта въ теченіе 1904 или 1905 года.

Russie. La nouvelle loi des effets de commerce.

Вкратцѣ сообщаются свѣдѣнія о нашемъ новомъ вексельномъ уставѣ, при чемъ указывается его сходство съ германскимъ закономъ о векселяхъ.

Revue Pénitentiaire. (Mars 1903).

Въ этомъ выпускѣ обращаетъ на себя вниманіе отчетъ о засѣданіи „Sociéte Générale des Prisons", состоявшемся 18 февраля сего года, въ коемъ были обстоятельныя пренія по докладу г. Тарда „объ уголовной статистикѣ послѣднихъ двадцати лѣтъ". Въ преніяхъ принимали участіе Bernard, Joly, Vidal, Tarde, Cheysson, Rivière и многіе другіе извѣстные члены общества.

La France Judiciarie. (1903. №№ 11—13).

Fouchier De la répression des fraudes dans les examens et concours publics. (Фушье—О преслѣдованіи подлоговъ, совершаемыхъ во время экзаменовъ и на публичныхъ конкурсахъ).

23 декабря 1901 года вышелъ во Франціи законъ, карающій всякіе обманы, совершенные во время экзаменовъ. Статья первая первоначальнаго проекта этого закона гласила слѣдующее: „замѣна кандидата на экзаменахъ или конкурсахъ третьимъ лицомъ наказывается тюрьмою до трехъ лѣтъ и штрафомъ до 10.000 франковъ, или однимъ изъ этихъ наказаній". Но затѣмъ, опредѣленіе наказуемаго дѣянія было расширено, и нынѣ статья 1-ая закона гласитъ: „Всякій подлогъ, совершенный на экзаменѣ или на конкурсѣ, предназначенномъ для полученія мѣста или государственнаго диплома, считается проступкомъ".

Въ статьѣ 2-ой излагаются тѣ же наказанія, о которыхъ сказано выше. Затѣмъ, не подходятъ подъ дѣйствіе этого закона ме-

нѣе существенные виды обмана, состоящіе, напримѣръ, въ томъ, что студентъ пользуется тайкомъ ловко скрываемыми записками или списываетъ съ тетради у своего сосѣда. Послѣдствія этого различія тѣ, что лицо, приговоренное уголовнымъ судомъ за болѣе тяжкій видъ обмана или подлога, можетъ быть и помиловано верховною властью, т. е. президентомъ республики; а студентъ, провинившійся вторымъ видомъ обмана, подвергается только дисциплинарнымъ мѣрамъ учебнаго начальства, и тутъ помилованіе не полагается.

Рѣшеніе Сенъ-Кантенскаго суда отъ 27 февраля 1903 года, по вопросу о недозволенномъ практикованіи медицины при гипнотизированіи врачующаго.

Отецъ и дочь занимались незаконнымъ врачеваніемъ, сознавая, что это дѣяніе наказывается закономъ; при этомъ, полагая избѣжать наказанія, отецъ передъ сеансами гипнотизовалъ дочь, и та принимала больныхъ и диктовала рецепты во время гипноза. Судъ призналъ виновными обоихъ подсудимыхъ, имѣя въ виду, что безсознательному состоянію дочери предшествовали преднамѣренныя дѣйствія того и другаго, съ яснымъ пониманіемъ цѣли ихъ совершенія.

Рѣшеніе суда въ Монпелье, отъ 17 ноября 1902 г. по вопросу о томъ, въ правѣ ли мужъ актрисы требовать пропуска въ ея ложу, за кулисами театра?

Судъ нашелъ, что заключеніе контракта г-жи Риго съ антрепренеромъ послѣдовало съ согласія ея мужа и что засимъ нельзя признавать за г-номъ Риго право входить за кулисы, въ ложу, предоставленную его женѣ, для отправленія ея службы, коль скоро таковое право противорѣчитъ общимъ распорядкамъ въ театрѣ.

Recueil Général des Lois et des Arrets. (1903—№ 1).

Кассаціонное рѣшеніе 10 іюня 1902 г. по рѣшенію Ліонской палаты, въ дѣлѣ Фарисье. Тезисъ: Право собственника пользоваться вещью ограничено легальною обязанностью не причинять сосѣдней собственности какого-либо ущерба. Поэтому, землевладѣлецъ, причиняющій, безполезнымъ для себя копаніемъ на своей землѣ, изсяканіе колодца, принадлежащаго сосѣду, отвѣтствуетъ передъ нимъ за убытки.

Кассаціонное рѣшеніе 13 мая 1902 года, по дѣлу Геріо.—Тезисъ: Собственникъ, въ лѣсахъ котораго есть кролики въ большомъ количествѣ, причинившіе вредъ сосѣднимъ владѣльцамъ, отвѣчаетъ передъ ними за убытки, если онъ поощрялъ ихъ размноженіе или даже въ томъ случаѣ, если онъ не принялъ мѣръ къ задержанію ихъ размноженія.

Рѣшеніе судебной палаты въ Буржѣ, 4 іюня 1902 года. Тезисъ: Наниматель недвижимости только въ такомъ случаѣ воленъ устроить у себя любой видъ освѣщенія, если оно безопасно. Поэтому, квартирантъ, нанявшій квартиру съ газовымъ освѣщеніемъ, не въ правѣ безъ разрѣшенія собственника замѣнить у себя свѣтильный газъ—ацетиленомъ; тѣмъ болѣе въ томъ случаѣ, когда противъ этого нововведенія протестуетъ страховое общество, отказываясь признать силу прежняго полиса.

Рѣшеніе Румынскаго Кассаціоннаго Суда отъ 20 февраля 1901 года, по вопросу о томъ, можетъ ли быть заключенъ бракъ въ Румыніи передъ духовными властями, безъ участія гражданскихъ властей, если брачащіеся—подданные государства, не признающаго гражданскаго брака? Румынскій высшій судъ рѣшилъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ. Однако, тутъ же приведены и противорѣчащія тому рѣшенія. Вообще говоря, страны, признающія преобладаніе гражданскаго брака, преслѣдуютъ почти всегда уголовнымъ порядкомъ того священника, который согласится совершить бракосочетаніе до заключенія брака у гражданскихъ властей. Ср. подобный примѣръ, на случай „бракосочетанія двухъ православныхъ сербовъ во Франціи“ у *Weiss* „Traité théorique et pratique de droit international privé“—4.3, p. 486.

The Law Quarterly Review. (April 1903).

Holland—War sub modo. (Голландъ—Война подъ условіемъ).

Странныя и необычайныя событія, развернувшіяся въ декабрѣ минувшаго года въ Венецуэлѣ, поставили въ недоумѣніе представителей науки международнаго права. Что же за состояніе было между Великобританіею и Германіею съ одной стороны, Венецуэлою съ другой? Война—не война, но однако тоже и не миръ. Политика какъ будто тщится, въ наше время, создавать такія своеобразныя

и неопредѣлимыя положенія. Въ данномъ случаѣ, авторъ находитъ такой способъ опредѣленія того, что происходило въ Венецуэлѣ. Военныя дѣйствія были на лицо. Но это была война условная—„sub modo". Два главныхъ признака отличали это состояніе отъ дѣйствительнаго объявленія войны: всѣ суда, захваченныя Англіею, по случаю блокады, были затѣмъ возвращены Венецуэлѣ; кромѣ того, военныя дѣйствія заключены были не мирнымъ трактатомъ, а простымъ обмѣномъ протоколовъ.

Studies in Criminal Sentencing. (Изслѣдованія о постановленіи уголовныхъ приговоровъ).

Международный съѣздъ сравнительнаго правовѣдѣнія, созванный въ Парижѣ осенью 1900 года, выбралъ коммисію для изслѣдованія методовъ, примѣняемыхъ судами въ различныхъ странахъ, при постановленіи уголовныхъ приговоровъ. Цѣль этихъ изслѣдованій была та, чтобы выработать какія-либо руководящія идеи, коими судьи могли бы руководствоваться при опредѣленіи мѣры наказанія. Предполагалось затѣмъ выработать общія начала, для проведенія коихъ въ законодательства могли бы своевременно быть созваны конгрессы. Означенная коммисія имѣла затѣмъ засѣданія въ Парижѣ, въ маѣ 1901 года, и порѣшила обратиться къ судьямъ, адвокатамъ и уголовной администраціи разныхъ странъ, съ запросомъ о томъ, въ какой мѣрѣ приговоры постановляются и могутъ быть постановляемы въ зависимости отъ общихъ идей о предметѣ наказанія или отъ индивидуальныхъ особенностей дѣла. Коммисіею получены изъ разныхъ странъ многочисленные отвѣты, къ опубликованію которыхъ она приступила. Въ настоящемъ выпускѣ содержатся подробныя статьи англо-египетскаго судьи г. Коглана и двухъ датчанъ—г.г. Томсона и Уссинга.

Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. (Berl. 1903; III, IV).

A. Wach—Die Vorbereitung einer Revision des Strafprocess rechts). (А. Вахъ—Подготовленіе къ пересмотру уголовнаго процесса).

Въ Германіи созывается „Коммисія свѣдущихъ людей для подготовленія общаго пересмотра уголовнаго судопроизводства". Членъ этой коммисіи г. Вахъ считаетъ необходимымъ придать ея трудамъ

и задачамъ широкую огласку и съ этою цѣлью онъ даетъ краткій очеркъ вопроса. Трудность предстоящей задачи обусловливается въ особенности двумя ея особенностями. Всѣ предыдущія попытки къ улучшенію уголовнаго судопроизводства, созданнаго на-скоро, вслѣдъ за основаніемъ Германской Имперіи, приводили къ неудачѣ потому, что для этого дѣла недостаточно приступать къ частичнымъ поправкамъ, а необходимо установить общій, принципіальный пересмотръ. Съ другой стороны, вполнѣ новое образованіе, безъ предварительнаго фундамента въ прошломъ, было-бы дѣломъ болѣе простымъ; между тѣмъ, рѣчь идетъ о реформѣ существующаго, съ сохраненіемъ готоваго основанія, чѣмъ и осложняется предстоящая задача.

R. Hippel—Willensfreiheit und Strafrecht. (Р. Гиппель—Свобода воли и уголовное право).

Эта статья интересна, какъ по ясности изложенія и слога, такъ и по выдающемуся интересу знаменитаго философско-юридическаго вопроса, ею затронутаго. Она передаетъ рефератъ, прочтенный въ психологическомъ обществѣ въ Гёттингенѣ. Авторъ задается вопросомъ: неужели понятія отвѣтственности, вины, вмѣняемости, возмездія и наказанія мыслимы *только* съ точки зрѣнія ученія о свободѣ воли? Если отвѣтить: да, то криминалистъ долженъ отрѣшиться отъ всякой близости къ детерминизму или же перестроить все зданіе уголовнаго права на новыхъ началахъ. Если однако нѣтъ такой тѣсной связи, то спрашивается, нельзя ли допустить для криминалиста возможность сохранить построенія уголовнаго права, не объявляя войны детерминизму? Другими словами, нельзя ли допустить, чтобы уголовное право пошло по стопамъ цивилистики, которая допускаетъ возможность построенія отвѣтственности за гражданскія правонарушенія безъ всякаго отношенія къ вопросу о свободѣ воли?

Извѣстная группа криминалистовъ новой школы, исходя изъ точки зрѣнія детерминизма и предполагая ея непримиримость съ идеею уголовной вины, идетъ логически дальше по этому пути и строитъ систему уголовнаго права безъ элемента вины и вмѣненія. Такова школа Листа. Напротивъ, авторъ настоящаго очерка, слѣдуя Меркелю и Липману, пытается примирить философскій детерминизмъ съ основными построеніями уголовнаго права, основанными на понятіи вины и личной отвѣтственности преступника, въ мѣрѣ его вмѣняемости.

K. Neumeyer—Die verbotene Handlung im internationalen Strafrecht. (К. Неймейеръ—Запрещенное дѣяніе въ уголовномъ международномъ правѣ).

Очеркъ посвященъ разсмотрѣнію вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ караемость преступнаго дѣянія территоріальнымъ уголовнымъ закономъ можетъ стоять въ зависимости отъ нормъ иностраннаго законодательства, гражданскаго или уголовнаго. Имперскій верховный судъ долженъ былъ рѣшить такой вопросъ, между прочимъ, 21 февраля 1884 года. Англійская торговая марка была поддѣлана въ Германіи. Потерпѣвшая фирма была, по англійскому закону, закономѣрною собственницею этой марки, но ею не была соблюдена во-время формальность регистрованія своего права, согласно тому же англійскому закону. Судъ оправдалъ обвиняемаго на томъ основаніи, что его дѣяніе не было въ такомъ видѣ наказуемо въ Англіи, а потому не могло быть наказываемо за предѣлами Англіи, въ огражденіе англійской марки.

Авторъ разсматриваетъ рядъ вопросовъ, возникающихъ по этому случаю, и находитъ, что ненаказуемость подобнаго рода не можетъ быть признана абсолютно; другими словами, подобная зависимость отъ иностраннаго права имѣетъ свои предѣлы. Такая зависимость вообще умѣстна тамъ, гдѣ основанія наказуемости тѣсно связаны именно съ особенными институтами иностраннаго права, принципіально подлежащими признанію и защитѣ со стороны уголовнаго права страны. Приводится рядъ интересныхъ примѣровъ изъ практики Имперскаго верховнаго суда. Въ одномъ случаѣ обвинялось лицо, купившее въ Швейцаріи фабричную обстановку, по условному договору сохраненія въ извѣстныхъ обстоятельствахъ права собственности за продавцемъ, при чемъ обвиняемый перепродалъ эту обстановку, утаивъ условный характеръ своихъ правъ. Онъ обвинялся въ растратѣ, и германскому суду пришлось разсматривать значеніе условнаго сохраненія собственности за продавцемъ, по швейцарскому праву. Въ другомъ случаѣ обвинялся отецъ, растратившій обманнымъ образомъ состояніе, дошедшее къ его дочери отъ ея матери; дочь не обвиняла отца, но судъ долженъ былъ разсмотрѣть вопросъ о томъ, не имѣлъ ли ея мужъ (зять обвиняемаго) самостоятельнаго права на искъ; для этой цѣли понадобилось сложное изслѣдованіе брачно-имущественнаго законодательства супруговъ, имѣя въ виду, что они сначала жили въ

Пруссіи, а потомъ переѣхали на жительство въ Сѣверо-Американскіе Штаты.

A. Löffler—Alkohol und Verbrechen. (А. Лёффлеръ—Алкоголь и преступность).

Указавъ на существованіе громадной, притомъ весьма разнообразной литературы вопроса объ алкоголизмѣ, авторъ находитъ, что практически борьба съ этимъ зломъ тормозится не одними нравами, но и коалиціею значительныхъ интересовъ, соединенныхъ съ продажею питей. Тутъ и частные и фискальные интересы, въ виду существующихъ системъ обложенія алкоголя въ пользу государственной казны. Цѣль науки самостоятельно изслѣдовать значеніе этіологіи преступленія въ связи съ потребленіями спиртныхъ напитковъ, не взирая на то, какія могутъ быть практическія препятствія къ реформаторскимъ мѣропріятіямъ. На брюссельскомъ съѣздѣ тюрьмовѣдовъ была принята резолюція такого содержанія: надлежитъ, въ статистическихъ изслѣдованіяхъ объ алкоголизмѣ и преступности, индивидуализовать каждый случай въ отдѣльности, съ тѣмъ, чтобы взвѣсить значеніе другихъ причинъ, дѣйствующихъ на ряду съ алкоголизмомъ. Задавшись цѣлью разработки статистики, по этому вопросу, въ отношеніи Германіи и Австріи, авторъ приходитъ къ выводамъ, изъ коихъ видно, между прочимъ, что половина всѣхъ преступленій, состоящихъ въ нанесеніи тѣлесныхъ поврежденій, совершается въ состояніи опьяпѣнія. Что касается спеціально статистики города Вѣны, то оказывается, что изъ всѣхъ преступленій, содѣянныхъ по воскреснымъ днямъ, т. е. послѣ праздничныхъ попоекъ, 76% совершаются въ пьяномъ видѣ.

Schweizerische Zeitschrift für Strafrecht. (1902. №№ 4—6).

Hafter—Kriminalpolitische Auforderungen an das schweizerische Zivilgesetzbuch. (Гафтеръ—Уголовнополитическія цѣли при составленіи швейцарскаго гражданскаго уложенія).

По мнѣнію г. Гафтера, уголовное право, имѣя назначеніе содѣйствовать сокращенію преступности, нуждается въ поддержкѣ гражданскаго права, такъ какъ одно примѣненіе наказаній является недостаточнымъ. Гражданское право должно имѣть, въ этомъ отношеніи, силу предупредительной системы нормъ. Но успѣшное совмѣстное дѣйствіе того и другаго права мыслимо не иначе, какъ съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій:

1) Тамъ, гдѣ существуютъ общія правовыя понятія, въ уголовномъ и гражданскомъ правѣ, необходимо установить ихъ возможно большее согласованіе, напримѣръ, по вопросу о степени разумѣнія, о винѣ, о состояніи необходимой обороны или крайней нужды и т. п.

2) Въ тѣхъ случаяхъ, когда гражданское и уголовное право, каждое само по себѣ, связываетъ отдѣльныя послѣдствія съ тѣмъ же дѣяніемъ (напр., правонарушеніе влечетъ, съ одной стороны, наказаніе, съ другой стороны—обязанность вознагражденія за убытки), желательно, чтобы при самомъ опредѣленіи гражданскихъ послѣдствій не терялось изъ виду общественное значеніе денежнаго вознагражденія за убытки.

3) Особенное значеніе имѣетъ функція гражданскаго права, какъ средства предупредительнаго противъ преступности, въ отношеніи тѣхъ институтовъ, которые, не касаясь непосредственно преступности, допускаютъ однако государственное вмѣшательство, по вопросамъ соціальной защиты—въ отношеніи опеки, отношеній родителей и дѣтей, брачнаго права и т. п. При этомъ, опредѣленіе семейно-правовыхъ институтовъ, условій заключенія и расторженія браковъ, положенія незаконнорожденныхъ дѣтей и т. п. требуетъ въ особенности принятія въ разсчетъ естественныхъ потребностей, существующихъ въ обществѣ.

Для осуществленія этой программы требуется совмѣстный уговоръ между цивилистами и криминалистами, при чемъ желательно, чтобы составители гражданскаго уложенія отчетливо формулировали свои требованія въ отношеніи соотвѣтствующаго согласованія проекта уголовнаго уложенія.

Centralblatt für Rechtswissenschaft (№№ 251—258).

Библіографическія замѣтки о слѣдующихъ новинкахъ:

1) *Jenkyns—British rule and jurisdiction beyond the seas. Oxford.* 1902. (*Дженкинсъ—Англійское владычество и юрисдикція въ заморскихъ странахъ*).

Книга эта содержитъ систематизацію государственно-юридическихъ отношеній Англіи къ ея колоніямъ и кромѣ того подробныя свѣдѣнія объ организаціи консульской юрисдикціи.

2) *Paalzow — Zur Polenfrage. Berlin.* 1902 (*Пальцовъ—Къ польскому вопросу*).

Брошюра эта произвела нѣкоторую сенсацію въ Германіи, по поводу возгорѣвшагося спора о предѣлахъ административной власти въ борьбѣ съ польскимъ языкомъ и народностью. Пальцовъ разсматриваетъ вопросъ о томъ, какое право принадлежитъ прусской администраціи въ Познани, при контролированіи польскихъ собраній и насколько правомѣрно требованіе почтовой администраціи, обязывающей писать адреса на письмахъ по нѣмецки.

3) *Streit (professeur à Athénes)—La Sentence arbitrale sur la question consulaire entre la Grèce et la Turquie. Bruxelles.* 1902. (*Штрейтъ—Посредническое рѣшеніе по консульскому вопросу между Греціею и Турціею*).

Брошюра посвящена разсмотрѣнію спора, возникшаго между Греціею и Турціею, когда Турція требовала, послѣ послѣдней греко-турецкой войны, признанія отмѣны правъ Греціи на освобожденіе отъ капитуляцій. Споръ былъ рѣшенъ посредничествомъ европейскихъ пословъ въ Константинополѣ 2 апрѣля 1901 года, въ пользу Греціи.

Juristisches Literaturblatt (февраль и мартъ 1901 г.).

Delius—Der Gebrauch einer nicht deutschen Sprache in öffentlichen Versammlungen nach preussischem Rechte. (*Деліусъ—Объ употребленіи другаго языка, кромѣ нѣмецкаго, въ публичныхъ собраніяхъ по прусскому праву*).

Знаменательный споръ создалъ цѣлую литературу по вопросу о томъ, имѣетъ ли прусскій чиновникъ право закрыть публичное собраніе на томъ основаніи, что пренія въ засѣданіи происходятъ по польски? Обязательно ли, въ Пруссіи, употребленіе въ собраніяхъ одного только нѣмецкаго языка? Одна группа писателей, въ томъ числѣ упомянутый выше Пальцовъ—отрицаетъ это право. Профессоръ Цорнъ находитъ, что администрація въ правѣ требовать исключительнаго употребленія нѣмецкаго языка. Прусскіе министры придерживаются, въ своихъ распоряженіяхъ, послѣдняго мнѣнія. Высшій административный судъ въ Берлинѣ разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ болѣе либеральномъ смыслѣ. Авторъ критикуетъ либеральную точку зрѣнія и находитъ, что нѣмецкая администрація

въ правѣ требовать, чтобы на общественныхъ собраніяхъ говорили на ея языкѣ, т. е. по нѣмецки; правда, онъ допускаетъ смягченное примѣненіе этого начала, въ тѣхъ случаяхъ, когда сама администрація фактически располагаетъ возможностью контроля и имѣетъ въ своемъ распоряженіи полицейскаго чиновника, понимающаго другой языкъ, кромѣ нѣмецкаго.

Deutsche Juristenzeitung (1903. №№ 1—8).

Цѣлый рядъ статей посвященъ предстоящей реформѣ германскаго уголовнаго процесса:

1) *Stenglein—Die Reform des Strafprocesses.*
2) *Hamm—Die Reform des Strafprocesses.*
3) *Samter—Zur Reform des Strafprocesses.*

Въ виду важности предстоящаго въ Германіи, въ этомъ отношеніи, преобразованія, редакція журнала приняла на себя иниціативу—дать цѣлый кругъ систематически сгруппированныхъ критическихъ изслѣдованій по этому предмету. Указанныя статьи являются началомъ предположенной серіи.

Dernburg—Ueber das Rücktrittsrecht des Käufers wegen positiver Vertragsverletzung. (*Дернбургъ—О правѣ покупщика отказаться отъ покупки, въ виду положительныхъ нарушеній договора продажи*).

Мастерски составленная статья Дернбурга носитъ на себѣ отпечатокъ ясности и простоты. Особенно интересно, читая ее, видѣть, какимъ образомъ предметъ, съ виду сухой и сѣренькій, при живой мысли крупнаго писателя—читается съ увлеченіемъ.

Верховный имперскій судъ рѣшилъ дѣло, въ коемъ пивоваренный заводъ обязался доставлять пиво, въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ, хозяину пивной, при чемъ трактирщикъ обязался не покупать пива изъ другаго завода; затѣмъ, заводъ сталъ доставлять негодное пиво. Споръ былъ о томъ, въ правѣ ли покупщикъ, въ подобномъ случаѣ, отступиться отъ договора? Имперскій судъ отвѣтилъ утвердительно на этотъ вопросъ, прибѣгнувъ при этомъ, ради справедливости, къ нѣкоторой юридической натяжкѣ, такъ какъ германское гражданское уложеніе не содержитъ статьи, дающей право отступиться, въ такомъ предположеніи, отъ договора. Судъ допустилъ предположеніе, будто „договоръ содержалъ подразумѣ-

ваемое сторонами право отступиться отъ сдѣлки, въ случаѣ недоброкачественности доставляемаго товара". Дернбургъ, приступая къ критикѣ этого рѣшенія, находитъ, что для разбора дѣлъ по совѣсти и въ обходъ прямыхъ статей закона нѣтъ надобности въ существованіи имперскаго суда, такъ какъ роль этого послѣдняго— возможно болѣе систематическое толкованіе и объясненіе законовъ.

Тотъ пробѣлъ, на который натолкнулся верховный судъ, былъ уже предвидѣнъ другимъ авторомъ и послужилъ основаніемъ къ остроумнымъ соображеніямъ „Staub'a"—на XXVI-мъ съѣздѣ германскихъ юристовъ. Штаубъ предлагалъ примѣнять аналогію. Статья 326 германскаго гражданскаго уложенія допускаетъ отказъ отъ двухсторонняго договора, въ случаѣ просрочки одной изъ сторонъ въ исполненіи. А такъ какъ, въ торговомъ быту, доставленіе плохаго товара причиняетъ такой же существенный вредъ, какъ и просрочка исполненія, то Штаубъ предлагалъ, на основаніи аналогіи, связать съ фактомъ доставленія негоднаго товара такія же послѣдствія, которыя законъ полагаетъ за просрочку. Дернбургъ оспариваетъ это мнѣніе тѣмъ, что аналогія примѣнима только тамъ, гдѣ есть обстоятельство, не предвидѣнное закономъ, а не тамъ, гдѣ законъ существуетъ и опредѣляетъ иначе. Такъ и здѣсь. Германское гражданское уложеніе регулируетъ вполнѣ опредѣленно вопросъ о доставленіи товара ненадлежащаго качества (§§ 459—480). Поэтому, тутъ нельзя примѣнять по аналогіи статью 326 того же уложенія. Но Дернбургъ предлагаетъ другой выходъ. Покупщикъ въ правѣ отказываться отъ принятія плохаго товара, какъ не соотвѣтствующаго договору. Онъ требуетъ при этомъ непремѣннаго исполненія договора, доставкой хорошаго товара *въ тотъ же срокъ*. Продавецъ *не* доставляетъ этого товара. Тогда наступаетъ уже его просрочка. Затѣмъ уже является возможность прямаго примѣненія статьи 326 со всѣми ея послѣдствіями.

Laband—Parlamentarische Rechtsfragen. (*Лабандъ—Вопросы парламентскаго права*).

Въ недавнее время происходили бурныя сцены въ имперскомъ парламентѣ. Страсти партійныхъ группъ разыгрались по вопросамъ о порядкѣ производства въ засѣданіяхъ парламента. Лабандъ разбираетъ съ принципіальной стороны нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ, именно:

a) Вопросъ о томъ, имѣютъ ли правила парламентскаго распо-

рядка силу закона, обязывающаго не только отдѣльныхъ представителей, но и весь парламентъ?

б) Въ какомъ порядкѣ можетъ послѣдовать интерпретація этихъ правилъ?

в) Обязательно ли приступать къ докладамъ въ порядкѣ ихъ установленной очереди?

г) Порядокъ произнесенія рѣчей и нормировка ихъ продолжительности представляются недостаточно опредѣленными.

д) Равнымъ образомъ, это замѣчаніе касается и порядка подачи голосовъ.

Cohn—Ueber Kartelle und Kartell-Gesetzgebung. (*Конъ—О картельномъ законодательствѣ*).

Статья эта отмѣчаетъ два противоположныхъ теченія, обнимающихъ всю промышленную дѣятельность: централизующіе союзы и мѣропріятія—для рѣдкихъ отраслей, въ коихъ единство подсказывается соображеніями государственной пользы; затѣмъ, большею частью преобладаетъ обратная система неограниченной частной конкурренціи. Авторъ высказывается за возможно широко производимыя разслѣдованія состоянія промышленности въ томъ и другомъ видѣ, для выясненія природы промышленныхъ картелей и за примѣненіе при этомъ самой широкой гласности.

Eccius—Kondiktion des Wucherers nach Bürgerlichen Gesetzbuche (*Экціусъ—Недѣйствительность ростовщической сдѣлки по гражданскому уложенію*).

Авторъ оспариваетъ мнѣніе авторовъ, основывающихъ на римскомъ правѣ положеніе, будто ростовщикъ, въ силу постыдности заключенной имъ сдѣлки, лишенъ возможности требовать всей суммы данныхъ имъ взаймы денегъ. По его мнѣнію, германское уложеніе лишаетъ ростовщика одной лишь ожидаемой имъ выгоды; но данный взаймы капиталъ онъ можетъ получить именно въ виду недѣйствительности самой сдѣлки. Это искъ въ предѣлахъ обогащенія его контрагента.

Hoppe—Mündliche Unterhaltung zwischen dem Vertheidiger und dem Angeklagten in der Hauptverhandlung. (*Гоппе—Устное сообщеніе между защитникомъ и обвиняемымъ на судебномъ слѣдствіи*).

Судебное мѣсто въ Ганноверѣ приговорило защитника къ зна-

чительному денежному штрафу за то, что онъ во время засѣданія переговаривался, хотя и шопотомъ, съ своимъ кліентомъ. Вопросъ возбудилъ въ Германіи нѣкоторую сенсацію. Авторъ стоитъ горячо за право защитника сноситься непосредственно съ подсудимымъ во время судебнаго засѣданія.

Schmersahl—Das älteste Gesetzbuch der Welt: die Gesetze Hammurabis. (Шмерзаль—Древнѣйшее уложеніе въ мірѣ: законы Гаммурабія).

Мы уже говорили объ открытіи этого любопытнаго памятника Вавилонскаго права—(Ж. М. Ю., Апрѣль 1903 г.), найденнаго въ развалинахъ Сузы. Настоящая статья г. Шмерзаля основана на нѣмецкомъ переводѣ этого памятника, изданнаго въ журналѣ „Altes Orient". Приходится удивляться значительной высотѣ вавилонской культуры и развитому чувству справедливости и общественнаго долга у царей этого исчезнувшаго міра.

Michels.—Die Rechtsunwirksamkeit unleserlicher Namensunterschriften. (Михельсъ.—Правовая недѣйствительность неразборчивыхъ подписей).

Въ послѣднее время различныя власти въ Германіи настоятельно обязываютъ своихъ чиновниковъ писать четко, считая это обязательнымъ „изъ чувства вѣжливости къ публикѣ". Г. Михельсъ идетъ далѣе и требуетъ, чтобы нынѣ существующее болѣе или менѣе широкое снисхожденіе гражданскаго закона къ этому вопросу замѣнилось ригоризмомъ, и чтобы неразборчиво подписанный документъ считался неподписаннымъ. Изъ его же аргументаціи видно, что это мнѣніе вовсе не раздѣляется ни публикой, ни писателями, ни юристами-практиками.

Opet.—Zur Anfechtung der Ehelichkeit nach Privatfürstenrecht. (Опетъ.—Къ вопросу объ оспариваніи законности рожденія по гражданскому состоянію Высочайшихъ Особъ).

Вопросъ этотъ до сихъ поръ не возникалъ въ юридической литературѣ и пріобрѣлъ нѣкоторый интересъ, по случаю извѣстнаго процесса Саксонскаго принца съ принцессою Луизою. По мнѣнію автора, эти отношенія отличаются тѣмъ, что въ нихъ присуще государственное значеніе несомнѣннаго династическаго происхожденія царственнаго ребенка. Поэтому, при общей примѣнимости общихъ

гражданскихъ законовъ, здѣсь допустимо расширеніе права на искъ, въ пользу всякаго лица, могущаго быть заинтересованнымъ въ доказательствѣ незаконнаго рожденія.

Schellhas.—Die Rechtsentwickelung im Jahre 1902. (*Шельгасъ.—Правовое развитіе въ 1902 году*).

Статья начинается признаніемъ, въ нѣсколько торжественныхъ выраженіяхъ, того юридическаго спокойствія и довольства, которое ощущается въ правовой жизни Германіи отъ правильнаго дѣйствія новаго германскаго уложенія. Само собою разумѣется, что творческая законодательная дѣятельность переносится за предѣлы гражданскаго права. Высокое соціальное значеніе отмѣчается за новымъ *морскимъ уложеніемъ 2 іюня 1902 г.* Пруссія отличилась изданіемъ спеціальнаго закона объ усиленіи германскаго элемента въ Познани, изданнаго 1 іюля 1902 года. Рядъ другихъ законовъ, относительно финансовъ, прессы, административной службы и т. д. мы можемъ обойти молчаніемъ.

Das Recht №№ 1—5; 1903.

Характеръ этого журнала преимущественно практическій. Укажемъ на слѣдующія болѣе интересныя темы:

1) *Ungebühr vor Gericht durch Besprechung eines Anwalts mit seinem Klienten während der Verhaltung.* (По вопросу о неприличіи передъ судомъ, выразившемся въ разговорѣ повѣреннаго со своимъ кліентомъ во время засѣданія). Тотъ же случай, который указанъ былъ выше.

2) *Eine Deutsche Juristenbank.* (Бакъ, устроенный германскими юристами). Это курьезное учрежденіе устраивается въ Берлинѣ. Возникаетъ товарищество съ ограниченною отвѣтственностью на паяхъ для устройства банка, клуба, семейныхъ домовъ, дачныхъ колоній, потребительнаго товарищества пайщиковъ и вообще для облегченія и удешевленія жизни его сочленовъ. Допускаются въ число пайщиковъ германскіе юристы, съ паевымъ взносомъ отъ 500 до 25.000 марокъ, при чемъ допускается уплата паеваго взноса по 5 марокъ въ мѣсяцъ. Опытъ покажетъ, насколько такая оригинальная затѣя окажется жизнеспособною.

3) *Friedhofsrecht.*—(Право на кладбище).—*Von Josef.* Разборъ права пріобрѣтенія мѣста подъ кладбище, значеніе давности, серви-

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗЪ КРИМИНАЛИСТОВЪ.

РУССКАЯ ГРУППА.

I.

Протоколъ засѣданія комитета русской группы 28 февраля 1903 г.

Присутствовали: исп. об. предсѣдателя М. В. Духовской и члены: Д. А. Дриль, И. М. Тютрюмовъ и В. Д. Набоковъ.

Слушали:

I. Отчетъ М. В. Духовскаго о поѣздкѣ, предпринятой имъ согласно постановленію комитета русской группы, для разрѣшенія вопроса о мѣстѣ предстоящаго съѣзда. По прибытіи М. В. Духовскаго въ Кіевъ, старшій предсѣдатель Кіевской судебной палаты Ѳ. Ѳ. Арнольдъ организовалъ совѣщаніе, которое единогласно высказалось за устройство съѣзда въ Кіевѣ. Находя возможнымъ созвать съѣздъ въ декабрѣ нынѣшняго года, совѣщаніе признавало, однако, болѣе соотвѣтственнымъ, въ виду мѣстныхъ условій, пріурочить съѣздъ ко времени пасхальныхъ праздниковъ въ 1904 г. Въ имѣвшемъ затѣмъ мѣсто засѣданіи Юридическаго Общества, М. В. Духовской сообщилъ о предполагаемомъ созывѣ съѣзда и просилъ Общество оказать содѣйствіе съѣзду и его науч-

ной сторонѣ. Общество отнеслось къ этому предложенію съ живѣйшимъ сочувствіемъ, при чемъ высказано было предположеніе избрать особую коммисію для подготовки матеріаловъ къ съѣзду. Что касается намѣченныхъ комитетомъ русской группы темъ, то Кіевское Юридическое Общество признало особенно желательнымъ постановку нижеслѣдующихъ вопросовъ:

1) Основанія и предѣлы судейскаго усмотрѣнія;

2) Организація юридической помощи населенію;

3) Недостатки межеваго разбирательства, какъ причина земельныхъ захватовъ;

4) Принудительное воспитаніе малолѣтнихъ.

Въ видѣ сообщенія:

Мѣры противъ бродяжества и нищенства, какъ факторовъ преступности.

Темы подъ №№ 2, 3 и 4 представляютъ для Кіева особый мѣстный интересъ.

Постановили: 1. Выразить М. В. Духовскому искреннюю признательность за его энергичную и успѣшную дѣятельность.

2. Установить окончательно мѣстомъ засѣданія съѣзда г. Кіевъ. Относительно времени съѣзда, согласно постановленію С.-Петербургскаго съѣзда, оставить назначенный имъ срокъ, а именно конецъ декабря 1903 г.

3. Для организаціи съѣзда образовать въ Кіевѣ особую коммисію подъ предсѣдательствомъ Ѳ. Ѳ. Арнольда, прося принять участіе въ ней К. В. Шаврова, А. С. Гольденвейзера, Л. А. Куперника, О. О. Эйхельмана, кн. Е. Н. Трубецкаго, декана юридическаго факультета Н. М. Цытовича, предсѣдателя окружнаго суда К. К. Александрова-Дольника, предсѣдателя Юридическаго Общества В. Г. Демченко, прокурора судебной палаты С. А. Лопухина и городскаго голову В. Н. Проценко.

4. Темы утвердить, прося Кіевское Юридическое Общество оказать содѣйствіе къ разработкѣ ихъ и пополненію матеріаломъ, имѣющимъ мѣстное значеніе, по возможности къ 17 іюля.

5. Докладчиками просить быть: по первой темѣ—И. Я. Фойницкаго; по третьей темѣ—А. А. Леонтьева и Филиппова; по второй—И. М. Тютрюмова, по четвертой——Д. А. Дриля и г-жу Вольфрингъ, прося представить доклады къ 1-му октября.

6. Просить членовъ Кіевскаго Общества, которые признаютъ это возможнымъ, изготовить для съѣзда сообщенія, увѣдомивъ предварительно комитетъ объ избранной темѣ.

II. Предложеніе М. В. Духовскаго и К. В. Шаврова объ избраніи въ члены группы нижеслѣдующихъ лицъ:

1) Присяжнаго повѣреннаго Александра Соломоновича Гольденвейзера.

2) Помощника присяжнаго повѣреннаго Михаила Владиміровича Шейнманна.

3) Присяжнаго повѣреннаго Владиміра Михайловича Дарагана.

4) Профессора гражданскаго права Василія Григорьевича Демченко.

5) Помощника присяжнаго повѣреннаго Григорія Николаевича Штильмана.

6) Профессора международнаго права Оттона Оттоновича Эйхельмана, и 7) профессора князя Евгенія Николаевича Трубецкаго.

Постановили: принять предложенныхъ лицъ въ число членовъ группы.

III. Письмо на имя М. В. Духовскаго отъ А. В. Витте, съ предложеніемъ внести въ качествѣ темъ для предстоящаго съѣзда вопросы о преобразованіи нашей каторги и объ улучшеніи личнаго состава тюремной администраціи.

Признавая предложенныя темы весьма важными, комитетъ принялъ на видъ, что хотя программа съѣзда въ настоящее время уже установлена по соглашенію съ кіевскими членами группы, но къ пополненію ея вопросами, предлагаемыми А. В. Витте, препятствій не встрѣчается. Поэтому комитетъ постановилъ внести указанныя темы, прося А. В. Витте принять на себя ихъ разработку, съ тѣмъ, что если бы на съѣздѣ 1903 г. не оказалось возможности, по условіямъ времени, разсмотрѣть оба вопроса, они подлежатъ включенію въ программу послѣдующаго съѣзда.

IV. Предложеніе М. В. Духовскаго снабдить его и К. В. Шаврова книжками для сбора членскихъ взносовъ въ г. Москвѣ и Кіевѣ.

Постановили: принять предложеніе М. В. Духовскаго и выдать книжки: М. В. Духовскому отъ № 501 по № 550 включительно и К. В. Шаврову—отъ № 551 по 600 включительно.

V. По вопросу о привлеченіи русскихъ юридическихъ обществъ къ оказанію съѣзду содѣйствія.

Постановили: обратиться къ существующимъ юридическимъ обществамъ съ просьбою оказать содѣйствіе съѣзду и сообщить имъ программу съѣзда.

VI. По вопросу объ обревизованіи денежной отчетности группы и поступленіи членскихъ взносовъ.

Постановили: 1. Поручить Д. А. Дрилю пригласить ревизіонную коммисію для обревизованія отчетности за 1902 г.

2. Просить Д. А. Дриля исключить изъ списка членовъ тѣхъ лицъ, которыя къ 1-му мая не внесутъ своихъ членскихъ взносовъ.

3. Слѣдующее засѣданіе комитета назначить въ маѣ, по возвращеніи М. В. Духовскаго въ Петербургъ, пригласивъ въ это засѣданіе членовъ ревизіонной коммисіи.

Исполняющій обязанности предсѣдателя *М. Духовской.*

Членъ комитета *И. Тютрюмовъ. В. Набоковъ. Д. Дриль.*

II.

Протоколъ засѣданія комитета группы 19 апрѣля 1903 г.

Засѣданіе открыто въ $8^1/_2$ ч. вечера въ составѣ предсѣдателя И. Я. Фойницкаго, членовъ комитета Д. А. Дриля, В. Д. Набокова и И. М. Тютрюмова и члена ревизіонной коммисіи М. М. Боровитинова.

I. Предсѣдатель, выразивъ глубокое соболѣзнованіе о смерти М. В. Духовскаго и сообщивъ о возложеніи на гробъ его К. В. Рукавишниковымъ отъ имени группы вѣнка, пригласилъ почтить память усопшаго, что̀ и исполнено собраніемъ, одобрившимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, распоряженіе о вѣнкѣ.

II. Затѣмъ И. Я. Фойницкій высказалъ, что, въ виду внезапной кончины М. В. Духовскаго и улученія состоянія своего здоровья, онъ считаетъ своимъ долгомъ возвратиться къ исполненію обязанностей предсѣдателя группы до предстоящаго съѣзда.

III. Предсѣдатель доложилъ полученное имъ письмо О. І. Грузенберга о предполагаемыхъ докладахъ на Кіевскомъ съѣздѣ. Постановили: имѣть въ виду при выработкѣ программы съѣзда.

IV. Послѣ того Д. А. Дриль заявилъ, что онъ отказывается отъ лежащихъ на немъ обязанностей казначея и члена комитета группы, находя невозможнымъ выполненіе ихъ, въ виду той тягостной переписки, которую ему пришлось вести съ центральнымъ комитетомъ по вопросу о вознагражденіи русской группы за расходы по съѣзду, которыхъ въ дѣйствительности группа не несла, такъ какъ они приняты на себя правительствомъ. Къ этому заявленію присоединился В. Д. Набоковъ, отказываясь равнымъ образомъ отъ должностей секретаря группы и члена комитета.

Предсѣдатель И. Я. Фойницкій пояснилъ, что мысль о выдачѣ центральнымъ комитетомъ нѣкоторой суммы, въ виду значитель-

ныхъ расходовъ по съѣзду, понесенныхъ Россіей, возникла въ средѣ центральнаго комитета союза, именно у ванъ-Гамеля, помимо всякой иниціативы кого-либо изъ состава русской группы.

Первое по этому предмету письмо ванъ-Гамеля адресовано было В. Д. Набокову, при чемъ ванъ-Гамель полагалъ справедливымъ выдать русской группѣ до 2000 марокъ на покрытіе расходовъ по печатанію матеріаловъ съѣзда. Содержаніе этого письма В. Д. Набоковъ передалъ по телефону И. Я. Фойницкому, который также по телефону отвѣтилъ, что всѣ расходы по печатанію приняты на себя правительствомъ, но что дѣйствительно по съѣзду понесены разные расходы частью группою, частью вообще Россіей, а такъ какъ членскіе взносы, получаемые группою, почти цѣликомъ вносятся въ центральный комитетъ, почему у группы почти никакихъ средствъ нѣтъ, то со своей стороны онъ, предсѣдатель, не встрѣчаетъ возраженій противъ предположенія ванъ-Гамеля. Въ этомъ смыслѣ В. Д. Набоковъ, по словамъ его, и отвѣтилъ ванъ-Гамелю. Но когда затѣмъ этотъ вопросъ былъ предложенъ предсѣдателемъ на обсужденіе комитета, то, по обсужденіи его, онъ по разнымъ соображеніямъ *единогласно* получилъ отрицательное разрѣшеніе, о чемъ со стороны комитета группы былъ увѣдомленъ центральный комитетъ. Д. А. Дриль съ своей стороны вошелъ по этому предмету въ переписку съ ванъ-Гамелемъ и Гуттентагомъ, извѣстивъ ихъ о постановленіи комитета и возвративъ присланныя на его имя деньги ранѣе посылки увѣдомленія комитета группы, что̀ вызвало письмо И. Я. Фойницкаго, находившаго, что Д. А. Дриль не имѣлъ основанія принимать на себя извѣщеніе центральнаго комитета о постановленіи комитета группы по вопросу, который, какъ ему было извѣстно, обсуждался комитетомъ группы и секретаріатъ котораго изготовлялъ отвѣтъ на него. Все изложенное произошло въ ноябрѣ—декабрѣ еще прошлаго года, и инцидентъ совершенно исчерпанъ, почему И. Я. Фойницкій выразилъ надежду, что Д. А. Дриль и В. Д. Набоковъ не откажутся взять свои заявленія обратно, а въ противномъ случаѣ просилъ ихъ передать ему, какъ предсѣдателю группы, находящіяся у нихъ дѣла и имущество группы. И. М. Тютрюмовъ присоединился къ этому заявленію И. Я. Фойницкаго.

Засѣданіе закрыто въ 9 ч. 30 м. вечера.

III.

Протоколъ засѣданія комитета русской группы 4 мая 1903 г.

I. Предсѣдатель группы И. Я. Фойницкій сообщилъ полученное имъ заявленіе Д. А. Дриля и В. Д. Набокова объ отказѣ ихъ отъ должностей членовъ комитета. Комитетъ, съ глубокимъ огорченіемъ выслушавъ это заявленіе, постановилъ: 1) возложить исполненіе обязанностей секретаря на члена комитета А. В. Витте, а обязанностей казначея—на кандидата въ члены И. М. Тютрюмова; 2) принятіе дѣлъ и имущества группы отъ Д. А. Дриля и В. Д. Набокова возложить на предсѣдателя группы и И. М. Тютрюмова.

II. По ближайшемъ обсужденіи письма О. І. Грузенберга, въ связи съ вопросомъ о программѣ Кіевскаго съѣзда группы, комитетъ постановилъ: 1) изъ двухъ предложенныхъ Л. А. Куперникомъ для съѣзда докладовъ—о несмѣняемости судей и объ участіи уголовнаго суда въ бракоразводномъ процессѣ—просить предпочтительно остановиться на разработкѣ перваго; 2) предполагаемую О. І. Грузенбергомъ рѣчь о профессорѣ А. Ф. Кистяковскомъ признать весьма желательною для включенія въ программу съѣзда; 3) сообщенное предсѣдателемъ заявленіе И. Г. Щегловитова о готовности его представить докладъ Кіевскому съѣзду принять съ благодарностью и просить его опредѣлить ближе содержаніе доклада; 4) возложить на предсѣдателя сношенія и принятіе потребныхъ мѣръ по устройству и выработкѣ программы Кіевскаго съѣзда.

III. Доложено ходатайство правленія Юридическаго Общества при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ отъ 28 апрѣля 1902 г. № 92, заявленное на основаніи постановленія общаго собранія Общества, о принятіи общества въ число членовъ русской группы Международнаго союза криминалистовъ. Выслушавъ съ искреннимъ удовольствіемъ это ходатайство, постановили: принять Юридическое Общество при Казанскомъ университетѣ въ составъ русской группы и препроводить ему печатныя изданія группы, имѣющіяся на лицо.

IV.

Протоколъ засѣданія комитета группы 18 мая 1903 года.

I. Предсѣдатель сообщилъ о полученіи имъ письма Министра Юстиціи отъ 3 мая с. г., № 15494, извѣщающаго, что Государь Импе-

раторъ, по всеподданнѣйшему докладу его, Высочайше соизволилъ на обращеніе остатка, образовавшагося отъ кредита, ассигнованнаго въ распоряженіе сенатора Фойницкаго на расходы по организаціи IX очереднаго съѣзда Международнаго союза криминалистовъ, всего въ размѣрѣ 6500 руб., въ фондъ русской группы названнаго союза для устройства съѣздовъ, изданія сочиненій, премированія ихъ и иныхъ нуждъ группы. Означенный всеподданнѣйшій докладъ, какъ объяснилъ предсѣдатель, состоялся по ходатайству Высочайше образованной коммисіи по устройству IX съѣзда криминалистовъ. Выслушавъ съ живѣйшимъ умиленіемъ сообщеніе о такой Высочайшей милости, являющейся знакомъ драгоцѣннаго вниманія Государя Императора къ русской группѣ, которое, несомнѣнно, отразится весьма благотворно на дальнѣйшей дѣятельности группы по насажденію идей права и правды въ дорогомъ отечествѣ, комитетъ постановилъ: принести Министру Юстиціи Николаю Валеріановичу Муравьеву глубокую благодарность за существенное содѣйствіе, оказанное имъ къ полученію группою означенной Высочайшей милости, а равно и Высочайше образованной коммисіи по устройству IX очереднаго съѣзда Международнаго союза криминалистовъ, по мысли которой послѣдовала эта Высочайшая милость; возложить на казначея группы И. М. Тютрюмова принять означенную сумму шесть тысячъ пятьсотъ руб. отъ И. Я. Фойницкаго, какъ предсѣдателя Высочайше образованной коммисіи по устройству IX очереднаго съѣзда Международнаго союза криминалистовъ, выдавъ въ полученіи ихъ установленную росписку; деньги эти обратить на покупку для группы 5% закладныхъ листовъ Тифлисскаго или Михайловскаго дворянскаго земельнаго банка, помѣстивъ ихъ на имя русской группы для храненія и управленія въ С.-Петербургской конторѣ Государственнаго банка, сосредоточить тамъ же подъ однимъ счетомъ и всѣ прочія процентныя бумаги, принадлежащія группѣ.

II. По докладу И. М. Тютрюмова о принятіи имъ отъ бывшихъ казначея и секретаря группы дѣлъ и документовъ группы, за исключеніемъ оставшихся еще не сданными печатныхъ изданій группы и центральнаго комитета, постановили: сосредоточить храненіе дѣлъ и документовъ группы, кромѣ постоянно требующихся для казначея, въ кабинетѣ уголовнаго права при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ; для веденія дѣлопроизводства группы пригласить хранителя означеннаго кабинета Франца Францовича Кисель, подъ руководствомъ предсѣдателя группы и члена-секретаря.

III. Доложено письмо члена группы г. Борткевича, ходатайствующаго объ исключеніи его изъ состава русской группы въ виду того, что, по теперешнему мѣстожительству его, онъ зачислился въ германскую группу. Постановили ходатайство г. Борткевича исполнить.

IV. Доложено письмо члена-кандидата А. А. Левенстима, который, въ отвѣтъ на переданное ему предсѣдателемъ предположеніе комитета возложить на него обязанности члена-библіотекаря, отказывается отъ этого, въ виду проживанія его вдали отъ С.-Петербурга, лишающаго его возможности принимать участіе въ разрѣшеніи текущихъ дѣлъ. Постановили: принять къ свѣдѣнію.

V. По докладу члена-казначея И. М. Тютрюмова, загототовлены и выданы ему отношенія на имя С.-Петербургскаго почтамта и С.-Петербургской Государственной сберегательной кассы.

VI. Доложено письмо члена группы профессора П. П. Пусторослева о неполученіи имъ бюллетеней союза 1 вып. X т. По наведенной справкѣ оказалось, что П. П. Пусторослевъ обращался уже съ ходатайствомъ о высылкѣ ему бюллетеней къ бывшему члену-секретарю, а затѣмъ и къ предсѣдателю, который препроводилъ письмо В. Д. Набокову съ просьбою о скорѣйшемъ удовлетвореніи, но послѣднее, какъ оказывается, не имѣло мѣста; что печатныя изданія группы, въ томъ числѣ и бюллетени союза, еще не сданы бывшимъ членомъ-секретаремъ. Постановили: просить В. Д. Набокова о скорѣйшей передачѣ комитету всѣхъ печатныхъ изданій, въ томъ числѣ бюллетеней союза, и коммисіонныхъ росписокъ; тотчасъ по полученіи бюллетеней удовлетворить требованіе П. П. Пусторослева.

VII. По докладу члена-казначея И. М. Тютрюмова постановили: на необходимые расходы выдать ему авансомъ сто рублей (ордеръ казначею № 1).

Редакторъ В. Дерюжинскій.

